Министерство образования и науки Российской Федерации
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Фразеологическая комиссия
при Международном комитете славистов

Литературная и диалектная фразеология: история и развитие

ПЯТЫЕ ЖУКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАСА ПЛАТОНОВИЧА ЖУКОВА

ТОМ 1

Материалы
Международного научного симпозиума
4 - 6 мая 2011 года

Великий Новгород
2011

ББК 81-3
Л 64

Печатается по решению Комиссии по славянской фразеологии
при Международном комитете славистов и РИС НовГУ

Редакционный совет: д. филол. н. проф. *Н. Ф. Алефиренко* (Россия), д. филол. н. проф. *Х. Вальтер* (Германия), к. филол. н. доц. *Л. И. Даниленко* (Украина), д. филол. н. проф. *А. В. Жуков* (Россия), к. филол. н. доц. *Е. Е. Иванов* (Беларусь), д. филол. н. проф. *В. И. Коваль* (Беларусь), д. филол. н. проф. *В. М. Мокиенко* (Россия), д. филол. н. проф. *Д. Мршевич-Радович* (Сербия), д. филол. н. проф. *Л. И. Степанова* (Чехия), д. филол. н. проф. *Ж. Финк-Арсовски* (Хорватия).

Составитель и ответственный редактор к. филол. н. доц. **В. И. Макаров**

Л 64

Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1. / сост., отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. - Великий Новгород, 2011. - 508 с.

В сборник включены статьи и тезисы докладов российских и зарубежных ученых-лингвистов, участников Пятых Жуковских чтенийприуроченных к 90-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Власа Платоновича Жукова. Рассмотрен широкий круг вопросов русской, славянской и сопоставительной фразеологии, в том числе исторической, диалектной и учебной, фразеографии, а также сопутствующих научных проблем.

Издание рассчитано на ученых-лингвистов, преподавателей, аспирантов, студентов-филологов.

ISBN 978-5-89896-359-0 ББК 81-3

Издание осуществлено в рамках проекта «Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения)» (№ 11-14-53501 г/3) по программе регионального конкурса РГНФ «Северо-Запад России: история и современность» в 2011 г.

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2011

ISBN 978-5-89896-359-0

© Авторы статей, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие любой науки, в том числе и такой сравнительно молодой, как фразеология, во многом поддерживается энергией связи поколений, силой традиции. Чем глубже и основательнее линия преемственности, тем вероятнее и весомей сами научные результаты.

Источником накопления и проявления этой духовной творческой энергии являются идеи выдающихся представителей данной области знания. В ряду таких корифеев отечественной фразеологии, как В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, А. В. Кунин, Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин, В. Л. Архангельский, Н. М. Шанский, М. М. Копыленко, Ю. П. Солодуб и др., достойное место по праву занимает и *Влас Платонович Жуков*, памяти которого посвящен настоящий сборник.

Авторы статей относятся к разным поколениям и научным школам, но каждый из них в той или иной мере обязан В. П. Жукову и его трудам, поскольку многие фундаментальные понятия, теоретические положения и открытые ученым закономерности не принадлежат уже только ему и истории фразеологической науки, а являются нашим общим духовным достоянием.

А. В. Жуков

д.ф.н., профессор А. В.Жуков (Великий Новгород)

АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Путь к развитию и обогащению
лексического значения слова
ведет через «употребление».
(Звегинцев 1957: 233).

1. Развитие содержания языковых единиц в пространстве и во времени в виде понятий, смыслов, значений, концептов представляет особый исследовательский интерес. В живом языке как функционирующей и развивающейся системе, в отдельных её участках (подсистемах), а также в конкретных языковых единицах и категориях постоянно наблюдается более или менее заметное движение то в форме едва различимых, но устойчивых колебаний, то в форме незначительных отклонений от исходного образца, то, наконец, в форме видоизменений, свидетельствующих о постепенном переходе языковой единицы или категории в новое качество.

Языковая переходность является объективным фактом и существует в различных формах (Кодухов 1977) и временных измерениях (Маловицкий 1977). Так, по словам В. Матезиуса, «статическое колебание представляет собой важное свойство языковых явлений и… признание этой истины помогает решить ряд любопытных лингвистических вопросов» (Матезиус 1967: 44).

Языковой знак под действием внутрисистемных, социальных, культурных и временных факторов потенциально подвержен изменению либо со стороны содержания, либо со стороны формы, либо в плане содержания и выражения одновременно. При этом «каковы бы ни были факторы изменяемости, действуют ли они изолированно или комбинированно, они всегда приводят к сдвигу отношения между означающим и означаемым» (Соссюр 1933: 84). Как показал С. Карцевский, языковой знак при сохранении относительного тождества означающего стремится к вариативности означаемых (омонимии, оттеночности, полисемии) и, напротив, при относительном тождестве означаемого – в виде моносемии, вариантности, синонимии – потенциально склонен к вариативности означающих, иными словами, «всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно» (Карцевский 1965: 87). Таким образом, выявленная закономерность по сути своей сводится к тенденции приращения и обогащения плана содержания и плана выражения языковых единиц (морфем, слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок и т. п.).

Семантические изменения языковых единиц, протекающие в скрытых, а также совмещенных, синкретичных и вариативных формах, обладают повышенной эвристической ценностью, хотя их обнаружение, наблюдение и изучение сопряжено, как известно, с преодолением дополнительных трудностей, обусловленных объективной природой семасиологических объектов в целом.

По словам Н.Ю. Шведовой, «значение подвижно и изменчиво: это – живая единица «плана содержания», обращенная к другим таким же единицам, их к себе притягивающая и от них отталкивающаяся; оно находится в процессе постоянного движения и развития, в ходе своего существования обрастая «оттенками» и порождая новые единицы, равные себе по языковой природе» (Шведова 2005: 479).

2. Предметом настоящей статьи является семантическое варьирование языковых единиц, прежде всего фразеологизмов. Различные стороны обозначенной проблематики освещались в работах Н.Ф. Алефиренко, Ф.Б. Альбрехта, Ю.Д. Апресяна, А.М. Бабкина, В.Т. Бондаренко, В.В. Виноградова, В.П. Жукова, Анны А. Зализняк, В.А. Звегинцева, Л.Г. Золотых, В.В. Колесова, Н.Г. Комлева, В.И. Макарова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, М.В. Никитина, Ю.П. Солодуба, В.В. Степановой, И.А. Стернина, Н.Е. Сулименко, В.Н. Телия, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелёва и др.

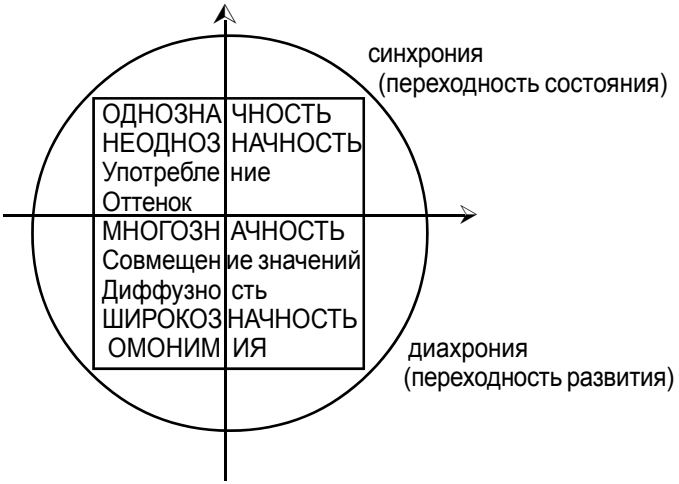
Так, В.Т. Бондаренко убедительно показал, что «варьированию подвергаются все составные компоненты семантической структуры: когнитивный, коннотативный, грамматический» (Бондаренко 1995: 31).

В рамках предлагаемой статьи мы ограничимся использованием этого понятия для обозначения статических (синхронических) колебаний и изменений в содержании слова или фразеологизма, не ведущих к нарушению их тождества. При этом в основном речь пойдет, во-первых, о семантических смещениях на условной шкале от однозначности через переходные зоны употребления и оттенка до неоднозначности и далее от неоднозначности до многозначности и широкозначности и, во-вторых, о семантическом варьировании фразеологизмов в пределах синонимического ряда.

«Главное свойство языка, – отмечает Ю.Д. Апресян, – непрерывность его семантического пространства, которая, впрочем, не исключает того, что на некоторых участках в нем могут быть большие лакуны…» (Апресян 2001: 12).

Семантическое пространство языкового знака в диапазоне от однозначности до омонимии, рассматриваемое в синхронической или диахронической проекции, можно представить в виде следующей схемы.

В этом виртуальном содержательном пространстве намечаются четыре условных переходных зоны, или перехода: 1-й переход от однозначности через промежуточные звенья употребления и оттенка к неоднозначности (Сулименко 2004: 197-205); 2-й переход от неоднозначности через усиление и наращение «семантической массы» оттенка к многозначности; 3-й переход от многозначности через промежуточные звенья совмещения значений и диффузности (Зализняк Анна А. 2004; Шмелев 1973: 94-95) к широкозначности (Никитин 2005: 123-124); и наконец 4-й переход от широкозначности к омонимии.

На условной шкале семантического варьирования *употребление* следует, думается, рассматривать как первое наблюдаемое изменение содержания языкового знака.

Так, редакторы и составители «Словаря русских народных говоров» отмечают, что «семантические вариации значения – употребления, обозначающие один и тот же предмет, явление, но отличающиеся каким-либо дифференциальным признаком, показываются за знаком «чёрный ромб» – (♦). Отношения между значением и семантической единицей, отмечаемой за знаком ♦, в основном, являются родовидовыми … Употреблением слова можно считать семантическую единицу, зарегистрированную в составе словосочетания и выделяемую в Словаре за знаком «белый ромб» (◇) с толкованием: а) устойчивые фразовые сочетания, разного рода речевые стереотипы без ярко выраженной фразеологичности (переносности, образности). Значение заголовочного слова в них вполне укладывается в рамки отмеченного значения (оттенка), но смысловое своеобразие всего сочетания (из-за диалектных, грамматических, синтаксических и т. п. особенностей) заставляет истолковывать смысл целостного сочетания; б) терминологические и номинативные сочетания, представляющие собой видовые филиации значения» (Сороколетов, Кузнецова 1994: XVI-XVII).

Оттенок значения представляет собой следующий, более существенный шаг в изменении содержания языкового знака. «Эта единица обозначает более заметный семантический сдвиг, чем употребление, она имеет более значительную семантическую разницу со значением. Её отношения со значением можно охарактеризовать как а) преимущественно родовидовые; б) отношения общего (значение) и частного (оттенок); в) отношения конкретного, экспрессивного (значения) и общего, нейтрального (оттенок); г) семантический оттенок выделяется при разных денотатах, когда значение целиком обращено к человеку, а употребление – к животному». (Сороколетов, Кузнецова 1994: XVII-XVIII).

Однако имеющийся опыт теоретического осмысления проблемы и богатая словарная практика свидетельствуют о том, что грань, разделяющая

употребление и оттенок значения, является достаточно зыбкой и подвижной, а способы обнаружения и дифференциации этих языковых явлений нередко субъективными. Это дало, в частности, повод некоторым ученым вообще отказаться от термина «оттенок значения» в силу его избыточности (Апресян 2001: 3). Вместе с тем «очевидно, что границы между значением и употреблением лексемы, с одной стороны, и двумя разными значениями слова, с другой, не могут быть во всех случаях идеально четкими», так что в сложных и недостаточно ясных случаях «разумнее всего выделять особую промежуточную область смазанных употреблений» (Апресян 2001: 12).

Существенно, на наш взгляд, следующее наблюдение Д.Н. Шмелева: «Конечно, – и это приходится еще раз подчеркнуть – соотношения между значениями слова по большей части сложнее и разнообразнее, чем их отображение в терминах метафорических, метонимических и функциональных связей. Процесс исторического преобразования семантики слов направляется не только разного рода смысловыми ассоциациями, но и общими контекстами (в широком смысле) употребления слов» (Шмелев 1973: 91).

3. «Фразеологизмы в системе языка, – в свою очередь подчеркивает В.П. Жуков, – тесно соприкасаются со словами и словосочетаниями, но между этими языковыми единицами наблюдается существенное различие» (Жуков В.П. 1986: 14). Так, содержательные границы фразеологизма по сравнению со словом структурированы менее четко, а переходы от значения к употреблению, оттенку и к новому значению часто неопределенны и размыты. Во многом это связано с тем, что фразеологизм в отличие от слова не выражает понятия, а как бы живописует его, передавая ядро своего содержания не в обобщенно-рациональной, а в наглядно-чувственной и детализованной форме. Значение фразеологизма при этом нередко обрастает коннотативными добавками и обогащается за счет семантических ассоциаций с различными фоновыми знаниями.

При словарном описании неопределенных и переходных семантических явлений наблюдается, как известно, пестрота и разноречивость их интерпретации разными составителями, стремящимися, следуя правилам и задачам словаря, упорядочить языковой материал в виде однозначности, употребления, оттенка, многозначности и т. п. Однако «в языке в каждый период его существования могут быть промежуточные, переходные случаи, однозначная характеристика которых оказывается затруднительной» (Шмелёв 1973: 87).

Так, в отечественной лексикографии и фразеографии случаи употребления фразеологизма в одном и том же вещественном значении, но в разных синтаксических условиях по традиции интерпретируются как многозначность, которая, однако, является скорее мнимой, чем спорной. Приведем характерный пример.

Тише воды, ниже травы. 1. Робкий, скромный, незаметный. *В иное время у Марка Даниловича работники – буян на буяне, а теперь от первого до последнего тише воды, ниже травы.* Мельников-Печерский. На горах. *Такие гуси, как Козырев.. храбрятся только в отсутствии законных супруг. В мирное они тише воды, ниже травы.* Ю. Герман. Дорогой мой человек. 2. Робко, скромно, незаметно. *Несколько дней Дарья ходила тише воды, ниже травы, по вечерам раньше всех ложилась спать.* Шолохов. Тихий Дон. *Жил*

он с матерью ото всех особняком, держали они себя везде тише воды, ниже травы, мать долгие годы только и думала, не прогнали бы с места, и мирилась со всеми лишениями и обидами. А. Вьюрков. Рассказы о старой Москве. (ФСРЯ 1968: 476). Аналогично трактуются как многозначные наречные фразеологизмы *с гулькин нос, хоть куда, ни то ни сё* и др. в учебном пособии (Сидоренко 1982: 7, 27, 36).

В связи с обсуждаемой проблемой некоторые исследователи (например, В.Т. Бондаренко) обращаются к анализу достаточно редких и тем более показательных случаев буквально-переносного употребления фразеологических единиц, способствующих усилению их семантического и экспрессивного потенциала. Приведем два примера из русской классики.

Результатом такой усиленной административной деятельности было то, что к концу его градоначальничества Глупов представлял беспорядочную кучу почерневших и обветшавших изб, среди которых лишь съезжий дом гордо высил к небесам свою каланчу. Не было ни еды настоящей, ни одёжи изрядной. Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы. Салтыков-Щедрин. История одного города. В данном тексте очевидно совмещение этимологического и актуального значений глагольного фразеологизма *сосать лапу* "жить без средств к существованию; голодать, бедствовать". Поскольку такое совмещение нехарактерно для большинства фразеологических единиц, оно, как правило, производит эффект каламбура, хотя и не столь явного. Ср. также не менее яркий пример буквально-фигурального синкретизма фразеологического оборота *нюхать (понюхать) порох (пороху)* "воевать, участвовать в бою": – *Они* [ополченцы] *ваша светлость, готовясь к завтрашнему дню, к смерти, надели белые рубахи. – А!.. Чудесный, бесподобный народ! – сказал Кутузов и, закрыв глаза, покачал головой. – Бесподобный народ! – повторил он со вздохом. – Хотите пороху понюхать? – сказал он Пьеру. – Да, приятный запах.* Л. Толстой. Война и мир.

Оттенки фразеологического значения, обычно отделяемые от основного значения точкой с запятой, в случае обогащения предметно-понятийного содержания и постепенного обособления от основного значения способны развиться и в самостоятельные значения.

Возвращать к жизни кого. **Возвратить к жизни** кого. Приводить в чувство, в сознание; вылечивать. [Анна] *бросилась подсоблять старику, который, по-видимому не терял надежды возвратить дочь к жизни. Анна побежала к реке, зачерпнула в ладонь воды и принялась кропить ею лицо Дуни.* Григорович. Рыбаки. *Вновь обретенная уверенность в себе приятно возбуждала профессора. Его окружали люди, возвращенные им к жизни, и он переживал особое чувство как бы своего права на них.* Г. Березко. Ночь полководца.

Тяжелая артиллерия. 1. Ирон. Неповоротливые, медлительные люди. 2. То, что придерживается на самый крайний случай как самое надежное, действенное средство для достижения чего-либо. || Нечто значительное, важное, существенное. *Итак, милая дорогая мама, с марта я выступлю разом в двух толстых журналах.. Моя тяжелая артиллерия пошла в ход.* Мамин-Сибиряк. Письмо А.С. Маминой, 26 февр. 1882. (ФСРЯ 1968: 75, 31).

Самостоятельный интерес представляет изучение природы широкознач-

ности слов и фразеологизмов. Согласно М.В. Никитину, «широкозначность (эврисемию) следует понимать не столько как предельный случай, крайнюю разновидность многозначности (полисемии), расположенную на шкале максимальных ее значений, сколько как особое запредельное семантическое состояние некоторых слов» (Никитин 2005: 112)

Своеобразной формой проявления широкозначности, видимо, можно считать полифункциональность. Обобщая свои наблюдения над особенностями семантики глагола *быть*, Н.Ю. Шведова приходит к выводу, что «по сравнению с другими дейктическими глагольными единицами, представляющими его непосредственное окружение, глагол *быть* обладает необычайно широким диапазоном функций – от означения собственно времени до указания на случайное состояние или поступок» (Шведова 2001: 11).

Ю.П. Солодуб своеобразие семантики идиомы видит в большей детализации фразеологического образа и как следствие в эврисемичности фразеологического значения. «Большая эксплицированность фразеологического образа, сложность внутренних отношений между его лексическими компонентами чаще расширяет не только коннотативные, но и номинативные возможности, делает значение фразеологизма эврисемичным» (Солодуб 1997: 51).

Фразеологизмы с эврисемичной смысловой структурой нередко реализуют разные значения при подлежащем со значением лица, а также конкретного или отвлеченного предмета, что способствует в итоге заметному отрыву значений друг от друга, их дискретности и расширению смысловых границ идиомы. Примером широкозначных фразеологизмов, на наш взгляд, могут служить обороты *брать (взять) своё*, *играть роль, идти (лезть, переть) в гору (вверх), иметь дело, милое дело, путеводная звезда, не иголка* и др. Например:

Иметь дело. 1. *с кем, с чем.* Сталкиваться, приходить в соприкосновение с кем-либо или с каким-либо фактом, явлением и т. п. *Мне кажется, этого вполне достаточно, чтобы публика поняла, с кем она имеет дело и чтобы я не имел надобности в дополнительных объяснениях и подчеркиваниях.* Салтыков-Щедрин. Круглый год. Первое августа. *Несомненно, мы имеем дело с каким-то плато, которое впоследствии разделилось на ряд столовых гор.* Арсеньев. Сквозь тайгу. 2. *с кем.* Вступать в какие-либо отношения, входить в какие-либо связи. *Редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела.* Пушкин. Станционный смотритель. 3. *с чем.* Пользоваться чем-либо, обращаться с чем-либо. [Макар] *не вполне понимал их* [весов] *устройство и предпочел бы иметь дело с безменом.* Короленко. Сон Макара. (ФСРЯ 1968: 185).

Если значение широкозначного фразеологизма, как правило, достаточно надёжно выявляется и уточняется благодаря контексту (или ситуации), то фразеологизмы с диффузным значением или употреблением в аналогичных условиях, напротив, остаются семантически неопределенными, аморфными (Жуков А.В., Жуков К.А. 2004). Более того, контекст или речевая ситуация в данном случае служит как раз для того, чтобы усилить эффект семантического совмещения.

Например, глагольный фразеологизм *сходить (сойти) с ума* реализуется в четырех значениях: 1. Становиться психически больным, терять здравый рассудок. [Г.Н.:] *Вы в размышленьи.*[София:] *Об Чацком.* [Г.Н.:] *Как его*

нашли по возвращеньи? [София:] *Он не в своем уме.* [Г.Н.:] *Ужли с ума сошел?* Грибоедов. Горе от ума. 2. *Прост. Неодобр*. Не давать отчета в своих поступках, делать глупости. [Петр:] *Едешь? Куда, зачем?* [Аксюша:] *В театр, в актрисы.* [Петр:] *Что ты, опомнись, с ума ты сошла!* А. Островский. Лес. 3. Сильно волноваться, переживать. Ср. не находить себе места. *Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии.* Гоголь. Нос. 4. о т к о г о, о т ч е г о. Сильно увлекаться кем-либо или чем-либо. *Женщины от него* (Кирсанова) *с ума сходили, мужчины называли его фатом и втайне завидовали ему.* Тургенев. Отцы и дети.

Все перечисленные значения, как видно из приведенных выше примеров, достаточно надежно подкрепляются и различаются средствами контекста. Однако в особых условиях употребления, например, в поэтическом тексте, четкая дифференциация значений становится совершенно ненужной и даже противоречащей авторскому замыслу. Ср. *Я сошла с ума, о мальчик странный, В среду, в три часа! Уколола палец безымянный Мне звенящая оса* (Ахматова. Я сошла с ума, о мальчик странный…).

Согласно Д.Н. Шмелеву, «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» (Шмелев 1973: 95). В какой мере этот вывод справедлив для фразеологического материала, могло бы показать специальное исследование.

4. В пределах синонимического ряда, как и внутри смысловой структуры слова или фразеологизма, в свою очередь также может наблюдаться богатое разнообразие употреблений и оттенков на фоне основного, доминирующего значения. Показателен в этом плане синонимический ряд, открываемый фразеологическим оборотом *биться как рыба об лёд* (разг.) “сильно нуждаться, бесплодно добиваясь улучшения материального положения“.

Общее значение ряда “испытывать острую нужду, жить в крайней бедности“ заметно варьирует не только в коннотативном, но и предметно-понятийном отношении: *свистеть (свистать) в кулак* (прост., иногда шутл.) “испытывать нужду, сидеть без денег“, *куска не доедать <ночей не досыпать>* (разг.) “жить впроголодь, отказывая себе в самом необходимом ради кого-. чего-л.“, *поджимать живот* (прост.) “предельно сокращать расходы на жизнь“, *затягивать <потуже> пояс* (разг.) “недоедать; готовиться к материальным лишениям“, *еле дышать* (разг.), *горе мыкать* (разг.), *мыкать жизнь (век)* (устар., разг.), *голодать <и> холодать* (разг.) “терпеть крайнюю нужду, страдая от голода и холода“.

В конце словарной статьи приводятся семантически сближенные фразеологизмы, расширяющие смысловое пространство ряда. Ср. *класть зубы на полку, щелкать зубами, питаться воздухом, сидеть на пище (вкушать от пищи) святого Антония, питаться манной небесной, питаться <диким> <мёдом и> акридами* (Жуков В.П. и др. 2005: 34-35).

Словарь фразеологических синонимов русского языка под ред. В.П. Жукова не только охватывает подавляющую часть синонимического богатства русской фразеологии, структурируя её в виде синонимических и вариативных рядов и семантически сближенных групп, но и проводит чрезвычайно сложную и трудоёмкую селекцию фразеологизмов с точки зрения их номинативных, эмоционально-экспрессивных, стилистических, сочетательных, категориальных и других свойств на нередко весьма обеднённом фоне соот-

ветствующих слов-идентификаторов. Авторы словаря, иллюстрируя описываемые обороты убедительными и разнообразными примерами из русской и советской литературы, доказывают особую познавательную и эстетическую ценность народной фразеологии.

5. Рассмотренные два аспекта семантического варьирования языковых единиц условно можно обозначить как внутренний и внешний. В первом случае семантические колебания и изменения замыкаются в пределах смысловой структуры слова или устойчивого оборота, как правило, не нарушая их тождества, а во втором случае аналогичные процессы переводятся на более высокий уровень, вовлекая в парадигматические связи и отношения множество семантически тождественных, близких и сближенных языковых единиц.

Конечно, не следует упрощать проблему, представляя глубинные и многовекторные процессы семантического варьирования языковых единиц в виде постепенного, текучего перехода содержания из одной формы в другую. Думается, рассматриваемое явление имеет более сложную и многомерную «геометрию».

В речи и в тексте в той или иной степени реализуются объективные свойства языковых единиц, вместе с тем речевая деятельность и текст являются основными источниками языковых изменений и новаций. У фразеологизма, как и у слова, «его смысловая структура расширяется и обогащается теми художественно-изобразительными «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» (Виноградов 1963: 125).

Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания, 2001. № 4. – С. 3-22.

Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1995. – 151 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Наука, 1963. – 255 с.

Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

Жуков В.П., *Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. 2-е изд-е. М.: АСТ. Астрель. Ермак, 2005. – 445 с.

Жуков А.В., Жуков К.А. О фразеологизмах с размытым и широким значением // Слово и предложение: лингвистические исследования по русскому языку. Сборник научных статей в честь юбилея профессора В.П. Проничева. – СПб.: Сага. Наука, 2004. – С. 23-31.

Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания, 2004, № 2. – С. 20-45.

Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 323 с.

Карцевский С. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.

Кодухов В.И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие // Семантика переходности. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Кодухова. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 5-16.

Маловицкий Л.Я. Переходность как отражение исторических изменений в языке // Семантика переходности. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Кодухова. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 17-23.

Никитин М.В. Полисемия на пределе (широкозначность) // Язык. Человек. Общество. Международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора В.Т. Малыгина). – СПб.-Владимир: РГПУ им. А.И. Герцена, ВГПУ, 2005. – С. 110-129.

Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. – 108 с.

Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки, 1997, № 5. – С. 43-54.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров. Вып. 28. – СПб.: Наука, 1994. – С. IV-XXXII.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.

Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. – СПб., 2004. – 268 с.

Фразеологический словарь русского языка. Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.

Шведова Н.Ю. Еще раз о глаголе *быть* // Вопросы языкознания, 2001, № 2. – С.3-12.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл // Н. Ю. Шведова. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 445-543.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.

д. ф. н., профессор Н.Ф. Алефиренко (Белгород)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

В середине XX века проблема фразеологической семантики стала основным предметом исследований В.П. Жукова. Концепция учёного о смыслообъединяющих признаках фразеологического значения служит теоретической платформой современной фразеологической семасиологии. Всё это создаёт условия для дальнейшего исследования языковой и речевой семантики фразем – взаимоотношения их значения и смысла. Дело в том, что данные категории во фразеологии без должного обоснования нередко считаются тождественными. Между тем не только в научном, но и в обыденном сознании, подсознательно разумеется, эти категории различаются. Под смыслом чаще всего понимают несколько взаимосвязанных сущностей: (а) в обыденном сознании – то, что противостоит абсурду, обладает содержанием; (б) в науке о языке – то, что возникает в акте номинации (означивания) и реализуется в специфических высказываниях; (в) в теории коммуникации – то, что функционирует в межличностном общении, существует в душевно-мыслительном пространстве и зависит от ситуации и дискурса. В связи с этим в смысловом содержании целесообразно выделять архетипические и интер-

текстуальние составляющие (Алефиренко 2010: 120-123), формирующиеся на разных уровнях языкового сознания – подсознательном, рациональном и надсознательном.

Пожалуй, впервые на соотношение значения и смысла фразеологизированных выражений в их денотативно-коннотативным статусом обратил внимание не лингвист, а, как ни странно, выдающийся немецкий математик, философ и логик Г. Фреге. В статье 1892 года («Смысл и денотат») Г. Фреге писал, что «денотативный процесс есть отношение имени к предмету безотносительно к его свойствам, в отличие от коннотативного процесса, сопровождающегося не только указанием на предмет, но и обозначением его отличительных свойств». Здесь же обращается внимание на то, что «не всякому денотату можно поставить в соответствие объект внеязыковой реальности» (Фреге 1997: 36). Среди эмпирических объектов внешнего мира, по его наблюдениям, отсутствуют денотаты словосочетаний типа *женатый холостяк, птичье молоко* и др. Поскольку денотаты таких словосочетаний представляют собой, по Г. Фреге, суть их значений, то по законам логики напрашивается умозаключение: словосочетания, не имеющие денотатов, лишены и значений. Однако, будучи билатеральными знаками, они обладают не только планом выражения, но и планом содержания. В таком случае возникает вопрос: что представляет собой их план содержания, если оно не является значением? Г. Фреге считал, что экспликатом денотата, кроме значения, является смысл, или концепт. Эта часть рассуждений Г. Фреге порождает множество разночтений и ошибочных интерпретаций. Прежде всего, они связаны с тем, что Г. Фреге под «концептом» понимал «понятие». Поэтому использование терминолексики Г. Фреге в современных трудах по лингвокогнитивистике приводит к путанице, так как в теории когнитивной семантики концепт оказывается шире понятия. Особенно это характерно для фраземообразующих концептов, в структуре которых понятия хотя и служат их смыслообразующим ядром, всё же не исчерпывают их содержания, включающего в себя ещё и субъективные, в том числе оценочные и образные составляющие. В связи с таким пониманием базовых категорий лингвокогнитивистики в теории фразеологической семантики следует различать фразеологическое значение, смысл и концепт. В отличие от Г. Фреге, в нашей концепции значение фраземы обусловливается не денотатом, поскольку фраземы обычно лишены первичных денотатов, а концептом – когнитивным базисом фразеологической семантики: значения и смысла фразем.

Вторым вектором категориально-понятийного отождествления является фразеологический смысл и концепт. Основанием для этого служит общее свойство смысла и концепта: оба уподобляются некоему «подвижному облаку идей» с убегающим разнообразием значений (см.: Теслинов 2007: 243). Такое понимание смысла близко концептуальным теориям С.А. Аскольдова и В.В. Колесова. Однако смысл характеризуется ещё и «собственными» признаками. Он – (а) ситуационно и контекстуально значим; (б) способен выражать некоторое множество значений, потенциально имеющих отношение к познанию именуемого объекта. В этом отношении «смысл выполняет функцию конкретизатора значений именно благодаря фиксации в сознании тех свойств и признаков объекта, которые становятся актуальными для конкретной лингвокогнитивной ситуации (Алефиренко Н.Ф., 2005: 81). В этом плане

следует согласиться с А.Г. Теслиновым, подчёркивающим, что смысл «вещей» выражается в концептах. Согласно нашим убеждениям, концепт обладает смысловым содержанием. Более того, смысловые интерпретации познаваемого объекта служат источником тех идей, которые, собственно и порождают концепт. Поэтому утверждение, что концепт является содержанием понятия (ср.: Теслинов 244), нам представляется слишком категоричным. Скорее, наоборот: понятие является ядром смыслового содержания концепта.

Проблема соотношения смысла, значения и концепта, таким образом, возникает в связи с тем, что в живой речи происходит не воспроизведение концепта и значения фразем, его репрезентирующих, а их интерпретация в рамках реализации интенций субъектов речи. Иными словами, в речевом акте содержание высказывания формируется амальгамированием архетипических смыслов, передаваемых элементами высказывания, разумеется, не путём их механического суммирования. Согласно нашей концепции (Алефиренко, 2009: 50), лингвокогнитивный статус фразеологического значения определяется исторически и социально обусловленной связью акустических образов и образов предметов и ситуаций. В другой терминологии значение обозначается термином *десигнат* или *семема* (З.Д. Попова). В целом статус фраземообразующих концептов детерминируется сферой предметной образности или денотативных ситуаций и обозначается терминами *денотат, смысл, концепт*. Если лингвокогнитивный статус значения фразем можно считать общепринятым, то предложенное понимание сущности концепта нуждается, как мне представляется, в дополнительном обсуждении. Прежде всего, следует задуматься над тем, можно ли концепт без каких-либо оговорок приравнивать к денотату и смыслу?

– В отличие от денотата, концепт, кроме предметной образности, обладает ещё понятийной и прагматической составляющими. Не менее сложные взаимоотношения между концептом, понятием и смыслом. В отличие от концепта, понятие лишено предметной образности и прагматической ауры, а смысл – предметной образности и понятийной определённости. Понятие и смысл, являясь однопорядковыми по своей фраземообразовательной сути явлениями, различаются прежде всего степенью абстракции (смысл фраземы – более абстрактный конструкт) и характером отражательной функции. Если обыденное понятие привносит в семантическую структуру фраземы существенное в денотате, то смысл – многообразные и не обязательно существенные связи между сторонами как одного денотата, так и между разными предметами фраземообразующего дискурса. Поэтому смысловое содержание фраземообразующего концепта всегда шире его понятийной составляющей.

Для фразеологический семасиологии ценным является суждение Р. Барта о том, что концепт одновременно историчен и интенционален (Барт 1989: 89), что он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни дискурс. Обращение к фраземообразующему концепту способствует восстановлению скрытых причинно-следственных связей, движущих сил и интенций, вызвавших к жизни ту или иную фразему. В противоположность фраземе концепт никоим образом не оторван от действительности, он всегда связан с той или иной ситуацией. Через концепт во фразеологический дискурс вводится та событийность, которая нуждается во фраземообозначении. Мож-

но сказать, что во фразеологическом концепте репрезентируется не сама денотативная ситуация, а скорее определенные представления о ней, при переходе от смысла к фраземе предметно-чувственный образ теряет какое-то количество первично-денотативной информации. Вместо неё при возникновении фразеологического образа конструктивную роль выполняют смысловые элементы, проецируемые фраземообразующим концептом. Поскольку представления, лежащие в основе фраземообразующего концепта, являются смутным знанием, сформировавшимся на основе слабых, нечетких ассоциаций**.** Р. Барт настоятельно подчеркивает открытый характер концепта вообще. Ещё более открытым характером обладает фразеологический концепт, хотя это никоим образом не абстрактная или стерильная сущность. Он, скорее представляет собой некий конденсат неустойчивых, туманных ассоциаций. Например: (а) *отдавать/отдать, воздавать должное* (кому-чему-л.) – 'оценивать по достоинству, в полной мере' (доминирует понятийный компонент фраземообразующего концепта, который, собственно, и предопределил данное фразеологическое значение). Ср.: *Я большая поклонница вашего таланта и всегда с наслаждением читаю ваши статьи… Не подумайте, что я льщу, …я* ***воздаю*** *только* ***должное*** (А.П. Чехов); (б) *потерять (сорвать) голос* – 'повредив голосовые связки, говорить сипло, хрипло' (доминирует образный компонент фраземообразующего концепта – представление о порванных голосовых связках). Ср.: *Несколько дней тому назад Валентина Георгиевна* ***сорвала голос****, передавая телефонограмму* (С. Антонов); (в) *досталось (достанется) на калачи* – 'попало, попадёт; о брани, побоях и т.п.' (доминирует оценочно-модальный компонент фраземообразующего концепта – фразема передаёт отношение говорящего к происшедшему). Ср.: *Да, как видно, и работнице* ***досталось на калачи****, потому что та едва-едва уплела ноги задним двором* (П. Зарубин). Как показывает анализ, Их единство, целостность и когерентность фраземообразующих ассоциаций зависят, прежде всего, от структурной доминанты того или иного фразеологического концепта – понятийной, образной или оценочно-модальной.

Итак, сущность фразеологической семантики обусловливается тремя элементами когнитивно-дискурсивной системы**:** фраземообразующими концептом, смыслом и значением. Выделенные элементы фразеологической семантики взаимно предполагаемы. Фраземообразующий концепт – **'**первообраз**',** 'первосмысл' отражённого в этноязыковом сознании предмета речимысли. Это своего рода ассоциативно-мыслительный «росток», или «зародыш» наших представлений о денотативной ситуации, смыслопорождающая сперма[1]. Вот почему фраземообразующий концепт по сути своей не может отождествляться с понятием, являющимся логически завершённым обобщением наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Именно поэтому и сама лексема *концепт* сохраняет в своей семантической структуре сему 'незавершенность, зачаточность' (см.: Демьянков 2001: 35–47). Не существует простых фраземообразующих концептов. Каждый их таких концептов состоит из некоторого множества сущностных компонентов, которыми он и кодирует действительность. Не бывает концеп-

1. Физиологические метафоры *сперма, зародыш, росток*, характеризующие концепт, принадлежат В.В. Колесову (2002).

та с одной лишь составляющей. Фраземообразующий концепт – это всегда множественность, хотя не всякая множественность концептуальна. По смысловому содержанию своих составляющих фраземообразующие концепты динамичны: в процессе фразеологизации они создают, изменяют и даже разрушают внутренние формы фразем.

Предметно-чувственная составляющая концепта проецирует фразеологическое значение, а его когнитивная константа – основной смысл фраземы. Причём сущность фразеологического значения определяется главным образом субъективным восприятием предмета вторичной номинации, внутренней формой фраземы, что, собственно, и обусловливает доминирование во фразеологической семантике коннотативного макрокомпонента. Благодаря такой смысловой дистрибуции фраземы предназначены не столько для обозначения ранее не обозначенных объектов, сколько для выражения ценностно-оценочного отношения к ним. В связи с этим нуждается в уточнении и известное утверждение Г. Фреге о том, что «два выражения могут иметь одно и то же значение (денотат), но разный смысл, если эти выражения различаются по структуре» (Фреге 1997: 39). В нашем представлении, две сходные по смыслу фраземы могут иметь один и тот же фраземообразующий концепт, близкое (синонимическое) значение, но отличаться некоторыми смысловыми вариациями. Причём такого рода смысловые вариации образуются, как правило, внешним или внутренним контекстом фраземы. Например: *выписывать (на льду) вензеля, восьмёрки* и т.п. – ‘вычерчивать какие-л. фигуры при скольжении по льду на коньках’; *выписывать (ногами) колена, куберты* и т.п. (разг., шутл.) – ‘делать сложные замысловатые движения при танце’; *выписывать (ногами) вензеля, кренделя* – ‘идти нетвёрдым шагом, шатаясь, заплетающейся походкой; двигаться зигзагами’. В данных примерах смысловые вариации фраземы предопределяется внутренним контекстом – разными лексическими компонентами *на льду* и *ногами*. Такого рода смысловые вариации достаточно прозрачно наблюдаются в дефинициях плана содержания фраземы. Ср.: *зайтись смехом (слезами, кашлем)* – ‘долго безудержно смеяться’; *зайтись слезами* – ‘долго безудержно плакать) ’; *зайтись кашлем* – ‘долго безудержно кашлять’. Конкретный речевой смысл данной фраземы предопределяется её именным компонентом (*смехом, слезами, кашлем*). В остальных примерах смысловое варьирование фразем обусловливается внешним контекстом: *выписывать колена, кренделя* и т.п. – ‘пролегать изгибами, петлями; извиваться (в тексте речь идёт о реке)’; кто-л. *вензеля, кренделя выписывает (выписывал)* – ‘кто-л. говорит уклончиво, хитрит’; *ноги, сапоги* и т.п. у кого-л. чьи-л. *выписывают (выписывали вензеля, кренделя* и т.п.) – ‘о нетвёрдой походке, о заплетающихся при ходьбе ногах’. Употреблению двух последних фразем предшествует контекстуальная информация о попытке кого-то хитрить, скрывать истинные намерения. Структурное варьирование фраземы может привести к утрате смыслового инварианта идиомы и образованию новой фраземы. Ср.: *от аза до ижицы* – ‘от начала до конца’; *от ижицы до аза не различать* – ‘быть неграмотным, несведущим в чём-л.’; *прописать ижицу* – ‘проучить, выбранить, выпороть’. В основании каждой из этих фразем лежит «свой» концепт.

Третий когнитивно-дискурсивный элемент фразеологической семиологии – фразеологическое значение – представляет собой не что иное, как соединение смысловых вариаций фраземы с фраземообразующим концептом. Имен-

но осознанный результат такой интеграции и дан нам в непосредственном наблюдении. Без него немыслимо восприятие и понимание и фраземы и фраземоцентрического дискурса. Во фразеологической семасиологии термин *фразеологическое значение* имеет широкое и узкое употребление. В узком смысле фразеологическим значением называют основную часть его содержания – то, что данная фразема обозначает. При этом значением фраземы обычно называют не сам объект, явление, свойство или отношение в действительном или воображаемом мире, к которым данная фразема отсылает (= референт, денотат), а их отражение в сознании человека в виде набора существенных признаков этого объекта, явления, свойства или отношения (= обыденное понятие, концепт). Так, в узком смысле значением фраземы *надевать маску* является концепт «притворяться». В широком смысле фразеологическим значением называют всю информацию, носителем которой выступает фразема, причем разновидности этой информации также называют значениями, добавляя при этом уточняющие определения. Та же фразема *надевать маску* в определённом контексте является носителем более широкой информации, сопряжённой с концептом «притворяться», например, (а) притворяться с целью сокрытия своей истинной сущности; (б) притворяться с целью прикинуться равнодушным; (в) притворяться, выдавая себя за другого.

Значения фразем, рассматриваемых в конкретной ситуации их употребления, образуют так называемые актуальные или окказиональные значения, по природе своей смысловые вариации фразеологического значения. Очевидно, что некоторые смысловые вариации фраземы настолько близки, что от различий между ними можно отвлечься в пользу более обобщенных, дискурсивно не конкретизированных значений, называемых узуальными. Так, рассмотренные выше смысловые вариации фраземы *надевать маску* можно свести к одному узуальному значению ‘притворяться’, в определении которого не эксплицируется цель притворства. Следовательно, чтобы определить значение фраземы как единицы языка, нужно выявить общую часть (семантический инвариант) тех актуальных значений фраземы (её дискурсивно-смысловых вариаций), которые она приобретает в речи. При утрате вследствие смыслового варьирования фраземы её семантического инварианта идиома подвергается различным преобразованиям. При лексическом варьировании, не нарушающем структурного остова устойчивого словосочетания, возникает полисемантичная фразема. Например: *стоять (стать) в горле колом* – 1) о невкусной, неудобоваримой пище, вызывающей отвращение; 2) (перен.) о чём-л. опротивевшем, крайне неприятном. При одновременном структурном и лексическом варьировании фраземы она становится деривационной базой для возникновения нескольких самостоятельных единиц. Ср.: 1) *на короткой (дружеской) ноге, на короткую (дружескую) ногу* с кем-л. – быть в близких, дружеских отношениях с кем-л.; 2) *на ровной (равной) ноге, на ровную (равную) ногу* – быть, считать кого-л. равным с кем-л. Такие фраземы, несмотря на сходство планов выражения (сходство варьирующихся фразеосхем и их компонентного состава), отличаются своими актуальными значениями. При очевидном родстве их внутренних форм они расходятся всё же своими означаемыми. Если же в рамках одной и той же фразеосхемы трансформации подвергаются стержневые компоненты, образуются фраземы, значения которых восходят к разным внутренним фор-

мам. Ср.: 1) *поднимать (поднять) на ноги* – а) заставлять подняться с кровати, постели и т.п.; б) взбудораживать, подниамть суматоху; заставлять кого-л. принять в чём-л. деятельное участие; 2) *становиться (стать) на ноги* – а) отправляться от болезни; выздоравливать; б) становиться самостоятельным, крепким. Если фразео-семантические варианты каждой полисемичной фраземы своим возникновением обязаны близким внутренним формам фраземообразующего концепта, то значения разных, хотя и сходных по компонентному составу, фразем, восходят к разным фраземообразующим концептам.

Таким образом, фразеологическая семантика является сложным когнитивно-дискурсивным феноменом, составляющими которой выступают фразеологический концепт, фразеологическое значение (со всеми, по В.П. Жукову, смыслообъединяющими признаками) и его смысловые вариации в речи.

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.; Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс,1989. 433 с.

Галло Я. К проблеме использования фразеологизмов в принтовых медиа // Фразеология, познание и культура. Т. 2. – Белгород, 2010. С. 191-194.

Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопр. филологии, 2001. № 1. С. 35–47.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. 160 с.; *Жуков В.П., Жуков А.В.* Русская фразеология. – М.: Высш. шк., 1987. 408 с.; *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2009. 443 с.

Теслинов А.Г. Две традиции истолкования смыслов // Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе. – Гурзуф, 2007. С. 243-245.

Фреге Г. Избр. работы. – М.: ДИК, 1997. 323 с.

д. ф. н., профессор Л.Я. Костючук (Псков, Россия)

УСЛОВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (В АСПЕКТЕ ДИСКУРСНОЙ СИТУАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ)

Вместо вступления. Влас Платонович Жуков был предан объекту своих исследований, неустанно знакомясь с интересами и достижениями других коллег. Поэтому так устойчивы встречи заинтересованных исследователей во время Жуковских чтений, посвященных Власу Платоновичу…

Носитель языка в своей повседневной речи при коммуникации с определенными целями использует и устойчивые сочетания слов разной степени спаянности для того, чтобы с наибольшей выразительностью донести мысль до своего собеседника. В неоднозначных ситуациях проявления дискурс-

ных отношений при порождении текста, обеспечивающего общение [см., например: Арутюнова 1990: 136-137], с одним и тем же или близким планом выражения могут «звучать» яркие однословные и неоднословные единицы при неодинаковых последствиях от воспринятого адресатом их плана содержания. Чем выразительней бывает экспрессивная единица, тем более значимой она оказывается в устном или письменном общении людей.

Вспомним появившееся в политическом дискурсе в начале XXI века в речи государственного лидера выражение ***мочить*** (представителей определенной среды) ***в сортире*** с отрицательной коннотацией по отношению к объектам названного действия. Это выражение сразу было воспринято как целостное, так как обнаружило сдвиг в значениях составляющих компонентов и их растворенность в общем смысле высказывания. Б.А. Ларин указывал, что при изучении фразеологии можно столкнуться с выражениями, где каждое слово знакомо, но общее значение высказанного дает особый смысл, не представляющий «сумму» значений составляющих лексем: вид «иррегулярности фразеологизма — когда все слова известны, но смысл целого остается неясным» [Ларин 2003: 77]. Услышавшие указанную фразу поняли, что глагол *мочить* заимствован из криминальной языковой сферы (в значении ‘убивать’); обстоятельство ***в сортире*** непривычно сочетается с глаголом указанного значения. Следовательно, выражение содержит сдвиг в значении, при котором усматривается метафора. В результате носители языка начала XXI века восприняли все выражение как метафорическое (по терминологии Б. А. Ларина [Ларин 2003: 44-49]) со значением ‘уничтожать’. Поразному приняли эту языковую единицу наши современники: многих граждан России она насторожила, но во всяком случае ее признали быстро сложившейся и ставшей устойчиво узнаваемой, воспроизводимой с экспрессивной образностью, обеспечившей целостное значение.

Недавно в еженедельнике «Аргументы и факты» в подзаголовке «Смертников надо «***мочить***» ***в их сортирах***» к общему названию статьи «Как остановить террор» этот фразеологизм употреблен публично снова на фоне раскрывающегося в тексте объяснительного содержания с такими названиями, как *бандподполье, бомбисты* для тех, кто создает «*кровавый итог взрыва*» и против кого призваны выступать опытные *безопасники* с успешным опытом работы в других странах [АиФ 2011: № 5]. (Правда, стоило бы выделить курсивом весь фразеологизм, а не только глагол.)

Воздействие значения целостных единиц зависит от степени знакомства адресата с ними: 1) понимает ли он единое, целостное по смыслу выражение, свободно не членимое по составляющим его компонентам, и 2) адекватно ли воспринимает сообщаемую информацию.

В устной коммуникации прежде всего проявляется реализация дискурсных отношений между общающимися сторонами при составлении «сценария» общения и при выборе наиболее эффективных средств выражения для донесения передаваемой мысли. Приведем пример «пропавшего» результата языкового общения. Небольшое вознаграждение за оказанную услугу молодой собеседницей адресант сопроводил текстом с фразеологизмом: «*Это вам* ***на булавки***». Кругозор в области лексического уровня определяется и тем, насколько человек знает идиоматику родного языка. Оказалось, что услышанную фразу собеседница интерпретировала так: ей дали определенную сумму на приобретение большого количества скрепок (?!) для бумаги: оказывается она не знакома с фразеологизмом ***на булавки*** (давать,

тратить и т.п.) в значении ‘на мелкие расходы (о деньгах)’ [СлСРЛЯ$_2$ I: 812 — с пометой *устар.* и с пояснением «к женщине»; БТСлРЯ: 102; БАСлРЯ II: 246 — с важным пояснением: «в соврем. употр. — обычно шутливо»]. При искаженном понимании адресатом того, что высказал говорящий, акт общения не достиг той цели, которую ставил адресант.

Исследователь, призванный выявить, интерпретировать и зафиксировать с объяснением единицы лексического уровня, извлеченные из современных или древних текстов, должен владеть материалом, придерживаясь определенной точки зрения на фразеологию, чтобы последовательно отбирать и представлять не просто все устойчиво воспроизводимые выражения, а особо выделять собственно фразеологизмы. Так, в 60-е годы XX века в псковских говорах было обнаружено выражение ***вбúться в дóбры*** ‘стараясь казаться хорошим, войти в доверие’: «*Ён* ***в дóбры*** *хóча* ***вбúцца****: апхáжывая дéда*» [ПОС 3: 39]. Конструкция древняя: винительный падеж с предлогом ***в*** передает ту среду, куда стремится попасть субъект (ср. *пойти* ***в*** *партизаны*). В псковской единице среда названа субстантивированной устаревшей формой краткого прилагательного множественного числа; у глагола приставка ***в-***, при наличии предлога ***в***, подчеркивает направление перемещения внутрь сферы действия чего-, кого-нибудь. Эти свойства способствуют тому, что устойчивость повторяющегося выражения сопровождается приобретением и закреплением указанного целостного значения, связанного с тем, что субъект хочет получить чье-нибудь расположение. Внутренняя форма позволяет создать метафорическое речение, обозначенное в Словаре знаком «треугольника».

Подход Б. А. Ларина к фразеологии с учетом диахронных процессов в развитии целостной семантики разной степени слитности оправдан в лексикографической практике при рассмотрении современного и исторического материала: лексикограф наглядно представляет тот или иной тип фразеологизма. Так, в «Русско-немецком разговорнике», созданном немецким купцом Т. Фенне в Пскове в 1607 году, неоднократно встречаются устойчивые сочетания, включающие глагол *есть* и существительное *хлеб* [Разговорник Т.Ф. 1970]. Введение их в историческую часть уникального «Псковского областного словаря с историческими данными» [Ларин 1967: 3; 1961] требует проведения исследования. При наличии определения, передающего принадлежность (*чей*), к существительному *хлеб* выражение ***есть хлеб*** *чей* означает ‘получать средства на пропитание (от кого-н.)’ [ср.: ПОС 10: 137]. Если же существительное в родительном падеже зависит от глагола (***есть хлеба***), то выражение означает ‘получать угощение, угощаться’. Эти фразеологизированные сочетания, являясь метафоричными, обладают целостностью и семантически не членимы. Их внутренняя форма достаточно понятна и хорошо мотивирует актуальное значение целостных единиц, известных псковской народной речи еще в начале XVII века. В современных говорах обнаружено и ***есть дармá хлеб*** в значении ‘жить на чужой счет’, тоже метафорическое речение. Образ в основе указанных фразеологизированных выражений актуален и в прошлом, и в настоящем. Поэтому идея образа получения чего-то в качестве пищи распространяется и на другие реалии: ***кóрки есть*** ‘бедно жить’ (исходный образ — иметь пищу, хотя и скудную); ***есть плётку*** ‘быть наказанным, высеченным’, ***кулакú есть*** ‘быть битым’ [ПОС 10: 137] (два последних фразеологизма содержат не конкретный образ пищи, так как «*плетка*», «*кулаки*» не могут составить предмет питания, а переносный, ас-

социативно-экспрессивный; вспомним известный и общерусскому языку, и псковским говорам фразеологизм ***дать берёзовой каши***).

Важно, чтобы лексикограф выступал и как исследователь, тем более часто непосредственно участвующий и в полевом сборе материала. При обоснованном Б. А. Лариным подходе к диалектному материалу и к создающемуся «Псковскому областному словарю» как словарю полного типа, с детальной разработкой семантики лексических и фразеологических единиц разных типов, не пропадают в общей массе примеров своеобразные устойчивые выражения, а оказываются наглядно представленными в выпусках Словаря [Ларин 1961]. Обратимся к единице ***зада́ть ба́йню*** (***ба́ню***). В словарной статье на глагол *зада́ть* в составе значения 6 ‘подлить (воды на каменку в бане), поддать (пару)’ присутствует устойчивое сочетание ***зада́ть ба́ню*** самой слабой степени семантической спаянности (подается со знаком «угла»), содержит незначительный сдвиг в значении составляющих компонентов, поэтому смысл понятен: ‘прибавить жару в бане, плеснув воды на каменку’. Сами носители говоров хорошо объясняют выражение: «***Зада́ть ба́йню*** *— э́та приба́вить жа́ру в ба́йне, кагды на ка́менку вады льют, штоп бымла жа́ра бо́льшэ в ба́йни, па́рица*». Среди примеров на значение 7 (‘нанести удар, причинив боль, ударить’) помещено другое выражение ***зада́ть ба́йню*** (***ба́ню***) при управлении *кому*, подающееся под знаком «треугольника» как метафорическое речение, так как основано на переносном использовании исходного образа: внутренняя форма не допускает членения на составляющие компоненты, но образ сильного жара в бане проецирует общее целостное значение ‘выпороть, побить’: «*Бить — эта* ***зада́ть ба́йню***» [ПОС 11: 172]. Фразеологизм имеет лексические варианты для глагольного компонента: *дать, влить, стопимть, устромить*. Ср.: «***Дадýть*** *мне тяпёрь* ***ба́йню****, мъладýхину игóлку пътяряла*» [ПОС 2: 95]. Лексические варианты разного плана свидетельствуют о том, что выражение приобрело целостное значение, в котором растворились значения всех компонентов: только через целостный образ они порождают то значение, с которым используется выражение в народной речи.

Еще в начале 60-х годов XX века на материале памятников деловой письменности мне приходилось отстаивать целостность значения яркого выражения древнего языка ***въсести*** (***сесть***) ***на конь*** с формой винительного падежа *на конь* без категории одушевленности при создании единого целостного значения ‘выступить в военный поход’. Это фразеологизированное сочетание в древности часто выступало с управлением *с кем, на кого, за кого*, которое свидетельствовало о серьезном сдвиге в значении всей единицы. Ср., например, в Третьей Псковской летописи под 1471 годом: «*услышимъ в Новгородскои земли великого князя, тогды* ***на конь всядемъ*** *за своего государя*» (л. 140 об.) [ПОС 5: 57]. Дискуссии были в тот период, когда незадолго перед этим, в 1956 году, вышла статья Б. А. Ларина о диахронной (исторической) фразеологии [Ларин 2003: 28-49], которая рекомендовала особые методы подхода к решению вопроса о фразеологизации отдельных сочетаний слов в прошлом, когда приходилось к тому же и вычленять разные типы фразеологизмов. Ученый показывал, в чем и как результаты его исследования соотносятся с результатами классификации В. В. Виноградова, но расходятся по принципиальному пониманию исторических процессов складывания единой семантики. Дискуссии велись и на Герценовских чтениях с участием и В.П. Жукова, который предлагал и свой метод рассмотрения фразеологического материала в синхронии [см.: Жуков 1978].

Известно, что синхронный и диахронный подходы к материалу, располагая своими приемами в анализе, поддерживают исследователя в наиболее объективном выяснении особенностей языковых фактов разных уровней языка. Подчеркнем, что уже И. И. Срезневский отмечал как целостное выражение ***сести на конь*** в значении 'выступить в военный поход' [Срезневский III: 900]. «Словарь русского языка XI-XVII вв.» тоже приводит сочетание ***сести на конь*** [СлРЯ XI-XVII 24: 94].

Объективная фиксация элементов высказывания в условиях коммуникации в прошлом и настоящем, реализация замысла создать текст в условиях дискурса, способствующего передаче информации, позволяют закреплять, а затем выяснять, исследовать типичность или уникальность плана содержания и плана выражения у соответствующих выражений, которые отражают реальную языковую картину мира с помощью устойчивых целостных или свободных сочетаний слов. Лексикографическая и фразеографическая практика — это результат и условие получения сведений об идиоматике языке.

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 136-137.

2. Большой академический словарь русского языка. Тт. 1-14… — М.-СПб., 2004-2010… [В сокращении: БАСлРЯ, том, страница.]

3. Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 1998. [В сокращении: БТСлРЯ, страница.]

4. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. — М., 1978.

5. Как остановить террор (Смертников надо «***мочить***» ***в их сортирах***) // Аргументы и факты. — 2011. — № 5.

6. *Ларин Б. А.* [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. — Л., 1967. — С. 3.

7. *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря. — Л., 1961.

8. *Ларин Б. А.* О народной фразеологии (доклад на X Республиканском совещании по диалектологии, прочитанный 12 мая 1959 г., Институт языкознания им. Потебни в Киеве) // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сборник статей. — СПб., 2003. — С. 74-85.

9. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сборник статей. — СПб., 2003. — С. 28-49.

10. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-21… — Л. (СПб.), 1967-2009… [В сокращении: ПОС, выпуск, страница.]

11. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28… — М., 1975-2008… [В сокращении: СлРЯ XI-XVII вв., выпуск, страница.]

12. Словарь современного русского литературного языка. Тт. I-VI… — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1991-1994… [В сокращении: СлСРЛЯ$_2$, том, страница.]

13. *Срезневский И. И.* Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам. Тт. I-III. — М., 1958. [В сокращении: Срезневский, том, столбец.]

14. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. — Copenhagen, 1970. [В сокращении: Разговорник Т.Ф.]

д. ф. н., профессор В.Т. Малыгин (Владимир)

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬУРОЛОГИИ

В последние десятилетия XX века на стыке лингвистики и культурологии стала обособляться отрасль, которую обозначили термином «лингвокультурология». Как научная дисциплина лингвокультурология развивается в контексте антропоцентрической парадигмы современного языкознания, которая ставит в центр внимания человека - творца языковой и речевой деятельности. Антропоцентричность языка в настоящее время можно считать общепризнанной в современной лингвистике. Данная научная парадигма ставит новые задачи в исследовании языка, требует новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил. Ю.С. Степанов представил когда-то язык в виде нескольких образов, так как ни один их этих образов в отдельности не способен отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли, то есть результат сложной когнитивной деятельности человека.

Термин «лингвокультурология» появился в связи с работой фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, а также научными трудами Ю.С.-Степанова, А.Д. Арутюновой, В.А. Масловой и ряда других исследователей. Если культурологи исследуют самосознание человека по отношению к природе, обществу, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Одна из важнейших теоретических проблем лингвокультурологии и в частности сопоставительной лингвокультурологии – это уточнение их объекта и предмета исследования. К актуальным проблемам сопоставительной лингвокультурологии относится изучение единиц исследования, которые до сих пор остаются еще не установленными и не систематизированными [Ср.: Маслова 1997: 12].

Отдельные исследователи выделяют среди единиц описания текста в лингвокультурном аспекте такие единицы как цитаты, пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, говорящие имена и названия. В этом смысле к лингвокультурологическим могут быть отнесены также единицы, которые характеризуются рядом авторов как прецедентные, то есть имеющие историко-культурную ценность. Это прецедентные имена, например, *Иван Сусанин, Евгений Онегин*. Ряд ученых выделяет также культурные конструкты, к которым могут быть отнесены устойчивые культурно-маркированные словосочетания, например, *улыбка Моны Лизы.* По своей сущности лингвокультурологические единицы представляют собой разнород-

ные языковые, речевые, стилистические, семиотические, литературоведческие, фольклорные, мифологические единицы (слова, словосочетания, фразы, высказывания, тексты, пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы, историзмы, архаизмы, окказиональные образования, формулы речевого этикета, стереотипы, эталоны, символы, образы, метафоры, сравнения, перифразы, эвфемизмы, идеологемы, мифы и т.д.). Систематизация и классификация лингвокультурологических единиц русского языка, а при сопоставлении с другими языками, соответственно, и единиц других языков – это одна из задач лингвокультурологии и прежде всего лингвокультурологии сопоставительной.

В теоретическом плане, как отмечает Пенка Филкова (Софийский университет), сопоставительная лингвокультурология должна быть обособлена в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания и культурологии, контрастивной и когнитивной лингвистики. Исследование и описание культуры, сознания, «языка определенного народа осуществляется через его системное сравнение с культурой, сознанием и языком другого народа» с целью выявления их сходных и различительных черт.

Предметом нашего анализа являются лингвокультурологические фразеологические единицы, представленные в русском и немецком языках. При этом необходимо при их классификации принимать во внимание возможность разграничения сходных и национально-специфических единиц. Проанализируем выделенные группы русских и немецких национально-специфических ФЕ:

а) Группа лингвокультурологических фразеологических единиц, засвидетельствованных в сравниваемых языках, не связанных с национальной спецификой культуры их народов. При этом соответствующие фразеологические аналоги в одном из языков могут отсутствовать. В эту группу входят заимствования из античной литературы, мифологии, искусства, науки. Например:

Русский язык	Немецкий язык
● всё течёт, всё меняется	àlles ist im Wandel
● где хорошо, там и отечество	wo es Kaffe gibt, ist mein Vaterland
● возродиться как Феникс из пепла	wie (ein) Phönix aus der Asche (auf)steigen (ersteigen)
● колумбово яйцо	das Ei des Kolumbus
● гордиев узел	der gordische Knoten
● платоническая любовь	Platonische Liebe
● колосс на глиняных ногах	ein Koloss auf tönernen Füßen
● яблоко раздора	der Apfel der Zwietracht
● дамоклов меч	Damoklesschwert

б) В эту группу можно отнести заимствования из западноевропейской, американской и других мировых литератур, в том числе русской и немецкой. Например:

Русский язык	Немецкий язык
● дама с камелиями	Kameliendame
● старик и море	der alte Mann und das Meer
● преступление и наказание	Schuld und Sühne
● философский камень	der Stein des Weisen
● быть или не быть	Sein oder Nichtsein
● блистать своим отсутствием	durch (seine) Abwesenheit glänzen
● Так вот в чём суть дела! Так вот что здесь кроется!	Das also war des Pudels Kern!
● Я памятник себе воздвиг нерукотворный!	Ein Denkmal schuf ich mir, nicht Men-schenhand entsprungen
● гений чистой красоты	Ich hab bezaubert dich gesehen
● любви все возрасты покорны	Ein jedes Alter folgt der Liebe
● предвкушать благоприятное развитие событий, чуять носом успех	Morgenluft wittern
● последний из могикан	der letzte (der) Mohikaner
● много шума из ничего	viel Lärm um nichts
● (иметь) скелет в шкафу	die Leiche im Keller (haben)
● перехитрить кого-либо	j-n auf den Leim führen
● быть обречённым, пропащим человеком	geliefert sein
● начинать/ заканчивать ссору	das Kriegsbeil ausgraben/ begraben

в) Группа лингвокультурологических единиц, которые получили распространение и стали достоянием культуры языков христианских народов. Это главным образом заимствования из библейских и подобных источников. Например:

Русский язык	Немецкий язык
● *поцелуй Иуды*	*der Judaskuß*
● *во многой мудрости много печали*	*Viel Weißheit bringt viel Kummer*
● *продать за тридцать серебренников*	*für dreißig Silberlinge verkaufen*
● *гора родила мышь*	*der Berg kreißte und gebar eine Maus*
● *не хлебом единым жив человек*	*der Mensch lebt nicht vom Brot allein*
● *волк в овечьей шкуре*	*ein Wolf im Schafpelz*
● *жить как у Христа за пазухой (букв.: как в лоне Авраамовом)*	*wie im Abrahams Schoß ruhen/* sitzen/ schlafen
● *египетская тьма,* непроглядная темень	ägyptische Finsternis
● *перейти Иордан (умереть)*	*über den Jordan gehen*

г) Группа лингвокультурологических фразеологизмов, которые базируются на достижениях культуры русского и немецкого народов. В состав фразеологизмов этой группы входят культурно маркированные компоненты, которые содержат указания на их географическую, историческую или культурно-бытовую соотнесенность. Сюда относятся предметы быта, их национальные названия, архаичные слова, зафиксированные особенности быта, нравов и традиций. Национальное своеобычие этого рода фразеологических образований может быть проиллюстрировано следующими несоотносимыми друг с другом ФЕ:

1) Русские фразеологические единицы – *коломенская верста, мамаево побоище, во всю Ивановскую, лаптем щи хлебать, от горшка два вершка, тришкин кафтан, мерить на свой аршин, оборотень в погонах, бить баклуши, бежать впереди паровоза, без сучка <и > <без> задоринки, без царя в голове, играть в бирюльки, к чёрту на кулички (на рога), как (словно, точно) корове седло, махнуть не глядя, медвежий угол, на посошок (выпивать), на рогах прийти (явиться), накатать телегу, ни за какие коврижки, новые русские, разбор полётов.*

1) Немецкие фразеологические единицы – *das ist nicht mein Bier! auf der Bärenhaut liegen, dumm wie Bohnenstroh, etwas aus dem Effeff können/ verstehen, jmdm. blauen Dunst vormachen, erlebe dich, du schwacher Geist! eine lange Leitung haben, die Engel im Himmel singen hören, nach Schema F., jmdn. unter seine Fettiche nehmen, Geld wie Heu haben, ihm hängt der Himmel voller Geigen, Kohl reden, das geht auf keine Kuhhaut, Quark reden, ab nach Kassel!*

Schwamm darüber! graue Theorie sein, barmherziger Samanter, j-m die Gretchenfrage stellen, einen Vogel haben, sei kein Frosch!

Таким образом, даже эти немногочисленные примеры фразеологических культурологических единиц в русском и немецком языках свидетельствуют о том, что в рамках сопоставительной лингвокультурологии можно определить ее главные функции – познавательную, информативную и кумулятивную, а основные ее задачи представляются связанными с тем, что в результате сопоставления культурных концептов разных языков определяется культурная информация, которую несут эти единицы и благодаря чему расширяется культурно-языковая компетенция носителей языков. В конечном счёте это служит решению проблем межкультурной коммуникации, связанных с наличием так называемых языковых и культурных барьеров. Формирование сопоставительной лингвокультурологии как нового научного направления и учебной дисциплины предполагает решение проблем и задач, связанных с тем, чтобы уточнить объект исследования, определить предмет, единицы исследования, установить их классификацию и при сопоставлении различных лингвокультурологических единиц разных языков выявить общности и различия в составе этих единиц, в установлении их типологии, в описании синхронических и диахронических аспектов.

1. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие. М.: Наследие, 1997.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры». 1996.
3. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию)// Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., Наука, 1993.
4. *Филкова, Пенка.* Сопоставительная культурология. http// web-local.rudn.ru/ web-local.
5. *Бинович Л.Э., Гришин Н.Н.* Немецко-русский фразеологический словарь. Русский язык. М., 1975.
6. *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ: Астраль, 2009.
7. Duden Redensarten. Herkunft und Bedeutung von Rudolf Köster. Dudenverlag. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich.1999.
8. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Duden Band 11 Dudenverlag. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich.1992.

д. ф. н., профессор Н.Б. Мечковская (Минск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ: ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ НЕИДИОМАТИЧНОСТЬ И ГРАДУАЛЬНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ИХ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

1. Неидиоматичность фразеологических сравнений как следствие их референтного и грамматического своеобразия. Референтное отличие фразеологических сравнений от некомпаративных фразем состоит в том, что фразема-сравнение только уподобляет одно явление другому, но не замещает одно другим (как это происходит в некомпаративных фраземах). Например, когда о скоплении большого количества людей в тесном помещении говорят, что *людей набилось как сельдей в бочке*, то всё же люди не названы сельдями, а помещение – бочкой: здесь, имеет место только уподобление, сближение двух ситуаций, но не переименование (как это было бы при метафорическом переносе названий с одних предметов (сельди, бочка) на другие (люди, помещение). Из двух образных фразем – *Мамай прошел* и ***как*** *Мамай прошел* – первое представляет собой метафорическое переименование ситуации (крайнего беспорядка, опустошения) и поэтому является идиомой, между тем восприятие второго оборота не требует от реципиента метафорического переосмысления и не содержит слов, которые в составе оборота получили бы иные, неузуальные значения, и потому данное сравнение неидиоматично. Аналогичным образом: *с луны упал* и ***как*** *с луны упал; две капли воды* и ***как*** *две капли воды*. Если в рематической части сравнения рисуется мыслимая ситуация, то при элиминации сравнительного союза омонимичное соединение слов превращается нефразеологическое (свободное) словосочетание (ср. ***как*** *ветром сдуло* "о внезапном исчезновении кого-, чего-л." и *ветром сдуло (записку со стола); как с цепи сорвался* и *Опять соседский пёс с цепи сорвался*).

Референтное и семантическое своеобразие фразем-сравнений обусловлено их синтаксическими свойствами. В сравнении-фраземе эксплицитно присутствует тот или иной грамматический показатель сравнения; в русском языке их три: сравнительный союз (*как, словно, будто*), творительный сравнения (*борода лопатой, грудь стоять костью в горле)*, компаратив (*бояться пуще огня, короче воробьиного носа*). В свете этих бесспорных фактов грамматики странно читать, что «отличительным признаком семантической модели сравнительных фразем является отсутствие индикатора (формального показателя) сравнительного значения» (Алефиренко, Семененко 2009: 180); не опечатка ли это?

Если некомпаративные фраземы – это расширенные (неоднословные) аналоги членов предложения, то фразеологические сравнения – это редуцированные аналоги сложно-подчиненного предложения с придаточным сравнения. Указанная семантико-синтаксическая структура сравнений-фра-

зем наиболее очевидна в самом распространенном синтаксическом классе фразем-сравнений (с подчинительным сравнительным союзом), однако на уровне глубинного синтаксиса релевантна также и для моделей с творительным сравнения и компаративом . Сравнения-фраземы двухкомпонентны: в их левой (объектной, или тематической) части представлен тот или иной член главного предложения, подлежащий характеристике путем сравнения, а в правой – осколок самостоятельного предложения, рисующего ту ситуацию, с которой сравнивается, которой уподобляется подлежащая характеристике тема сравнения. При всей возможной редуцированости и семантической неясности правой (эталонной, или рематической) части сравнения (*гол как сокóл*), а также в условиях лексико-грамматической вариативности и контекстуальной эллиптичности левой части (*Что ему, как сыр в масле катается, и думать забыл*) сравнения-фраземы отчетливо двухчастны, поскольку на уровне глубинного синтаксиса всякое сравнение предикативно. Грамматический показатель подчинительных отношений не позволяет реме (эталону) сравнения стать образным переименованием его тематического компонента; показатель сравнения препятствует отождествлению темы и ремы сравнения и их слиянию в одном слове (как это происходит в метафоре). Таким образом, неидиоматичность фразем-сравнений обусловлена наличием грамматического показателя отношений сравнения, эксплицитной тема-рематической двукомпонентностью оборота и его глубинной предикативностью.

2. Синтаксис и лексика в семантической организации фразеологических сравнений: синтаксическая эксплицитность тема-рематической структуры образа и различия в мотивированности уподоблений. В аспекте идиоматичности грамматическая структура сравнения-фраземы и лексическое наполнение его синтаксического каркаса выполняют разнонаправленные функции. На макроуровне (грамматическом) четкое синтаксическое оформление сравнений-фразем создает их эксплицитную синтаксическую двукомпонентность и глубинную предикативность, что сохраняет во взаимоотношениях темы и ремы семантику уподобления и предотвращает их слияние по метафорическим моделям. На микроуровне (лексическом) создается образность (что по определению создает экспрессию), а также та дополнительная экспрессия, которая обычно связана с разрушением образа (с его усложнением, остранением, преобразованием и т.п.) – со всем тем, что можно определить как ослабление мотивированности образа. Уменьшение мотивированности, понятности образа создает идиоматичность внутренней формы сравнения, однако это обстоятельство не затрагивает общей неидиоматичности сравнений-фразем на макроуровне их организации – отношений уподобления (а не отождествления) между темой и ремой образа (см. подробно Мечковская 2005: 78-79; Мечковская 2008: 162-164).

Уподобление темы сравнения его реме редко «само собой разумеется» (иначе бы его не вербализировали). Можно почти согласиться с французской пословицей в том, что «всякое сравнение хромает», но абсолютно точно, что «всякое образное сравнение хромает», потому что образ («картин(к)а реальности») – это всегда обобщение, или преувеличение, преуменьшение, заострение или, наоборот, сглаживание и т.д., т.е. некоторая деформация

отображения реальности. Поэтому в репрезентативной выборке фразем-сравнений любого языка преобладают обороты с неполной или нулевой мотивированностью (речь идет о мотивированности по представлениям здравого смысла о предметно-логических связях вещей).

Различия в степени мотивированности ремы во фразеологических сравнениях можно показать на ряде примеров. Вот максимально мотивированные и потому банальные сравнения: *белый как мел/снег, бояться как огня, глупый/упрямый как осел, длинный как жердь/жираф/каланча/кишка/ шест*; *кислый как лимон*; *трусливый как заяц.* Мотивированность приведенных фразем настолько очевидна, что они не включены в толковые словари (в частности, МАС и Кузн.; см. раскрытие сокращений в конце статьи) – эти обороты не нуждаются в толковании, поскольку семантика каждого из них полностью выводима из семантики компонентов. Ср. фраземы с меньшей мотивированностью: *как сельдей в бочке* (во внутренней форме ремы отсутствует значение "много"), *как кошка с собакой* (отсутствует значение "плохо"), *жить как птица небесная* (отсутствует сема "беззаботно, беспечно"), а сравнение *носиться как курица с яйцом* может вообще оказаться непонятным, потому что никто не видел, чтобы курица бегала с яйцом. Ср. также шутливую семантизацию сравнения *спал как младенец: каждые полчаса просыпался и плакал.*

3. Градация мотивированности внутренней формы фразеологических сравнений. Факторы, уменьшающие мотивированность образов. Немотивированность или неполная мотивированность внутренней формы сравнения-фраземы связана с той или иной неясностью или его левой части, или эталона, или обеих частей.

3.1. Сравнения-фраземы с неполной мотивированностью внутренней формы. В примерах сравнений-фразем с максимальной мотивированностью (см. выше) есть два оборота, мотивированность которых несколько меньше, чем у остальных: *глупый/упрямый как осел* и *трусливый как заяц.* Меньшая мотивированность данных оборотов (чем, допустим, оборота *длинный как жираф*) связана с тем, что два первые сравнения опираются не на прямые значения слов *осел* и *заяц* ("животные…"), а на переносно-образные, хотя и узуальные. Это подтверждают словари: МАС для слова *осел* дает переносное значение: "о глупом, тупом, упрямом человеке"; о слове *заяц* в МАС сказано: «пугливый зверек»; в Кузн. в статью *ЗАЯЦ* включена информация о фольклорном концепте "заяц": это «традиционный персонаж русского фольклора – слабый, беззащитный, трусливый зверь».

Мотивированность семантики фразем не первыми (основными) значениями компонентов, а переносными, делает мотивированность внутренней формы фраземы частичной. Ср. в этой связи понятие «***полуидиомы***» (***semiphraseme***), (варианты терминов: «***полуфразема***», «***коллокация***») у И.А. Мельчука и Л.Н. Иорданской (Mel'čuk 1995: 179; Иорданская, Мельчук 2007: 229-233): в отличие от «полных» идиом, для которых обязательно наличие хотя бы одного слова, выступающего в данном обороте не в узуальном (словарном) значении, но в каком-то ином, неизвестном узусу, в «полуидиомах» имеется слово, которое выступает в неосновном (не в «первом», не в прямом), но узуальном значении.

Неполная, хотя и высокая степень мотивированности характерна для внутренней формы тех сравнений-фразем, в которых рема опирается не только на значение слова, но и на его ближайший лексический фон. Так, понимание оборотов *красный как рак, покраснеть как рак* предполагает знание того, что вареные раки – красные. В обороте *здоров как бык* ("о человеке с очень крепким здоровьем" [МАС, I, 129]) в семантике эталона сравнения важна сема "очень крепкое здоровье", однако эта сема не входит в значение слова *бык* (как оно представлено в МАС): «1) домашнее рогатое животное: самец коровы и некоторых других пород крупного рогатого скота […]; 2) (мн.ч.) Название подсемейства крупных жвачных млекопитающих, к которым относятся тур, бизон, зубр и др.».

Сходным образом организована семантика таких фразем, как *сидеть как именинник* ("сидеть праздно, не работать, когда другие работают"); *стоять /сидеть идолом* "оставаться неподвижным, безучастным"; *жить как на вулкане* ("в постоянном беспокойстве, ожидании неприятностей"); *глядеть / смотреть /сидеть/ жить сычом* ("быть угрюмым, мрачным…; жить замкнуто, уединенно"); *прийти / явиться как штык* ("совершенно точно, в точно указанное время") и др. Приведенные сравнения являются образно мотивированными; их образность вполне прозрачна, потому что основана на базовых представлениях о соответствующих референтах (бык – крупный, сильный (что обычно связывают со здоровьем); на вулкане находиться опасно; сыч – ночная и сумеречная птица). Мотивированность приведенных сравнений высока, но она не такая полная, как во фраземах *длинный как жираф* или *бояться как огня*.

3.2. Сравнения-фраземы с немотивированной внутренней формой. В большинстве случаев мотивированность сравнений утрачивалась вместе с постепенным забвением какого-то предания, сказки, поверья, анекдота, стереотипа, в контексте которых сравнение некогда распространилось. Таковы фраземы *ждать как манны небесной; как в воду глядел; носиться как дурень с писаной торбой; драть как сидорову кузу; наварить как на Маланьину свадьбу*; *как сыр в масле катается; страшен как смертный грех, положение хуже губернаторского; ругается как извозчик; пьян как сапожник; напился до белой горячки / до зеленого змия*; бел. *цягаць як дурань ступу (дзверы)*; польск. *krzywić się jak środa na piątek* (букв. "кривиться как среда на пятницу") – "коситься, проявлять недовольство"; словен. *hudoben je, kar ga je pod klobukom* (букв. "злой, словно он под шляпой") – "Он полная дрянь"; нем. *wie der Vogel im Hanf sitzen* (букв. "сидеть как птица в конопле") – "хорошо устроиться, занимать теплое местечко"; англ. *to run like a lamplighter* (букв. "бежать как фонарщик") – "бежать сломя голову".

Однако у некоторых сравнений-фразем внутренняя форма не мотивирована изначально – для вящей экспрессии, для гиперболизации, передачи абсурдности, нелепости ситуации, для насмешки – по принципу «до того сильно…, что сказать не могу; как не знаю что; как черт-те что» (принцип, который в античных риториках был осмыслен как прием соединения эллипсиса и эпифонемы – умолчания и «совосклицания»). Так появлялись сравнения, в которых эталоном глупости служит пробка, сивый мерин, осел, баран, пень, чурбан, ножки стола, табуретка (*глуп как пробка, пень, как*

сивый мерин, как сивая кобыла и т.д.; польск. *głup jak stołowe nogi*); эталоном безудержного вранья – *сивый мерин;* избытка – *как собак нерезаных*; усталости – *собака, лошадь;* голода – *собака, волк*; простоты – *пареная репа* (хотя оборот *проще пареной репы* своим существованием обязан скорее густой аллитерации, чем «простоте репы»). Подробно об усилительных сравнениях см. Копыленко, Попова 1989: 102-122).

Предметно-логическая немотивированность внутренней формы сравнения отнюдь не ведет к его забыванию: фразема нужна говорящим для экспрессии, а не для полноты картина мира. Иное дело архаизм, историзм или редкое слово в составе фраземы (*аки тать в нощи, беречь как зеницу ока, гоголем выступать, гол как сокул, как лунь белый* (или *седой*), *как манны небесной ждать, черный как смоль, как черт ладана бояться* и т.п.). Фраземы с непонятными словами постепенно уходят из живой речи.

Редкий и особый случай немотивированных сравнений-фразем представляют собой обороты, в которых узуальной семантзации не поддаются ни тема, ни рема сравнения. Таков оборот *рассыпаться мелким бесом* "угождать всячески, сверх меры"; полная немотивированность его внутренней формы обусловлена тем, что обе части сравнения представлены словами в неузуальных значениях: *рассыпаться* здесь означает "угождать", а *мелким бесом* – "всячески, сверх меры". Близкий случай – оборот *кататься как сыр в масле* 'жить в довольстве, имея все в изобилии' (МАС, IV, 326).

4. Разнообразие семантико-образной организации фразеологических сравнений: когнитивная и лингвокультурная значимость различий. В контрастивных исследованиях фразеологии существен системно-целостный подход к языковому материалу. Демонстрации отдельных ярких несхожестей двух или ряда языков должно предшествовать исследование количественного соотношения образно мотивированных и немотивированных сравнений в отдельных языках. Существенно также выявление типичных (распространенных) способов мотивации, что определяет характер образности, присущий фразеологии того или иного языка – например, предпочтение наглядных, реальных уподоблений (*как банный лист пристал, как с гуся вода, как рыба в воде* и т.п.); или обращенность к логике (*нужен как собаке пятая нога;* бел. *легка /складана як босаму разуцца*), к фантастическим картинам и преувеличениям (к*ак мертвому припарка поможет*; *как с луны свалился, как корове седло подходит;* бел. *рады як на сто коней сеў*); или иронические характеристики «от противного» (*везет как утопленнику*, бел. *патрэбны як у кармане дзірка; весела, як рыбцы на кручку; вясёлы, як векавуха*); или упреки в нелогичности (*растекаться мыслью по древу; как свинья в апельсинах разбираться*; бел. *як баран у Біблii разумець*; *разгуляўся, як цяля на вяроўцы*). В этой связи можно указать на редкость в славянской фразеологии сравнений, в которых в реме представлен не определенный субъект (человек, животное, вещь), но безличная и поэтому абстрактная ситуация; между тем в английской фразеологии такие сравнения достаточно обычны; ср. несколько примеров из многих: 1) о скучном занятии: *to be as interesting as watching paint dry* (букв. "это так же интересно, как смотреть на высыхающую краску"); 2) о человеке, чрезмерно занятом работой: *to do like there's no tomorrow* (букв. "работать так, словно не будет завт-

ра"). 3) об оскорбительном действии: *like a slap in the face* ("как пощечина"); 4) о не находящей отзыва апелляции: *(useless) like talking to a wall* (букв. "(бесполезно), как разговаривать со стеной"). Ср. русский аналог, более конкретный и наглядный: *как об стенку горох*.

Условные сокращения:

Кузн.: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984.

1. *Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н.* Фраезология и паремиология. М., 2009.

2. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.

3. *Mel'čuk I.* Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // Everaert M. et al. (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale, 1995. P. 167-228.

4. *Мельчук И.А., Иорданская Л.Н.* Смысл и сочетаемость в словаре М., 2007.

5. *Мечковская Н.Б.* Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии // Jachnow H. et al. Kognition, Sprache und phraseologische / parömiologische Graduierung. Wiesbaden, 2005. S. 58-153.

6. *Мечковская Н. Б.*Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков) // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Культуралогія. Фальклярыстыка. XIV Між-народны з'езд славістаў: Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2008. С.149-172.

д.ф.н., профессор В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: ОТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА К УНИФИКАЦИИ

Влас Платонович Жуков был и остаётся патриархом русской и европейской фразеологии, одним из тех лингвистов, который сразу понял перспективность нового направления и уже с 50-х лет прошлого века стал приемником и продолжателем фразеологических концепций В.В. Виноградова и Б.А. Ларина. Развивая теоретические постулаты, выдвинутые основателями нашей фразеологии, В.П. Жуков с самого начала поверял их лексикографической практикой, которая постоянно была пробным камнем самых высоких фразеологических теорий. Знаменитый фразеологический словарь под ред. А.И. Молоткова во многом был животворён участием в его создании Власа Платоновича. Созданные им и его сподвижниками словари – особенно сло-

варь фразеологических синонимов и школьный фразеологический словарь русского языка (Жуковы 1994) до сих пор не утеряли своей актуальности, а А.В. Жуков и его супруга, М.Е.Жукова, успешно продолжают семейные традиции, трудолюбиво обрабатывая фразеографическое поле (Жуковы 2009).

Первопроходцем стал В.П. Жуков и в словарной обработке русских пословиц и поговорок. Будучи приверженцем узкого, идиоматического понимания границ фразеологии, он в то же время сразу же оценил неразрывную связь между фразеологизмами и пословицами и сделал его самостоятельной областью лексикографирования – областью, не только соразмерной фразеологическому словарю под ред. А.И. Молоткова, но и в некоторых аспектах более масштабным и инновативным. В своём «Словаре русских пословиц и поговорок», выдержавшем рекордное (более 11) количество изданий (Жуков 1966; Жуков 1991; 2004 и др.) новгородский лексикограф впервые предложил не традиционное этнографо-фольклористическое описание паремиологического фонда русского языка, но сделал этот фонд объектом строго лингвистической словарной обработки. Академический подход в отборе словника, ясные и работающие на дефиниции иллюстрации из классической и современной литературы, чёткие толкования пословиц, мощная шкала вариативности, ориентированная на предшествующие паремиологические источники, наконец, – плодотворная попытка дать исторический фон описываемых паремий путём обращения к литературе XVIII века – всё это сделало словарь В.П. Жукова новым словом в русской и европейской паремиографии.

Это и понятно. Ведь с XVIII века русскими пословицами занимались в основном ученые-фольклористы, этнографы, литературоведы, и лишь изредка – лингвисты. Если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа», то с укреплением фразеологии как лингвистической дисциплины нас стали интересовать и чисто языковые особенности фразеологизмов и паремий, их употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки.

С течением времени менялась и точка зрения на термины *пословица* и *поговорка*. Древнерусское слово *пословица* было, как известно, многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще – согласие, мир. Одним из таких значений было и ‘краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция’. Прежде не различали пословицы и поговорки. Не случайно поэтому знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» – *погибоша, яко обри*, напр., летописец называет именно *пословицей*. Такое недифференцированное расширенное употребление стало традиционным и для русской живой речи, и для многих писателей и публицистов.

Вот лишь несколько типичных примеров из Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru):

Пословицы:

Он просидел у меня вплоть до вечера… и, подивитесь, скука разогнала несколько мою грусть, – сбылася со мною сей день пословица русская: вы-

бивать клин клином. А. Н. Радищев. Дневник одной недели.

– А я вас попрошу, доктор Ланда, как говорит наша русская пословица, не наводите нам тень на плетень! Аркадий Львов. Двор.

Поговорки:

Не бойся гостя сидящего, а бойся стоящего – эта поговорка несколько раз приходила в голову хозяину, пока он стоял у порога, провожая позднего гостя. Василь Быков. Бедные люди.

Вот тебе и поговорка: «Москва слезам не верит»! или: А надо знать. Есть старинная поговорка (опять старинная!) : «Сколько языков вы знаете, столько раз вы человек». И. Грекова. Перелом.

Не случайно поэтому в Большом академическом словаре слово *поговорка* толкуется не только в собственно терминологическом значении ‘широко распространённое меткое, образное выражение, не являющееся (в отличие от пословицы) цельной фразой, предложением’, но и в ещё трёх, уже не терминологических, а расширительных: разг. ‘слово, часто повторяемое в речи кстати и некстати (напр., *значит* и т. п.), устар. и обл. ‘беседа, речь, разговор’, обл. ‘говор, произношение’ (БАС 10, 180–81).

Такой же семантический синкретизм наблюдается и в речевых, особенно диалектных, употреблениях терминов *пословица* и *поговорка.* По устным свидетельствам носителей говоров они обычно воспринимаются как синонимы.

Ср. *Ряз.:* «– На одном месте сидю как мёд кисни. [– Как это?]. – Такой-то говорит пословица, такой-то – поговорка: сидю как мёд кисну». *Ряз. (Деулино)* – ДС 1969, 222. Или в том же словаре носитель говора квалифицирует словом *пословица* явную поговорку: «Бог наеду не даёт нам – ни наедимся. Это пословица... и в старину говорили – Бог наеду не даёт». *Ряз. (Деулино)* – ДС 1969, 315. Поэтому составители словаря спреведливо определяют слово *пословица* широко – «какое-л. слово или выражение». (там же, 445).

погов<u>о</u>рка – речь, произношение. *Якут.* «Поговорка у индигирщиков друга, у нас на Кулуме другой язык, кулумской. А наша поговорка ямщикская, мы ямщикский язык и знаем». (Дружинина 2007, 3, 165).

погов<u>о</u>рка – говор, речь. *(Одесск.).* СРГО 2, 410. 1. *Томск.* Распространённое меткое, образное выражение..При этом приводится в качестве иллюстрации пословица *Век живи и век учись, а дураком помрёшь.* Верш. 5, 144. 2. *Томск.* Местный говор, произношение. Верш. 5, 144.

поговорка – Ср.-Прииртыш. Говор. «– *Поговорка*-то разна, , разговор разны. В той деревне так «лонись» говорили, прошедши год, видно». СРСГП 3, 21-22.

поговорочка – Ср.-Прииртыш. Говор. «– У мово-то у милого *поговорочка на –о».* СРСГП 3, 22.

пословица. Ср.-урал. – название, слово. «Стоялко – это ранешная ишо пословица». «К человеку и то пословица: копоруля! Вот у человека худая рука – говорят: копоруля. У одной пёрстов совсем нет, так называют копоруля».СРГСУ 4, 104

послов<u>к</u>а. Краснояр. – поговорка, присловье: «Пословка така была у ан-

гарцев: «У-у, змеёв». ССКр 1992, 248.

пословка. Ср.-урал. – пословица. «От стариков у нас эта пословка». СРГСУ 4, 104.

Постепенно однако в русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины стали различаться достаточно четко. В. И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение четко и лапидарно. Пословица, по его мнению, – это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», поговорка же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения… это одна первая половина пословицы» (ДП, 13–14). К пословицам, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый теленок две матки сосет*, а к поговоркам – *погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать*, то есть такие единицы, которые многими лингвистами называются теперь фразеологизмами. Тем не менее, указанная семантическая «размытость», заложенная в самой номинации и даже этимологии терминов *пословица* и *поговорка* всё-таки потребовала их на первом этапе развития фразеологии как лингвистической дисциплины чёткого разграничения.

Именно такую задачу поставил перед собой В.П. Жуков при составлении своего «Словаря русских пословиц и поговорок». Неудовлетворённый расширительной семантикой этих старых терминов, он отказывается от их традиционной трактовки и предлагает весьма оригинальное их толкование (Жуков 1966, 11). Под пословицами новгородский паремиолог понимает краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под поговорками – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым отнесены речения типа: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, ко вторым – *Деньги – дело наживное* или *Коса – девичья краса*.

Автору этих строк выпала честь быть официальным рецензентом второго, исправленного и дополненного издания словаря В.П. Жукова – это была и личная просьба составителя, и заказ издательства «Русский язык». Я выполнил свою рецензентскую функцию с пиететом и, разумеется, детально подчеркнул все выше названные достоинства этого фундаментального труда. Пожалуй, единственным (кроме мелких коррекций) поводом для дискуссии с автором стал для меня именно терминологический вопрос – проблема новой дефиниции терминов *пословица* и *поговорка.* Я отстаивал их традиционное толкование, где *пословица* – это законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией[1] . Поговорки же интерпретировались мною так же традиционно – как

1 Ср. принимаемое многими толкование пословицы и поговорки в кн.: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985. – С. 222, 211; Словарь литературоведческих терминов. / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М., 1974. – С. 276-277, 272-273.

фразеологизмы в узком смысле слова, т.е., по В.И. Далю, как устойчивые словосочетания в узком смысле слова типа *бить баклуши, гонять собак* или *не видно ни зги*. Главным отличием *пословицы* от *поговорки,* следовательно, по традиции признавалось отличие структурно-семантическое и функциональное: если пословица представляет собою законченную синтаксическую структуру с назидательным содержанием, то *поговорка* – это лишь «строительный элемент» предложения, оценочно-экспрессивное словосочетание, выполняющее в нём чаще всего ту же функцию, что и образно коннотируемое слово.

Аргументы в пользу такого понимания этих терминов я черпал не только из нашей русистской традиции (не только лингвистической, но и фольклорно-этнографической), но и в терминологической системе других европейских языков. В самом деле: именно такое понимание эквивалентов наших терминов сложилось и в славянских, и в неславянских языках. Таковы, напр.: бел. *прыказка* и *прымаўка,* укр. *прислів'я* и *приказка,* чеш. *přísloví* и *rčení,* хорв. *poslovica* и *uzrečica,* болг. *пословица* и *поговорка,* словен. *pregovor* и *izrek* и др. «Словарь славянской лингвистической терминологии» не только даёт полную палитру этой терминологической пары в славянском языковом пространстве, но и приводит их неславянские европейские соответствия: англ. *proverb* и *saying*, фр. *proverbe* и *dicton*, нем. *Sprichwort* и *Redensart* или *Redewendung* (Slovník 1997, 1, 188–189). Тем самым эти русские термины вписываются в древнюю общеевропейскую традицию, восходящую к античности, где лат. *proverbium* для обозначения пословицы употреблялось уже в I-м веке до н.э., заменив более раннее *adagio* (или *adagium),* вытесненное греческим термином *παροιμία (paroimia)* (Simple forms 1994, 234–235). Разумеется, при этом определённая семантическая диффузия между этой европейской терминологической парой сохранялась и сохраняется. Любопытно, что некоторой «переходностью» отмечена она и в китайской терминосфере, где наряду с обозначением пословиц (*яньюй*) и поговорок (*суюй*) имеется и третий термин – идиомы (*ченюй*) (Го Нин 2010, 146).

Все изложенные соображения побудили меня оспорить новую интерпретацию терминов *пословица* и *поговорка,* предложенную В.П. Жуковым. Более того – при составлении всех паремиологических словарей и справочников участниками нашего Петербургского фразеологического семинара мы держались именно традиционной их дефиниции. В наших словарях (например, «Школьном словаре живых русских пословиц» – ШСП 2002 и «Большом словаре русских пословиц» – Мокиенко, Никитина, Николаева 2010) описываются как образные, так и безобразные пословицы. Последние – в отличие от толкования В. П. Жукова – именуются не поговорками, а пословицами. Включение их словари пословиц, а не поговорок оправдано той дидактической ролью, которую они издревле играют наравне с пословицами образными. Ср. нравственную ценность таких безобразных пословичных рекомендаций, как *Учиться – всегда пригодиться*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше богатства*. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая емкость делает их пословицами, вполне адекватными образным – типа *Ученья корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье – свет, а неученье тьма*.

Поговорки же, т. е. народная фразеология (resp. идиоматика), потребовали особого типа лексикографической обработки по сравнению с пословицами и были описаны нами в двух специальных больших словарях – поговорок и устойчивых сравнений (Мокиенко, Никитина 2008, 2008а).

Отказавшись в своей рецензии на монументальный словарь В.П. Жукова от его нового разграничения *пословицы* и *поговорки* и на практике оставшись традиционалистом, я в то же время не мог не вдуматься в сущностный смысл такого разграничения. Как паремиолог и фразеолог я не мог не обратить внимания на внутреннюю логику предложенной паремиологической оппозиции и не оценить её новаторской подоплёки. Ведь теоретически это была вполне оправданная попытка внести ясность в жанровую разноголосицу, покрываемую старыми терминами *пословица* и *поговорка.*

Разумеется, каждый составитель большого словаря пословиц и поговорок постоянно сталкивается как с практической трудностью чёткого, «классического» разграничения некоторых паремий на эти две группы, так и с искусом включения в словари или собрания близких по структуре и семантике языковых единиц, в принципе имеющих паремиологический статус, но не полностью соответствующих любому избранному определению пословицы или поговорки. Такому искусу поддался и великий В. И. Даль, включивший в «Пословицы русского народа» и праностики (приметы), и скороговорки, и некоторые загадки, и многое другое. Кстати, его современник, составитель монументального свода украинских паремий М. Номис, даже в самом его названии подчеркнул некоторую расплывчивость объекта описания – «Українські приказки, прислів'я і таке інше» (Номис 1864). Это «і таке інше» («и всё такое прочее») симптоматично, несмотря на бытовизм стиля названия книги. До сих пор ни одно масштабное паремиологическое собрание не может полностью элиминировать «і такого іншого» из своих словников. Отсюда – попытки детализировать терминологический аппарат наименований описываемого объекта. Таково, например, подключение к тематической классификации русских пословиц и поговорок в сборнике В. И. Зимина и А. С. Спирина (1996) и «жанрового» распределения некоторых из них на *молвушки, приговорки, присловья, дразнилки, загадки, скороговорки, считалки, приметы, слова привета и ответа* и др. (ср. анализ этого терминологического аппарата в рецензии: Мокиенко 2000).

В Большом словаре русских пословиц мы, составители, также не могли – да и не хотели – порывать с уже сложившейся паремиологической традицией и потому в его корпус включены и такие паремии, которые не всегда «идеально» соответствуют принятому нами определению *пословицы.* Отказаться от описания близких к пословицам единиц значило бы, однако, обеднить паремиологический фонд русского языка, складывавшийся веками. Такому подходу противоречил бы сам жанр нашего словаря. Столь же широкий подход к термину *пословица* нами был принят и при составлении словаря «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко 2005). В разряд *антипословиц* мы включили паремии разного характера: прямые смысловые и формальные «антитезы» классических пословиц типа *Кто рано встаёт, тот рано помрёт; Яйца курицу дисциплинируют; Любишь кататься – люби и катайся!* разнообразные трансформации пословиц (особенно шут-

ливо-иронические) типа *Без труда и кашу маслом не испортишь; Чем дальше в лес, тем толще партизаны; Баба с вузу – бухгалтерии легче;* переделки крылатой афористики, обретшей паремиологический статус – *Кесарево кесарю, самураю – харакири, Типун вам на ваш великий и могучий русский язык;* наконец, остроумные и оригинальные современные афоризмы, по смыслу и структуре адекватные паремиям – напр., *Жизнь россиян бедна, зато как богата русская история!* и т.п. Особый вопрос – «антипословичный» статус поговорок: их мы в основном выделяем в особый корпус, но при контаминации они могут создавать именно *антипословицы,* т.е. паремиологические единицы с законченной синтаксической структурой и обобщённой (нередко антидидактической) семантикой.

Что скрывать: не всем коллегам-лингвистам понравился употреблённый нами вслед за В. Мидером термин *антипослоивцы.* Предлагаемые нашими оппонентами эквиваленты этому термину – напр., *трансформации (*или *трансформы) пословиц, индивидуально-авторские преобразования, переделки, кукеризмы* и т.д., однако, не кажутся нам удачными За каждым таким предлагаемым ими термином тянутся шлейфы более широкого или более узкого языкового пространства, чем тот объект, который нас интересует. Но самое главное – ведь ни один современный термин не соответствует полностью его этимологическому значению, отсюда и традиционные споры о синонимии и вариантности, омонимии и полисемии, метафоре и метонимии и т. д. Термин обычно условен, «арбитрарен» (Ф. де Соссюр) и главное в его употреблении – чтобы те, кто его принимает в определённом толковании, использовали его в своих исследованиях и словарях в точном соответствии с принятой дефиницией.

Важны и чисто практические соображения: при определённой размытости границ «чистых» пословиц и других паремий лексикограф нередко вынужден «поступаться теоретическими принципами», принятыми ими теоретическими. Не случайно поэтому В.И. Даль, чётко сформулировав в своём «Напутном» разграничение между терминами *пословица* и *поговорка,* именует своё собрание «Пословицы русского народа», а не «Пословицы и поговорки...». Более того, – в это классическое собрание входит и немало паремий другого типа: приметы, этикетные формулы, шутливо-иронические реплики, коллективные прозвища, загадки и др. И столь широкая палитра включённого им в «Пословицы» материала в какой-то мере оправдывается постоянным взаимодействием «классических» пословиц и пословиц в их расширенном, бытовом понимании.

Продолжая пополнять ресурсы русских пословиц и антипословиц, мы постоянно обращаемся к словарю В.П. Жукова. И чем дальше, тем больше понимаем его стремление навести терминологический порядок в тот паремиологический разнобой, который для этой области фольклористики и лексикографии характерен. Конечно, – в силу изложенных выше причин отказываться от традиционного разграничения терминов *пословица* и *поговорка,* пожалуй, нельзя. Нельзя уже и потому, что это оторвало бы нашу отечественную паремиологию и паремиографию от древней европейской традиции. Но нельзя и игнорировать то сущностное разграничение паремий на образные и безóбразные, которое предложил Влас Платонович. Ведь за этим

разграничением стоят разные паремиологические миры, различное видение картины языкового мира, различные способы его номинации. И поэтому не случайно, что у В.П. Жукова находятся верные последователи и в наше время. Так, Л.Б. Савенковой термины *пословица* и *поговорка* признаются видовыми по отношению к общему термину *паремия* и, вслед за В.П. Жуковым «разграничиваются по наличию или отсутствию в их составе (по сравнению с деривационной базой) переносного значения» (Савенкова 2002, 12-13). Тем самым это разграничение приобретает особый, уже – по современной терминологии – когнитивный смысл.

Вот почему сегодня, оценивая неоценимый вклад В.П. Жукова в отечественную и мировую фразеологию и паремиологию, нельзя игнорировать и предлагаемое им новое прочтение старых терминов. Отказываясь от новой дефиниции двух традиционных терминов, мы должны принять саму суть предложенного новгородским паремиологом разграничения. Это разграничение вскрывает кардинальное различия между двумя типами пословиц, определяет специфику их функционирования и даёт возможность категориальной дифференциации их семантики. Тем самым лингвистический анализ пословиц по двум намеченным В.П. Жуковым дифференциалам может стать перспективой наших паремиологических исследований и дать импульс к составлению специализированных словарей.

БАС: Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1948-1965.

Вальтер, Мокиенко 2005: *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский Дом „Нева“, 2005. – 578 с.

Верш.: Вершинской словарь. Тт. 1-7./ Главный редактор О.И. Блинова. – Томск: изд-во Том. ун-та. – 1998-2002. (т. 1: А-В, 1998); т.2: Г-З, 1999; т. 3: И-М, 2000; т. 4: Н-О, 2001; т. 5: П, 2001; т. 6: Р-С, 2002; т. 7: Т-Я, 2002.

Го Нин 2010: *Го Нин.* Лингвокультурологические аспекты китайской фразеологии // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телии. – Том. 1. Язык. Ментальность. Культура. – М.–Тула, 2010. – С.145–149.

ДС 1969: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. – М., 1969. – 612 с.

Дружинина 1997-2007: *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Учебное пособие по русской диалектологии / Научн. ред. проф. Н. Г. Самсонов. Вып. 1 (А-В); Вып. 2 (Г-И). – Якутск, 1997; 2002. – 117 с.; Вып. 3 (К-П). – 245 с.; Вып. 4 (Р-Я). – 190 с.

ДП: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.; «Художественная литература», 1957. – 992 с.

Жуков 1966; Жуков 1991: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) – М. 1967; 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык», 1991. – 534 с.; 11-е изд. (стереотип.) – М.: Русский язык – Медиа, 2004. – 539, [5] с.

Жуковы 1994: *Жуков В. П., Жуков А. В.* Школьный фразеологический

словарь русского языка. Пособие для учащихся. 3-е изд., переработанное. М.: «Просвещение», 1994. – 431 с. (первое издание – 1980).

Жуковы 2009: *Жуков А. В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка. – М.: Астрель. АСТ, 2009. – 445 с.

Зимин, Спирин 1996: *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. – М: «Сюита», 1996. – 544 с.:

Мокиенко 2000б: *Мокиенко В. М.* Рец.: Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: «Сюита», 1996. — 544 с. // Revue des études slaves, LXXII/3-4, 2000. – P. 612-622.

Мокиенко, Никитина 2008: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

Мокиенко, Никитина 2008а: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. , Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Номис 1864: Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. – СПб, 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. – 766 с.

Савенкова 2002: *Савенкова Л. Б.* Русские паремии как функционирующая система. – автореф. дисс.... доктора филол. наук. – Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.

СРГО: Словаря русских говоров Одесщины. В дрвух томах. Отв. ред. Ю. А. Карпенко. Тт. 1-2. – Одесса: «АстроПринт», 2000-2001.

СРСГП: Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. – Тт. 1–3. (Т. 1 (А-З. – 227 с..; Т. 2 (И–О, 244 с.; Т. 3 (П–Я, 357 с.). Под ред. Г. А. Садретдиновой. – Томск: изд-во Томского ун-та, 1992–1993.

СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала. Тт. 1–7. Свердловск: изд-во Свердловского ун-та, 1964–1991.

ССКр 1992: Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. – Красноярск: изд-во КГПИ, 1992. – 348 с.

ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц. Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. – СПб.: «Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с.

Simple forms 1994: Simple forms. An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature. Koch Walter A. (ed.) Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1994. – 425 p.

Slovník 1977-1979: Slovník slovanské lingvistické terminologie. Словарь славянской лингвистической терминологии. Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology. – Praha: Academia. T. I, 1977. – 553 s.; t. II, 1979. – 482 s.

д. ф.н., профессор Т.Н. Федуленкова,
асп. И.В. Бечина (Северодвинск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА: ИНВАРИАНТ, ВАРИАНТ, ТОЖДЕСТВО

Проблема фразеологической вариантности является одной из наиболее насущных проблем фразеологии ввиду особой сложности взаимоотношений инварианта, варианта и тождества ФЕ. Дело в том, что фразеологическая единица является таким образованием, в котором означающее представлено специфически употребленными словами (Смирницкий 1954: 135), или компонентами. Тот факт, что компонент ФЕ носит словный характер, и ведет к разнообразию фразеологической вариантности, так как позволяет фразеологической единице совмещать в себе все виды вариантности (Федуленкова 2000: 117), характерные для морфологического, лексического, синтаксического, семантического и других уровней лингвистического анализа.

Понимая фразеологическую вариантность как частную проблему вариантности в лингвистике, акцентируем внимание на том, что для фразеологических единиц, как более сложных языковых знаков по сравнению со словом – и по структуре, и по семантике, и по функциям, – проблема вариантности является особенно актуальной, так как с усложнением архитектоники языковой единицы возрастает многообразие видов ее варьирования (Федуленкова 2006: 75).

Факт прямой зависимости различительных средств языкового знака от высоты его уровня отмечается Н.Д. Арутюновой: «…чем выше уровень, тем разнообразнее его структура, тем сложнее устройство механизма дифференциации, поскольку в него вплетаются дистинктивные средства, возникшие в недрах предшествующих ярусов… Понятие плана выражения обогащается и в то же время расслаивается, переходя в понятие наборов дистинктивных средств каждого структурного уровня» (Арутюнова 1968: 76). Это высказывание подтверждается наблюдениями Э.А. Макаева, утверждающего, что «…по направлению от низших единиц к высшим, от низших уровней языка к высшим возрастает количество конструктивных единиц уровня, увеличивается архитектоническая сложность данных единиц, возрастает сложность их парадигматических и синтагматических отношений, возрастает степень их вариативности» (Макаев 1962: 49].

Существенное влияние на понимание фразеологической вариантности оказало приложение результатов лексикологического анализа вариантов к области фразеологии. Влияние это выразилось в том, что явление фразеологической вариантности связывалось многими исследователями с определением границ сохранения тождества. Это значит, что в области фразеологии, так же как и в лексикологии, формально-структурные изменения допускались лишь в той степени, в какой: а) оставалась выраженной материальная общность языковых единиц, т.е. лексический инвариант, стабильная структура, схема отношений между элементами и др., и б) при этом сохраня-

лось неизменным их значение. И даже те исследователи, которые признавали, что постоянного элемента структуры может не оказаться в случае варьирования означающего фразеологических единиц, как, например, в ФЕ: *close/ shut the/ one's eyes/ ears to somebody/ something* (где варьируется каждый компонент), допускают возможность описания вариантности в области фразеологии по схеме решения проблемы отдельности и тождества слова.

Под влиянием лексикологических методов анализа в области фразеологии начинает преобладать тенденция перенесения проблемы вариантности в план выражения. Рассмотрим следующие определения фразеологического варианта, предложенные виднейшими представителями отечественной фразеологии: 1) «Структурными вариантами идиомы являются сочетания, допускающие известные формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на мотивировке идиомы, ни на характере ее реализации» (Амосова 1963: 100), 2) «Фразеологические варианты … при общности значения характеризуются полным тождеством образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски, что и создает возможность параллельного их функционирования в различных контекстах» (Авалиани, Ройзензон 1968: 72), 3) «Фразеологические варианты – это разновидности ФЕ, тождественные друг другу по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям при частичном различии в лексическом составе, в словоформах или в порядке компонентов» (Кунин 1972: 7).

Все эти определения объединяются общим элементом, который заключается в том, что вариантные формы лексем не несут дополнительной относительно друг друга информации, другими словами вариантные фразеологизмы представляют собой информативно тождественные языковые единицы.

Концепция фразеологической вариантности ощутила на себе также влияние дискуссии о возможности стилистической и экспрессивной дифференциации вариантов под воздействием формально-структурных изменений ФЕ, вследствие чего значительная часть исследователей фразеологии допускает возможность таких расхождений, включая их в определения фразеологической вариантности.

Открытые влиянию идей асимметричного дуализма языкового знака (Карцевский 1965: 85), языковеды делают попытку установить двустороннее варьирование фразеологической единицы, в связи с чем в метаязык лингвистики вводится понятие «семантически выраженных вариантов». Однако введение лексико-семантических модификаций и семантически отмеченных вариантов размывает границы варьирования и синонимии, что признается и самими авторами (Телия 1968: 233).

Трактуя вопросы вариантности фразеологических единиц большая часть исследователей руководствуется тремя направлениями: вариантность и инвариантность, вариантность и тождественность, вариантность и синонимия. Инвариантность при этом рассматривается как разного рода устойчивость, которая обеспечивает тождественность фразеологической единицы (Федуленкова 2005: 170). Так, разрабатывая теорию фразеологической устойчивости, А.В. Кунин описывает пять видов инвариантности, или микроустойчивости фразеологических единиц, а именно: 1) устойчивость употребления, 2) структурно-семантическая устойчивость, 3) семантическая устойчивость,

4) лексическая устойчивость, 5) синтаксическая устойчивость (Кунин 1972: 6).

Очевидно, что термин «инвариант» используется автором и в отношении постоянных лексических компонентов фразеологических единиц, и применительно к их грамматической структуре, и к значению, а тождественность понимается как совокупность инвариантов той или иной фразеологической единицы. Решая проблему вариантности фразеологической единицы, А.В. - Кунин в качестве отправной точки принимает функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы. Такой подход к объекту исследования обусловил выделение предложенных им критериев, на основе которых дается определение вариантов (см. выше). Автор выделяет следующие типы фразеологических вариантов:

1) лексические варианты: *to have a caustic/ venomous tongue*;

2) морфологические варианты: *get into deep water/ waters*;

3) синтаксические варианты: *take away somebody's breath / take somebody's breath away*;

4) позиционные варианты: *a square peg in a round hole / a round peg in a square hole*;

5) квантитативные варианты: *cut the Gordian knot / cut the knot*.

Примечательно, что лингвист предусматривает распад фразеологической вариантности в следующих случаях: а) в случае возникновения между вариантами тех или иных различий семантического или стилистического порядка или различий в сочетаемости фразеологических оборотов даже при тождественности значения; б) в случае устаревания варианта и превращения фразеологизма в безвариантную единицу; в) в случае утраты лексического инварианта и перехода фразеологизма в переменно-устойчивые варианты, или структурные синонимы.

При этом автор подчеркивает, что «если у фразеологических единиц с частично различным лексическим составом имеется одинаковое число значений, но они не полностью совпадают, отличаясь оттенком, образностью, стилистической направленностью или сочетаемостью, то образуются структурные синонимы» (Кунин 1964: 442). Следовательно, фразеологические единицы, которые характеризуются изменением лексического состава, противопоставляются как варианты, если они абсолютно тождественны по смыслу и валентности, и как структурные синонимы (т.е. некая промежуточная категория между вариантами и синонимами) – если отсутствует абсолютное тождество смысла и идентичный объем окружения. Подчеркнем, что данная точка зрения – о промежуточной категории – является дискутируемой.

Среди взглядов на данную проблему оригинальностью отличается точка зрения А.Д. Райхштейна, который уходит от непосредственного противопоставления понятий «инвариант – вариант» и считает более последовательным сопоставление изменяемости и вариантности как способности фразеологических единиц к значащему и незначащему преобразованию формы. «Инвариант, – по его мнению, – это двусторонняя единица более высокой ступени абстракции, представленная всеми формами изменения, получаемая путем отвлечения от некоторых их формальных и смысловых признаков и обобщающая их по содержанию» (Райхштейн 1974: 59).

Дифференциация формальных и семантических вариантов в классе идиом наиболее четко проводится В.И. Зиминым. В пределах семантического варьирования автор выделяет: а) семантические варианты полисемантического фразеологизма, б) функциональные семантические варианты одного и того же значения фразеологизма, иными словами, «варианты вариантов» (Зимин 1972: 70). Критерии выделения первого типа сводятся к одинаковой понятийной соотнесенности, дистрибутивному окружению и однотипным связям со всей лексико-семантической системой языка. Преобладание в значении функционального фактора оставляет единицу на уровне варианта вариантов.

В заключение отметим, что вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции.

Неугасающий интерес к проблеме вариантности ФЕ демонстрируют новейшие публикации по фразеологии (Вострецова 2009: 39). Толкования вариантов и их категориальных признаков, рассмотренные в данной работе, свидетельствуют о том, что все еще много противоречивых и спорных моментов заключает в себе проблема отождествления и идентификации фразеологических единиц, различающихся по лексическому составу и структуре, и проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов далека от своего решения.

1. *Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И.* О разграничении синонимики и вариантности в области фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материалы 9-го Всесоюзного координационного совещания. Баку, 1968. С. 72.

2. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963.

3. *Арутюнова Н.Д.* О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 73-89.

4. *Вострецова В.А.* К проблеме вариативности фразеологических единиц // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международ. науч. симпозиума / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 39.

5. *Зимин В.И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Вып. 2. Тула, 1972. С. 70-82.

6. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака / / История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / Отв. ред. Звегинцев В.А. 3-е изд. Ч. 2. М., 1965. С. 85-90.

7. *Кунин А.В.* Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Дис… д-ра филол. наук. М., 1964.

8. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М.: ИМО, 1972.

9. *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания, 1962, № 5. С. 47-59.

10. *Райхштейн А.Д.* Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы. Дис. … д-ра филол. наук. М., 1974.

11. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Уч. зап. МГУ. М., 1954. С. 135-149.

12. *Телия В.Н.* Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка. Дисс… канд. филол. наук. М., 1968.

13. *Федуленкова Т.Н.* Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000.

14. *Федуленкова Т.Н.* Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале англ., нем. и швед. яз.): Дис. …д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006.

15. *Федуленкова Т.Н.* Узуальная вариантность фразеологии библейского происхождения // Вопросы романской и германской филологии: Уч. зап. ЛГУ им. А.С. Пушкина. Вып. 3. СПб, 2005. С. 170-174.

РАЗДЕЛ 1: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ

к.ф.н., доцент О.Б.Абакумова (Орел)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕОНТИЧЕСКИХ НОРМ В СЕМАНТИКЕ ПОСЛОВИЦ

Статья посвящена вопросам анализа семантики пословиц, которая содержит деонтические нормы социального поведения, принятые в сопоставляемых культурах в типовых ситуациях общения. Пословица понимается нами как оценочное высказывание, практическое рассуждение, ведущее к действию. Деонтическая картина мира складывается из деонтических норм, принятых в данной культуре, которые эксплицитно или имплицитно выражены в семантике фразеологизмов и пословиц. Деонтические нормы включают в себя правовые, морально-этические нормы, а также социальные правила и законы. «Нормы, - утверждает А.Т. Ишмуратов, - это схема поведения, которую социальная группа предлагает (навязывает, требует) реализовать субъекту в определенной ситуации [Ишмуратов 1987:85].

В.И. Карасик [Карасик 2004], исследуя ценностный аспект языковой личности, утверждает, что нормы поведения, в которых этот аспект проявляется, обобщают и регулируют множество конкретных ситуаций общения и поэтому относятся к особо важным знаниям, фиксируемым в значениях слов и фразеологизмов. Норма поведения предполагает определенную нормативную ситуацию, которая, по мнению В.И.Карасика, включает несколько типов участников, объект оценки и его идеальный (нормативный) прототип, нормативный модус и мотивацию. Нормативная мотивация – обусловленность нормативной ситуации определенными культурными ценностями. Нормативные ситуации отражены в языке и представлены в пословицах, которые в сжатом виде содержат наиболее существенные предписания и оценки поведения людей. В.И.Карасик полагает, что можно говорить об индивидуальных, групповых, этнических и универсальных ценностях и считает возможным выделить этническую специфику норм и группового осознания культурных ценностей. Исследователь дает классификацию деонтических норм, выделяя этические и утилитарные и др. их виды.

Деонтические нормы связаны с субъективными модальностями (аксиологической и эмотивной). Модальности можно выявить через анализ семантической структуры пословицы, они присутствуют в ней в виде информационных блоков, или макрокомпонентов значения. Определив деонтические

нормы, можно смоделировать национальную языковую личность на ее вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях (см. определение Ю.Н.Караулова). Различие деонтических норм объясняется различиями концептуальных и ценностных картин мира русской и английской языковой личности, что определяется особенностями их культуры. Полагаем, что национально-культурная специфика пословиц связана прежде всего с информационным блоком оценки и деонтических норм. Предлагаемая нами когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе [Абакумова 2009] содержит репрезентативный, связанный с выражением отношения, и регулятивный тип речевого акта, в котором выражаются значимые претензии на правильность.

Нами были проанализированы английские и русские пословицы, репрезентирующие концепты «правда» и «truth» в русскоязычной и англоязычной пословичных картинах мира. Они содержат в своей семантике эксплицитные или имплицитно выраженные нормы социального поведения человека в типовых ситуациях общения, используемые представителями русского и английского лингвокультурного сообщества.

По материалам словарей нами было выявлено около 80 английских и более 500 русских пословиц, отражающих феномены «truth» и «правда» в английской и русской пословичных картинах мира. Применив к ним расширенный аппарат семантических падежей и фреймовый анализ, об актуальности использования которого пишет А.В.Жуков [см. Жуков 2008:98], мы выяснили, что самой типичной падежной категорией в этой группе является «квалитатив», который мы определяем как «падеж, которым характеризуется качество описываемого объекта». В тех случаях, когда нормы социального поведения выражаются имплицитно, мы использовали контекст употребления пословиц. В целом было проанализировано свыше 1000 оригинальных текстов, принадлежащих к бытовому, медийному, религиозному дискурсам.

Английская нормативная языковая личность, восстановленная на материале пословиц о правде, представляет осторожного рассудительного человека, не принимающего необдуманных решений, предпочитающего реальное благо и наименьшее зло, самодостаточного, храброго оптимиста, говорящего правду, но не всю и не всем. Можно предположить, что в основе лежит архетип моряка, воина.

В семантике английских пословиц представлены следующие деонтические нормы:

1) Нормы безопасности (свыше 17 ед.): Следует быть осторожным. Примеры: *Speak the truth and run. Truth breeds hatred*

2) Нормы реализма (около 15 ед.): Следует знать правду. Примеры: *Tell a lie and find the truth.*

3) Нормы взаимодействия (14 ед.): Нельзя быть трусом. Примеры: *Truth fears no trial. Truth seeks no corners*.

4) Нормы жизнеобеспечения (9 ед): Следует надеяться на лучшее. Примеры: *Truth is mighty and will prevail. Truth will out*.

5) Нормы контакта (5 ед.): Следует быть честным. Примеры: *Better speak truth rudely than lie covertly. Truth becomes gentleman.*

Правда репрезентируется в английских пословицах как могущественное, самодостаточное явление, нежелательное и даже опасное, но высоко оцениваемое. В ядре пословичного концепта лежит признак соответствия реальным фактам и событиям, их адекватное объективное отражение, лишенное эмотивных влияний, вытесняющих логическое содержание. В качестве источников правды английское языковое сознание указывает ее земное происхождение: доступность через опыт (*Tell a lie and find the truth*), общественное мнение (*What everybody says must be true*), беседу с глазу на глаз *(Face to face the truth comes out*), через добродетели (*A good heart cannot lie*), шутку (*Many a true word is spoken in jest*), через речь детей, глупцов или подвыпивших людей (*Children and fools cannot lie. Drunkards cannot lie. There is truth in wine*), утверждается, что правду найти нелегко (*Truth lies at the bottom of a well*), что она проявляется с течением времени (*Truth is time's daughter*). Можно сделать вывод, что правда для англичан – нечто реальное, объективное и даже иногда опасное, существующее независимое от человека и не нуждающееся в его защите.

В русской пословичной картине мира реконструируется нормативная личность человека эмоционального, который остро воспринимает всякую несправедливость, но высоко адаптивного к внешним обстоятельствам, привыкшего полагаться на себя, искреннего, склонного к мистицизму, он пессимистичен, но надеется на лучшее, чувствует свою ответственность, осторожен, справедлив и храбр. Можно предположить, что в основе лежит архетип крестьянина и система норм, существовавшая в крестьянской общине.

Такой портрет выявляется на фоне следующих деонтических норм в семантике пословиц:

1) Нормы контакта (153 ед.): Надо быть честным. Примеры: *Правду молвишь, правду и чини. Не рой другому яму, сам в нее попадешь. Правду похоронишь, сам из ямы не вылезешь. Пей да ешь, а правду режь. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь..*

2) Нормы реализма (140 ед.): Следует полагаться на себя. Примеры: *Бог правду видит, да нескоро скажет. Нет правды на свете*.

3) Нормы жизнеобеспечения (80 ед.): Следует надеяться на лучшее. Примеры: *Без правды не житье, а вытье. Правда в воде не тонет и в огне не горит. Правда из воды, из огня спасает.*

4) Нормы ответственности (55 ед.): Нужно отвечать за свои поступки. *Любишь кататься, люби и саночки возить. За ушко да на солнышко.*

5) Нормы безопасности (42 ед.): Следует быть осторожным. Примеры: *Правда как оса лезет в глаза. Правда рогатиной торчит. За правду-матку ссылают на Камчатку.*

6) Нормы контроля (более 20 ед.): Следует быть справедливым. Примеры: *Каждому по делам его. Не бей Фому за Еремину вину.*

7) Нормы взаимодействия (15): Нельзя быть трусом. Примеры: *Кто за правду горой, тот истинный герой. За правду-матку и помереть сладко.*

Правда в пословицах персонифицируется. Выявляемая на их основе мифологема представляет противоречивое явление, объединяющее как сильные, так и слабые характеристики: сказочное могущество и одновременно слабость, бесполезность, неумение постоять за себя. Правда в русских по-

словицах стремится к множественности и вечности и от этого исчезает совсем, многие сомневаются в её реальном существовании. В ядре русского пословичного концепта находится признак необходимости порядка, основанного на справедливости, честности. Для русских правда существует как идеал, о котором можно мечтать, к которому нужно стремиться, но который недостижим на грешной земле.

Такой портрет подтверждается источниками правды, большую часть которых в русском языке представляет «квалитатив принадлежности высшим силам», Богу, судьбе, сверхъестественному (*Правда у Бога, а кривда на земле. Правда свята, на небо взята. Чихнул, значит правда*.). К другим источникам относятся доступность через самоусовершенствование, внутреннюю духовную жизнь (*Не ищи правды в других, коли в тебе ее нет. Правду молвишь, правду и чини*), через ссору и наказание (*Правда в ногах, Мошенники повздорили – и правда наружу. Кнут не дьявол, а правду сыщет*), через беседу на равных (*В ногах правды нет*), через ощущение счастья (*Где правда, там и счастье*), через добро (*В ком добра нет, в том и правды мало*, в серьезном разговоре (*Правда шутить не любит*), а также через речь детей, пьяных и слабоумных (*Устами младенца глаголет истина. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке* и др.), через подслушанный разговор (*Правду о себе только подслушать можно*), в дружеской беседе за рюмкой вина (*Правда на дне рюмки*). Высказанное положение о том, что для русских правда реально не существует, доказывает категория «квалитатив отрицательного существования» (*Была правда у Петра и Павла. Была правда, да извелась / в лес ушла. Нет правды на земле)*.

Самой многочисленной падежной категорией в русском языке является «прескриптив нравственного поведения» (87 ед.). Например: *Правду молвишь, правду и чини, За правое дело стой смело, Хлеб-соль ешь, а правду режь, Не ищи правды в других, коли в тебе её нет и др*., в которых заложены следующие нормы социального поведения: Следует быть честным, поступать по справедливости, не бояться говорить правду.

Таким образом, подтверждается определение правды у В.И.Даля, который считал, что вернее будет понимать под словом «правда» правдивость, справедливость, правосудие, правоту. Например: *Правду молвишь, правду и чини. За правду не судись, скинь шапку да поклонись. Правда-елей: везде наверх всплывает. Кто за правду стоит, того Бог наградит*. *Правда живет у Бога*. В данных пословичных высказываниях реализуется позиция Куратора-Верующего, если дифференцировать понятийный аппарат, предлагаемый В.И.Карасиком. Нормативная мотивация в данном случае определяется христианскими ценностями, которые учат человека смирению. Но приведенные тексты допускают и другую интерпретацию норм. В классификации В.И.Карасика это утилитарные нормы, или нормы реализма (Следует полагаться на себя), русский человек не верит, что на земле есть правда (ср.: *«На Бога надейся, а сам не плошай», «Нет правды на земле»*). Правда для русских существует или в прошлом, или в будущем, но не здесь и не сейчас (*И наша правда будет, да нас тогда не будет*). Обращение за правдой к Богу только подтверждает это положение.

Еще одна эксплицитно выраженная прескрипция в русских паремиях -

«*С правдой не судись*» (Не следует идти против правды). Пояснением этой мысли могут быть тексты других паремий этой категории, которую мы назвали «квалитатив силы»: «*Правда всегда перетянет», «Правда свое возьмет», «Правда 12 цепей разорвет», «Правда силу родит», «С правдой шутки плохи».* Нормативная ситуация в данном случае включает позицию Куратора, который предупреждает нечестного человека об опасности идти против правды (утилитарная норма) и позицию Экспрессора, который высказывает отношение к чему-либо на основании существующих в данном сообществе норм жизнеобеспечения (Следует надеяться на лучшее) [Карасик 2004:29].

Английский материал дал возможность выделить шесть прескриптивных директивов. Наиболее многочисленную падежную категорию составляет «квалитатив опасности» (13 единиц), которые представлены императивами «*Speak the truth and run», «Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth», «All the truths are not to be told».*

Анализ паремий показал, что русская нормативная личность в большей степени ориентирована на соблюдение этических норм, чем английская. Три из шести эксплицитных английских директива советуют говорить правду, но не всю и не всем, помня об опасности. Русские прескриптивы нравственного поведения составляют самую многочисленную падежную категорию, из чего можно сделать вывод о том, что русская «правда» в сознании носителей культуры связана именно с действиями людей, их нравственным поведением. В то время как английская «truth» самоочевидна, опасна и существует независимо от человека. Русские пословицы описывают этот феномен как явление, сложное, противоречивое, сколь могущественное, столь и беззащитное, которое существует только в прошлом или в будущем, а поэтому советуют полагаться на себя, на свой жизненный опыт, призывают не быть высокомерным, быть благодарным, выполнять свое дело хорошо и терпеливо надеяться на торжество справедливости. Английский пословичный концепт репрезентирует явление, характеризующееся цельностью и объективностью существования, нормативная личность ориентируется в первую очередь на соблюдение утилитарных норм социального поведения.

1. *Абакумова О.Б.* Пословицы в газетном тексте // Auspicia. Praga, 2009. С.128 – 135.

2.*Жуков А.В.*Очерки по фразеологической семантике. В.Новгород, 2008.

3. *Ишмуратов А.Т.* Логический анализ практических рассуждений. Киев, 1987.

4.*Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

к. ф.н., доцент О.И. Авдеева (Майкоп)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАГМАТИКИ РУССКИХ ФРАЗЕМ

Исследование синтагматических отношений фразем позволяет не только выявить системный характер строения фразеологического уровня языка, но и более глубоко изучить особенности фраземы как языкового знака.

Термин «синтагматика», по определению Е. С. Кубряковой, обозначает анализ особых отношений между знаками языка – синтагматических, «возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [Кубряковой 2002: 447].

Предметом данного исследования является семантический аспект синтагматических отношений фразем

Под «фраземой», вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимается языковой знак, сочетающий в себе аналитичность формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью, который «своим возникновением обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа» [Алефиренко 2000: 12]

Характерная для фразем неоднородность в структурном и семантическом плане порождает различия и в их синтагматике.

Аналитичность формы фраземы актуализирует ее исследование на двух уровнях: внутренней и внешней синтагматики в каждом из вышеназванных аспектов. Под внутренней синтагматикой понимаются внутренние фразеологические связи, т. е. связи между компонентами фраземы. А под внешней синтагматикой понимаются внешние фразеологические связи, т.е. взаимоотношения фраземы с окружающим контекстом. Необходимость взаимосвязанного изучения внутреннего и внешнего уровней фраземы отмечается Ю.А. Гвоздаревым, считающим их двумя аспектами, тесно связанными между собой и в равной мере необходимыми, «поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи…» [Гвоздарев 1977: 8].

Семантический аспект синтагматического анализа фразем основывается на семном строении семем фразеологических единиц. Как внутренняя, так и внешняя синтагматика подчиняются закону семантического согласования [Апресян 1974], или семантического сочетания слов (и фразеологизмов), который, по мнению В.Г. Гака, заключается в следующем: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак 1998: 279], которую Б. Потье и А. Греймас называют классемой. Классемы итеративны, т.е. в данном высказывании повторяются не менее двух раз, чем и обеспечивают связь слов (и фразеологизмов) в высказывании. В случаях, когда в качестве общей семы выступает не категориальная сема, а более частная, конк-

ретная, классификационная функция такой семы отходит на второй план, главной ее функцией становится связующая, что позволяет В.Г. Гаку называть данные семы не классемами, а «связующим семантическим компонентом» - синтагмемами [Гак 1998: 280]. Например, фразема *мышиная возня* [*суета*] означает «мелочные, суетные хлопоты, заботы, занятия и т.п.; видимость работы. Пренебрежительная, презрительная оценка таких забот, занятий» [РФ 1997: 142]. Компонент *мышиная* является производным от слова *мышь*, в значении которого есть сема «небольшой, маленький, мелкий». Однако одним из значений слов *маленький, мелкий* является «незначительный, ничтожный, низменный» [СРЯО 1987: 296, 288]. Компонент *возня* содержит две общих семы с компонентом *мышиная*: 1) «незначительный»; 2) «низменный», которые являются синтагмемами и обеспечивают семантическое согласование компонентов фразеологизма.

На основании функционирования семы (а) в качестве синтагмемы в синтагме, состоящей из двух компонентов $М_1$ и $М_2$, В.Г. Гак выделяет три вида отношений компонентов синтагмы: 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование [Гак 1998: 284-285].

Семантическое согласование возникает при наличии одной и той же семы в двух членах синтагмы. Оно может быть выражено структурной формулой: $М_1$ (а) + $М_2$ (а). Таково сочетание лексем *птица летит, змея ползет,* где у обоих членов синтагмы есть общая синтагмема (в первом случае – *полет*, во втором – *ползание*). Подобную схему имеет внутренняя синтагматика фраземы ***мелкая сошка***, где у обоих компонентов есть общая синтагмема «незначительный», играющая важную роль в формировании общего значения данной фраземы: «человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный, неавторитетный человек» [ФСРЯ 1986: 447].

При анализе внешней синтагматики данной фраземы обнаруживается конфигурация «подлежащее + сказуемое» (предикативная синтагма): *«Истари более сильные люди захватывали местности по берегам больших рек, куда их влекла ценность угодий, лесов, лугов и прочего. **Мелкая сошка** забивалась в глушь, где природа представляла, относительно, очень мало льгот, но зато никакой глаз туда не заглядывал»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). Компоненты выделенной синтагмы ***мелкая сошка** забивалась (в глушь)* семантически также соединены синтагмемой «незначительный, уничижительный», т.к. она имеется не только в семеме фразеологизма, но и в семной структуре глагола *забиваться*. Подобные отношения компонентов характерны для фразеологизмов ***желторотый птенец, детский лепет, бабьи сказки*** и т.д.

Второй вид отношений компонентов синтагмы – семантическое несогласование – характеризуется опущением общего компонента в одном из слагаемых и может быть обозначен следующей структурной формулой: $М_1$ (а) + $М_2$. Он реализуется сочетанием лексем *птица приближается к гнезду* (вместо *птица летит*), *змея приближается к норе* (вместо *змея ползет*) [Гак 1998: 284].

Термин «семантическое несогласование», с нашей точки зрения, не со-

всем точен, т.к. в данном случае отсутствует согласование по конкретной семе «способ передвижения», но присутствует согласование по абстрактной семе «передвижение». Поэтому, вполне правомерно, на наш взгляд, рассматривать второй вид в качестве частного случая первого. Точнее было бы говорить о полном и неполном семантическом согласовании компонентов синтагмы. Среди фразеологических единиц, не отмечено случаев с подобным видом отношений между компонентами, т.к. экспрессивная образная природа фразем не допускает лишения конкретизирующих черт компонентов, усиления абстрактности.

Третий вид отношений компонентов синтагмы – рассогласование – возникает при соединении в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений [Гак 1998: 285]. Синтагма имеет следующую структурную формулу: M_1 (а) + M_2 (в). В отличие от первых двух видов, когда повтор семы (согласование) или ее отсутствие (несогласование) не оказывают влияния на значения сочетающихся слов, при третьем виде отношений компонентов – рассогласовании – комбинация несовместимых: противоположных, или ненужных компонентов - приводит к тому, что либо у слова M_2 возникает сема (а), либо у слова M_1 угасает сема (а).. И в том, и в другом случае появляется семантическая совместимость компонентов, т.е. рассогласование переходит или в полное согласование, или в неполное (в несогласование).

Рассматриваемый вид отношений достаточно продуктивен во фразеологии. Анализ внутренней синтагматики фразем, основанных на рассогласовании компонентов, позволил выделить две подгруппы данных фразем: 1) фраземы, образованные путем соединения компонентов, имеющих в своих семемах противоположные, взаимоисключающие семы, т.е. фраземы оксиморонного характера; 2) фраземы, образованные путем соединения компонентов, не имеющих в своих семемах общих сем.

К первой подгруппе относятся фраземы типа ***белая ворона, мертвые души, бесструнная балалайка, обыкновенное чудо*** и т.д. Например, соединение компонентов фраземы ***бесструнная балалайка*** стало возможным только в результате десемантизации компонента *бесструнная*, который утратил своё основное значение «без струн» и стал употребляться только для создания внутренней формы фраземы.

Соединение несоединимых сем на уровне внутренней синтагматики оказывает влияние и на внешнюю синтагматику данной единицы, которая при образовании конфигураций синтаксически выступает в качестве единого члена предложения, формируя как предикативные, так и непредикативные синтагмы.

Ко второй подгруппе – фраземам, образованным путем соединения компонентов, не имеющих в своей семной структуре общих сем, относятся такие единицы, как ***язык без костей, орлиное племя, злоба дня, живая летопись*** и т.д.

В свободном употреблении невозможно соединение слов *орлиный* и *племя*, т.к. в реальной действительности орлы не образуют племен, а среди племен нет орлиных. Однако при соединении данных компонентов происходит трансформация их значений: семантическое рассогласование перехо-

дит в семантическое согласование путем активизации у компонента *орлиный* семы «смелый, сильный», которая также формируется у компонента *племя* на основе соединения первого и третьего его значений: «тесное объединение людей, делающее их сильными и смелыми».

Внешняя синтагматика данной языковой единицы реализуется в виде конфигурации: «*Мы люди большого полета, Взрастил нас геройский народ.* ***Орлиное племя*** *– пилоты, Хозяева синих широт»* (Песня Б.А. Мокроусова на стихи А.И. Фатьянова «Мы люди большого полета») [СКВОИ: 234]. Компоненты предикативной синтагмы *орлиное племя* и *пилоты* соединены итеративной семой «смелый, сильный», выступающей в качестве синтагмемы. В свою очередь, внешняя синтагматика данной единицы способствует более тесному семантическому слиянию компонентов, что позволяет говорить об обратном воздействии внешней синтагматики на внутреннюю.

Таким образом, взаимодействие внутренней и внешней фразеологической синтагматики на семантическом уровне выражается в том, что внутренняя синтагматика во многом предопределяет внешнюю, в то время как внешняя оказывает обратное воздействие на внутреннюю структуру фраземы..

Итак, разграничение внутренней и внешней синтагматики фразеологических единиц заложено в природе самого фразеологического материала. Внутренняя синтагматика представляет собой взаимодействие компонента фраземы как системы с окружающей средой (другими компонентами), в результате которого количественные изменения переходят в качественные: происходит образование качественно новой единицы – фраземы. Так как результатом данного взаимодействия является новая языковая единица – фразема, внутреннюю синтагматику как процесс следует отнести к фактам языка, а рассмотренные изменения - к области диахронии.

В свою очередь, внешняя синтагматика является результатом взаимодействия фраземы как своеобразного системного образования с окружающим контекстом, выступающим для неё в качестве среды. В результате этого взаимодействия происходят количественные изменения внутри системы: образуются различные конфигурации, включающие фразему и её окружение. Качественных изменений не происходит, поэтому внешнюю синтагматику следует рассматривать как речевой факт. Учитывая, что взаимодействие фраземы с контекстом осуществляется заново при образовании каждой конфигурации, внешнюю синтагматику следует отнести к синхроническим явлениям. Однако, несмотря на разнородность своей природы, внутренняя и внешняя синтагматика фразем взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены. Именно их взаимосвязанный анализ обогащает языковую теорию новыми познаниями в области структуры фразеологического значения.

1. *Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 2000. 220 с.

2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка, изд. 2-е, исп., с указателями. М.: Школа «Языки русской культуры». 480 с.

3. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики //Языковые преобразования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. С.272-297.

4. *Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразообразования. Ростов н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1977. 184 с.

5. *Добрыднева Е. А.* Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.

6. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986. 310 с.

7. *Кубрякова Е. С.* Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С.447 - 448.

Словари

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. Н.Ю.-Шведовой. - 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 797 с. - СРЯО.

2. Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц)/ Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с. – ФСРЯ.

3. *Шулежкова С.Г.* Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений. М: «Азбуковник», изд-во «Русские словари», 2003. 430 с. - СКВОИ.

4. *Яранцев Р.И.* Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. - 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 845 с. – РФ.

к.ф.н., доцент А.В. Батулина (Великий Новгород)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ *ПРЕДПРИНЯТЬ ШАГИ* В АСПЕКТЕ НОРМЫ

Нормы лексической сочетаемости, сложившиеся в данном языке, остаются одними из самых трудно поддающихся лексикографическому описанию, поскольку меру сочетаемости, шаблон связанности подчас невозможно объяснить, исходя из логики языка: «по-русски нельзя сказать… «приходить в хандру»…, хотя никакой семантической ошибки тут нет» [Апресян 1974: 11-12]. Между тем владение нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости и составляют тот феномен, который принято называть языковой компетенцией говорящего.

Особенно актуальным умение «соединять слова друг с другом идиоматично» (Апресян) становится в отношении фразеологически связанного значения (ФСЗ), которое способно реализоваться в одном или нескольких строго определенных контекстах. Ограничения в сочетаемости для слова во ФСЗ остаются трудно мотивируемыми и для лингвистов, тем более необъяснимыми представляются они «рядовым» носителям литературного языка.

Класс слов с фразеологически связанным типом значения обладает языковыми ограничениями в сочетаемости, отражающими «особенности языковой модели, лексического узуса» (Арутюнова), а не референтные свойства определенных объектов, структуру мира. Поэтому невозможны сочетания *дать отказ, дать конец* при узуальном *дать согласие, дать начало*: со словом *конец* употребляется другое фразеологическое сочетание (ФС): *положить конец*.

Однако в художественной литературе, в языке СМИ и в разговорной речи нормы употребления слов с ФСЗ нередко нарушаются: *Постепенно, однако, учреждение превратилось в подругу. Что-то я упустил, проворонил, и теперь, когда мне в сущности все равно, они – **закадычнейшие подруги**. Созданы друг для друга* (*Ю. Трифонов. Предварительные итоги*). Ср.: «слово «закадычный» как бы «прикреплено» к слову «друг» и может употребляться только с ним» [Шанский 1969: 64].

Толковые словари при описании фразеологической связанности, как правило, ограничиваются указанием на то, что данное значение реализуется со многими или с некоторыми существительными: ***Делать***… 2… // В сочетании с некоторыми категориями существительных употребляется в значении совершать, производить…. *Делать выбор*. *Делать выговор* (МАС, 1, 381). Однако и такие обобщенные сведения о несвободной сочетаемости могут отсутствовать: ***Принять***… 8. что. Совершить, осуществить (то, что выражено следующим существительным). *Принять решение* (СО 1987: 484).

Кроме того, рекомендации разных словарей в отношении синтагматических потенций того или иного ФСЗ зачастую существенно отличаются друг от друга. Так, в МАС «классическое» ФСЗ прилагательного «закадычный» описывается следующим образом: ***Закадычный***… Разг. Близкий, задушевный (о друге, приятеле, о дружеских, приятельских отношениях). *Закадычный друг, товарищ, закадычная дружба*. Однако в СО даны лишь два возможных распространителя: ***Закадычный***… *Закадычный друг или приятель* (разг.) – Близкий, задушевный друг (1987: 168).

Ошибки в употреблении фразеологических сочетаний чаще всего относятся к случаям так называемой контаминации – возникновения нового выражения посредством скрещивания, объединения частей двух слов или выражений: *одержать первенство* из *одержать победу* и *завоевать первенство.*

Интересно отметить, что в учебных пособиях и статьях по стилистике и культуре речи выражение *предпринять меры* единодушно квалифицируется как контаминация и помещается в одном ряду с *одеть джинсы* как грубая ошибка, «подрывающая доверие к личности говорящего и к содержанию его речи» в отличие от «бессознательных, неконтролируемых нарушений нормы в спонтанной речи» [Горбаневский, Караулов, Шаклеин 1999; Голуб 2001: 16-17]. В своей статье, специально посвященной «незаконной» контаминации *предпринять меры*, Ольга Северская апеллирует к существованию производного от *принять меры мероприятие* и отсутствию подобного образования от оборота *предпринять меры*.

Однако сочетание *предпринять меры* в разных грамматических модификациях активно употребляется политиками, журналистами, т.е. людьми, которые призваны быть «проводниками» нормы: *Действительно на прошлой встрече мы говорили об антикризисных мерах, которые мы предпринимаем для того, чтобы с минимальными потерями пройти эти явления и выйти на путь развития* (из речи премьер-министра В.В. Путина. 1 апреля 2009 г. Встреча с руководством партии Единая Россия). На сайте Правительства РФ на запрос *предпринять меры* получено 258 вхождений. Встречается оно и в тексте законов: *Если … ни капитан судна, ни собствен-*

ник предмета, ни его агент, ни соответствующие страховщики не в состоянии принять меры по сохранению или распоряжению таким предметом, то консульское должностное лицо уполномочено предпринимать от имени собственника такие меры, какие мог бы предпринять сам собственник (Ст.16 п.9 Международного законодательства). В последнем примере наличие в одном сложном синтаксическом целом кодифицированного ФС *принять меры* и ненормативного *предпринять меры* свидетельствует об их коммуникативной однофункциональности.

Широта узуального употребления оборота *предпринять меры* заставляет усомниться в категоричности его однозначной интерпретации как контаминации, досадной ошибки, и более внимательно рассмотреть языковые основания, в соответствии с которыми он признается не соответствующим норме.

Среди критериев нормативности той иной языковой формы чаще всего называют: 1) соответствие культурно-языковой традиции; 2) авторитет источника; 3) употребительность; 4) соответствие языковой системе.

Оборот *предпринять меры* был распространен уже в 19-м веке, причем не только в книжной разновидности литературного языка (В.Я. Шишков, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), но и в эпистолярном дискусе: *Я хочу начать хлопоты и предпринять меры к мирному, тихому, но вечному разрыву с консерваторией, к которой не питаю ничего, кроме того чувства, какое узник питает к своей темнице* (П. И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк (1878)). В этот же период вплоть до середины XX в. имела хождение калька с французского *брать меры*, оба ФС зафиксированы Словарем Ушакова: ***Мера***… 3. Мероприятие, способ действия. *Крайняя мера*. *Принять или* (устар.) *взять меры* (СУ, 1, 183); ***Шаг***… 4. перен. Действие, поступок… *Предпринять шаги* к чему-н. (сделать попытку действовать в каком-либо направлении) (СУ, 4, 1311). Оборот *брать меры* постепенно вышел из употребления, вероятно, из-за невозможности образования страдательных конструкций.

Процесс вхождения ФС *предпринять меры* в диапазон варьирования с ФС *принять меры* отражен в ФССРЛЯ под ред. А.Н. Тихонова, в котором *предпринять* и *принять меры* подаются в качестве равноценных вариантов: ***Мера***… *принимать, предпринимать меры*. Иллюстративным примером к статье является текст «Капитанской дочки» А.С Пушкина. Обращает на себя внимание тот факт, что в контексте произведения *предпринять меры* принадлежит авторской речи, а не фрагменту чужой речи (приказа), в которой употребляется именно оборот *принять меры* наряду с несколькими глагольно-именными ФС, архаичными для современного русского языка: *учинить дерзость, произвести возмущение, произвести грабежи и убийства*.

Более оправданной представляется квалификация этих функционально тождественных сочетаний как явлений, переходных между вариантностью и синонимией [Дидковская 1997: 59]: «несовпадающая вариантность субстантивной позиции свидетельствует о разнокачественности глагольных ЛСВ, на первый взгляд, тождественных по качеству связанности: *завязать – дружбу, знакомство, отношения, разговор, беседу, спор, дискуссию, обсуждение; завести – дружбу, знакомство, разговор, речь, ссору* [Дидковская 1997: 58]. Круг распространителей ФСЗ глагола «предпринять» за исключением неко-

дифицированного *предпринять меры* абсолютно не совпадает с субстантивной группой ФСЗ глагола «принять»: *предпринять – попытку, шаги, усилия, исследование, что-нибудь, принять – решение, намерение, участие, присягу, оборот, обязательство, меры*.

Таким образом, оборот *предпринять меры* вполне соответствует критерию давности и частоты употребления в литературном языке.

Соответствие речевого употребления системе применительно к категории ФСЗ следует понимать как соответствие некоему инвариантному образцу, одним из вариантов которого является данный контекст реализации ФСЗ. Исследования несвободной сочетаемости глагола во ФСЗ с субстантивной группой [Лекант 1976: 49; Телия 1996: 50] показали, что избирательная ограниченная сочетаемость характеризует имя существительное: «к ним (к фразеологически связанным ЛСВ глаголов – А.Б.) «подходят» существительные определенных семантических групп, их общий семантический оттенок соотносится с отвлеченным лексическим значением глаголов. Так, с глаголом *оказать – оказывать* сочетается группа отвлеченных существительных с общим значением воздействия (*помощь, содействие, поддержка* и др.)» [Лекант 1976: 49].

Круг имен, способных образовывать ФС с глаголом *предпринять*, содержит общее значение волевого целенаправленного действия: ***Попытка***… 1. Действие с целью осуществить что-либо… (СО, 457), ***Усилие***… Напряжение сил физических, умственных; напряжение – сосредоточение сил, внимания для осуществления чего-л (СО, 685). Этот компонент значения присутствует и в существительном мера: ***Мера***… 3. Средство для осуществления чего-н., мероприятие. (СО, 280). Поэтому, как представляется, оборот *предпринять меры* возможен в языке так же, как и кодифицированное *принять меры*. Как писал Л.В. Щерба, «норма очень часто допускает два способа выражения, считая оба правильными» [Щерба 1974: 277].

Кроме того, следует упомянуть существующую в языке тенденцию к расширению круга субстантивов, с которыми способен сочетаться глагол во ФСЗ до целой лексико-семантической группы или нескольких лексико-семантических групп и тенденцию к унификации языковых моделей. В.П. Жуков считает, что этот процесс свидетельствует о постепенном переходе слова со связанным значением в разряд слов со свободной лексической сочетаемостью. [1986: 76].

«Степень употребительности» является одним из основных критериев нормативности варианта. Однако при упоминании этого критерия всегда подчеркивается, что «далеко не всякое явление, получающее распространение в разговорной речи, приобретает нормативный характер» (Бельчиков). Словосочетание *предпринять меры* не менее частотно в современной речи, чем рекомендуемое словарями *предпринять шаги*. Так же, как и кодифицированное *принять меры*, оно имеет объектную ориентацию: *предпринять меры* к кому-чему-н., по чему-н.: *Перечень первоочередных мер, предпринимаемых правительством Российской Федерации по борьбе с последствиями мирового финансового кризиса* (http://premier.gov.ru/crisis). Оба оборота используются в сфере общественной жизни: в них «действие как основа ситуации осуществляется активным деятелем, однако субъект ситуации задан не как частное лицо, а как член определенной социальной группы или сово-

купное лицо: *Декан принял меры*… - но невозможно *Девочка приняла меры к расшалившемуся щенку*» [Дидковская 1997: 70].

Для большинства носителей языка 18-35 лет выражение *предпринять меры* намного естественнее, чем рекомендуемое словарями *предпринять шаги*. Студенты, которым было предложено подобрать семантический эквивалент к зависимому компоненту ФС *предпринять меры,* в абсолютном большинстве случаев предлагали варианты *предпринять… действия, попытку,* но не *шаги*. Однако ни в одном из новейших толковых словарей русского языка (МАС, СО, Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова, Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой) выражение *предпринять меры* не упоминается даже как не рекомендованное к употреблению.

Такое положение дел входит в противоречие с задачами толкового словаря, в котором не может не учитываться сложившееся узуальное употребление: признавая тот или иной вариант в качестве нормативного, «хороший словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке…» [Щерба 1974: 276].

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимичесике средства языка. М., 1974.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 1998.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2001.

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). 1999: http://www.gramota.ru/biblio/research/rubric_370/rubric_389.

Новый толково-словообразовательный словарь / Под ред. Ефремовой Т.Ф. М., 2000.

Дидковская В.Г. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. Новгород, 1997.

Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.

Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.

МАС: Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984. Т.1-4.

Северская О. Незаконное «предпринимательство». Радио «Арсенал» для газеты «Время МН». 2003: http://www.speakrus.ru/os/nezakonnoye_predpr.htm.

СО: Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд.. М., 1987.

СУ: Толковый словарь русского языка. Т.1-4 / Под ред. Ушакова Д.Н. М., 1935-1940.

ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х т. / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2004.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

д.ф.н., профессор В. Т. Бондаренко (Тула)

О ВЫРАЖЕНИИ В ПОСЛОВИЦАХ МОДАЛЬНОСТИ ПОБУЖДЕНИЯ

Многие пословичные выражения известны в русском языке в форме синтаксического индикатива: *Выше меры и конь не скачет, Два медведя в одной берлоге не живут, На бедного Макара все шишки валятся, Одной рукой два арбуза не схватишь и др.*

Среди пословиц с исходными формами ирреальных наклонений главенствуют структуры, глагольные компоненты в составе которых представлены формами побудительного наклонения несовершенного вида: *За тычком не гонись; Не спросясь броду, не суйся в воду; На чужой каравай рот не разевай; Не в свои сани не садись; Не плюй в колодец, пригодится воды напиться; Не рой другому яму, сам в нее попадешь и т.п.*

Категориально-модальное значение таких устойчивых фраз состоит в эксплицитном выражении говорящим мотивов побуждения (волеизъявления). Условием их употребления в прямом речевом акте является наличие адресата: обобщенно (неопределенно) -личного или определенно-личного.

Обобщенно-модальная функция органически вытекает из семантической сущности пословичных единиц – выражать законы, правила и нормы поведения людей в жизни. Поэтому обычно императивные пословицы «функционируют как поучения, содержание которых не локализовано ни во времени, ни в пространстве» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004:323]. При обобщенности адресата императивные речевые акты превращаются в призывы, требования, советы, рекомендации, адресованные всем, массе, народу или каждому из всех. Они частотны при объяснении и оценки различного рода возникающих в жизни человека ситуаций.

См., напр.: *Старый увертливый царедворец [Салтыков] старался никогда не высказывать своего мнения… Не стоит с детских лет ужесточать горячего Константина и вооружать его против себя,- не плюй в колодец, пригодится воды напиться!* (Л. И. Раковский) *Кюхельбекер сидел… с диким выражением в глазах. Взгляды всех на него обратились. На высший род бессмыслицы [бездарные стихи] был способен только он. Спасительная лоза поделом ему досталась. Не связывая еще слов, он сломя голову лез в поэты. Не спросясь броду, не суйся в воду. Надлежало наказать упрямство* (Ю. Тынянов). *Какой хохот стоял на большевистской фракции! Вот уж верно-то: не рой другому яму, сам в нее попадешь! Свердлов коротко рассказал про план левых эсеров* (Е. Драбкина).

В условиях контекста побудительные пословицы могут получить и конкретный смысл. Реальный (определенный) исполнитель может быть так или иначе обозначен: например, за счет осложнения структуры пословицы обращением, называющего исполнителя, или подключения субъекта-подлежащего.

Ср.: *Ну, собрала я ему [мужу] манатки и говорю: «Смотри, Павлуша, не плюй в колодец, пригодится воды напиться»* (А. Листовский). *Когда я рассказывал полицмейстеру, тот мне заметил: - То-то и есть, что все эти господа не знают дела; прислал бы его просто ко мне, я бы ему, дураку, вздул бы спину, - не суйся, мол, в воду, не спросясь броду,- да и отпустил бы его восвояси, - все бы и были довольны; а теперь поди, расчихивайся с палатой* (А. Герцен).- *Не веришь мне, Федор? – прищурясь, тихо спросил Корнила.- Не верю, Корнила! Лиса ты и есть лиса… А я, брат Корнила, лисятник, ямы на вашего брата копать искусник…- Ты яму другому не рой, … сам в нее попадешь! – огрызнулся Корнила* (С. Злобин).

Приведенные факты функционирования пословиц с модальным значением побуждения суть проявления семантического варьирования пословичных предложений по линии обобщенности (неопределенности) – определенности [см. Бондаренко 2003].

Внешнее (поверхностно-синтаксическое) выражение пословицы не всегда совпадает с ее глубинно-синтиксическим представлением. Встречаются такие единицы, в которых форма наклонения, закрепившаяся за ними в языке, не согласуется с ее модальной семантикой. Так, например, побудительными значениями наделены *Хвост голове не указка* («Не учи более опытного») и *Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало* («Пусть делает то, что хочет»).

В паремиологическом фонде русского языка наличествует обширный пласт индикативных по форме пословиц с имплицитно выраженной модальностью побуждения: *И у стен бывают уши; Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает; Брань на вороту не виснет; Овес за лошадью не ходит; Семеро одного не ждут; Снявши голову, по волосам не плачут; Яйца курицу не учат и т.п.* Вместе с эксплицитно-императивными пословицами(ядром) они образуют мощное функционально-семантическое поле побудительности, представляющее, судя по всему, фразеологическую (паремиологическую) универсалию. Ср. в английском языке: [Антонова 1979].

Большая кумулятивная побудительная система пословичных выражений объясняется их коммуникативно-прагматической заданностью – предназначенностью для воздействия на эмоции, психику человека и для регуляции человеческого поведения, межличностных отношений. Главное для них в коммуникативном процессе – это не столько передача самой информации о какой-либо жизненной закономерности, нормативной ситуации, сколько (благодаря оценке и через оценку) выражение идеи побуждения поступать адресату разумным (в соответствии с правилом «делай так-то» и «не делай того-то») образом. Воспитательная (дидактическая) роль паремиологических единиц как раз и заключается в выполнении ими предписывающей функции [ср.: Поройкова 1985].

Пословицы, наделенные модальной синкретичностью, осуществляют два речевых акта – прямой и косвенный. В условиях контекста конкретное соотношение объективных модальностей бывает неодинаковым. При варьировании в тексте на передний план высказывания, следуя интенции субъекта речи, может выходить то одно, то другое модальное значение. Ср.: *Михал Зотыч не мог доверить такого ответственного труда даже Галактиону. Молод ещё и ничего не понимает, да яйца курицу не учат* (Д. Н. Мамин-

Сибиряк); *Она тебе жаловалась на меня? – крикнул адмирал. - Нет, не жаловалась, но я сам вижу. – Видишь? Ты за собой смотри… Яйца курицу не учат! Ступай вон!- вдруг загремел голос адмирала* (К. М. Станюкович).

В первом примере в качестве основного реализуется индикативное значение – констатируется общий закон, утверждающий: «молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного» и имплицитно предписывающий адресату линию поведения. Во втором примере пословица выполняет директивную функцию («не учи»), выступая как косвенный акт побуждения (индикаторы: «смотри», «ступай», восклицательная интонация), а функция сообщения о реальности закона отступает на задний план.

При нечеткости или отсутствии контекстных показателей определить общую (доминирующую) модально-коммуникативную направленность таких пословиц в высказывании бывает трудно или совсем невозможно. Особенно заметно проявляется это у пословичных фраз с эллиптической структурой (опущенным глагольным компонентом): - *Крут я сердцем, да отходчив, Левонид. Да… Ты мне приглянулся с первого разу, а что я посердитовал тогда, так не всякое лыко в строку* (Н. Д. Мамин-Сибиряк). В данном тексте модальность пословицы не дифференцирована: она допускает равнозначную вставку форм: и *ставится* (*ставят*), и *ставь*. Ср., однако, другие случаи варьирования, где допустимо лишь отношение или/или: *Впопыхах они без тени смущения запрягают телегу впереди лошади. Псевдонамек, скороговорка с пятого на десятое, подтасовка фактов – всякое лыко в строку, худо-бедно, а катят бочку на истину* (из газет); - *Только одно тебе скажу: не очень-то она тебя любит. Так уж ты того, как-нибудь сократи свой характер. Не всякое лыко в строку* (Н. Д. Мамин-Сибиряк).

Могут ли подобные пословицы, подобно поговоркам, превращаться в побудительные формы? Ср. *Пусть будут и волки сыты, и овцы целы.* Высокая степень генерализации смысла пословиц, их прикрепленность к настоящему (расширенному) времени всячески препятствуют появлению у них форм повелительного (или другого) наклонения (*Пусть каждый кулик свое болото хвалит).*

Чтобы это осуществилось, необходимы особые условия: 1) снятие обобщенности (генерализованной предикации), 2) интенция говорящего как творческий акт, 3) структура односоставного глагольного предложения (*Дареному коню в зубы не смотрят* ⟶ *Дареному коню в зубы не смотри).* Факты подобного формоизменения редки и воспринимаются обычно как явление окказиональное (индивидуально-авторское). Но они доказывают наличие потенциальной способности пословиц к приобретению синтаксических форм наклонения «по аналогии со своими структурными собратьями» [Диброва 1979:118].

1. *Антонова М. К.* Пословицы как фрагмент поля побудительности в английском языке // Фразиологическая система немецкого и английского языков. - Челябинск, 1979.

2. *Бондаренко В. Т.* Пословица: движение между двумя полюсами (общее и отдельное) // Русское слово в мировой культуре. Матер. X Конгресса

Междунар. Ассоциации преподавателей рус. языка и литер. Русский текст и русский дискурс сегодня. – СПб.: Политехника, 2003.

3. *Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов – на – Дону, 1979.

4. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.

5. *Поройкова Н. И.* К характеристике семантической структуры побуждения // Фундаментальный анализ грамматических аспектов высказывания. – Л., 1985.

к.ф.н., доцент М.П. Варламова (Псков)

МОТИВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ДЕТСКОМ ОСОЗНАНИИ ИДИОМАТИКИ

Первичная сложность понимания любого фразеологизма подобна разгадке серьезной интеллектуальной задачи. Она таится в особом семантическом характере идиоматического выражения, смысл которого, как считалось вплоть до 80-х годов прошлого столетия, не вычленим из суммы значений его компонентов (Вайнрих 1969, Палмер 1986). Исследования более поздних десятилетий выдвинули гипотезу о том, что в целом ряде фразеологизмов заложен некий структурный механизм, позволяющий каждому из его компонентов вносить вклад в совокупный идиоматический смысл. Данный подход получил развитие в концепции когнитивной лингвистики о том, что в мозг носителя языка заложен мотивационный поиск связи между буквальным значением каждой единицы и образным фразеологическим целым (Гиббс 1990) . И именно в установлении этой связи лежит залог успешного понимания смысла неизвестных идиом. Со временем и опытом носитель родного языка овладевает арсеналом литературных и диалектных фразеологических средств. Наибольшие же затруднения в усвоении они вызывают у «новичков» – детей или людей, изучающих неродной язык. Нормативные значения и этимология большинства литературных и диалектных фразеологизмов любого языка представлены в специальных словарях (Фелицына, Мокиенко 1990; Бирих, Мокиенко, Степанова 2000; Алефиренко, Золотых 2008).

В данной статье мы ставим обратную задачу - проследить характер ассоциативных связей, возникающих у детей младшего школьного возраста в понимании ими незнакомых фразеологизмов. Материалом исследования послужила новая книга из серии «Медвежонок Паддингтон» - «Здесь и сейчас», одним из аспектов популярности которой является яркий образный язык (в том числе «живая» лексика и яркие фразеологизмы), а целями работы: 1) анализ собственных детских интерпретаций новых для них фразеологизмов; 2) попытка проследить ассоциативные последовательности в их осознании, до получения каких-либо пояснений со стороны взрослых. В эксперименте приняло участие 18 мам и 18 детей 6-10 лет (10 девочек и 8 мальчи-

ков). Были отобраны следующие фразеологические единицы:

1) медвежья услуга; 2) съесть собаку (на каком-либо деле); 3) пойдут клочки по закоулкам; 4) сосать лапу; 5) выкроить время; 6) шутки плохи; 7) бросить взгляд; 8) смерить взглядом; 9) бросить (обвинение) в лицо; 10) дело труба; 11) белый как полотно; 12) сказать по совести; 13) тонкая работа; 14)прийти в голову; 15) прийти в себя; 16) цепляться за соломинку; 17) упасть духом; 18) вылететь пулей; 19) поймать с поличным; 20) ни в какие ворота; 21) убить время; 22) протереть глаза; 23) яблоку негде упасть; 24) гвоздь программы; 25) нет слов; 26) ковать железо пока горячо; 27) лиха беда начало; 28) оставить при себе.

Прежде всего, следует отметить, что неполное понимание детьми того или иного фразеологизма не отвлекало их и не мешало общему пониманию текста. По окончании чтения мамы просили их объяснить значение указанных выше идиом, при этом полученные ответы четко распались на три категории: полное понимание; неполное понимание; полное непонимание.

Вопреки гипотезе о высокой вероятности непонимания детьми фразеологии, случаи полного непонимания были наименее многочисленны.

Группу правильно понятых (либо вызвавших наименьшие проблемы в понимании) фразеологизмов [*вылететь пулей; оставить при себе; пойдут клочки по закоулкам*] закономерно составили единицы, имеющие достаточно прозрачную образно-смысловую основу, в которых собственно «идиоматический» кумулятивный эффект не затемняет индивидуального значения каждой отдельной лексемы. Кроме того, в последнем случае, вероятно, можно говорить о том, что идиома представляют собой элемент фольклора, устной народной традиции, и имеет в сознании ребенка определенное узуальное подкрепление через фильмы и сказки.

Однако наибольший интерес с когнитивной точки зрения представляют, на наш взгляд, случаи частичного понимания фразеологизма, поскольку именно здесь появляется основа для отслеживания мотивирующих ассоциаций. Представим несколько наиболее интересных примеров более подробно. Фразеологизм ***бросить взгляд*** получил следующие варианты толкований: [а] посмотреть; [б] посмотреть на то, что тебе не понравилось; [в] бросить взгляд и забрать что-то; [г] на кого-то посмотреть; [д] посмотреть; [е] посмотреть презрительно. В представленных вариантах наблюдается несколько отклонений от правильной интерпретации. В варианте [б] - неверная импликация и оценочная коннотация. Глагол *бросить* воспринят как обозначение действия, вызывающего негативную оценку; возможных подсознательных оснований два: 1. ‘бросить’ осмысливается отрицательно в общем сопоставительном ряду с такими глаголами как ‘положить’ (+), ‘поставить’ (+); 2. ‘бросить’ воспринято на основе семы ‘быстрое действие’ и сопровождается метонимической импликацией ‘быстро делаю то, что мне неприятно’. В основе вариантов [в], [е] - неверная импликация.

Для фразеологизма ***тонкая работа*** получены следующие (иногда неожиданные) толкования: [а] лёгкая работа; [б] в любой момент можно себя прижать, когда работаешь, например, грузчиком; [в] очень нежное всё; [г] работа, которую делают очень хорошо; [д] несложная работа; [е] маленькая работа**.** В случаях [а], [д], [е] срабатывают неверные сигнификативные ассо-

циации со словом ‘тонкая’ и неверная оценочная коннотация. Ложная импликационная цепь построена на оппозиции концептов ‘тонкий’/’маленький’ :: ‘толстый’/ ‘большой’, - где левая часть оппозиции коррелирует с оценкой ‘менее значимый/важный/ трудный’, правая часть – с оценкой ‘более значимый/ важный/ трудный’. Отсюда делается ложный вывод: ‘тонкая работа’ = ‘нетрудная (маленькая) работа’.

В варианте [в] неточная оценочная коннотация; в варианте [б] - неточно вербализованная ассоциация, хотя цепь рассуждений, - не лишенная собственной логики, - была, видимо, следующей: ‘работа грузчика опасна, т.к. можно себя поранить’ = ‘работа грузчика требует внимания’ = ‘работа, требующая внимания’ = ‘тонкая работа’.

Толкования фразеологизма ***протереть глаза*:** [а] очухаться; [б] обманывать; [в] глаза слезятся; [г] проснуться и потереть глаза; [д] увидеть настоящее. В вариантах [в], [г] имеем дело с буквальной семантизацией. Вариант [б], наиболее интересный с точки зрения нашего исследования, вероятно, представляет собой неточную вербализацию, в основе которой лежит ошибочная энантиосемическая ассоциативная подмена: каузация действия = последствие действия. Подмена возникла на основе имплицитной пресуппозитивной ассоциации ‘обман’ = ‘скрывание (чего-либо) от глаз’; ‘скрывание от глаз’ = ‘невозможность видеть’; ‘преодолеть невозможность видеть’ = ‘протереть глаза’. И далее, в итоге, - энантиосемический смысловой сдвиг: ‘протереть глаза’ (т.е. преодолеть последствия действия) = ‘обманывать’ (т.е. каузировать действие). Так же возможна аналогия с фразеологизмом ‘пустить пыль в глаза’

Фразеологизм ***ковать железо пока горячо*** был осмыслен детьми следующим образом: [а] пытаться что-то сделать, пока не испортилось;[б] тащить тяжелое; [в] когда кого-то бьют. Здесь общая проблема - неготовность воспринять неожиданную сочетаемость; кроме того, осталась непонятой лексема ‘ковать’. В варианте [б], вероятно, могла сработать следующая ошибочная ассоциативная цепь: ‘железо’ = ‘(нечто) тяжелое’; глагол ‘ковать [непонятое слово]’ + временнуе наречие ‘пока’, как обозначение некоторого периода времени, привели к неопределенной ассоциации с ‘тащить’ - как действием с тяжелым железом, которое требует времени. Отсюда возникает вариант ‘тащить тяжелое’. Вариант [в], вероятно, построен на сложной (и ошибочной) ассоциативной цепи: ‘ковать’ = ‘бить / либо или иное аналогичное резкое движение’; ‘железо’= ‘(некое) оружие’; ‘горячо’ (в сочетании с ‘оружием’) = ‘разгар сражения/драки’. Отсюда имплицируется - ‘…бьют’.

Среди примеров второй группы (т.е. частично понятых) серьезные трудности у детей вызвало выражение ***лиха беда начало***: [а] не знаю; [б] ты соврал, беда только начинается; [в] случилась беда; [г] не знаю; [д] преодолеть беду. Как мы видим, варианты [б], [в], [д] основаны на буквальной семантизации - из-за неготовности воспринять непривычную лексико-синтаксическую сочетаемость. В данном случае восприятие объективно осложняется, во-первых, тем, что прилагательное ‘лих(-ой/-ая)’ - для современного русского узуса - архаизм, во-вторых, - здесь оно представлено в краткой форме, что для современного русского языка (по крайней мере, для устного дискурса) нетипично, - и, следовательно, мало знакомо детям. Помимо этого, дополнительная трудность вызвана малочастотной и непривычной для

детского восприятия синтаксической конструкцией сущ. (в им.п.) + сущ. (в им.п.) (…*беда начало*), где второе существительное выражает предицируемый признак первого. В итоге, дети пытаются семантизировать неизвестную последовательность слов, опираясь на единственно знакомые для них лексические ориентиры – ‘беда’ и ‘начало’, осмысливая их как буквальные значения.

Суммируя и обобщая результаты, полученные в ходе эксперимента, можно констатировать следующее. Неполное понимание идиоматики имеет в своей основе ряд повторяющихся когнитивных закономерностей:

- буквальная поэлементная семантизация и непонимание комбинаторики;
- неверная восприятие оценочной коннотации;
- неверное имплицирование: метафорическое, метонимическое (в частности, причинно-следственное);
- непонимание пресуппозиции;
- неверное сигнификативное ассоциирование;
- ложно толкуемая энантиосемия.

Вместе с тем, возвращаясь к исходному тезису статьи, необходимо вновь подчеркнуть, что идиоматическая семантика не полностью затемнена для неподготовленного восприятия, и, в когнитивном плане, анализ детского «наивного» толкования фразеологизмов представляет, на наш взгляд, продуктивный путь к пониманию структуры непосредственных языковых ассоциаций и мотивационного семантического поиска.

1.*Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

2.*Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

3.*Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.

4. *Gibbs, Raymond W.* Idioms and mental imagery. The metaphoric motivation for idiomatic meaning. Cognition 36: 35-68, 1990.

5. *Palmer Francis R.* Semantics (2nd ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

6.*Weinreich, Uriel.* Problems in the analysis of idioms. In: Jaan Puhvel (ed.).Substance and Structure of Language. Berkeley:University of California Press. 23-81, 1969.

Источник

1. «Медвежонок Паддингтон. Здесь и сейчас» С.-Петербург Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.

к.ф.н., доцент Е.В. Ганапольская (Санкт-Петербург)

ОБ ОДНОМ ВСТРЕЧНОМ ПРОЦЕССЕ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (ОБРАЗОВАНИЕ УТВЕРДИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМ)

Уже давно исследователи языка говорят о бинарности современного сознания, которое находит свое выражение в бинарности лингвистических явлений на разных уровнях. Понимание языковой системы как системы бинарных оппозиций постепенно распространяется на все новые отрасли языкознания: систему пословичных оппозиций (Г.Л.Пермяков), систему бинарных концептов (Ю.Н.Караулов), систему ментальных стереотипов, находящих свое выражение в языке (Т.М.Николаева) и мн. др. Одна из задач доклада – показать, характерна ли эта «бинарность» и собственно для фразеологии. Мы предполагаем, что характерна, так как система естественного языка, как и любая другая живая система, требует соблюдения определенного баланса. Однако считаем необходимым проверить свое предположение изучением фактического материала.

Вторая задача доклада - показать в самом общем виде сущность процесса циклического развития утвердительных и отрицательных (т.е. бинарных) форм в современной русской фразеологии. Мы исходим из того, что развитие языка идет по спирали: каждый виток спирали возвращает языковую систему в исходную позицию, но на качественно ином уровне. Такое развитие означает соответственно наличие в любой системе, в том числе и в языке, встречных, взаимообратных процессов: иначе возврат к «начальной» точке в принципе невозможен. При этом процессы эти должны качественно отличаться от аналогичных, шедших ранее, на низшем витке спирали.

д.ф.н., профессор С.Я. Гехтляр, А.Л. Шепетовская (Брянск)

ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА *«СТРАННИЧЕСТВО»* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Странничество как культурное явление на Руси берет начало в XI веке. Именно тогда, услышав глас Божий, русский человек начинал отправляться в путь, чтобы донести слово Божье до других людей. Настоящих странников можно было узнать по внешнему виду: строгий, серьезный, пронизывающий взгляд, одежда из грубого, крестьянского сукна, перепоясанная ремнем или просто веревкой. Сергий Сидоров пишет: «Все странники связаны с дорога-

ми, знают завораживающую силу путей России. Дороги, перелески, тихие предрассветные зори, суровые бури одинаково встречали их, одинаково пели им свои песни. И они возлюбили эти голоса Руси, они предались дороге до конца, предались, исчезнув в ее нескончаемых далях» (Сидоров: http// www.hramm.ru/files/Antologia strannikov.pdf).

Странник близок к земле, природе, и эта его близость воплощается в способе странничества – пешком. Странник ходит по необъятной земле русской, нигде не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник осуществляет движение, которое не подчинено конкретной цели. С. Сидоров приводит причины, ведущие к странствиям: любовь к земле, с одной стороны, личные неудачи, семейные драмы и страшные грехи - с другой.

По словам А. Платонова, русские странники брели потому, что «рассеивали на ходу тяжесть горюющей души народа» (Платонов 1990:271), и движение это не знало конца, потому что дорога давала чувство свободы.

Н. А. Бердяев замечает: «Странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная... Странник – свободен от «мира», и вся тяжесть земли и ремней жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах» (Бердяев 1990:17).

Д. Дорофеев считает странничество порождением древнерусской культуры, так как в страннике «воплотился уникальный образ человека, решившегося в скитаниях обрести свою форму жизни, понимаемой, как вечный поиск Бога на дорогах мира. Здесь отрешенность от мира и связанность с ним неповторимо дополняют друг друга. Очень важно здесь подчеркнуть, что русское странничество именно открывает для себя ценность природы, с которой постоянно находится в теснейшем соприкосновении как раскрывающей через себя Божью благодать. Отказываясь от связанности с каким-либо местом, устоем, нормированным жизненным порядком, соотнесенностью с другим человеком, странник приобретает способность иначе, более свободно и непредвзято, воспринимать природный мир» (Дорофеев: http// www.hramm.ru/files/Antologia strannikov.pdf).

О свободе русского человека Н. Бердяев пишет: «В русском народе, поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия - страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе *странника*» (Бердяев 1992:303). Мотив странничества нашел отражение в творчестве многих русских писателей. Это и образ дороги, неотделимой от героя-странника в творчестве М.Ю. Лермонтова, и «Странник» Пушкина, который покидает город, «дабы скорей узреть – оставя те места,/ Спасенья верный путь и тесные врата», и «Очарованный странник» Н.С. Лескова.

По словам Н. Бердяева, «Русские своего града не имеют, Града Грядущего взыскуют, в природе русского народа есть вечное странничество». (Бердяев 1997:198-199)

Можно заключить, что концепт «странничество» имеет глубокую историческую основу и является важным элементом русской концептосферы.

Обратимся к лексикографическим источникам для определения содержания концепта «Странничество» (БАС 1963:992-996).

Странник – 1. Тот, кто странствует, путешествует (обычно пешком).// Перен. О том, кто постоянно передвигается с места на место, нигде не остается подолгу. 2. Богомолец, странствующий по так называемым святым местам и живущий милостыней, паломник. 3. Член старообрядческой секты.

Странничать – Разг. Странствовать, скитаться; вести жизнь странника.

Странничество – странствование пешком на богомолье или для сбора подати.

Странствовать – 1. Путешествовать (обычно по дальним странам, отдаленным местам). // Разг. Долго ездить, долго ходить где-либо. 2. Ходить пешком на богомолье, собирая милостыню; быть странником.

Странноприимный – Устар. Радушно принимающий странников.

Странний – Устар. 1. Странствующий, находящийся в пути. 2. Посторонний, пришедший со стороны.

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить следующие семантические компоненты, наполняющие концепт:

1. Человек, путешествующий на большие расстояния.
2. Физическое перемещение в пространстве.
3. Непостоянство места, скитальчество.
4. Стремление к постоянной перемене мест.
5. Отсутствие собственности.
6. Одиночество.
7. Особый образ жизни, связанный с совершением обряда.
8. Чужой, посторонний человек, не имеющий непосредственного отношения к чему-либо.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля даются следующие значения: *странничать* – чудить, чудачить, отличаться от людей странностями, чудачеством; делать все не по-людски, на свой лад; *странствовать* – страдать; болеть; хворать, немочь (Даль, Т.4, 2002:181).

Данные значения позволяют определить наличие такого семантического компонента лексемы *странничество,* как «отличие от большинства какими-то характерными признаками». Данный признак особенно важен для характеристики составляющих картины мира.

Как было отмечено представителями Воронежской школы, «национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа».

Анализ паремиологических единиц позволяет раскрыть национально-культурную специфику концепта «странничество», поскольку «национальная картина мира обнаруживается в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» (Попова, Стернин, 2007:53).

Анализ пословиц и поговорок (Даль, 2000), вербализующих содержательные компоненты концепта «странничество», показал, что паремии о странничестве в соответствии с их тематикой и смыслом можно разделить на следующие группы:

1. Большие расстояния - возможность увидеть разнообразие мира.

Странничество – способ увидеть и узнать мир. *Что сторона, то и новина. Что подворье, то поверье; что двор, то говор; что келья, то мельня.*

Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь, больше увидишь. Свет является архаичным синонимом слова мир. В данной пословице *свет* одновременно означает и *мир*, и *освещенность* (См. Даль, Т.4: 2002:26).

Странник не может долго находиться на одном месте: *Пойду туда, где про меня рожь молотят. Куда глаза глядят.*

Странник проходит пешком огромные расстояния, например: *По колени ноги оттоптал.*

Странник восхищается обширностью, простором Руси: *Велика святорусская земля, а везде солнышко.*

2. Важность отсутствия препятствий, стен.

Странник отличается от других людей. Он свободен в выборе своих решений, своего пути: *Вольному воля, ходячему путь*.

Странник – самостоятельный, вольный человек: *Вольность всего лучше (дороже). Воля - свой бог. Воля птичке дороже золотой клетки. Какими заклепками ни замыкай коня, он все рвется на волю.*

Просторы Руси вызывают у странника восторг и радость бытия, крепость духа и богатство души. Силы природы влияют на настроение и помыслы: *Весело коням, когда скачут по полям. Золотая клетка соловью не потеха. Степного коня на конюшне не удержишь. Не надобна соловью золотая клетка, ему лучше зеленая ветка.*

3. Аскетизм, нетребовательность, привычка к неудобствам.

У странника нет ни семьи, ни дома, поэтому он не привычен к материальным благам и не стремится их получить: *Где стал, там и стан. Никто с собою ночлега не возит. Дорожный ночлега не возит. Одинокому - везде дом. Встал да пошел, так и вотчина со мной.*

Странник довольствуется малым: *Хлеб в пути не тягость. На живот лег, спиной укрылся. Одинку - где хлеб, там и угол.*

4. Путь, дорога, расстояния как источник познания.

Странничая, можно постигать человеческую сущность: *В игре да в попутье людей узнают.*

Осуждение пассивности, постоянного нахождения человека на одном месте, например: *Дома сидеть - ничего не высидеть. Избным теплом далеко не уедешь.*

Странничество помогает узнать жизнь лучше, например: *Чужая сторона прибавит ума. Людей (На людей) поглядеть и себя показать.*

Преодолевая трудности, странник познает жизнь: *Печка дрочит (нежит), а дорожка учит. Много на свете умного, да хорошего мало.*

5. Устойчивые выражения отмечают непременность трудностей в странничестве как образе жизни.

Странник должен быть готов к преодолению неблагоприятных обстоятельств, например: *В дорогу идти – пятеры лапти сплести. Кто в море не бывал, тот горя не видал. Кто в море не бывал, тот досыта богу не мбливался.*

Странник испытывает чувство ностальгии. Чужбина интересна, но непредсказуема: *Родимая сторона - мать, чужая - мачеха. И журавль тепла ищет. О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет.*

6. Толерантность.

Странник должен быть терпимым, тактичным по отношению к другим

людям: *В какой народ придешь, таку и шапку наденешь. В каком народе живешь, того и обычья держись.*

Народ также отмечает, что принимать чужое надо тоже до определенных пределов, странник как представитель своего народа иногда может внутренне противиться соблюдению чужих обычаев: *Под всяку песню не подпляшешь, под всяки нравы не подладишь.*

7. Доброе отношение простого народа к ходокам, странникам.

Странничество было почитаемо на Руси. Простой крестьянин готов был помочь страннику, чем мог. Проявить гостеприимство и угостить всем, «что Бог послал», считалось естественным проявлением «христолюбия, ведь именно христианство сформировало установку видеть в каждом нищем и утомленном путем госте Христа, откуда и идет особо отличающая русскую культуру традиция странноприимства» (Дорофеев: http//www.hramm.ru/files/ Antologia strannikov.pdf): *Незваный, да желанный. Принес бог гостя, дал хозяину пир. Гость на гость - хозяину радость. Гость в дом, а бог в доме. Хоть не богат, а гостям рад. Что есть в печи, все на стол мечи.*

В народе считалось нормой бескорыстие по отношению к страннику и порицалась корысть. *Не будь гостю запасен, а будь ему рад. Кто за хлебсоль берет со странного, у того спорыньи в доме не будет.* Спорынья означает – успех, удача, выгода, прибыль, прок, рост (см. Даль, Т.4:2002).

8. Богоугодность странничества.

С принятием Киевской Русью в 988г. христианства в Киеве стали строиться монастыри, в которые началось паломничество со всех уголков Руси. Считалось, что Киев всем известен и до него можно дойти, не зная дороги, а только спрашивая о ней у встречных. *Бог пути кажет. Язык до Киева доведёт.*

Странник - добрый, духовный человек, которого защищает само Небо: *Все под одним богом ходим, хоть и не в одного веруем. Дорожному бог простит. Путнику посты разрешены. Нужный путь бог правит. Попостись, помолись, да и в путь соберись. Призывай бога на помощь, а св. Николу в путь.*

Проанализировав приведенные паремии, можно увидеть, что, как и все произведения народного творчества, паремии о странничестве позволяют характеризовать некоторые стороны этого сложного явления. Они представляют странничество как явление, которое позволяет увидеть мир, как способ жизни, вызывающий у народа уважение, как богоугодное занятие, сам же странник – свободный, толерантный человек. Но это только часть признаков, входящих в содержание данного русского концепта, полную характеристику которого можно получить, описав все остальные средства его репрезентации.

1. *Сидоров С.* Записки о странниках русской земли. Антология странничества. [Электронный ресурс]/ сост. Синкевич В. – 2007. – Режим доступа: http//www.hramm.ru/files/Antologia_strannikov.pdf, свободный.- Загл. с экрана.

2. *Платонов А. П.* Чевенгур. М., 1990.

3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.

4. *Дорофеев Д.* Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах. Антология странничества.[Электронный ресурс]/ сост. Синкевич В. – 2007. – Режим доступа: http//www.hramm.ru/files/Antologia_strannikov.pdf, свободный.- Загл. с экрана.

5. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Душа России.//Русская идея. М., 1992.

6. *Пушкин А.С.* Странник. Полное собрание сочинений в 10т. Л.:Наука, 1977-1979. Т.3.

7. *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. Собр. Соч. T.V.Париж: YMCA –Press, 1997.

8. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. В. Виноградова и др., М. - Л.: Наука, 1948-1965.

9. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, 2002.

10. *Попова З.Д., Стернин И.А. К*огнитивная лингвистика.–М., Восток-Запад.– 2007.

11. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. – М., Олма-Пресс. – 2000.

Л.С. Головина (Псков)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ОНИМАМИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В условиях развития мультикультурного общества для человека, изучающего русский язык как иностранный важно не только овладеть определёнными коммуникативными навыками, но и получить полноценное представление о культурном наследии нашей страны. Поэтому особо значимыми сейчас становятся лингвокультурологические исследования проявлений культуры народа, отразившихся и закрепившихся в языке. По мнению В.А. Масловой, лингвокультурология - это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. (Маслова 2004: 4)

Задача лингвокультурологии, как отмечает Е.О. Опарина, - в том, чтобы эксплицировать культурную значимость языковой единицы путем соотнесения прототипной ситуации языковой единицы, её символьного прочтения с известными «кодами» культуры. (Опарина 1999: 18)

Источниками лингвокультурологической информации в учебниках русского языка как иностранного (РКИ) могут быть фразеологизмы, метафоры, паремии и др. Но особой культурно-исторической ценностью, как отмечает Е.Л. Березович, обладает ономастический материал. (Березович 1999: 4)

Анализ нескольких востребованных учебников РКИ показал, что они содержат достаточное количество онимов, чтобы полноценно отразить культурно-историческую информацию о России: сведения об этнической истории, социальной жизни, материальной и духовной культуре народа. Общее количество культурно маркированных онимов, употреблённых автора-

ми, таково: в учебнике В.Е. Антоновой и др. «Дорога в Россию» мы обнаружили 89 единиц онимов (Антонова В.Е., 2009); в учебнике И.И. Барановой и др. «Живём и учимся в России» – 95 единиц (Баранова И.И., 2003); у Ю.Г. Овсиенко («Русский язык для начинающих») – 146 единиц (Овсиенко Ю.Г.,2003); в книге А.П. Шумилиной («Русский язык для работы с иностранцами») – 113 единиц (Шумилина А.П., 2005).

Но одно лишь употребление ономастической единицы в тексте учебника не может раскрыть иностранному реципиенту её культурно-национальную составляющую. Для извлечения фоновых знаний из ономастикона необходим лингвокультурологический комментарий, который почти отсутствует в современном учебнике РКИ.

Лингвокультурологический комментарий, по словам Г.А. Кажигалиевой, способствует познанию обучающимися национально-культурного содержания языковых единиц в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры. Поэтому необходимо разработать лингвокультурологический комментарий имён собственных, встречающихся в тексте учебников РКИ, который способствовал бы лучшему пониманию иностранцем соответствующих культурно-национальных реалий России. (Кажигалиева 2001: 21)

При характеристике лингвокультурологического содержания онимов, как подчеркивает Г.А. Кажигалиева, важно руководствоваться не принципом всеохватности материала, а опираться на принцип освещения ключевых сведений данных лингвокультурем. Помимо общих сведений в словарной статье необходим иллюстративный материал: фразеологизмы, паремии и афоризмы. Эти языковые единицы не только ярко отражают национальную культуру и общественный опыт народа, но и способствуют развитию коммуникативных умений обучаемых. (Кажигалиева 2001: 22)

Приведём пример лингвокультурологического комментария онима, разработанного с учётом выше изложенных принципов:

Байка́л, а. м.**;** от якутского Байгъал — большая глубокая вода; море. Озеро в Восточной Сибири, глубочайшее на Земле.

За огромные размеры местные жители издавна называют **Байкал** морем. Большинство обитающих в озере животных и растений уникальны, встречаются только здесь. Красота байкальской природы воспета многими великими русскими поэтами и писателями. «**Байкал** удивителен. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь неё, как сквозь воздух. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная», - так описывал сибирское «море» великий писатель А.П. Чехов.

На протяжении многих веков местное население пытается разгадать тайны **Байкала**, создавая легенды и сказания о происхождении **Байкал**а и рек, впадающих в него. Прекрасный и неповторимый, Байкал считается «жемчужиной» России, её бесценным сокровищем. Недаром в народе бытуют пословицы: На **Байкал** приезжай – увидишь рай (т.е. красота природы Байкала сравнима с раем), Кто **Байкала** не видал - тот Сибири не знавал (тот, кто не видел **Байкал**, не может оценить всего великолепия Сибири).

Культурно-историческая значимость топонимов, гидронимов или ойконимов, очевидна: за каждым из них стоит вполне конкретный объект, с которым связана определённая фоновая культурная информация. Например, при

упоминании ойконима *Новгород* для русского человека очевидно, что речь идёт о древнем русском городе с богатой историей и огромным культурным наследием.

В отличие от этой группы имен собственных, антропонимы не называют какую-либо конкретную реалию: так, на первый взгляд, имя *Катя* указывает только на принадлежность его обладателя к женскому полу и возможную национальность – русская. Но мы согласимся с мнением Е.Ф. Исаевой о том, что имена в живой разговорной речи тесно связаны с реалиями, традициями, религией, миросозерцанием и т.п., свойственными определенному народу, а значит, несут в себе определённую культурную информацию, что говорит о необходимости лингвокультурологического комментирования и этой группы онимов. (Исаева 2006: 181)

Источник формирования ассоциативного поля личного имени - совокупность представлений о мире, существующих в сознании носителей языка. Определенная часть представлений едина для всех, другая часть - индивидуальна, определяется личным опытом каждого. [Никольская 1998: 188]

Рассмотрим возможное раскрытие лингвокультурологической семантики антропонима *Никита:*

Ники́та, ы, м.; с греч. — победитель; ласк. Никиточка, Никиша, пренебр. Никиха, Никитка. Русское мужское имя, исторически популярное в основном среди крестьян.

У русского человека имя **Никита** ассоциируется в первую очередь с **Никитой** Кожемякой — одним из известнейших персонажей русских былин: сильным и отважным богатырём. В настоящее время (с конца XX века) это имя вновь обрело популярность в России.

*Имя **Никита** вошло в русские пословицы и поговорки: Зародился **Никита** на волокиту – о мужчине, любящем «волочиться» за женщинами; Бог не **Никитка**, повыломает лытки (т.е. накажет). К имени **Никита** восходит распространенная в России фамилия **Никитин (Никитина),*** а отчество, образованное от этого имени, звучит как ***Никитич, Никитична.***

Таким образом, структурная и содержательная стороны словарной статьи, раскрывающие лингвокультурную семантику имени собственного, должны состоять не только из этимологической справки и лингвокультурологического толкования, но и показывать словообразовательную и фраземообразовательную активность онима, знание которой даст возможность изучающему русский язык как иностранный строить свою речь так, чтобы она была правильна не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения культурного контекста.

На наш взгляд, знакомство иностранного реципиента со словарным лингвокультурологическим комментарием онима будет способствовать формированию его лингвокультурной компетенции, которая включает в себя способность извлекать из единиц языка соответствующую фоновую культурную информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения.

1. *Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А.* Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). – В 2т.,3-е изд. – СПб.: Златоуст, 2009
2. *Баранова И.И., Капитонова Т.И., Городецкая Е.В.* Живем и учимся в

России: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся: I уровень. – 2003. – 192 с.

3. *Березович Е.Л.* Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике // Известия Уральского госуниверситета. №13. – Выпуск 2. – Екатеринбург, 1999. – 84 с.

4. *Исаева Е.Ф.* Ассоциативный фон антропонима / Е.Ф. Исаева // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.– Т.2.– С.180-183.

5. *Кажигалиева Г. А.* О лингвокультурологической подготовке будущего учителя русского языка и литературы в казахской школе / Г.А. Кажигалиева / / Преподаватель. - 2001. - С. 20-24.

6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов вузов. - Изд. 2-е. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

7. *Никольская Т.Е.* Ассоциативное поле личного имени / Т.Е.Никольская // Семантика языковых единиц: доклады VI конференции.- М., 1998.- Т.1.- С.188-190

8. *Овсиенко Ю.Г.* Русский язык для начинающих: Кн. 1: Учебник для говорящих на английском языке Изд.13-е, испр., М.: Русский язык, 2003. - 454 с.

9. *Опарина Е.А. и др.* Язык и культура: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. - М.: ИНИОН, 1999. - 109 с.

10. *Шумилина А.П.* Русский язык для работы с иностранцами: Учебное пособие для вузов. - М, 2005. – 458 с.

к.ф.н., доцент Н.Ф. Грозян (Симферополь, Украина)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА *«ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»* В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Теоретические и практические аспекты украинской фразеологии были предметом научного описания в монографиях и учебных пособиях Л.Г. Авксентьева [Авксентьєв 1988; Ужченко, Авксентьєв 1990], Н.Ф. Алефиренка [Алефіренко 1987], В.М. Билоноженко [Білоноженко, Гнатюк 1989], И.С. Гнатюк [Білоноженко, Гнатюк 1989], М.В. Жуйковой [Жуйкова 2007], Ю.Ф. Прадида [Прадід 1997], Л.Г. Скрипник [Скрипник 1973], В.Д. Ужченка [Ужченко, Авксентьєв 1990; Ужченко, Ужченко 2007], Д.В. Ужченка [Ужченко, Ужченко 2007] и других ученых. Основы изучения фразеологических единиц были заложены в трудах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова. Их наследие развили В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, А.В. Кунин, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, Н.М. Шанский и другие ученые.

Одна из актуальных проблем, которая волнует ныне теоретиков фразеологии, – выявление и изучение системной организации фразеологического

состава языка. Кроме системных отношений синонимии, омонимии, паронимии, антонимии, которые выделяются традиционно, привлекают внимание исследователей языка такие системные явления, как фразеологические микросистемы. Идеографическая классификация фразеологических единиц (ФЕ), как и лексики, должна соответствовать экстралингвистическому членению мира и строиться на понятийно-логических принципах, наличии у всех членов определенной микро- или макросистемы общего семантического признака. На что неоднократно обращали внимание ученые (см. раб. Ю.Н. Караулова, В.М. Мокиенко, Ж.П. Соколовской, Ю.Ф. Прадида, А.М. Эмировой). Усиленный интерес к системному изучению фразеологии ставит перед исследователями проблему идеографического описания фразеологического состава языка (см. раб. Н.Ф. Грозян, Ю.Ф. Прадида, Л.М. Рязановского, А.М. Эмировой и др.). Монография Л.М. Рязановского "Идеографические аспекты немецкой фразеологии: Темпоральная фразеология" [Рязановский 1997] посвящена анализу фразеосемантического поля времени на материале его ядерных микрополей со значениями «никогда» и «давно». В украинском языкознании теоретические и практические принципы выделения отдельных фразеологических микро- и макросистем были предметом специального исследования в монографии Ю.Ф. Прадида "Фразеологічна ідеографія: проблематика досліджень" [Прадид 1997]. В монографии ученый провел лингвистический анализ ФЕ, обозначающих психические процессы человека, учитывая достижения современных фразеологических и психологических наук. Актуальным является замечание А.М. Эмировой о том, что фразеология должна стать объектом отдельного идеографического описания [Эмирова 1984: 66]. Украинская фразеологическая идеография – не исключение. Богатый фразеологический фонд украинского языка еще ждет детальной систематизации в идеографическом аспекте. Для представления всех ФЕ нужен отдельный идеографический словарь. До сих пор остается единственным в Украине идеографический «Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека» Ю.Ф. Прадида [Прадид 1994]. Анализ фразеологического состава украинского, русского и др. языков свидетельствует о неравномерности распределения ФЕ по предметно-понятийным зонам, характеризующим различные стороны Вселенной. В то же время исследователи фразеологии обращают внимание на ее антропологический характер. Идеографическое поле «Человек» ученые считают центральным в системе идеографического исследования фразеологического состава языка. Как свидетельствует проведенный анализ, в идеографическом поле «Человек» объединяются ФЕ, которые характеризуют психические процессы, индивидуально-психологические особенности, психические состояния, поведение, деятельность человека.

Поведение человека – это «багаторівнева, поліфункціональна система»[Психологія 1999: 385], это отдельная категория, связанная с психическими процессами, состояниями и особенностями человека и исследуется не только психологами, но и представителями других наук. Примеры убеждают, что поведение человека передается широким диапазоном фразеологических средств украинского языка. Предлагается следующая иерархическая структура идеографической классификации ФЕ: синонимический ряд > семантическая группа > семантическое поле > тематическая группа > тема-

тическое поле > идеографическая группа > идеографическое поле > архиполе [Грозян 2003; Прадид 1997].

Анализ фразеологического материала украинского языка, проведенный нами [Грозян 2003], дает возможность констатировать, что в идеографической группе ФЕ «Поведение человека» объединяются тематические поля ФЕ: «Агрессивное поведение человека», «Сексуальное поведение человека», «Девиантное поведение человека», «Альтруистическое поведение человека», отвечающие классификации поведения, принятой в психологии [Психологический словарь 1998; Психологія 1999; Психология: Словарь 1990].

В тематическом поле ФЕ «Агрессивное поведение человека» выделяем три тематические группы ФЕ: «Суицидальное поведение человека», «Физическое агрессивное поведение человека», «Вербальное агрессивное поведение человека» [Грозян 2003].

Агрессивное поведение человека может варьироваться от демонстрации неприязненности, недружелюбности до словесных оскорблений и до применения грубой силы. Психологи признают существование разных типов агрессии, потому что проявления агрессии разнообразны и нескончаемы [Психологический словарь 1998; Психология: Словарь 1990]. На основании исследуемого материала предлагается описывать агрессивное поведение человека «в виде дихотомии»: физическое-вербальное, активное-пассивное, прямое-непрямое [Бэрон, Ричардсон 2000: 31]. Выделяются семантические поля ФЕ, характеризующие активное физическое агрессивное поведение человека и пассивное физическое агрессивное поведение человека. Каждое семантическое поле ФЕ разделяется на семантические группы ФЕ: «Прямое активное физическое агрессивное поведение человека», «Непрямое активное физическое агрессивное поведение человека»; «Прямое пассивное физическое агрессивное поведение человека», «Непрямое пассивное физическое агрессивное поведение человека» [Грозян 2003].

Примеры свидетельствуют, что в украинском языке существует разветвленная система фразеологических средств языка для обозначения этих понятий. Наибольшее количество синонимических рядов выделено в семантической группе ФЕ «Прямое активное физическое агрессивное поведение человека» со значениями: а) бить, избить кого-либо: ***годувати лящами*** [ФСУМ: 179]***, годувати бебехами (буханцями)*** [ФСУМ: 179]***, давати / дати дрозда*** [ФСУМ: 205-206], ***втерти маку (часнику)*** [ФСУМ: 158]***, оббивати / оббити пір'я*** [ФСУМ: 562]***, нагріти боки*** [ФСУМ: 522]; б) выпороть, наказать розгами: ***всипати (врізати, дати) гарячих*** [ФСУМ: 152-153]***, списати шкуру вздовж і впоперек*** [ФСУМ: 848]; в) очень сильно избить: ***краяти ремені зі шкіри*** [ФСУМ: 395]***, відбити (надсадити) бебехи (печінки, бельбахи)*** [ФСУМ: 115]; г) убить: ***випустити кишки (тельбухи, бандури)*** [ФСУМ: 100]***, спровадити до пекла (на шибеницю)*** [ФСУМ: 854]; д) мучить коголибо: ***лій топити*** [ФСУМ: 889]***, пити (смоктати, ссати*** і т. ін.) ***кров*** [ФСУМ: 628] и др.

Тематическая группа ФЕ «Вербальное агрессивное поведение человека» состоит из двух семантических полей ФЕ: «Активное вербальное агрессивное поведение человека», «Пассивное вербальное агрессивное поведение человека». Каждое семантическое поле ФЕ состоит из двух семантических групп ФЕ: «Прямое активное вербальное агрессивное поведение чело-

века», «Непрямое пассивное вербальное агрессивное поведение человека». Самой многочисленной оказалась семантическая группа ФЕ «Прямое активное вербальное агрессивное поведение человека», которая передается синонимическими рядами со значениями: а) порочить, оскорблять кого-либо: ***кидати / кинути болотом (болото, гряззю)*** [ФСУМ: 369]; ***кидати болотом, обкидати (обливати, поливати*** и др.***) / обкидати (облити, полити*** и др.***) брудом (болотом, гряззю, грязюкою, багном*** и др.***)*** [ФСУМ: 568], ***обкидати / обкидати всякими (найгіршими*** и др.***) словами (епітетами)*** [ФСУМ: 568]***, давати / дати нагінку (наганяй); дати нагінки*** [ФСУМ: 208]; б) насмехаться: ***брати / взяти на бас (на баса)*** [ФСУМ: 51]***, брати (підіймати, здіймати) / взяти (підняти) на глум (на глузи, на сміх)*** [ФСУМ: 56]; в) мучить кого-либо (морально): ***вимотувати (висотувати) / вимотати (висотати) жили*** [ФСУМ: 95]***, пекти душу (серце)*** [ФСУМ: 610] и др.

На обозначение девиантного поведения выделено такие группы ФЕ: 1) «Преступное поведение человека»; 2) «Уголовно не наказуемое аморальное поведение человека». Тематическая группа ФЕ «Преступное поведение человека» состоит непосредственно из синонимических рядов. А тематическую группу ФЕ «Уголовно не наказуемое аморальное поведение человека» составляют семантические поля ФЕ. Эти семантические поля состоят непосредственно из синонимических рядов. В структуре идеографической классификации ФЕ отсутствует звено – семантическая группа. Например, семантическое поле ФЕ "Систематическое пьянство человека" передается синонимическими рядами со значениями: а) систематически пьянствовать: ***в горілці киснути*** [ФСУМ: 373]***, наступати (наступити на пробку (на корок, на корка)*** [ФСУМ: 536], ***припадати / припасти до горілки (до чарки)*** [ФСУМ: 696], ***заливати / залити голову (очі***) [***горілкою***] [ФСУМ: 309-310], ***затоплювати / затопити розум у чарці (в горілці)*** [ФСУМ: 319], ***тинятися по шинках (по корчмах, з корчми в корчму)*** [ФСУМ:. 883]; б) пить: ***припадати / припасти до горілки (до чарки)*** [ФСУМ: 696]***, не розминатися / не розминутися з чаркою*** [ФСУМ: 754] и др. Фразеологический материал убеждает, что семантическое поле ФЕ «Корыстолюбие человека» передается широким диапазоном фразеологических средств украинского языка. Например: ***замилювати (милити) / замилити очі.*** [ФСУМ: 312], ***пускати / пустити в очі дим (пилюку)*** [ФСУМ: 718-719], ***пускати / пустити ману [в вічі]*** [ФСУМ: 719], ***напускати / напустити дурману*** [ФСУМ: 532], ***наводити / навести полуду (більмо) на очі*** [ФСУМ: 520], ***залишати (лишати), зоставляти***) ***/ залишити (лишити, зоставити***) ***в дурнях*** [ФСУМ: 310], ***обвести (обкрутити, обернути, обмотати)*** /***обводити (обкручувати, обмотувати***) ***круг (кругом, навколо) пальця (пучки)*** [ФСУМ: 563] и др.

В идеографической структуре тематического поля ФЕ «Альтруистическое поведение человека» отсутствуют звенья: семантическая группа, семантическое поле. Тематические группы ФЕ состоят непосредственно из синонимических рядов. Самым многочисленным оказался синонимический ряд со значением «помочь выработать правильную линию поведения»: ***підставляти плече*** [ФСУМ: 640]***, держати (тримати) руку)*** [ФСУМ: 229-230]***, наставляти (напрявляти, напучувати, спрямовувати*** и др.) ***/***

наставити (направити, напутити, спрямувати и др.***) на [добру (вірну*** и др.***)] путь, (на путь істини, на добрий, вірний шлях, дорогу, стежку*** и др.***)*** [ФСУМ: 535] и др.

На обозначение сексуального поведения человека самым многочисленным оказался синонимический ряд со значением «флиртовать»: ***підбивати / підбити клинці (клина, колодочки*** і т. ін.***)*** [ФСУМ: 630]***, смалити халяв-ки*** [ФСУМ: 832], ***розвести шури-мури*** [ФСУМ: 746]***, крутити роман*** [ФСУМ:. 403] и др.

Психологическая наука выделяет, кроме указанных выше, проективное, полевое, экспрессивное, опосредственное поведение человека [Психологический словарь 1998; Психологія 1999; Психология: Словарь 1990]. В текстах художественной литературы и в фразеологических словарях нами не зафиксированы ФЕ, обозначающие эти виды поведения человека. Считаем, что определить эти виды поведения можно только в широком контексте.

Таким образом, фразеологическая микросистема «Поведение человека» в украинском языке есть сложной и разветвленной. Предложенную иерархическую структуру идеографической классификации ФЕ никоем образом нельзя считать идеальной. Безусловно, в процессе исследования других фразеологических микросистем она потребует уточнений, изменений и дополнений. Фразеологические единицы служат особенными языковыми формами фиксации значений психологических понятий. Исследования отдельных фразеологических микросистем создаст предпосылки для составления фразеологических словарей идеографического типа, внесет коррективы для расширения и углубления арсенала методических средств психосемантики в сфере психологии личности.

Условные сокращения

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993 – Кн. 1-2.

1. *Авксентьєв Л.Г.* Сучасна українська мова: Фразеологія. – 2-е вид., доп. і перероб. – Харків: Вища школа, 1988. – 134 с.
2. *Алефіренко М.Ф.* Теоретичні питання фразеології. – Харків: Вища школа, 1987. – 134 с.
3. *Білоноженко В.М., Гнатюк І.С.* Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. – К.: Наукова думка, 1989. – 156 с.
4. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб: Питер, 2000. – 352 с.
5. *Грозян Н.Ф.* Фразеологічна мікросистема “Поведінка людини” в українській мові (ідеографічний і аксіологічний аспекти): Автореф. дис. … канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 2003. – 20 с.
6. *Жуйкова М.В.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов’янських мов: Монографія – Луцьк: РВВ «Вежа», 2007. – 416 с.
7. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
8. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
9. *Мокиенко В.М.* О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение: Сб. ст. / Под ред. Е.М. Верещагина. – М.: Русский язык, 1982. – С. 108-121.

10. *Прадид Ю.Ф.* Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1994-2. – 243 с.

11. *Прадід Ю.Ф.* Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови; Відп. ред. О.О. Тараненко. – К.: Сімферополь, 1997. – 252 с.

12. Психологический словарь / Под ред. В.П.Зинченко, Б.Г.Мещерякова. –2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1998.– 440с.

13. Психологія: Підручник / Ю.Л. Трофімов, В.В. Рибалка, П.А. Гончарук та ін.– К.: Либідь, 1999. – 558 с.

14. Психология: Словарь / Под. общ. ред. А.В. Петровського и М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 495 с.

15. *Рязановский Л.М.* Идеографические аспекты немецкой фразеологии: Темпоральная фразеология. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.

16. *Скрипник Л.Г.* Фразеологія української мови. – К.: Наукова думка, 1973. – 279 с.

17. *Соколовская Ж.П.* «Картина мира», Системность, Моделирование и Лексическая семантика. – Симферополь: Крымское уч.-пед. госуд. изд-во, 1999. – 176 с.

18. *Ужченко В.Д. , Авксентьєв Л.Г.* Українська фразеологія. – Харків: Основа, 1990. – 197 с.

19. *Ужченко В.Д., Ужченко Д.В.* Фразеологія сучасної української мови: Навч. посіб. — К.: Знання, 2007. — 494 с.

20. *Эмирова А.М.* Фразеологическая идеография, предмет и задачи // Вопросы фразеологии: Сб. науч. статей. – Самарканд, 1984. – С. 64-68.

асп. М.М. Демидова (Брянск)

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА «ПРАВЕДНИК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время термин концепт широко распространен в научной литературе. В когнитивной лингвистике существуют различные трактовки данного понятия (см. Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, А. Вежбицкая). Наиболее адекватным представляется определение З.Д.Поповой и И.А. Стернина: «концепт – это базовая единица мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющая собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущая комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении» (Попова, Стернин 2001:46).

Являясь единицей ментальной и абстрактной, концепт может быть репрезентирован средствами языка, т.к. это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом совокупных языковых реализаций» (Воркачев 2001:47).

Репрезентантом ядра концепта, как правило, выступает ключевая лексе-

ма, дающая концепту наименование. Периферия может быть наполнена рядом языковых средств, роль одного из которых выполняют устойчивые выражения. По мнению лингвистов Воронежской школы, паремии составляют интерпретационное поле концепта, которое передает многочисленные оценки, трактовки, мнения и суждения о нем. Эти суждения могут даже носить противоречивый характер, что позволяет выявить набор признаков концепта в полном объеме. Более того, пословицы и устойчивые выражения помогают проследить эволюцию, т.е. этапы, которые пройдены на протяжении всей истории осмысления данного концепта национальным сознанием (см. Попова, Стернин 2001:129-130).

На примере концепта «Праведник» рассмотрим, в репрезентации каких элементов его семантики принимают участие устойчивые выражения.

При анализе материала[1] мы опираемся на классификацию В.Н. Телия, которая включает в себя идиомы (ядро фразеологического состава); фразеологические сочетания; паремии – пословицы и поговорки; речевые штампы; различного рода клише и крылатые выражения (Телия 1996:58). Таким образом, нами было выявлено около 20 пословиц, несколько фразеологических сочетаний и одна идиома со словом *праведник* и его дериватами.

Основной пласт фразеологического материала составляют пословицы, что является особенно актуальным, так как это кладезь народной мудрости. М.В. Шолохов писал: «…беспрерывно промываются временем и шлифуются рассыпанные в пословицах золотые крупицы народной жизни, борьбы и традиций бесчисленных поколений». Основываясь на точке зрения В.П. Жукова, считаем пословицей единицу с замкнутой структурой, обладающей смысловой и интонационной завершенностью, синтаксической членимостью (если пословица употреблена в буквальном смысле), категориями предикативности и модальности (Жуков 2001: 9).

Пословицы, которые встретились в нашем материале, представляют следующие семантические компоненты:

1. Богоугодный, любимый Богом человек.

У бога для **праведных** места много. Бог любит **праведника**, а черт ябедника. **Праведный** судья одесную спасителя стоит*.

2. Непривилегированность, несмотря на высокие нравственные качества.

*Град бьет и поле грешника, и поле **праведника*.** Ни **праведнику** венца, ни грешнику конца.*

3. Честность.

*От трудов **праведных** не наживешь палат каменных (*Трудясь честно, трудно разбогатеть*). Гол, да **праведен***. Лучше нищий **праведный,** чем богач ябедный*. Лучше пребывать в дому плача **праведных,** нежели в дому радости беззаконных*.*

4. Высокая ценность.

Праведное на огне не горит, на воде не тонет.

5. Человеческая природа праведника.

*И **праведник** седмижды в день падает (или: согрешает). Ни **праведн-***

1. Материалом послужили фразеологические словари А.Н. Тихонова, А.И. Федорова, А.И. Молоткова; сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа», словарь русских пословиц и поговорок В.П. Жукова; тексты Библии.

***ный** без порока, ни грешный без покаяния*.* Праведник – не святой, он не пребывает в раю, а живет в мирских условиях, преодолевая препятствия, страдая и переживая трудности. Тем самым, говорят пословицы, греховность также может быть присуща праведнику, хотя в очень незначительной степени.

6. Жертвенность.

*Приходили **праведники** к грешникам талану просить.* Эта пословица свидетельствует прежде всего о том, что счастье и удача не всегда пребывают с праведником. Праведник очень часто выступает в образе *мученика,* человека, которого Бог постоянно проверяет и подвергает всевозможным испытаниям.

7. Особые отношения со смертью.

Добро ждать сытому царева обеда, а **праведному** смертного часа*.

8. Соблюдение обрядов – не главное в жизни праведника.

*Не всяк **праведник**, кто в церковь ходит*.* Набожность является основной составляющей образа праведника, тем не менее, это не единственный критерий, благодаря которому мы можем назвать человека праведным. Очень важно также обращать внимание на поведение и поступки человека.

9. Помощь людям.

Источником этой пословицы является Библия: *Не стоит город без святого, селение без **праведника**.* Согласно сказанию о городе Содоме, живущие в этом городе праведники спасают не только себя, но и весь город, т.е. участие в жизни грешников, спасение людей, помощь им и самопожертвование одна из составляющих концепта «Праведник»: *«И подошел Авраам к Богу и сказал: «Может быть, есть пятьдесят праведников в этом городе. Неужели Ты погубишь и не простишь места этого ради пятидесяти праведников в нем! Разве достойно Тебе делать подобное - погубить праведного вместе с нечестивым?!» И ответил Господь: «Если Я найду в Содоме пятьдесят праведников внутри города, то прощу всему месту ради них...» (Бытие 18:23).*

Идиомы и фразеологические сочетания используются для репрезентации концепта «Праведник» не так часто, как пословицы.

Рассмотрим идиому *Боже праведный* и следующие фразеологические сочетания: *праведный гнев, праведная душа или праведное сердце, труды праведные*. Во всех этих сочетаниях реализованы разные семемы лексемы *праведный.*

Выражение *Боже праведный* может употребляться как свободное (в контекстах религиозного плана) и как идиоматически связанное:

*Да прекратится злоба нечестивых, а **праведника** подкрепи, ибо Ты испытуешь сердца и утробы, **праведный Боже**! Бог - судия **праведный**, [крепкий и долготерпеливый,] и Бог, всякий день строго взыскивающий, если кто не обращается (Пс7:10,12).*

Здесь *праведный* – это истинный, верный, и даже терпеливый.

Идиома **Боже праведный** может использоваться как восклицание, передающее удивление, разочарование или досаду:

*Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! **Боже праведный**, до чего я дожил!* (А.С. Пушкин).

Праведная душа, праведное сердце – в этом словосочетании существенна сема чистоты и невинности. Более того, данное фразеологическое словосо-

четание построено по модели метонимического переноса, что придает ему дополнительную выразительность. Так, праведное сердце – это непорочный или безгрешный человек:

Каких дьяволов вызвали из ада, чтоб обмануть, обольстить твою праведную душу? (А.Н. Островский).

Праведный гнев – т.е. гнев обоснованный, заслуженный, правильный. В христианской религии известен праведный и неправедный гнев. Праведный – это гнев, который вызывают греховные действия, а неправедный, как правило, вызван нечистой силой.

Праведный труд означает честный, добросовестный.

Что ваши жены? Ни они рукодельем каким, ни ***трудом праведным*** *не занимаются (*А.В. Сухово-Кобылин). Принимая во внимание пример, в котором рукоделье противопоставляется праведному труду, делаем вывод, что праведный труд – это труд усердный и тяжелый.

Спать сном праведника – безмятежно, крепко спать: [Копров(указывая на Потрохова):] *Спит?*[Поликсена:] – ***Сном праведника****, как всегда. Хоть в трубы труби не проснется* (А.Н. Островский). Образ праведника характеризуется в данном случае кротость и смирением. Глубокий сон говорит о душевной чистоте.

После трудов праведных – потрудившись. – *Теперь можно будет и закусить* ***после трудов праведных****, – не замедлил предложить Шенсович* (А.Н. Степанов).

Таким образом, материал показывает, что фразеологические единицы используются для передачи целого набора семантических компонентов концепта. К ним относятся: богоугодность, непривилегированность; честность; человеческая природа праведника; жертвенность; бесстрашие; непорочность, безгрешность; чистота; спасение людей; добросовестность; истинность; кротость и смирение.

Разумеется, фразеологические единицы являются лишь одним из способов вербализации анализируемого концепта, другие средства должны быть предметом отдельного исследования.

1. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН – 2001, № 1. – С. 64-72.

2. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – 544 с.

3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. – 12 п.л.

4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

5. Фразеологический словарь русского языка/ под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

6. Фразеологический словарь русского языка/ сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2003. – 336 с.

7. Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18-20 вв./Под ред. А.И. Федорова. - М.: Топикал, 1995. – 608 с.

*Звездочкой обозначены пословицы, которые не представлены в словарях.

к.ф.н., доцент С.Ф. Іванова, асп. А.Д. Цеплякова
(Магілёў, Беларусь)

ДА ТЫПАЛОГІІ ФУНКЦЫЙ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ

У сучасным мовазнаўстве пакуль не існуе аднастайнага падыходу да вызначэння функцый крылатых слоў як маўленчых адзінак.

Так, М.С. і М.Р. Ашукіны ў прадмове да трэцяга выдання свайго шырока вядомага даведніка “Крылатые слова” ([1955] 1987) вылучылі дзве функцыі крылатых слоў.

1. Вобразная функцыя, якая звязана з тым, што крылатыя словы з’яўляюцца “одним из средств образной и выразительной литературной речи” (Ашукин 1987: 4).

2. Намінацыйная функцыя, якая праяўляецца ў тым, што крылатыя словы “с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений” (Ашукин 1987: 5).

В.П. Беркаў у прадмове да даведніка “Русско-норвежский словарь крылатых слов” (1980) вылучыў ужо чатыры функцыі крылатых слоў.

1. Абагульняльная функцыя, якая звязана з тым, што ў крылатых словах абагульняецца чалавечы вопыт, выражаецца жыццёвая мудрасць, адлюстроўваецца філасофскі сэнс. Гэтая функцыя, на думку даследчыка, з’яўляецца найбольш важнай, а большасць крылатых слоў такога роду паводле сваёй моўнай структуры з’яўляюцца закончанымі сказамі. Напр.: *Всё течет, всё изменяется*; *Человек человеку – волк* і да т. п. (Берков 1980: 12).

2. Намінацыйная функцыя, якая праяўляецца ў тым, што крылатыя словы выражаюць сутнасць якой-небудзь з’явы, характару, сітуацыі. Напр.: *А Васька слушает, да ест*; *делать из мухи* і да т. п. Паказальна, што крылатыя словы вельмі рэдка выкарыстоўваюцца ў функцыі намінацыі адзінкавых, унікальных рэалій. Напр.: *Северная Пальмира; Новый Свет* і да т. п. Такія крылатыя словы з пункту гледжання сваёй моўнай структуры могуць быць як закончанымі сказамі (*А ларчик просто открывался*), так і словазлучэннямі рознага тыпу (*зарыть свой талант в землю*), а таксама ўласнымі імёнамі (*Плюшкин, Личарда*) (Берков 1980: 13).

3. Вобразная функцыя, якая звязана з вобразнай формай крылатых слоў. Напр.: *Свежо предание, да верится с трудом*; *луч света в тёмном царстве* і да т. п. (Берков 1980: 13).

4. Эстэтычная функцыя, якая праяўляецца ў тым, што крылатыя словы запамінаюцца дзякуючы яскравасці і незвычайнасці сваёй формы, а асноўная функцыянальная значнасць паэтычных крылатых слоў палягае менавіта ў эстэтычнай плоскасці. Напр.: *Я помню чудное мгновенье*; *ночевала тучка золотая* і да т. п. (Берков 1980: 13).

Той жа В.П. Беркаў ва ўступным артыкуле “О крылатых словах” да даведніка “Большой словарь крылатых слов русского языка” (2000) чамусьці разглядае ўсе акрэсленыя ім у прадмове да даведніка “Русско-норвежский сло-

варь крылатых слов" (1980) і прыведзеныя вышэй функцыі крылатых слоў (акрамя намінацыйнай) ужо як віды інфармацыі, што паведамляецца ў крылатых словах (Берков 2000: 11–12). У якасці жа ўласна функцый крылатых слоў даследчык вылучае наступныя тры.

1. Аргументацыйная функцыя, якая звязана з ужываннем крылатых слоў у якасці аргумента нейкага прыватнага маркавання або фармулёўкі таго ці іншага агульнавядомага погляду. Напр.: *Правильно говорят: новое – хорошо забытое старое*. (Берков 2000: 9).

2. Палемічная функцыя, якая праяўляецца ў "адштурхоўванні" ад зместу крылатых слоў, калі думка, якая ў іх адлюстроўваецца, ставіцца пад сумненне або аспрэчваецца. Напр.: *Всё ли бумага терпит; Лицом к лицу лица не увидать – неправда это, ещё как увидать!* (Берков 2000: 10).

3. Гумарыстычная функцыя, якая звязана з тым, што крылатыя словы шырока ўжываюцца для ажыўлення маўлення, пераводу яго ў жартаўлівую танальнасць. Напр.: *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?* або *Клопы умирали, но не сдавались* і да т. п. (Берков 2000: 10).

В.М. Макіенка і К.П. Сідарэнка ў прадмове да даведніка "Словарь крылатых выражений Пушкина" (1999) вылучаюць тры функцыі крылатых слоў.

1. Інтэртэкстуальная функцыя, што праяўляецца ва ўжыванні крылатых слоў у якасці інтэртэкстаў (Мокиенко 1999: 21).

2. Тэкстаўтваральная функцыя, якая звязана з выкарыстаннем розных асацыятыўных сувязей са зместам ці формай крылатых слоў пры пабудове тэксту. Напр.: *А ты, Вовка, хоть и не валил никогда декораций, но никогда не дойдёшь до поднятия сборов. Ты – **"почётный гражданин кулис"** (Евгений Онегин), и дальше **кулис** твой великий талант не передаётся… Зато утешься: тебя никто не будет **обшикивать.*** (Мокиенко 1999: 29).

3. Эмацыйная функцыя, якая праяўляецца ў адлюстраванні настрою таго, у чые вусны укладваюцца крылатыя словы. Напр.: [Маша:] – ***У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том… Златая цепь на дубе том*** (плаксиво). *Ну зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра…* [Кулыгин (в смущении):] – *Ничего, пусть поплачет, пусть… Хорошая моя Маша, добрая моя Маша… Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было… Я не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрёка… Вот и Оля свидетельница… Начнём жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намёка…* [Маша (сдерживая рыдания):] – ***У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том… Златая цепь на дубе том…*** *Я с ума схожу…* ***У Лукоморья… Дуб зелёный…*** [Ольга:] – *Успокойся, Маша… Успокойся… Дай ей воды.* (Мокиенко 1999: 29–30).

С.Р. Шуляжкова ў дысертацыі "Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие" (1995) і аднайменнай манаграфіі (2002) разглядае функцыі крылатых слоў, акрэсленыя В.П. Беркавым у прадмове да даведніка "Русско-норвежский словарь крылатых слов" (1980), і дадае да іх яшчэ восем функцый.

1. Ідэалагічная функцыя, якая праяўляецца ў выкарыстанні крылатых слоў для канцэнтраванага выражэння жыццёвай устаноўкі моўніка або той асобы, аб якой ідзе гаворка. Напр.: *Всё своё ношу с собой*; *Я знаю только то, что ничего не знаю* і да т. п. (Шулежкова 2002: 245).

2. Заклікальная функцыя, якая звязана з ужываннем крылатых слоў у

якасці лозунгаў, заклікаў. Напр.: *Кто был ничем, тот станет всем; Хлеба и зрелищ!* і да т. п. (Шулежкова 2002: 245–246).

3. Аргументацыйная функцыя, што праяўляецца ў выкарыстанні крылатых слоў у якасці пацвярджэння думкі моўніка або яго апеляцыі да агульнапрызнанага аўтарытэту. Напр.: *Нет, не позднюю любовь осуждаем мы. В конце концов поэт прав: **любви все возрасты покорны.** Реплика фельетониста*. (Шулежкова 2002: 246–247).

4. Характарызуючая функцыя, што звязана з ужываннем крылатых слоў як вербальнага сродка характарыстыкі ўнутранага стану, пачуццяў, знешнасці, дзеянняў, паводзін каго-небудзь. Напр.: *Эка невидаль, любила, рассталась. **Разошлись, как в море корабли***. (Шулежкова 2002: 247–248).

5. Кантактаўсталёўваючая функцыя, якая праяўляецца ў тым, што крылатыя словы ўжываюцца дзеля ўсталявання кантакту. Напр.: *Сёмка вошёл и окинул взглядом дырявые стенки. Его горбоносое, без щёк, лицо выразило, что он тронут. Но он сказал юмористически напыщенно: – **Привет тебе, приют священный***. (Шулежкова 2002: 248–249).

6. Гумарыстычная функцыя, якая звязана з ужываннем крылатых слоў у мэтах моўнай гульні, дзеля стварэння камічнага эфекту. Напр.: *У него было два ученика, губастые, весёлые. Парнишки – фэзеушники. Власов поучал их и говорил: – Чего тёркой, как **"Вдоль по Питерской…"**? Води тёркой так **"Ах вы, сени, мои сени!"** И показывал*. (Шулежкова 2002: 249–250).

7. Загаловачная функцыя, што праяўляецца ў надзвычай шырокім ужыванні крылатых слоў у якасці загалоўкаў розных тэкстаў. Напр.: *Это странное слово "внедрение"*; *Этот взрослый, взрослый, взрослый мир* і да т. п. (Шулежкова 2002: 250–252).

8. Кампазіцыйная функцыя, якая звязана з тым, што ў літаратурных тэкстах крылатыя словы выкарыстоўваюцца як элемент кампазіцыйнай будовы тэксту: імі завяршаюцца тэксты (або часткі тэкстаў), паглыбляючы і абагульняючы сказанае вышэй; пачынаюцца разважанні на нейкую тэму, называюцца тэксты, сігналізуючы пра тое, што далей паведамляецца; яны выконваць ролю творчага імпульсу да стварэння мастацкага твора малой формы, становяцца кампазіцыйнай асновай тэксту, блізкага па зместу да твора, які спарадзіў крылатыя словы і г. д. (Шулежкова 2002: 252–254).

Аналіз прапанаваных рознымі даследчыкамі функцый крылатых слоў жываюцца у маўленні, паказаў, што ў кожнай класіфікацыйнай схеме існуюць пэўныя лакуны, недакладнасці і ўнутраныя супярэчнасці. Розныя даследчыкі вылучаюць неаднолькавую колькасць функцый крылатых слоў, часта па-рознаму называюць і інтэрпрэтуюць адны і тыя ж функцыі.

Так, функцыі вобразная і намінацыйная вылучаюцца М.С. і М.Р. Ашукінымі і В.П. Беркавым, а функцыі гумарыстычная, аргументацыйная і абагульняльная – В.П. Беркавым і С.Р. Шуляжковай.

Тэкстаўтваральная функцыя згадваецца В.М. Макіенкам і К.П. Сідарэнкам, а таксама С.Р. Шуляжковай, якая называе яе кампазіцыйнай і размяжоўвае на некалькі падфункцый, сярод якіх імпліцытна вылучае абагульняльную ("в художественном тексте крылатая цитата может завершать абзац, углубляя и обобщая сказанное автором выше", гл. Шулежкова 2002: 252) і загаловачную ("включённое в заголовок крылатое выражение может свидетельствовать о каком-либо любопытном факте, крылатое выражение может иг-

рать роль творческого импульса к созданию художественного произведения малой формы, и тогда оно выносится в заглавие, становится зачином", гл. Шулежкова 2002: 253). Дарэчы, С.Р. Шуляжковай загаловачная функцыя крылатых слоў вылучаецца яшчэ і асобна.

Толькі В.П. Беркаў вылучае эстэтычную і палемічную функцыі, толькі В.М. Макіенка і К.П. Сідарэнка – інтэртэкстуальную і эмацыйную, толькі С.Р. Шуляжкова – ідэалагічную, заклікальную, характарызуючую і кантактаўсталёўваючую.

Такім чынам, відавочна, што **тыпалогія функцый крылатых слоў** патрабуе істотнага ўдакладнення.

Так, у залежнасці ад значнасці (істотнасці) і прадуктыўнасці ў маўленні функцыі крылатых слоў варта размежаваць на аблігаторныя і факультатыўныя.

Аблігаторныя функцыі ўласцівыя ўсім без выключэння крылатым словам, рэгулярна праяўляюцца пры іх ужыванні ў маўленні. Да аблігаторных мэтазгодна аднесці дзве функцыі.

1. **Намінацыйная** функцыя, якая праяўляецца ў тым, што крылатыя словы выкарыстоўваюцца для абазначэння з'яў, сітуацый, тыпаў, адносін і да т. п.

2. **Інтэртэкстуальная** функцыя, якая звязана з выкарыстаннем крылатага слова ў тэксце як элемента іншага тэксту.

Факультатыўныя функцыі ўласцівыя не ўсім крылатым словам, нерэгулярна праяўляюцца пры іх ужыванні ў маўленні. Да найбольш значных факультатыўных функцый адносяцца наступныя шэсць.

1. **Экспрэсіўная** функцыя, якая праяўляецца ў выкарыстанні крылатых слоў для эмацыйнай ацэнкі свету.

2. **Афарыстычная** функцыя, якая звязана з адлюстраваннем у крылатых словах у абагульненай форме значнай па зместу жыццёвай мудрасці, каштоўнага жыццёвага назірання.

3. **Аргументацыйная** функцыя, якая праяўляецца ва ўжыванні крылатых слоў у якасці аргумента той ці іншай думкі.

4. **Імператыўная** функцыя, якая звязана з ужываннем крылатых слоў у якасці лозунгаў ці заклікаў.

5. **Кумулятыўная** функцыя, якая праяўляецца ва ўжыванні крылатых слоў у якасці загалоўкаў.

6. **Гумарыстычная** функцыя, якая звязана з ужываннем крылатых слоў з мэтай стварэння камічнага эфекту.

Астатнія функцыі крылатых слоў не вызначаюцца прадуктыўнасцю і маюць індывідуальна-маўленчую прыроду.

Ашукин, Н.С. Предисловие к третьему изданию / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина // Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения [1995]. – 4-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1987. – 528 с.

Берков, В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов / В.П. Берков. – М.: Русский язык, 1980. – 176 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.

Мокиенко, В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие [1995] / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

д.ф.н., профессор М.Л. Ковшова (Москва)

ИДИОМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА*

В культурно-семиологической парадигме современной науки о языке концепт трактуется как расширенное понятие без каких-либо ограничений. Понятие – это предмет науки логики; понятие "определяется", концепт же "переживается" (Ю.С. Степанов). Концепт является открытой, нестабильной, неравновесной, динамической знаковой системой, включающей в себя вербальные и невербальные компоненты. О концепте говорится как о понятии обыденной, наивной философии; концепты – это своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром (Н.Д. Арутюнова).

Культурный слой, или, в терминологии Д.С. Лихачева, концептосфера культуры, понимается как сеть базовых, ценностных по своему содержанию и мировоззренческой сущности, концептов – образов, представлений, знаний, существующих в сознании как отдельной личности, так и социальной группы и этноса в целом. Концепты характеризуют национальную ментальность и составляют основу национальной культуры. Исследование репрезентации концептов в естественном языке дает возможность лингвистам и лингвокультурологам воссоздать в полной мере наивно-языковую картину мира, в которой заключено особое, языковое, мировидение. Действительно, концепт принадлежит сознанию, детерминируется культурой и репрезентируется в языке, и потому внимание исследователей привлечено также к выявлению различий репрезентации концептов в естественных языках.

Считаю, что следует вводить новое понятие – **лингвоконцептосфера культуры**, понимаемое как область пересечения двух сфер – языка и культуры, в которой объективируются концепты культуры, «схваченные» национальным языком, каждым по-своему. Исследовать, как концепты культуры репрезентируются *в формате* того или иного естественного языка и бытуют в лингвокультурном социуме, т.е. исследовать **языковую относительность концептов** – главная на сегодняшний день задача лингвокультурологии.

* Исследование ведется в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования» (контракт № 02.740.11.0370 федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»), а также при поддержке грантов Федерального агентства по науке и инновациям № НШ-6469. «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах» и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН. Проект «Универсальные и идиоэтнические стратегии продуцирования и интерпретации текста».

Одним из главных признаков концепта может служить то, что в культуре концепт постоянно обнаруживает себя в виде вопроса: *Что есть…?*, или *Что такое…?*, или *Что значит…?* И на эти вопросы в культуре даются ответы, и всегда будут даваться, поскольку они никогда не будут исчерпывать концепт полностью: концепты – это культурные феномены, и их осмысление, или переживание (по Ю.С. Степанову), происходит в пространстве культуры, которое представляет собой многомерное пересечение различных субкультур со сложными соотношениями между ними. Концепты не могут быть описаны раз и навсегда; о них говорят, пишут, думают, размышляют; они порождают новые и новые тексты, служащие ответами на вопросы *Что есть…?*, или *Что такое…?*, или *Что значит…?*

Представляется, что ярким репрезентантом того или иного концепта культуры может служить «идиоматический текст», т.е. совокупность идиом, в образах которых запечатлена и в семантике которых выражена суть концепта, даны глубокие ответы на поставленные выше вопросы. В идиоматическом тексте смыслы, образы, ассоциации, эмоции и оценки, связанные с тем или иным переживаемым в культуре понятием – концептом – соединяются, сплетаются в единое целое, создают тканую основу концепта, тот холст, на котором в разные эпохи вышиваются разные узоры осознания данного понятия в философии, литературе, искусстве и др.

Такое понимание идиоматического текста – особого слоя в структуре концепта и способа исследования сути концепта, его начал – обосновывается новым, лингвокультурологическим, пониманием идиомы как всегда целостного знака языка и культуры (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, И.В. Зыкова). Именно в идиомах полно и разносторонне воплощено ценностное содержание культуры: запечатлены и древнейшие, восходящие к мифам, обрядам, ритуалам, представления человека о мире, и современные установки поведения и деятельности, отражена связь с различными дискурсами культуры, в которых «зарождаются» и с которыми продолжают соотноситься идиомы – фольклорным, литературно-художественным, публицистическим, масс-, поп- и субкультур и т.п. Идиома как особенный знак языка выполняет собственно языковую и культурную функции: образно передает информацию о происходящем в мире и одновременно с этим транслирует культурные смыслы, прескрипции культуры, стереотипные представления, становится вербальным символом, эталоном происходящего в мире. Идиома, которой всегда присуща оценочность, в полной мере осуществляет возможность человека выразить свое отношение к происходящему, свою культурную позицию – хорошо или плохо то, что происходит в мире. Идиома хранит в себе и транслирует при употреблении в речи культурные смыслы, «вплетенные» в образную семантику данного языкового знака. Тем самым, исследование концепта путем разработки принципа «идиоматический текст» даст представление о важнейшем слое, идиоматическом – базовом и всегда активном слое в структуре любого концепта.

Т.А. Лапаева (Великий Новгород, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Термин ***устойчивые сочетания*** принадлежит к числу универсальных терминов лингвистической науки: он используется в различных лингвистических дисциплинах (лексике, фразеологии, синтаксисе) и применяется к сверхсловным образованиям разного качества – от крылатых выражений до газетных штампов. Кроме того, он активно используется в теоретической и прикладной лексикографии, поскольку выделение «зоны устойчивости» в составе словарной статьи является одним из параметров лексикографического описания лексических единиц. Вследствие этой универсальности термин *устойчивое сочетание* можно отнести к самым неопределенным терминам лингвистической науки: вероятно, поэтому в лингвистике предпринимались и предпринимаются попытки найти новые обозначения, которые позволили бы конкретизировать его содержание и дифференцировать обозначаемые им явления. В разное время для этого использовались номинации фразеолоиды (Н.Н.Амосова), фразеологические группы (Ш.Балли), фразеологические сочетания (В.В.Виноградов), рестриктивы (С.Г.Гаврин), фразеоматические сочетания (А.В.Кунин), коллокации (И.А.Мельчук; В.Н.Телия). Сопоставление приведенных обозначений позволяет заключить, что название *устойчивые сочетания* используется или как синоним к терминам *фразеологические единицы*, *фразеологизмы*, или как обозначение одного из разрядов фразеологизмов (фразеологические сочетания).

В лингвистических исследованиях можно выделить следующие трактовки термина «устойчивое сочетание»: 1) УС – это фразеологизмы, они должны изучаться фразеологией (Н.М.Шанский, В.В.Виноградов, В.М.Мокиенко, В.Н.Телия). Главный отличительный признак УС в данном случае – воспроизводимость (устойчивость); 2) УС – это фразеологизмы, выделяемые по признакам ограничения сочетаемости компонентов и детерминированности межкомпонентных отношений (В.Л.Архангельский, М.М.Копыленко, З.Д.Попова, И.А.Мельчук, Ю.А.Гвоздарев, Е.Г.Борисова, О.В.Захарова и др.). Устойчивость как признак фразеологизмов характеризует их вместе с идиоматичностью и ограничениями на сочетаемость; она может иметь разную природу и разную степень проявления; 3) УС – это несвободные сочетания, но не фразеологизмы (В.П.Жуков). Устойчивость признается в этом случае свойством семантики ФЕ и определяется как мера их смысловой неразложимости. УС, в отличие от фразеологизмов, лишены такого рода устойчивости, но они являются воспроизводимыми единицами. 4) УС – это несвободные сочетания, связи между компонентами которых ограничены на лексическом уровне; устойчивость это ограничение распространителей одного из компонентов в количественном отношении. Такая неоднозначность в определении содержания объема класса УС приводит к тому, что, как пишет Е.Г.Бо-

рисова, сам термин «устойчивое сочетание» имело бы смысл заменить (1988: 148), так как он способствует неопределенности в понимании объекта исследований.

Сложность определения УС обусловлена еще и тем, что данный признак – устойчивость – трактуется исследователями по-разному: с одной стороны, это свойство ФЕ, характеризующее его либо по форме, либо по содержанию, с другой стороны – это общее свойство всех несвободных сочетаний. В нашей работе мы исходим из положения, что не всякая устойчивость является показателем фразеологичности. Фразеологическая устойчивость есть мера идиоматичности, характеризующая содержание ФЕ. Устойчивость же как свойство формы, т.е. воспроизводимость, присуща большому классу бинарных СС, которые не являются фразеологизмами, так как не имеют его семантических признаков (устойчивости, идиоматичности, целостности значения – см. Жуков 2006: 6-8), и не входят в разряд фразеологических сочетаний, так как не содержат компонента с фразеологически связанным значением (см. Дидковская 2000: 9). Интегрирующим свойством таких СС является, с нашей точки зрения, **воспроизводимость,** отграничивающая их от **производимых** сочетаний. Воспроизводимость УС обусловлена тем, что в них реализуются не только грамматические потенции компонентов, главного и зависимого, но и лексические ограничения на сочетаемость, связанные с их функционированием в качестве цельного наименования.

На соотношение «устойчивость» – «связанность» уже обращали внимание некоторые исследователи. Так, например, Е.Л.Ковачич полагает, что связанность «соотносится с понятием устойчивость (мера связанности компонентов) и воспроизводимость (результат связанности) как родовое понятие по отношению к видовым» (1996: 109). Несомненно, что подобное соотношение существует, но сам этот вопрос требует особого рассмотрения, так как категория связанности по-разному характеризуется в лингвистической литературе.

В.Н.Телия в монографии «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» определяет связанность как ограничение сочетаемостных свойств семантически реализуемого слова (1981: 58). Главным признаком слов со связанным значением она считает его синсемантичность, т.е. способность указывать на мир только совместно с семантически ключевым словом, как например, прилагательные в сочетаниях *шагающий экскаватор, детский городок* и др. Такие образования возникают в акте вторичной номинации, которая связана с использованием «комбинаторной техники сочетания слов с ономасиологическими целями» (1981: 63). Ограничение комбинаторики слов в несвободных сочетаниях приводит к тому, что за связанными компонентами закрепляется узкая сфера приложимости к миру и соотнесенность с действительностью только через посредство опорного наименования. Таким образом, единицами номинации выступают уже не отдельные слова, обладающие отдельными значениями, которые взаимодействуют между собой, создавая новые смыслы (Л.В.Щерба), а лексико-синтаксические единицы, которыми говорящие оперируют как единицами обозначения. Это происходит, например, в субстантивно-атрибутивных сочетаниях *белое вино, зеленый чай, александрийский стих* и др., лексико-синтаксическая структура которых соответствует составному характеру обозначаемого по-

нятия. Опорное слово в них указывает на родовую принадлежность обозначаемого, а прилагательное – на его существенный и отличительный признак. Именно в таких словосочетаниях, возникает связанность компонентов как результат их использования в процессах вторичной номинации. Они представляют собой **номинативный контекст**, части которого не актуализируют свое значение в процессе речеупотребления, как в свободных СС, а гиперструктуру, в которой происходит формирование значений компонентов и которая используется в речи как номинативное целое. Такие сочетания представляют собой **устойчивые словесные комплексы**, воспроизводимые в разных типах коммуникации.

Такая трактовка фразеологически связанного значения обусловлена преобладанием ономасиологической направленности в его изучении, поскольку внимание к номинативному аспекту двух объединенных значащих и обозначающих единиц отодвигает на второй план собственные свойства компонента со связанным значением. Это приводит к тому, что все сочетания с ограниченной сочетаемостью компонентов называются фразеологически связанными, или устойчивыми. А между тем фразеологические сочетания имеют постоянный и определенный показатель – наличие компонента с фразеологически связанным значением, который не обязательно присутствует в других связанных сочетаниях.

В настоящей работе принято определение ФС, предложенное В.Г.Дидковской: ФС – это особый тип бинарных словосочетаний, совмещающих синтаксически организованную форму с лексически организованным содержанием. Бинарность и ограничения состава и структуры характеризуют форму ФС, контекстуальность межкомпонентных отношений – содержание (2000). Компонент с фразеологически связанным значением является основным и базовым признаком ФС, так как все другие производны и зависимы от него. Фразеологически связанное значение – **это один из типов лексического значения слова**, оно является результатом семантических процессов, вызвавших ослабление его парадигматической позиции в семантической структуре слова, которое компенсируется усилением синтагматического компонента в его содержании, связывающим его с определенными фразами-синтагмами (*кромешная тьма, девичья память, волчий аппетит* и др.).

Сопоставление свободных и фразеологически связанных значений позволяет выделить разные виды «ограничения» значений, которые не превращают их во фразеологически связанные: 1) свободные значения, образующие ограниченное число сочетаний в соответствии со своей ограниченной референцией; 2) свободные значения с исторически и стилистически сложившимися ограничениями применения; 3) слова с эврисемичным значением; 4) отвлеченно-производные безобразные значения с ограниченной сочетаемостью; 5) отвлеченно-производные метафорические значения (Дидковская 2001: 61). Тем самым в кругу несвободных сочетаний можно выделить такие, которые не имеют в своем составе фразеологически связанного компонента и не являются фразеологическими, но в то же время отмечены ограничениями в сочетаемости образующих слов: *проливной дождь, белокурые волосы, ведренный день, закатистый смех.*

Кроме того, несвободными являются и такие сочетания, выбор *всех* компонентов которых непредсказуем на семантическом уровне, а их соедине-

ние в одном СС не обусловлено их семантическими валентностями. Связанность подобных сочетаний является производной, вторичной, она порождается в самом словосочетании – ее можно назвать синтгматической связанностью. Связанность компонентов в таких СС обусловлена уже его грамматическим устройством: в нашем случае – это сочетание «существительное + прилагательное»: *глухой согласный, холодное оружие, узловое письмо* и др. Как пишет М.А.Кронгауз, «прилагательное имеет семантическую валентность, заполняемую значением существительного, однако не имеет соответствующей активности синтаксической валентности» (2001: 189). Таким образом, прилагательное в составе словосочетания имеет предрасположенность к связанности уже на грамматическом (синтаксическом) уровне.

Вместе с тем, сочетаемость ни одного из компонентов в приведенных сочетаниях не является семантически избирательной и ограниченной, поскольку не обусловлена их лексическим значением, так, прилагательное *александрийский* своей смысловой валентностью «задает» предметно-локативную семантику сочетающихся существительных, не ограничивая ее в количественном отношении: *порт, маяк, столп* и др.; слово *стих* или другие слова, обозначающие литературоведческие понятия (*рифма, размер, поэма, роман*), в этот ряд не входят. Но и существительное *стих* не имеет среди своих смысловых валентностей связи с прилагательными с «географическим значением». Его сочетаемость с лексемой *александрийский* существует в составе единичного сочетания, назначение которого – служить обозначением единичного предмета (явления), и не повторяется в СС той же модели (французский роман, московский стих, петербургская повесть). В то же время, как и любое СС, подобные образования выполняют функцию расчлененного обозначения действительности, т.е. являются дескриптивными обозначениями.

В таких расчлененных обозначениях компоненты оказываются неравноценными с точки зрения участия в создании номинативной единицы: одно из слов задает область номинации, обозначая объект называния, а второе – его существенный отличительный признак. Степень несамостоятельности прилагательного может быть различной: от полной смысловой невыделимости в составе сочетания (*веленевая бумага, бемское стекло, волоковое окно*) до частичной выделимости за счет ассоциативно-деривационных связей со своими же свободными значениями: *кирпичный чай, белое железо, красная медь, благородные металлы, водяные знаки).* Связанность такого рода сочетаний создается не на семантическом уровне, она не связана с ограничением лексической или лексико-семантической сочетаемости их компонентов, и поэтому не входит в число показателей их (компонентов) принадлежности к связанному типу лексического значения. Как уже отмечалось, они не являются фразеологическими сочетаниями, их нельзя отнести и к лексически связанным сочетаниям (ЛСС). Подобные обороты служат обозначениями, сформировавшимися в определенной профессиональной среде или свойственными определенной коммуникативной ситуации. Мы предлагаем выделить СС такого типа в особую группу устойчивых сочетаний.

Устойчивые субстантивно-адъективные УС характеризуются следующими признаками:

1) их связанность формируется на грамматическом (синтаксическом)

уровне, так как прилагательное не имеет активной синтаксической валентности относительно существительного;

2) среди слов, образующих такие сочетания, нет единиц со связанными значениями (в рамках типологии лексических значений), так как они не соответствуют парадигматическим, синтагматическим и ассоциативным параметрам значений связанного типа. Специфика значения прилагательного в составе УС определяется его семантической изолированностью от других значений того же слова;

3) синтагматическая связанность компонентов УС означает их единичную, часто уникальную сочетаемость в составе единичной номинации; она обусловлена функциональной специализацией УС;

4) цельное значение УС не является результатом переосмысления всех его компонентов или одного из них. Переносный характер семантики прилагательного осознается только в составе данного сочетания, как результат единичного ассоциирования.

Таким образом, **устойчивые сочетания** – это синтагматически связанные словосочетания, являющиеся цельной воспроизводимой единицей номинации.

1. *Борисова Е.Г.* Пакет «Устойчивые словосочетания» // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. (Материалы к методической школе-семинару). – М., 1988. – С.145 – 176

2. *Дидковская В.Г.* Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний). Дис… доктора филол. наук. – СПб., 2000. – 307 с.

3. *Дидковская В.Г.* Фразеологически связанное значение в лексико-семантической системе русского языка // Русское слово. – Орехово-Зуево, 2001. – С.59 – 62

4. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Русская фразеология: Учеб пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

5. *Ковачич Е.Л. Т*ипы фразеологических единиц и их лексикографическое представление // Фразеологизм и слово в системе языка: Тезисы докладов и сообщений международного симпозиума, посвященного 75-летию со дня рождения проф. В.П. Жукова (I-е Жуковские чтения). – Новгород: НовГУ, 1996. – С.108 – 110

6. *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для вузов. – М.: РГГУ, 2001. – 399 с.

7. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

к.ф.н., доцент О.Г. Лапшина (Омск)

ОМОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА

Проблема омонимии и в настоящее время является областью сложной, дискуссионной и неоднозначно решаемой. В работах В.В. Виноградова [1], А.М. Чепасовой [11], Н.А. Павловой [5, 6, 7], Т.Е. Помыкаловой [9], С.С. Лаухиной [2], Т.А. Матузовой [3],Т.Н. Пироговой [8] и др. исследуется широкий круг вопросов, связанных с определением понятия фразеологических омонимов, выявляются их типы, описывается механизм образования омонимов.

Фразеологическими омонимами мы называем такие языковые единицы, которые характеризуются тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеют несовмещающиеся значения [7: 79].

В нашей работе используется типология фразеологических омонимов, разработанная Н.А. Павловой [7]. Представленная классификация дает широкоаспектное описание материала, поскольку она построена на учете разных принципов:

Таблица 1

Принципы выделения омонимов	Соответствующие им типы
1. Семантико-грамматический	1. Внешние омонимы: 1) Фразеологизмы, омонимичные нетерминологическим сочетаниям (свободным словосочетаниям); 2) Фразеологизмы, омонимичные терминологическим сочетаниям; 2. Внутренние омонимы: 1) Омонимичные фразеологизмы с одним категориальным значением (относятся к одному классу); 2) Омонимичные фразеологизмы с разными категориальными значениями (относятся к разным классам); 3) Омонимичные фразеологизмы смешанного типа: в одном ряду омонимичные фразеологизмы с одним и разными категориальными значениями.
2. Структурный	По наличию/отсутствию разных видов варьирования: 1) Полные, т.е. совпадающие во всех вариантах; 2) Неполные, т.е. совпадающие в отдельных вариантах; 3) Совпадающие в отдельных грамматических формах.

3. По количеству омонимов в ряду	1) Двучленные 2) Многочленные
4. По источнику образования	1) Свободные словосочетания 2) Термины 3) Фразеологизмы

В исследуемом материале – предметные фразеологические единицы, называющие человека по социальным свойствам (370 ФЕ) – выявляются различные типы омонимических словосочетаний, различающиеся по семантике составляющих их лексем:

1. Словосочетания, включающие зоонимы и имена прилагательные, обозначающие различные признаки биологических существ:

а) внешний вид, физические свойства: **белая ворона**, **мелкая рыбешка**, **крупная птица**, **серая мышь**, **жирный кот**, **снежный барс** и др.

б) обозначающие использование животного человеком: **подопытный кролик (свинка, крыса)**, **дойная корова**, **сторожевой пес**, **ломовая лошадь**.

в) особенности поведения животного, образ жизни: **важная птица**, **необстрелянный птенец**, **травленый волк**, **ночная бабочка** и др.

2. Словосочетания, включающие в свой состав одушевленные существительные-наименования человека и его признаки: **американский дядюшка**, **бедный родственник**, **большой человек**, **первая леди** и др.

3. Словосочетания, включающие названия частей тела человека и, реже, животного и их признаки: **сильная рука**, **важное лицо**, **мохнатая лапа** и др.

4. Словосочетания, имеющие в своем составе существительные-наименования конкретных неодушевленных предметов и их физических признаков:

а) наименование объектов природы: **восходящая звезда**, **звезда первой величины**, **пустая порода** и др.

б) наименования растений: **тепличное растение**, **обсевок в поле** и др.

в) наименования конкретных предметов: **битый козырь**, **мыльный пузырь**, **денежный мешок**, **совиное гнездо**, **первая скрипка** и др.

г) наименования предметов одежды (обуви): **синие мундиры**, **синий чулок**, **красный каблук**, **гороховое пальто**, **белый воротничок**.

д) наименования продуктов питания: **тертый калач**.

е) пространство и его части: **пустое место**, **сто первый километр** и др.

Наиболее представленной в нашем материале является **внешняя омонимия первого типа**: в омонимические отношения с нетерминологическими (свободными) словосочетаниями вступают 103 фразеологических единицы, что составляет 27,8 %: **большая шишка**, **жирный кот**, **бедный родственник**, **крупная птица**, **маленький человек**, **мохнатая лапа**, **пустое место 1** и др.

Не все исследуемые фразеологизмы омонимичны нетерминологическим конструкциям. К их числу относятся:

1) ФЕ, в составе которых имеется устаревший компонент или устаревшая форма: **золотая киса**, **черный клобук**, **недреманное око** и др.

2) ФЕ, включающие в свой состав заимствованный компонент: **жрец (сын,**

служитель) Фемиды, **персона грата**, **поколение пепси** и др.;

3) ФЕ, сохранившие связь с первоисточником: **дворянское гнездо**, **мещанин во дворянстве**, **блудный сын**, **богатый Буратино**, **бывшие люди** и др.

4) не имеют омонимичных словосочетаний фразеологизмы, включающие в свой состав слова, которые в свободном употреблении называют логически несовместимые понятия: **белый негр**, **пустой человек**, **бумажная душа** и др.

5) внешняя омонимия не свойственна фразеологизмам, построенным по синтаксической модели *«существительное + существительное»* (с предлогом и без предлога): **властитель дум**, **брат во Христе**, **вор в законе** и др.

6) внешняя омонимия не свойственна группе фразеологизмов – официальных наименований лиц, включающих в компонентный состав отвлеченное имя существительное: **ваше благородие**, **ваше величество** и др.

Сравнение значений ФЕ и свободных синтаксических конструкций показывает, что в составе фразеологизмов компоненты – бывшие слова – не сохраняют семантической самостоятельности, утрачивают присущие им в свободном употреблении ядра лексических значений. Слова, ставшие компонентами фразеологизма, сохраняют специфические семантические признаки, из которых возникает новое, другое семантическое ядро. Так, фразеологизм **белый воротничок** – *«служащий банков, офисов; агент, клерк»* образован двумя компонентами: существительным *воротничок* и прилагательным *белый*. Семантическая структура прилагательного *белый* включает в себя: 1) категориальную сему *«призначность»*, 2) субкатегориальную сему *«признак, свойство предмета»*, 3) групповую сему *«обозначение цвета и его оттенков»*, 4) дифференциальную сему *«цвета снега или мела»*, грамматические значения рода, числа, падежа. Существительное *воротничок* обладает предметным значением, входит в субкатегорию *«неодушевленный предмет»*, дифференциальные семы у него – *«часть одежды определенной формы»*, *«небольшой размер»*, предметность в грамматических значениях рода, числа, падежа. В составе фразеологизма у компонента *воротничок* сохраняется категориальная сема, которая распространяется на весь фразеологизм, периферийная сема *«относящийся к человеку»*, грамматические значения рода, числа, падежа, которые принадлежат всей единице в целом; у компонента *белый* сохраняется периферийная сема *«характеристика человека»*.

Свободное словосочетание. ***Белый воротничок*** *пристегивался к форме.* ***Белые воротнички*** *проглаживай через марлю и с паром.* Разговорная речь.

Ф Е. *Отдых для* ***белого воротничка***. estateinfo.ru. *Игры «****белых воротничков****». Как развлечения на природе превращают офисный коллектив в сплоченную команду.* Новые известия. 27.07.2007.

Внешняя омонимия в нашем материале представлена еще одним типом: фразеологизмы вступают в омонимические отношения **с терминологическими сочетаниями**. В материалах нашей картотеки содержится 21 ФЕ (5,7 %), вступающая во внешние омонимические отношения с терминологическими словосочетаниями: физика: **абсолютный ноль (нуль)**; математика: **абсолютная величина**, **постоянная величина**; биология: **божья коров-**

ка, **ночная бабочка**, **снежный барс**; астрономия: **звезда первой величины**, **восходящая (новая) звезда**; медицина: **бледная немочь**; музыка: **первая скрипка**; области специфической деятельности человека: геология: **пустая порода**; карточная игра: **битый козырь**; кинология: **сторожевой пес**; кулинария: **тертый калач**; сельское хозяйство: **дойная корова**, **ломовая (рабочая) лошадь**, **тепличное растение**; охота: **подсадная утка**; текстильное производство: **кислая шерсть** и др.

Рассмотрим ФЕ **тертый калач 2** – *Разг. Ирон. «опытный, бывалый и хитрый человек, которого трудно провести»* омонимична терминологическому словосочетанию из области специфической деятельности человека – **тертый калач 1** – (в кулинарии) *«вид кондитерского изделия из теста, которое перед выпечкой очень долго вымешивают, перетирают»*. Компоненты в составе данного терминологического словосочетания сохраняют свои грамматические свойства и лексическое значение: калач – *«пшеничный хлеб в форме замкб с дужкой»* [4: 226], тертый (от инфинитива *тереть* в одном из значений) – *«превращать в порошок, мелкие частицы»* [4: 690]. Семантическая структура фразеологизма **тертый калач 2** представляет собой совокупность сем разной степени абстрактности: категориальная сема *«предметность»*, субкатегориальная сема *«лицо»*, групповая сема *«качественная характеристика лица»*, дифференциальные семы *«опытность», «хитрость», «бывалость»*. Терминологическое словосочетание и омонимичный фразеологизм имеют общую категориальную сему *«предметность»* и периферийную сему *«воздействие со стороны»*:

Тертый калач 1. *Покончив с чаем, принялся писарь за штофик кизлярки да за печеные яйца с **тертым калачом** на отрубях, известным под названием «муромского».* П. Мельников-Печерский.

Тертый калач 2. – *Впрочем, Виктор говорит только то, что теперь говорит целый город, – прибавил Веревкин. – Как **тертый калач**, могу вам дать один золотой совет: никогда не обращайте внимания на то, что говорят здесь про людей за спиной.* Д. Мамин-Сибиряк.

Семантическое развитие номинативных единиц проявляется во **внутренней омонимии**: новые фразеологизмы образуются от уже существующих. Среди единиц нашего материала выделяется 33 ФЕ, вступающие во внутренние омонимические отношения разных типов:

1) внутрикатегориальные омонимы (24 ФЕ – 6,5 %): **пустое место 1, 2**; **мыльный пузырь 1, 2**; **братья (наши) меньшие 1, 2** и др.

2) межкатегориальные омонимы (9 ФЕ – около 2,5 %): **кум королю 1, 2**; **князь князем 1, 2**; **сбоку припека 1, 2, 3**, **простой смертный 1, 2**.

Анализ структуры значения внутренних фразеологизмов-омонимов показал, что они имеют несовмещающиеся значения. Наличие сущностных различий не означает полного отсутствия общих признаков: внутренние фразеологические омонимы имеют общие категориальные, частично субкатегориальные семы и отдельные периферийные семы. Так, омонимичные фразеологизмы **сталинский сокол 1** – *«пилот отечественной авиации сталинской эпохи»* и **сталинский сокол 2** – *«доносчик сталинской эпохи»* принадлежат к одному семантическому типу – входят в класс предметных единиц, одинаковой у данных ФЕ является субкатегориальная сема – *«лицо»* и групповая сема – *«социальные характеристики»*. Ядро значения первого

фразеологизма формируется вокруг семы *«профессиональная деятельность, связанная с самолетами»*, ядро же значения второй единицы формируется семами *«слежка», «донос»*. ФЕ **сталинский сокол 1** входит в состав семантической группы «Характер и род деятельности человека», подгруппу «Наименования летчиков», ФЕ **сталинский сокол 2** репрезентирует семантическую подгруппу «Наименования агентов, сыщиков, шпионов, доносчиков» в составе группы «Характер и род деятельности человека».

В Малых Карманкулах сел гидроплан, командир экипажа – сам Мазурук. Депутат Верховного Совета, «***сталинский сокол***»*!* А. Николаев. *До 1953 г. Чкалова иначе как* ***сталинский сокол****, и не называли.* Военная библиотека Федорова. *Там и фауна и флора, там и галки и грачи. Там глядят из-за забора на прохожих стукачи. Ходят вкруг да около кверху воротник,* ***сталинские соколы*** *кушают шашлык.* А. Галич. *Так вот, в Доме политического просвещения происходило то же самое* (О.Л.: сравниваются бал у Воланда в романе «Мастер и Маргарита» и бал у Лаврентия Берии). *… Палачи, доносчики, сыщики, растлители – многих узнал в лицо… Наконец мы с Виктором проходим сквозь толпу этих «****сталинских соколов****», и на самом верху широкой лестницы нас встречает истинный хозяин всего тут происходящего.* Э. Тополь.

Контекст – яркое доказательство несовместимости значений омонимов. **Сталинский сокол 2** в приведенных примерах выступает как родовое обозначение стукачей, палачей, доносчиков, растлителей, сыщиков.

По материалам проведенного нами исследования **межкатегориальная омонимия** представлена фразеологизмами **кум королю 1, 2**, **князь князем 1, 2**, **простой смертный 1, 2**, **сбоку припека 1, 2, 3**. Рассмотрим семантическую структуру межкатегориальных фразеологических омонимов **кум королю 1** – *«удачливый, преуспевающий человек, живущий богато, беззаботно»* и **кум королю 2** – *«богато, обеспеченно и независимо»*. Структура фразеологического значения **кум королю 1** образуется совокупностью следующих сем: категориальная сема *«предметность»*, субкатегориальная сема «лицо», групповая сема *«качественная (социальная) характеристика лица»,* дифференциальные семы *«удачливый», «богатый», «не имеющий забот», «успешный»*:

Они с женой стали хозяевами отдельной квартиры с видом на Волгу. Он сам не мог поверить в привалившее счастье. Всего-то навсего чутко пошевелил мозгами, прижал совесть, и вот теперь ***кум королю****.* В. Степанов. *А здесь – в России – я* ***кум королю****! Свободный график, интересы, востребованная работа и относительная свобода.* Форум. Разговорная речь.

Омонимичный фразеологизм **кум королю 2** качественно-обстоятельственной семантики имеет структуру значения, состоящую из категориальной семы *«качественный признак действия»*, субкатегориальной семы *«качество»*, групповой семы *«свойство, качество действия»*, дифференциальных сем *«богато», «независимо»*. Значение реализуется в определенном контексте и имеет единичную лексико-семантическую сочетаемость с глаголом *жить*:

Вышла бы замуж, жила б себе ***кум королю****, не таскала бы на базар последний с головы платок.* А. Санжаровский.

Исследуемые омонимичные **ФЕ характеризуются по количеству омонимов в ряду**: **двучленные** и **многочленные ряды**. Двучленные ряды следующие: с предметной семантикой (29 ФЕ): **сторожевой пес 1, 2**, **подсадная утка 1, 2**, **гвоздь программы (вечера, сезона, положения) 1, 2**, **золотая рыбка 1, 2**, **искатель приключений 1, 2**, **пуп земли 1, 2** и др.; с предметной и качественно-обстоятельственной семантикой: **князь князем 1, 2**, **кум королю 1, 2**; с предметной и призначной семантикой: **простой смертный 1, 2**.

Многочленные ряды следующие: с предметной семантикой: **битый козырь 1, 2, 3**, **бледная немочь 1, 2, 3**; с предметной, призначной и качественно-обстоятельственной семантикой: **сбоку припека 1, 2, 3**.

В соответствии со структурным принципом классификации, фразеологические **омонимы делятся на полные и неполные**. 44 ФЕ квалифицируются нами как полные омонимы, так как они либо не варьируют свою структуру, либо совпадают во всех вариантах и грамматических формах.

Неполная омонимия наблюдаются у 5 ФЕ, в которых отмечены разные типы структурного варьирования: **дойная корова 1** – **дойная корова (коровка) 2** – словообразовательно варьирование; **сбоку припека 1** – **сбоку припека (-у) 2** – **сбоку припека (-у) 3** – фонетическое варьирование.

5 фразеологизмов-омонимов имеют различия в наличии/отсутствии коррелятивных грамматических форм и также квалифицируются как неполные: **бледная немочь 1, 3** (только форма ед. ч.) – **бледная (-ые) немочь (-и) 2**, **пустое место 1** (только форма ед. ч.) – **пустое (-ые) место (-а) 2** (формы ед. и мн. ч.). Проиллюстрируем примерами:

Бледная немочь *состоит в том, что в общем составе крови убавляется количество кровяных пузырьков.* Д. Писарев. – **бледная немочь 1** – *«форма хронического малокровия, иначе бледнокровие, хлороз»* [10: 61].

Я ожидала, что ***бледная немочь*** *под вуалью в обморок грохнется, а она, не растерявшись, перекрыла фонтан пойманному с поличным краснодеревщику: – Заткнись!* Е. Яковлева. ***Бледные немочи*** *вышли на улицу,* ***Бледные немочи*** *небом любуются.* Л. Петрушевская. – **бледная немочь 2** – *«человек, который не проявляет энергичности, упорства в цели; безвольный»*.

*«****Бледная немочь****» американской валюты* (заголовок к статье). Деньги. 20.11.07. *Мы немало писали о «****бледной немочи*** *и организационном бесплодии» современных видеокарт, которая во всей красе проявит себя несколько позже.* Компьютерная документация от А до Я.

бледная немочь 3 – *«о чем-либо едва значительном, едва видном»*.

Таким образом, омонимия во фразеологии, как и в лексике, является проявлением общего языкового свойства системности. Фразеологические омонимы всех типов характеризуются структурной общностью: все они построены по одинаковой синтаксической модели и содержат в своем составе одни и те же компоненты. Языковые свойства омонимичных фразеологизмов проявляются в семантической структуре, морфолого-синтаксических характеристиках, сфере употребления.

1. *Виноградов, В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 13–33.
2. *Лаухина, С.С.* Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 216 с.
3. *Матузова, Т.А.* Омонимические отношения и направления процессов перехода внутри призначных фразеологических единиц: дис. … канд. филол. наук. – Омск, 2002. – 334 с.
4. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / под ред. *Н.Ю. Шведовой*. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

Я.В. Моисеева (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ЖЕСТОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Фразеологизмы национального языка, являющиеся одной из составляющих национальной языковой картины мира (как и фразеология в целом), отличаются наибольшей «схематичностью», консервативностью, что позволяет передавать культурную информацию от поколения к поколению, обеспечивает преемственность и стабильность национальных представлений.

Жестовые фразеологизмы представляют собой интересный случай совмещенной омонимии, соединяя в себе прямое значение жеста и переносное значение выражения, они являются «семантическими дериватами» жестов.

50 жестовых фразеологизмов были отобраны из фразеологических словарей русского языка и классифицированы по их соотношению с реальными жестами, существующими в русской культуре.

При анализе каждого из жестовых фразеологизмов мы учитывали следующие параметры: выведение исходной формы фразеологизма; определение значения фразеологической единицы; проведение анализа иллюстративного материала; грамматическую характеристику фразеологической единицы; описание ситуации употребления фразеологизма; описание самого жеста, лежащего в основе фразеологической единицы; историко-этимологический комментарий и описание наивного стереотипного представления носителей русского языка, выявление кода культуры, стоящего за фразеологической единицей.

Приведем примеры анализа единиц:

МАХНУТЬ РУКОЙ (НА КОГО, НА ЧТО)

Фразеологизм *махнуть рукой (на кого, на что)*, по данным фразеологических словарей, не имеет вариативных компонентов в своём составе и употребляется в русском языке в значении: **"**прекратить обращать особое внимание, усиленно заниматься чем-либо".

Анализ материала нашей картотеки показывает, что фразеологическая единица употребляется обычно в исходной словарной форме с глагольным компонентом в форме инфинитива: «Инженеру ничего не оставалось после этого, как *махнуть рукой* и вернуться к своей работе, пока не выгнали и оттуда (Л. Владимиров. Советский космический блеф); Решили *махнуть рукой* на всё и потратить ещё по два рубля пятьдесят копеек» (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора); «И это не есть просто коррупция или дурость, на которые можно было бы *махнуть рукой*. Это — другой мир. И другое понимание ценностей» (Анастасия Бойчук. Лукашенко — не «Ваш». Взгляд из Минска).

Но глагольный компонент может стоять и в форме прошедшего времени, часто со словами *на все, давно*: «Государь *махнул рукой* на дела управления. Первые министры с тех пор стали сами сменять друг друга. А государь занялся театром» (Е. Шварц. Тень); «На все это великолепие можно было глядеть часами. И она глядела… И вот однажды Саша *махнула на все рукой*… Просто она вдруг поняла: это безнадёжно. Никогда, никогда у нее не будет такой куклы, такого сервиза» (Ф. Вагдорова. Семейное счастье); «И как раз в эти дни внутренней смуты долетел до меня будоражащий слух – пошли грибы, да не какие-нибудь, а белые! *Махнула рукой* на работу, на сроки – и в лес» (В. Кетлинская. Вечер. Осень. Люди).

Глагольный компонент фразеологизма может выступать в форме деепричастия: «Для этого достаточно, *махнув рукой* и на тарифы, и на прозрачность, добиться сущей мелочи — чтобы товарищи милиционеры перестали заниматься вымогательством, а МВД перестало быть самым ненавистным народу госучреждением» (Максим Соколов. Ефимыч верный курс берет! // «Известия», 2003.03.03); «*Махнув рукой* на трамвай, которым он надеялся еще успеть добраться до Коломны, Лева довел меня до дому» (Эмма Герштейн. Лишняя любовь); «Это не значит, что нужно культивировать исключительно сильные стороны ребенка*, махнув рукой* на слабые» (Наталья Коршунова. Что у них в голове // «Домовой»); «Она почувствовала себя миссионершей и, *махнув рукой* на приличную карьеру в Бостоне, на любовника, на дом, даже на любимого отца, поехала в далекую Россию» (О. Андреев. Отель).

Интересно, что в материалах «Национального корпуса русского языка» единица *махнул (а) рукой* встречается только как наименование жеста.

Фразеологизм обычно употребляется в функции сказуемого или обстоятельства образа действия.

Что касается ситуации употребления, то «имеется в виду, что лицо, группа лиц отказались от намерений воздействовать на другое лицо или на ход событий после многочисленных неудачных попыток изменить ситуацию. Говорится с неодобрением, с досадой, с сожалением» (Д. Гудков, М. Ковшова 2007).

Данный фразеологический образ осмысляется через реальный жест.

Махнуть рукой **–** это жест без адаптора, прагматически освоенный, характерный для мужчин и женщин, свойственный взрослым.

Жест производится следующим образом: жестикулирующий поднимает выпрямленную руку выше уровня плеча и резко опускает ее вниз. Голова отклоняется в сторону другого плеча.

Жест означает следующее: при мысли или упоминании о некотором неприятном для жестикулирующего обстоятельстве, жестикулирующий показывает, что он отчаялся изменить обстоятельства и не хочет думать о них.

Речевыми аналогами жеста в русском языке являются следующие: *И не говори! Ничего не поделаешь; Да бог с ним; Да пропади оно!; Да гори оно синим пламенем!*

Примеры из нашей картотеки: «Вот постой, я тебе найду сейчас одну историйку… Но рылся, рылся – и не нашел, стал искать очки, стал тревожно шарить по карманам – и *махнул рукой* и, махнув, насупился и замотал головой (И.А. Бунин. Деревня)»; «Вам не об этом теперь надо думать, а о прощении… – Я давно ее простил, – перебил Лаврецкий и *махнул рукой* (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Махнуть рукой – это движение при отстранении от себя кого- чего-л., при отказе от какого-л. дела. Ассоциативный образ связан также с прощальным жестом.

Фразеологизм восходит к древнейшему архетипическому представлению о «своем – чужом» пространстве, а также к древнейшему противопоставлению «я – другой». Во фразеологическом образе сочетаются два кода культуры – пространственный и соматический, т.е. телесный, при этом компонент *рука* имеет дополнительное символьное значение инструментальности. Кроме того в создание фразеологического образа вкраплена синекдоха – древнейшее метонимическое отождествление части и целого: рука как неотъемлемая часть целого замещает самого человека. Фразеологический образ в целом основан на жестовой символизации отрицания или вытеснения из «своего пространства в «чужое» чего-либо «другого» не поддающегося воздействию, в данном случае – изменению в соответствии с требованиями, принятыми в «своем» пространстве. См. в фольклоре: *Мерила старуха дорогу клюкой*, *да и махнула рукой*.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о вынужденном отказе от воздействия на кого-либо, на что-либо (Д. Гудков, М. Ковшова 2007).

УМЫВАТЬ/УМЫТЬ РУКИ

Фразеологизм *умывать/умыть руки* допускает варьирование формы совершенного или несовершенного вида глагола и употребляется в русском языке в значении: **"**отстраняться/отстраниться уклоняться/уклониться от участия в каком-либо деле; снимать/снять с себя ответственность за что-либо ".

Анализ материала нашей картотеки показывает, что фразеологическая единица употребляется обычно в словарной исходной форме с глагольным компонентом в форме инфинитива: «На усовершенствованную машину специалист старой закалки не тянет, нужно либо переучиваться, либо *умыть руки***»** (Дарья Симонова. Summary); «Возьмись одна из сторон за оружие для защиты своих прав без прямого участия Германии, и франко-русский союз терял свою силу: французы могли бы в подобную минуту попросту *умыть руки*» (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю); «Либо ты будешь с нами работать, ответственно работать и стараться сделать хороший текст, и получать за это деньги, либо ты будешь «*умывать руки*» где-нибудь в другом месте. Поэтому я предлагаю тебе определиться – ты хочешь работать или *умывать руки*?» (Письмо по работе).

Но глагольный компонент может употребляться и в форме прошедшего времени: «Испытав чувство неприязни к безвестному молодому человеку, он не стал препятствовать изданию книги и, впав в легкое отчаяние по поводу пронырливости молодого поколения, по обыкновению *умыл руки*» (Давид Самойлов. Проза поэта).

Фразеологизм обычно употребляется в функции сказуемого как в двусоставных, так и односоставных предложениях.

При изменении грамматической формы глагольного компонента *умывать* (употребление в форме деепричастия) выполняет функцию обстоятельства образа действия: «Толстяк беспомощно прикрыл глаза, словно бы «*умывая руки*», хотя откуда он-то мог знать, что сейчас произойдёт…» (А. Белянин. Посрамитель шайтана).

Фразеологическую единицу используют, когда хотят сказать, что снимают с себя любую ответственность за что-либо.

Это выражение взято из текста Библии, хотя сам древний восточный обычай существовал очень давно. У некоторых древних народов судьи и обвинители, вместо клятвы, в знак своей беспристрастности совершали символический обряд: умывали руки. Такое же действие совершалось и тогда, когда судья не был согласен с выносимым приговором. Это означало, что человек умывающий руки снимается с себя всякую ответственность за что-либо, объявляет о своем неучастии в деле: если человек был не виновен в преступлении, он омывал водой руки и во всеуслышание заявлял: «Я не повинен в сем» или «Руки мои чисты». Это равнялось торжественной клятве. Распространению этого выражения у других народов способствовал евангельский рассказ об участии в судьбе Иисуса римского наместника Понтия Пилата. Согласно библейской истории, смертный приговор, вынесенный иудейскими первосвященниками, утверждался римским наместником. Пилат, понимая, что Иисус невиновен, смалодушничал: не стал бороться за оправдательный приговор. Вместо этого, он «взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего» (Матф., 27, 24).

Фразеологизм передает стереотипное представление о сознательном уходе от ответственности. *Руки* связаны с соматическим кодом культуры, а *умывать* – с антропным.

Результаты проведенного анализа всех отобранных единиц позволяют констатировать следующее.

Жестовые фразеологизмы отражают стереотипные «наивные» представления русской языковой картины мира, например, о магических действиях (*показать кукиш кому-либо, показать кукиш в кармане*), о знахарстве (*как рукой сняло*), о клятвоприношении (*умывать руки*), этикетной норме (*показывать пальцем*).

В данном разряде фразеологизмов находят отражения архетипические противопоставления, например, «закрытый – открытый» и связанное с ним противопоставление «тайный – явный» (*смотреть сквозь пальцы*).

Жестовые фразеологизмы связаны через свои компоненты с разными кодами культуры: соматическим – компоненты *рука* и *пальцы*, антропным – *смотреть, обвести, умывать* и др., пространственным – *вокруг*, *сквозь* и др.

В жестовых фразеологизмах находят отражение трудовые обычаи (например, ремесленники опускали руки, когда работа не ладилась – отсюда выражение *опустить руки*), военная сфера (*держать руки по швам*), обычаи базарных жуликов (*обвести вокруг пальца*), свадебная обрядность (*ударить по рукам*), обычай счета (*по пальцам пересчитать*).

Фразеологизмы показывают символизацию жеста и позы в культуре (*сидеть сложа руки* – символ праздности, отдыха, отказа от работы).

Разработанные параметры анализа жестовых фразеологизмов в дальнейшем могут послужить для определения принципов построения словарной статьи в лингвокультурологическом учебном словаре.

1. *Акишина А.А, Кано Х, Акишина Т.Е.* Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991.

2. *Алефиренко Н., Золотых Л.* Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М., 2008.

3. *Гудков Д., Ковшова М.* Телесный код культуры. Материалы к словарю. М., 2007.

4. *Григорьева С.А, Григорьев Н.В, Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М. – Вена, 2001.

5. Электронный сайт ruscorpora.ru – «Национальный корпус русского языка».

к.ф.н., доцент Л.А. Огородникова (Ишим)

СИСТЕМА ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.)

Существует немало исследований, посвящённых разработке вопроса о вариантных окончаниях в форме родительного падежа неодушевлённых имён существительных мужского рода. Давно установлен факт: грамматически мотивировано употребление формы на -**У** в свободных словосочетаниях и грамматически не мотивировано - в устойчивых сочетаниях. С идиоматикой связывает распределение окончаний **-А** и **-У** в форме родительного падежа А.В. Исаченко (Исаченко 1965: 115).

«Русская грамматика» указывает на обязательность употребления форм на **-У/-Ю** в составе устойчивых сочетаний (Русская грамматика 1980: 487). В Грамматическом словаре А.А. Зализняка приводятся примеры таких устойчивых сочетаний, имеющих вариантные окончания и не имеющих (Зализняк 1987).

В статье предлагается рассмотреть вопрос об употреблении форм родительного падежа неодушевлённых имён существительных мужского рода единственного числа в составе устойчивых сочетаний на материале художественных текстов второй половины XVIII в. Термином «устойчивые словосо-

четания» мы будем называть такие сочетания слов, в которых выбор одного компонента определяется смыслом сообщаемого, а выбор другого зависит не только от смысла сообщения, но и от уже выбранного компонента (Борисова 1988). Наблюдения проводились путём выборки названных единиц из художественных произведений второй половины XVIII в. различных жанрово-стилистических направлений. При цитировании сохранены орфография и пунктуация источников.

Интересующие нас грамматические единицы можно разделить на три группы.

1. Имена существительные, которые не употребляются вне устойчивого сочетания. В наших материалах это сочетания наречного характера. ***Засып*** – «Иль просидеть с пером тут ночи ***без засыпу***» [Кап. 1960: 338], «Дни три, поверьте, ***без засыпу*** … . Ведь надо было мне бумаг огромну кипу…» [Кап. 1960: 323]; ***мах*** – «… ***с маху***, сударь» [Вер. 1774: 27]; ***перевод*** – «И день и целу ночь там тьма ***без перевода*** [Кап. 1960: 318]; ***просып*** – «… пьёт ***без просыпу***» [Лук. ЧII 1765: 14]; ***умолк*** – «… говорит ***без умолку***» [Кар. 1987: 42]. Данные лексемы вышли из активного употребления, сохранившись в составе устойчивых сочетаний. В этих случаях вариантность форм родительного падежа в художественных текстах второй половины XVIII в. практически не наблюдается.

2. Имена существительные, которые в составе фразеологизмов имеют флексию -**У,** а в свободном употреблении в родительном падеже оформляются флексией -**А** : ***глас*** - «***ни гласу***, ни послушания» [Вер. 1774: 54]; в свободном словосочетании славянизм ***глас*** оформляется флексией -**А** и употребляется для создания «высокого слога»: «Не слышал ли мысленным ухом вещающего ***гласа***?» [Лом. 1986: 245], «от ***гласа*** в грудь пловцам кровь тёплая влиялась» [Лом. 1986: 271], «Наполнился мой слух пронзающего ***гласа***» [Лом. 1986: 276]; ***дух*** – «во всём доме нет ***ни духу*** хозяйскаго» [Вер. 1774: 54], «чтоб не было ***и духу*** Его у нас в дому» [Кап. 1960: 316]. Параллельная форма лексемы ***дух*** в аналогичных синтаксических условиях: «нет ***ни духа***» [Кап. 1960: 318]. В устойчивых сочетаниях возвышенного характера, употреблённых в поэтической речи, данная лексема зафиксирована только с окончанием -**А**: «***духа*** высоту» [Держ. 1898: 364], «От бодрости ли ***духа*** приму начало?» [Лом. 1986: 248], «чтоб слабость своего возмог признать я ***духа***» [Лом. 1986: 267]. А.И. Ефимов отмечает, что «в значении слова ***дух*** перекрещиваются два семантических плана. На семантику церковно-книжного характера при таком словоупотреблении наслаиваются светские значения, аналогичные значению французского слова esprit» (Ефимов 1949: 77).

Имена существительные с характерной для фразеологизмов флексией -**У**: ***жар*** – «И дай порядочно ***без жару*** мне спроситься…» [Кап. 1960: 368]; ***край*** – в составе фразеологизма: «бегать ***из краю*** в край» [Рад. 1938: 371]; в свободном употреблении: «считают прелести и не находят ***края***» [Держ. 1986: 150], «дошли до ***края*** возможного» [Рад. 1938: 347], «не дошли ещё до последнего ***края***» [Рад. 1938: 261]; ***повод*** – «не подавая ***поводу*** над собою ругаться» [Лук. ЧII 1765: 177]; ***спор*** – во фразеологическом сочетании: «Чтоб брата и отца стрельцам дала ***без спору***» [Лом. 1986: 281], в свободном употреблении: «Читатель, будь хоть ты решителем их ***спора***» [Попов 1772: 30], «В этом нет ***спора***» [Попов 1772: 86], «… и ***спора*** не явилось» [Кап. 1960:

386]; ***спуд*** – «Татарски песни ***из-под спуду***, Как луч, потомству сообщу» [Держ. 1898: 371].

Зафиксирован ряд устойчивых сочетаний с существительным ***род***. Среди них наречные сочетания ***с роду***, ***от роду***: «И ***с роду*** в первый раз В то время улыбнулась» [Богд. 1898: 330], «в первый раз ***от роду*** слышу» [Нов. 1961: 130], «***От роду*** в первый раз такия слышу речи» [Рад. 1938: 304]. Во фразеологическом сочетании ***без роду, без племени*** форма на -**А** может употребляться факультативно. В реплике действующего лица комедии этот фразеологизм воспроизведён с окончанием -**А**: «Который без отца, ***без племени, без рода***» [Кап. 1960: 346]. Во фразеологизме наречного характера «с первого ***взгляда***» возможны вариантные формы. В наших источниках зафиксирована только форма на -**У**: «… узнаёт людей с первого ***взгляду***» [Кар. 1987: 22].

Существительное ***голод*** в наших источниках зафиксировано в составе фразеологических сочетаний с окончанием -**У**: «не умерли бы только ***с голоду***» [Вер. 1774: 9], «третий уже день умираю ***с голоду***» [Лук. ЧІІ 1765: 4], «дабы они не умирали ***с голоду***» [Рад. 1938: 272], «боясь умереть ***с голоду***» [Рад. 1938: 371]. Форма на -**У** употреблена в составе устойчивых сочетаний ярко выраженного экспрессивного характера. В сочетании с предлогом ***с*** существительное обозначает внутреннюю причину состояния. Лексема ***голод*** с окончанием -**А** зафиксирована в выражении: «в здешней земле француз не умрёт ***от голода***» [Нов. 1961: 164]. Форма на -**А** является продуктивной в сочетании с предлогом ***от,*** обозначая внешнюю и внутреннюю мотивировку состояния.

Лексема ***страх*** в составе устойчивых сочетаний в наших источниках употребляется с предлогом ***от***, форма на -**А** в них также является предпочтительной: «дрожать ***от страха***» [Кар. Избр. 1892: 85], «забились ***от страха***» [Кар. Избр. 1892: 54], ***от страха*** разбежались» [Нов. 1961: 102], «я дрожу ***от страха***» [Попов 1772: 310], «***от страху*** все жилы трепещут» [Лук. ЧІІ 1765: 130].

3. Имена существительные, употребляемые в составе фразеологизмов в форме на -**У** наряду с формой на -**А** как равноценный вариант: ***вид*** – «самих себя или надежду нашего удовольствия, нашего счастья и благосостояния ***из вида*** упускали» [Нов. 1961: 179], «теряет ***из виду*** живоносное светило» [Рад. 1938: 383], «Он ***с первого виду*** почёл меня моим братом» [Лук. ЧІІ 1765: 88]; ***разбор*** – «… считает его ***без разбора*** наряду с другими» [Нов. 1961: 140], «Слуга должен исполнять приказ своего боярина ***без всякаго разбору***» [Лук. ЧІІ 1765: 118]. Фразеологические сочетания с лексемой ***свет*** в наших материалах оформлены флексией **-А**, за исключением отдельных случаев: «Во всех ты ***чудо света,*** Во всех являешься божеством» [Богд. 1898: 328], «Иль хочешь ты меня и ***с света*** уж ***согнать***» [Кап. 1960: 372], «чтобы старуха не примчалась на облаке ***с того света***» [Кар. Избр. 1892: 66], «Я бы и на ***край света*** удалилась с ним без размышления» [Лук. ЧІ 1765: 66], «Полденный ***света край***» [Лом. 1986: 273], «содержащая великую ***часть света***» [Лом. 1986: 312], «так и ***свету*** божьего ***невзвидела***» [Нов. 1961: 124]. Параллельные формы в сочетаниях наречного характера: «Тот ***до света*** уж пьян» [Кап. 1960: 342], «***до света*** ушол прогуливаться» [Попов 1772: 270] - «Вместо того, чтобы ***до свету*** разбудить своего господи-

на» [Лук. ЧІ 1765: 6]. Лексема ***смех*** в устойчивых сочетаниях разговорного характера с ярко выраженной экспрессивной окраской оформлена и тем и другим окончанием: «не могу ***от смеха*** удержаться» [Лук. ЧІ 1765: 194], «животики надорвёшь ***от смеха***» [Нов. 1961: 124], «не могу почти ***от*** смеха удержаться» [Попов 1772: 221] – «чуть не лопнешь ***от смеху***» [Вер. 1774: 51]; «так вот уморил было меня ***со смеха***» [Попов 1772: 142] – «умирая ***со смеху***» [Кар. 1986: 46], «животики ***со смеху*** надорвёшь» [Лук. ЧІ 1765: 195]. Существительное ***час*** в составе устойчивых сочетаний имеет параллельные формы: «ожидал ***с часа на час*** смерти» [Нов. 1961: 119], «***с часа на час*** ожидает себе из их нового гонителя» [Нов. 1961: 157] – «который ***с часу на час*** … ждёт себе … виселицы» [Попов 1772: 144]; «Он с нескольких дней ***час от часа*** переменялся» [Попов 1772: 96] – «***час от часу*** могу ими исправляться» [Лук. ЧІ 1765: XXXI], «она мне ***час от часу*** противнее становится» [Лук. ЧІ 1765: 31], «***час от часу*** лезет» [Попов 1772: 231]. Во фразеологическом сочетании ***год от году*** [Нов. 1961: 116; Рад. 1938: 326] употреблена регулярная форма на **-У,** факультативная форма на -**А** в наших источниках не зафиксирована. Формой на -**У** усиливается экспрессивность устойчивого сочетания разговорного характера «с тоща ***боку***» [Вер. 1774: 29].

Имена существительные с конкретно-предметным значением в составе устойчивых сочетаний в наших источниках оформлены окончанием -**А**: ***глаз*** – «Подарки всем судьям ***из глаза*** ты на глаз с поклоном от меня препоручил» [Кап. 1960: 318], «бережёт их пуще своего ***глаза***» [Нов. 1961: 117]; ***молоток*** – «женитьба ни что иное, как продажа ***с молотка***» [Попов 1772: 194], ***нос*** – «чтоб ***носа*** не возносили» [Кап. 1960: 307]; ***обух*** – «плетью ***обуха*** не перешибёшь» [Нов. 1961: 126]. Существительное ***шаг*** может иметь неисчисляемое значение и оформляться флексией -**У**. В наших источниках эта лексема с окончанием -**А** зафиксирована в устойчивом сочетании «за мною из ***шага*** в шаг ступает» [Лук. ЧІІ 1765: 95]. Только с окончанием -**А** зафиксированы многочисленные устойчивые сочетания с лексемами ***стыд*** и ***ум***: «Я ***с стыда*** умру» [Лук. ЧІ 1765: 54], «он меня ***со стыда*** умереть принуждает» [Лук. ЧІ 1765: 82], «***от стыда*** умереть должен» [Лук. ЧІІ 1765: 72], «и ещё ***ума*** наберися» [Лук. ЧІ 1765: 188], «от досады ***с ума*** сойдёт» [Лук. ЧІІ 1765: 126], «иль ты ***ума*** рехнулся» [Кап. 1960: 367], «***ума*** не приложу» [Нов. 1961: 116], «лишиться ***ума***» [Нов. 1961: 40], «Всякая всячина выжила ***из ума***» [Нов. 1961: 40], «Его легохонько можно свести ***с ума***» [Попов 1772: 100].

Во фразеологических сочетаниях форма родительного на -**У** может поддерживаться рифмой: «Так должно ль, не спросяся ***броду***, О полночи бросаться в воду» [Кап. 1960: 407].

Таким образом, в художественных текстах второй половины XVIII в. неодушевлённые имена существительные принимают формы родительного падежа с окончанием -**У** главным образом в устойчивых сочетаниях наречного характера. Авторы отдают предпочтение формам с окончанием -**У** имён существительных, заимствованных из внутриязыковых источников. Общеупотребительные лексемы встречаются с окончанием -**А** и с окончанием -**У**. Устойчивые сочетания, в составе которых форма родительного падежа на -**У**, носят ярко выраженный экспрессивный характер, а те, в которых родительный падеж на -**А**, близки к нейтральному стилю. Конкретные наименования в наших материалах зафиксированы только с окончанием -**А**, хотя некото-

рые из них в иных выражениях допускают параллельную форму. Имеются также случаи, когда употребление соответствующей формы родительного падежа продиктовано потребностями рифмы.

Источники

1. Вер. – *Верёвкин М.И.* Имянинник. М.,1774.
2. Держ. 1898 - *Державин Г.Р.* - В кн. *Галахов А.Д.* Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. М., 1898.
3. Держ. 1986 – *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни. М.: Наука, 1986.
4. Кап. – *Капнист В.В.* Собрание сочинений. Т.1. Изд. АН СССР, М.-Л., 1960.
5. Кар. – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л, «Наука», 1987.
6. Кар. Избр. – *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. С.-Петербург, 1892.
7. Ломоносов – *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. М., «Наука», 1986.
8. Лук. Ч1. – *Лукин В.* Сочинения и переводы. Ч.1. С.-Петербург, 1765.
9. Лук. Ч2. – *Лукин В.* Сочинения и переводы. Ч.2. С.-Петербург, 1765.
10. Нов. – Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. Изд. АН СССР. М., 1961.
11. Попов – *Попов М.* Досуги или собрание сочинений. С.-Петербург, 1772.
12. Рад. – *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений.Т.1. Изд. АН СССР, М.-Л., 1938

1. *Борисова Е.Г.* Пакет «Устойчивые словосочетания» // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда. М., 1988.
2. *Ефимов А.И.* Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.-Л., 1949. С. 69-94.
3. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1987.
4. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка. Изд. 2-е. Братислава, 1965.
5. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980.

к.ф.н., доцент Л. С. Панина (Оренбург)

«МОЛВУШКИ» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЛЕКС В СИСТЕМЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА

В современной речевой практике очень часто можно наблюдать такие устойчивые сочетания, которые довольно трудно по известным грамматическим признакам отнести к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и крылатым словам. Это такие слова и выражения, как: *вот еще, была нужда, ты ли это, кого я вижу, сколько лет, сколько зим, какие люди* и

другие. До сих пор эти единицы не имеют точной «*прописки»* и точного определения.

Молвушкам, присловиям, приговоркам, побасенкам в русском *пословично-поговорочном* фонде в нашей языковедческой науке пока серьезного внимания не уделялось. Известно, что в свое время академик В. В. Виноградов делал попытку заниматься ими, рассматривая эти единицы как модальные слова.

Жанр *присловья, прибауток, молвушек* пытался выделить и В. И. Даль. Однако он практически определил только жанр присловий как жанр областных дразнилок, а термина *молвушки* не упоминает в своих трудах. В «Напутном» же к своему словарю В. И. Даль определял еще один жанр устойчивых словосочетаний, схожих, по нашему мнению, с *молвушками* своим грамматическим составом, - это *приговорку,* которую он характеризует следующим образом: «*Приговорка* это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговоривaемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке». (Даль 1984: 20)

В Словаре русского языка С. И. Ожегова делается попытка определить устойчивое словосочетание, активно функционирующее в речевой практике, - присловье как жанр. «*Присловье* – это поговорка, вставляемая в речь ради украшения, увеселения, шутки». (Ожегов 1972: 384)

Термин же *молвушки* впервые упоминает А. С. Спирин в своем словаре русских пословиц в 1985 г. (Молотков 1978: 193) В 2005 г. В. И. Зимин в своем сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» упоминает о самостоятельном жанре, таком, как *молвушки*, сравнивая их с жанром *присловий*. (Зимин 2005: 389)

В. И. Зимин утверждает, что «…иногда их трудно отличить друг от друга. Роднит между собой эти два жанра то, что и *присловья* и *молвушки* употребляются в качестве ответной реплики на реплику собеседника. В народе такие выражения, по мнению В. И. Зимина, называют *отговорками*. (Зимин 2005: 384) Это определяет актуальность обращения к данным устойчивым словосочетаниям.

Целью нашего изучения является выявление *молвушек* как самостоятельных языковых комплексов и отграничение их от других *паремиологических* единиц в русском языке. Также попытаемся в нашем исследовании определить ситуации, в которых могут функционировать те или иные *молвушки.* Всего нами обнаружено около четырехсот единиц устойчивых словосочетаний, которые мы, вслед за В. И. Зиминым, будем называть *молвушками.*

Как показали наши наблюдения, *молвушки* примыкают к *пословицам,* так как у тех и других есть общие структурные признаки: они употребляются в речи в качестве самостоятельных предложений. Но *пословица* понятна и вне речевого контекста. *Молвушки* же вне речевого контекста чаще всего никакой идеи не содержат. Например, выражения *была нужда, вот еще, тоже мне, еще бы, надо же* и т.п. могут восприниматься как фрагменты каких-то фраз. Употребление их в качестве ответа на реплику собеседника, сообщает им конкретный смысл.

Молвушки, как нам кажется, определить хоть сколько-нибудь точно не представляется возможным. Их надо понимать в диалоге, в ситуации. Как

становится ясным из наблюдений, многие *молвушки* являются усечениями каких - либо стереотипных фраз. Как показывает наблюдение за речью, диалогами, употребляющий *молвушку* как бы намекает на эти фразы. Чтобы осмыслить *молвушки*, надо внимательней прислушиваться к интонации говорящего. Следовательно, интонация делает то или другое выражение *молвушкой.* Не поняв интонации, трудно понять смысл *молвушки*. Это должен помнить каждый пишущий и говорящий, чтобы написанное им или сказанное дошло до сознания не только русского человека, но и того, кто только изучает русский язык. Многие *молвушки*, к сожалению, остаются непонятыми иностранцами, даже неплохо знающими русский язык.

Молвушку трудно осмыслить. Значительно трудней, чем *пословицу, поговорку или фразеологизм.* Известно, что фразеологическую единицу часто можно перевести на *обычный* язык одним словом; например, *рукой подать - близко, как пить дать - запросто, спустя рукава - лениво* и т.п. Этими же словами фразеологизм с определенной степенью точности можно перевести и на иностранный язык. *Молвушку* же одним словом на другой язык не переведешь. А некоторые *молвушки* даже опытного носителя языка могут поставить в тупик. Небольшая часть *молвушек* нашла свое отражение во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. (Молотков 1978: 79) *Молвушки,* как и все другие фразеологические единицы, толкуют в словаре одной фразой, составляющей текст толкования. Нам думается, что для *молвушек* этого оказывается мало, поэтому в толковании их наблюдаются недостатки, неточности. Например, в этом словаре приводится толкование выражения *молвушки*: *Вот (вон) оно что!* Выражение сильного удивления, изумления. (Молотков 1978: 80) Иностранец, изучающий русский язык, вряд ли сможет понять это выражение без контекста: удивления в этой единице в общем-то никакого нет. Человек, стремясь определить сущность какого - либо явления или поведения другого человека, много раз задавал себе вопрос: *Что бы это значило?* Можно задать этот вопрос по-другому, а именно: *Что оно значит?* Если человек сам нашел ответ на этот вопрос, то и восклицает: *Вот оно что! Да как же так можно! Что за новости!*

Если кто-либо другой подсказал ему ответ, он делает вывод. *Вон оно что!* Как видно из примеров, тут нет ни удивления, ни изумления. Просто человек обрадовался, что разгадал сущность явления. Иными словами: *Вот уж не ожидал от него такой прыти* и т.п.

Как показывает анализ, известные в речевой практике выражения: *Вот так фунт! Вот так штука! Вот те (тебе) (и) на! Вот те (тебе) (и) раз!* - трактуются одинаково, как выражение удивления, разочарования и т.п. И выражения эти при некоторой их формальной схожести далеко не одинаковы по содержанию. Их смысловые оттенки очень часто проясняются при уточнении их этимологии. Некоторые же *молвушки* не требуют раскрытия этимологии, а вот указать на ситуацию употребления - совершенно обязательно. Тут следует оговориться, что *молвушка*, как и пословица, многозначна или, лучше сказать, многозначительна. Она имеет, как правило, очень широкое значение, уточняемое лишь в ситуации употребления, во многих схожих ситуациях. (Зимин 2005: 398)

Многие *молвушки*, по нашему мнению, можно сгруппировать в несколько тематических групп. Например, радость от встречи с кем-либо или другие какие эмоции выражают *молвушками*: *Батюшки - светы! Ты ли это? Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Явилась святая душа на костылях! Явился, не запылился! Какие люди, и без охраны! Какими судьбами?*

Или в случае появления неожиданного или нежеланного гостя, то ему говорили: *Думали, свежи, а это всё те же! Ждали его с моря на корабле, а он выскочил с печки на лыжах* и др.

Если кто - то сделал что - то несуразное или неожиданное, то ему говорили, смеясь: *Здравствуй, кума, завтра Новый год! Здравствуй, ж…. а, Новый Год, приходи на елку! Здрасьте, я ваша тётя, мы сродни, давай поцелуемся! Вот это сказанул! Ну и ну! Сказал, как в кувшин дунул! Как в лужу перышко пустил! Ишь, что ещё выдумал! Видали такого?* и др.

Если случалось, что умный человек подобное сказал, то его оговаривают:

Это от большого ума-то! Ты один думал! Это не от большого ума, а от доброго сердца! Царица (ты моя) небесная! Вы только поглядите на него, какой умный! Откуда только взялся? и др.

Сам, допустивший промах, досадует по поводу случившегося словами: *Мать честная! Ёлки-палки! Ёлки зелёные! Елы - палы! Е. К. Л. М. Н! Ё. П. Р. С. Т.* и т.п.

Со стороны ему говорят: *Пиши - пропало! Плакали твои денежки! Ты ещё тут! Не говори под руку! Тебя только тут и недоставало!*

По мнению известного исследователя паремиологии Зимина В. И., перед началом серьезной работы говорят: *Начнём, благословясь! С богом! В добрый час!* и др.

Исполнитель работ проявляет активность. Ему говорят (часто с оттенком насмешки): *Вот даёт! Ну и даёт! Землю роет копытом. Вот даёт прикурить! и др. Подбадривают его: Так держать! Жми на всю железку! Гони на всех порах!* Если не одобряют его активность, иронизируют: *Молодец, дурак, старайся! Страна учтёт твои труд! Ну ты и дурак!*

Очень часто, когда человек берется за дело с большим рвением и не без риска для себя, то говорит: *Была не была! Куда ни шло! Будь что будет! Где наше не пропадало! Семь бед - один ответ! Что будет, то и будет! Двум смертям не бывать, а одной так и так не миновать*! и др.

Если это имеет отношение к молодому человеку, могут добавить: *Ишь ты! Ишь ты какой прыткий! Откуда ты явился такой красивый? Из молодых, да ранний! Кто я! Вы только посмотрите на него!* и др.

И когда случается с такими беда, его советчик восклицает: *А я что говорил? Так я и знал! Как в воду глядел!* и др.

Отказ от невыгодной сделки, какого-либо предложения и т.п. выражают известными нам *молвушками: Увольте меня от такой радости! Нет уж, увольте! Спасибо вашему дядьке! Ни за какие коврижки!* и др.

Отказ от грязной и тяжелой работы выражают словосочетаниями: *Мы не так воспитаны! Образование не позволяет (заниматься грязной работой)! Не царское это дело!* и др.

Молвушки, которые используются в качестве ответа некоторым, кто что-то просит, были такими: *Фигу тебе! Фигу с маслом! Накося, выкуси (показы-*

вают комбинацию из трех пальцев)! Дудки! Ишь чего захотел!? Многого хочешь! Сена свежего не хочешь? Сейчас, шнурки поглажу, Бегу - падаю! Дураков у нас нет! Держи карман шире! Поцелуй пробой и иди домой! Бывай здоров! Будь здоров и не кашляй! Всего хорошего! Помаши тёте ручкой! Сделай дяде ручкой! и др.

Как показали наши наблюдения, двух собеседников, шумно спорящих, подзадоривают молвушками: *Что за шум, а драки нету? Что горло дерёте, что, у вас кулаков что ли нет? К этому могут еще добавить: Бей его, я его знаю! Бей своих, чтоб чужие боялись! Бей чужих, чтоб свои боялись!* Последние молвушки больше относятся к дерущимся. По отношению к дерущимся к этому еще добавляют: *Так его! Так ему и надо! Покажи ему Кузькину мать! Покажи ему, где раки зимуют! Покажи ему небо в алмазах* и др.

Нами замечено, что в различных сферах речевой практики можно услышать: *Собственным ушам не верю! Что ты говоришь?! Ты ли говоришь, я ли слышу? Не сон ли это? Твоими устами мёд бы пить!* и др.

Спорщику, который утверждает глупость, часто говорили: *Снова-здорово! Опять двадцать пять! Опять за рыбу гроши!* Надоедливого человека гонят прочь следующими словами: *Брысь под лавку! Брысь под печку! Сделай, чтоб мы тебя искали!*

Требование молчать, не выдавать тайну: *Ни гу-гу! Ни мур-мур! Ни звука! Молчи, как в рот воды набрал! Алёша - ша! Помалкивай в тряпочку. Замнём для ясности. Дело ясное, что дело тёмное! Сопи в две дырочки!* и др. Категорический отказ что-то сделать: *Ни в жизнь! Ни под каким соусом! Только через мой труп! Не дождетесь!*и др.

Как показывает наблюдение, подобные единицы фиксируют стереотипы сознания, которые и определяют национально-культурные эталоны поведенческих реакций носителей языка.

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. В двух томах. - М., 1984.

2. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. - Ростов н / Д, М. 2005.

3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.

4. *Спирин А. С.* Русские пословицы: Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок. - Ростов н / Д: Изд-во Рост. Ун-та, 1985.

5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд. - М., 1978.

к.ф.н., доцент Е.Е. Петренко (Омск)

КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЕ КОНЦЕПТЫ ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В процессе усвоения родного языка ребенок выстраивает свою «наивную картину мира», и значительную роль в этом играют художественные тексты для детей. Произведения художественной литературы раскрывают перед детьми мир, знакомят с культурой человечества и своего народа, поскольку

в них собраны величайшие ценности и нравственные богатства, накопленные многими поколениями людей. Художественное слово обогащает жизненный опыт ребенка, формирует представления об окружающей действительности, учит эстетическому восприятию мира, формирует его этические (нравственные) и культурные представления. К. Д. Ушинский писал: «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ». Художественные тексты помогают ребенку воспринимать мир под углом зрения, подсказанным ему родным языком, осознавать и усваивать концептуализацию мира, характерную для определенной культуры.

Особыми языковыми единицами, активно функционирующими в художественных текстах для детей, являются фразеологизмы: «фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы культурно-национального миропонимания, но и формирует их, т.к., являя собой итог познания предмета, явления, ФЕ всегда выражает понятие. Обобщенный смысл устойчивого оборота, основанный на переосмыслении типичной ситуации, мотивирует ключевые понятия, общие для научного знания и обыденного познания или концепты» (Маслова 2001:90).

Являясь культурно маркированными языковыми единицами, фразеологизмы служат наиболее оптимальным средством вербализации концептов, поскольку последние содержат конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки познаваемого объекта. «В фокусе концепта оказывается пересечение мира культуры с миром индивидуальных смыслов,… концепт воплощается в обобщённо-образном значении ФЕ», - отмечает Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2006:8).

Ю.С. Степанов в своем фундаментальном труде «Константы: Словарь русской культуры» (Степанов 2001) даёт описание 48 базовых культурных концептов, к которым относит такие концепты, как «Русь, Россия, русские, россияне», «Родная земля», «Странники и изгнанники», «О центре России (Россия-Евразия)», «Ментальные миры», «Сущность», «Быть, существовать», «Огонь и Вода», «Хлеб», «Водка и пьянство», «Ремесло», «Слово», «Вера», «Правда и истина», «Партийность», «Знание», «Наука», «Число, счет», «Письмо, алфавит», «Деньги, бизнес», «Закон», «Цивилизация», «Мир (община)», «Облик толпы», «Свои-Чужие», «Мещанство», «Интеллигенция», «Табель о рангах», «Совесть, нравственный закон, мораль», «Отцы и дети», «Дом, уют», «Вечное, вечность», «Святое и скверна», «Святые и праведники», «Черт, бес», «Грех», «Блуд (секс) как грех», «Грусть, печаль», «Язык», «Причина и цель. Эволюция», «Время», «Действие», «Любовь», «Радость», «Воля (хочу)», «Страх, тоска», «Человек, личность», «Душа». Ученый отмечает, что «объединяющие идеи русской культуры («концепты») не требуется создавать заново, они уже есть, они – константы» (Степанов 2001:5). Базовых концеп-

тов, по мнению Ю.С. Степанова, «четыре-пять десятков», между тем, «… сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» (Степанов 2001:5).

Исследованные нами фразеологизмы круга детского чтения позволили определить круг концептов, составляющих часть детской языковой картины мира: «Человек», «Время», «Движение», «Пространство», «Число, счет», «Честь, доблесть», «Победа», «Поражение», «Природные явления», «Закон», «Совесть, нравственный закон, мораль», «Оценка», «Окружающий мир», «Дом, уют», «Правда, истина», «Вред», «Обман», «Облик толпы», «Риск».

Концепт «Человек» является одновременно универсальным и национально-специфичным, культурно маркированным в любой языковой картине мира. Он репрезентируется в языке с различных сторон: внешность, умственные, психические и психологические особенности, внутренние качества, чувства, эмоции, отношения между людьми и др. «Человек в русской языковой картине мира предстает прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые, - отмечает А. Зализняк, - Ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия» (Зализняк 2006:27).

Рассмотрим особенности вербализации концепта «Человек» фразеологическими единицами круга детского чтения. Одной из составляющих концепта является концептуальный аспект «Деятельность человека». Активно вербализован фразеологическими единицами в данном концептуальном аспекте сегмент «Труд». Согласно утверждению Г.В. Токарева, «процессы концептуализации и категоризации знаний о труде культурно маркированы, что находит своё отражение в их объективации средствами русского языка (Токарев 2003:6)». Русский народ – большой труженик, созидатель и творец, обогатил мир великими достижениями культуры. Ценность труда для русской национальной культуры подтверждается в проявлении положительного отношения к труду и отрицательного отношения к безделью, лени в устойчивых оборотах русского языка.

Фразеологизмы *золотые руки, мастер на все руки, умелые руки* вербализуют концептуальную составляющую «Именования человека» и номинируют человека со стороны внутренних характеристик, имеют значение «мастер, умелец», которое включает в себя понятийные семы «умение», «мастерство» и яркие положительные коннотативные семы «одобрение», «уважение»: *Ветерок спросил, пролетая: «Отчего ты, рожь, золотая?» И в ответ колоски шелестят: «**Золотые руки** растят». Е. Серова. «Отчего ты, рожь, золотая?». Знать, отлично поле распахали плуги, знать, растили ниву **золотые руки**. А. Пришелец. «Поле». А **руки** у Мити были **золотые**. Тихо продвигалась ладонь по доске, и вслед за движением художной руки доска превращалась в цветущий сад. Б.В. Шергин. «Собирай по ягодке – наберешь кузовок». У Тимы **умелые руки**. Он сам сделал самокат. «Умелые руки».*

Значения фразеологизмов *сидеть сиднем, сложа руки, бить баклуши, в ус не дуть, глядеть в потолок, зевать по сторонам, мух считать, пальцем не шевелить/пошевелить, пальцем о палец не ударить, терять (тра-*

тить) время (даром) содержат общие понятийные семы «бездельничать», «бездействовать» и коннотативные семы «неодобрение», «порицание».

Когда Каштанка совсем уже свыклась с новой жизнью и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхоленного пса, однажды перед учением хозяин погладил её и сказал: «Пора нам, Тётка, делом заняться. Довольно тебе **баклуши бить**. Я хочу из тебя артистку сделать». А. П. Чехов. «Каштанка». **Сидел** Илья **сиднем** в избе родительской ровно тридцать лет. «Исцеление Ильи Муромца». Былинный сказ. Младший же **сидел** на печке, **сиднем**, как Илья Муромец. Б.К. Зайцев. «Домашний Лар». - Но не могу же я сидеть **сложа руки**! Ведь она (Медуза Горгона – Е.П.) погубит всех жителей нашего города, всех моих родных и друзей! Миф «Храбрый Персей». Мама: Верно, отдохни. Посиди вон на диване **сложа руки**. (Молча работают. Сын сидит на диване). С. Баруздин. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и **в ус не дует**! Е.Л. Шварц. «Сказка о потерянном времени». Сестренка ему надевала чулок, а Слава скучал и **глядел в потолок**. Я.Л. Аким. «Неумейка». И действительно, как только паренёк увидел командира, он тотчас перестал **зевать по сторонам**, подобрался весь, сделал четыре твёрдых шага, замер, вытянулся, отдал пионерский салют. Л. Кассиль. «Алексей Андреевич». Встанет, попрыгает да и сядет к окошку **мух считать**: сколько прилетело, да сколько улетело. В.Ф.Одоевский. «Мороз Иванович». …человек, который понапрасну **теряет время**, сам не замечает, как стареет. Е.Л. Шварц. «Сказка о потерянном времени». Ну а пока нечего **время терять** - идем на работу. Е.Л. Шварц. «Сказка о потерянном времени».

На фразеологическом материале подтверждается характерное как для универсальной, так и для русской национальной языковой картины мира представление о разуме и двух противопоставленных формах его существования: положительно оцениваемой (ум) и отрицательно оцениваемой (глупость). «Необходимо отметить, что в объективации концепта фразеологическими единицами прослеживается эволюция концепта. Процесс объективации фразеологическими единицами концепта «Умственные способности» дает возможность говорить о нем как о базовом в русской идиоматике», - отмечает Л. Г. Золотых (Золотых 2006:302). Концептуальный сегмент «Ум» объективируется в художественных текстах для детей такими фразеологизмами, как *ума палата, умная голова*; сегмент «Глупость» фразеологизмами *пустая голова, пружина в мозгу лопнула*.

Синонимичные фразеологизмы *умная голова, ума палата* используются для номинации человека очень умного, имеющего высокие интеллектуальные способности. Фразеологический словарь для младших школьников дает этимологическую справку о происхождении последнего фразеологизма: «Фразеологизм возник в результате усечения пословицы *ума палата, да ключ потерян*. Одно из значений слова *палата* – «большое, богато убранное помещение в каменном здании». В палатах в старину обычно происходили важные совещания, принимались государственные решения, отсюда появилось переносное значение словосочетания *ума палата*» (Павлова Н.А. Петренко Е.Е. 2007). Фразеологизмы содержат в своем значении положительные коннотативные семы «одобрение», «уважение». - *Удивительно* ***умная голова*** *наша лягушка,- говорили они (утки - Е.П.).- Даже между утками*

мало таких найдется. В.М. Гаршин. «Лягушка – путешественница». Совет его царский составляли двенадцать мудрых мудрецов; у каждого борода с локоть, а ***ума палата****, и все царю говорили правду, а лгать из них никто не смел. Н. Полевой.*

Фразеологизмы *пружина в мозгу лопнула, без царя в голове, белены объесться, выжить из ума, сходить/сойти с ума (с ума сойти)* номинируют проявление глупости или безумия человека и содержат яркие коннотативные семы «пренебрежение», «презрение», «ирония», «неодобрение». *Да,* ***пружина в мозгу лопнула****. Смерть не люблю глупых! – вдохнул Игнат, полезая на печь. А.П. Чехов. «Белолобый». Умный хозяин сам поймёт, а если* ***без царя в голове*** *— зря слова изведёшь. Н. Грибачёв. Испугался старик, взмолился: «Что ты, баба,* ***белены объелась****? Ни ступить, ни молвить не умеешь! Насмешишь ты целое царство». А.С. Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке».* ***Из ума выжился*** *старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел! П.П. Бажов. «Серебряное копытце». Каштан* ***с ума сошел****: носится вокруг угольной горы с диким воем. Б.С. Житков. «Про обезьянку». Тетя Зина! – крикнул он. - Твой Алешка* ***сошел с ума****! - Зинаида Львовна! – заглянул в другое окно Володя. – Ваш Алешка залез на большую березу! Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у нее стало почти такое же белое, как этот ровный березовый ствол. «****С ума сошел****», — повторил Глеб. Н.М. Артюхова. «Большая береза».*

Говоря о вербализации концепта «Человек» фразеологизмами в текстах круга детского чтения, следует учитывать ту важную особенность детской литературы, и, в частности, сказочного жанра, как широкое использование приема метафоризации, заключающегося в одушевлении, перенесении человеческих качеств на животных. Животные чаще являются героями детских произведений, чем люди, при этом они наделяются характерными чертами человека.

Концептуальный аспект «Внешность» представлен несколькими сегментами, включающими различные концептуальные признаки: «Красота»: *глаз не (можно, возможно) (оторвать) отвесть 2*; «Физическая сила»: *косая сажень в плечах;* «Рост»: *под потолок, с аршин, с вершок, с ноготок* и др.

Красота в русской культуре является одной из основных положительно оцениваемых внешних характеристик человека, особенно женщины. Эта же тенденция сохраняется при объективации концептуального аспекта «Красота» фразеологизмами в художественных текстах для детей. Так, фразеологизм *глаз (очей) не (нельзя) (оторвать) отвести 1* толкуется «засмотреться, залюбоваться»: *Я* ***глаз*** *от него* ***не мог оторвать****. Б.С. Житков. «Как я ловил человечков». Долго Иван-царевич* ***не мог отвести очей*** *своих, долго на нее заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унес сорочку. Русская нар. сказка «Морской царь и Василиса Премудрая».*

Омонимичный фразеологизм *глаз (очей) не (нельзя) (оторвать) отвести 2* имеет значение «очень красивый (-ая, -ое)»: *А у князя женка есть, Что* ***не можно глаз отвесть****: Днем свет божий затмевает Ночью землю освещает; Месяц по косой блестит, А во лбу звезда горит. А.С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди».*

Фразеологизм *косая сажень в плечах* номинирует широкоплечего человека, крепкого телосложения. В семантической структуре фразеологизма содержится культурно значимая коннотативная сема положительного отношения к физической силе мужчины: *Святогоров конь да будто лютый зверь, у богатыря* ***плечи да во косу сажень****. «Илья Муромец и Святогор». Былина.*

Антонимичные фразеологические единицы *под потолок, с аршин, с вершок, с ноготок*, номинирующие рост человека, не обладают вне контекста выраженной коннотацией, однако в контексте могут проявляться различные коннотативные семы. Проиллюстрируем сказанное:

Этот, хоть и сам ***с вершок****, спорит с грозной птицей. В.В. Маяковский. «Что такое хорошо и что такое плохо».* В данном примере значение фразеологизма *с вершок* включает в себя положительный коннотативный компонент, который возникает в результате противопоставления сем «маленький рост», «слабость», «детский возраст» и сем «смелость», «отвага».

И шествуя важно, в спокойствии чинном, Лошадку ведет под уздцы мужичок В больших сапогах, в полушубке овчинном, В больших рукавицах… а сам ***с ноготок****! Н.А. Некрасов. «Крестьянские дети».* В значение фразеологизма *с ноготок* положительно-ироничный коннотативный компонент формируется за счет противопоставления сем «маленький рост», «слабость», «детский возраст» и сем «важность», «серьезность», «взрослость», содержащихся в структуре лексического значения слов *мужичок, шествуя, важно, чинном* и др.

Активно вербализуются фразеологическими единицами как положительно, так и отрицательно оцениваемые в русской культуре морально-нравственные качества человека, такие как доброта, смелость, безразличие, жадность и др.. Так, фразеологизм *большое сердце* имеет значение «добрый, великодушный человек, такой, который способен горячо, сильно чувствовать». *Какое* ***сердце*** *у тебя – маленькое, а* ***большое****! А. П. Платонов. «Сухой хлеб».* Фразеологизм *мухи не обидит* имеет значение «безобидный, добродушный». *Мой парнишка смирный, тихий,* ***мухи не обидит****. В. Козлов.*

Концептуальный аспект «Безразличие» представлен фразеологизмами *хоть бы что, хоть кол на голове теши, хоть трава не расти*. Фразеологизм *хоть бы что* толкуется «безразличный (-ен, -а), не трогает»; фразеологизм *хоть кол на голове теши* имеет значение «безразличный (-ен, -а)», ФЕ *хоть трава не расти* толкуется в словаре «все равно, безразлично».

Жулька за ней – хап! Бабочке **хоть бы что**: летит, мотыляет, как будто смеется. М.М. Пришвин. «Жулька и бабочка». Летит ворон и кричит; нам **хоть бы что**, а лисичка навострила ушки в кустах, спешит в поле. М.М. Пришвин. «Разговор птиц и зверей». Все ребята стараются, а им **хоть кол на голове теши**, ничего не помогает. Н. Носов. «Как я решал задачу». Какой ты отец? – накинулась она (Старая Утка – Е.П.) на мужа. – Отцы заботятся о детях, а тебе - **хоть трава не расти**. Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Серая шейка».

Таким образом, фразеологизмы, формируя языковую картину мира ребенка, не только воссоздают понятийную составляющую, но и знакомят ребенка с оценочной стороной явлений, традиционно сложившейся в русской культуре, поскольку являются единицами знания о мире, отражающими способ восприятия мира человеком. Фразеологизмы «складываются в мозаич-

ную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершенную, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом» (Караулов 201:128-129).

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеологическое значение в свете когнитивной семиологии // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 8-12.

2. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

3. *Золотых Л.Г.* Базовые концепты русской идиоматики// Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 300-304.

4. *Караулов Ю.Н.* Языковое сознание как процесс (теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю.Н.Караулов // Слово. Юбилеен сборник, посветен на 70-годишнината на проф. И. Червенкова, София, 2001. - С.128-129.

5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

6. *Павлова Н.А. Петренко Е.Е.* Фразеологический словарь для младших школьников: Пособие для учащихся. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. – 260 с.

7. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

8. *Токарев Г. В.* Теоретические проблемы вербализации концепта «труд»в русском языке : Дис. ... д-ра филол. наук : Волгоград, 2003. - 472 с.

к.ф.н., доцент Л.А. Петрова (Великий Новгород)

ТИПЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Лексикографическая (фразеографическая и паремиографическая) практика всегда связана с определенным отбором языковых единиц, то есть предполагает ограничение языкового материала, входящего в состав словника словаря любого типа. По этому признаку все многообразие паремиологических словарей, включая словари последних десятилетий, можно свести к трем типам: 1) **словарь-максимум**, ориентированный на максимально полное отражение состава ПЕ в русском языке в период создания словаря; 2) **словарь-оптимум**, отражающий состав паремий, входящих в число элементов общерусского языкового типа; 3) **словарь-минимум**, соотнесенный с речевым паремиологическим минимумом и соответствующий паремиологической составляющей лексикона усредненной языковой личности.

Общепризнанным образцом словаря первого типа является сборник «По-

словицы русского народа» В.И. Даля, состоящий из 179 разделов, включающих свыше 30 тысяч единиц, который можно назвать уникальной сокровищницей народного языка. Современные исследователи отмечают, что выделенные разряды и порядок их расположения воспроизводят структуру сознания русского общества середины XIX века, так как паремии являются устойчивой и хранимой обществом системой общих мест, или топов. «Топы – это категории, в которых человеческое сознание осмысляет, классифицирует и оценивает действительность» (Шуйская 2002: 222). Поэтому название и порядок расположения разделов в Словаре В.И. Даля отражают актуальность и значимость объединенных в них пословиц для носителей русского языка (например, *Бог – вера; Вера – грех, Суд – правда, Правда – кривда, Кара – милость* и т.д.).

Как представляется, словарем-оптимумом является Словарь русских пословиц и поговорок В.П. Жукова. К такому словарю вполне применимо высказывание П.Н. Денисова, писавшего: «Словарный запас индивида меньше универсального синхронного словника. Но у каждого коренного носителя есть твердая субъективная уверенность в полном и свободном владении словарным составом своего родного языка» (Денисов 1988: 20-21). Цель Словаря пословиц и поговорок, как указывает его автор, состоит в том, чтобы «выявить наиболее употребительные пословицы и поговорки, встречающиеся в языке прежде всего художественных и публицистических произведений XIX – XX вв.; раскрыть смысл пословиц и поговорок, имеющих переносное содержание; показать, как употребляются пословицы и поговорки в художественной литературе» (Жуков 1991: 9). В нем впервые в лексикографической практике разработаны и осуществлены принципы составления **толкового** словаря пословиц и поговорок; отобран, определенным образом классифицирован и описан богатейший языковой материал в соответствии с паремиологической концепцией В.П. Жукова, расходящейся с традиционной трактовкой пословиц и поговорок. В словаре зарегистрировано около 1000 пословиц и поговорок, что соответствует в целом спискам употребительных русских паремий, полученных позднее экспериментальным путем (см., например, список Г.Л. Пермякова, включающий 1495 единиц). Состав словника определяется в основном степенью употребительности паремий в языке художественной и публицистической литературы XIX – XX веков, причем в качестве дополнительного критерия отбора материала используется бытование в современном русском языке (Там же: 25).

Во вступительной статье к Словарю сфера его использования очерчивается широко: «предназначен для широкого круга читателей», но одним из главных его адресатов являются учащиеся – студенты и школьники (Солодуб 1993: 117). Его обучающие возможности обусловлены, на наш взгляд, строгостью отбора и четкостью представления пословично-поговорочного материала, позволяющего сформировать представление о ПЕ.

Таким образом, Словарь В.П. Жукова обладает всеми признаками словаря-оптимума: во-первых, он составлен из употребительных единиц, зафиксированых в текстах русской художественной литературы и представленых в других словарях русских паремий. Во-вторых, для него характерна строгость и точность в отборе языковых фактов на основе выверенных научных критериев. В-третьих, теоретическую основу словаря составляет ориги-

нальная научная паремиолгическая концепция, ограничивающая пословично-поговорочную сферу от ФЕ. В-четвертых, все приведенные в словаре единицы сопровождаются логическим описанием их содержания, а в отдельных случаях дается их контекстуально-ситуативная характеристика. В-пятых, в словаре регулярно отмечается вариантность пословиц и поговорок, позволяющая выделить активную часть пословично-поговорочного состава русского языка.

Названные характеристики Словаря позволяют считать перечень представленных в нем единиц оптимальным отражением состава паремий современного русского языка. Даже отмечаемое в аналитической литературе, посвященной Словарю В.П. Жукова, «неоправданное включение некоторых единиц», вполне объяснимо ориентацией словаря на языковой паремиологический минимум, соотнесенный с общерусским языковым типом. В него входят не только паремии, воспринимающиеся носителями языка как современные, но и унаследованные языком и сохраненные в нем (в художественных текстах) от предыдущих исторических периодов, например, от XIX века.

В последнее десятилетие появились словари пословиц и поговорок, состав которых ограничен определенным **количеством** единиц. К таким словарям следует отнести «Школьный словарь живых пословиц», составленный В.М. Мокиенко и коллективом авторов (2002), объем которого ограничен, как указано в предисловии, живыми и общеупотребительными пословицами. Однако, назвав свою книгу словарем **живых** пословиц, В.М. Мокиенко не предложил расшифровки этого важного понятия, употребляя его как равноценное в одном ряду с определениями «общеупотребительные, активные, общеизвестные».

В нашем представлении в словарь-минимум должны входить те языковые единицы, которые известны носителю языка, которые он **знает и может использовать**. Эти знания могут не совпадать в полном объеме с теми сведениями о единицах русского языка, в том числе и о паремиях, которые представлены в словарях В.В. Морковкина, Г.Л. Пермякова, М.Ю. Котовой, Е.А. Быстровой и др. Словарь-минимум активного типа не должен претендовать на полноту охвата языковых фактов: «максимальная полнота охвата» возможна только для мертвых языков, поскольку создание даже самого объемного лексикографического труда еще не означает, что никаких новых объектов описания за его пределами не существует (Добровольский, Караулов 1994: 102), поэтому невозможно совместить полноту описания и описание «живой речи». В него включается только то, что соответствует представлению о «живом» и «активном» для носителей языка.

В соответствии с тремя ипостасями языка (система – текст – способность) Ю.Н. Караулов предлагает называть ФЕ **употребительной**, если она обладает высокой частотностью в текстах (в том числе словарей), если она принадлежит языку как большой совокупности текстов. Показателем **активности** ФЕ авторы АФСРЯ считают варьируемость и преобразования, выявленные в ассоциативном эксперименте, так как они заложены в самой природе владения фразеологическим составом языка его носителями. **Живая** единица – это функционирующая единица. Она участвует в реальных языковых операциях и включена тем самым в языковую способность личности. К показателям живой фразеологии относятся также ассоциативные ре-

акции, свидетельствующие о включении единиц (в том числе и паремий) в ассоциативно-вербальную сеть.

Изучение языка в масштабах языковой личности предполагает минимизацию состава единиц языка до объема, реально закрепленного в языковой памяти его носителей, то есть в их внутреннем лексиконе. С этой целью в школах г. Боровичи был проведен лингвистический эксперимент, позволивший на первом этапе установить состав паремий, который хранится в языковой памяти современных школьников, а затем выявить его активную и живую часть. **Языковой** паремиологический минимум, как показал социолингвистический опрос, включает 499 паремий. Применение аппарата математической статистики позволило выделить в этой совокупности единиц **речевой** паремиологический минимум, включающий только те паремии, которые характеризуются максимальной достоверностью, «ожидаемостью» их припоминания учащимися разных возрастов. Состав речевого паремиологического минимума ограничен 174 оборотами, в него входят, например, пословицы: *Семь раз отмерь, один раз отрежь; Как аукнется, так и откликнется; Лучше синица в руках, чем журавль в небе; Любишь кататься, люби и саночки возить; Не зная (знаешь) броду, не суйся (не лезь) в воду; Один за всех, все за одного; Одна голова хорошо, а две лучше; Ум хорошо, а два лучше; По одежке встречают, по уму провожают; Под лежачий камень <и> вода не течет (бежит); Семеро одного не ждут; Сколько (как) волка ни корми, <а> он все в лес смотрит; Что посеешь, то и пожнешь; Яблоко (яблочко) от яблони (яблоньки) недалеко падает; Язык до Киева доведет.*

Активные паремии выделялись нами с учетом характера их варьируемости. В качестве показателей активности учитывались варианты связанные с расширением или усечением состава компонентов; словообразовательные и словоизменительные варианты; лексические варианты; варианты, связанные с оживлением внутренней формы. По данным ассоциативного эксперимента в число активных единиц входят такие пословицы: *Как аукнется > так и откликнется; **так и ахнется**; По одежке > встречают, по уму провожают; **людей не судят**; **человека не судят; не ценят**; Не подмажешь > не поедешь, **не обманешь, не поешь, не попишешь**; Рыбак рыбака > видит издалека; **за версту видит; за километр видит; за версту чует*** и др.

Живыми следует признать паремии, которые отражают связи варьируемых компонентов в ассоциативно-вербальной сети, например, синонимические, антонимические, паронимические связи, связи в пределах тематической группы: *Баба с возу > кобыле (лошади) легче, Вода (огонь) камень точит; Много будешь знать > скоро (быстро, плохо, мало) состаришься (будешь спать); Знал бы где упасть > соломки (соломку, сена, перинку, перо, газетку) бы подостлал (подложил, подстелил); Дело мастера > боится (не боится, любит, знает), Голь на выдумки > хитра (ловка, умна, легка, скора), Обещанного > три года (сто лет) ждут.*

Содержание и объем словаря-минимума, предложенное в нашей статье, не совпадает с представлением о минимуме, которое широко используется по отношению к лексическому, фразеологическому и паремиологическому материалу (см. словари-минимумы Е. А. Быстровой, В.В. Морковкина, Г.Л. Пермякова). Минимум, в понимании названных исследователей, – это мини-

мизированный по разным основаниям список единиц языка, служащий источником для составления других минимумов, предназначенных для использования в дидактических целях. Такие списки могут использоваться и для составления словарей, имеющих количественно ограниченный словник. Словарь-минимум в нашем представлении – это словарь **активного** типа, который сам может служить источником и руководством для составления полных словарей, в том числе словаря-оптимума. Его материалы должны использоваться для корректировки объема и состава словников таких словарей, а также для уточнения формы заголовочных единиц (во фразеологических и паремиологических словарях), толкования значений, разработки системы помет. Полагаем, что экспериментально выделенные нами реальные паремиологические минимумы могут стать основой для составления паремиологических словарей-минимумов активного типа, ориентированных на современных носителей языка.

1. Денисов П.Н. Словарь языка В.И. Ленина с точки зрения теории лексикографии // Советская лексикография. М., 1988.

2. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология как явление живой русской речи // Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.

3. Жуков В.П. О словаре пословиц и поговорок. Предисловие // Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

4. Солодуб Ю.П. Рец. на кн.: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. [Рецензия] // Филологические науки. – 1993, № 3.

5. Шуйская Ю.В. «Пословицы русского народа» В.И. Даля как отражение Структуры сознания общества середины XIX века // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. СПб., 2002.

асп. К.Е. Полупан (Санкт-Петербург)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ»* ПОСЛОВИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

При разработке более точного и строгого толкования пословиц в словарях важную роль играет описание как *значения*, так и *смысла пословиц*; под значением понимается семантическая характеристика пословицы как единицы языка без учета ее употребления в речи, под смыслом – референциальное значение, во многом зависящее от ситуации употребления (Иванова 2006: 26). В современных словарях пословиц предостережение упоминается крайне редко и только как характеристика смысла пословицы, а не ее значения. Например, *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* – «…Говорится как предостережение…» (Мокиенко и др. 2007: 120). *Не в свои сани не садись* – «…Говорится как предостережение…» (Там же: 248).

Не плюй в колодец: пригодится воды напиться – «…Говорится как предостережение…» (Там же: 142). *Не рой другому яму: сам в неё попадёшь* – «…Выражение предостережения…» (Там же: 323).

Однако зачастую в словарных статьях даже к пословицам, широко употребительным в предостерегающих контекстах, не отмечается эта их особенность. Например, *Не зная броду, не суйся в воду* – «…Может быть использовано как рекомендация...» (Там же: 45). Чаще всего говорится, что такие пословицы используются в ситуации *предупреждения, совета, намека*, а предостережение как действие по глаголу «предостерегать/предостеречь» ('сообщать/сообщить что-либо кому-либо, предупреждая заранее о возможной грозящей опасности, давая совет быть осторожным' (Бабенко 1999: 362)) не упоминается. Таким образом, в описании предостерегающего смысла пословиц отсутствует единообразие.

Проблема состоит, однако же, не только в этом. Мы отстаиваем ту точку зрения, что предостережение может считаться элементом **языкового значения** пословицы, а не только ее смысла. Эта мысль прочитывается и в работе Л.Б.Савенковой: «Паремии по своей сути предназначены для выражения мыслей о ценностях мира. Они должны представлять собой систему ориентиров, помогающих человеку выбрать наиболее рациональный тип поведения в самых разнообразных жизненных ситуациях, *предостеречь* его от ошибок, определить правила взаимоотношений с другими людьми» (Савенкова 2002: 115). Об этом же пишет и С.В.Сидорков: «Паремии… учат, воспитывают, *предостерегают*, советуют, и в этом отношении они выступают культурообразующим фактором», что «имеет своим коррелятом преобразование природного хаоса в социально-культурный порядок» (Сидорков 2003: 12). То есть паремии *сами по себе*, без контекстов их конкретных употреблений, *«по своей сути»* призваны предостерегать, оберегать всякого, любого человека, в словарный запас которого они входят.

Возникает проблема выделения **логико-грамматических признаков**, позволяющих сделать вывод о наличии у пословицы предостерегающей семантики в целях уточнения толкования пословиц в паремиографических источниках учебного типа.

В статье приводится логико-грамматическая классификация пословиц, репрезентирующих концепт «предостережение». Выделяется 8 пластов пословиц, в которых содержится предостережение от чего-либо. Логически предостережение состоит в указании на причинно-следственную связь между неосторожным/необдуманным/неоправданным Действием 1 (Д1) и его пагубным последствием – Действием 2 (Д2). Грамматическая структура пословиц с семантикой предостережения находит многочисленные параллели среди предложений обычной, непословичной речи. Если та или иная грамматическая структура встречается в предложениях, реализующих интенцию предостережения, мы считаем пословицу с такой грамматической структурой обладающей значением предостережения на уровне языка.

Итак, рассмотрим логико-грамматические пласты пословиц, репрезентирующих концепт «предостережение».

Пословицы **ПЕРВОГО ПЛАСТА** (***Не рой другому яму: сам в неё попадёшь***) содержат эксплицитное указание на Д1 и Д2, причем Д1 всегда выражено императивом с отрицанием, а Д2 – как правило, будущим временем

глагола. К этому же пласту мы относим пословицы, во второй части которых имеется выраженное будущим временем глагола указание на действие, противоположное по смыслу Д2 (например, *Не плюй в колодец: пригодится воды напиться*). Данные грамматические конструкции используются для выражения предостережения регулярно (*Не ходи без шапки: простудишься; Не свисти: деньги ещё понадобятся*).

К этому пласту относятся: *Не суди, да не судим будешь; Не дразни собаку – не укусит; Не тронь…, не то завоняет; Не играй с огнём: обожжёшься; Не делай людям добра, не увидишь от них зла; Не говори правды, не теряй дружбы* и др.

ВТОРОЙ ПЛАСТ (*Поспешишь – людей насмешишь*) составляют пословицы, в которых Д1 и Д2 выражено глаголами в будущем времени. В речи эта конструкция используется для предупреждения о последствиях тех или иных действий (*Пойдёшь гулять без шапки – простудишься*). Как правило, такое предупреждение имеет целью предостеречь, т.е., предупредив о последствиях некого действия, посоветовать этого действия не совершать. К этому пласту относятся часто употребляемые пословицы *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; С кем поведёшься, от того и наберёшься; Как аукнется, так и откликнется; Что посеешь, то и пожнёшь; Слово не воробей: вылетит – не поймаешь* и др.

Среди единиц, отнесенных к этому пласту, можно встретить пословицы, в которых Д1 и/или Д2 выражается инфинитивом в значении будущего времени (например, *Сколько верёвочке ни виться, а концу быть; Умную взять – не даст слова сказать; Недолго той земле стоять, где учнут устои ломать*). Кроме того, иногда Д1 выражено императивом с синонимичным значением (*Подставь шею – так насядут*).

ТРЕТИЙ ПЛАСТ (*На чужом несчастье своего счастья не построишь*) содержит единицы, в которых Д2 выражено будущим временем глагола. Чаще всего это глагол 2 лица, единственного числа с частицей НЕ: *Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Шила в мешке не утаишь; На двух стульях не усидишь; Лбом стену не прошибёшь* и др. Встречается и форма 3 лица, единственного числа: *Язык до добра не доведёт.* Эти глаголы означают результат, которого хотелось бы достичь (*вынуть рыбку, утаить шило, усидеть на двух стульях* и т.д.), а частица НЕ перед ними указывает на невозможность достижения желаемого. Данная конструкция является регулярной (*В нашем районе хорошего разливного молока не купишь*); она используется для предупреждения о невозможности достичь желаемого и для предостережения от совершения попыток достичь его, а также для выражения досады, сетования на сложившиеся обстоятельства.

Если же Д2 выражено глаголом без НЕ (*Бог виноватого найдёт; Скупу человеку убавит Бог веку*), то этот глагол сам по себе означает результат, нежелательный для того, кто совершил Д1 (т.е. *провинился, проявил скупость* и т.д.). Данная конструкция часто используется в речи для выражения предостережения (*Простудишься; Забудешь ведь; Потеряешься без карты*).

ЧЕТВЁРТЫЙ ПЛАСТ (*Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*) чрезвычайно разнообразен с точки зрения грамматики. Пословицы, составляющие его, объединены тем, что в них есть указание как на Д1, так и на

Д2, однако нигде нет формального указания на будущее время. При этом Д1 и Д2 могут выражаться не только глаголами: *Под лежачий камень вода не течёт; Скупой платит дважды; Всё тайное становится явным; Бесплатный сыр бывает только в мышеловке; Волков бояться – в лес не ходить; Взялся за гуж – не говори, что не дюж; Назвался груздем – полезай в кузов; У семи нянек дитя без глазу* и др.

Многочисленные конструкции этого пласта вне пословиц используются с целью констатировать зависимость между двумя действиями/состояниями (*Такие, как она, никому не нужны; Хорошее разливное молоко продают только в соседнем районе; Кто ходит без шапки, простужается*). Используются они и при предостережении.

ПЯТЫЙ ПЛАСТ (*Не в свои сани не садись*) составляют пословицы, в которых Д1 выражено императивом с отрицанием (либо формой 3 лица, множественного числа, настоящего времени глагола с отрицанием – конструкцией, в целом синонимичной императиву), а Д2 не выражено. Например: *На чужой каравай рот не разевай; Не говори гоп, пока не перепрыгнешь; Не зная броду, не суйся в воду; На Бога надейся, а сам не плошай; Не играй с огнём; Не оставляй на завтра то, что можешь сделать сегодня; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; От добра добра не ищут* и др. В отличие от пословиц первого пласта, здесь не указывается Д2, а значит, нет эксплицитно выраженного объяснения, почему следует избегать Д1.

Конструкции этого пласта в речи без пословиц используются для предостережения и для запрета, что отражается в изменении интонации (*Не ходи гулять без шапки*). Также эта конструкция может использоваться с целью поругать кого-то (*Заболел? Так тебе и надо! Не ходи без шапки*).

Пословицы **ШЕСТОГО ПЛАСТА (*Семь раз отмерь, один раз отрежь*)** советуют выполнять действие, противоположное по смыслу Д1. В них всегда присутствует эксплицитная рекомендация – Д1 выражено утвердительным императивом: *Держи язык за зубами; Гляди в оба; Готовь сани летом, а телегу зимой; Куй железо, пока горячо; Береги платье снову, а честь смолоду; По одёжке протягивай ножки; Из двух зол выбирай меньшее* и др. В пословицах этого пласта часто встречается противопоставление того, что действительно необходимо, тому, что является ненужным или даже вредным: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Не ищи красоты, ищи доброты* и др.

Конструкции с утвердительным императивом обычно употребляются в качестве совета либо приказа, что отражается в изменении интонации (*Покупай только самое свежее*). Возможно использование данной конструкции с целью поругать кого-то за какой-то поступок, совершенный в прошлом (*Отравился? Ну а что ты хотел? Покупай свежее, а не что подешевле*).

СЕДЬМОЙ ПЛАСТ (*Бережёного Бог бережёт*) представлен пословицами, грамматические конструкции которых очень разнообразны. Их объединяет то, что все они используются с целью дать совет, порекомендовать тот или иной образ действий, тем самым имплицитно предостерегая от противоположного образа действий: *Кто ходит в шапке, не простужается; Осенью в шапке ходят; Осенью шапка нужна; Осенью лучше в шапке ходить* и др. В отличие от шестого пласта, здесь нет императива, т.е. совет выражен не впрямую, а имплицитно (например, пословица *Бережёного Бог*

бережёт рекомендует беречься либо беречь кого-то). Таким образом, в пословицах седьмого пласта без использования императива выражается действие, противоположное по смыслу Д1.

К седьмому пласту относятся пословицы: *Цыплят по осени считают; Лучше синица в руках, чем журавль в небе; Тише едешь – дальше будешь; Кто рано встаёт, тому Бог подаёт; Делу время, а потехе час; Терпение и труд всё перетрут; Дорогу осилит идущий; Молча – легче* и др. В некоторых пословицах этого пласта приводится аргументация совета –чаще всего выраженное глаголом в будущем времени действие, противоположное по смыслу Д2 (…*Бог бережёт; дальше будешь; Бог подаёт; всё перетрут; осилит; легче*). Мы не выделяем такие пословицы в отдельный пласт, поскольку они объединены с пословицами типа *Делу время, а потехе час* (без аргументации) семантикой имплицитного совета.

ВОСЬМОЙ ПЛАСТ (*Не всё то золото, что блестит*) составляют пословицы, не содержащие ни эксплицитного указания на Д1 и Д2, ни грамматически выраженной запретительной/побудительной модальности. И Д1, и Д2 только подразумеваются: *Не покупайся на всё, что блестит: это может оказаться не золото*. Пословицы восьмого пласта напоминают о том, что необходимо помнить для собственной безопасности: *В тихом омуте черти водятся; Палка о двух концах; Жизнь прожить – не поле перейти; У медали две стороны; Человек человеку волк; И у стен есть уши; Ничто не вечно под луной; И колодезь причерпывается; Бес около ходит да на грех наводит* и др.

В речи без пословиц напоминание часто имеет целью одновременно предостеречь адресата (*Напоминаю, что в среду пишем тест. = Не забудьте, в среду пишем тест. = В среду пишем тест*).

***

В статье подробно не говорится об использовании пословиц в речи: этот вопрос требует отдельного исследования. Задачей же данной работы было описать логико-грамматические конструкции, репрезентирующие предостережение в значении паремиологических единиц русского языка, с целью более точного и строгого толкования пословиц в учебных словарях и в практике преподавания русского языка как иностранного. Надеемся, что выделенные нами 8 пластов предостерегающих пословиц смогут стать лингвистической базой в осуществлении этих планов.

1. *Бабенко Л.Г.* Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.,1999.
2. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. – СПб.,2006.
3. *Мокиенко В.М., Ермолаева Ю.А., Зайнульдинов А.А. и др.* Словарь русских пословиц. – М.,2007.
4. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону, 2002.
5. *Сидорков С.В.* Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. – Ростов-на-Дону, 2003.

д.ф.н., профессор Е.В. Радченко (Челябинск)

СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА В ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Движение языковой единицы, направленное от однозначности к многозначности, связано с вопросами, еще не получившими в современной науке решения: проблемой разграничения ее значения и употребления, значения и смысла, соотношения значения и контекста. В работах, не дающих представления о динамичности языковой единицы, концепция многозначности покоится на учении о дискретной организации лексического значения. Между тем в современных исследованиях не раз высказывалось мнение о том, что меру дискретности значений при их описании в толковом словаре обычно сильно преувеличивают и видят четкие границы там, где фактически при ориентации на разнообразие текстов обнаруживается неясная, размытая, промежуточная область. Только мобильностью значений можно объяснить явление многозначности фразеологизмов, недифференцированности их значений и как следствие неполноту и противоречивость толкований фразеологизмов в словарях.

При индивидуальном, не свойственном единице употреблении возникают новые, своеобразные смысловые оттенки, не образующие пока самостоятельного значения. Следовательно, вопрос о динамичности языковой и фразеологической единицы должен решаться на основе взаимодействия языкового (системного) значения и смысла. Поэтому для нас представляется принципиально важным вывод А.В. Бондарко о том, что «значение и смысл представляют собой не разные и независимые объекты, а разные стороны, аспекты, формы существования мыслительных, мыслительно-языковых и мыслительно-речевых единиц, которые оказываются способными к взаимным переходам, к перекодированию» (Бондарко 1978: 39).

Под значением нами понимается содержание языковой единицы, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. (Лингвистический…1990: 261). Оно обеспечивает взаимопонимание людей в процессе коммуникации и имеет национальный характер, так как в нем (в значении) отражено национальное понимание какой-либо стороны окружающей действительности.

Смысл в отличие от значения всегда индивидуален, характеризуется более высокой степенью широты, обобщенности и терпимостью к разной сочетаемости. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, “в речевой деятельности, представляющей бесконечное разнообразие проявлений индивидуального выражения и выражения индивидуальностей, слово является формой воплощения вновь творимого смысла. Оно выражает мнение говорящего. Его осмысление индивидуально и определяется всем содержани-

ем высказывания. Его структура неустойчива и функции многозначны" (Виноградов 1969: 45). Смысл, следовательно, представляет собой содержательный элемент языковой единицы, находящийся в индивидуальном сознании говорящего, лишенный черт понятия и имеющий потенциальную возможность перейти в ее значение.

По мысли Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, "в процессе реализации фразеологической единицы любая из сем фразеологического значения может актуализироваться, выйти на первый план, в то время, как другие семы, отражающие уже известные или не столь важные для говорящего аспекты денотативной ситуации, теряют коммуникативную значимость … могут совсем исчезнуть из смысловой структуры фразеологической единицы, а в дальнейшем и из семантической структуры фразеологической единицы" (Алефиренко…2004: 228–229).

Становление нового значения в процессуальном фразеологизме представляет собой длительный процесс постепенного накопления в нем новых свойств. Здесь проявляется диалектический принцип перехода количественных изменений в качественные. Процессуальные фразеологизмы в массовом материале обладают широким, сложным значением, в котором заложены потенциальные возможности для дальнейшего развития.

У фразеологизма *брать/взять на заметку (кого, что)* выделяется два значения: «1)стараться / постараться запомнить кого или что-либо как нечто значительное, важное, исключительное; 2) принимать / принять к сведению, учитывать / учесть что-либо». Приведенные значения фиксируются в словарях и широко представлены в нашем материале. Первое значение оказалось частотным – 20 употреблений. В нем фразеологизм входит в семантическую субкатегорию деятельности, группу интеллектуальной деятельности, познания. Названное значение реализуется в типичной для фразеологизма сочетаемости. Приведенная единица употребляется при подлежащем, обозначающем лицо, в качестве объекта имеет при себе имя существительное в форме винительного падежа без предлога, называющее лицо или конкретный предмет:

Ванька каким-то образом выслеживал, где находится та или иная гороховая делянка, брал ее на заметку …и, подмигивая мне, объявлял: «Завтра пойдем» (М. Алексеев. Драчуны); Бесконечно занятый и скромный человек, никогда не позвонит сам: у меня, мол, есть о чем рассказать. Таких людей надо брать на заметку, добиваться встречи с ними (В. Деревницкий. Время для размышлений).

Второе значение анализируемого фразеологизма «принимать / принять к сведению, учитывать / учесть что-либо» тоже фиксируется в словарях и является частотным в нашей картотеке – 15 употреблений. Производное значение связано с основным семой «сосредоточенно изучать / изучить что-либо». В нем сема «запоминать / запомнить» деактуализировалась и актуализировалась сема «учитывать / учесть». Изменения в индивидуальном значении приводят к смене подгрупповой семантики: фразеологизм относится к семантической группе интеллектуальной деятельности, подгруппе понимания.

Первое значение анализируемой единицы «стараться запомнить кого или что-либо как нечто значительное, важное, исключительное» является широ-

ким и обладает большими возможностями для своего семантического развития. В отдельных употреблениях в нем актуализируются семы «проследить», «позаботиться»:

Хозяин, судя по стуку, был на повети. Михаил решил поговорить насчет Лизки. Илья, как и в прошлом году, был назначен бригадиром на Ручьи. Пускай-ко возьмет сестру на заметку (Ф. Абрамов. Пряслины).

В приведенном предложении из широкого значения фразеологизма "стараться / постараться запомнить кого или что-либо как нечто значительное, важное, исключительное" актуализировался смысл "проследить за кем-либо, позаботиться о ком-либо". Рост частотности употреблений анализируемой единицы в приведенном смысле будет способствовать развитию у нее нового значения.

Современные словари у фразеологизма *давать / дать знать (кому о чем)* выделяют четыре значения: «1)подтверждать / подтвердить что-либо; 2) намекать / намекнуть на что-либо; 3) кому сообщать / сообщить что-либо; 4) кому о чем оповещать / оповестить о чем-либо». Анализ сочетаемости единицы показал, что на современном этапе вышеприведенные значения еще не выделяются как самостоятельные. Фразеологизм *давать / дать знать (кому о чем)* называет сложное речевое действие «сообщать / сообщить кому-либо о чем-либо». В разных контекстах актуализируются отдельные смыслы единицы:

Все зависит от распоряжения Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тот час же и даст нам знать (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); Вот почему я и обращаюсь теперь к Вам с настоятельной просьбой выручить нас и добыть нам эту поддержку. Пожалуйста, дайте знать поскорее, возможно ли будет для Вас исполнить эту нашу просьбу. (В.И. Ленин. Письмо № 322 А.И. Ерамасову. 1904 г.); Я прямо требовал угла, чтоб только повернуться, и мне презрительно давали знать, что в таком случае надо идти "в углы" (Ф.М. Достоевский. Подросток); Я убежден, что этот человек еще даст знать о себе (Р. Киреев, И тут мы расстаемся с ними); В предлогах, восходящих к деепричастиям, предложное начало дает знать непосредственно сильнее, чем в предлогах, генетически связанных с наречными формами имен существительных (С.Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги).

Единица *давать / дать знать (кому о чем)* называет сложное действие и в разных речевых употреблениях актуализирует отдельные смыслы: «оповещать / оповестить», «подтверждать / подтвердить», «намекать / намекнуть», «напоминать / напомнить о себе», «проявляться / проявиться».

Анализ показал, что диффузность, нерасчлененность, широта языкового и особенно фразеологического значения является показателем динамичности, семантического развития единицы одного временного периода. Говорящий, употребляя языковую единицу в речи, актуализирует отдельные семы ее сложного, обобщенного значения, которые со временем могут стать фактом языка и закрепиться как отдельное, новое значение. В процессе функционирования в речи говорящего в семантике языковой единицы происходит динамическое взаимодействие системно-языкового значения и смысла.

1. *Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г.* Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – 2-е изд., испр. и доп. – Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2004. – 296 с.

2. *Бондарко, А.В.* Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

3. *Виноградов, В.В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическим в структуре языка / В.В. Виноградов // Мысли о современном русском языке: сб. статей / под ред. В.В. Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. – С. 5–22.

4. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

к.п.н., доцент Е.И. Рогалёва (Псков)

ГРАНИЦЫ ЗАГОЛОВОЧНОЙ ФРАЗЕМЫ И ПРОБЛЕМА СЛОВ-СОПРОВОДИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКЕ УЧЕБНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Границы фразеологизма-вокабулы определяются авторами-составителями фразеологических словарей в зависимости от их позиции по отношению к так называемым словам-сопроводителям, под которыми понимается строго определенный круг слов свободного употребления, благодаря которым осуществляется семантическая реализация фразеологизма в речи (Жуков В.П. 1986: 19, 256-269; БВН 1993: 74).

Дискуссии о статусе слов-сопроводителей, проходившие в 70-80-е гг. XX века, выявили сторонников включения слов-сопроводителей в состав ФЕ (А.В.Кунин, А.Г.Назарян, В.М.Мокиенко и др.) и противников этой точки зрения (А.И.Молотков, В.М.Огольцев, В.П.Жуков и др.), которые не только в теоретических разработках, но и в лексикографических трудах представляли фразеологизм в полной либо усеченной форме. Однако и в последнем случае реальная лексикографическая практика потребовала представления слов-сопроводителей в зоне заголовка или в следующей за ним семантико-грамматической параметрической зоне словарной статьи (ФСРЯ 1976). Это же характерно и для лексикографических источников самого последнего времени (Алефиренко, Золотых 2008; БФСРЯ 2009; Жуков А.В., Жукова М.Е. 2009).

Учебные словари для средней школы и иностранных учащихся реализуют эту же концепцию представления слов-сопроводителей:

КАК ГРИБЫ ПОСЛЕ ДОЖДЯ расти, появляться и т.п. **Похож, схож, походить КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ** … (Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 145).

ДУША В ДУШУ. … С глаг. несов. и сов. вида: ***жить, прожить***… **КАК ИЗ ВЕДРА** … С глаг. несов. и сов. вида: ***лить, полить, хлынуть*** (Быстрова, Окунева, Шанский 1992, 83, 106).

ДНЕМ С ОГНЕМ. *Очень трудно (**найти, отыскать** и т.п. … **ДО ЗАРЕЗУ (нужно).** Крайне, очень нужно* (Шанский, Зимин, Филиппов 2001: 68).

КАК СОБАКА

***1. Бегать,** мыкаться,* пребывая в непрерывных заботах, хлопотах.

… 4. ***Дрожать*** – от холода или от волнения.

… 5. ***Жить*** – плохо, в условиях крайней бедности, лишений, одиночества.

… 14. ***Устать,** измучиться, умаяться.* о человеке. (Огольцев 2001: 615-618).

По утверждению В.П.Жукова, фразеологизмы типа *как осиновый лист, как божий день, до зубов* и т.п. являются несамостоятельными в смысловом отношении, семантически элементарными и аморфными. Функцию семантической конкретизации, контекстного уточнения этих информативно недостаточных фразеологизмов и выполняют слова-сопроводители, которые становятся как бы элементами значения фразеологизма (Жуков В.П. 1986: 145, 256-269). Этим положением, высказанным одним из «разработчиков» теории слов-сопроводителей, руководствуются сторонники противоположной точки зрения (Никитина 1995: 23-24), представляющие фразеологизмы, в том числе компаративные, в полной форме, как, например, в «Большом словаре народных сравнений» (Мокиенко, Никитина 2008: 629 -633).

Биться как собака. *Брян., Пск. Неодобр.* О человеке, мучительно борющемся за существование, работающем из последних сил для обеспечения жизненного минимума. (СППП 2001: 116).

Замёрзнуть (продрогнуть, застыть) как собака. *Разг., Яросл. Неодобр.* Об очень сильно замёрзшем, продрогшем до костей человеке. (БАС: 14, 6; Огольцев: 132).

Устать (измучиться, измотаться, набегаться, пристать. *Разг. Пск.*, *Томск.,* **замориться.** *Пск.*) **как собака.** *Разг., Кар., Пск.* О чьей-л. крайней усталости, изнурённости, исчерпанности. (БАС: 14, 6; Огольцев: 132; СППП 2001: 216).

На наш взгляд, именно в таком «конкретизированном» виде семантически достаточные фразеологизмы и должны быть представлены в современной учебной лексикографии, что, например, реализуется в школьных фразеологических словарях В.П.Фелициной и В.М.Мокиенко:

Голодный (голоден, проголодался) как собака. *Очень сильно проголодался; хочет есть. …* **Жить как собака.** *О человеке, живущем безрадостно, неуютно*…(Фелицына, Мокиенко 1999: 258)

Замёрз (продрог) как собака. *Об очень сильно замерзшем, продрогшем человеке.* **… Злой (зол) как собака**. *Об очень злом, ожесточенном или сильно рассерженном человеке. …* (Фелицына, Мокиенко 2002: 458-459).

Авторы фразеологических словарей для младших школьников явно не вникают в проблематику слов-сопроводителей и не отличаются последовательностью в определении границ фразеологизма.

Фразеологизмы одного порядка представлены здесь то в полной, то в усеченной форме, то с заключенными в скобки словами-сопроводителями, что явно не способствует формированию у адресата адекватного представления о структуре и семантике ФЕ, например:

· в словаре В.В.Волиной (2001): а/ *попал как кур со щи; ни бельмеса не понимает, ни зги не видно* и др.*;* б/ *где раки зимуют; как крысы с тонущего корабля; как вкопанный* и т.п.*;* в/ *к шапочному разбору (прийти)*;

· в словаре О.Д.Ушаковой (2004): а/ *прийти к шапочному разбору, ни зги не видно* и др. б/ *где раки зимуют; спустя рукава, засучив рукава* и т.п.*; в/ (кричать) во всю ивановскую; как кур во щи (попасть);*

· в словаре Т.В.Розе (2005): а/ *ни бельмеса не смыслить; показать, где раки зимуют; стоять как вкопанный* и т.п.*; б/ на всю ивановскую; к шапочному разбору; спустя рукава* и др.*;* в/ *ход конём (сделать);*

· в словаре С.В.Волкова (2009): а/ *показать, где раки зимуют; не видно ни зги* и др.; б/ *во главу угла; во всю Ивановскую; до белого каления* и т.п.; в/ *в поте лица (работать)*;

По меньшей мере странно выглядит в учебном словаре непоследовательность в определении границ фразеологизмов, построенных по одной структурной или структурно-семантической модели, например, *со всех ног (бежать), во все лопатки (бежать)* – с указанием слов-сопроводителей, но *во всю ивановскую, во всю прыть* – в усеченной форме; *засучив рукава (работать),* но *спустя рукава* (Ставская 2002: 182, 28-30, 72, 183) и даже *быть не в духе* и *не в духе (быть)* в рамках одного и того же словаря (Ставская 2002: 19, 123).

Помимо непоследовательности во включении/невключении слов-сопроводителей в состав ФЕ авторы детских словарей не всегда единообразно определяют их место и способы экспликации в словарной статье. Ср. у Н.В.Томашевской:

[Узнать, знать] почем фунт лиха. …

В три шеи [со словом *гнать*]. …

До нитки.

1. (со словом *промокнуть*) …

2. (со словом *обобрать, ободрать; прокутить) …* (Томашевская 2009: 192, 186, 129)

В нашей лексикографической концепции обязательное глагольное сопровождение наречных фразеологизмов передается строго единообразно: в зоне толкования соответствующий глагол (глаголы) указываются в скобках, что информирует читателя о ближайших сочетаемостных возможностях ФЕ и задает конкретную модель сочетаемости:

С ТРИ КОРОБА.

Очень много (наговорить, наврать, наобещать кому-нибудь).

Каждый из оттенков значения ФЕ при такой подаче «слов-сопроводителей» получает свою собственную сочетаемостную характеристику, чего практически никогда не удавалось достичь составителям детских словарей:

ОТ А ДО Я.

Полностью, от самого начала до самого конца, ничего не пропуская (изучить, прочитать что-нибудь); основательно, детально (знать что-нибудь).

Многозначные ФЕ получают аналогичную сочетаемостную параметризацию по каждому из своих фразео-семантических вариантов:

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ.

· *Очень громко (кричать).*

· *Очень быстро (бежать, мчаться, нестись).*

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ.

· *Кувырком (покатиться, полететь, упав откуда-л.).*

· *Головой вниз (повиснуть, перевернуться).*

Компаративные фразеологизмы, вслед за В.М.Мокиенко, трактуются нами как двухэлементные, а компонент, отображающий основание сравнения, включается в состав заголовочной ФЕ при ее лексикографическом описании. Таким образом сохраняется логическая структура сравнения, что целесообразно с лингводидактической точки при адресации словаря школьнику, а также реализуется возможность более четко передать национальную специфику компаративных фразеологизмов на уровне каждого из компонентов, что является обязательным условием словарной репрезентации ФЕ иноязычному адресату (Никитина 1995:26), а также детям-билингвам. В нашей серии учебных фразеологических словарей компаративные фразеологизмы (устойчивые сравнения) всегда отображаются в полной форме:

СМОТРЕТЬ КАК БАРАН НА НОВЫЕ ВОРОТА.

Тупо, растерянно, ничего не понимая смотреть на кого-нибудь, на что-нибудь.

ПИСАТЬ КАК КУРИЦА ЛАПОЙ.

Писать неразборчиво, неряшливо; иметь очень плохой почерк.

ДРОЖАТЬ /ЗАДРОЖАТЬ КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ.

Очень сильно дрожать (от страха, волнения); очень волноваться, бояться чего-либо.

1. Алефиренко, Золотых 2008: *Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

2. БВН: *Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г.* Словарь русской фразеологической терминологии / Под ред. проф. В.М.Мокиенко. – Munchen: Varlag Otto Sagner, 1993. – 136 с.

3. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий /Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с.

4. *Волина В.В.* Фразеологический словарь. – С.-Пб., 2001. – 256 с.

5. *Волков С.В.* Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь

6. *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 443 с.

7. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: ВШ, 1986. – 308 с.

8. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. – 2-е изд, перераб. – М.: Просвещение, 1989. – 383 с.

9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800.

10. *Никитина Т.Г.* Проблемы идеографического описания народной фразеологии. – М.: Из глубин, 1995. – 96 с.

11. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2001. – 800 с.

12. *Розе Т.В.* Большой фразеологический словарь для детей. – М., 2005. – 224 с.

13. СППП: *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь псковских пословиц и поговорок. – СПб., Норинт, 2001. – 176 с.

14. *Ставская Г.М.* Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: Пособие для учащихся нач. шк. – М.: Дрофа, 2002. – 224 с.

15. *Ушакова О.Д.* Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника. – СПб.: Издательский Дом «Литера», 2004. – 96 с.

16. *Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Школьный фразеологический словарь. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 704 с.

17. Фразеологический словарь /сост. Н.В. Томашевская. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.

18. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка /Сост. Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Федоров; Под ред. А.И.Молоткова. – 3-е изд. - М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

19. Шанский, Зимин, Филиппов 2001: *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Дрофа, 2001. – 368 с.

асп. О.В. Золотоверхая,
д.ф.н., профессор Л.Б.Савенкова (Ростов-на-Дону)

АКТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНОЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ГЛАЗАМИ РУССКИХ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ)

Активность является неотъемлемой чертой человеческого бытия. Ее можно определить как постоянство усилий и/или интенсивность действий, обусловленных внутренней потребностью субъекта и направленных к одной цели. Жизнь в обществе обусловливает тот факт, что люди проявляют активность в рамках какой-либо социальной группы. Одну из разновидностей социальных групп составляют этнические сообщества – нации, народности. Нация определяется как «историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, этнических особенностей культуры и характера» (Современная энциклопедия 2000). Близкое определение имеет и понятие народности: «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей» (Большой энциклопедический словарь). Не вдаваясь в дискуссию о разграничении этих двух сущностно близких понятий, отметим, что представителей одной национальности или народности объединяет сходство этнопсихического склада и культуры.

Активность может рассматриваться как явление, как состояние и как отношение. При анализе мнений одного народа о других важным оказывается взгляд на проявления активности, то есть на активность как состояние и активность как отношение. Активность-состояние выступает как «качество,

которое базируется на потребностях и интересах личности и существует как внутренняя готовность к действию» (Зыкова 1983). В форме отношения активность проявляется как «более или менее энергичная самодеятельность, направленная на преобразование различных областей деятельности и самих субъектов» (Бехтерев 1996). Социальная активность способна проявляться в самых разнообразных сферах – быта, социального порядка, досуга (Социология 2003).

Современные исследователи паремий нередко обращались к теме отражения характеристик людей разных этнокультур в пословицах (Добровольский 1997; Лаврова 2003; Оболенская 2005; Жукова 2006; Иванова 2006; Маруневич 2010; и мн. др.), но характер проявления активности представителей различных национальностей/народностей, насколько известно авторам настоящего исследования, целенаправленно не освещался. Задача данной статьи состоит в выявлении отражения в народном сознании стереотипных представлений о характере активности людей, отличающихся от русских по этнической принадлежности. Материалом для анализа являются паремии, извлеченные из (Даль 2000).

В сборнике пословиц В.И. Даля присутствует не менее 7000 паремий, содержащих идею активности, что указывает на значимость феномена активности в русском сознании. Мерилом при отборе единиц для данного исследования послужило включение этнонима либо в сам состав паремии, оценивающей активность, либо в комментарии к ней, ср.: *На волка помолвка, а цыган кобылу украл; Краденая кобыла не в пример дешевле купленой обойдется (сказал цыган)*. При этом всего 90 паремий прямо или косвенно говорит об активности представителей иноэтнических сообществ. Наиболее часто упоминаются немец (чаще всего – для обозначения иностранца без уточнения его этнической принадлежности, поскольку немцем в России раньше называли любого иностранца, воспринимая его как «немого», т.е. не говорящего по-русски. См.: Фасмер 1987: 62), татарин, жид, цыган, француз, поляк, хохол, грек. Это в целом соответствует активности перечисленных этнонимов в составе русских паремий, выявленной О.В. Шатун: «… в русском языковом сознании ведущее положение занимают татары, представленные 36 паремиями, немцы – 34 пословицами, цыгане – 22, хохлы – 15, французы – 11, греки – 5 паремиями» (Шатун 2010: 21), хотя и остается неясным, почему автором совсем не упомянуты поляки, а при наличии этнонима *цыган* отсутствует наименование *жид* (оба этноса вряд ли могут квалифицироваться как названия иностранцев, но оба названия указывают на инородцев).

В 22 случаях в исследуемом нами материале подчеркивается, что речь идет об активности русского человека. Сама по себе экспликация этнической принадлежности субъекта свидетельствует о сопоставлении русского с нерусскими, ср.: *Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит* (то есть активен и в бою, и в еде); *Русский что увидит, то и сделает* (то есть активен в восприятии чужого опыта) и т.д. В паремиях, где открыто названы и нерусский, и русский, активность последнего оценивается более позитивно – либо по ее эффективности (*Русский немцу задал перцу*), либо по рациональности способа ее проявления: *Немец своим разумом доходит*, *а русский глазами* (то есть при получении результата русский затрачивает меньше сил).

Можно заключить, что, активизируясь, русский человек достигает заметных результатов. Однако, подчеркивая способность русского к продуктивной деятельности, пословицы подмечают отсутствие у него стремления к активности, ср.: *Бей русского, часы сделает* (то есть, активизируясь по принуждению, русский выполнит работу высокой степени сложности); *Русский человек любит авось, небось да как-нибудь* (то есть он стремится минимизировать усилия в надежде, что их будет достаточно для достижения цели). Любопытно, что подобные настроения из инородцев отмечаются только у калмыка: *Так не будет (сказал калмык), а как-нибудь да будет.*

Что касается представителей иных этносов, то 10 паремий, отмечая проявления активности нерусских, либо не содержат ее оценки (*Русак до читанья, хохол до спеванья*; *Немец своим разумом доходит*, *а русский глазами*); либо одобряют ее с некоторой долей снисходительности иронии: *Голь на выдумки торовата* (*относительно захожих иноземцев* – комментарий В.И. Даля); *Немец хитер: обезьяну выдумал*; *Цыган варганы* (т.е. простейшие язычковые музыкальные инструменты) *кует, и то ему ремесло* и др. В данных изречениях отмечается склонность нерусских к изобретательности, т. е. к творческой активности. Возможна и амбивалентная оценочность. Так употребление паремии *Немец без штуки с лавки не свалится* демонстрирует то положительное, то отрицательное отношение к *немцу*, ср. примеры из Национального корпуса русского языка: «“Немец без штуки с лавки не свалится” (а это похоже… я недавно видел новую моду: мусорное ведерко на столе за завтраком под названием “Чистый стол” – очень удобно, почти не надо стол после убирать, – “штук” у немцев много)» [А. Битов. Восьмой немец]; «Говорил про хитрого немчина, что на русском хлебе жирно отъедается, а сам без штуки и с лавки не свалится» [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Кн. 1]. Аналогично по оценке воспринимается паремия *Цыган что голоднее, то веселее.*

Гораздо чаще в пословицах XIX века дается негативная характеристика активности нерусских(80 паремий), которая, на первый взгляд, является этноспецифической. Следует, однако, обратить внимание на то, что, во-первых, в подавляющем большинстве случаев объектом критики оказывается не иностранец, а некий условный «сосед» – лицо иной этнической принадлежности, которое живет в одной стране с субъектом оценки и с которым русскому поэтому часто приходится вступать в контакт. Во-вторых, оценка активности и видов ее проявления в своей массе не характеризует отдельный этнос, а обусловлена видом контакта (торговля, экономическая деятельность, противостояние ассимиляции русскому населению).

Как правило, для этнических соседей повышенная активность отмечается в речевой коммуникации, в практической деятельности или при проявлении психоэмоциональных качеств.

В коммуникации такая активность зачастую расценивается как обусловленная стремлением обмануть собеседника: *Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается*; *Хохол не соврет, да и правды не скажет*; *Грек скажет правду однажды в год*; *Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается*. Приведенные паремии синонимичны. Их наличие демонстрирует, что негативная активность речевого общения, направленная на обман, не выступает как исключительное свойство одной народности. Справедливос-

ти ради, тем не менее, отметим, что в материале встретились паремии, устанавливающие своеобразную градацию проявления активности в стремлении к обману у различных инородцев: *Наскочил цыган на жидовина*; *На одного жида – два грека, на грека – два армянина, на одного армянина – два полтавских дворянина.*

Даже в тех случаях, когда пословица сосредоточивает внимание только на одной народности, не упоминая других, вывода об этноспецифичности отмечаемой черты сделать нельзя, так как этому мешает информация, получаемая при анализе устойчивых словесных комплексов непаремийного типа. К примеру, только чуваши характеризуются в пословице как неспособные к конструктивному диалогу: *Чуваши хоть сто человек, все вместе говорят*. Однако указание на те же черты – крикливость, повышенную эмоциональность в разговоре, нежелание или неумение слушать собеседника – можно обнаружить во фразеологических единицах *мордва полоротая; крик, как в жидовской школе; как на польском сейме* (*шум и бестолочь* – коммент. В.И. Даля).

В практической деятельности, направленной на получение материальных благ, активность представителей инокультурных сообществ предстает как желание обокрасть других (*Цыган даром мимо не пройдет*; *На волка помолвка, а цыган / татарин кобылу украл / съел*) либо обратить экономические расчеты в свою пользу: *Поживем, как братья, посчитаемся, как жиды*; *Жид на ярмарке – что поп на крестинах*; *Медведь пляшет, а цыган деньги берет*.

В кругу психоэмоциональных качеств критикуется излишняя горделивость: *Князь, а князь, возьми-ка тройчатки, пособи навоз навалить!* (дразнят татар); *Хоть с голоду пухнем, да на воле живем* (*дразнят обнищавших нижегородских татар* – коммент. В.И. Даля) – и упрямство: *Калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит; Лях и умирает, а ногами дрягает*. С паремийными контекстами об упрямстве инородцев созвучны фразеологические единицы *упрям, как рыжий зырянин*; *бейся с ним, как с Литвой* (*об упрямом* – коммент. В.И. Даля).

Когда критически характеризуется внутриэтническая активность, не предполагающая контакта с русскими, иронической оценке подвергается чужая культура питания (реальная или вымышленная): *Барин – татарин, кошку обжарил* (*насмешка над господами, которые едят все, напр. зайца* – коммент. В.И. Даля); *Жид свиное ухо съел*; *Семеро грузин мухоморов объелись*; *Что пороты уши (у лошади), так и татарин не съест?*

Негативная активность иностранцев рассматривается как агрессивность, проявляемая их сообществом по отношению к русским и отражает память о военных действиях различных эпох (монголо-татарское иго, войны России с Польшей, Отечественная война 1812 года), ср.: *Неволей только татары берут; Сидячего татары берут*; *Поляки с пушками, а мы с клюшками* (осада Сергиевской лавры при Самозванце – коммент. В.И. Даля); *Француз/поляк боек, а русский стоек* и др. Неодобрение такой активности подчеркивается и указанием на ее отрицательные последствия: *Сам себя сжег француз, сам и поморозил*; *Пуганый француз и от козы бежит*; *Брешешь, ляше, по Збруч наше*.

В общем в русских паремиях XIX века внимание сосредоточивается не на этнической специфике проявления активности, а на том ее аспекте, который сам по себе, с точки зрения русского сознания, достоин осуждения.

1. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. – М., 2008. – С. 3–17.

2. *Бехтерев В.Ф.* Активность личности: психолого-педагогические аспекты воспитания в современных условиях: Учеб. пособие. – Красноярск, 1996. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Активность_личности.

3. Большой энциклопедический словарь. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_bes/narodnost-41028.html.

4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М., 2000. – 616 с.

5. *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.

6. *Жукова М.Е.* Проблема толерантности в зеркале русских пословиц и поговорок. – Вестник новгородского государственного университета. – 2006. – № 36. – С. 58–60.

7. *Зыкова Г.Н.* Философский аспект проблемы социальной активности: дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1983. – 195 с. – Режим доступа: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/156122.html.

8. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах: Учеб. пособие. – СПб., 2006. – 280 с.

9. *Лаврова Е.* Отношение к пьянству в пословицах и поговорках русского народа. – 2003. – Режим доступа: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/39600.

10. *Маруневич О.В.* Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 31 с.

11. Нация // Современная энциклопедия. 2000. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32390.

12. *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре 18-19 вв. // Одиссей. – М., 1993. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/o/obolenskaja_s_w/obraz.shtml.

13. *Савенкова Л.Б.* Представление об активности и пассивности в русской паремиологии // Русский язык и активные процессы в современной речи: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. – М., Ставрополь, 2003. – С. 194–196.

14. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск, 2003. – 1312 с.

15. *Фасмер М.* Немец // Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. – М., 1987. – Т. 3. – С. 62.

к.ф.н., доцент С.И.Суровцева (Челябинск)

СУБКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ С УКАЗАНИЕМ НА ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мы в нашем исследовании рассматриваем предлоги с темпоральным значением в современном русском и французском языках. Современная лингвистика переживает этап переосмысления значимости релятивных единиц в языке, так как в настоящий период круг значений и употреблений предлогов расширяется и исследование их семантических свойств становится одной из актуальных проблем. Хотя имеется немало публикаций и работ по проблеме предлогов в русском языке, всё же многостороннего целостного описания семантико-грамматических структур отдельных групп релятивных единиц, рассматриваемых в сопоставлении с французским языком, в лингвистике ещё не так много. «Предлоги представляют собой грамматическое средство выражения «отношения «определяющего» имени к «определяемому» слову (5,10). Категориальное значение предлогов внешне проявляется в сочетаемости их с другими словами, так как предлоги функционируют только в условиях двусторонней синтаксической связи, то есть осуществляет связь между словом зависимым и словом главным синтаксически (*приду* **в** *полдень*). Лексические значения предлогов носят общий и частный характер. Общий характер – это то значение, которое объединяет все предлоги в одну большую группу. Так, исследуемые нами предлоги, объединены в группу с временным значением. А частный – это то значение, которым данный предлог отличается от других предлогов той же самой функционально-смысловой группы, то есть значения, дифференцирующие различные оттенки одного и того же общего лексического значения. Частное значение как бы составляет «внутреннюю форму» (5,11) предлога, который употребляется для выражения того или иного нюанса наиболее общих смысловых (временных) отношений между словами. Так, к примеру, *я приду* ***в*** *два часа и я всё сделал* ***в*** *полтора часа*, различия в характере, выражаемых этими конструкциями временных отношений устанавливается только по самим предлогам – то есть по их внутренней форме. В первом случае указывается точное время, а во втором – определена продолжительность действия во времени.

Мы считаем, что под категориальным значением следует понимать общее в их значении, что объединяет их в особый класс слов и фразеологизмов, а именно способность выражать синтаксические отношения в языке и речи. То, что Черкасова называет «общим характером», мы определяем как субкатегориальное значение или групповое значение предлогов, которое присуще всем предлогам, составляющим однородную функционально-смысловую субкатегорию и группу. Так, исследуемые нами предлоги, объединены в одну группу с общим временным значением, указывающие на временные отношения: ***через*** *час,* ***после*** *свадьбы,* ***во время*** *конференции,* ***за*** *час,* ***через*** *час,* ***в течение*** *часа,* ***в*** *час* и др.

А то, что Черкасова называет частным значением, это то значение, которое передаёт различные оттенки общего субкатегориального и группового значений. Что касается лексических непроизводных предлогов, то они оформляют синтаксические конструкции и несут в себе указание на смысловые отношения, заключённые в релятивной семантике(6, 2003).

Способы выражения темпоральных отношений не оторваны от способов выражения пространственных отношений: они развиваются на их основе. В.В. Виноградов пишет, что «временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе». Профессор Л.П. Якубинский подчёркивает, что в русском языке нет ни одного чисто временного предлога, который по своему происхождению «не был бы пространственным» (7, 255). Мы полностью согласны с мнением Н.И. Букатевича о том, что пространственные и временные отношения связаны друг с другом (2). О перенесении пространственных понятий в область временных свидетельствует употребление слова «место» для выражения временного предела. Далее Н.И. Букатевич приводит примеры, которые наглядно демонстрируют подтверждение этой мысли.

Лексические производные предлоги обладают более ярко выраженной семантикой, что объясняется, конечно же, наличием сем, приобретённых от знаменательного слова-источника. Так, лексический производный предлог ***спустя*** (кого, что) употребляется при указании на ‘прошествие какого-либо времени, по истечении какого-либо времени’. Сема ‘переместить что-либо сверху вниз’ содержится в лексическом значении предлога, и она была актуализирована из значения деепричастия спустя. Данный предлог употребляется только с временным значением, что реализуется наиболее ярко в сочетании со следующими словами: существительными, имеющими указание на какой-либо временной период, минута, секунда, день, год, месяц, десятилетие, неделя, час, век. Степень обобщённости семы времени возрастает, когда существительное в конструкции с предлогом употребляется с каким-либо числительным: два, двадцать, три, десять и пр. Например, *Три часа* ***спустя*** *после бегства короля к Переволочне подоспела конница Меншикова* (Пронин). В нашей картотеке часто встречается неопределённо-личное местоимение несколько, которое привносит неопределённость промежутка времени, несёт указание на небольшой его период, протяжённость. *Несколько месяцев* ***спустя*** *москвичи читали листы, прибитые у стен Кремля, в Китай-городе, у Чудова монастыря и в других людных местах* (Пронин). *Несколько минут* ***спустя*** *по радио объявили регистрацию билетов и сдачу багажа на рейс 247 Баку-Москва* (Незнанский).

Лексическое значение деепричастия, к которому восходит предлог ***спустя*** (что), не утрачивается бесследно: его дифференциальная сема ‘переместить что-либо’ реализуется в составе временного предлога. Лексические предлоги с временным значением содержат темпоральный элемент слова наречия, деепричастия, на базе которых они образовались. Так, производные лексические предлоги ***вперёд*** (кого, чего), ***назад*** (что), ***накануне*** (чего), ***начиная*** (кем, чем), ***около*** (кого, чего), ***погодя*** (что), ***после*** (кого, чего), ***прежде*** (чего), ***посередине*** (кого, чего), ***посреди*** (кого, чего), ***среди*** (кого, чего), ***сквозь*** (что), ***кончая*** (кем, чем), ***близ*** (кого, чего) содержат сему указание на “временной промежуток”. И только лексический предлог ***вне*** (чего) не имеет

указания на временной период, а несёт в себе сему пространства. Однако надо заметить, что в сочетании с существительными, содержащими сему времени, данная конструкция носит временной характер. Например, *действовать* ***вне*** *времени*.

Индивидуальное лексическое значение каждого предлога отличаются друг от друга за счёт дифференциальных сем, актуализированных в новом значении из лексических значений слов-источников. Так, к примеру, наречие *накануне* означает «в предыдущий день». Предлог *накануне* (кого, чего) употребляется при указании на что-либо «непосредственно перед чем-нибудь». Наречие *накануне* указывает на предыдущий день, а предлог *накануне* (кого, чего) указывает на событие или действие, которое имело место перед чем-либо. Например, ***Накануне*** *выступления Сергей Трубецкой был избран диктатором* (Буганов). *В стихотворении «Желание», написанном* ***накануне*** *революции, он ясно и недвусмысленно объяснил*…(Гуляев).

Предлог во французском языке может функционально сближаться с флексией падежа, передавая то же синтаксическое отношение (*Le livre* ***de*** *Pierre – Книга Петра*). В связи с этим К.де Бур выдвинул теорию о предложном склонении, которая заключалась в выделении им трёх типов предлогов: падежные (***a, de***), полупадежные (***par, pour, en, avec***), непадежные (***vers, sans, autour***, etc). Вслед за В.Г. Гаком, мы считаем, что такая точка зрения смешивает форму и содержание в языке. «Субъектно-объектные отношения универсальны, ибо отражают связи субстанций с другими субстанциями и с действием» (4, 265). Эти отношения могут быть выражены различными способами: порядком слов, флексиями (падежами), служебными словами (предлогами). Ни по формальным, ни по содержательным признакам предлог не может быть отождествлён с падежной флексией, так как флексия помогает создать прежде всего падежную форму, а уж затем только значение, тогда как предлог помогает выразить прежде всего падежное значение. Значение предлогов более разнообразно и специализировано, чем значение флексий (4, 266).

Как и в русском языке**,** во французском предлоги функционируют в условиях двусторонних связей, что отмечено Н.М. Васильевой и Л.П. Пицковой «les prépositions ne s'emploient qu'à l'intérieur de la proposition simple où elles servent à marquer la dépendance grammaticale d'un terme (régi) à un autre terme (régissant)» (1,111). Реализация значений предлогов выявляется в «их парадигматических и синтагматических отношениях». На наш взгляд, мнение В.Г. Гака о том, что «значение предлога чаще всего реализуется по связи с зависимым членом, но во многих случаях и по связи с господствующим, а также в зависимости от всего словосочетания и более широкого окружения»(4,27-4)правомерно.Так, к примеру, в словосочетании ***dans*** *la maison* существительное обозначает 'пространство' (дом) и у предлога реализуется пространственная сема 'внутри, в' (в доме), а в словосочетании ***dans*** *un mois* существительное обозначает 'отрезок времени' (месяц), следовательно, реализуется сема 'времени' и данный предлог в этом случае употребляется в значении 'через' (через месяц).

Сопоставительные исследования в разноструктурных языках, несомненно, позволят выявить особенности сопоставляемых языков и получить новые результаты в области структурно-семантических свойств темпоральных предлогов на основе единых методов сравнения.

Частотность употребления предлогов намного выше по сравнению с другими служебными частями речи, как в русском, так и во французском языках, что должно быть отражено в активном словаре, однако до сих пор полного отражения предлогов в толковых словарях не наблюдается.

1. Васильева, Н.М. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. / Ускоренный курс. На французском языке // Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1991. – 299 с.

2. Букатевич, Н.И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке / Н.И.Букатевич. - Ч. 1. – Одесса, 1957. – 145 с.

*3. Гак, В.Г. Т*еоретическая грамматика французского языка. Морфология. /Для ин-тов и фак. ин. яз.// В.Г. Гак. – М.:«Высшая школа», 1979. –304с.

4. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским // В.Г. Гак / Учебное пособие. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.

5. Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т.Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

6. Шиганова, Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г.А.Шиганова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 306с.

7. Ярцева, В.Н. Сопоставительная лингвистика и проблема вариантности языка / В.Н.Ярцева // Филологические науки. – 1986. - № 5. – С. 3-11.

к.ф.н., доцент Н.Б. Усачева (Курган)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Значение желательности является абстрактным грамматическим представлением, отражающем рациональную оценку субъектом говорящим действия как целесообразного.

Изучение семантики желательности имеет в русской грамматике прочные традиции. Проблемой репрезентации семантики желательности в разное время занимались известные и авторитетных ученые, такие как А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова, П.А. Лекант, А.В. Бондарко, Н.Д. Арутюнова и многие другие.

Поле оптативности объединяет единицы разных уровней языковой системы. На лексическом уровне сема желательности присутствует в структуре значения как знаменательных, так и незнаменательных частей речи: существительных (желание, тяга, страсть, мечта, каприз), прилагательных (желательный, соблазнительный), глаголов (желать, хотеть, ожидать), наречий и слов категории состояния (желательно, полезно), частиц (хоть бы, лишь бы, только бы), модальных слов и фразеологизмов (надеюсь, хочется верить). В этих случаях семантика желательности выступает как элемент индивидуального значения единиц, категориальное, субкатегориальное и групповое значения единиц при этом могут быть различны.

Грамматическим центром поля оптативности является условное наклонение в случае реализации «условно-желательной» семантики (В.В. Виноградов 1947:602). На синтаксическом уровне желательность рассматривается как «синтаксическое желательное наклонение» (Русская грамматика 1980, т.II: 105-110), то есть в качестве специфического модального типа предложения, передающего грамматическое значение желательности какой-либо ситуации для субъекта, например: **Села бы** баба за стол, Да стол за ворота ушёл. **Сварила бы** баба щи, Да кастрюлю поди поищи! *К.И. Чуковский. Федорино горе.*

Предметом нашего исследования являются фразеологические единицы, объединенные на групповом уровне семой желательности, например: *иметь желание, иметь охоту, воспылать желанием, выражать желание, гореть желанием, гореть нетерпением,изъявить желание, лелеять мысль, почесть за лучшее, ощутить желание, ощутить потребность, руки чешутся, томить желанием* и мн. др.:

Большая часть фразеологических связок со значением желательности включает в себя именной компонент «желание», индивидуальные семы слова «желание» формируют групповую семантику единиц. По данным МАС, у слова «желание» два значения: 1. Внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л. Это значение имеет оттенок: высказанное кем-либо стремление к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-л.; просьба, пожелание. 2. Любовное влечение, вожделение. (МАС, т. 1: 475)

Именно на базе первого значения формируется обобщенная семантика большей части исследуемой группы фразеологических связок. Почти все именные компоненты, участвующие в образовании фразеологизмов данной группы входят в синонимический ряд, имеющий доминантой слово «желание»*: охота, прихоть, соблазн, тяга, тяготение.* Примыкают к этому ряду близкие по значению существительные *потребность, каприз, мечта, нетерпение, стремление, страсть*.

Разнообразные оттенки проявления семантики желательности выражают глагольные компоненты, именно семы глаголов, ставших компонентами фразеологизма, позволяют детализировать способы проявления желания, охарактеризовать его во временном плане, отразить степень интенсивности желания. Такие характеристики позволяют дифференцировать фразеологические связки со значением желательности по трем основаниям:

1. По характеру проявления желания единицы исследуемой группы разделяются на два типа: фразеологизмы, в которых желание субъекта-лица находит внешние способы выражения (эксплицитная желательность) и единицы, обозначающие скрытое желание, не имеющее внешних проявлений (имплицитная желательность).

Внешние проявления желательности совершения какого-либо действия могут быть вербальными, например, устными:

Он вслух **выражал нетерпение** поскорее увидеть мать, бабушку. *А. Фадеев. Молодая гвардия.* Случилось так, что государю угодно было весьма заинтересоваться одним вопросом по школьному делу, и он при министре **выразил желание** как можно скорее иметь подробную записку. *А.И. Куприн. Колесо времени.* Все присутствующие **изъявили желание** узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя в

некотором роде целую поэму… *Н.В. Гоголь. Мертвые души.* Однажды Бестужев **высказал желание** пробежать вместе с Анной на лыжах на соседний остров. *К. Паустовский. Северная повесть.*

Реже наблюдаются употребления, в которых фразеологические связки характеризуют вербальное желание, выраженное письменно, например:

Изъявляете желание, маточка, в подробности узнать о моем житье-бытье и обо всем меня окружающем. *Ф.М. Достоевский. Бедные люди.* Но, может быть, такое домогательство с моей стороны превышает меру Вашего доброго ко мне расположения, и поэтому я позволяю себе только **выразить** это **желание** простить меня. *И.А. Гончаров. Письма Л.Н. Толстому.*

Кроме того, эксплицитная желательность наблюдается в тех случаях, когда субъект доводит до сведения собеседника свое желание/нежелание совершить какое-либо действие, используя невербальные средства: мимику, соответствующие жесты, телодвижения и под.:

Он (Гез) умолк и ничем **не выразил желания** продолжать разговор. *А. Грин. Бегущая по волнам.* Нахмурившись, я опустил глаза в чашку, чтобы **выразить свое нежелание** знакомиться, но старик, не смущаясь, заговорил со мной. *В. Брюсов. Богатство.* Никто из граждан **не выразил желания сесть** в машину «Эх, прокачу!» *И.Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.* В этот памятный вечер, когда я спросил, кто хочет идти со мной вестовым на войну, - весь эскадрон сделал шаг вперед и **выразил желание** не отставать от своего командира. *А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю.*

Имплицитное желание характеризует скрытые, внешне никак не выраженные состояния человека, которые только потенциально могут быть реализованы.

Бобров **лелеял надежду** поговорить с ней наедине. И она, точно угадывая его желание, пошла ему навстречу. *А.И. Куприн. Молох.* Он **чувствовал желание** еще что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.* Я **лелеял надежду** увидеть ее в ближайшие дни. *Куприн. Олеся.* Уж давно я, давно я **скрывал тоску** Перебраться туда, к их кочующим станам, Чтоб разящими волнами их сверкающих скул Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана. *С. Есенин. Пугачев.*

Эксплицитно выражаемые желания сопровождаются волевыми, внешне проявляющимися, усилиями субъекта, контролируются им (он может сказать и не сказать, написать и не написать, сделать шаг вперед и не сделать и т.д.). Такие употребления характеризуют готовность субъекта прилагать определенные усилия для удовлетворения желания и шире – достижения цели. Имплицитная желательность замкнута в субъекте, не подразумевает волевых усилий субъекта, который, стремясь достичь желаемого, не проявляет внешней активности.

2. По временной характеристике желания фразеологические связки могут, во-первых, указывать на возникновение психического состояния желания какого-либо действия, во-вторых, на прекращение желания. Небольшая часть фразеологических связок с групповой семой желательности характеризует изменения в данном состоянии.

Зарождение желания, момент его начала, обычно передается связками, содержащими глагольные компоненты «возникло», «являлось», «почувствовать», «вызвать» и под.:

Его охватила досада, **возникло желание** воспротивиться чему-то. *Ю. Олеша. Любовь*. У него **возникло** непреодолимое **желание выпить** холодного пива. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.* Он только **ощутил** вдруг глупейшее **желание**: упасть в них, в облака, как в вату. *В. Шукшин. Чудик.* Челкаш **ощутил** в себе острое **желание** дать Гавриле пинка, чтобы он слетел в воду. *М. Горький. Челкаш.* Ночью, сидя на дворе, на поленнице дров, я **почувствовал** настойчивое **желание** рассказать кому-нибудь о бабушке. *М. Горький. Мои университеты.*

Противоположной является такая характеристика желательности какого-либо процесса, которая отражает конечную фазу этого состояния, его прекращение. На создание такой семантики «работают» семы глагольных компонентов «пропадать», «отбивать», «подавить», «побороть» и т.п.:

Публикацией писем Мандельштама воспользовались как поводом для того, чтобы **отбить охоту** у издательства лояльно сотрудничать с редакцией «Записок». *А. Мильчин. Из жизни одного издательства.* Жаль, право, что эти добрые люди так сплетничают; это **отнимает** всю **охоту** ходить к ним. *А.И. Герцен. Кто виноват?* Однако, он не нашел в себе достаточно сил, чтобы **побороть** свое **желание** познакомиться с девушкой, которую он уже несколько дней подряд встречал на улице и в столовой. *В.П. Катаев. Алмазный мой венец.* Там было до того душно и мерзко, что **пропадало** всяческое **желание** сидеть, хотелось как можно быстрее вырваться из этого винного смрада. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.*

Для того, чтобы охарактеризовать изменения в состоянии желания, его длительность, характер изменений, происходящих в субъекте в то время как он испытывает желание, используются следующие фразеологические связки:

В душе его **возродилось желанье** непреоборимое **схватить** славу сей же час за хвост и показать себя свету. *Н.В. Гоголь. Портрет.* Еще **теплится желание** гулять по улицам, лениво глядеть на витрины и радоваться жизни. *«Курган и курганцы», 2001, №7.* **Желание** пойти и признаться во всем **слабело** с каждым мгновением. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.*

Фазовая характеристика состояния желательности процесса обусловлена необходимостью для субъекта не только передать свое отношение к названному действию как желательному, но и обозначить фразеологическими средствами временную характеристику желания (его начало, конец или продолжение).

3. По степени интенсивности желания различаются фразеологические связки, выражающие яркое, нестерпимое, напряженное желание и характеризующие норму проявления признака.

Высокая степень напряженности состояния желания наблюдается у фразеологических связок, имеющих в своем составе глагольные компоненты «гореть», «мучить», «жаждать», «вспыхивать», «дрожать» и др.:

Инсаров давно кончил все свои сборы и **горел желанием** поскорее вырваться из Москвы. *И.С. Тургенев. Накануне.* Кот **горел нетерпением** показать свои способности Маргарите. *М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита.* Видно было, что ее ужасно **мучило желание** что-то сказать, заступиться. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.* Он изъездил всю Сибирь, побывал на Амуре, в Китае, **сгорал нетерпением** начать какое-нибудь соб-

ственное дело, - такое, которое привело бы его к обогащению. *И.А. Бунин. Соотечественник.* Ему показалось, что Солдатов **жаждал случая** ударить Мишку. *М.А. Шолохов. Тихий дон.*

Наиболее продуктивны здесь единицы с глагольным компонентом «гореть» и его производными. В свободном употреблении глагол «гореть» имеет значение «быть охваченным каким-либо сильным чувством, со страстью отдаваться чему-л. (какому-л. чувству, делу)» (МАС, т. 1:333). Именно это значение служит основой создания семантики подобных фразеологизмов. Такую особенность в процессе фразообразования совершенно справедливо заметил В.П. Жуков: «компоненты многих фразеологизмов часто не полностью утрачивают связь с одинаково звучащим словом свободного употребления» (Жуков 1978:91).

Высокая степень проявления желания может быть выражена и словом с атрибутивной семантикой, которое «вклинивается» между компонентами фразеологической связки и, включаясь в синтаксическую структуру единицы, в значительной степени влияет на ее семантическую структуру, например:

В его больной издерганной душе вдруг **зажглось** *нестерпимое* **желание** любить. А.И. Куприн. *Молох.* Стаховичу было страшно, им **овладело** *безудержное* **желание** уйти вместе с другими, но уйти было неловко. *А. Фадеев. Молодая гвардия.* Ее **одолевало** *дикое* **желание** закричать, и в то же время непонятная сила удерживала ее от этого. *И.А. Ефремов. Лезвие бритвы.* Среди лекции к горлу подступают слезы, начинают чесаться глаза, и я **чувствую** *страстное, истерическое* **желание** протянуть вперед руки и громко пожаловаться. *А.П. Чехов. Скучная история.*

Условная, выявляющаяся на основании сравнения с интенсивной, норма проявления состояния желания является немаркированным членом противопоставления и наблюдаются в большом количестве употреблений фразеологических связок со значением желательности действия:

Он только **ощутил** вдруг глупейшее **желание**: упасть в них, в облака, как в вату. *В. Шукшин. Чудик.* Охваченный конкретной заботой, он **имел охоту** рассуждать о бренности земного. *В. Быков. Довжик.* Но Ленский, **не имев**, конечно, **охоты** узы брака несть, с Онегиным желал сердечно знакомство покороче свесть. *А.С. Пушкин. Евгений Онегин.* Петр Петрович стоял уже со шляпой в руке, но **имел**, видимо, **желание** бросить перед уходом еще несколько умных слов. *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.*

Таким образом, фразеологические связки, выражающие желательность совершения действия, наряду с другими языковыми единицами разных уровней существуют в языке для вербализации чувства-состояния человека, испытывающего какую-либо потребность. В функции фразеологических связок со значением желательности входит выражение желания эксплицитного и имплицитного, характеристика фазы желания (его начала, продолжения и конца), а также указание на интенсивность желания, испытываемого субъектом.

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
2. Русская грамматика АН СССР. – М., 1980. Т. II.

3. Словарь русского языка / в 4-х томах.- М., 1957 - 1961. (МАС).
4. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.

к.ф.н., доцент М.Л. Хохлина (Астрахань)

РОЛЬ ИНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследование фразеологической национальной картины мира в аспекте кросскультурности (взаимопроникновения культур и языковых миров) предполагает обращение к проблеме проецирования инокультурных реалий в семантику единиц косвенно-производной номинации. В рамках соотношения фразеологической семантики и символа особую актуальность приобретает осмысление тех кодовых механизмов, при помощи которых фраземы приобретают свое содержание (Золотых 2007: 86).

По утверждению В.А. Масловой, «каждый символ должен интерпретироваться только с учетом специфики его функционирования в конкретном социокультурном контексте. Символ, закодированный в контекст разных культур, имеет в них различный смысл» (Маслова 2007: 178). В связи с этим возникает необходимость в разграничении (А) культурного знака, получившего смысловое развитие и ставшего символом, (Б) фраземы как результата оязыковления символа и (В) фраземы, содержащей в своей семантической структуре символьный или квазисимвольный компонент.

Сравните, например: (А) ***льва*** как национальную эмблему Великобритании, использованную в государственном гербе (культурный знак), (Б) фраземе ***британский лев*** – ‘публ. О Великобритании, о британской нации’ и (В) фраземы типа ***львиная доля*** – ‘большая, существенная часть чего-л.’, ***биться (сражаться, драться и т.п.) как лев*** – ‘храбро, отчаянно’ и др. Инокультурный национальный символ *лев* становится когнитивным основанием формирования фразеологического значения единицы ***британский лев***, родившейся в «чужом» дискурсивном пространстве: по данным историко-этимологического словаря «Русская фразеология», выражение впервые употреблено в тексте поэмы Дж. Драйдена «Лань и барс» (ИЭС 2005: 378). Иными словами, идиоматизация сочетания происходит в рамках когнитивно-дискурсивной ситуации художественного текста. Фразема ***британский лев*** как фрагмент фразеологической национальной картины мира функционирует в лингвокультурном пространстве русского языка с целью обозначать реалии «чужой» культуры. Например: ***Британский лев*** *рычит, но не кусается. Слухи об ужесточении правил получения британской визы переполошили туристов и заставили Российскую ассоциацию туристических агентств затребовать разъяснений в посольстве Великобритании* (Московский комсомолец, № 22 / 745, 2001 г.). В данном контексте – статье, посвященной одному из вопросов межкультурных контактов между Россией и Великобританией, – индивидуально-авторское употребление инокультурной фраземы

в экспрессивных целях связано с процессами дефразеологизации и буквализации ее идиоматического значения.

Семантика других фразем с компонентом *лев* опирается на символическое значение, которое развивается у культурного знака *лев* как элемента мировой культуры – божественная, солнечная энергия, королевская власть, сила, храбрость, мудрость, справедливость и др. (Тресиддер 1999: 181). Так, в основу фразеологического значения фраземы ***биться (сражаться, драться и т.п.) как лев*** положен распространенный, характерный для многих культур архитектурный образ человеческой храбрости, равной храбрости льва (в частности, образ библейского Самсона, разрывающего львиную пасть).

Приведенный пример подтверждает выдвинутое М.Л. Ковшовой положение о том, что «те или иные компоненты фразеологизмов могут считаться символами, если они обнаруживают устойчивое символьное прочтение и за рамками фразеологизмов – в многочисленных фактах культуры, разъясняющих культурный смысл своих знаков» (Ковшова 2009: 29). Подобные компоненты фразем, как и сами знаки вторичной номинации, в большинстве случаев носят универсальный характер (***голубь мира*** и др.).

По словам Ю.М. Лотмана, «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» (Тхорик, Фанян 2006: 221). Следует отметить, что в некоторых случаях символ может осознаваться как часть «чужой» культуры и как таковой репрезентироваться в национальном лингвокультурном пространстве в составе инокультурной фраземы. Например, фразема ***галльский петух*** –'*книжн.* Перифрастическое наименование Франции и французов' –возникает в результате оязыковления инокультурного символа *петух*. В инокультурной дискурсивной среде в диахроническом срезе культуры наблюдается несколько этапов формирования устойчивой ассоциативной связи между культурным знаком *петух*, с одной стороны, и Францией, французами, с другой. По версии, представленной в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология», галлами древние римляне называли кельтов, населявших территорию современной Франции. Латинское слово *gallus* означает не только «галл», но и «петух». Французский ученый А. Блок считает, что римляне назвали так кельтов из-за огненно-рыжих волос, напоминавших петушиные гребешки. Во Франции в разное время выпускались монеты с изображением петуха, который первоначально должен был символизировать бдительность, а затем стал национальной эмблемой (ИЭС 2005: 529). На фразеологическом уровне процесс отражения культурных реалий в семантике знака косвенно-производной номинации сопряжен с развитием антропонимического значения у анималистического компонента.

Структурный элемент *петух* входит также в состав инокультурной фраземы ***гамбургский петух*** – 'о драчливом, задиристом, запальчивом человеке'. Скорее всего, в русском языке единица получила широкое употребление после того, как прозвучала в художественном фильме «Джентльмены удачи», где герой Е. Леонова с целью морально уничтожить своего сокамерника ругался: *«Сарделька, сосиска, редиска. Навуходоносор.* ***Петух гам-***

бургский!» На наш взгляд, формирование фразеологического значения данной единицы носит интеркультурный характер, обусловленный корреляцией когнитивно-дискурсивных пространств «Своего» и «Чужого». Компонент *петух* в составе фраземы развивает символическое значение, характерное для русского («Своего») лингвокультурного пространства. Сравните с переносным значением лексем *петух* – ‘разг. о задорном человеке, забияке’ и *петушиться* – ‘разг. вести себя задиристо и запальчиво, горячиться’. Смысловая реализация компонента *гамбургский*, предположительно, связана с дискурсивной ситуацией, лежащей в основе фраземы ***гамбургский счет*** – ‘об оценке чего-л. без скидок и уступок, с предельной требовательностью’. Смысл названия вышедшего в 1928 г. сборника критических статей литературоведа В.Б. Шкловского «Гамбургский счет» объясняется в программной статье: «Гамбургский счет – чрезвычайно важное понятие… Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах здесь устанавливаются истинные классы борцов, – чтоб не исхалтуриться» (ИЭС 2005: 681). Следовательно, некогда заинтересовавшая В.Б. Шкловского инокультурная ситуация становится когнитивной базой формирования двух фразем, во фразеологическом значении каждой из которых объективируются разные ее аспекты.

Универсальное символическое значение компонента *петух* объективируется в таких фраземах, как ***первые (вторые, третьи) петухи*** – ‘об определении времени по троекратному в ночь пению петухов (полночь, время перед зарей и заря)’, ***до петухов (первых, поздних)*** – ‘очень рано, до рассвета’, ***с петухами вставать (просыпаться* и т.п.)** – ‘очень рано утром’, ***с петухами ложиться (засыпать и т.п.)*** – ‘очень рано вечером, с заходом солнца’. Петух является вестником зари и символом солнца в культурах многих народов. С древних времен петуху присущ и защитный символизм, т.к. согласно народным поверьям, ночные призраки исчезают с первым криком петуха.

Наконец, этнокультурное символическое значение компонента *петух* реализуется во фраземе ***пустить красного петуха*** – ‘поджечь что-л., устроить пожар’, известной еще древним славянам, в представлениях которых именно красный петух связан с пожаром (ср. со сказочным образом *жар-птицы*). Восточные славяне верили, что если в хозяйстве умрет петух, то случится пожар. Петух кричит и бьется в окно – предсказывает пожар.

Следовательно, один и тот же культурный знак становится воплощением определенной культурной идеи и может получать универсальную, инокультурную или этнокультурную символическую интерпретацию в составе единиц фразеологического корпуса русского языка.

Инокультурные компоненты зачастую развивают символическое значение только в пределах фраземы. Такие символы «читаются» в рамках национальной фразеологической картины мира и утрачивают свое значение за ее границами. Подобные компоненты инокультурных фразем рассматриваются нами, вслед за М.Л. Ковшовой, как *квазисимволы*. Так, наиболее емкой, по нашим данным, является группа фразем, в которых инокультурный топонимический компонент выступает символом земного рая. В данную группу, например, входят фраземы: ***аркадская идиллия*** – ‘*книжн., часто ирон.* Беспечное, ничем не омраченное существование’, ***в Греции все есть*** –

'*шутл.-ирон.* У нас имеется все', ***идти / пойти (отправляться / отправиться) в Мекку*** – '*книжн.* Посещать место своих грез, предмет поклонения', ***новый Иерусалим*** – '*книжн. высок.* О будущем счастливом, справедливом обществе' и др.

Таким образом, фрагментом национальной фразеологической картины мира являются инокультурные фраземы, в семантическую структуры которых входит символический компонент. Если процесс формирования символического значения развивается в «Чужом» дискурсивном пространстве, в «Своем» лингвокультурном пространстве происходит его смысловая реализация. Для некоторых фразем характерно закрепление за тем или иным инокультурным компонентом символического значения только в рамках «своей» лингвокультуры.

1. ИЭС – *Бирих, А. К.* Русская фразеология : историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова : под ред. В. М. Мокиенко ; СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

2. *Золотых, Л. Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики : монография / Л. Г. Золотых. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 265 с.

3. *Ковшова, М. Л.* О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов / М. Л. Ковшова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. – С. 27–31.

4. *Маслова, В. А.* Homo lingualis в культуре : монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.

5. *Тресиддер, Дж.* Словарь символов / Дж. Трессидер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

6. *Тхорик, В. И.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация : учеб. пос. / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – М. : ГИС, 2006. – 206 с.

к.ф.н., доцент Н.В. Щербакова (Харків, Україна)

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З АНТРОПОНІМІЧНИМ КОМПОНЕНТОМ У ЛЕКСИЧНОМУ НАПОВНЕННІ: ДО ПИТАННЯ ПРО ВНУТРІШНЮ ФОРМУ

Загальновизнаною є думка про те, що фразеологічний корпус кожної окремо взятої мови являє собою "найбільш самобутнє його явище" не лише в плані системно-регулярної аномальності, а й у плані вираження національної самобутності народу як носія мови (Телия, 1996: 214-215). Ю. Ф. Прадід виокремлює деякі конкретні способи, за допомогою яких і здійснюється процес відображення національних особливостей за допомогою фразеологізмів; це зокрема: 1) нерозчленовано, комплексно, всіма елементами, разом узятими, тобто фразеологічним значенням; 2) розчленовано, тобто словами-компонентами; 3) прототипами, оскільки генетично вільні словосполучення опи-

сують певні звичаї, традиції культури, побуту того чи того народу (Прадід, 1997: 34). До вказаних засобів можна додати і внутрішню форму, оскільки саме вона, виступаючи образним посередником між планом вираження й планом змісту, синтезує деякі аспекти світобачення і так чи інакше пов'язана з матеріальною, соціальною й духовною культурою відповідної мовної спільноти, а тому й може певним чином віддзеркалювати її культурно-національний досвід і традиції. Однак мовознавці цілком справедливо вважають фразеологічні одиниці антропометричними знаками, оскільки кваліфікація "шматочка" дійсності, названого ФО, практично завжди співвідноситься з відповідними властивостями людини. Зазначене, очевидно, й пояснює той факт, що значний масив фразеологізмів кожної окремої мови спроектовано на означення людини. Саме фразеологізми слушно вважають яскравим засобом характеристики людини, вони безпосередньо вказують на події, що пов'язані з акціональним виявленням властивостей поведінки людей, віддзеркалюють їх ментальні стани і почуття, соціальні диспозиції тощо.

На користь антропометричної призми бачення об'єктивної дійсності свідчить і той факт, що в лексиконі будь-якої мови розділ "Людина" виявляється вивченим найглибше (Караулов, 1976: 39).

Наявність у лексичному наповненні фразеологізмів компонента-назви людини не тільки скеровує дослідження одиниць у напрямку співвіднесення цілісної семантики ФО та участі значення аналізованого слова-компонента в її формуванні, а й чітко орієнтує на пошук відомого, знайомого (прецедентного), співвідносного з властивостями людини образного корелята, що й становить основу фразеологізму-номінанта.

Особливості номінацій, що проектуються на образ людини, вивчали на матеріалі різних мов. Серед науковців, чиї праці пов'язані із зазначеною проблемою, Ю. Д. Апресян, Л. О. Белей, О. О. Білецький, А. А. Бурячок, Т. Т. Вільчинська, В. В. Горбань, Л .Л. Гумецька, М. О. Демчук, Р. Й. Керста, Б. П. Кирдан, Т. А. Космеда, В. В. Лєснова, Л. Т. Масенко, В. О. Никонов, В. В. Німчук, Ю. К. Редько, О. В. Суперанська, О. М. Трубачов, М. Л. Худаш, П. П. Чучка, А. М. Щетинін, Г. М. Яворська та ін. Однак здебільшого дослідження стосувалися вузьких тематичних груп лексики або окремих аспектів їх вивчення.

Корпус фразеологізмів із назвами людини неодноразово залучався дослідниками до аналізу. Спроби етимологічного аналізу ФО з ономастичним компонентом належать М. А. Алексеєнку, А. О. Івченку, О. В. Куніну, В. М. Мокієнку, В. Д. Ужченку та ін.. Національно-культурний компонент у семантиці ФО з компонентами-онімами досліджували Б. М. Ажнюк, Є. М. Верещагін, С. Влахов, Д. О. Добровольський, Р. П. Зорівчак, В. Г. Костомаров, С. Флорін та ін. Узагалі семантику ФО з власними назвами, крім зазначених науковців, вивчали М. Ф. Алефіренко, Н. Д. Бабич, Н. С. Ляшенко, Л. Г. Скрипник, Г. М. Удовиченко та ін.

Репрезентована література свідчить про посилений інтерес науковців до фразеологізмів з компонентами-онімами. Пояснити цей факт, очевидно, можна насамперед тим, що власна назва навіть у вільному вжитку своїм планом вираження може орієнтувати на приналежність до лексикону певної мови. Що ж до національно-культурного компонента в лексичному значенні, то його виділення в семантиці слова є відображенням особливостей менталітету

певного народу. Крім того, на думку деяких учених, природа лексичного значення власної назви базується виключно на прагматиці (Н.Толстой, 1997).

Фразеологізми з антропонімічним компонентом у лексичному наповненні (*дивиться як Ленін на буржуазію, задати Храповицького, півтора Івана*) або ж співвідносні за своєю структурою з антропонімною формулою номінації (*Мороз Іванович, Ваня Вєтров, Розтапша Іванівна, Кобра Львівна*) засвідчують наявність одиниць, що репрезентують вербальну реакцію мовної спільноти на абстрактного типового носія певної виразної риси характеру чи поведінки. Зауважимо, що подібна реакція саме у вигляді фразеологічної одиниці є потребою / можливістю зафіксувати стереотипне сприйняття й оцінку типової (відомої, повторюваної, прецедентної) ситуації, персонажа, поведінки тощо, тобто сумістити називання, характеристику й оцінку в одному акті номінації. Функція власних / псевдовласних назв (антропонімічних компонентів) у лексичному наповненні ФО варіюється від актуалізації лише однієї семи „стать" до комплексу конотативних сем „недоумкуватий чоловік/жінка", „зла жінка", „забудько", „легковажний чоловік", „високий на зріст чоловік" тощо, зумовлених яскравим образом – внутрішньою формою фразеологізму. Часто ядром внутрішньої форми виступає саме антропонімічний компонент, концентруючи у своїй образній структурі стійкий комплекс асоціацій, а, відповідно, й – конотативних значень, на формування яких вплинули численні екстралінгвістичні чинники, зокрема етнопсихологічні настанови, традиції, певні табу, морально-етичні обмеження щодо можливості / неможливості вербалізації окреслених у процесі пізнання рис, учинків людини.

Антропонімікон будь-якої мови, зокрема й української, містить одиниці, що в народній свідомості набули узагальненого значення і перейшли в розряд слів емоційно-оцінного характеру, а отже, в певній комунікативній ситуації вони можуть виконувати функцію додаткового ідентифікатора особи (*Стецько, Марко, Хома, Солоха* тощо**).** Як одиниці традиційно символічні вони набули статусу прецедентних імен і закріпилися в лексичному наповненні фразеологізмів, що самі по собі можуть виступати псевдоназвами несерйозних, невідповідальних, балакучих, дуже крикливих, надокучливих, метушливих, пихатих, ледачих, хитрих, боязливих тощо людей (*язиката Феська (Хвеська), багатенький Буратіно, Альоша приморожений; Зіна з магазина, Люба з дуба; Дунька з водокачки; як Клава; Ваня Вєтров* тощо).

Цілком очевидно, що введення певного антропоніма до лексичного наповнення ФО зумовлене насамперед етнокультурними особливостями вибору одиниць для номінації, реалізованими в алюзивних потенціях власних чи псевдовласних назв. Подібний потенціал пропріальної лексики можливий за умови, якщо онім має стійке асоціативне поле, закріплене менталітетом конкретного народу, індивіда чи певної соціальної групи.

Корпус „промовистих" антропоназв-характеристик в українській мові продовжує поповнюватися за рахунок виникнення перифрастичних одиниць для називання центральних фігур здебільшого політичного, економічного й мистецького простору. Яскравим підтвердженням цього факту є мова українських мас-медіа: ***Бідна Настя*** *Олена Корикова купалась у ванні шампанського* (Дергач, 2009: 28); *Р'яно до справи взявся Піскун –* ***великий Шерлок Холмс*** (Дергач, 2009: 32); *У другій виставі Валерій Гаркалін брав участь разом із* ***відомою Жанною Аркадіївною*** *– Ольгою Прокоф'євою* (Дергач, 2009: 32);

Ще студенткою Нонна Мордюкова одружилася з Тихоновим – ***всесоюзним Штирліцем*** (Дергач, 2009: 33); ***Залізна Леді Ю*** *впевнено долає намічені цілі* (Дергач, 2009: 43); *Золота рибка і* ***золота Лілія*** *побували в Жмеринському районі, щоб підтримати кандидата в депутати обласної ради Валерія Хмелівського* (Дергач, 2009: 43); *А що вже казати про* ***козака Кучму*** *?* (Дергач, 2009: 46); *Лазаренко міг уявити себе* ***новим Сталіним*** (Дергач, 2009: 58); *Наталію Кустинську називали* ***радянською Бріджит Бордо*** (Дергач, 2009: 66); *В обличчі* ***київського тата Карло*** *Миколи Гринька і простодушність, змішана з таємницею, і радість, виткана зі смутку, і смуток, випромінюючий осяяння* (Дергач, 2009: 74). Зазначимо лише, що на вісі „вільне словосполучення – фразеологізм" вони розташовуються нерівномірно з декількох причин. По-перше, деякі з них (*Бідна Настя* – акторка, виконавиця цієї ролі в однойменному серіалі Олена Корикова; *Жанна Аркадіївна* – акторка, виконавиця цієї ролі у відомому ситкомі „Моя прекрасна няня" Ольга Прокоф'єва; золота *Лілія* – гімнастка, олімпійська чемпіонка, засновниця однойменного спортивно-мистецького проекту Лілія Підкопаєва) не втратили зв'язку із першоджерелом і тому не мають необхідної для фразеологізму самостійності, проте для відповідного кола мовців являють собою прецедентні одиниці із властивою концентрацією постійної екстралінгвістичної інформації. По-друге, імена відомих людей (*Сталін, Шерлок Холмс, Штирліц, Бріджит Бордо, Кучма, Леді Ю* – Юлія Володимирівна Тимошенко – екс-голова уряду України) напряму залежать від комунікативної ситуації і можуть актуалізуватися / деактуалізуватися залежно від фонових знань учасників спілкування. По-третє, нове дистрибутивне оточення *київський тато Карло* (про Миколу Гринька – виконавця цієї ролі у фільмі „Пригоди Буратіно") певною мірою нівелює прецедентність антропоніма і зумовлює переінтеграцію сем від „людина похилого віку", „батько Буратіно", „бідний", „змушений важко працювати" до „актор-виконавець ролі". Видається справедливою така думка у зв'язку з існуванням в усному мовленні ФО *працювати як тато (папа) Карло* – „важко працювати".

Образні характеристики, які мотивуються антропонімічними компонентами, зафіксованими в лексичному наповненні фразеологічних одиниць „зчитуються" не зі словникової статті, не через розкодування їх значень, а за внутрішньою формою, що становить інтерес для дослідників різних галузей лінгвістики і являє собою підґрунтя для вивчення формування й модифікації світогляду представників певної національної культури.

1. *Дергач Д.* Словник оінімів українських мас-медіа / за ред. Л. І. Шевченко/ Д. Дергач – К. : Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет", 2009. – 175 с.

2. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

3. *Прадід Ю. Ф.* Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю. Ф. Прадід. – К. ; Сімферополь, 1997. – 252 с.

4. *Телия В. Н.* Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н.Телия. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

5. *Толстой Н. И.* Еще раз о «семантике» имени собственного / Н. И. - Толстой // Толстой Н. И. Избранные труды: в двух томах. – М. : «Языки русской культуры», 1997. – Т. 1.: Славянская лексикология и семасиология. – С. 395–396.

6. *Толстой Н. И.* Заметки о славянских именах собственных / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. Избранные труды: в двух томах. – М. : «Языки русской культуры», 1997. – Т. 1.: Славянская лексикология и семасиология. – С. 378–394.

к.ф.н., доцент Л.Ф. Щербачук (Киев, Украина)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *«ТРУД» («ПРАЦЯ»)* В УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Проблематика нашего исследования связана с концептуализацией и категоризацией фрагментов действительности фразеологическими средствами украинского языка. Язык выступает неотъемлемым компонентом сознания, его инструментом, посредником между человеком и концептуальной картиной мира, которая отражает его в языковых формах. Концептуальная картина мира рассматривается как представление в сознании интериоризованного человеком мира [Селиванова 2006: 259]. В центре культурного пространства стоит человек и ключевыми концептами культуры являются те, которые непосредственно связаны с ним. В украинском лингвоментальном пространстве таким, бесспорно, может быть назван концепт ТРУД (ПРАЦЯ).

Человек строит всю свою жизнь в разных сферах – повседневном быту, экономике, политике, трудовой деятельности и т.п., опираясь на совокупность правил и норм поведения. Рассмотрим репрезентацию концепта ТРУД (ПРАЦЯ) фразеологическими единицами украинского языка в содержательном и морально-этическом аспектах.

В когнитивной лингвистике основной единицей, которая аккумулирует в себе язык и культуру в их взаимопроникновении, есть концепт, однако единого понимания концепта в науке пока не существует. В «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой концепт определяется как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга; всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90]. Концепты возникают в процессе систематизации и интериоризации информации о действительности. Информация включает фиксацию как реальных свойств и качеств объектов, явлений действительности, так и совокупность оценок и признаков, приписываемых человеческим сознанием данным объектам, явлениям. Концепт как единица семантического описания обладает ментальной природой, которая объективируется в результате апперцепции и категоризации фрагментов действительности.

Значимость концепта в сознании носителей языка подчеркивается степенью его выражения в языковой системе. Особая роль в концептуализации языковой картины мира принадлежит фразеологическим единицам. По мнению Д.О. Добровольского, природа значения фразеологизма тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с традициями народа, говорящего на данном языке. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности [Добровольский 1997: 22].

В современной лингвистике существуют различные принципы подхода к исследованию концептов. И.А. Стернин выделяет базовый слой, который дополняется и развивается когнитивными слоями, формирующимися, в свою очередь, совокупностью когнитивных признаков. «Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [Стернин, 2001: 59]. Поскольку содержательная структура концепта есть отображением семантики менталитета в проекции на отдельно взятый фрагмент действительности, возникает необходимость в формализации этой единицы психических ресурсов человека в направлении отражения ее структурных элементов. Таковыми можно считать унитарные объединения факторных смыслов, которые продуцируются в коллективном представлении той или иной этнокультуры как отражение внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного, присутствующего в самом человеке/социуме) миров в том или ином культурно-историческом пространстве [Іващенко 2004: 18].

Новый толковый словарь украинского языка понятие **труд (праця)** определяет так: 1) сознательная деятельность человека, направленная на создание материальных или культурных ценностей. Синоним. **труд**; 2) трудовой процесс определенного специалиста; вид деятельности: писательский труд; 3) определенный вид оплачиваемой трудовой деятельности; работа, служба по найму как способ существования; 4) усилия, напряжение; 5) материализованный результат какой-то работы, деятельности; 6) написанное произведение, преимущественно научного характера; 7) работа, функционирование машин и механизмов [НТСУМ 1998: 667].

Труд выступает в обществе одним из основных условий жизни и развития человека, средством бытия, посредством которого развивается и формируется человек. Труд всегда был в почете украинского народа. Многочисленные давние профессии оставили свой фразеологический след в современном украинском литературном языке. Трудолюбивый человек считался образцом порядочности и благочестивости. Например, большинство украинских сказок констатируют, что богатство, уважение герои приобретают посредством труда.

Фразеологические единицы украинского языка свидетельствуют, что характерной особенностью украинской ментальности испокон веков считается труд на земле, работа, связанная с сельским хозяйством: *прокласти першу борозну, орати переліг, перти плуга, ходити за плугом, випускати віжки зі своїх рук, де не посій, там і вродиться, посіяти паніку, як п'яте колесо до воза, повертати голоблі* и др. Большинство фразеологизмов, репрезентирующих концепт ТРУД (ПРАЦЯ), также своим происхождением связаны с различными видами ремесел, например, **кузнецким**: *кувати вухналі зубами,*

брати в лещата, попадати в лещата, дати гарту, кувати залізо поки гаряче, поставити на колеса и др.; **ткацким**: *клубком ставати в горлі, нитка увірвалася, лежати в основі* и др.; **работой портных, сапожников**: *на живу нитку, латати / залатати дірки, білими нитками шитий, доходити до клубочка, шукати голку в сіні, розплутувати вузол, з голочки, на один копил зшиті* и др.; **мельников**: *брати мірку, на всі заставки, попасти на жорна, лити воду на колесо* и др.; **строительством**: *закладати / закласти перший камінь, будувати на піску, будувати надхмарні замки, закладати / закласти підвалини (основи, фундамент)* и т.д. Таким образом, различные ремесла, быт, профессии стали живительным источником для украинской фразеологии.

Базовый слой концепта конкретизируется с помощью когнитивных слоев, отражающих определенный результат познания внешнего мира. Исследования подтверждают, что для украинского концепта ТРУД (ПРАЦЯ), как сложного, многомерного социально обусловленного концепта, характерно несколько когнитивных слоев, репрезентантами которых выступают фразеологизмы. Концептуальный анализ предполагает также когнитивную характеристику компонентного состава фразеологических единиц.

Когнитивный слой «процесс трудовой деятельности» объективирован фразеологизмами, которые обозначают занятия физическим трудом: *мозолити руки, добувати хліб (свій),* а также виды трудовой деятельности: *заорати носом, нарубати дров, кувати залізо, ходити за плугом, лити воду на колесо, зметати на живу нитку, сіяти мов крізь густе сито.*

Занятия трудом предполагает использование орудий труда. Когнитивный слой «орудия труда» представлен компонентами фразеологических единиц: ***лопатою*** *класти, у* ***ступі*** *не влучиш, нагострювати* ***сокиру****, перейти крізь* ***сито*** *й* ***решето****, міняти* ***шило*** *на* ***швайку****, держатися* ***плуга****, одягати* ***вуздечку****, знаходити* ***сокиру*** *під лавкою, як п'яте* ***колесо*** *до* ***воза****, перековувати* ***мечі*** *на* ***орала****, як* ***ковальський міх****, як* ***молотком*** *ударити, розмотувати* ***клубок****, полатати* ***штани*** *(****жупан, кафтан****), по* ***нитці****, як* ***нитка*** *за* ***голкою****, правити на свій* ***копил*** и др.

В когнитивном слое «время трудовой деятельности» отражено:

– определенный период: *гарячі жнива*;

– начало трудовой деятельности: *піднімати цілину, розгортати / розгорнути парус, виходити в плавання, город городити*;

– отсрочка решения дел: *класти / покласти під сукно***.**

Когнитивный слой «характеристика трудовой деятельности» фиксирует количественные и качественные параметры.

Количественная характеристика труда представлена фразеологическими единицами с общим значением «много работать»: *за двох*, *як каторжний, не бачити вільної хвилини* или «ничего не делать»: *ні (не) кувати, ні (не) молоти*.

Качественная характеристика труда выражает:

– интенсивность труда: *як мокре горить* – медленно работать*;*

– признак действия: *рвати жили (руки, силу), не покладаючи рук, не розгинаючи спини, гнути горба (спину, карк, хребет), зрошувати своїм потом землю, парити чуба, аж піт очі заливає, проливати кривавий (солоний, сьомий) піт* – тяжело работать. Качественный признак «тяжелый труд» ассоциируется в украинской фразеологической картине мира с образом сельскохо-

зяйственного животного (вола), которое издавна использовали в качестве тягловой силы. В украинском лингвокультурном пространстве волы символизируют тяжелый труд, покорность и терпение [Жайворонок 2006: 95], о чем свидетельствуют фразеологизмы *як віл, як чорний віл, як чорний віл у ярмі* со значеним «очень тяжело и чрезмерно трудиться».

В указанном когнитивном слое оппозиционно объективируется также отношение к добровольному/принудительному труду: *тягти ярмо / запрягати в ярмо.* Когнитивный признак принудительного труда оппозиционно фиксирует своеобразную эксплуатацию как со стороны субъекта, так и со стороны объекта трудовой деятельности: *луску шкребти, вигнати сім потів / сидіти на шиї, їсти чужий хліб.*

Когнитивный слой «отношение к труду» во фразеологии украинского языка зафиксирован посредством оппозиции: трудолюбие / лень. Отличительной чертой концепта является ценностная составляющая (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), которая представлена в виде наиболее существенных для данной культуры смыслов, ценностных доминант, совокупность которых и образует определенный тип культуры, сохраняемый в языке [Чернова 2007: 485]. С точки зрения морально-этической оценки «хорошо – положительно» отражают фразеологизмы, которые фиксируют добросовестное отношение к труду: *віддавати / віддати (всього) себе, не жаліти рук (сил), добувати хліб (свій).* Оценка «плохо – отрицательно» репрезентирована фразеологией с когнитивными признаками недобросовестного отношения к труду:

а) нежелание работать: *відбувати чергу, баглаї напали (вкинулися), валити через пень колоду*;

б) не прилагать особо усилий в труде: *не бий лежачого*;

в) ничего не делать, бездельничать: *байдики бити, баглаї бити (годувати), (і) голки в руки не брати, не братися (і, ні, ані) за холодну воду, давати горобцям дулі, ханьки м'яти, ганяти вітер по вулицях, лежні справляти, тинятися з кутка в куток.* Анализ материала свидетельствует, что фразеология украинского языка отражает неодобрительное отношение социума к лени, безделию, праздности, иждивенчеству.

В когнитивном слое «результативность труда» отражено:

а) этапы трудовой деятельности: *набивати / набити руку*;

б) результат: *пожинати плоди*;

в) потеря физической силы в следствие тяжелого труда: *надірвати пупа*, *аж очі вилазять, валитися з ніг, ні рук ні ніг не чути.*

Таким образом, концепт выступает практически неисчерпаемым комплексом культурно обусловленных представлений о предметах, явлениях в определенной культуре. Выраженный фразеологическими единицами социолингвокультурный концепт ТРУД (ПРАЦЯ) представляет собой сложное ментальное образование в украинском языковом пространстве. Важным категориальным признаком концепта является его структурированность, ценностная составляющая. Фразеологические единицы являются источником сведений о содержании и структуре концепта.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологизмах // Вопросы языкознания. 1997. №6.

Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006.

Іващенко В.Л. Компоненти змістової структури концепту як одиниці етнокультури // Українська мова. К., 2004. №4.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.К. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997.

НТСУМ: Новий тлумачний словник української мови в 4-х т. – К: Аконіт, 1998.

Селиванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К., 2006.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001.

Словник фразеологізмів української мови [уклад. В.М. Білоноженко, Гнатюк І.С., Дятчук В.В. та ін.; відпов. ред. В.О. Винник] – К.: Наукова думка, 2003.

Чернова О.Е. Труд // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.

РАЗДЕЛ 2: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

к.ф.н., доцент О.П. Альдингер (Смоленск)

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН ЛИЧНЫХ ИМЕН В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

В трансляции национально-культурного самосознания народа и его идентификации особую роль играет фразеологический состав языка, «так как в образном содержании его единиц воплощено … культурно-национальное мировидение» [Телия 1996: 231].

С пословицами и поговорками связаны сведения различного характера. Семантика фразеологизма, как и слова, не сводится к одной лишь понятийной части, а содержит и некоторый непонятийный остаток. В непонятийную часть семантики фразеологических выражений входят также значения слов, его составляющих, что влечет за собой целый комплекс информации. Так, выражение Шемякин суд не только обозначает несправедливый суд, но и напоминает о жизни князя Дмитрия Шемяки, о «Повести о Шемякином суде», которая способствовала сохранению поговорки.

В любом языке существенный пласт составляют фразеологические единицы, в состав которых входят имена собственные, которые «избирательно употребляются в жанрах фольклора и тем самым приобретают индивидуальную информацию» [Верещагин, Костомаров 1990: 58].

Имена собственные обладают комплексной семантикой, в которой можно выделить три составляющих: языковую, речевую и энциклопедическую. Энциклопедическая информация, необходимая для введения имени в речь, основана на экстралингвистических связях объектов, поскольку в имени собственном пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического и т. п. характера. Вследствие этого ономастическая лексика обладает яркой национально-культурной семантикой, являясь носителем разноплановой информации. Кроме этого, имена собственные могут проникаться вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становиться в речи экспрессивно-оценочным заместителем имени нарицательного. На изменение значения имени влияют исторические события, обычаи русского народа, литературные произведения, этимология имени и т. д.

Таким образом, имя собственное можно рассматривать как концентрированное обозначение большого объема разноплановой информации. Комплексный характер семантики ономастической лексики выявляется и отражается при анализе и описании ее ассоциативно-культурного фона – всей со-

путствующей информации, не входящей в непосредственное содержание слова [Макисмчук 2002]. Особенностью описания ассоциативно-культурного фона является то, что извлечение «информации одного вида…влечет за собой следующую информационную характеристику. Этот процесс в принципе обладает открытым характером, что приводит к тому, что, оттолкнувшись от одного имени и используя его ассоциативно-тематические связи, выявляющие сопутствующие имени фоновые знания, можно построить огромное информационное поле (ономастическое пространство)» [Максимчук 2002: 107].

Ассоциативно-культурный фон имени собственного складывается из некоторого числа взаимосвязанных общих и единичных значений, степень выраженности которых зависит от особенностей словарного оформления каждого имени, контекста, в котором оно употребляется, и от адекватности объема энциклопедической осведомленности автора и читателя, говорящего и слушающего [Щетинин 1996]. Необходимо отметить, что ассоциативно-культурный фон имени имеет преимущественно не внутриязыковой, а экстралингвистический характер и может содержать информацию различного характера.

Фразеологизмы с ономастическим компонентом представляют особый интерес, поскольку национально-культурная информация, стоящая за именем собственным, значительно обогащает выражения. Интересным в этом плане является функционирование в русской фразеологии имен *Фома и Ерема*, одних из самых частых в паремиях: в «Пословицах русского народа» В.И. Даля встречается 47 употреблений имени Фома и 12 – имени Еремей. При анализе 60 сборников пословиц и поговорок выявлено 389 выражений с именем Фома, 184 – с именем Еремей.

Имя *Фома* является вторым (после антропонима *Иван*) по частоте употребления в фразеологических выражениях. Можно отметить несколько противоречивых значений этого имени, причем четко выделяются только некоторые из них. Так, Фомка – это вор, плут (*Фомка вор: на долото рыбу удит; Знают Фому и в рогозином ряду; Не зевай, Фомка, на то и ярмарка; Иному Фоме насидеца в тюрьме*), и жизнь у него характерная для воровского мира: У Фомки пили, Фомку и побили. Возможно, в результате функционирования в подобных паремиях имя стало нарицательным: фомкой называют небольшой ломик – орудие взломщика.

Фома – бедный человек: *Горюет Фома, что пуста у него сума.* И представить его в качестве человека более высокого ранга можно только в крайнем случае: *В худе городе и Фома дворянин; На безлюдье и Фома дворянин. Правда, время от времени деньги у него появляются, но довольно быстро исчезают: У Фомушки денежки – Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Добро к Фоме пришло, да промеж рук ушло. Он привык к своей бедности и унизительному положению: Посади Фому на первое место – и неловко ему, и узко, и тесно.*

Другой Фома – богатый (*Фома большая крома; Большого ума Фома, да зато велика у него сума*), вследствие чего – олицетворение всего негативного: *Люди как люди, а Фома как бес; Не только гостей у праздника, что Фома с женой*. В народе его не любят (*Кому блинами, а Фому пинками*), а он чувствует это и живет сам по себе, замкнуто: *Зовут Фомою, а живет собою:*

в гости не ездит и к себе не зовет. Данная негативная семантика обоснована тем, что имя Фома было преимущественно купеческим.

В ряде выражений имя Фома выступает в значении «простак, недалекий человек»: *И по роже знать, что Фомою звать; Один сынище, и тот Фомище; Фома не купит ума, своего продаст; Ждут Фому: чают быть уму; Вольно было Фомушке жениться на вдовушке; Свинья ищет, где лужа, а Фома - где хуже. Над таким всякий не прочь посмеяться, поэтому пословица напоминает: Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой.*

В остальных случаях имя обладает определенной семантикой, но выражает ее единично: *Взял Фома Лукерью – суд божий пришел; Полюбила Пигасья Фому, да не верит она никому; Потужи о себе, а там и о Фоме* и т. п.

На формирование значения имени отчасти повлиял популярный в России фразеологизм Фома неверующий, восходящий к одному из сюжетов Евангелия.

Еремей в фразеологизмах представляется «сующим свой нос не в свои дела»: *Еремеевы слезы по чужом пиве льются; Еремеевы слезы о чужом добре льются; Указчик Ерема, указывай дома! Отношение к нему соответствующее: Еремея потчуют умея: взяв за ворот да взашеи. К тому же он не любит работать: Наш Ерема не сказался дома.*

По замечанию Т.Н. Кондратьевой, герой поговорки *Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома да точил веретена* – домосед, работящий [Кондратьева 1983]. На наш взгляд, здесь подчеркивается неумелость Еремы: зимой многие крестьяне уходили на заработки в город, и далеко не для всех это оказывалось удачным. Такое предположение подтверждает выражение: *Ерема, Ерема! Сиди дома, хоть не бай, да детей качай.*

Часть выражений с онимом Ерема является вариантом пословиц с именем Сенька. В данном случае первоначальный оборот *По Сеньке и шапка* послужил основой для появления других паремий: *По Еремке шапка, по Сеньке кафтан, По Ивашке и рубашка и др.*

Пословицу *По Еремке шапка, по Сеньке кафтан* и подобные употребляют, когда человек получает то, чего заслуживает по положению. Появление ее связано со старинным русским обычаем в одежде. В XVI в. головные уборы разделялись по состоянию и чину носящего: четырехугольные низкие шляпы с меховым околышем, украшенные жемчугом – для дворян и бояр, тафьи духовные; бархатные, атласные колпаки для богатых, суконные и войлочные – для бедных. То есть по шапке можно было узнать происхождение человека [Кондратьева 1983]. Добавим, что такие формы имени, как Сенька, Еремка, являлись пренебрежительными и использовались для обращения к людям низкого сословия.

Важной составляющей ассоциативно-культурного фона имени Еремей является наличие паремии с хрононимом, производным от данного антропонима. Поговорка *Всяк Еремей про себя разумей* основана на рифме и имеет значение «думай сам, поступай по своему разумению». Смысл выражения следует искать в церковном календаре, в котором было семь праздников в честь пророка Иеремии. Широко был известен день Еремея-запрягальника, в который начинался посев яровых (1 мая по старому стилю). Остальные шесть дней выпадали на разные времена года. Изначально поговорка имела вторую часть, наглядно объясняющую, что возникновение паремии свя-

зано с сельскохозяйственными работами, выполняемыми в разное время: *Всяк Еремей про себя разумей: когда сеять, когда жать, а когда скирды метать.*

Значение имён Фома и Ерема в пословицах и поговорках разнообразно, но если они используются совместно, значит, выражение является одним из осмыслений сказки о братьях Фоме и Ереме: *Ему про Фому, а он про Ерему, Ерема в воду, Фома ко дну: оба упрямы, со дна не бывали и др. Фома и Ерема* – глупые, упрямые неудачники, которые пытаются что-то делать, но все попытки заканчиваются плачевно: «*Вот задумали братаны в божью церковь идти, в божью церковь идти, Богу помолиться. Вот Ерема зашел в церковь, а Фома в алтарь, вот Ерема взял книгу, а Фома псалтырь; ох Ерема-то запел, а Фома заговорил. То заслышали попы со высокия горы, попы грамотные, люди надобные… Вот Ерему взяли в шею, а Фому в толчки. Ерема из двери, а Фома из окна…»* [Афанасьев 1957].

Ерема и Фома – герои не только сказок, но и лубочных картинок, песен, балаганных представлений. Л.Б. Савенкова указывает, что в соответствии с фольклорным образом получают характеристики и пословичные Фома и Ерема. В некоторых паремиях это скоморохи: *Фома музыку разумеет, а Ерема плясать умеет; Фома на гудке играть, а Ерема глазами мигать.* Но пословица проводит грань между скоморохами, прикидывающимися дураками (*Фома не без ума, Ерема не без промысла; Стой, Фомка, неплох и Еремка*), и персонажами народного творчества – бестолковыми и невезучими. При этом Ерема оказывается хуже Фомы. Он нежеланный жених (*Прочил за Фому, а взял Ерема*), он совершает проступки и, вероятно, старается спрятаться за спину другого: *Не бей Фому за Еремину вину.* Наконец, он не разбирается в людях: *Ищи, Фома, чтоб полна была сума; ищи, Еремей, чтоб не растрясти своей!* [Савенкова 2002].

Таким образом, личные имена в составе пословиц и поговорок, с одной стороны, обогащают содержание народных выражений, делают их яркими и экспрессивными, с другой – при употреблении в пословицах могут проникаться вторичным, дополнительным понятийным содержанием. Описание ассоциативно-культурного фона антропонимов, входящих в состав паремий, позволяет выявить огромный объем культурно-исторической информации и построить фрагмент языковой картины мира, отражающей нравственные ценности, особенности национального характера, психологического склада, способа мышления, миропредставления носителей языка.

1. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х т. / А.Н. Афанасьев. М.: Гослитиздат, 1957.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.

3. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря / Т.Н. Кондратьева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983.

4. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч. / Н.А. Максимчук. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002.

5. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002.

6.Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

7. Щетинин Л. М. История и имена. Ростов-на-Дону: Изд-во РВШ РФ, 1996.

к.ф.н., доцент А.И. Васильев (Елец)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В древнерусском языке существовала устойчивая система устойчивых оборотов, имеющих прямое отношение к военным действиям и связанными со многими военно-тактическими приемами, направленными на захват и оборону города и состоящая из более чем 30 ФЕ. Эта тематическая группа ФЕ делится, в свою очередь, на ряд тематических подгрупп, каждая из которых имеет соответствующие языковые средства выражения при помощи устойчивых оборотов: 1) ФЕ со значением – *'направление к городу с войском';* 2) ФЕ со значением – *'укрепление города';* 3) ФЕ со значением – *'оборона города';* 4) ФЕ со значением – '*осада города в течение определенного времени, включавшая в себя его штурм';* 5) ФЕ со значением – '*захват города или вынужденная сдача его жителями';* 6) ФЕ со значением – *'разграбление города';* 7) ФЕ со значением – ' *отход от города'.*

Движение неприятельского войска к какому-либо городу с целью его осады обозначался ФЕ **поити къ градоу (городоу) съ вои** – '*пойти с войском к городу с целью его осады'.* ЛЛ, 1096, 85об.: **шлегъ же НадЪыаса На правдоу свою іако правъ БЪ в семь шлегъ и понде к градоу с вои изыаслав же исполчиса пред градом на поли.**

Регулярные действия горожан, предпринимаемые для укрепления своего города, передавались фразеологизмами: **твердити (оукрепити) городъ (градъ) и оустроити городъ**, например: **твердити (оукрепити) городъ (градъ)** – *'укреплять (укрепить) оборонительные сооружения города для успешной защиты его при осаде'.* ЛЛ, 1186, 135об.: **пославше к Нима звахоуть ею к соБЪ На свЪтъ лестью аБы како іати ею шНа же оувЪдаста почаста городъ твердити и иНи слъышавше оже городъ твердіать ндоша къ прьиньскоу соБравше вон мНожьство; оустроити городъ** *'построить внешнее оборонительное сооружение вокруг города'.* Н1ЛМИ, 1169, 113: **в то же лЪто на зимоу приндоша под новъгород соуздалци съ андрЪевичемъ романъ и мьстислав съ смолнианЪ и с торопчанъı и с моуромци и с ріазанци съ двЪма кнiазьма и полочкъıн кнiазь с полочанъı и вся земліа просто роусскаіа а новгородци же сташа твердо о кнiази романЪ мьстиславличи озіа славли вноуцЪ и о посадниці іакоунЪ и оустронша городъ около города.**

Непосредственное начало осады города передается ФЕ **пристоупити (при-**

стоупати) къ градоу (городоу, подъ городъ) *'начать осаду города с целью его захвата'.* НІУЛ, 1268, 154: прииндоша НѢмци в снлѢ велицѢ под пьсковъ в Неделю всѢхъ свіатыхъ и пристоупиша къ градоу Не оуспѢша Нічто же но болшоую раноу въсприяти.

При приближении войска неприятеля к городу все его жители укрывались в городе и готовились к отражению осады: 1) затворити врата, *в воен. знач. 'запереть вход в город, не пустив неприятеля'.* ИЛ, 1254, 276: НѢмцѢ же видѢвше оустремлеНье роуское крѢпко и поБѢгоша и НѢколнко нхъ оуБиша во вратѢхъ и врата Не затворниша бѢжаше; 2) затворити градъ, *в воен. знач. 'запереть вход в город, не пустив неприятеля'.* НІЛМИ, 922, 30 об.: нде олегъ На грекы и прииде къ цесарю градоу и грецн замкоша съсоуд а град затворниша; 3) затворитисіа въ (оу) градѢ (городѢ), *в воен. знач. 'укрыться в городе, заперев его от осаждающих войск'.* ЛЛ, 946, 16: а деревліа-Не затворншасіа въ градѢ и Боріахоусіа крѢпко нзъ града вѢдѢхоу Бо іако самн оуБнлн кНіазіа и На что сіа предати; (ИЛ, 1097, 91об.).

Город, подлежащий осаде, окружался и осаждался, что обозначалось многовариантным фразеологизмом щБьстоіати (щбьсидѢти, окроужити, остоу пити, осѢдѢти) градъ (городъ) *'осадить город'.* Н1ЛМИ, 988, 61 об.: и ста володнмнръ об оНъ полъ града в лимеНѢ вдале града еднНаго стрѢлѢша и Боріахоу крѢпко граждаНѢ володнмнръ же оБьстояше градъ.

Понятие осады города в течение какого-л. определенного времени выражалось устойчивым словосочетанием стоіати около (оу) града (подъ городомъ) *'осаждать город в течение какого-то времени'.* Н1ЛМИ, 1240, 165: и стоіаша подъ городомъ недѢлю нь города не взіаша нь сице дѢтнн пон маша оу добрыХ моуж в таль и пакы отъндоша прочь и тако біахоу без мнра біахоу бо перевѢт держаще в нѢмцн плесковнцн и подвелъ нхъ твердила нванковнць съ нмымн и самъ нача владѢтн плесковомъ с нѢмцн воюіа села новгородчкаіа.

Во главе военной администрации древнерусского города стояли старцн (старчи) градьскне – *'выборные военные власти города* (тысяцкие, сотские, десятские)*, принимавшие участие в совещаниях с князем наравне с боярами'.* ИЛ, 996, 46 об.: рекъ аще сего посоудить кто да боудетъ проклатъ и вдастъ деса тиноу анастасоу корсоуНанинoу и створи же праздникъ великъ в тои день боіаромъ истарчемъ градьскымъ и оубогимъ имѢние много.

Военная вылазка осажденных в городе жителей и городских войск с целью отогнать врага или истощить его силы передавалась ФЕ излазити на брань (сѢчоу) *'совершить вылазку из осажденного города'.* НІЛМИ, 971, 39 об.: прииде свіатославъ къ переіаславцю и затворншасіа Болгаре въ градѢ нзле зоша Болгаре На сѢчоу противоу свіатославоу и Бѣсть сѢча велнка.

При осаде города осаждающие применяли такой тактический прием, как прекращение подачи воды в город, чтобы принудить жителей сдаться: Щіати (переіати) водоу *у кого, в воен. знач. 'перекрыть поступление воды в осажденный город, чтобы заставить жителей города сдаться'.* ЛЛ, 1207, 146об.: слъшав же кніазь великыи рѢчь их боюю и повелѢ пристоупити ко градоу со всѢ странъı щни же пристоупивше Щіаша щт них водоу щни же бıіахоутсіа крѢпко из града и мнози от щбоихъ оуіазвліаеми біахоу и въıхо дїаша ночью крадіахоу водоу.

Тяжелое положение осажденных жителей города обозначал фразеологизм изнемогахоу (изнемогошасіа) людье (людие) в градѢ (в городѢ) *'о*

тяжелом положении людей в осажденном городе'. НІЛМИ, 968, 37: и оступиша печенѣзи градъ въ силѣ тяжьцѣ бещисленое мно жество около града и не бѣ лзѣ из града выѣхати ни вѣсти послати изне могахоу людне гладомъ и жажею.

Процесс получения денег с жителей осажденного города, чтобы снять осаду, передавался фразеологизмом възяти (имети) окоупъ (откоупъ) – *'взять выкуп с жителей осажденного города'.* НІУЛ, 1425, 291об.: Повоеваша оусти жани землю заволоцкоую и наши ходивъ ко оустюгоу ратью и взяша на нихъ окоупъ 8000 бѣлки да 6 сороковъ соболеи.

Перед осадой горожанам предлагалась добровольная сдача и в случае отказа при захвате города к его жителям применялись жестокие меры: цмирити городъ *' усмирить население непокорного города'.* ИЛ, 1096, 87: цлегъ же цмиривъ городъ цвъı изонма дроугъıа расточи нмѣнье нхъ взя и прииде ростовоу и ростовци вдашася емоу и переяславцѣ всю землю моуромъ скоую и ростовьскоую и посажа посадники по городомъ.

При осаде города противником первоначально захватывались внешние оборонительные сооружения вокруг города, что передавалось ФЕ възяти градъ цколнии *'захватить внешнее оборонительное сооружение вокруг города'.* ИЛ, 1078, 74 об.: володимеръ же пристоупи къ вратомъ въсточнъıмъ цт стрѣжене і цта врата і взяша градъ цколнии и і пожгоша огнемъ; взяти костеръ *'захватить крепостную стену.* Псков. 2-я лет., 1480, 212об.: и псковичи скопивши всю силоу поидоша с ними в немецкоую землю и пришедше в оломъıжю костеръ взяша и въıжгоша весь а немець пленивше приведоша 52.

Для обозначения понятия *захват осажденного города* в древнерусском языке употреблялось следующие устойчивые словосочетания: 1) възяти (заяти, приати) (плѣнити) градъ (городъ) *'захватить город, обычно после осады'.* С1Л, 1180, 211об.: и оустрѣлиша кıязя ıарополка въ градѣ и бѣ имъ велика печаль и предашася Новоторьжьци и взяша град а ıарополка ıаша и веде съ соБою оковавше; 2) вънити въ градъ *захва тить город.* НІМСИ, 988, 62: и тоу аБне повелѣ копати прекъı троуБамъ и переııаша водоу и людне изНемогошажаждею водНою ипредашася и вНинде володимеръ въ градъ и дроужиНа его.

Фразеологизм възяти градъ копиемь употреблялся со значением *'захватить город штурмом'*: НІУЛ, 971, 19: и к вечероу одолѣ свıатославъ и взя градъ копиемъ и посла ко грѣкомъ глаголя хощю На въı ити и взяти градъ ваш ıако и сен.

Захваченный город подвергался разрушению и разграблению. Такое понятие передавалось ФЕ взяти (дати) (городъı) на цтъ *'разграбить, опустошить, уничтожить какой-л. город, взяв людей в добычу'.* НІЛСИ, 1232, 116: въ то же лѣто взя свıатославъ смолНьскъ На цитъ съ полочаНъı На Борнишь деНь исѣцѣ смолНıанъı а самъ сиде На столѣ; погоубити (разбити, разорити) градъ (городъ) *разрушить, уничтожить захваченный при осаде город'.* ЛЛ, 1069, 58об.: и рече имъ свıатославъ вѣ послевѣ к братоу своемоу аще пондеть На въı с лıахъı гоуБити васъ то вѣ противоу емоу ратью Не давѣ Бо погоуБити града отца своего; запалити градъ (городъ) *'поджечь город в ходе его осады или после его захвата'.* НІЛМИ, 1301, 153: градъ взıатъ бъıсть овъıхъ избиша и исѣкоша и инъıхъ извıазавше поведоша с города а град запалиша и разграбоша.

При помощи определенных устойчивых сочетаний слов передавалось понятие сдачи города его жителями в тех случаях, когда сопротивление жителей города было сломлено в силу ряда причин, и они сами принимали решение о вынужденной сдаче: 1) **ѿтворити врата**, *в воен. знач. 'сдаться'*. Н1ЛМИ, 1214, 134об.: **и прииндоша подъ въишегородъ и Начаша Бнтисѣа и одолѣ мьстиславъ с Новгородци ѣаша ѣѫ кНіазѣ ростн слава ѣарославнца и ѣарополка Брата его вНоука олгова а въишегородци поклоНншасѣа и врата отворнша а всеволод въіБѣжа нс къева за днѣпръ**; 2) **отворити градъ** (**городъ**) *кому 'сдаться'*. Псков. 2-я лет., 1434, 196: **а кніазь юрьи гоніа по немь ратью прииде к москве в четверток великии и стоіа под городом неделю и отвориша емоу град в четверток свіатыіа недели и пограби казноу кніазіа василыіа и кніагиню марью и снохову еіа поима и сѣде на кніажении**; 3) **предати** (**передати**) **градъ** (**городъ**) '*сдаться*'. ИЛ, 1208, 247: **и пришедшю же володнславоу ко градоу и рече имъ братье почто смъишліа етесіа не сии ли избиша отци ваши и братью вашоу а инѣи имѣние ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша очьствии вашими владѣша инии пришелци то за тѣхъ ли хочете доушю свою положнти оНи же сжалнвшнси о Бывшихъ предаша градъ и кНіазіа нхъ.**

После захвата города победители могли каким-л. образом утвердить свой успех: **показати поБѣдоу**. ЛЛ, 907, 16: **и повѣсн щитъ свон въ вратехъ показоуа поБѣдоу и понде щт цесаріа града**;

В некоторых случаях горожанам удавалось отстоять свой город: **щдержати градъ** – *'отстоять город, не дать врагам захватить его'*. ИЛ, 1229, 258: **хлаби бо небеснъіи щдинако топіахоуть и оушедшю же емоу за невѣрь ство боіаръ галичкихъ данилъ же божьею волею щдержа градъ свои галичь.**

Фразеологизм **не оуспети ничто же** передавал неудачу в осаде города: НІУЛ, 1268, 154: **прииндоша НѣмцИ в снлѣ велнцѣ под пьсковъ в Неделю всѣхъ свіатыхъ и прнстоупнша къ градоу и Не оуспѣша Нічто же но болшоую раноу въспрнпати**; ФЕ **щстоупити отъ града и поити от града** (**города**) передавали отход войска от осажденного города при неудаче осады: 1) **щстоупити отъ града** – *'снять осаду с осажденного города'*. ЛЛ, 907, 14р: **шлегъ же мало щтстоупи щт града нача миръ творити со цесарьмь грец кима со шленом и александромъ**; 2) **поити от града** (**города**) – *'снять осаду с города и уйти прочь'*. ЛЛ, 1078, 67об.: **изіаславъ же и всеволодъ оураНивше пондоста от града противоу шлгови рече же олегъ к борисови не ходивѣ противоу не можевѣ стати про тивоу четыремъ кніземъ.**

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим результатам: 1) устойчивые словосочетания древнерусского языка военной тематики во многих случаях являются единственными выразителями тех или иных понятий, имеющих отношение к военным действиям и операциям, связанным с осадой города; 2) для передачи различных действий военного характера используются не только военные терминологические сочетания, но и древнерусские фразеологизмы, получающие только в определенном контексте «военную» семантику: **ѿіати** (**переіати**) **водоу** *оу кого*, **поити от града** (**города**), **ѿтворити врата** и др.

1. Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том первый). – М.: Языки русской культуры, 1997. – ЛЛ;

2. Ипатьевская летопись, (Полное собрание русских летописей. Том второй). – М.: Языки русской культуры, 1998. – ИЛ;

3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (Полное собрание русских летописей. Том III). – М.: Языки русской культуры, 2000.

4. Хронология событий в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов подается в словарных статьях отдельно: НІЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НІЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Том IY. Часть1). – М.: Языки русской культуры, 2000. – НІYЛ;

5. Псковские летописи, вып. II, – М., изд.-во АН СССР, 1955 – Пск. лет;

6. Софийская первая летопись старшего извода. (Полное собрание русских летописей. Том шестой. Выпуск 1.) – М.: Языки русской культуры, 2000. – С1Л;

7. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. (Полное собрание русских летописей. Том XYI). – М.: Языки русской культуры, 2000. – Лет. Авр.;

8. Радзивилловская летопись. (Полное собрание русских летописей) – Л., 1989. – РЛ;

9. Слово о полку Игореве, 800 лет, – М., 1986. – Сл. о пол. Иг.;

10. Устюжский Летописный свод (Архангелогородский Летописец). – М.-Л., изд.-во АН СССР, 1950. – Уст. лет свод.

к.ф.н., доцент С.С. Волков (Санкт-Петербург)

КУДА ПРИВОДЯТ НАС *«ВРАТА УЧЕНОСТИ»* ?

1. Устойчивое словосочетание *врата учености*, казалось бы, всем знакомо и понятно, так как известно со школьной скамьи. Эта перифраза обычно (подчеркнем *обычно*, так как на современном употреблении остановимся ниже) используется как совокупное название двух старопечатных изданий XVII - XVIII века: «Грамматики Славемнския прамвилное Синтагма» М. Смотрицкого (1619) и «Арифметики, сиречь наука числителная с разных диалектов на славенский язык переведеная и во едино собрана, и на две книги разделена» Л.Ф. Магницкого (1703). Здесь область очевидных фактов кончается.

2. В общественном сознании – и современном и историческом – выражение **врата учености** традиционно связывается с именем М.В. Ломоносова, например: «До конца XVIII столетия этот труд <"Арифметика" Л. Магницкого – *авт.* > был главным учебным пособием для обучения российских инженеров и корабелов. По нему учился М.В. Ломоносов, называвший книгу «вратами своей учености»[1] .

Таким образом, «врата учености» – образное выражение, авторский фразеологизм, ходячая цитата, языковой афоризм или т.н. крылатое слово —

устойчивый фразеологизм образного или афористического характера, вошедший в лексику литературного языка из конкретных исторических либо литературных источников и получивший широкое распространение благодаря или авторитету автора, или благодаря особой экспрессии. Материал показывает, что ближайшим контекстным окружением этого устойчивого словосочетания являются характерные для научного стиля речи предикативные идентификаторы (обычно их называют типовой конструкцией ввода) типа *Ломоносов называл*, *по словам Ломоносова*, *как говорил Ломоносов*), четко указывающие на авторство Ломоносова.

3. Материалы электронного конкорданса текстов М.В. Ломоносова, созданного в ИЛИ РАН на базе полного академического собрания сочинений М.В. Ломоносова в 10 (точнее – 11) томах позволяют достоверно установить, что такое словосочетание в текстах Ломоносова отсутствует. Отсутствует это словосочетание (то есть, собственно говоря, его аналог со словом **porta**) в текстах на латинском языке. Это поразительно, но неудивительно.

4. Объяснение того факта, что выражение *врата учености* не характерно для языка Ломоносова, мы обнаруживаем благодаря лингвистическому анализу данных его идиолекта, что только теперь стало возможно благодаря электронному корпусу текстов М.В. Ломоносова, подготовленному в Институте лингвистических исследований РАН. Во-первых, слово ***врата*** – не самое частотное (всего 26 словоупотреблений). Во-вторых, это слово высокого штиля преимущественно принадлежит поэтическим текстам М.В. Ломоносова (около 97%). Эти употребления формируют две основные семантические группы: а) прямые номинативные употребления (10 случаев из 26, т.е. 38%), см. например: «Перед Берлинскими ***вратами*** // Победы нашей дайте звук»[2]; б) образные употребления (всего 11 употреблений, т.е. 42%.), реализующиеся только в сочетаниях с глаголами, объединенных общим семантическим элементом "*открыть*": *отверзнуть, отомкнуть, отворить,* например, «***Врата*** для подвигов торжественных отверсты»[3]; Добавим сюда 4 употребления слова ***врата*** в составе устойчивого словосочетания ***торжественные врата***– и картина жизни слова в идиолекте М.В. Ломоносова завершена. В-третьих, для идиолекта Ломоносова не характерны сочетания, созданные по модели существительное *врата* + существительное (типа *врата ада*, *врата смерти*, *врата рая*), более того, нет сочетаний, созданных по модели существительное *врата* + абстрактное существительное. Есть только одно исключение: ***отмкнуть врата войны*** в одном из первых образцов торжественной оды Ломоносова (1741 г.): «Мутятся смежны нам брега, // Стокгольм, подобным пьянством шумен, // Уязвлен злобой, стал безумен, // ***Отмкнуть велит войны врата***»[4].

5. Анализ материалов «Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» и электронного корпуса В.К. Тредиаковского показывает, что модели словосочетания существительное + существительное, существительное + абстрактное существительное вообще не характерны для языка первой половины XVIII века. Более продуктивны адъективные словосочетания типа *торжественные, триумфальные врата*; *городовые, широкие врата,* ср., например, В.К. Тредьяковского: «Отверзла путь, торжественны врата, // К Полтавским тем полям сия победа»[5]. Одна из универсалий развития языка того периода, по-видимому, проявляется в том, что сочетания существительное

+ существительное входят в употребление только на рубеже 70-х годов XVIII столетия, например, *врата просвещения* (М. И. Афонин, «Слово о хлебопашестве», 1771 год) или *врата храбрости* (С.Г. Зыбелин, «Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте», 1773). Заметим, что в «Картотеке «Словаря русского языка XVIII века», подготовленной весьма опытными выборщиками, словосочетание ***врата учености*** отсутствует.

6. Выражение ***врата учености*** отсутствует во всех авторитетных словарях русского языка, составленных в XIX – XX веках. Оно не включено в словник «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года, хотя, как мы знаем, главный редактор словаря А.Х. Востоков испытывал глубочайший пиетет к М.В. Ломоносову и считал его тексты образцом русского нормативного словоупотребления. Этого выражения нет в «Словаре русского языка» под редакцией Я.К. Грота, хотя составители в качестве иллюстративного материала к заголовочному слову ***врата*** использовали, например, цитату из трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим». Это выражение не представлено даже в одном из самых авторитетных и фундаментальных справочников по русской афористике и крылатике.

7. Кто же является автором этого выражения? Кто, так сказать, запустил его в употребление от имени Ломоносова? Первую подсказку находим в статье К.Н. Батюшкова «О характере Ломоносова», впервые напечатанной в журнале «Вестник Европы» в 1816 году. Батюшков пишет следующее: «По краткой биографии, напечатанной при сочинениях Ломоносова, мы теснее знакомимся с поэтом, когда он покидает родину свою. Самое юношество необыкновенного человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоценны. Конечно, Ломоносов в откровенной беседе ближних и друзей любил рассказывать им первые свои печали и наслаждения; с каким восхищением он певал на крилосе священные песни и пожирал духовные книги! С каким усилием он промыслил славенскую грамматику и арифметику: *врата учености своей!*»[6]. Это пока первое употребление выражения ***врата учености*** в языке литературы, которое удалось обнаружить. Кроме того, Батюшков ясно указывает на источник выражения: это т.н. Академическое собрание сочинений Ломоносова 1784 – 1787 года в 6-ти частях. Это собрание сочинений включает биографию Ломоносова. Т.н. «академическая» биография была написана, как считается, по поручению кн. Е.Р. Дашковой, членом-корреспондентом Императорской Академии наук, членом Российской академии, педагогом, драматургом, переводчиком, энергичным культуртрегером М.И. Веревкиным. Действительно, в этой биографии на странице 4, в примечании к основному тексту «Простой арифметике он выучился сам собой» говорится следующее: «В доме Христофора Дудина увидел он в первый раз недуховные книги. То была старинная славенская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге.. Неотступные и усильные просьбы, чтоб старик Дудин <холмогорский священник – авт.> ссудил его ими на несколько дней, оставалися всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностию к учению, долгое время умышленно угождая трем стариковским сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. Он сего времени не расставался он с ними никогда .. Сам потом называл их ***вратами своей учености***»[7]. Таким образом, можно установить более точную «дату рождения» выражения ***врата учености*** – это середина 80-х годов XVIII века.

8. Не будем в этом докладе анализировать достоинства и недостатки биографии Ломоносова, написанной М.И. Веревкиным, тем более, что это уже сделано до нас в статье Д.С. Бабкина «Биографии Ломоносова, составленные его современниками»[8] (1946) и статье В.М. Живова «Первые русские литературные биографии: Ломоносов»[9]. Важно то, что биография Ломоносова, написанная М.И. Веревкиным – это не научная биография (жизнеописание). Это биография литературная, по словам Б.В. Томашевского – «вольное авторское произведение». Приятно согласиться со справедливой оценкой В.М. Живова, что эта биография создана в высокой степени мифологизированной историей литературы и что элементы мифа так или иначе просматриваются во всех биографиях Ломоносова, написанных в XVIII веке[10]. К сказанному необходимо сделать несколько дополнений: 1) нет сведений о личных встречах и беседах Ломоносова и Веревкина (хотя такие встречи могли произойти, предположим, в январе 1760 года в Петербурге); 2) Ю.В. Стенник в очерке о М.И. Веревкине указывает, что «работая над биографией <Ломоносова – *авт.*>, Веревкин установил много новых фактов, тщательно проверив сведения других биографов - Я. Я. Штелина, Н. И. Новикова и Д. Е. Семенова-Руднева (Дамаскина). Письма Веревкина к Дамаскину, Е.Р. Дашковой, И. И. Мелиссино, О.П. Козодавлеву содержат указания на источники его данных»[11]. Пусть так, но известный историк и краевед Петербурга, знаток петербургской старины М.И. Пыляев включил очерк о Веревкине в книгу «Замечательные чудаки и оригиналы», раздел «Замечательные скупцы, неряхи и вруны».

9. Запущенное М.И. Веревкиным выражение стало народным и приобрело особую выразительную силу, превратившись в символ глубокого уважения к национальной книжной культуре. Более того, оно оказалось умело адаптированным к личности Ломоносова. Это культурно-языковое «приобщение» настолько глубоко, что в некоторых современных текстах повествование от 3-его лица (см. пример выше) заменятся повествованием от лица самого М.В. Ломоносова, например: «Как свеча я теплился перед старым идолом Дудиным, - рассказывал сам Ломоносов. - Помер, а не дал. В воду я совался ради этих книг перед наследниками Дудиными и, наконец, получил в вечное владение. «Арифметика» Магницкого и «Грамматика» Смотрицкого суть врата моей (разрядка наша – *авт.*) учености».[12]

1. *Виноградова Наталия* . Врата российской учености // Невское время. 15.01.2004. http://www.nvspb.ru/stories/vrata_rossijskoj_uchenosti#discussion

2. *Ломоносов М.В.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник Тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславныя Ея победы, одержанныя над королем Прусским нынешняго 1759 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том восьмой. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732 – 1764 гг. М.; Л., 1959. С. 652.

3. *Ломоносов М.В.* Петр Великий. Героическая поема. Там же, С. 729.

4. *Ломоносов М.В.* «Первые трофеях Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрез преславную над Шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финландии» // *Ломоносов М.В.* Полное собра-

ние сочинений. Том восьмой. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732 – 1764 гг. М.; Л., 1959. С. 43.

5. *Тредиаковский В.К.* Оды похвальные. Ода IV. Похвала Ижорской земле. // *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 180.

6. *Батюшков К. Н.* О характере Ломоносова // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977, с. 32.

7. Цит. по «М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников». Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л., 1962, с. 43.

8. *Бабкин Д. С.* Биографии Ломоносова, составленные его современниками //Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 27—30.

9. *Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 558-631.

10. *Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 585, 586.

11. *Веревкин М.И.* // Словарь русских писателей XVIII века. Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 1. Л., 1988. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=615

12. http://virtmuseum.aonb.ru/z6.html#vrata

Ю.А. Карчина (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМНЫЕ ОБЛАСТИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Библейская фразеология – это особая группа в системе образных средств русского литературного языка. Л.М. Грановская определяет ее как «первую по времени сугубо книжную фразеологию» [Грановская, 2003, с. 7]. Церковно-библейская фразеология появилась на Руси в результате официального введения христианства в конце X века. Возникнув в церковно-книжной письменности, она довольно быстро проникла в письменный деловой язык, а также в народную речь [Смирнов, 1971, с. 113]. Как пишет Е.М. Верещагин, «Библия сама по себе есть первичное, непревзойденное событие в области духовной культуры. По своему воздействию на общечеловеческую культуру она, бесспорно, занимает такое выдающееся, уникальное место, что ни одна другая книга сравниться с ней не может. В частности, и современный русский язык, подобно другим языкам христианских народов, испытал на себе огромное библейское влияние» [Верещагин, 1993, с. 95].

Устойчивые сочетания, обороты, выражения, возникшие на базе текста Священного Писания или библейских сюжетов, принято называть библеизмами. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова определяет библеизм как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [Ахманова, 1966, с. 66].

Существует множество аспектов изучения фразеологизмов библейского происхождения. Одна из проблем – их фиксация и описание в словарях русского языка. Собрания фразеологических материалов, в том числе и библеизмов, в виде отдельных сборников или в виде элементов словарной статьи в толковых словарях отличаются разнородностью как по своему составу, так и по описанию [Молотков, 1977, 3].

Отметим основные, на наш взгляд, проблемы, с которыми можно столкнуться при работе над словарями библеизмов:

1. До сих пор не разрешен вопрос о том, следует ли относить к библеизмам отдельные слова из Священного Писания (преимущественно имена собственные), пословицы, поговорки, возникшие на базе текстов Библии, или понимать под библеизмами только состоящие из нескольких слов выражения, воспроизводимые регулярно и семантически и лексически детерминированные библейским текстом. Кроме того, существует проблема включения или не включения в объем словаря библейских выражений, не обладающих идиоматичностью. В связи с этим, объем и содержание словников различный словарей различен.

2. Осознана необходимость указания конкретного места библеизма в тексте Священного Писания, поэтому в изданиях в обязательном порядке присутствует система отсылок к источнику выражений. Авторы-составители решают этот вопрос по-разному, разрабатывая собственный вариант отсылки к той или иной книге Библии или пользуясь уже существующей системой, функционирующей в изданиях Священного Писания при указании параллельных отрывков. Таким образом, не всегда можно быстро сориентироваться в различных пометах при анализе словарных статей.

3. Решается вопрос о выборе между цитированием Библии и пересказом библейского сюжета в тексте словарной статьи. Здесь, по нашему мнению, решающим фактором становится тип библеизма согласно классификации Ю.А. Гвоздарева.

4. Решается проблема совмещения в структуре словарной статьи филологического и энциклопедического принципов.

5. В некоторых изданиях не привлекаются дополнительные материалы из богословской и исторической литературы при пояснении смысла библейских выражений – авторы опираются лишь на собственное понимание текста Священного Писания. На наш взгляд, факт отсутствия опоры на историческую, а тем более, богословскую литературу при толковании Библии является существенной недоработкой, так как в таком случае возникает опасность не только искажения реальных фактов, но и, что гораздо серьезнее, искажения вероучительных основ.

7. Определяются источники иллюстративных примеров, а также их оптимальное количество в словарной статье. Иллюстративные примеры, безусловно, помогают определить контекст использования библеизмов в речи. Но иногда примеры, подобранные составителями словарей, некорректны и уводят читателя далеко не только от первоначального смысла библейского выражения, но и от его обычного фразеологического значения.

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. *Верещагин, Е.М.* Библейская стихия русского языка // Русская речь. 1993. № 1. С. 90-98.

3. *Грановская Л.М.* Словарь имен и крылатых выражений из Библии: Ок. 400 имен; Более 300 крылатых выражений. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 288 с.

4. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

5. *Смирнов В.Л.* Некоторые наблюдения над фразеологическими единицами церковно-библейского характера // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Сб. 7. Вып. 96. – Казань, 1971. – С. 110-114.

к.ф.н., доцент И.В. Кузнецова (Чебоксары)

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ: ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

При стабильности основного корпуса фразеологии наблюдается и постоянная его динамика. Рассмотрим изменения на примере устойчивых сравнений (УС) – обширного пласта фразеологических единиц (ФЕ).

Лексикография позволяет выявить ушедшие в пассив УС: *глуп как лошадь*, *глуп как осетр* (зафиксированы в рукописном сборнике «Пословицы, собранные В.Н. Татищевым», подготовленном ученым, судя по письму к В.К. Тредиаковскому, до февраля 1736 г.) и проследить различные модификации ФЕ: *пятиться как рак хвостом* (Татищев) – *пятиться [назад (задом)] как рак*; *не пристало как (что) седло [х] корове* (Татищев; «Собрание 4291 древних российских пословиц. Печатаны при императорском Московском университете 1770 года») – *пристало как седло к корове (корове седло) – идти как корове седло*; *богат как церковная мышь* (Михельсон; «Пословицы и поговорки Нижегородской губернии (записи Н.А. Добролюбова)» (ср. с польск. *bogaty jak mysz kościelna*; в.-луж. *bohaty kaž myška w cyrkwi*) – *беден (нищ) как церковная мышь (крыса)*. Но фразеография не всегда успевает отразить изменения фонда фразеологии, поэтому в наши дни неоценимы новые возможности, которые дают для исследований и корректировки статуса отдельных ФЕ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Интернет. Так, УС *знать [что] как свой карман* дано с пометой *Нов.* с указанием на то, что ФЕ впервые была употреблена И.С. Тургеневым в рецензии на книгу «Повести, сказки и рассказы казака Луганского», написанной в 1846 г. Далем. (Мокиенко 2003:40-41). ФЕ довольно частотна: При прощании инженер этот, двадцать пять лет проживающий в Египте и *знающий* Нил *как* «*свой карман*», предупредил нас, что сегодня или завтра мы должны непременно ожидать бури... (Рафалович А.А. Путешествие по нижнему Египту и внутренним областям Дельты. 1850); Итак Дехтярев, решивший все задачи существования и *знающий* сущность бытия, *как свой карман* Ї тоже прислал Вам сдуру свою исповедь (Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. 1852-1874); Вчера винный поверенный Беленко, красный, как говядина, старичок, *знающий* около-

док, *как свои карманы*, рассказывал В<асилию> про соседние имения (Толстой Л.Н. Записные книжки. 1853-1910); Он скупал, перекупал, продавал; его руки, как сеть железная, покрыли весь уезд. Он *знал* его, *как свой карман* (Горький М. Колокол. 1896); Был характера удивительно доброго, вспыльчивый и большая умница. *Знал* Кавказ, *как свой карман*, и говорил на всех туземных языках (Корганов И.И. Воспоминания. 1939. Письмо к Л.Н. Толстому от 29 декабря 1902 г.); …командир IV корпуса генерал Даненберг оставил карты в Херсоне, заявив, что они ему не нужны, ибо он «*знает* всю эту местность *как свой карман*» (Керсновский А.А. История русской армии. 1930-1940); Герасимов … готовил фразу, которая бы мотивировала резонность отказа: «Чтобы бороться с революцией, город надо *знать как свой карман*» (Семенов Ю. Непримиримость. 1959). Помету *Нов.* видим и при УС *нужен [кому что] как собаке боковой карман* (Мокиенко, Никитина 2008:634), хотя оно известно с 1-ой половины XX в.: Им бак *нужный*, *как собаке боковой карман*, а у нас будет баня (Макаренко А.С. Педагогическая поэма. 1933); С дрожью в голосе: будьте любезны, не откажите в любезности позвать к телефону такого-то. *Нужен*, *как собаке боковой карман* (Кин В. Записные книжки. 1921-1937) (в 1994 г. ФЕ зафиксирована без помет: Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений, Елистратов В.С. Словарь московского арго: Материалы 1980-1994 гг.).

Видимо, давая пометы, авторы исходили из следующего определения фразеологического неологизма: «это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко 2003:XI). Но возникают вопросы: что подразумевает слово *заново* в дефиниции и можно ли считать неологизмами ФЕ, вышедшие на какое-то время в пассив, а затем снова ставшие употребительными (типа *бояться [чего] как слон мышей (крыс)*, которые встречаются у Алданова М.А. Пещера. 1932; Аграновского В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике. 1976-1999)? Причем последнее установить, ориентируясь на данные Интернета и НКРЯ (корпус, несмотря на постоянное пополнение материалов, по вполне понятным причинам не охватывает все опубликованное), тоже не всегда возможно.

Бесспорно новыми являются ФЕ с лексическими неологизмами (таковы, например, УС с компонентами *калькулятор*, *ЭВМ*, *компьютер* и словами из сленга программистов – Кузнецова 2010), в том числе в тех случаях, когда они образно-экспрессивно «перезаряжают» часть УС: *ходить (бродить) как лунатик (сомнамбула) > зомби*; *делать [что] как лунатик > зомби*; *уставиться как баран на новые ворота > на компьютер нового поколения*; *богатый как Крез (Ротшильд, Рокфеллер) > [Билл] Гейтс*; *вид как у босяка > у бомжа*; *выглядеть (ходить*, *одеваться*, *оборванный) как босяк > бомж*; *ругаться как [последний] босяк > бомж*; *жить как босяк > бомж*; *вести себя как босяк (апаш* ‘деклассированный элемент во Франции; хулиган, вор’*) > [последний] бомж*; *зарыть как колодника* (‘арестант, закованный в колодки’) *> хоронить/ похоронить (зарыть) как [безродного] бомжа*. Это типично и для других языков: польск. *bogaty jak Bill Gates*; укр. *вигляд як у бомжа*; *виг-*

лядати (ходити, *одягнений) як бомж*; *жити як [останній] бомж*; *поховати як [безродного] бомжа*; польск. *wyglądać (chodzić, ubierać się, być ubranym) jak menel (łajza) [spod budki z piwem]*; *żyć jak menel*; *chować/ pochować jak menela*; *zachowywać się jak menel (łajza)*; слвц. *vyzerať (chodiť) ako bezdomovec (bezdomovkyňa), byť oblečený ako bezdomovec*; *byť oblečená ako bezdomovkyňa*; *žiť ako [posledný] bezdomovec*; *pochovať ako bezdomovca*; чеш. *vypadat (chodit, být oblečený) jako bezdomovec*; нем. *wie ein Assozialer (Assi*'бомж, асоциальный или плохо выглядящий человек'*) sein (aussehen)*. Новых УС, созданных по существующим моделям, немало: *нужен как гвоздь в сапоге – нужен как заднице (жопе) гвоздь в диване* (Липкин С. Записки жильца. 1962-1976; Козаков М. Актерская книга. 1978-1995); *[кто] как морфинист без морфия* (Булгаков М.А. Театральный роман. 1936-1937) – *[кто] как наркоман (*жарг. *нарик) без [очередной] дозы*; *[что, кто] как морфий для морфиниста* (Вересаев В.В. Человек проклят (О Достоевском). 1909) – *[что, кто] как наркотик для наркомана* и т.д.

Относительно недавно появилось УС *нужен (нужно) [кому что] как собаке подштанники* (Кузнецова 1995:80), однако его поиски в Интернете и НКРЯ ни к чему не привели; мы обнаружили его в одной из работ (Козлова 2007:365). Практически у всех на слуху УС *глуп как чукча*, тоже не имеющее словарной фиксации (и не найденное нами в Интернете и НКРЯ). Однако об его активности свидетельствует то, что УС было заимствовано польским языком: *głupi jak Czukcza* (Krajewski 1993:388). Но далеко не все не зафиксированные словарями ФЕ будут являться неологизмами. Так, в текстах с XVIII в. часто встречается в разных вариантах УС *наг как Адам* (Кузнецова 2010:248-249). ФЕ упоминается в научных публикациях, но в существующих словарях русских устойчивых сравнений и словарях библеизмов ее нет; фиксация появилась сравнительно недавно в двуязычном словаре (Stěpanova 2007:12). Можно ли его считать новым? В то же время у лексического варианта УС *гол как Адам* из-за многозначности прилагательного появляются значения 'не имеющий никакого имущества': У меня ведь даже паспорта нет. Ничего нет. *Гол как Адам* (Волков А. Ликвидаторы. 2001) – ср. с укр.: «Ми давно живемо, як у раю». – «Що, усе є?» – «Та ні, *як Адам та Єва голі й босі*!» – http:/// www.pravda.com.ua/); чеш. *nahý jako Adam* 'бедный' (SИFI 1983:31), польск. *goły jak Adam* (Komornicka 1994:25) и семантически близким ему лемк. *зустати як Адам* 'остаться без имущества, лишиться всего' (Вархол, Івченко 1990:18); 'чувствовать себя неловко, неудобно, стесненно, не так, как всегда; чувствовать себя незащищенным': Отними у человека ложь – и он *почувствует себя голым, как Адам* в театральном фойе (Гуцко Д. Осенний человек. 2001); 'предельно откровенный, такой, как есть' – ср. с названием сборника стихов «В своих стихах я *голый как Адам*» (Елютин В.М. 2007). Здесь налицо контекстная актуализация одного из переносных значений полисемантичного слова, при котором оно не теряет своего общеязыкового смысла, но само УС приобретает не закрепленные языковым узусом значения. Особо интересны новые по содержанию УС: *испытывать как Иова* 'подвергать кого-л. суровым жизненным испытаниям, проверять с целью выяснения качеств, пригодности к чему-л.': А теперь ты *испытуешь* его, *как* некогда испытывал *Иова* самыми тяжкими бедами. (Глушкин О. Письмо для Бога. 1990-1999); *Испытываешь*? *Как Иова*, да? Сперва взял первого мужа,

потом – Мишу, маму, а теперь… (Катерли Н. Дневник сломанной куклы. 2001).

Обычно локально-временную ограниченность имеют УС с историческими лицами. Так, канули в Лету УС *дурной как Скоропадский*; укр. *дурний як Скоропадський* (Творчество народов СССР. М., 1937); *смотреть как Семашко на сифилис*, активное в 90-х гг. XX в. (Кузнецова 1995:147). Казалось бы, такая же судьба должна ожидать УС с именами участницы антивоенных и негритянских движений, члена ЦК КП США и камбоджийского диктатора, главы «красных кхмеров»: *волосы (прическа) как у Анджелы Дэвис* (Кузнецова 1995:13; Катанян В. Прикосновение к идолам. 1998); *замучить [кого, что] как Пол Пот Кампучию* (из частушки середины 70-х гг.; к/ф «Интердевочка». 1989; Толстая Т. Засужу, замучаю как Пол Пот – Кампучию. 1998), но они активно употребляются в Интернете.

Материалы НКРЯ и Интернета помогают и не зафиксированные словарями УС, дополняющие ряды ФЕ-синонимов: *торговаться как маклак [на барахолке]* (Аверченко А.Т. Автобиография. 1910; Пантелеев А.И. Лёнька Пантелеев. 1938-1952; Пикуль В.С. Каторга. 1987; Ахтямов М. Пелагея и Лазоревый шуршик. 2006). УС активно не только в различных Интернет-форумах, но и в СМИ: …потом *торгуясь* за их жизни, *подобно маклакам на барахолке* (пусть придет Явлинский – отпущу детей, пусть придет Примаков – еще тридцать)! (Кто атаковал Нальчик // АиФ № 42(1303). 19.10.2005); …бандиты этим пользовались, *торговались*, *как маклаки на барахолке*, выдвигая какие-то промежуточные требования (насчет жратвы и пойла) в обмен на заложников-детей (Басаев убит: одноногому оторвали голову… // АиФ № 28(1341). 21.07.2006). Ряд ‘лгать’ (*врать как старая кобыла (мерин)*) дополняет УС *врать как конь* (т/с «Сыщики». 2001). При этом составители фразеологических словарей имеют возможность проверить активность интересующей ФЕ и внести корректировки в пометы. Так, УС *врать (лгать) как лошадь* (Фонвизин Д.И. Бригадир. 1783-1786; Достоевский Ф.М. Записки из подполья. 1864; Преступление и наказание. 1866) оказывается не устаревшим, а широко используемым в Интернет-материалах; его вариант *врать (лгать) как зелёная лошадь* (Куприн А.И. Письмо Ф.Д. Батюшкову от 6 марта 1910; Яма. 1915; Кин В. Фельетоны. 1925-1926) является в наши дни еще более частотным. Интересен текст: У этого Магомета была еще и зеленая лошадь. Отсюда, верно, и поговорка: «*врет, как зелёная лошадь*». Зеленая не бывает, а голубых – сколько угодно: темно-серые, когда они молодые – до пяти лет, – часто выглядят голубоватыми, – пояснил Кудашев. – Ты, Могутов, спроси у татарина, как у них называется голубой цвет. Кок. А зеленый? Тоже кок. В этом все дело (Кудрявцев Ф.Ф. Лошадь «масти пророка Магомета»). Во-первых, он свидетельствует об активности УС. Во-вторых, автор – большой знаток лошадей – описывает масть. Примечательно, что слово *сивый* применительно к масти лошади означает ‘серовато-сизый, пепельно-серый’, т.е. налицо перекличка с УС *врать как сивая кобыла (сивый мерин)*. ФЕ *зелёная лошадь* характеризует мошенника и подлеца (Лесков Н.С. На ножах. 1870), а выражение *зелено говорить* значит ‘говорить глупо, безрассудно’ (Даль 1903:1688). Все это дает этимологам пищу для новых размышлений.

Благодаря НКРЯ и Интернету можно выявить трансформации ФЕ, установить приблизительное время активизации УС: *нужен как дыра в голове*

(Свирский А.И. Рыжик. 1901); *нужен как петуху тросточка* (Войскунский Е., Лукодьянов И. Экипаж «Меконга». 1962). Однако немаловажное значение имеют и записи фразеологов. Так, в НКРЯ УС *врать (брехать) как радио* встречается только в текстах 2001 г. (Найман А. Пропущенная глава; Петкевич Ю. Живые цветы зимой); в нашей картотеке есть пример более раннего его употребления (Исарова Л Запонки императора, или Орехи для беззубых // «Смена», № 4-6, 1992:231).

1. *Вархол Н., Івченко А*. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Братіслава – Пряшів, 1990.
2. *Даль В*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. СПб, 1903.
3. *Козлова Р.М.* Проблемы фразеологического моделирования // Slavenska frazeologija i pragmatika. Zagreb, 2007. С. 361-366.
4. *Кузнецова И.В*. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими). Канд. дисс. … филол. наук. СПб., 1995.
5. *Кузнецова И*. Из наблюдений над русскими устойчивыми сравнениями-библеизмами // Słowo. Tekst. Czas X. Szczecin – Greifswald, 2010. S. 240-251.
6. *Кузнецова И*. Электроника в русских устойчивых сравнениях // Phraseologische Studien. Dynamische Teendenzen in der slawischen Phraseologie. Greifswald, 2010. S. 230-238.
7. *Мокиенко В.М*. Новая русская фразеология. Opole, 2003.
8. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г*. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
9. *Komornicka A*.M. Słownik zwrotüw i aluzji biblijnych. Łüdź, 1994.
10. *Krajewski L*. Porownania z antroponimicznym komponentem // Onomastyka literacka. Olsztyn, 1993. S. 385-392.
11. SČFI – Slownik česke frazeologie a idiomatiky. Prirovnani. Praha, 1983.
12. *Stěpanova L*. Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc, 2007.

д.ф.н., профессор В.В. Михайленко (Черновцы, Украина)

HISTORICAL SEMANTICS OF MONETARY IDIOM

В фокусе данной статьи находится историческая семасиология монетарной идиоматики в английском языке. Теоретической базой исследования являются фундаментальные работы русских учёных. Большинство указанных идиом сохраняют исконное значения. Хотя некоторая часть идиом свидетельствует о метафоризации основного конституента и появлении нового значения характеристики человека.

Ключевые слова: диахрония, семасиология, идиома, монетарная номинация.

The historical analysis of English idioms reveals their origin, development and the way of stabilizing a phraseology stock of English IX-XX c. It is widely believed

by historians of linguistics that the 19th-century was largely devoted to historical and comparative studies. Syntax is typically portrayed as a mere sideline of these studies, while semantics is seldom even mentioned. It is usually assumed to have been confined to diachronic lexical semantics and the construction of some typologies of semantic change. The origin of the term *semantics* goes back to the French noun *semantique* coined by Michel Breal/ It was first used in the title of the English translation M. Breal's book "Essai de semantique". Being a paradigm of historical linguistics with its close links to etymology and lexicography, it matured into a semantics of comprehension and communication, set within a general linguistics and closely related to the emerging fields of psychology and sociology (Nerlich, 1992:207]. The idioms constitute the cultural code of nation; their investigation can reveal the way of its development; and idioms with a monetary nomination represent one of the main concepts of the civilization existence –NE money ← OE feoh.

Òhe theoretical basis of the present research is laid by publications of linguists on conceptualizing and an axiological analysis of nominations of human and society existence (Карасик, 2005; Кубрякова, 1994, 2004; Лихачев, 1997; Лотман, 2000; Степанов, 1997); on lingual cultural studies (Воркачев, 2003, 2004), cross-cultural communication (Верещагин, Костомаров, 1990; Тер-Минасова, 2000), English and Russian phraseology (Ковшова, 2006, 2009; Кунин, 1972, 1996; Телия 1996); on the evolution of language and people (Архангельская 2005; Бондарева 1994; Доронина 2004; Лаврушина 1999; Подгурска 1990).

A.V.Kunin (1972) defined the idiom as a stable combination of lexemes retaining a fully or partially realized meaning (cf.:Жуков,1974). The language phraseology stock is mostly transparent for the language culture concepts because characteristic features of world view related to the language by speakers are reflected in the phraseology unit image foundation (Телия, 1988). In British and American world view the concept of *money* represented by idioms with a monetary nomination is a basic concept verbalized in the national consciousness constituting the sense of life (Воркачев, 2003). The concept as a unit of consciousness reflects all possible associations of the given referent, axiological ones included. Then it is a part of the ethnocultural stock notwithstanding its universal nature (Кубрякова, 1996). Gradually the concept formed and functioning in various world views is enriched with specific ethno- cultural associations. Cultural concepts as societal content mental formations (Карасик, 2005), and accumulated expressions of a definite lingual cultural community (Степанов, 1997, с. 29) are explicators of the ethnic cultural consciousness interpreted due to their language markers in the target culture (Полюжин, 2009:628-640).

The objective of the present paper is to define some fragments of the Modern English world view expressed by monetary idioms. The monetary nominations of the Old English origin (O.E. feorðung, pund, pening, scilling) are used as constituents in the Modern English idiom structure.

In the Old English period the conceptual system of money was represented by the dominant lexeme **"**feoh**"** which distinguished between 4 components in its meaning: **Feoh** - (1) *cattle, living animals,* (2) a medium of exchange*,* (3) property, (4) the Anglo-Saxon Rune f. stood for feoh *money*. The Anglo-Saxon dictionary by Bosworth and Toler gives such illustrations showing the way of how certain

meanings originated in the English language.

Feoh, fioh; *gen.* feós; *dat.* feó; *n.*

I.*cattle, living animals;* Feoh bútan gewitte *the cattle without understanding,* Salm. Kmbl. 46; Sal. 23. Wiht seó ðæt feoh fédeþ *a thing which feeds the cattle,* Exon. 109 a; Th. 416, 21; Rä. 35, 2. Ic sealde him gangende feoh *I gave him live stock [walking cattle],* Cd. 129; Th. 164, 23; Gen. 2719.

II. cattle being used in early times as a medium of exchange, hence *Money, value, price, hire, stipend,* FEE, *reward* merces : Næbbe gé feoh on eówrum bígyrdlum, Mt. Bos. 10, 9. Se ðe his feoh to unrihtum wæstmsceatte ne syleþ Ps. Th. 14, 6. Ðæt he him sealde wið feoh ðæt scræf, Gen. 23, 9. Ic ðé ða f&aelig-acute;hþe feó leánige *I will recompense thee for the strife with money,* Beo. Th. 2765; B, 1380.

III. as property chiefly consisted of cattle, hence *Goods, property, riches, wealth*; Ne wilniaþ nánes óðres feós *wish for no other riches,* Bt. 14, 2; Fox 44, 22. We ðé feoh syllaþ *we will give thee wealth,* Cd. 130; Th. 165, 2; Gen. 2725: Ors. 2, 4; Bos.43, 22.

IV.the Anglo-Saxon Rune f, the name of which letter in Anglo-Saxon is feoh *money, wealth,*-hence this Rune not only stands for the letter *f,* but for feoh *money,* [= feoh] byþ frofur fira gehwylcum *money is a consolation to every man,* Runic pm. 1; *n: Orm.* fe, fehh: *Plat.* vee, veih, *n. cattle: O. Sax.* fé, fio; *Hel.* fehu, *n, O. Frs.* fia, fya, *n: Dut.* vee, *Ger.* vieh, *n: M. H. Ger.* vihe, *n: O. H. Ger.* fihu, *n: Goth.* faihu, *n. cattle, goods: Dan.* fæ, *n: Swed.* fä, *n: Icel.* fé, *n. cattle, goods, Lith.* pekus *cattle: Sansk.* pasu, *m. cattle.* "The importance of cattle in a simple state of society early caused an intimate connection between the notion of cattle, and of money or wealth. Thus we have Goth. faihu *cattle, possessions,* is identical with O. H. Ger. fihu, fehu; Ger. vieh *cattle; Icel.* fé *cattle, money;* A. Sax. feoh *cattle, riches, money, price, reward.*

Each component may function as a differential feature in the semantic domain "feoh" (Фесенко, 2009: 5-3) and it may have its own synonymic set: (1) any living animals; (2) money, value, price, hire, reward; (3) goods, property, riches, wealth; (4) money, wealth. The given lexemes can constitute a semantic domain "feoh", wherein a micro-domain "monetary unit" can be revealed:

Pund, es - (a pound) – money denomination; as a money-denomination, (a) of English money; *a pound, 240 pence* :— .xx. scillingas beóþ on ánum punde, and twelf síðon twentig penega byþ án pund, Anglia viii. 306, 35. Gá seó w&aelig-acute;ge wulle tó .cxx. p. (tó healfan punde, MS. G.), L. Edg. ii. 8 ; Th, i. 270, 3. (b) of other money.Týn þúsend punda *decem millia talenta,* Mt. Kmbl.18, 24. Pundes *libelli,* Wrt. Voc. ii. 52, 53: 91, 44.

Pening (penning, pending, penig, pennig, es), *m. A penny* (1) referring to other than English coinage :— Ðes peningc (pening, penig) *hic as,* Ælfc. Gr. 9, 25; Zup. 50, 14. Fals pening *paracaraximus,* Wrt. Voc. i. 57, 34. Penninge *hymenis*, ii. 96, 71. Peninge, 43, 27. Bringaþ mé ðone pening (*denarium*), Mk. Skt. 12, 15. Ðá brohton hí him &aelig-acute;nne peninc (penig, MS. A. : penning, Lind.), Mt. Kmbl. 22, 19. Ðá onféngon hig &aelig-acute;lc his pening (suindrigo penningas, Lind.) ... syadrige penegas *singulos denarios,* 20, 2-10. Pening, Homl. Th. ii. 78, 27. Mé sind wana penegas *desunt mihi nummi,* Ælfc. Gr. 32; Som. 36, 37. (2) of English coinage, a silver coin, the 240th part of a pound :- Som. 52, 8.; Th. i. 270, 3. [O. L. Ger. penning : O. Frs. panning : O. H. Ger. pfenning, pfenting: *Icel.* penningr.]

Silver penny :. 240 pennies weighed 1 pound. The word sterling is believed to come from the Old Norman French esterlin (meaning little star) transformed in stiere in Old English (strong, firm, immovable).The origins of sterling lie in the reign of King Offa of Mercia, (757–796) who introduced the silver penny. It copied the *denarius* of the new currency system of Charlemagne's Frankish Empire. As in the Carolingian system, 240 pennies weighed 1 pound (corresponding to Charlemagne's *libra*), with the shilling corresponding to Charlemagne's solidus and equal to 12d. At the time of the penny's introduction, it weighed 22.5 troy grains of fine silver (30 tower grains; about 1.5 g), indicating that the Mercian pound weighed 5,400 troy grains (the Mercian pound became the basis of the tower pound, which weighed 5,400 troy grains, equivalent to 7,200 tower grains). At that time, the name sterling had yet to be acquired. The penny swiftly spread throughout the other Anglo-Saxon kingdoms and became the standard coin of what was to become England. E.g.:

3. *A penny saved is a penny gained* .

4. *Not to have a penny to bless oneself with.*

Scilling, es, *m.* -

I.as a denomination of English money (uncoined), *a shilling.* The shilling appears to have been of different values in different parts of the country; in Wessex five pennies make a shilling: Fíf penegas gemacigaþ Ælfc. Gr. 50; Som 52, 8: and with this statement agree several passages of Henry I. Laws, e.g. c. 93, §§ 3, 19, where unus solidus=v denarii, duo solidi=x denarii. In Mercia four pennies go to the shilling. According to Mercian law (Th. i. 190) the ceorl's wergild is 200*s*., the thane's six times as much, 1200*s*., the king's, which is six times the thane's, is 120 pounds; so that 7200*s*.=120x240*d*., i.e. the shilling is four pennies. With this agrees L. W. i. 11; Th. i. 473, where it is said: Solidum Anglicum quatuor denarii constituunt. In the Norman time the shilling is twelve pennies. This reckoning seems to be taken in earlier times. v. riht-scilling and Ex. 21, 10. The word is of constant occurrence in the Laws and Charters; from the latter the following passage may illustrate the point that the shilling was a denomination of value, not a coin: Biscop gesalde six hund scillinga on golde, Chart. Th. 90, 21. It also occurs as a weight: Genim of ðysse wyrte petroselini swýðe smæl dust ánes scillinges gewihte, Lchdm. i. 240, 11.

II. as denoting foreign money the word is used to translate various words:— Scylling *numisma,* Wrt. Voc. i. 57, 30. Scilling *obelus,* ii. 63, 68: *stater,* Mt. Kmbl. Rush. 17, 27. Scylling (scilling, Lind., Rush.) *dragmam,* Lk. Skt. 15, 9. Hundraþ scillinga *centum denarios,* Mt. Kmbl. Lind. 18, 18. Þriim peninga &l-bar; scillinga, Jn. Skt. Lind. 12, 5. Þrítig scillinga *triginta argenteos,* Mt. Kmbl. 26, 15. Þúsend scyllinga on seolfre *mille argenteos,* Gen. 20, 16. Hé hét heora &aelig-acute;lcum fíftig scyllinga tó sceatte syllan, Homl. Th. i. 88, 4. [Goth. skilliggs: O. Frs. skilling: O. L. Ger., O. H. Ger. scilling *solidus, aureus: Icel.* skillingr.]. E.g.:

5. *Pay twenty shillings in the pound.* 6. *Only ten pence in the shilling.*

Farthing - (derived from the Anglo-Saxon *feorthing*, a *fourthling* or *fourth part*[1]) was an English coin worth one quarter of a penny, 1/960 of a pound sterling. Such coins were first minted in England in the 13th century, and continued to be used until 31 December 1960. O.E. feorðung «quarter of a penny,» a dim. derivative of feorða «fourth» (from feower «four») + -ing «fractional part.» Cognate with O.Fris. fiardeng, M.L.G. verdink, O.N. fjordhungr. Used in biblical translation of L. quadrans

«quarter of a denarius;» the English coin (of silver until 17c., later of copper or bronze), first was minted under Edward I and abolished 1971.E.g.:

7. *Not a brass farthing*. 8. *Play chuck farthing.*

Л.Г.Бабенко in her paper on the synopsis of Russian lexis ideographic description put forward her categorizing the world view. The conceptual system "Economy" is categorized into "money, a sum of money, property"(Бабенко,209:592-613). The original of the OE monetary units meaning and their NE outcomes taken out of the idiom structure have the meaning "a sum of money", "wealth or poverty". However the same units within the NE structure due to the semantic correlation of all the constituents, historical semasiology, and metaphorical transformations the idioms under study represent various categories (Дальхеева,2010: 6-15): **Money:** pay twenty shillings in the pound; take the King's, (Queen's)shilling; cost a pretty penny; Peter's penny; ten (two) a penny. **Economic status:** not to have a penny to bless oneself with; penny plain and twopence coloured; not to have two pennies to rub together; not a brass farthing. **Human's attitude to money**: penny wise, pound foolish; look after the pennies and the pounds will look after themselves; a penny saved is a penny gained. **Risk:** in for a penny, in for a pound; play chuck farthing. **Trustworthiness**: sound as a pound. **Heritage**: cut somebody off with a shilling. **Award**: pennies from heaven. **Intellect**: not the full shilling, to be only ten pence in the shilling; the penny's dropped. **Physics**: yellow as a guinea**.**

In conclusion we must admit that the origin of the term and concept "semasiology" is traced to reveal the diachrony of the monetary nomination in the idiom structure. Within the time the denomination of value underwent metaphorization to denote the human's characteristics.

1.*Бабенко Л.Г.* Синопсис идеографического описания русской лексики как форма репрзентации категоризации мира / Л.Г. Бабенко//Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. - М.:Языки славянских культур, 2009. – С.592-613.

2.*Дальхеева А М.* Параконцептуальное заимствование как вид взаимодействия культур (на примере трансляции фразеологического репрезентанта американского концепта self-reliance в русскую лингвокультуру): автореф. дисс.на соискание учён. степени канд.наук:10.02.19 «Теория языка» /А.М.-Дальхеева. - Иркутск, 2010. – 20с.

3.*Полюжин М.М., Венженович Н.Ф.*О когнитивном и лингвокультурологическом изучении фразеологии/ М.М. Полюжин //Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С.628-640.

4.*Фесенко О. П.* Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. докт.дисс. на соискание учён. степени канд.наук:10.02.01 «Русский язык» /О.П.Фесенко. - Томск, 2009. – 37с.

5.*Nerlich Brigitte.* Studies in the History of the Language Sciences 59/ Brigitte Nerlich. - London: Johm Benjamins, 1992. - XI, 359 pp.

к.ф.н., доцент Е.К. Николаева (Санкт-Петербург)

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Польское влияние на фразеологический фонд русского языка несомненно менее заметно и значительно, нежели французского или немецкого языков. Если мы обратимся, например, к словарю М.И. Михельсона «Русская мысль и речь», то в качестве источников русской фразеологии польской составляющей мы там не обнаружим вовсе. Хотя тесные социально-политические, литературные и вообще культурные связи между Россией и Польшей и сам факт наличия большого количества лексических заимствований из польского языка в русском (см. напр. Witkowski 1999) не может не свидетельствовать о том, что и фразеология русского языка (добавим – и паремиология) испытала на себе влияние польского.

Первый, пожалуй, самый обильный заимствованиями период – конец XVII - начало XVIII века. Ломка и перестройка русской государственности, производства, культуры, быта, предпринятая Петром I, открыла путь мощному потоку иностранных слов и выражений. Именно в этот период своего развития русский язык испытал наиболее ощутимое влияние польского языка. Польские пословицы, слова и фразеологизмы приходили в русскую речь разными путями: одни путем устной передачи, другие при переводе художественных произведений с польского языка на русский, иногда и при изучении польского языка (русские грамматики польского языка XVIII в. зачастую содержат богатый фразеологический и паремиологический материал).

Что касается переводной литературы, то самыми плодотворными в отношении фразеологических заимствований произведениями этого периода были сборник забавных анекдотов «Facecje polskie» (1624), переведенный на русский язык в конце XVII века (1680), и «Апофтегмата» - «Krótkie a węzłowate powieści» Беняша Будного (1599). В своей работе «Из истории пословицы» В.Н. Перетц особо останавливается на «Фацециях» как «на источнике пословиц, заимствованных русскими - южными и северными - у поляков» (Перетц 1898: 6). Некоторые из этих пословиц дошли до нашего времени и фиксируются в современных сборниках, как, например, пословица: *Не гневи пана - потеряешь барана* (*Рыбн. 1961, 152)*, полностью совпадающая с польским оригиналом *Nie gniewaj pana: stracish barana.* Многие пословицы из этого источника фиксируются в недавно вышедшем словаре русских пословиц (БСРП 2010). Автор второго произведения («Апофтегмата»), описывая случаи из жизни знаменитых людей Древней Греции и Рима, приводил и их наиболее знаменитые изречения. Этот памятник переводной литературы XVII века был широко известен в России. Перевод его был напечатан еще при Петре I и в течение XVIII в. выдержал 16 изданий (целиком и в обширных извлечениях в «Письмовнике» Н.Г. Курганова).

Благодаря переводам «Апофегмат» пословичную форму получили некоторые латинские сентенции, часть которых попала в рукописные и печатные сборники пословиц и поговорок и начала самостоятельную жизнь в языке. Так в сб. Андрея Богданова зафиксирована пословица *Умерла та курица, коя несла золотые яйца* (Богд. 1741: 113) (ср. в переводе «Апофегмат»: *Умерла уже курица, яже золотые яйца Дариевы несла* - ответ Александра Македонского послам царя Пора, требующим уплаты дани); в рукописный сб. Тиханова без малейших изменений вошло изречение императора Тиберия: *Доброму пастырю надлежит стрищи волну от овец, а не кожи их лупити* (Малэк 1999: 246). Многие выражения латинских авторов, уже получившие статус «крылатых» в западно-европейской культуре, вошли в русские сборники пословиц и словари в форме, предложенной переводчиками «Апофегмат»: *В войну молчит суд* (Снег. 1848, 50; Танч. 1986; БСРП 137); *Дворянская служба - красная нужда* (Богд. 1741, 77; Снег. 1848, 86; БСРП 829); *Дар принял тот, кто достойному дал* - Д 1, 101; Снег. 1848, 84; Танч. 1986, 45; БСРП 233). (В переводе 1711 г.*: Дар принял той, иже достойному дал).* Таким образом, польский язык способствовал вхождению в русский паремиологический фонд и античных крылатых выражений.

Польский след обнаруживается и в пословице *Я сударь, ты сударь, а кто же присударивать станет?* (ДП 1: 195). Эта пословица является калькой польского выражения *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam posłuży?*. В польском языке эта пословица, содержащая насмешку над мелкой небогатой шляхтой, фиксируется с 1696 г. в форме *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam posłuży?* Кроме того, эта пословицы была взята на вооружение русским языком и творчески переработана: к первой части польского выражения было добавлено русское продолжение *Я вашец, ты вашец, а кто же хлеба напашец,* где насмешка усиливалась использованием типичного для польского языка глагольного окончания, позволяющего образовать рифмованную пословицу. Впервые она была зафиксирована в 1769 г. в «Российской универсальной грамматике» Н.Г. Курганова, которая в качестве приложения содержала «Сбор разных пословиц и поговорок». Интересно, что в этой русской рифмованной форме пословица вернулась в польский язык в XIX в. *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam chleba napaszeć?* (Николаева 2010)

Позднее в русский язык вошли и другие пословицы, имеющие, по нашим наблюдениям, польские корни: *Хоть шляхтич дробный, да породы доброй (Choć szlachcic drobny, jest porody dobrej); Чья гребля, того и став (Czyja grobla, tego staw*); *Обещанки – цацанки, а другому радость (Obiecanka cacanka, a głupiemu radość)* Не без влияния польского языка попала в русский язык и пословица *Не было у бабы хлопот, так купила порося* (см. подробнее Николаева 2010: 612)

В начале XVIII в. через посредство староукраинское и старобелорусское, через так наз. «западнорусский» язык в русский язык проникает фразеологизм *одержать победу,* являющийся калькой старопольского устойчивого оборота *odzerżawać/odzierżywać/odzierżeć zwycięństwo*, калькирующего, в свою очередь, лат. *victoriam obtinere*. (Золтан 1998: 172). Ст. Кохман, научные интересы которого прежде всего были связаны с исследованием полонизмов в русской лексике, в одной из своих статей обращает внимание и на устойчивые сочетания польского происхождения, доказывая польское про-

исхождение оборота *вызвать на поединок кого*. Русским языком этот оборот был заимствован не ранее первой половины XVIII в. По мнению С.Кохмана, синонимичный оборот *вызвать на дуэль* возник позднее и целиком калькирует французский оборот *provoquer en duel* (Кохман 2002: 141–148)

В XVIII в. в русском языке появилось выражение *андроны едут* (первая фиксация – 1741 г.). Это выражение имеет книжное происхождение и заимствовано из пол. *androny* – "шутки, россказни, вздор", куда оно, в свою очередь, попало из средневековой латыни. Самое раннее употребление выражения *androny prawic*, зафиксированное нами, относится к концу XVII в., - оно встречается в стихотворном романе Адама Корчиньского «Позлащенная дружбой измена», который обычно датируется 1698 г. Вероятно, это одно из первых употреблений выражения, поскольку *androny* - заимствованное слово в польском языке, куда оно вошло, по мнению Я.Карловича, не ранее второй половины XVII в. В средневековой латыни *androna* значило «распутье» или вообще «публичное место, где собирались мужчины и вели досужие разговоры». Название места подобных бесед в польском языке стали обозначать и сами «досужие разговоры» (Николаева, Николаев 1996, 503-508). Но в русском языке слово *андроны* оказалось «своим» (собственное имя Андрон) и стало писаться с прописной буквы, что затемнило внутреннюю форму выражения и привело к искажению исходной образности.

В XVIII в. из польского языка пришло и зажило активной жизнью выражение *быть с кем-л. запанибрата*. Польское выражение *za panie bracie z kim być* впервые фиксируется в польских источниках в 1731 г., а уже в 1784 (1785) г. его употребляет русский писатель Я.Б. Княжнин в комедии «Хвастун» (1784 или 1785 г.): «Богатства у него и знатности палата; И графы и князья все с ним запанибрата.» (В издании XVIII в. раздельно: *за панибрата*). Примечательно, что Я.Б. Княжнин, возможно, имел польские корни и происходил из старинного шляхетского рода.

Благодаря разысканиям В.М. Мокиенко, польский источник обнаружился у целого ряда фразеологизмов, вошедших в русский язык в разное время, начиная с XVIII в. до начала XX, таких как: *вешать нос на квинту*; *до лампочки кому что (до фени, до фонаря, до лампады); фигли-мигли* (*выкидывать фигли-мигли, строить фигли-мигли); выкидывать/выкинуть фортель; по блату; давить сачка, на халяву* (Мокиенко 2003, 2003а) .

Процесс вхождения фразеологических полонизмов в русский язык продолжался и в XX в. По наблюдениям польского профессора В. Хлебды, в русских словарях зафиксировано 30 польских крылатых выражений. Активной жизнью в русской публицистике (более четырех раз встречающихся в разных текстах) живут 4 оборота, вошедшие в русский язык во 2-ой половине XX в.: *огнем и мечом*, *шоковая терапия, все на продажу, пейзаж после битвы* (Хлебда 2000: 444). К этим оборотам можно добавить и крылатое выражение *Камо грядеши?*, который восходит к цсл. тексту Евангелия от Иоанна, но распространение получил благодаря названию русского *перевода* романа польского писателя Г.Сенкевича «Quo vadis» (выражение из латинского перевода того же текста Евангелия). В языке это выражение закрепилось именно в той грамматической форме, которая была использована переводчиками Г. Сенкевича: форма глагола (2 л., ед.ч.) не меняется даже при согласовании его с существительными (местоимениями) множествен-

ного числа. Ср., напр., у В. Высоцкого: *«Навстречу им леший: «Вы камо грядеши?»*; или пример из публицистического материала: «*Ведь дурные примеры заразительны, особенно когда они исходят от власть имущих. Не потому ли в Петербурге уже появились фальшивые избирательные списки, провокационные объявления о сборе подписей за мзду и т.п. вещи. Камо грядеши, сограждане?»* (СПб. ведомости).

Как видно из доклада, польский язык оставил свой след в русском языке на всех фразеологических (при широком понимании фразеологии) уровнях: идиоматике, крылатике, паремиологии. И самый весомый вклад пришелся на начало XVIII в. Хотя многие из вошедших в то время фразеологимов перешли в пассивный запас русского языка, тем не менее они продолжают жить на страницах русской литературы и словарей.

1. Кохман 2002: *Кохман С.* К истории европейских фразеологизмов в русском литературном языке (вызвать на поединок/дуэль) // Studia Slavica VI. Slavistika osudem i volbou. (K 75. narozeninam prof. Jiřího Damborského). 2002.

2. Малэк 1999: *Малэк Э*. К изучению переводов «Апофегмат» Беняша Будного на русский язык // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI-XVIII secolo. Alessandria, 1999.

3. Мокиенко 2003: *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авося до Ятя. – СПб.: Норинт, 2003.

4. Мокиенко 2003а: *Мокиенко В.М.* Давайте говорить правильно! Трудности современной фразеологии. Краткий словарь справочник. – СПб., 2003.

5. Николаева, Николаев 1996: *Николаева Е., Николаев С.* «Андроны едут». (Историко-этимологический этюд) // Slavia Orientalis. – 1996. – № 4.

6. Перетц 1898: *Перетц В.Н.* Из истории пословицы: историко-литературные заметки и материалы. С приложением сборника польских пословиц по рукописи 1726 г. СПб., 1898.

7. Хлебда 2000: *Хлебда В.* Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова? // Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999). – Olomouc, 2000.

8. Witkowski 1999: *Witkowski W.* Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. – Kraków, 1999.

9. Zoltan 1988: *Zoltan A.* Почему русские «одерживают победы»? // Russian Linguistics. – 1998. – № 22.

10. Николаева 2010: *Николаева Е.К.* Polonica в русских пословицах // Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Szczecin; Greifawald, 2010. S. 612-619.

Сокращения

1. БСРП – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

2. Д [1-4] – *Даль В. И.* Толковый словарь живого русского языка. Т.1-4. – Москва: «Русский язык», 1978.

3. ДП – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В двух томах. – Москва: «Художественная литература», 1984.

4. Снег. 1848: *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. М., 1848.

5. Танч.1986: *Танчук В.* Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986.
6. Богд. 1741: Собрание пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков. М.; Л., 1961. С. 65-118, 259-263.
7. NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Pod red. J.Krzyżanowskiego. – Warszawa 1969-1978. T. 1-4.

к.ф.н., доцент И. Л. Старикова (Москва)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ *«ПРЕСТУПЛЕНИЕ»* ВО ФРАЗЕМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский народ всегда волновали вопросы: что такое преступление, каковы его границы, с чем оно связано? И бесспорно, интерес народа к содержанию и объему этого понятия и попытки описать его нашли отражение во фразеологическом фонде русского языка.

Впервые о преступлении было упомянуто в Библии. Людям были даны десять заповедей Божьих, из которых некоторые напрямую связаны с совершением преступления в человеческом обществе (не убий, не укради). Нарушение их воспринимались как совершение греха. Таким образом, преступление было означено изначально и понималось как грех. Следующим источником, по которому мы можем судить о том, что означало понятие «преступление», - это «Русская правда» Ярослава Мудрого, написанная в XIII веке. В ней говорится, что преступно только то, что причиняет непосредственный ущерб конкретному человеку, его личности или имуществу. Отсюда и термин для обозначения преступления — «обида». Соответственно этому строится и система преступлений. «Русская Правда» знает лишь два рода преступлений — против личности и имущественные. В ней нет ни государственных, ни должностных, ни иных видов преступлений. Это не означало, конечно, что выступления против княжеской власти проходили безнаказанно. Просто в таких случаях применялась непосредственная расправа без суда и следствия.

В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» называет преступлением «самое дело, проступок и грех; беззаконие, злодеяние; поступок противный закону» (Даль 2008: 637). Составители толковых словарей Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов, А. П. Евгеньева называет преступлением общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности (право)» или как «неправильное, вредное поведение, а также в качестве переносных отмечают у слова значения «неправильное, вредное поведение» и «дурной, предосудительный поступок» (Ушаков 2010: 762; Ожегов 2008: 581; Евгеньева 1999 т. 3: 35).

Таким образом, внимание к содержанию понятия «преступление» позволяет говорить о важности этого концепта для русского человека, что и нашло

отражение в определенных тематических группах идиом. К наиболее распространенным тематическим группам идиом с концептом «преступление» можно отнести следующие:

- деятель преступления;
- вид преступления;
- причина совершения преступления;
- место совершения преступления;
- орудие преступления;
- качественная характеристика преступника;
- взаимоотношения между преступниками.

Прежде всего рассмотрим группу идиом, ориентированных на деятеля преступления – *преступника*. В этой группе можно определить две означенных в паремиях разновидности нарушителей закона: *человек* (например: ***Повар с голоду не умрет; Портной и на ножницах украдет***) и *животное* (например: ***Крадется, как волк; Лиса и во сне кур считает***).

Идиомы с включением в свой состав *преступника-человека* прежде всего отражают его профессиональную и социальную характеристики, связанные в сознании народа с преступлением. Эту группу фразеологизмов в свою очередь можно разделить на две подгруппы:

гражданские профессии: ***Нет воров супротив портных и поваров; Нож не только повар носит; Повар с голоду не умрет; Портной и на ножницах украдет; Если староста плут – плут у него и писарь; Законы святы, да законники супостаты; Судья – что плотник: что хочет, то и вырубит; Там закон, где судья знаком.***

военные профессии: ***Воеводой быть – без меду не жить; Солдат не крадет, а без спросу берет.***

В свою очередь, идиомы содержащие названия животных, можно классифицировать по признаку близости к человеку: *«домашние животные*» и *«дикие, неодомашненные животные»*.

Так, идиомы содержащие в своем составе названия *домашних животных* могут быть представлены следующими примерами: ***Голой кости и собака не гложет; Дать барашка в бумажке; Заглядывает, как собака в кувшин; Не верь козлу в капусте, а псу в овчарне; От стриженного барана шерстью не поживишься; Облизывается, как кот на воробья; Пошла свинья в огородники; Черная собака, белая собака – а все псиной воняет; Черного кобеля не отмоешь добела; Чует кошка, что сало (мясо) съела.***

Фразеологизмы, содержащие в своем составе названия *диких животных* в основном ориентированы на тех животных, которых хорошо «знал» человек и которые потенциально являлись нарушителями устоявшегося жизненного уклада: ***Волк волком не травится; Волк все равно остается волком, даже если не украл твоей овцы; Вор что заяц: и тени своей боится; Крадется, как волк; Лиса и во сне кур считает; У волка в зубах – Егорий дал; У вора заячье сердце: и спит и видит беду; Как ворон, кровь чует.***

Существенную тематическую группу составляют идиомы, описывающие *вид преступления*. В данной группе наиболее показательными являются следующие виды преступления:

воровство: ***Алмаз алмазом режется, вор вором губится; Вор ворует не там где много, а там, где плохо лежит; Вор ворует, а мир горюет; Вор караульщика стережет; Вор не жнет, не молотит, а замки колотит; Вор неурожая не боится; Вор обходит то место, где украл; Вор у вора дубинку украл; Вор что заяц: и тени своей боится; Ворами не рождаются; Дай вору миллион, а он все равно не перестанет воровать; Добрый вор без молитвы не украдет; Замок вешают не от воров, а от честных людей; И вор Богу молится, да черт его молитву перехватывает; На воре шапка горит; Не тот вор, кто ворует, а тот, кто ворам потакает; Не тот вор, кто ворует, а тот, кто краденное берет (покупает); Нет воров супротив портных и поваров; Плохо лежит – у вора брюхо болит; Темная ночь – вору мать родная; У вора его ремесло на лбу написано; У вора заячье сердце: и спит и видит беду; Воровство – то же ремесло; Проворна Варвара на чужие карманы; Темная ночь – вору мать родная; Целовать – так королеву, воровать – так миллион.***

взяточестничество: ***Дать на лапу; Дать барашка в бумажке; Отрезать кусок от государственного пирога.***

Следующая группа фразеологических единиц описывает *причину преступления*. Можно выделить несколько причин:

жадность: ***Быть у воды и не напиться? Плохо лежит – у вора брюхо болит***;

нужда: ***Хочешь жить – умей вертеться; Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом; Лучше по миру собирать, чем чужое брать***;

деньги, их власть над людьми: ***Когда говорят деньги, правда молчит; Дары и мудрых ослепляют***; ***Если староста плут – плут у него и писарь***;

привычка: ***Кто первый раз преступил, тот и второй раз преступит; Дай вору миллион, а он все равно не перестанет воровать.***

Далее рассмотрим группу идиом, описывающую *место совершения преступления*. В данной группе можно выделить две разновидности места:

абстрактное: ***Вор ворует не там где много, а там, где плохо лежит; Вор обходит то место, где украл; Не воруй там, где живешь, не живи там, где воруешь;***

конкретное: ***Быть у воды и не напиться?; В мутной воде рыбу ловить; С переднего крыльца – отказ, а с заднего – милости просим.***

Следующая тематическая группа ориентированна на *орудие преступления*: ***Вор у вора дубинку украл; Портной и на ножницах украдет; Нож не только повар носит. Алмаз алмазом режется, вор вором губится.***

Немногочисленную группусотавляют фразеологизмы, описывающие *качества вора*: ***Длинные руки; Речист, но на руку не чист.***

Последняя тематическая группа ориентирована на описание *взаимоотношений преступников между собой*: ***Алмаз алмазом режется, вор вором губится; Волк волком не травится; Вор у вора дубинку украл.***

Таким образом, можно утверждать, что в народе понятие «преступление» ассоциируется, в основном, с *воровством*. В роли преступника может выступать животное (как домашнее, так и дикое). Чаще во фразеологических единицах упоминаются такие животные, как лиса, волк, собака. Также в

роли преступника может выступать человек. С «преступлением» у народа ассоциируются такие профессии, как повар и портной, что объясняется невозможностью полного контроля за их работой, а главное количеством используемого сырья. Также с данным понятием ассоциируется статус начальника (*ср.: воевода*). Местом преступления может служить как абстрактное «там», так и конкретно место (*например, крыльцо*). Орудие преступления, как правило, острое, т.е. семантическое наполнение компонента фраземы заключается в идее остроты, которой можно что-либо отрезать. Основными причинами преступления могут служить извечная человеческая жадность и власть денег над человеком.

Вместе с тем интересно отметить наличие идиом, не вошедших ни в одну тематическую группу. К таким идиомам можно отнести фразеологизмы, своеобразно «уравновешивающие» преступление и наказание (например, *на чужое польстился, да насилу своим откупился*), «предупреждающие» преступление (например, *не держись закона, как слепой забора; не тычь носа в чужое просо*), содержащие некоторое сочувствие по отношению к преступнику (например, *оступился человек, встал на скользкий путь).* Наличие подобных идиом позволяет предположить, что в сознании народа удерживалась определеная снисходительность, толерантность к преступнику, надежда на непреднамеренность совершенного преступления и исправление человека.

1. *Евгеньева А. П.* Словарь русского языка: В 4-х томах. - М., 1999.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 2008.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. - М., 2008.
4. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. - М., 2010.

д.ф.н., профессор Т.Г. Трофимович (Минск, Беларусь)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В ряду актуальных проблем современной исторической фразеологии свое место занимает проблема ее качественной характеристики. Какие типы фразеологических единиц существовали в прошлом? Фразеологические составы, например, древнерусского или старорусского языков были неоднородными, это установлено, но какие именно единицы в них были представлены? Может ли быть применено к исторической фразеологии существующее учение о типах фразеологических единиц?

О том, что наука стремиться ответить на эти вопросы, свидетельствует маркировка фразеологизмов в современных исторических словарях. Как известно, наиболее привычным и распространенным знаком устойчивых словосочетаний является “ромб” (◊), поэтому зона подачи фразеологизмов в словарной статье получила в лингвистическом просторечии название *за-*

ромбовая часть. Историческая лексикография не в полной мере следует этой "ромбовой" традиции.

Раньше других среди исторических словарей нового времени стал издаваться "Словарь русского языка XI – XVII вв.", авторы которого в предисловии указали, что фразеологические единицы помечаются в издании "ромбом" (◊) [8, т.1, с.10].

В 1984 году вышел вспомогательный том "Словаря русского языка XVIII в.", в котором содержался указатель источников и правила пользования словарем. Авторы отдельно оговорили способы подачи фразеологизмов, указав, что эти единицы приводятся в конце словарной статьи со знаком **~** (тильда), за исключением фразеологических и полуфразеологических (термины авторов – Т.Т.) выражений, вводимых за семантическим ромбом в саму словарную статью [3, с.32]. Следовательно, предложена двоякая маркировка фразеологизмов: тильда и ромб.

Следующим по времени стал выходить "Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.», первый том которого увидел свет в 1988 году, хотя введение, инструкции, список источников, пробные статьи были опубликованы под редакцией Р.И. Аванесова еще в 1966 году. Изначально предлагалось помечать ФЕ ромбом светлым (◊), если она относится к одному из значений слова, и ромбом темным (♦), если относится к многозначному слову в целом [4, с. 83]. В предисловии же к первому тому указано, что фразеологические единицы в словаре помечаются черным ромбом (♦) или двумя черными ромбами (♦♦), если трудно установить, к какому значению слова фразеологическая единица относится [3, т.1, с.13].

В главе 8 проекта "Словаря русского языка XIX века" указано, что для выделения фразеологических единиц используется знак ~ (тильда) [6, с.149] и что нерегулярные формы употребления фразеологической единицы (окказионального или индивидуально-авторского характера) помещаются внутри словарной статьи за соответствующими знаками и выделяются тем же шрифтом, что и заголовочные (регулярные) формы. Приведены примеры: **~ Перейти рубикон, перейти за рубикон,** △ **скакнуть за свой рубикон** [6, с. 151]. Если в словаре рассматривается только индивидуально-авторская модификация фразеологизма, то для его маркировки используется комбинация знаков. Например, индивидульно-авторский вариант известного с XVIII в. фразеологизма **строить воздушные замки** предлагается подать в словаре так: △ **~ делать на воздухе замки (К.Н.Батюшков)** [6, с.151]. Индивидуально-авторские образования помечаются таким же образом.

Существенным достижением современенной исторической восточнославянской лексикографии являетя подготовка и издание "Гістарычнага слоўніка беларускай мовы", который призван охватить лексико-фразеологический состав белорусского языка периода конца XIV – начала XVIII вв. [1, с.8]. В предисловии подробно оговариваются способы подачи в словаре фразеологического материала. А.И.Журавский, автор предисловия, подчеркивает, что если фразеологическая единица относится к одному из значений многозначного слова, то она помечается светлым ромбом (◊), если же фразеологизм относится к многозначному слову целиком, то помечается темным ромбом (♦) [1, с.43].

"Словник староукраїньскої мови XIV –XV вв." помечает ФЕ светлым ромбом (◊), но если эти единицы связаны с одним значением слова, то они идут за словом без ромба [9, с.15].

В "Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв." фразеологизмы помечаются тремя способами: идиомы даются под светлым ромбом (◊), единицы с мотивированным значением (терминология авторов – Т.Т.) помечены треугольником (△), устойчивые словосочетания имеют при себе знак **>** [5, с. 14]. В соответствии с классификацией фразеологизмов, предложенной Б.А.Лариным, в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов, выделяемых в словарной статье определёнными знаками: идиомы, метафорические фразеологизмы и устойчивые словосочетания. Последний разряд широко представлен в источниках и включает терминологические словосочетания, стилистические шаблоны, составные союзы, словосочетания, содержащие слова с фразеологически связанным значением и т.п.: > Белое серебро. *Чистое, без примесей серебро. Вкл. Новоспасск. XVII в.;* > Белый день. *Светлое время суток. РД I, 1667 г.;* > Бархат посконный. *Грубая ткань, наполовину льняная, наполовину шерстяная. Аноним. разг., XVI в.;* > Безвестно сбежать (сбрести, сойти и др.). *Уйти неизвестно куда, не подавая о себе вести. Ст. сп. Писемского, 1583 г.;*

Одной из главных причин неоднозначности маркировки мы склонны считать осознание неоднородности фразеологии и стремление эту неоднородность зафиксировать. Применительно к истории языков важно принять во внимание трудности интерпретации фразеологического материала, связанные с фактором времени. Известные критерии выделения фразеологических единиц во многом базируются не только на объективных их свойствах, но и на том, как эти свойства воспринимаются и трактуются языковой личностью. Это утверждение, по нашему мнению, оказывается особенно значимым, когда речь идет об изучении фразеологического состава языка прошлых эпох. Было бы наивно полагать, что современный исследователь в состоянии абсолютно адекватно воспринять как сам факт семантической транспозиции лексико-грамматического состава словосочетания, так и степень этой транспозиции. Однако исследователь вправе пользоваться доступным ему инструментом познания.

В качественной оценке исторической фразеологии свою роль играет количество сохранившихся памятников письменности: чем больше таких памятников сохранилось, чем чаще зафиксирована в них та или иная единица, тем точнее она будет установлена и квалифицирована.

Как показывает накопленный опыт научной и лексикографической деятельности, стремление выделить фразеологическую единицу не покидает исследователей даже тогда, когда количество дошедших до нашего времени текстов ограничено. Так, например, в проспекте «Фразеологического словаря старославянского языка» (2006) указано, что из 20 старославянских текстов ими извлечено около 4000 фразеологизмов, которые и составят будущий словарь. Оказавшись в условиях оценки языковых явлений прошлого, исследователям не остается больше ничего делать, как руководствоваться современными знаниями, современным характером мышления.

Во вступительной статье к упомянутому проспекту фразеологического словаря известный фразеолог В.М.Мокиенко указывает на одну проблему,

которая непосредственно связана с историко-фразеологическими исследованиями. Он пишет: «Немалые трудности представляет сейчас само выделение устойчивых словесных комплексов из общей базы данных старославянского языка: в древнейший период устойчивое и неустойчивое во многом еще находилось in statu nascendi, а идиоматическое ядро фразеологии еще не приняло даже более или менее четких очертаний» [10, с.6]. Означает ли это утверждение то, что фразеологические составы языков имели свое начало, этапы развития?

В теории фразеологии довольно много внимания уделяется рассмотрению процессов образования фразеологизмов. Установлено, что возникновение фразеологизма обусловлено тем, что нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или словосочетанием, передать через какой-то образ. Одни исследователи (Б.А.Ларин, А.В. Кунин, Л.И.Ройзензон, Е.И.Диброва) считали, что фразеологизмы формируются в течение длительного времени, другие (И.С.Торопцев, Ю.Я.Бурмистрович) считают, что процесс образования фразеологизмов протекает довольно быстро [2, с. 104]. Для решения концептуальных вопросов происхождения фразеологии эти утверждения имеют опосредованное значение. Существенным оказывается, как нам представляется, другое.

Общепризнанным является тот факт, что в образовании фразеологизмов особое значение имеет внутренняя форма – тот образ (реальный или ирреальный), который лежит в основе наименования фразеологического оборота [2, с.103]. Понятие образа, следовательно, подразумевает особый уровень развития человеческого мышления, тесно связанного с языком. Тогда в самом общем виде можно предположить, что лишь на определенном этапе эволюции древнего славянина формируется его способность продуцировать фразеологические единицы, устойчивые словесные комплексы. Причем в самом начале это именно устойчивые словесные комплексы неидиоматического характера, поскольку идиоматичность приобретается в процессе фразеологизации, «когда словосочетание перерождается во фразеологизм, а слова деактуализируются в семантическом отношении, доходя в своем крайнем проявлении этого качества до потери собственного значения» [2, с. 127].

Подтверждается ли наша предположительная оценка генезиса фразеологии имеющимися фактами? Приведенное выше умозаключение В.М.Мокиенко свидетельствует как бы в пользу наших предположений. Косвенно эти предположения подтверждают авторы проспекта «Фразеологического словаря старославянского языка», настаивая на термине «устойчивые словесные комплексы» и относя к этим единицам фразеологизмы идиоматического характера.

Основным аргументом в пользу высказанного предположения могут служить наши наблюдения над фразеологическим составом древнерусской деловой письменности. Пока в очень обобщенном виде можно утверждать, что идиоматических единиц в древнерусском языке действительно немного, хотя они есть. Приведем некоторое количество выразительных древнерусских идиом, отмеченных нами и существующими историческими словарями. Например, *избити роукы ‘о расторжении брачного договора’* [СДЯ, т. 3, с. 458], *възставити рать ‘начать войну’* [СДЯ, т. 2, с. 123], *възстати ратью,*

възстати на рать 'начать войну' [СДЯ, т. 2, с. 128], *въступити (ся) въ соудъ 'обратиться в суд', въстоупити въ любовь 'заключить союз'* [СДЯ, т. 2, с. 223], *въходити въ половину, въ часть' получать по наследству'* [СДЯ, т. 2, с. 230], *выбити челомъ 'добиться настойчивой просьбой'* [СДЯ, т. 2, с. 236], *вывести виру 'снять штраф'* [СДЯ, т. 2, с. 237], *выя высокая (жестокая, жесткая, ожесточаная) 'гордо поднятая голова'* [СДЯ, т. 2, с. 263].

Впрочем, учитывая характер древней фразеологии и временную дистанцию, отделяющую исследователя от объекта исследования, прямолинейный вопрос о том, когда появляются идиоматические словосочетания, можно считать и не правомерным.

Оценивая качественный состав исторической фразеологии невозможно пройти мимо такого явления, как «серийные выражения». Например, с компонентом *люди* нами зафиксировано около двухсот неоднословных наименований *(люди беглые, бедные, бессемейные, ближные, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, добрые, домовые, думные, деревенские, дворянские, дозорные, духовные* и т.д.), с компонентом *грамота* – 114, *книга* – 137, *двор* – 56, *запись* – 49, *память* – 48, *приказ* – 40 , *земля* – 37, *место* – 32, *деревня* – 24 и т.д. По степени спаянности компонентов подобные единицы тоже неоднородны, однако большую их часть составляют фразеологизированные образования. Фразеологические признаки в них находятся в зачаточном состоянии или проявляются не в системе, однако налицо повторяемость и устойчивость, немалой части свойственна семантическая транспозиция лексико-грамматического состава. Не вызывает сомнений терминологический характер этих единиц, который, как известно, является параметром другой, «нефразеологической» плоскости. В.В. Виноградов, например, относил составные термины к фразеологической системе языка, говоря об их близости к единствам, а некоторых – к сращениям. Его поддерживают и другие исследователи, считая, что составные термины обладают основными признаками фразеологических единиц и не отличаются от фразеологизмов-нетерминов принципиально.

Наше обращение к историческому фразеологическому материалу показало, что оценить его качественно можно, применив при этом критерии оценки современных фразеологизмов. Вне всяких сомнений, такая оценка будет абсолютно точной или максимально точной лишь в части случаев в оппозиции идиоматическое выражение – фразеологизированное выражение. Теории качественной оценки исторической фразеологии пока нет, и ясным оказывается одно: историческая фразеология обладает рядом специфических черт, которые нуждаются в дальнейшем выявлении и осмыслении.

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т.1. – Мінск, 1982.
2. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Русская фразеология. – М., 2006.
3. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Введение, инструкции. - М., 1966.
4. Словарь древнерусского языка. XI-XIV вв. Т. 1 / Под ред. Р.И.Аванесова. – М., 1988.
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. В.1. – СПб., 2004.

6. Словарь русского языка XIX в. Проект. – СПб., 2002.
7. Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования. Указатель источников. – Л., 1984.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1 . – М., 1975.
9. Словник староукраїньскої мови XIV –XV вв. Т.1. – Київ, 1977.
10. Фразеологический словарь старославянского языка. Проспект. – Магнитогорск, 2006.

к.ф.н. Е.А. Хомутникова (Коршкова) (Курган)

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *РОЗА САРОНА*

В настоящее время в русском языке существует несколько фразеологических оборотов с компонентом «роза». Наше внимание привлекла единица **роза Сарона** (**Саронская роза**, **роза Шарона**). Семантический потенциал этого фразеологизма во многом связан с его библейским происхождением. Безусловно, библейская фразеология русского языка – область активно изучаемая, однако ФЕ с компонентом «роза» исследователи часто обходят стороной, более того, эти единицы не всегда отмечаются в словарях.

«Словарь современного русского литературного языка» фиксирует следующие обороты: **розы счастья**, **блаженства**; **срывать**, **рвать розы жизни**, **блаженства**; **роза ветров**. В словаре указывается, что лексема «роза» может употребляться и в сравнительном обороте **как роза** (БАС 1948 - 1965, т. 12: 1413-1414).

«Словарь русского языка» отмечает фразеологическую единицу **роза ветров** (МАС 1981 - 1984, т. 3: 726).

«Фразеологический словарь русского литературного языка» (составитель А.И.Федоров) также приводит только фразеологизм **роза ветров** (ФСРЛЯ 1995, т. 2: 197).

«Фразеологический словарь русского языка» под редакций А.И. Молоткова единиц с компонентом «роза» не фиксирует (ФСРЯ 1987).

В «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степановой Л.И. единицы с компонентом «роза» не обнаружены (Бирих, Мокиенко, Степанова 2001).

«Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией Телия В. Н., фиксирующий фразеологизмы «как знаки «языка» культуры, не кодифицирует фразеологизмы с компонентом «роза» (БФСРЯ 2009).

Исследуемый фразеологизм не зафиксирован в «Кратком словаре библейских фразеологизмов» Кочедыкова Л.Г. Жильцовой Л.В. (Кочедыков, Жильцова 1996).

Таким образом, фразеологизм **роза Сарона** (**Шарона**, **Саронская роза**) не присутствует в толковых и фразеологических словарях.

Этимология фразеологизма связана с Ветхим Заветом, который написан на древнееврейском языке (библейском иврите), за исключением некоторых частей, написанных на арамейском языке. Мы своей задачей ставим

найти и указать источники фразеологизма **роза Сарона**.

В «Книге Песни Песней Соломона» (2:1) мы встречаем строчку на иврите:

«אֲנִי חֲבַצֶּלֶת הַשָּׁרוֹן שֹׁושַׁנַּת הָעֲמָקִים»

«Я **нарцисс Саронский**, лилия долин!» (синодальный перевод сделан Санкт-Петербургской, Московской, Казанской и Киевской духовными академиями с 1856 по 1876 год). Существуют разные переводы интересующего нас предложения. Еврейское название цветка [хабаццелет] переводятся на разные языки как нарцисс (итальянский, французский, русский), роза (английский), цветок (греческий, латинский, церковнославянский, немецкий). Вероятно, в древности слово означало не ботанический вид цветка, а цветок в общем смысле. Названия цветов переводятся по-разному в зависимости от культурных традиций той или иной страны и того, какое растение является священным, наиболее значимым в рамках определённого мировосприятия. Показателен тот факт, что в церковнославянском языке исследуемая лексема переводится не конкретным наименованием растения, а словом [цветъ] – цветок: «Азъ цветъ польный и кринъ оудольный» (церковнославянский перевод – [Азъ цветъ польный и кринъ удольный]).

Дословный перевод на современный русский язык церковнославянского варианта этой строчки может выглядеть так: «Я цвет полевой и родник в долине», «Я цветок полевой и лилия в долине», «Я цветок полевой и родник земной». В свете метафоричности «Песни Песней» можно сказать: фраза имеет значение «я небо и земля», то есть нечто всеобъемлющее. И тогда последний перевод, на наш взгляд, в большей степени отвечает сакральности Ветхого Завета. Предположить это помогает дословный перевод фразы. Польный – полевой, равнинный, степной (СРЯ XI – XVII вв.: 286). Кринъ – лилия; источник, родник, ключ (СДРЯ XI – XIV вв. Т.4: 298). Долъ – яма, ров; низ; земля, земной прах. Дольний – нижний, отдаленный; земной (в противоположность небесному), тленный. Дольный – низменный, земной (СДРЯ XI – XIV вв. Т.3: 41-42).

В данном случае цветок из первой части фразы обозначает небесное начало, с которым в большей степени связан символический ореол лексемы «роза». У слова «нарцисс» семантико-ассоциативный потенциал далек от святости, несмотря на то, что В христианстве нарцисс может заменять лилию или розу, обозначая божественную любовь и жертву. Возможно, это произошло именно вследствие разнообразных переводов. Латинское название нарцисса - Narcissus Poeticus. Родовое имя этого растения - Narcissus означает «одурманивающий», «ошеломляющий». Видовое название - poeticus переводится как «поэтический». Древние римляне встречали жёлтыми нарциссами победителей, возвращавшихся с битвы. Однако в латинском переводе фразы «Песни Песней» слова «нарцисс» мы не обнаружили, на его месте находим лексему «flos» - цветок: «ego flos campi et lilium convallium» (перевод Библии на латинский язык, созданный в 1965-1979). В Греции нарцисс олицетворяет самовлюбленность, холодность, скорбь смерть в юности. Сладкий и пьянящий аромат цветка, вызывающий безумие, символизирует результат самовлюбленности и тщеславия, кстати, в греческом переводе слова нарцисс также нет, а есть слово «ανθος» - цветок: «εγω ανθος του

πεδίου κρίνον των κοιλάδων» (перевод Ветхого Завета II-III века до нашей эры). В древнегреческой мифологии Нарцисс был наказан богиней Афродитой за то, что отверг любовь нимфы Эхо. Во время охоты Нарцисс увидел в реке себя и влюбился в своё отражение, с которым не смог расстаться, поэтому умер от голода и страдания. На том месте, где было его тело, вырос цветок нарцисс. Этот миф во многом способствовал развитию отрицательной коннотации у слова «нарцисс». Во многих языках, в том числе и в русском, нарциссом называют заносчивых и самовлюбленных людей.

Не появляется конкретного обозначения Саронского цветка и в немецком переводе: «Ich bin eine Blume zu Saron und eine Rose im Tal» (перевод Библии на немецкий язык, сделанный Мартином Лютером в 1517-1534 годах). В немецком слово «Rose» появляется там, где практически на всех языках находится лексема «лилия»: эти цветы по своей символике взаимозаменяемы.

Нарциссу издавна была отведена особая роль в эротической культуре Европы. В итальянском, французском языке цветок «Песни Песней» назван «нарциссом»:

«Je suis le narcisse de Saron, le lis des vallées» (французский перевод, сделанный французской библейской и археологической школой (EBAF), опубликован в 1956 году).

«Io sono un narciso di Saron, un giglio delle valli» (редакция итальянского перевода 1641 года, выполненная Дж. Луззи в 1918-1924 годах).

Европейцы почитали нарцисс как талисман, привлекающий любовь. Итальянцы с древних времён считают нарцисс символом страсти. Да и в наши дни подаренные итальянцем нарциссы означают признание в любви. Видимо, под влиянием европейских языков в русском переводе появился «нарцисс».

Только в английском языке слово, обозначающее цветок в строке, переведено как «rose» (роза): «I am the rose of Sharon, and the lily of the valleys» (классический английский перевод Священного Писания публикован в 1611 году).

В большинстве европейских языков в «Песне Песней» цветет **нарцисс Саронский**. Хотя у разных народов нарцисс имел и имеет совершенно противоположный символический смысл: от негативного, до позитивного. В отличие от розы, которая, как правило, связана с духовностью во всех культурах. Несмотря на то, что в русском варианте строчки «Песни Песней» мы находим лексему «нарцисс», в языке появился оборот **роза Сарона**, а библейская Саронская долина ассоциируется с розой (и не только в сознании русских). Подтверждение этому – примеры употребления единицы. Указание на два вида роз в Библии (Саронские и Иерихонские) есть и в «Библейской энциклопедии»: «Роза (Сир 24:15, Прем. Сол. 2:8 и др.). Роза на Востоке составляет царицу цветов по своему запаху, цвету и красоте наружной формы. В 3 Езд 2:19 она, вместе с лилиями, представляется, как лучшее украшение садов и как образ полной жизненной красоты. Она вплеталась у древних в венки при торжественных случаях и при религиозных службах. Долина Саронская по своей почве и положению была более способною производить наиболее красивые розы. Некоторые виды роз растут доселе еще в Палестине, но, по мнению некоторых, так называемая **Саронская роза**,

составляет вид тюльпана, или нарцисса, и встречается в большом разнообразии и обилии в долине Саронской» (БЭ 2001: 607). Наименование местности Сарон иногда передается словом «Шарон», отсюда появление варианта фразеологизма **роза Шарона**.

Значение единицы неоднозначно. Ряд исследователей выдвигают версию: **роза Сарона** из «Песни песней» - прообраз Богоматери, Бога, жизни вообще. Майкл Бредли считает: **Роза Сарона** - сам Иисус, несмотря на то, что эта фраза принадлежит невесте Соломона (Bradley 2003: 250). Он приводит следующие доказательства этой гипотезы: 1. В католической церковной традиции существует такое выражение «**Christ arose**» означаемое Христос Воскрес. Такая надпись появляется на пасхальных открытках. Интересно, что в некоторых случаях **arose** разделяется на две лексемы **a rose**. Таким образом, Христос отождествляется с **Розой Сарона**, единственным растением, обладающим чудодейственным свойством «воскресать», порождать жизнь из терниев. 2. В Новом Завете Иисус зовётся женихом, а церковь его невестой. Это подтверждает то, что Господь проводит любовную аналогию, чтобы описать эти отношения и чувства, которые должны возникнуть к его сыну. Для символического выражения любви он выбирает розу - самый совершенный цветок, а Иисус, как уже было замечено, также отождествляется с розой (Bradley 2003: 250).

Согласно употреблениям фразеологизма, которые мы обнаружили, чаще всего исследуемый фразеологизм в русском языке обозначает девушку еврейской национальности, растение, город, символ святости, таинственности и духовности.

«Могу себе представить, да и сама она вспоминала, что посмотрел он на нее с большим отвращением, несмотря, что была она тогда очень хорошенькая, знаете, в стиле «**Роза Сарона**», это и на фото видно» (Марко Поло «Тетушка Сара и батыр Ежов»).

«Ни древние египтяне, ни древние евреи не знали роз. Правда, Соломон в «Песнь песней» говорит о «**Саронской розе**», но уже давно доказано, что это ошибка библейских сочинителей: речь здесь идет не о розе, а о лилии» (А. В. Цингер «Занимательная ботаника»).

«Если Вы удалитесь на 25-27 километров к северу от Тель-Авива, то окажетесь в великолепном курортном городе Натании (или, как иногда пишут, Нетании). За красоту и яркость красок этот город называют **Саронской розой**» (http://www.odra.ru/israel/hotel/natania.html).

«На одновоновой монетке изображен символ Кореи - **роза Шарона** (один из видов дикой розы, в изобилии встречающийся в корейских горах)» (Андрей Ланьков «Хаотические заметки кореееведа»).

«Сливая в толстые белые чашки разные жидкости, смотрит, как они дымятся, наполняют комнату едким запахом, морщится, смотрит в толстую книгу и мычит, покусывая красные губы, или тихонько тянет сиповатым голосом:

- О, **роза Сарона**...
- Это чего ты делаешь?
- Одну штуку, брат...
- Какую?

- А-а, видишь ли, не умею я сказать так, чтоб ты понял...» (М. Горький «Детство»).

Этимология оборота **роза Сарона** (**Саронская роза**, **роза Шарона**) восходит к Библии. Единица занимает особое место в ряду сакральной русской фразеологии и заслуживает фиксации в словарях.

1. Библейская энциклопедия. – М.; ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник - СПб.: Фолио-Пресс, 2001.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
4. *Кочедыков Л.Г. Жильцова Л.В.* Краткий словарь библейских фразеологизмов.- М.: Лингвистика, 1996.
5. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 4-х т. - М.: Русский язык, 1988 - 1991.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. - М.: Русский язык, 1981 - 1984.
7. Словарь русского языка (XI – XVII вв.). Вып. 16. – М.: Наука, 1990.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. - М., Л.: Наука, 1948 - 1965.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И.Федоров. - М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001..
11. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и с поел. А.И. Молоткова. - 4-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1987.
12. *Bradley M.* Of Bible Knowledge Ministries. – London, 2003.

д.ф.н., профессор С.Г. Шулежкова (Магнитогорск)

БИБЛЕЙСКИЕ ОБОРОТЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВЕТХИЙ* И ИХ ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ

В русском языке функционирует несколько оборотов с компонентом *ветхий*, восходящих к текстам Священного Писания. Все они в качестве устойчивых словесных комплексов (УСК) встречаются уже в старославянских текстах X–XI вв. и, пройдя через тысячелетие, «как иглы и как вбитые гвозди» (Еккл 12: 11), вместе с другими библеизмами, остаются в арсенале высоких стилистических средств нашей словесности. Выражения *Ветхий Завет и Ветхий Закон* легко обнаружить почти в каждом современном толковом словаре. Обороты *ветхий Адам, ветхий человек, не вливают молодое вино в мехи ветхие <старые>* и *совлечь с себя <умертвить в себе> ветхого Адама <человека>* обычно помещаются в справочники крылатых единиц. Их можно найти в «Большом словаре крылатых слов русского языка» (БМШ 2000: 74, 465, 308), в энциклопедии «Крылатые слова» (Серов 2003: 113,

676, 460), в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» (БСКСиВ 2008: 165; БСКСиВ 2009: 380, 46) и в некоторых других аналогичных изданиях. Но, как правило, такие УСК описываются в лексикографических работах, основанных на библейском языковом материале. К ним относятся, напр., справочник «Библейское слово в нашей речи» (Николаюк 1998: 77–78), «Словарь имён и крылатых выражений из Библии» (Грановская 2003: 163, 261), «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» (Дубровина 2010: 78, 609–610). Наиболее полно интересующий нас ряд УСК представлен в «Толковом словаре библейских выражений и слов», созданном санкт-петербургскими славистами. Помимо УСК *ветхий Адам*, *ветхий человек, умертвить в себе <стряхнуть, совлечь*, *сбросить с себя> ветхого <старого> Адама <человека>*, *Ветхий Завет, не вливают молодое (новое) вино в мехи ветхие (старые*), составители включили в свой словарь оборот *ветхий деньми* (МЛТ 2010: 37, 503, 38, 118–119, 211–212, 182).

Фразеографы и «крылатографы» единодушны в оценке стилистических свойств сверхсловных языковых единиц с компонентом *ветхий* и относят эти обороты к книжным языковым средствам, которые обычно воспринимаются как редкие, устаревшие. На первый взгляд, особых оснований для подобной квалификации названных УСК нет ни с точки зрения их синтаксического построения, ни с точки зрения происхождения составляющих их компонентов, особенно компонента *ветхий*. Причины сохранения за этими УСК высокой стилистической окраски кроются в истории их возникновения в старославянском языке и освоения русским языком, а также в особой их семантике.

Обороты *ветхий Адам*, *ветхий человек, Ветхий Завет, Ветхий Закон* построены по одной из самых продуктивных моделей современного русского языка – П+С, где прилагательное предшествует определяемому слову (заметим: для старославянского языка более характерны конструкции с постпозицией атрибутивного компонента, ср. **зємля обѣтованьна, цѣсарьствиѥ нєбєсьноѥ нєбєсьскоѥ, рабъ божии господьнь, доуχъ свѧтыи, квасъ фарисєискъıи** и т. д.). Лексема *ветхий* в русском языке вне заимствованных из Библии УСК относится к числу нейтральных, общеупотребительных и возглавляет большое гнездо однокоренных единиц (*ветхий – ветшать, обветшать, ветошь, ветошье, ветошник, ветошка, ветхость, ветхонький, ветхозаветный* и т. д.). Известное и другим славянам, слово *ветхий* восходит к индоевропейскому *wet-us-, *wetusos ‘годовой, годовалый, прошлогодний’, производному от *wetos ‘год’. У него есть соответствия: в др.-инд. vatsás ‘годовалый’; в согд. vtšnyy (*wat[u]šana-) ‘старый’; в алб. vjet ‘год’; в лат. vetus, -eris (*vetos-, *vetes-), vetustus ‘старый’ (ЭССРЯ 2010: 110). Занимаясь переводами христианских канонических текстов на славянский язык, Кирилл и Мефодий воспользовались для передачи содержания греческих слов palaioς и αρχαίος словом **вєтъχъ(и)**, потому что, будучи полисемантичным в македонском диалекте древнеболгарского языка (как и в прочих славянских языках), оно способно было передавать значения ‘старый’, ‘древний’. Это подтверждают многочисленные примеры из старославянских рукописей X–XI вв., где **вєтъχъ(и)** реализует несколько своих значений: 1) ‘старый, изношенный, подвергшийся разрушению или порче от времени’ (о каких-л. ве-

щах, предметах), ср. **гла(гол)аше же и притъчѫ къ нимъ. ѣко никътоже приставлениѣ ризы новы. не приставлѣатъ на ризѫ ветъхѫ. аште ли же ни и новѫю раздереттъ. і ветъсѣи не приключитъ сѧ приставление еже отъ новааго** *(Лк 5: 36) Мар*, **и заключи въ пештерѣ затвори надълежѧштиими ветъхъıими двьрьми. и колѣнѣ прѣклонивъ исповѣдаше сѧ богови** *Супр 527, 29;* 2) ‘старинный, существующий с давних времён’ (о чём-л.), ср. **обрѣте гробъ ветъхъ подоболичьнъ пештерѣ. вь нем’же многы мрьтвъıихъ лежаахѫ кости** *Супр 527, 24*; 3) ‘древний, давний’ (о событиях, явлениях минувшего времени), ср. **д(ь)нє‘(ь). wтъ ветъхааго плача оутѣшихомъ сѧ. и ѣко новъı н(здраи)ль с(ъ)п(асе)ни бъıхомъ** *Син евх 2b 10-11*, **ликоуите съ чѧды своими дьıѧ навъıкнѣте отъ нихъ к’то наоучивъıи. к’то съѣьравъıи. отъкѫдоу оучени. кои новои богословьникъ. и ветъхои пророченикъ**; 4) ‘застарелый, закоренелый’ (о пагубных страстях, привычках, дурных деяниях), ср. **скръвьнъ вамъ исповѣдаѭ сѧ. ветъхъıѧ страсти погонѧ** *Супр 429, 21,* **извольшиимь отъмъıти кръщениемь. ветъхѫю скврънѫ нашѫ. еѭ же еси нъı прѣстѫплениемь осквръннлъ. і затворение грѣхоу сътворъшемь** *Син евх 52b: 24,* **нъıн же въ годъ кръста. прьва съпасаетъ сѧ жена. ветъхои зъло новъıими благодатьми исцѣлѭшти** *Супр 428, 17.* Нетрудно заметить, что в семантической структуре каждого из названных выше лексико-семантических вариантов слова ветъхъ(и) имеются семы ‘время’ и ‘длительный’.

Слово **ветъхъ(и)**, попав в письменный литературный язык, предназначенный для нужд христианского богослужения, заняло определённое место в его системе. Христианство же, источником которого служил насыщенный символическими образами Ветхий Завет, «как миропонимание и образ жизни» «пронизано символизмом» (Кириллин 2000: 7), в котором «встречаются и объединяются две реальности: материальная и духовная, физическая (“внешность” символа) и метафизическая (духовное содержание)» (Иванов 1984: 69). Нет ничего удивительного в том, что и лексема ветъхъ(и) в старославянских рукописях начинает приобретать метафорическое значение и включается в общую символическую систему, характерную для языка христианского религиозного культа. В УСК, которые стали служить наименованиями для собрания священных книг, составляющих первую, дохристианскую часть Библии (**ветъхъıи завѣтъ, ветъхъıѧ кънигъı**), и совокупность правовых и религиозных установлений, изложенных в ней (**ветъхъıи законъ**), компонент **ветъхъıи**, не утрачивая сем ‘древний’, ‘прежний’, обогащается семой ‘священный’. Автор одного из первых больших церковнославянских словарей П. Алексеев пишет по этому поводу: «**Ветхій** <…> въ Писаніи не значитъ худаго или обветшалаго, раздраннаго или испорченнаго, но старый, древній, прежній, наприм., *Ветхій завѣтъ*» (Алексеев, ч. 1, 1817: 129). Сами же УСК, появившиеся на месте греч. palaia diaθήkh, вступили в антонимические отношения с УСК – наименованиями второй, христианской части Библии и совокупности правовых и религиозных установлений, изложенных в ней, – **новъıи завѣтъ, новъıи законъ: аште оно невѣсть. то и си не вѣдѣти кстъ. нъ и сънъ по новоуоумоу завѣтоу что оубо кстъ** *Супр 395, 10*; **слъıши и проповѣждъ в(о)жи чоудеса велика. како законъ остѫпаетъ дьıѧ како ветъхъıи законъ обетъша. како же новъıи извѣштаетъ сѧ** *Супр 450, 10*. В современном русском языке УСК *Ветхий Завет* и *Ветхий Закон* используются в тех же значениях, какие они приобрели во второй половине IX в. в переводах

солунских братьев. Эти значения сохранялись церковнославянским языком русского извода во все последующие века, а также древнерусским и старорусским литературным языком в Средние века и в Новое время (см. Алексеев, ч. 1, 1817: 130; СЦиРЯ 2001: 118; Седакова 2005: 75; СДЯ XI–XIV, т. I, 1988: 401; СРЯ XI–XVII, вып. 2, 1975: 126; СОРЯ XVI–XVII, вып. 2, 2000: 140; СРЯ XVIII, вып. 3, 1987: 84–85). Что же касается УСК **ветъхыѣ къниги**, то он «не прижился» в русском литературном языке, вероятно, потому, что у него был «конкурент-омоним» – свободное словосочетание *ветхие книги*, где прилагательное *ветхий* выступало в своём прямом, исконном значении ‘старый, подвергшийся порче от времени’. В некоторых древнерусских памятниках УСК *ветхие книги* заменяется субстантивированным существительным *ветъхы* (*Нъ авва Феодоръ, философъ босъ в болѣзни очьнѣи мнозѣ, **ветъхы** и новѣ навыче, тъчию имяше утѣшение съ братиею пребывати и съ другы бесѣдовати. Син. Патерик 271, XI–XII вв.*); в старорусских – оборотами *книга ветхостей (Глаголет Иосифъ въ 12 **книзѣ ветхостей**. Против иудеев Николая де Лиры. Пер. с лат. Дмитрия Герасимова, 1501 г.)* и *Ветхое Писание* (*И мнози въ божественномъ **писании**, въ новомъ и въ **ветхомъ**, отъ гордости и пиянства и падения погибоша. Львов. Лет. II, 509, Сп. XVI в.*), но нормативным, регулярно употребляемым всё же остаётся УСК *Ветхий Завет*.

Несколько необычной оказалась судьба прилагательного ветъхги, вошедшего в составное наименование **вино ветъхок**: сохраняя семы ‘старое’, ‘длительное время’ (хранившееся), оно приобрело дополнительную сему ‘выдержанное, крепкое’. В результате УСК **вино ветъхок** вступило в антонимические отношения с УСК **вино късѣло и вино ново**, называвшими в старославянском языке молодое виноградное вино: **нъ вино ново въ мѣхы ветъхы въливати. і обое съблюдетъ сѧ. і никътоже пивъ ветъха абье хощетъ новоумоу. гл(агол)етъ бо ветъхок лоучє єстъ** (*Лк 5: 37-38*) *Зогр*. В доступных нам древнерусских и старорусских памятниках УСК *вино ветхое* не встречается. Не фиксируют его ни церковнославянские, ни современные русские словари. Зато, в отличие от старославянских текстов, в древнерусских и старорусских источниках можно обнаружить обороты *ветхий мѣсяцъ* ‘время, когда луна на ущербе’ и *ветхая вольность* ‘искони существовавшая вольность’ (СРЯ XI–XVII, вып. 2, 1975: 126); в рукописных и печатных источниках XVIII в. – УСК, *ветхий стиль* ‘старый стиль’ (календаря), *ветхий круг* ‘*кн.-слав. геогр*. Старый свет’, *Ветхий Рим* ‘Древний Рим’, *ветхие римляне* ‘древние римляне’, *ветхая луна*, *ветхий вид луны* ‘в народной астрономии – последняя фаза, ущерб луны’ (СРЯ XVIII, вып. 3, 1987: 84–85).

По той же модели, что и ветъхги завѣтъ, в старославянском языке построено выражение **ветъхыи квасъ: Wчистите оубо ветъхыи квасъ. да бѫдете ново съмѣшеник. кожє кстє безквасьни. ибо пасха наша за нъı пожрѣнъ бъıстъ х(ристо)съ** (I Кор 5: 7). УСК *ветхий квас* не перешёл границ церковнославянского языка и не вписался в систему светского литературного языка. П. Алексеев в Церковном словаре толкует этот оборот как «всякое беззаконіе, яко происходящее от ветхаго человѣка, поврежденнаго грѣхомъ» (Алексеев, ч. 1, 1917: 129). В материалах к словарю начала XXI в. «Церковнославяно-русские паронимы» под *ветхим квасом* понимается ‘старая закваска, т. е. дурное начало’ (Седакова 2005: 75). В данном случае компонент

ветъхъıи тоже метафорически переосмыслен: к его исконной семе ‘древний’ добавилась сема ‘греховный’, что обусловлено появлением в текстах Нового Завета УСК **ветъхъıи человѣкъ** ‘слабый, греховный человек, так же неспособный противостоять земным соблазнам, как и его прародители Адам и Ева’ (Материалы 2009: 53–54), ‘падший человек’ (Седакова 2005: 75). В Церковном словаре начала XIX столетия и в церковнославянском словаре рубежа XIX–XXI вв. этот УСК характеризуется более пространно: «человѣкъ, праотеческимъ грѣхомъ и собственными беззаконіями обветшавшій, въ страстяхъ плотскихъ застарѣвшійся и не могущій природными силами внѣ благодати Божіей, ничего добраго не только сотворить, но и помыслить» (Алексеев, ч. 1, 1817: 129; Дьяченко, т. 1, 1900: 73). Здесь компонент **ветъхъıи** одновременно актуализирует три семы – ‘древний, стародавний (имеется в виду то, что унаследовано от предков)’, ‘дряхлый, изношенный, пришедший в негодность’ и ‘греховный’. Оборота **ветъхъıи человѣкъ** нет в Ветхом завете. Он впервые появляется в посланиях апостола Павла, где осуждается старая греховная натура, которая должна быть заменена новой, более здоровой сущностью во всяком человеке, а это возможно будет сделать, лишь следуя заветам Христа. В Послании к Ефесянам апостол Павел призывает **отложити ѥм по пръвомоу житию ветъхааго человѣка тълѣющааго въ похотьхъ прѣльстьıихъ** (*Еф 4: 22*). В Послании к Колоссянам этот призыв повторяется в более развёрнутом виде: **не лъжите дроугъ на дроуга. Съвлѣкъше сѧ ветъхааго человѣка съ дѣланьми его. и вльѣкъше сѧ новаго. вновлѥмаго въ разоумъ по образоу съзьдавъшааго его** (*Кол 3: 9-10*). В старославянском языке УСК **ветъхъıи человѣкъ** вступает в антонимические отношения с УСК **новъıи человѣкъ** в его втором значении ‘возродившийся человек, отказавшийся от старой греховной жизни и принявший христианскую веру’ (ср. первое значение – ‘Иисус Христос’). В обоих УСК компонент **человѣкъ** может быть заменён именем первого человека на земле Адамъ.

Старославянский оборот **ветъхъıи человѣкъ** (Адамъ‘) вошёл составной частью в процессуальную сверхсловную единицу **съвлѣщи сѧ ветъхааго человѣка (Ѧдама) и облѣщи сѧ въ новааго человѣка (Ѧдама)**, означавшую ‘преодолеть в себе дурное начало, освободиться от прежних грехов, дурных пристрастий и возродиться для новой, праведной жизни’. Наполненный глубоким этическим смыслом, этот УСК в различных вариантах продолжает жить и в церковнославянском языке русского извода, и в светской книжной речи, сохраняя ядро своей семантики. Иная судьба постигла УСК **ветъхъıи деньми**, восходящий к Ветхому Завету. Дважды употреблён он в 7-й главе Книги Даниила, где автор описывает свой сон: **Зрѣхъ доньдеже прѣстоли поставишѧ сѧ. Ти ветъхъıи деньми сѣдѣ. и одежда его бѣла акъı снѣгъ. и власи главъı его акъı влъна чиста. прѣстолъ его пламень огненъ. колеса его огнь палѧщь (Дан 7: 9); Видѣхъ въ съньı ночиѭ. и се. на облацѣхъ небесьньıихъ ко с(ъı)нъ чл(о)вѣчь идъıи бѣашє и даже до ветъхааго деньми доиде и прѣдъ него приведє сѧ (Дан 7: 13).** Означал данный УСК в старославянском языке «предвечного и безначального Бога» (СЦиРЯ, кн. 1, т. I, 2001: 116); Бога, «потому что онъ прежде всѣхъ дней и времени, яко творец оныхъ, знающій всё делаемое въ настоящее и будущее время» (Алексеев, ч. 1, 1817: 129). С таким значением оборот *ветхий деньми* иногда помещается в исторические словари русского языка (СРЯ XVII, вып. 2, 1975: 126). Однако развитие его в

светских жанрах литературы шло по пути десакрализации: *ветхий деньми* стало означать ‘достигший глубокой старости’ (Там же). В Словаре русского языка XVIII в. после целого блока УСК с компонентом *ветхий*, реализующим сему ‘очень старый, престарелый’ (о человеке): *ветхий летами, ветхий днями, ветхая жизнь, ветхая старость*, – приводится оборот *ветхий деньми* в значении ‘безначальный, предвечный – наименование Бога’ с пометой *церк.-слав*. (СРЯ XVIII, вып. 3, 1987: 85).

Таким образом, у каждого из десяти библейских УСК, в состав которых входил компонент *ветхий*, складывалась своя судьба, когда старославянский из общеславянского литературного языка, приобретая восточнославянские черты, превращался в церковнославянский язык русского извода, одновременно обогащая формирующийся русский литературный язык. Большинство из них стали фактами русской фразеологической системы, ибо их структура и компонентный состав не противоречили ей, а устойчивость их значений определялась «опорой на Священное Предание» (Григорьев 2006: 28), принесшее восточным славянам новое мировоззрение, нуждавшееся в вербальном оформлении.

Алексеев 1817: Церковный словарь, или истолкованіе Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рhченій, положенныхъ безъ перевода въ Священномъ Писаніи, и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ.., сочиненный бывшимъ Московскаго Архангельскаго Собора Протопресвитеромъ и Императорской Россійской Академіи членомъ П. Алексhевымъ. Изд.4-е. Ч.1. А–Д. – СПб.: Типогр. И. Глазунова, 1817. – 279 с.

БМШ 2000: *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка: Ок. 4 000 ед. – М.: Изд-во «Русские словари»», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

БСКСиВ 2008–2009: *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: Ок. 5000 ед.: в 2-х т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. А–М. – 658 с.; Т. 2. Н–Я. – 737 с.

Грановская Л.М. Словарь имён и крылатых выражений из Библии: Ок. 400 имён; Более 300 крылатых выражений. М.: ООО «Изд-во Астрель» : «Изд-во АСТ», 2003. – 288 с.

Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. – М.: Индрик, 2006. – 360 с.

Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 808 с.

Дьяченко 1900: Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. священник магистр Г. Дьяченко: Ок. 30 000 слов: в 2-х т. (репр. с изд. 1900 г.) – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. – Т. I. А-Р. – 567 с.

Иванов М.С. К вопросу о богословии символа // ЖМП. – 1984. – №4. – С. 68–74.

Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (X–XI века). – СПб: Алетейя, 2000. – 320 с.

Крылатые слова: энциклопедия / автор-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. - Шулежкова, чл. редкол. А.А. Осипова, Л.Н. Мишина. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 290 с.

МЛТ 2010: *Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И.* Толковый словарь библейских выражений и слов: Ок. 2000 ед. – М.: АСТ : Астрель, 2010. – 639 с.

Николаюк Н.Г. Библейское слово в нашей речи: словарь- справочник. – СПб.: ООО «Светлячок», 1998. – 408 с.

СДЯ XI–XIV 1988: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв. / гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988. – 526 с.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. – 432 с.

СРЯ XI–XVII 1975: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. (В–ВОЛОГА). – М.: Наука, 1975. – 319 с.

СЦиРЯ 2001: Словарь церковнославянского и русского языка, составленным Вторым отделением Императорской Академии наук. Кн.1, т. 1. А–Н. Репр. изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 416 с.

ЭССРЯ 2010: Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. Т. I. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 584 с.

РАЗДЕЛ 3: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТЕ РУССКИХ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

асп. М.П. Андреева (Санкт-Петербург)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «*MAISON*» СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА

Человек как неотъемлемая часть общества вступает в сложные и многообразные отношения с другими субъектами. Эти отношения эксплицируются посредством языковых знаков, в числе которых значительное место занимают фразеологические единицы (ФЕ). ФЕ «возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива» (Телия 1996: 214). Общественную составляющую жизни человека, на наш взгляд, описывают социоцентрические фразеологические единицы (СФЕ), например, фразеологизмы со значением социального статуса субъекта: *bonne maison* ‘1) зажиточная семья; 2) благородная семья’, *faire une bonne maison* уст. ‘разжиться, разбогатеть’, *grande maison* ‘1) богатый дом; 2) благородное семейство’,*vie de château* ‘барская, привольная жизнь’ и др.

Исходя из дефиниции социоцентризма как концепции, согласно которой во взаимоотношении «общество – личность» приоритет принадлежит обществу (Яценко 1999: 450), полагаем, что социоцентрическим является всякий фразеологизм, описывающий человека «социального», т. е. человека в его взаимодействии с обществом, в противопоставлении «человеку как физическому» или «интеллектуальному существу». Применив идеографическую классификацию понятий Р. Халлига и В. фон Вартбурга (Hallig 1963) для отбора социоцентрических фразеологизмов, мы пришли к следующему пониманию СФЕ: это – фразеологизм, значение которого в языковой идеографии отражено в структурах «Человек – общественное существо» и «Социальная организация и социальные институты».

Как известно, интеграция фразеологии в семиотику способствовала изменению взглядов на онтологическую природу фразеологического значения, в связи, с чем в исследованиях конца XX – начала XXI веков начинает пре-

валировать понимание фразеологизма как динамической модели смысла, способной к структурно-семантическим преобразованиям (Мелерович, Мокиенко 1997: 4-5), которые расцениваются как результат интерпретации первичной ситуации, т. е. квалификативно-оценочной деятельности человека (Кириллова 2003: 59-62; Телия 1996: 150-151 и др.). Такое понимание сущности фразеологического значения, разделяемое нами, проистекает из антропологической установки, согласно которой выдвигаются два принципиальных методологических требования: «1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить ее можно, лишь исходя из человека и его мира» (Серебренников 1988: 8). Данная позиция предопределяет интерес исследователей к анализу когнитивных механизмов формирования ФЕ.

В. П. Жуков писал о том, что во «фразеологической семантике вещественное (актуальное) значение вступает в противоречие с этимологическим» (Жуков 1978: 7). Данное противоречие отчасти снимается посредством выявления семиотических связок (Арутюнова 1999: 341), а именно фразеосемиотических связок, устанавливающих отношение «по договору» между планом выражения и планом содержания ФЕ. Семиотическая связка служит «мостиком», который соединяет в представлении интерпретатора два образа: образ первичной ситуации (первичный десигнат), обозначаемый свободным (атомарным) словосочетанием, и образ вторичной ситуации (вторичный десигнат), отображенный в значении фразеологизма (Кириллова 2003: 75).

Поскольку материалом исследования в настоящей статье послужили фразеологизмы фразеотематического поля (ФТП) «maison» / «дом» (727 ФЕ с номинантами жилищ, помещений и элементов жилого строения), то первичные десигнаты данных фразеологизмов связаны со строительством и ведением дома. Анализ тематических ФЕ (727 единиц) показал, что их значения отображают различные вторичные десигнаты, т. е. указывают на разные аспекты жизни человека, такие как внешний вид, здоровье, эмоции и чувства и др. Ряд ФЕ (113 единиц) выражают социальный статус, т. е. «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» (Карасик 1991: 3). Исследование данных фразеологизмов, рассматриваемых как социоцентрические, позволило установить фразеосемиотические связки между областью жилища и сферой социальных отношений. Их образование представляет собой сложный когнитивный процесс, осуществление которого происходит в результате формирования у человека потребности, или интенции, выразить отношение к определенной экстралингвистической ситуации. Наличие интенции превращает воспринимающего субъекта в интерпретатора, который в выборе формы выражения руководствуется установками, сложившимися в языковом мышлении народа.

Покажем роль установки и интенции при образовании фразеологизма на примере идиомы *pignon sur rue*, обыкновенно употребляющейся с глаголами *avoir*, *posséder* и т. п. У французского интерпретатора сформировалась интенция обозначить ситуацию, в которой субъект является богатым и занимает солидное положение в обществе. В выборе формы материализации своей потребности интерпретатор останавливается на конкретном предметном образе, а именно на образе щипца крыши с коньком. Данный выбор не слу-

чаен, а именно предопределен установкой, запечатлевшей опыт народа: в XV – XVII веках фасады городских домов, нередко узкие и выполненные из глиносоломы, имели особенность – над ними возвышались щипцы, или коньки, островерхих треугольных крыш, функциональным назначением которых была поддержка передних перекладин остова здания. *Avoir pignon sur rue*, что дословно означает ‘иметь щипец на улице’, на основе метонимического переноса обретает значение ‘иметь свой дом’. Поскольку фасад здания выходил на улицу, а щипец являлся наиболее заметной его частью, состоятельные люди стремились украсить его таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать уровень своего богатства. В связи с этим для обозначения уровня материального достатка и положения в обществе был избран образ крыши со щипцом (Duneton 1990: 689). Данный фразеологизм мы расцениваем как социоцентрический, поскольку в конкретном образе из строительной сферы материализовалась потребность обозначить ситуацию из социальной сферы, связанную с богатством и признанием общества.

Как показал анализ языкового материала, в основе ряда ФЕ семантической группы «статусные характеристики субъекта» также лежит пространственная метафора, согласно которой высоко расположенная часть здания (но не последний этаж) отождествляется с солидным положением в обществе, а низко расположенная – с нахождением у подножия социальной лестницы. Таким образом, на материале социоцентрических фразеологизмов подтверждается положение о том, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» (Лотман 1996: 205).

СФЕ с фразеолексой *étage*, m ‘этаж’ указывают как на высокое, так и на низкое положение субъекта в зависимости от того, каким прилагательным и предлогом данная фразеолекса детерминирована: *du plus haut étage* (букв. с высокого этажа) уст. клс. ‘самого высокого происхождения’; *sans étage* (букв. без этажа) ирон. ‘без роду, без племени’; *de bas* (или *de dernier*) *étage* (букв. с низкого / последнего этажа) разг. ‘третьесортный; низкого происхождения’. Сюда же можем отнести ФЕ *femme de dernier étage* (букв. женщина с последнего этажа) ‘развратная женщина, проститутка’. Исследуя этимологию данных фразеологизмов, датируемых XIII веком, А. Рей и С. Шантро задаются вопросом, на основе которого из значений старофранцузского существительного *estage* они сформированы. Лексема *estage* восходит к глаголу *ester* (лат. *stâre*) в двух его значениях ‘пребывать, находиться’ и ‘находиться (в каком-л. положении)’. На базе первого развиваются такие значения существительного *estage* как ‘пребывание, местоположение’, ‘жилище’, а с XII века и ‘пространство между половыми покрытиями’; на базе второго – ‘социальное положение’. Авторы фразеологического словаря приходят к выводу, что значения ФЕ не столько обусловлены значением существительного *estage* ‘социальное положение’, сколько являются следствием метафорического сравнения социальной иерархии со зданием, состоящим из нескольких этажей (Rey 2006: 378).

По сходному принципу образована ФЕ *de troisième sous-sol* (ACC с третьего подвала) разг. ‘последнего разбора; самого низкого пошиба’. Данный фразеологизм имеет вариантную форму *de quatrième sous-sol*, что лишний раз свидетельствует о том, что излюбленным числом во французской фра-

зеологии является *четыре* (Гак 2010: 252). Числительные *quatre*, *quatrième* привлекаются французским интерпретатором не только в том случае, когда имеются в виду именно четыре предмета (напр., *les quatre coins* (ACC четыре угла) a) 'уголки (детская игра)'; b) 'безуспешная погоня'), но и тогда, когда речь идет о небольшом количестве чего-либо, то есть нумерическое значение уступает место символическому, образовавшемуся под влиянием культурно-национального миропонимания. Так, числительное *quatrième* наряду с *troisième* в ФЕ *de troisième* / *quatrième sous-sol* указывает на низко расположенную часть здания.

Пространственная метафора лежит также в основе ФЕ: *aller aux frises* (или *escalader les frises*, *monter jusqu'aux frises*, *toucher les frises*) (ACC достигнуть фриза) разг. 'подняться до вершины (славы)', *arriver au faîte* (*atteindre le faîte de*) (ACC достигнуть конька кровли) 'достигнуть вершины, подняться высоко, преуспеть', *être au faîte de* ... (ACC быть у конька кровли) 'быть на вершине, верховодить'.

Семиотическую связку, установившуюся между тематической областью 'расположенный в нижней / верхней части здания' и социальными фразеосемемами 'низкопробный', 'высокого происхождения' рассматриваем как общую для многих языков. В подтверждение этого приведем слова В. Н. Телия: «пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке … проявление благородного начала обозначается посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства*, *стремления*, *помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства*, *низкие побуждения*, *мысли*); … верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на верху блаженства*, *на седьмом небе*, *в зените славы*), а низ – как символическое пространство «грехопадения» (ср. готовность *провалиться от стыда*, *сквозь землю*, ср. также *низвергнуть*, *низложить*, *опуститься на дно жизни* и т. п.» (Телия 1988: 173). Пространственная ориентация человека представляет собой базу описания мира, закрепленного в системе языка, в том числе, во фразеологизмах тематического поля «maison» со значением социального статуса субъекта.

1. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

2. *Гак, В. Г.* Беседы о французском слове : Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. – Изд. 5-е. – М. : КомКнига, 2010. – 336 с.

3. *Жуков, В. П.* Семантика фразеологических оборотов : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В. П. Жуков. — М. : Просвещение, 1978. — 158 с.

4. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

5. *Кириллова, Н. Н.* Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография / Н. Н. Кириллова. – СПб. : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.

6. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера-история / Ю. М. Лотман. — М., 1996.

7. *Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М.* Фразеологизмы в русской речи : Слов. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. - М. : Рус. слов., 1997. - 863 с. ; 21 см.

8. *Серебренников, Б. А.* Предисловие / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.– М. : Наука, 1988. – 216 с. – с. 3-7.

9. *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с. – с. 173 – 203.

10. *Телия, В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. — 284 с.

11. *Яценко, Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – 528 с.

12. *Duneton C.* Le Bouquet des expressions imagées : encyclopédie thématique des locutions figurées de la langue française / Claude Duneton, Sylvie Claval. – Paris : Édition du Seuil, 1990. – XVII, 1375, [5] p.

13. *Hallig, R.* Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie : Versuch eines Ordnungsschemas = Système raisonné des concepts pour servir de base à la lexicographie : essai d'un schéma de classement / R. Hallig, W. von Wartburg. – 2., neu bearb. und erweiterte Aufl. – Berlin : Akademie-Verlag, 1963. – 315, [1] S.

14. *Rey, A.* Dictionnaire des expressions et locutions / Alain Rey, Sophie Chantreau. – Nouvelle éd. rev. et augm. – Paris : S. N. L., 1984. – XVI, 946, [90] p.

к.ф.н. О.Н. Бабушкина (Челябинск)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Отличительной чертой когнитивной фразеосемантики является динамический подход к значению фразеологизма: под ним понимается не просто стабильная структура иерархически упорядоченных сем, а единство, формируемое в сознании людей в процессе коммуникации и познания действительности.

Фразеологизм является особым способом языковой концептуализации знаний о мире и оценки отдельных его сторон. Во фразеологизмах, содержащих в своей семантике оценку профессиональной деятельности или исторически связанных с такой оценкой, закрепляется результат квалифицирующей деятельности сознания: те или иные признаки трудовой деятельности соотносятся с существующим в обществе профессиональным эталоном по определенным критериям оценки профессиональной деятельности челове-

ка в целом. Так, традиционными критериями в русской лингвокультуре, выделенными на основе диахронического анализа функционирования названий лиц по профессии, являются: радение (ответственность) работника, его квалификация, качество, сложность и результативность труда, творческий подход к труду, отношение к физическому труду, общественная польза труда, созидательный характер деятельности (Голованова 2008: 252).

Профессиональный мир представлен в языке с двух позиций: изнутри, с точки зрения профессионала (интрапрофессиональные стереотипы действий и состояний), и «снаружи» – с позиции стороннего наблюдателя, «оценщика» той или иной профессии (в этой роли выступает этноязыковой коллектив). В соответствии с этим все факты «профессиональной» фразеологизации делятся на две группы: 1) фразеологические единицы (далее ФЕ), восходящие к обозначениям, возникшим в профессиональной среде; 2) фразеологизмы, содержание которых обусловлено социальной оценкой той или иной профессии (Мокиенко 1989: 165).

Анализ фразеологических единиц русского и английского языка позволил обнаружить следующие оценочные фразеологизмы, возникшие непосредственно в профессиональной среде (в профессиональной коммуникации) и затем ставшие общим достоянием носителей языка.

Сфера профессиональной деятельности человека / Примеры оценочных ФЕ, возникших в профессиональной среде.

1) Обработка дерева. *бить баклуши*, *топорная работа, точить балясы*, *через пень-колоду валить*;

2) Кузнечное дело. *hammer out, tinker with,*too many irons in the fire;

3) Мельничное дело. *лить воду на мельницу;*

4) Металлообработка. ювелирное дело *тянуть канитель, филигранная работа;*

5) Рыболовство/морское дело. *мутить воду, брать/взять на буксир, стоять на вахте*, *be in the doldrums, in the swim*, *full steam/speed ahead, show someone/know the ropes, swing the lead;*

6) Военное дело. *пороху не хватает, come up/rise through the ranks, come the old soldier*, *hit the ground running, step into the breach;*

7) Связь. *на всю/полную катушку;*

8) Юридическое дело. *do oneself justice;*

9) Бухгалтерское дело. *в ажуре;*

10) Политика. *an elder statesman,*climb/jump on the bandwagon;

11) Экономика. *have/put skin in the game;*

12) Государственная служба. *дело в шляпе/шапке;*

13) Транспорт. *ехать/поехать на дулгих, asleep at the switch/wheel*, *build/get/work up a head of steam*, *get up steam*, *hit the buffers;*

14) Торговля. *вставлять/вставить палки в колеса кому, чему;*

15) Телевидение, радио. *come on like gangbusters;*

16) Театральное/цирковое искусство. *разводить бодягу*, *наломать дров*, *get off the dime*, *hard/tough act to follow*, *jump through hoops*, *one-man show/band;*

17) Музыкальное искусство. *lose one's touch, play it by ear, pull out all the stops;*

18) Спорт. *also-ran, bat a thousand, carry the ball, jump in with both feet/into the ring, jump the gun, make the running, play the game, rest/lay on your oars*, *ride in tandem with, win on points.*

Обработка дерева, один из древнейших видов человеческой деятельности, получила свое отражение в ФЕ *топорная работа* – о плохо грубо сделанной работе. Данная ФЕ имеет два варианта происхождения: 1) из речи лесорубов во второй половине XVIII в., когда на смену топорной доске, т.е. вырубленной топором из ствола дерева, пришла пильная доска, которая была тоньше и красивее, к тому же из одного ствола получалось 4-5 пильных досок вместо двух топорных; 2) из речи столяров, противопоставляющих свою тонкую работу грубой работе плотников. Благодаря первоначальному денотату, в результате переосмысления это выражение получило оценочную коннотацию более широкого применения, содержащую отрицательное отношение к объекту речи. При этом оценочное значение исторически возникло в самой профессиональной среде – специалисты в сфере деревообработки использовали это выражение для отрицательной оценки некачественно выполненной работы. Употребление данной ФЕ по отношению к другим сферам профессиональной деятельности позволяет автору ярко выразить свое отрицательное отношение к объекту речи, например:

«В деле о махинациях с квартирами в екатеринбургской мэрии появился «козел отпущения» <…> Дело «мэрии Екатеринбурга» передано в отдел по особо важным делам прокуратуры Свердловской области <…> Обыски в мэрии – это топорная работа правоохранительных органов» (Главному фигуранту в «деле мэрии» пообещали безбедную старость за границей // Новый регион 2, 2004.12.01).

Вторую группу образуют фразеологизмы, возникшие в обиходно-бытовой среде, но применимые к оценке профессиональной деятельности (с точки зрения содержания труда, типичного отношения к труду и т.д.). Например, *лежать на боку / на печи / на печке, валять дурака, плевать в потолок, сидеть сложа руки* и др. */ wear/work your fingers to the bone, roll your sleeves up,go to great lengths to do sth, etc.* ФЕ второй группы этимологически не связаны с конкретным видом профессиональной деятельности человека, однако использование данных ФЕ применительно к различным сферам профессиональной деятельности человека также находит подтверждение в газетных статьях, например:

«Валять дурака Олегу Павловичу Табакову точно некогда: в ближайшее время он собирается ставить в «Табакерке» «Бешеные деньги» Островского» (Ирина Радова. Табаков погнался за «Бешеными деньгами» // Известия, 2006.09.11).

Таким образом, оценочные значения фразеологических единиц профессиональной семантики развиваются либо в самой профессиональной среде, внутренняя форма таких ФЕ хранит профессиональное знание оценочного характера, либо в обиходно-бытовой среде, но данные ФЕ активно применяются для выражения оценки тех или иных сторон профессиональной деятельности человека.

1. *Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.

2. *Бирих, А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов [Текст] / А. К. Бирих // СПбГУ; Межкаф. словарный кааб. им. Б.А.Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., исправл. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

3. *Голованова, Е. И.* Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е. И. Голованова. – М. : ООО «Издво «Элпис», 2008. – 304 с.

4. *Жуков, А. В.* Лексико-фразеологический словарь русского языка : ок. 1500 фразеологических единиц [Текст] / А. В. Жуков. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 603 с.

5. *Жуков, В. П., Сидоренко, М. И., Шкляров, В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов [Текст] / Под ред. В. П. Жукова. – М. : Рус. яз., 1987. – 448 с.

6. *Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.

7. *Мокиенко, В. М.* Славянская фразеология [Текст] : учеб. пособие для вузов / В. М. Мокиенко. – М., 1989. – С. 157 – 200.

8. Cambridge International Dictionary of idioms [Text] / Cambridge University Press, 1998. – 587 p.

9. Oxford Dictionary of Idioms [Text] / Edited by Judith Siefring. Second edition. – 2004. – 340 p.

10. Oxford Idioms Dictionary for learners of English [Text] / Oxford University Press, 2006. – 470 p.

11. The American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer. – 1997. – 1191 p.

к.ф.н., доцент А.Н. Баситова (Курванбакиева)
(Алматы, Казахстан)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЕЛ *ТРИ, СЕМЬ, ДЕВЯТЬ, СОРОК* ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И УЙГУРСКОГО ЯЗЫКОВ

Испокон веков числа играли большую роль в жизни человека. Еще в древнем мире человек пытался познать тайну окружающего мира, будущее посредством чисел, что позднее породило такие науки, как изотерика, магия, нумерология, оккультизм. Суеверие способствовало порождению веры в мистику, благодаря чему некоторые числа приобрели сакральное значение.

Во многих обрядах разных народов встречается употребление одинако-

вых чисел: поминки на третий, седьмой, девятый, сороковой день; сорок дней новорожденного и т.п. Объектом исследования данной статьи являются фразеологические единицы русского и уйгурского языков с числами три, семь, девять, сорок.

Как известно, фразеология тесно связана с национально-культурными особенностями языка, «зеркалом национальной культуры, психологии и философии» [Толстой 1997:5]. В.Н. Телия подчеркивает, что, во-первых, большинство фразеологических единиц характеризуется национально-культурной спецификой, во-вторых, межконтекстуальные связи фразеологизмов с тем или иным культурным кодом остаются в коллективном бессознательном языка, и это отражается в способности носителей языка воспринимать культурную отнесенность, которая оставляет след в культурной коннотации, играющей роль связующего звена, что обеспечивает диалог между языком и культурой… [Телия 1998:10]. Рассмотрим подробно сакральное значение данных чисел и отражение во фразеологии русского и уйгурского языков.

Три имеет сакральное значение, часто определяет количество основных значимых ритуально-мифологических единиц. По утверждению Х.Э. Керлота, в мифологических представлениях индоевропейцев числом *три* обозначали весь окружающий человека мир – его делили на земное, подземное и небесные царства. Поэтому число *три* стало священным, обозначая три различных явления, которые сливаются в единое целое [Керлот 1994:576]. С.Ю. Ключевский эзотерическое значение тройки связывает с тем, что оно представляет собой начало синтеза, соединяет воедино и примиряет конфликт между двумя противоположностями, в том числе между единицей и двойкой, и поэтому считается первым совершенным нечетным числом. В природном аспекте тройка символизирует тройственную природу мира, состоящего из Неба, Земли и Человека. В человеческом аспекте тройка означает тройственное строение гомо сапиенс, чью внутреннюю природу принято разделять на дух, душу и тело [Ключников 1996:48]. Роль числа *три* как основной количественной константы в самых разных традициях широко известна. Возникает вопрос, чем объясняется то, что многообразные тексты неизменно обращаются к числу *три*, когда речь заходит о главных параметрах макрокосмоса (три сферы вселенной, три высших ценности, божественные троицы, троекратное повторение), что число трактуется как некое совершенство. По мнению В.Н. Топорова, объяснение этому можно искать в свойствах самого числа три, предтавляющего собой идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом. Эта структура становится точной моделью сущностей, признаваемых идеальными... три является совершенным числом ,так ка оно открывает числовой ряд, оно первое из чисел, порождаемых с помощью осознанной процедуры (1+2=3) [Топоров 1980:21-24].

Среди рассмотренных идиом русского и уйгурского языков значение «соединение, примирение» не выявлено. Одним из значений числа *три* является усиление, большого количества чего-либо. В культуре древнего мира люди дали особое имя данному числу, так как они считали *три* больше, чем *один* и *два,* и новое число стали применять вместо слова «много» [Ключников 1996:48], что отразилось в русском языке: *гнуть в три погибели – «жестоко эксплуатировать, тиранить», в три этажа – «грубо, нецензурно*

браниться», насыпать с три короба – наговорить много неправдоподобного, налгать, насочинять много небылиц». В уйгурском языке выявленные идиомы связаны со значениями «развод» и «одиночество»: *уч талак – «развод между супругами по религиозным предписаниям», уч кайнатса шовиси кошулмаслик – «не общаться с родственниками, быть одиноким».*

То, что *семь* – число особенное, люди знали очень давно. Особенно чтили данное число на Древнем Востоке. Некоторые ученые считают, что *семь* выражало шесть главных направлений (верх, вниз, назад, влево и вправо) и то место, от которого идет этот отсчет. У шумеров, а затем сменивших их на той земле вавилонян и ассирийцев, в храмах было семь ступеней, освещались эти храмы семисвечниками, они знали семь металлов. По их сказаниям, в подземном царстве было семь ворот, через которые проходили в него души умерших. От шумеров и вавилонян почитание семерки перешло к другим народам. Древние греки подсчитали семь чудес света, мы пользуемся семидневной неделей, дни которой названы в честь богов. Как считали пифагорейцы, вавилонско-ассирийские жрецы и алхимики, это абсолютное число всех символов, высшая степень восхождения к познанию премудрости [Иванов 1990:46]. По мнению Е.А. Гладских, семь «состоит из суммы составляющих три и четыре – суммы основных горизонтальных и вертикальных координат вселенной и воплощает космическую целостность, включая временные (7 дней недели), астральные (7 планет), и культовые (пантеоны из семи богов) совокупности» [Гладских 1993:671]. Подтверждением служит фразеологизм *йэттэ иклим – «вселенная, весь мир».* Интересным остается тот факт, что в древней мифологии в образе радуги воплощалась змея, вознесенная на небо воображением первобытного человека. Подобно тому, как земным змеям древние приписывали способность охранять, радуга считалась небесной змеей, которая могла снабжать землю водой, помогала поглотить влагу небес, вызывая засуху. Постоянство расположения семи цветов радуги явилось краеугольным камнем древних представлений о магическом характере числа семь [Топоров 1980:4824]. Дальнейшее укрепление этого поверья отразилось в мировых религиях, которые придавали магическое значение предметам, содержащим число *семь*: семь ступеней храма Соломона, семь смертных грехов, семь таинств, семь минаретов в мечети в Мекке и т.п. существует легенда из восточного Туркестана, записанная Н.Ф. Катановым, где автор описывает пещеру Туюк в Турфане, где по преданию спрятались герои легенды о семерых святых. Избежав таким образом погони царя Дакьякнуса, святые проспали в пещере триста лет. Проснувшись, они создали царство, просуществовавшее более 6000 лет [Алиева 1984:114]. Исследователь отмечает, что «китайские татары» (уйгуры) думали, что отроки, упоминаемые в 18 главе Корана именно те, которые спят теперь в Турфане. По содержанию это предание схоже с христианским сказанием о семи святых Ефесских отроках, память которых чтится русской церковью 4 августа и 25 октября. В уйгурском языке происхождение идиомы ачаби кэһэп связано с данной легендой и обозначает «семь отроков». В русском фольклоре *семь* приобретает обобщенно-множественную семантику и не всегда фразеологическая единица с данным компонентом обладает сакральной семантикой. Вслед за В. Чернышевым, мы склоны считать, что число само по

себе лишено сакральности, все зависит от слова, с которым данное число употребляется. «В православных религиозных верованиях признается *семь* таинств, *семь* чинов ангельских, *десять* заповедей, двенадцать апостолов; все данные в народных представлениях приобретали некоторое сакраментальное значение, но только в приведенных сочетаниях, а не отдельно [Чернышев 1946:50]. Например, в идиоме *семь пятниц на неделе – «кто-либо часто, легко меняет свои решения, намерения, настроения и т.п.» семь* лишено сакральности, обозначает дни недели. Происхождение данной идиомы В.М. Мокиенко связывает с особым отношением людей к дням недели на Руси. В народном обиходе помимо деления дней недели на чет – нечет, было распространено противопоставление женских дней мужским. Женскими днями считались среда и пятница (реже суббота и воскресенье), мужскими – понедельник, вторник, четверг. *Семь пятниц на неделе* связано с женским днем: пятницы были торговыми, базарными днями, когда заключались торговые, долговые обязательства. Именно у того, кто обещал отдать свой долг в следующую пятницу, но так и не выполнил обещания, и было первоначально семь пятниц на неделе [Мокиенко 1990:48-49]. В русской фразеологии *семь* обозначает «большое количество», «крайняя степень чего-либо»: *семь верст до небес (и все лесом) – «очень много наговорить, наобещать», семь потов сойдет – «о затрате больших усилий, труда (обычно на тяжелой работе)».* В уйгурском языке символизирует родство: *йэттэ яштин йэтмиш яшкичэ – «от мала до велика», йэттэ атам-заманки – «предки до седьмого колена».*Как видно из приведенных примеров, во фразеологических единицах рассматриваемых языков *семь* не имеет сакрального значения, а также семантические группы идиом различны.

Девять представляет сложный образ трех миров, так как идет утроение тройки и означает конец цифровой серии до ее возвращения к единице. Эзотерический смысл числа *девять* связан с идеей полноты и совершенства, заключенной в нем и связанной с синтезом трех миров. То есть тройной троичностью (Бог, Универсум, человек) [Ключников 1996:73]. Значение «полноты», «бурного проявления» выявлены в идиомах обоих языков: *девять десятых – «подавляющее большинство кого-либо; значительная часть чего-либо», девятый вал – «наиболее бурное, сильное проявление чего-либо грозного; наивысший подъем, взлет чего-либо»; токкузнин тэлтурмуши паравэн – «всего в достатке, нет нужды в чем-либо».*

Сорок символизирует цельный цикл в процессе божественных свершений или определенную неделимую целостность: достаточно вспомнить то обстоятельство, что как Саул, так и Давид царствовали 40 лет, Соломон царствовал 40 лет, всемирный потоп продолжался 40 дней, Моисей был призван Богом в возрасте 40 лет... в похоронных обрядах требуется 40 дней, чтобы тело полностью освободилось от души [Маковский 1996:369]. Данное значение не выявлено во фразеологизмах. Также *сорок* играло важную роль в старой системе мер: в пуде считалось 40 фунтов, в бочке – 40 ведер и т.п. Обозначение большого количества, крайней степени выявлено в идиомах обоих языков: *сорок сороков – «бесчисленное множество, большое количество чего-либо», имани кирик гэз учмак – «сильно испугаться».*

Проведенный анализ фразеологических единиц в русском и уйгурском

языках с числами три, семь, девять и сорок, являющимися сакральными, свидетельствует о том, что данные идиомы лишены мистического характера, зачастую число употребляется в прямом значении, обозначая количество, или в переносном значении, не связаым с сакральностью.

1. *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 306-315.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 228 с.
3. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. – М.: Refl – book, 1994. – 602 с.
4. *Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3-58.
5. *Ключников С.Ю.* Священная наука чисел. – М.: Беловодье. 1996. – 192 с.
6. *Иванов С.* Магическая семерка // Наука и религия. – 1990. – № 2. – С. 34-37.
7. *Гладских Е.А.* Язык и культура: сакральность чисел // Язык и культура. Вторая международная конференция: Тезисы. – киев, 1993. – Ч. 1. – С. 15-17.
8. *Алиева М.М.* Жанры уйгурского фольклора. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 176 с.
9. *Чернышев В.О.* О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языках // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1946. – № 4 (29). – С. 45-51.
10. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
11. *Маковский М.М.* Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. –М., 1996. – 329 с.

Ю.М. Булаш (Минск, Беларусь)

МОТИВИРОВАННОСТЬ НЕОДНОСЛОВНЫХ НОМИНАЦИЙ КРИМИНАЛЬНОГО АРГО

Объектом нашего исследования послужили неоднословные глагольные номинации русского и польского криминального арго, обозначающие такие важные для преступного мира явления, как арест, обман, побег, кража, взлом, избиение, тюремное заключение, и многие другие. Номинации отбирались из (Бурик 1979) и (Stępniak 1993) методом сплошной выборки.

Нас заинтересовал вопрос, являются ли эти номинации мотивированными единицами и одинаковы ли способы их мотивации и степень их мотивированности.

Анализ отобранных неоднословных номинаций выявил, что во фразеологической системе арго имеется набор единиц, которые образуют четыре группы:

1. Единицы, подобные фразеологическим выражениям. Такие номинации полностью мотивированы сочетанием значений составляющих компонентов. Интересно отметить, что в большинстве случаев значения составляющих компонентов принадлежат подсистеме арго, а не литературного языка (ЛЯ). Приведем несколько примеров: *wstawiać kit* 'kłamać' – обманывать (*kit* 'kłamstwo' – обман, *wstawiać* 'mówić, powiedzieć' – говорить, сказать), *lać kit* 'mówić, kłamać' – говорить, обманывать (*lać* 'mówić, kłamać' – говорить, обманывать, *kit* 'kłamstwo' – обман), *klawo świecić* 'dobrze kłamać' – хорошо обманывать (*klawo* 'dobrze' – хорошо, *świecić* 'kłamać' – обманывать), *z klatki wystawić* 'uciec z celi' – убежать из клетки (*klatka* 'cela w areszcie, zakładzie karnym' – тюремная камера, *wystawić* 'uciec, uciekać' – убежать, убегать), *увентить с прихвата* 'сбежать с места разбоя' (*увентить* 'сбежать', *прихват* 'разбой'), *дернуть угол* 'украсть чемодан' (*дернуть* 'украсть', *угол* 'чемодан'), *слямзить тарaтуху* 'украсть мотороллер' (*слямзить* 'украсть', *тараtуха* 'мотороллер').

2. Единицы, схожие с фразеологическими сочетаниями, в которых один компонент переосмыслен. Так, во фразеологизме *пургу спустить* 'закончить разговор' компонент *пурга* означает 'разговор', а компонент *спустить*, принадлежащий системе ЛЯ, переосмыслен; во фразеологизме *do cięcia iść* 'iść do aresztu lub do więzienia' – быть арестованным – литературный компонент *cięcie* переосмыслен и вместо значения 'удар' получает значение 'арест'. К фразеологическим сочетаниям относятся также фразеологизмы *закатить в кичеван* 'водворить в тюрьму' (*кичеван* 'тюрьма') и *dynię rozłupać* 'rozbić głowę' – разбить голову (*dynia* 'głowa' – голова). Анализ переосмысленных компонентов дает понять, что преступники (носители криминального арго) ассоциируют арест, например, с ударом (*cięcie* 'удар' (ЛЯ), 'арест' (КА)), а побои с раскалыванием (*rozłupać* 'расколоть' (ЛЯ), 'разбить' (КА)).

3. Еще более красочные ассоциации рождаются при создании арготических фразеологических единств – полностью переосмысленных составных единиц, значения которых мотивированы внутренней картинкой, образом. Определение образной основы фразеологических единств позволяет выявить, как люди думают о концептах, которые фразеологизмы называют, а также дает возможность проникновения в «образность» человеческого познания (Gibbs 1995). Арготические фразеологические единства – самая многочисленная группа фразеологизмов, которые образованы с помощью полного переосмысления исходного словосочетания и мотивированы образом, созданным на основе значений компонентов. В основе каждого арготического фразеологического единства лежит метафора, которая позволяет определить специфику отношения преступника к окружающему миру.

Исследования в области социолингвистики, психологии и криминалистики показывают, что носители криминального арго (преступники) отличаются особым психическим складом личности и спецификой поведения. Им более свойственны тревожность, эмоциональность, агрессивность, импульсивность; их поведение характеризуется асоциальностью, социальной отчужденностью, гиперчувствительностью во взаимоотношениях, стремлением к игре и созданию особой системы норм и обычаев (Ахмедшин 1999; Пастушеня 2000; Дубягина 2008).

Эти данные подтверждаются анализом тех образов, на основе которых были созданы арготические фразеологизмы. Так, например, для носителей арго ‘бегство’ ассоциируется: с выходом на пространство (на природу): *идти на муравушку, идти на траву, уйти в сторону моря, iść na trawę – идти на траву*; с представлением об убегающем звере / удаляющейся машине, причиняющем/ей себе вред (*когти рвать, заломить рога, рвать болты, рога ломать, urżnąć gwinta – отрезать винт, spadać na szamot, mordę – падать на лицо*); с подстегиванием для интенсификации побега (*дать плеть, купить плеть, нарезать плеть*); с изменением судьбы (*менять судьбу, dawać dolę – давать участь*). Из анализа данных мотивированных фразеологизмов следует, что для преступника ‘бегство’ – это, прежде всего, действие, наносящее ущерб убегающему, подстегивание и новая жизнь. Метафоры арго отображают коренные изменения, связанные с бегством (изменение судьбы, начало новой жизни), а также характеризуют бегство не просто как стремление скрыться, а как действие, приносящее боль: у преступника желание убежать настолько велико, что он способен причинить себе вред (Булаш 2010).

Рассмотрение арготических фразеологических единств со значением ‘арестовывать’ в сравнении с литературными фразеологизмами с таким же значением также показало разные (для ЛЯ и арго) фрагменты языковой картины мира. Для преступника арест ассоциируется с болезненной фиксацией: *сесть на вилы*, *накинуть петлю*, *związanym być – быть связанным*, помещением во вместилище: *бросить в торбу, iść do pudła – идти в ящик, schować do pudełka – спрятать в коробку*, а также с попаданием в «дом родной», возвращением к истокам: *определить к хозяину*, *грызть сухари, сплести лапти, iść na spoczynek – идти на отдых*. Для носителя ЛЯ арест – это всего лишь ссылка в далекое место (*отправить на (за) 101 км*).

4. Последняя выделенная группа фразеологизмов подобна фразеологическим сращениям. Такие арготические фразеологизмы являются немотивированными единицами по причине того, что значение компонента фразеологизма затемнено, не зафиксировано ни в словаре ЛЯ, ни в словаре арго (*укайдачить на ломбард* ‘попасть в тюрьму (за квартирные кражи)’, значение *укайдачить* не зафиксировано). Причиной немотивированности также является невозможность определить образную основу фразеологизма (*wciskać frajerską ciemnotę – втискивать фраерскую темноту* ‘oszukiwać, kłamać’ – обманывать) или то, что образная основа не мотивирует значение фразеологизма (например, *брать на пашню* ‘продавать чужое’).

Исследование показало, что фразеологическая система криминального арго включает как мотивированные, так и немотивированные единицы, причем степень мотивированности фразеологизмов зависит от способа их образования. Арготические фразеологические выражения – «прозрачные», полностью мотивированные единицы, что сближает их со свободными словосочетаниями. Фразеологические единства арго мотивированы яркими образами и выражают особый взгляд преступника на окружающую действительность. Сочетания также раскрывают отношение преступника к внешнему миру – посредством одного переосмысленного компонента. Фразеологические сращения арго, как и в ЛЯ, являются единицами немотивированными.

1. *Ахмедшин, Р.Л.* Психолого-криминалистическая характеристика социально-дезадаптированной личности преступника : автореф. дис. … канд. психол. наук : 12.00.09 / Р.Л. Ахмедшин; Юрид. ин-т Том. гос. ун-та. – Томск, 1999. – 23 с.

2. *Булаш, Ю.М.* Образная мотивация фразеологизмов арго / Ю.М. Булаш // Вестник Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (44). – С. 7–15.

3. *Бурик, В.И.* Жаргон преступников / В.И. Бурик, В.Г. Шелестюк. – Киев : НИиРИО, 1979. – 406 с.

4. *Дубягина, О.П.* Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.П. Дубягина; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2008. – 26 с.

5. *Пастушеня, А.Н.* Криминогенная сущность личности преступника : (психологический аспект) : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.06 / А.Н. Пастушеня; Акад. упр-я МВД России. – М., 2000. – 43 с.

6. *Gibbs, R.* Idiomaticity and human cognition / R. Gibbs // Idioms : Structural and Psychological Perspectives / M. Everaert [et al.]; A. Schenk & R. Schreuder (Eds.). – N.J., 1995. – P. 97–116.

7. *Stępniak, K.* Słownik tajemnych gwar przestępczych / K. Stępniak. – Londyn : Puls, 1993. – 735 s.

Л.Ф. Велиева (Челябинск)

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА *«НАУКА»*

Бурное развитие человечества и увеличение скорости жизни неразрывно связано с развитием науки. Проблемы и сложные задачи, возникающие перед человеком, вынуждают его искать новые пути решения поставленных перед ним жизнью задач, расширять границы своей познавательной деятельности, что в свою очередь приводит к развитию научной мысли и расширению границ концепта «наука». Знания, необходимые человеку для выживания и развития, позволяющие ему объяснить и понять окружающий его мир, и являются основной целью научной деятельности.

Наука зародилась в древности. Первые элементы научного знания появились в Древнем Китае, Индии, Египте. В 6 веке до н.э. в Древней Греции появляются первые теоретические системы. На Руси наука также возникла и развивалась с древних времен. Особое развитие получили такие отрасли как строительство, металлообработка и ремесленные производства. Центрами древнерусской науки были монастыри, при которых нередко существовали школы.

До 16-17 вв. научное знание носило разрозненный, эпизодический характер. Именно в это время меняется мышление человека, и наука стано-

вится важнейшим фактором жизни. В Европе появляются первые научные общества и академии, начинают выходить первые научные журналы. Начиная с этого времени, в ходе исторического развития, наука превратилась в важнейший социальный институт, пронизывающий все сферы общества и культуру в целом. Наука в этот период связана с именами таких великих ученых и философов как Галилей, Кеплер, Ньютон, Бэкон и др. Они внесли большой вклад в развитие теоретической науки, которая до этого была в основном связана с задачами практического характера. В России в этот период возникает целый ряд научных учреждений, разрабатывающих широкий круг научных проблем, огромный вклад в решение которых внес выдающийся русский ученый М.В. Ломоносов. Ему принадлежит ряд величайших открытий 18 века, благодаря которым русская наука вышла на передовые мировые рубежи.

Начиная с 17 в. объем научной деятельности удваивается примерно каждые 10-15 лет. На рубеже 19-20 вв. наука перестает играть вспомогательную роль по отношению к производству, и ее развитие начинает опережать его развитие и выходит на первый план в практической деятельности человека. Научные исследования разделяются на фундаментальные и прикладные, при этом фундаментальные науки закладывают необходимую теоретическую основу для дальнейших теоретических исследований.

В наше время наука имеет разветвленную дисциплинарную структуру, в которую входят философские, логико-математические, естественнонаучные и гуманитарные науки. Наука пронизывает все сферы общественной жизни, оказывает влияние на ее развитие. Трудности в определении науки и научного знания связаны с тем, что в процессе исторического развития границы между наукой и не-наукой постоянно изменяются, расширяются области научного знания и одновременно некоторые теории, которые ранее считались научными, признаются ложными и исключаются из сферы научных знаний. Несмотря на это можно выделить основные черты, позволяющие нам отделить науку от других форм общественного сознания. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефронадает следующее определение науки: «...совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчету и приведенных в известный систематический порядок…».

В современном энциклопедическом словаре наука определяется как «сфера человеческой деятельности, одна из форм общественного сознания; включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат - сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира; обозначение отдельных отраслей научного знания. Непосредственные цели - описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов».

В философском словаре под редакцией И.Г. Фролова «наука - сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении и включающая в себя все условия и моменты этого производства: ученых с их знаниями и способностями, квалификацией и опытом, о разделением и кооперацией научного труда; научные учреждения, экспериментальное и лабораторное оборудование; методы научно-исследовательской работы, понятийный и категориальный аппарат, систему научной информации, а также всю сумму научных знаний, выс-

тупающих в качестве либо предпосылки, либо средства, либо результата научного производства. Эти результаты могут так же выступать как одна из форм общественного сознания».

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что рассматривая концепт «Наука» мы должны опираться на два аспекта его определения:

- наука как деятельность по получению знаний
- наука как результат этой деятельности, представленный в виде системы знаний.

В философии рассматриваются такие вопросы, относящиеся к проблеме философии науки, как строение научного знания, механизмы и формы его развития, критерии разграничения науки и не-науки, роль парадигм в науке, проблема истинности знаний. Для нашего исследования представляется важным вопрос соотношения науки и обыденного познания. Обыденное познание базируется на социальном опыте человека. Оно характеризуется здравым смыслом, обыденным языком, наивными представлениями о мире. Научное знание отличается от обыденного глубиной отражения объекта, выявлением законов развития, использованием логического понятийного аппарата и методов проверки знания. Но, несмотря на различие подходов к познанию действительности наука находится во взаимодополняющих связях с повседневным познанием. Здравый смысл и естественный язык являются концептуальным истоком всех теоретических построений и умозаключений науки. Наука вырабатывает языки, необходимые для решения специфических научных задач, но она не может обойтись без повседневного естественного языка. Исследуя фразеологические единицы русского и английского языков, характерные для употребления в повседневном языке, мы опираемся на тот факт, что теоретические научные знания невозможны без своей основы, т.е. обыденных знаний, зафиксированных в живом повседневном языке.

1. Большой энциклопедический словарь – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 1456с.

2. *Канке В.А. Ф*илософия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Корпорация «Логос», Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, Международная академическая издательская компания «Наука», 1997. –352с.

3. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990с.

4. Философия: Курс лекций: Учеб.пособие для студентов вузов/Моск. интнацион. и регион. отношений; Науч. руковод. авт. колл. докт. филос. Наук В.Л. Калашников. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384с.

5. Философия: Учебник/Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. – М.: Русское слово, 1997. –432с.

6. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 4-е. – М.: Политиздат, 1981. – 445с

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/brok.htm

к.ф.н., доцент Л.Б. Воробьева (Псков)

ФРАЗЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОМАТИЗМА *РУКА* В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

В конце XX – начале XXI века соматическая лексика становится предметом пристального внимания лингвистов, так как проблемы обогащения культур потребовали решения проблем межкультурной коммуникации, повышения эффективности изучения культурно детерминированного лексического состава языка, разработки способов обогащения учащихся лингвокультуроведческими знаниями, что отвечает целям и задачам коммуникативной лингвистики.

Считается, что наиболее древним кодом культуры является соматический (телесный), поскольку человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя, считая себя частью окружающего мира, но в то же время стараясь отделить себя от него и сохранить свое личное пространство (Красных 2002: 234-235). Ученые отмечают, что представления о строении и функционировании человеческого организма нашли отражение в разных формах народной культуры: в обрядах и верованиях, в заговорах, в народной медицине и т.п.

Являясь одним из древнейших и очень существенных разрядов лексики, соматизмы обладают большими возможностями для образования фразеологических единиц.

Лингвисты по-разному трактуют термин «соматические фразеологизмы». Одни к таковым относят лишь единицы с названиями частей тела, другие кроме названий частей тела включают названия жидкостей в теле (*кровь*), а также слова, не называющие части тела, но непосредственно связанные с организмом человека (*кость, кожа, нервы* и т.п.). В зависимости от характера объекта номинации вся соматическая лексика распределяется по следующим пластам и их разрядам: сомонимическая лексика, обозначающая части и области человеческого тела; остеонимическая лексика, обозначающая кости человеческого тела и их соединения; спланхнонимическая лексика, служащая для номинации внутренних органов человеческого тела; ангионимическая лексика, служащая для обозначения кровеносной системы организма человека; сенсонимическая лексика, обозначающая органы чувств; лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма: а) названия болезней и недугов человека; б) названия проявлений человеческого организма.

По мнению В.А. Масловой, внешний облик человека складывается из трех составляющих: 1) голова и ее части; 2) тело и 3) ноги (Маслова 2001:132). Наиболее продуктивные слова, обозначающие части человеческого тела, – это руки, ноги, спина и пуп, именно они образуют большое количество самых разнообразных фразеологизмов, многие из которых имеют мифологическую основу (Маслова 2001:135).

В сопоставляемых нами языках высокой фраземообразовательной активностью обладает слово *рука*. Компоненты фразеологических единиц обладают специфическими, часто метафорически переосмысленными значениями, однако в большинстве фразеологизмов со словом *рука* такое переосмысление незначительно, компонент *рука* сохраняет семантическую связь со словом *рука* в каком-либо из его значений.

Обширная группа фразеологических единиц русского и литовского языков соотносится с исходным значением слова *рука* ‘верхняя конечность человека’. В основном данные сочетания передают различные жесты, движения руками, охватывающие сферу чувств, намерений, поступков человека, средством выражения которых служит рука: рус. *махнуть рукой* ‘перестать обращать внимание, перестать заниматься кем-л. или делать что-л.’ (ср. лит. *ranka numoti*) , *руками рассуждать* ‘жестикулировать’, *по рукам* ‘полностью договорились, решено’, *ударять по рукам* ‘заключать соглашение, сделку’, *руку подать* ‘помочь кому-л., поддержать кого-л.’ (ср. лит. *ranką ištiesti* в этом же значении), *разводить руками* ‘крайне удивляться, недоумевать; не знать, как поступить в затруднительных обстоятельствах’. Ученые отмечают, что в процессе коммуникации только 35% информации передается с помощью языка. К другим, невербальным способам общения относится так называемый соматический язык: язык жестов, мимики, выражения лица, которые тоже являются средством передачи информации. При этом в невербальном общении присутствуют как универсальные, понятные всем знаки, так и специфические символы (сигналы), используемые в рамках только одной культуры. Культурно обусловленные невербальные способы передачи информации представляют интерес не только потому, что их знание необходимо для успешной коммуникации, но и потому, что невербальный язык отражается во фразеологических единицах, которые составляют обширный пласт любого языка.

Слово *рука* в значении ‘орудие труда, деятельности’ обладает наибольшими фраземообразовательными возможностями. Важность рук как средства труда отражает огромное количество фразеологических единиц, в значениях которых выражаются различные аспекты трудовой деятельности: отношение человека к труду, способ выполнения работы, трудовые качества человека.

В устойчивых единицах нашли отражение такие характеристики труда, как скорость (*скор на руку* ‘быстрый в работе’), интенсивность (*во все руки* ‘интенсивно, напряженно’, *не покладая рук* ‘усердно, без устали, не переставая (делать что-л.)’, *мозолить руки* ‘много работать физически, трудиться’, *оставаться без рук* ‘сильно уставать, доходить до изнеможения от работы руками’), качество работы (*делать руками, а не ногами* ‘делать хорошо, добротно’, *золотые руки* ‘мастер своего дела; человек, очень искусный в своем деле’ (ср. литовский эквивалент *auksinės rankos)*, *мастер на все руки* ‘человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле’ – лит. *rankas turėti* /иметь руки/ ‘уметь хорошо работать’). Во фразеологизмах оценивается и противопоставляется труженик и лентяй, умелый и неумелый человек: рус. *на все руки* ‘о человеке, умеющем все делать, искусном во всяком деле’, *все к рукам* ‘об умелом человеке’, *пришивные руки* ‘о неловком, неумелом, нерасто-

ропном человеке', *поджавши руки* 'ничего не делая, бездельничая' – лит. *kaip be rankų* /как без рук/, *kaip nesavomis rankomis* /как не своими руками/. В группе русских и литовских пословиц о труде в качестве одного из ключевых образов тоже можно выделить образ рук: рус. *Ест руками, а работает брюхом; Не печь кормит, а руки; Каково руки скроят, таково спинка износит; Глаза глядят (страшат), а руки делают; Белые ручки чужие труды любят*; *Руки не протянешь, так и с полки не достанешь; Пашню пашут – руками не машут.* лит. *Nuo darbo rankos nenupliš* /от работы руки не оторвутся/; *Juodos rankos pasaulį peni* /черные руки мир кормят/; *Baltos rankos juodo darbo bijo* /белые руки черную работу боятся/; *Juodos rankos, baltos kojos – darbininkė, baltos rankos, juodos kojos – tinginė* /черные руки, белые ноги – труженица, белые руки, черные ноги – лентяйка/*; Daug rankų didžią naštą pakelia* /много рук тяжелую ношу поднимают/. Образ *праздных рук* дает характеристику ленивого человека: *Двое пашут, а семеро руками машут.*

Руки носителями языка осознаются не только как средство трудовой деятельности, но и деятельности вообще: рус. *давать волю рукам* 'драться, бить, избивать кого-л.', *руки чешутся* 'кто-л. испытывает неодолимое желание подраться, побить кого-л.', *лизать руки* 'угодничая, унижаться, пресмыкаться перед кем-л.' – лит. *neramias rankas turėti* /иметь неспокойные руки/ 'драться', *ranką kelti* /руку поднимать/ 'драться, напасть'.

В некоторых фразеологизмах компонент *рука* сохраняет значение 'символ власти, обладания': *большая рука* 'влиятельный, значительный по своему положению человек', *сильная рука* 'влиятельный покровитель', *прибрать к рукам* 'овладеть чем-л., сделать что-л. своим достоянием, присвоить, подчинить себе кого-л.', *рукой не достанешь* 'недосягаем, недоступен для кого-л. О человеке, занимающем высокое положение', *греть (нагреть) [себе] руки* 'пользуясь обстоятельствами, наживаться нечестным трудом', *длинные руки* 'кто-л., обладает властью, силой, большим влиянием, используя свои возможности, преследуя, карая, угнетая'.

Фразеологизмы *руки приложить, подписаться обеими руками* в настоящее время утратили первоначальную связь с письменной деятельностью (одно из значений компонента *рука* 'почерк, подпись') и обозначают какую-л. деятельность вообще.

Значением слова *рука* 'о согласии на брак, готовности вступить в брак' мотивированы фразеологические единицы, выражающие намеренье вступить в брак, согласие и несогласие вступить в брак: *отказывать от руки* 'не давать согласия на брак', *просить руки* 'обращаться с предложением к девушке или к ее родителям дать согласие на брак с ней' (ср. литовский эквивалент *rankos prašyti*), *отдавать руку* 'соглашаться выдать замуж за кого-л.' (ср. литовский эквивалент *ranką atiduoti* в значении 'выйти замуж' предполагающий другого субъекта действия), *ranką pažadėti* 'руку пообещать'.

Отдельные фразеологические единицы с компонентом *рука* передают пространственные отношения: рус. *рукой подать* 'совсем близко', *под рукой* 'поблизости, рядом' – лит. *prie rankos* 'поблизости, рядом', *po ranka* 'рядом' или характер протекания действия с временным оттенком: *живой рукой* 'очень быстро, молниеносно', *на скорую руку* 'быстро, без большой затраты времени'.

Значение слова рука ‘человек как обладатель, владелец чего-л.’ реализуется в таких фразеологических единицах, как *плыть в руки* ‘о чем-л. ценном, полезном, что достается кому-л. случайно, без особых усилий’, *из рук в руки* ‘от одного к другому (ходить, переходить и т.п.)’, *прибирать к рукам* ‘присваивать, захватывать что-л., завладевать чем-л.’. Устойчивые единицы с образом первых рук возникли в сфере торговли: *первой руки* ‘обладающий высшей степенью какого-л. качества, отъявленный’, *из первых рук* ‘из первоисточника, непосредственно (получить, узнать)’. Объясняется это тем, что перекупщики скупали товар и продавали его по более дорогой цене. Поэтому люди стремились приобретать товары не у перекупщиков, а непосредственно у производителей, из первых рук. Эти вещи были дешевле, а чаще и более высокого качества, и назывались товарами первой руки (Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 502).

Иногда внешне схожие единицы в двух языках имеют разное значение, т.е. речь идет о межъязыковых фразеологических омонимах: Например, рус. *руки длинны* ‘об обладании влиянием, могуществом’ – лит. *ilga ranka* ‘быстро что-л. делать’ или *ilgas rankas turéti /иметь длинные руки/* ‘воровать’.

Таким образом, соматическая фразеология русского и литовского языков, подтверждая антропоцентричность данного типа языковых единиц организована вокруг человека. Данный пласт языка довольно подробно характеризует отношение человека к действительности и другим людям, взаимоотношения людей, описывает физическое и эмоциональное состояние человека, его действия, отражает традиционную символику, связанную с частями тела.

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
2. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.

к.ф.н., доцент Зденька Выходилова
(Оломоуц, Чехия)

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ЧЕШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛЕКСЕМОЙ *ТО* (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Одной из характерных черт чешского языка, в особенности его разговорных вариантов, является заметная первого взгляда высокая частотность использования универсальной местоименной лексемы «*to*» (эквивалент русского «*это/то*»). Местоименные лексемы «*to/это»* в чешском и русском языках выполняют наряду со своими основными текстообразующими анафорическими функциями целый ряд неанафорических дополнительных функций, в том числе выступают в качестве составных частей фразеологических единиц (ФЕ). Несмотря на это, словечко «*to*» из-за его мнимой незначи-

тельности и банальности как предмет лингвистического исследования несправедливо игнорируется.

Целью настоящей статьи является на материале переводов чешской беллетристики на русский язык продемонстрировать то, каким богатым функционально-семантическим потенциалом обладает лексема «*to*» также в области фразеологии. О последнем свидетельствует разнообразная гамма русских эквивалентов данных ФЕ, от случаев полного совпадения идиоматических конструкций с лексемами «*to*» и «*это*», которые, однако, довольно редки (1б), через формально отличающиеся ФЕ, содержащие лексему *это* или *то* (2б), семантически ослабленное *дело* (4б,5б), частицу *-то* (6б,7б) до формально полностью отличающихся функциональных аналогов, иногда и неидиоматического характера. Именно последние будут находиться в центре нашего внимания в настоящей статье.

Несколько примеров для демонстрации вышеприведенных типов соответствий:

(1а) *Nepřipadá vám život k neunesení těžký?* ***Jak to****, že jsme ještě tady?* ***Jak to****, že jsme stejně jako Irena neskončili dole v kolejišti?* (V, V 12)

(1б) *Не кажется ли вам жизнь невыносимо тяжкой?* ***Как это*** *мы еще здесь существуем?* ***Как это*** *мы, подобно Ирене, не кинулись на рельсы*? (В, И 18)

Особую группу образуют тождественные по формальной структуре эквиваленты, несхожие лишь отсутствием лексемы «*это/то*», типа:

(2а) *«Přijdu k nádherný ženský - a dívám se tady na fotbal. Co* ***sem to za idiota? Co sem to za hovado?*** (V, V 41)

(2б) *- Прихожу к офигенной женщине - и смотрю у нее футбол!****Что я за идиот! Что я за скотина***! (В, И 63)

(3а)»*Tak vy jste se nám oženil, pane Louka!»- «Ano,» přizná František. - «****A co to, co to?*** (S, K 93) -

(3б) *– Так вы, значит, женились, пан Лоука?– Да, – признается Франтишек.–* ***Что это вдруг на вас нашло?*** (C, K 101)

(Возможный вариант: … - ***А что это так вдруг****?*…)

(4а) *Louka s Koljou sedí proti sobě u malého ohníčku a opékají si špekáčky. Koljovi spadne do ohně.*

*«****Tak to bysme měli****,» řekne.* (S, K 120) -

(4б)… *– И* ***все дела****, – комментирует он.* (C, K 113) (Возможные функциональные эквиваленты: *Ну и дела/Ну и ну/Ну вот и все* и т.п.),

(5а) *Kdo chce vidět pořádný požár, musí jít na vesnici nebo na malé město, ve velkoměstě* ***to*** *už* ***není*** **то***, to se díváte spíš na fortele těch hasičů než na ten požár.* (Č, 53)

(5б) *Настоящий пожар можно, знаете ли, увидеть только в деревне или в небольшом городке. Крупный город –* ***совсем другое дело****: там вы смотрите не на самый пожар, а на трюки пожарных.* (Ч, 288) (Вариант: *Крупный город -* **это** ***совсем не то***)

(6а) ***Je to dost****,» přivítá ho varhaník Musil vyčítavýma krátkozrakýma očima, kterýma po opozdilci loupne přes horní obroučky svých silných brýlí.* (S, K, 9) -

(6б) *– Ну,* ***наконец-то****, – приветствует его органист Мусил и поверх очков с упреком глядит на опоздавшего своими близорукими глазами.* (C, K 65) (Возможные функциональные эквиваленты: *Ну, явился/не запылился.)*

(7а) *„Ptám se tě, kdes byla.*“- ***„Co je ti po tom***. (Ku, V 201)

(7б) *– Я спрашиваю где ты была.***– *Тебе-то что!*** (Ку, В 233)

Занимаясь данной проблематикой, мы подходим к приводимым переводным эквивалентам с осознанием того, что в литературных переводах свою роль играет творческая инвенция и переводческое умение отдельных переводчиков. Способы перевода могут зависеть от индивидуального «чутья» переводчика и не всегда могут являться единственно возможным функциональным эквивалентом ФЕ, который предлагает языковой узус.

Так, например, в переводе романа М. Кундеры «Вальс на прощание» находим три способа перевода ФЕ *(ne)být s to* на русский язык:

(8а) *Jelikož* ***nejste s to*** *vypátrat vraha, musíte najít někoho, kdo sejme jeho vinu.* (Ku, V, 224)

(8б)- ***Вы не способны*** *обнаружить убийцу и потому должны найти кого-то, кто возьмет на себя его вину.* (Ку, В, 262);

(9а) *Sedla si ke stolu, aby nastylizovala několik úředních dopisů, ale* ***nebyla s to*** *se na nic soustředit.* (Ku, V, 123)

(9б) *Подсев к столу, она попыталась составить несколько деловых писем, но* ***не могла*** *ни на чем сосредоточиться.* (Ку, В, 140);

(10а) *Vždyť ta náhlá cizost, do níž se dívka oděla a skrz niž* ***není s to*** *proniknout,…* (Ku, V, 147)

(10б) *Ведь эта внезапная отчужденность, которой окуталась девушка и сквозь которую он* ***не в силах*** *пробиться,...* (Ку, В, 169) (Возможный вариант **-** *быть не в состоянии* в тексте не содержится.)

Большинству чешских идиоматических конструкций с лексемой «*to*» в анализируемых переводах соответствуют так наз. экспликативные эквиваленты, часто неидиоматического характера, непосредственно выражающие лексическое значение, напр.:

(11а) „Stejně nevím, co ještě udělám…“ - „**Jak to**?“ *(Ku, V, 195)*

(11б) - Все равно еще не знаю, как поступлю. - **В каком смысле?** *(Ку, В 227)*

(12а) *«****Nemůžu za to****, Viktore. Nemůžu za svý rodiče.»* (V, Z 50)

(12б) ***Я же не виновата****, Виктор. Я не отвечаю за своих родителей.* (В, Л 311)

(13а) *«A potom,» přemýšlela Li, «- počkej,* ***už to mám****.»*(Č, V 74)

(13б) *- А потом, продолжала свои размышления Ли, - постой... ага,* ***знаю****.* (Ч, В 53)

(14а) ***Já z toho taky nejsem na větvi****. že jsi tady*. (S, K 64)

(14б) ***Я тоже не в восторге от того,*** *что ты здесь*. (С, К 88)

Некоторые ФЕ с лексемой «*to*» отличаются сильной экспрессивностью, часто в смысле негативной реакции на реплику собеседника. Русские субституты опять не совпадают с ними ни своей мотивировкой, ни лексико-грамматической стуктурой:

(15а) *„Na žádnou chatu se nepude, Danny.* ***To víš****!* ***To zrovna****! Ale přiď ve tři k nám, jo?“* (Š, 13)

(15б) *- Ни на какую дачу мы не поедем, Данни.* ***Дудки****! А в три часа приходи к нам, ладно?* (Ш, 39) (Один из возможных вариантов: *Еще чего не хватало!*…)

(16а) ***To by v tom musel bejt hrom**,» zařval na Švejka předseda komise, «abychom na vás nevyzráli.»* (Н 77)

(16б) - ***Черт побери!-** закричал на Швейка председатель комиссии. - Мы вас выведем на чистую воду!* (Г 79)

(17а) *«To je maření májových oslav!» šeptal Zvárovi Kvidův otec. «To bude průser!»*

*«**Nežer to tak**, člověče!» odsekl mu Zvára*. (V, Bl 196)

(17б) - *Не празднование Первомая, а черт знает что - шептал отец Квидо Зваре. - Беды не оберешься.*

*- **Не заводились**, приятель, - осадил его Звара.* (В, Лг 239)

(18а) *Takže, pane V.: Jaké jste měl dětství? Bylo šťastné? - **Šlo to.*** (V, Z 20)

(18б) *Итак, пан В., как прошло ваше детство? Оно было счастливым?- **Жить можно было*** (В, Л 281)

Иллюстрации показывают, что в чешских ФЕ заметна высокая частотность сочетания универсальной нейтральной лексемы «to» с семантически простыми глаголами основного лексического фонда с широким значением типа *быть, иметь, дать, взять/брать, знать, видеть, прийти/ идти* и т.п.

В чешской обиходной речи в определенных контекстах слово «*to*» может выполнять определенную заместительную функцию для выражения табуизированного содержания, которое по тем или иным причинам неуместно назвать эксплицитно, например, по лицемерной морали или по общественным нормам, иногда говорящий лишь не хочет эксплицитно назвать какое-нибудь неприятное дело. Эта тенденция отражается и в ФЕ:

(19а) ***Na mě to asi jde**, Pepíku. Ty bolesti jsou pravidelný,»...*

*«**Na Maruš už to přišlo**. Dole je taxík, takže my musíme,…»* (Ń 49)

(20а) *Jenže starý Francl, kočí, sluha a pucflek v jedné osobě, bez dovolení zastavil, slezl z kozlíku a nakoukl do kočáru s omluvným výrazem,* **už to na něho zase přišlo** (U 15).

(21а) *Prosím vás, pane, nemohl bych **si** to raději **odsedět**?* (Č 15)

Русское *это*, как правило, сходную функцию не выполняет. В переводах фигурирует или эллипсис, или полное лексическое наименование предмета

(19б) - ***У меня, кажется, начинается**,Пепик.Болит, уже не переставая...*

*- **У Маруши уже началось**. Внизу ждет такси, так что нам пора,*(С, К 82)

(20б) *Однако старый Францл, кучер, слуга и денщик в одном лице, без разрешения остановился, без приказа остановил, слез с козлов и заглянул в карету с извиняющимся выражением лица, что, мол, **его опять приспичило.*** (Варианты: *на него опять находит, надо по малой нужде.*)

(21б) *А нельзя ли мне все-таки **отсидеть срок в тюрьме?*** (Ч 294)

Русский язык, с одной стороны, тяготеет к более конкретному выражению наименованием объекта конкретным полным лексическим наименованием (чешское нейтральное *to* говорящий может использовать также для неконкретного обозначения конкретных предметов, с другой стороны, наблюдается, в первую очередь в русской разговорной речи, тенденция к пропуску облигаторного дополнения, которое в чешских параллельных текстах имеет свой эквивалент в нейтральном обобщающем *to*. Эта тенденция отражается и в исследуемой области, ср.:

(22а) *«No to je hezký!» řekl dědeček Josef. «Pionýři!»*

*«**Nech toho**!» šeptala rozzlobeně babička.* (V, Bl 192)

(22б) *- Обалдеть! - сказал дедушка Йозеф. - Пионеры*

*- **Прекрати**! - сердито прошептала бабушка Вера.* (В, Лг 234)

Менее типичны противоположные случаи, когда чешской ФЕ с эллипсисом соответствует структурно полная ФЕ в русском языке, ср.:

(23а) ***Co vy na to**, pane doktore?* (V, Z 20)

(23б) **Что вы на это скажете**, *пан доктор* (В, Л 282)

В некоторых случаях переводчик находит эквивалент структурно простой ФЕ с «*to*» в однословном выражении:

(24а) *...a jak se tak zapovídal, přišla řeč, **to se rozumí**, na Bendu.* (Č 209)

(24б) *Они разговорились и, **конечно**, речь зашла о Бенде.* (Ч 272)

(25а) *«Mám slézt z chodníku?» - «**Jak to**?»* (Н 20)

(25б) *- Мне сойти с тротуара? - **Зачем**?* (Г 18)

(26а) *«V podstatě **jde o to** je umlčet,» dodá vážně Jeff.* (V, V 22)

(26б) ***- Главное**, чтоб они в основном молчали, - серьезно добавляет Джеф.* (В, И 33)

(27а) *Bože, **jak to přijde**, že ji mám tak děsně rád*! (V, V)

(27б) *Господи, **почему** я ее так ужасно люблю* (В, И)

Естественно, что и в русском языке имеется целый ряд фразем и идиоматических сочетаний с лексемами «этот» и «тот», не имеющих формального эквивалента в чешском языке. Их количество, однако, ограничено (например, *ни с того, ни с сего - z čista jasna, ни то, ни сё - ani ryba, ani rak* и несколько других).

Заключение:

На основании анализа собранных примеров можно сделать вывод, что существует явная асимметрия в использовании лексемы «*to/это/то*» в русских и чешских фразеологических единицах, а именно в том смысле, что, во-первых, преобладающее большинство чешских фразем с лексемой «*to*» не совпадает со своими русскими функциональными эквивалентами ни в отношении формы, ни в отношении мотивировки, и, во-вторых, хотя мы не проводили точного частотного анализа, но на основе эмпирического наблюдения можно констатировать, что количество чешских ФЕ, содержащих лексему «*to*», намного выше, чем количество ФЕ с лексемами «*это/то*» в русском языке. Объяснение этого факта можно искать, кроме прочего, в более широкой шкале употребления чешского «*to*», в его более широкой функциональной нагрузке и в тенденции русского языка избирать иные средства выражения в случаях, в которых чешский язык предпочитает наименование при помощи универсальной местоименной лексемы «*to*». Хотя собранный нами материал не представляет все структурно-семантические типы ФЕ с лексемой «*to*», настоящий анализ явственно показывает всестороннее разнообразие и широту фразеосемантического поля этого типа ФЕ. Не в последнюю очередь мы хотели указать на то, что исследование таких, на первый взгляд, второстепенных проблем может оказаться интересным не только с точки зрения «чистой лингвистики», но, прежде всего, с точки зрения переводческой практики.

Источники

H: Hašek, J.: Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha 1998.

Г: Гашек, Я.: Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Собрание сочинений 1,2. Москва 1966.

V, Bl: Viewegh, M.: Báječná léta pod psa. Praha 1992.

В, Лг: Вивег, М.: Лучшие годы - псу под хвост. (В, Л): Летописцы отцовской любви. Перевод Н. Шульгиной. Москва 2003.

V, V: Viewegh, M.: Vybíjená. Brno 2004.

В, И: Вивег, М.: Игра на вылет. Перевод Н.Шульгиной. Москва 2007.

V, Z: Viewegh, M.: Zapisovatelé otcovský lásky. Brno 1998.

Č : Čapek, K.: Povídky z jedné kapsy. Povídky z druhé kapsy. Praha 1947.

Č, V: Čapek, K.: Válka s mloky. Praha 1949.

Ч, В: Чапек, К.: Война с саламандрами. Рассказы. (Перевод с чешского - разные переводчики.). Москва 1980.

Ku, V: Kundera, M.: Valčík na rozloučenou. Brno 1997.

Ку, В: Кундера, М.: Вальс на прощание. Перевод с чешского Н. Шульгиной. Санкт-Петербург, «Азбука» 1999.

S, K: Svěrák, Z.: Kolja. Praha 1998.

С, К: Сверак Зденек: Коля. Перевод И. Безруковой. Киносценарии 3, Москва 1997.

Š: Škvorecký, J.: Prima sezóna. Praha 1990.

Ш:Шкворецкий, Й.: Классное начало сезона. In: Милош Форман: Черный-Петр. Рассказы и повести современных чешских писателей. Перевод В. Каменской. Санкт-Петербург, 2001.

U: Urban, M.: Hastrman. Praha 2001.

У: Урбан М.: Водяной. Перевод Е. Стаценко. Всемирная литература (в печати).

асп. В.А. Деткова (Челябинск)

ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ)

Широко бытует мнение, что каждая нация имеет свой национальный характер. Но что такое национальный характер и существует ли он вообще? Насколько правомерно обобщение типичных черт в масштабе целого народа, когда хорошо известно, что все люди – разные? Что подразумевается под национальным характером?

Существует множество определений этого понятия, но наиболее точным, на наш взгляд, является определение С.М.Арутюняна, который определяет национальный характер как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» (Арутюнян 1966:31).

Национальный характер выступает как внешнее, проявляющееся в особенностях ментальности и социальном поведении, отличие одной социальной группы от другой и проявляется как на уровне нации, так и на уровне индивида. (Храмов 2004:9)

Существование национального характера, материи тонкой и подчас трудно уловимой, не подлежит сомнению. В качестве источников, подтверждающих его существование, можно принять следующие:

1. Международные анекдоты, полностью базирующиеся на стереотипных представлениях о том или ином народе.
2. Национальная классическая литература, несколько «подпорченная» как источник индивидуальным авторством и субъективным взглядом на мир.
3. Фольклор, устное народное творчество – в силу коллективного авторства и успешного прохождения испытания временем, является наиболее надежным источником информации о характере народа.
4. Национальный язык – самое надежное и научно приемлемое свидетельство существования национального характера. (Тер-Минасова 2000:24)

Особенно наглядно и ярко национальный характер представлен в таком жанре народного творчества как пословицы, где сосредоточена многовековая мудрость народа, результаты его культурного опыта.

Нам бы хотелось обратить внимание на проявление национального характера в семейных отношениях на примере пословиц русского и английского языков.

«Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью» (Прохорова 1981:1205).

Семейные отношения мы рассмотрим в аспекте взаимоотношений родителей и детей.

На основании существующих определений мы можем констатировать следующее: если «родители – отец и мать (по отношению к детям)» (БЭС 2006:1534), то, соответственно, дети – сын и дочь по отношению с своим родителям, т.е. прямые потомки в первом поколении.

Взаимоотношения родителей и детей представлены в 129 русских и 99 английских пословицах.

Обе лингвокультуры демонстрируют однозначно положительное отношение к наличию детей в семье (18 рус.(23%) и 3 англ.(3%)): *«Малы детушки, что часты звездочки: и светят, и радуют в темну ноченьку» - "A babe in the house is a well-spring of pleasure"* (Ребенок дома – источник радости). Даже бедному человеку дети не помеха: *«Слава Богу, не без доли: денег нету, так дети есть» - "Children are poor men's riches"* (Дети – богатство бедняков)). Хотя обществом наличие большого количества детей в бедных семьях не очень одобрялось (6 рус. пословиц (8%)): *«У самой семеро по лавкам и все седуны», «Ребята, что мокрицы, от сырости разводятся».* Отсутствие детей для человека или для супружеской пары в русской и английской лингвокультурах расценивается по-разному (2 рус.(2,6%) и 3 англ.(3%)): н-р, в английской пословице *"He that has no children knows not what love is"* (У кого нет детей, тот не знает что такое любовь) – возможно, подразумевается любовь в самых разнообразных ее проявлениях: любовь мужчины/женщины, любовь ребенка, любовь Бога и любовь к ним же. Или:

“He that has no children brings them up well” (У кого нет детей, тот хорошо их воспитывает). Сравните с русской пословицей *«У кого детей нет – во грехе живет»* (чтобы Бог простил, приемыша берут). Такое восприятие ситуации идет от ортодоксального христианского представления о браке как о вынужденном грехе, который позволяет избежать еще большего грехопадения (блуда) и обеспечивает продолжение человеческого рода. (Воронцова 2005:5).

И русские, и английские пословицы отмечают ответственность родителей перед детьми и то, что воспитание детей – это нелегкий труд и большая забота (24 рус.(30%) и 14 англ.(14%)): «*Умел дите родить, умей и научить», «Не устанешь детей рожаючи, устанешь на место сажаючи» - “A child that’s born must be kept”* (Ребенок, которого родили, должен быть воспитан); «*У кого детки, у того и заботы» = “Care he has that children will keep”, “One chick keeps a hen busy*” (И один цыпленок доставляет наседке много хлопот); «*Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки» = “Little children, little sorrow, big children, big sorrow”.*

В пословицах обоих народов подчеркивается важность правильного воспитания с самого раннего возраста (8 рус.(10%) и 11 англ.(11%)): *«Кто без призора в колыбели, тот век не при деле» - “No good building without good foundation”* (Не бывает хорошего здания без хорошего основания), *“Give a child his will and he’ll turn ill”* (Дайте ребенку волю и он станет плохим); *«Гни дерево, пока молодо, учи ребенка, пока мал» - “A tree must be bent while young”* (Дерево нужно гнуть, пока оно молодо).

Самое первое и самое главное воспитание ребенок получает в своей семье, где родители служат для него главным примером (7 рус.(9%) и 19 англ.(19%)): *«Каков батька, таковы и детки» - “Like father, like son”* (Каков отец, таков и сын), *“As the old dog crows, so does the young”* (Как старый петух кукарекает, так и молодой).

Воспитание ребенка начинается с первых дней его жизни, поэтому значимость роли матери в процессе воспитания невозможно переоценить (4 рус.(5%) и 4 англ.(4%)): *«Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет» - “The hand that rocks the cradle rules the world”* (Рука, качающая колыбель, управляет миром).

Обе национальные традиции не отвергают применение методов физического воздействия в процессе воспитания (6 рус.(8%) и 3 англ.(3%)): *«У маленького поболит, у большого не будет» - “Spare the rod and spoil the child”* (Пожалеешь розгу – испортишь дитя).

В воспитании детей необходима строгость (6 англ.(6%)): *“Children should be seen and not heard”* (Дети должны быть на виду, но не на слуху). Отсутствие строгости в воспитании чревато нежелательными последствиями (4 рус.(5%) и 3 англ.(3%)): *«Неладны те ребятки, коих не бранят ни батьки, ни матки» - “Mother’s darlings are but milksop heroes”* (Из маменькиных сынков вырастают не герои, а сосунки).

Родительская любовь к своим детям закономерна и естественна (11 рус.(14%) и 7 англ.(7%)): *«Всякой матери свое дитя мило» - “The black crow thinks her own birds white”* (Черной вороне свои воронята белыми кажутся); *«Дитя хоть и криво, а отцу-матери диво (мило)» - “There is only one pretty child in the world and every mother has it”* (В мире только один красивый ребенок и у каждой матери он есть), “*Every man thinks his own geese swans”*

(Каждый (мужчина) считает своих гусей лебедями).

Но и родители очень значимы для своих детей и необходимы им (20 рус.(26%) и 15 англ.(15%)): *«Нет такого дружка, как родная матушка», «Есть старый (отец) – убил бы его; нет старого – купил бы его», «На свете все найдешь, кроме отца и матери» - "The mother's side is the surest"*(Мама самая надежная), *"One father is more than a hundred of schoolmasters"* (Один отец – более, чем сотня учителей).

Не бывает семей, в которых все только хорошо (7 рус.(9%) и 4 англ.(4%)): *«В семье не без урода (а на урода все не в угоду)» - "Accidents will happen in the best regulated families"* (Несчастья случаются и в прекрасно организованных семьях), *"Every family has a black sheep"* (В каждой семье есть «черная овца»), Родители и дети – представители разных поколений и подчас они имеют диаметрально противоположные взгляды на одни и те же вещи и дети совершенно не похожи на своих родителей(8 рус.(10%) и 5 англ.(5%)): *«Бывает, что отец копит, а сын деньгами сорит», «Скупые умирают, а дети сундуки открывают» - "A miserly father makes a prodigal son"* (У скупого отца сын может оказаться мотом); *«Уродился ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца» - "Great men's sons seldom do well"* (Дети великих людей редко преуспевают). Не всегда уже повзрослевшие дети отвечают заботой и вниманием своим родителям (4 рус.(5%) и 2 англ.(2%)): *«Жаловал до уса, жалуй и до бороды» - "A mother can take care of ten children, but sometimes ten children can't take care of one mother"* (Мать может заботиться о десяти детях, но иногда десять детей не могут позаботиться об одной матери)

Такова вкратце пословичная иллюстрация отношений родителей и детей, на основании которой мы можем сделать следующие выводы.

1. Для обоих народов семья является очень значимой составляющей жизни. Представителям и русского, и английского народов присущи такие качества как любовь, забота и внимание к своим близким, ответственность перед ними, они близки в своих взглядах на воспитание.
2. Наиболее характерными для русского национального характера являются такие качества как открытость, эмоциональность, отзывчивость, добродушие, преданность и жертвенность.
3. Для английского национального характера наиболее типичными являются такие черты как сдержанность, чувство ответственности, долга, рациональность и практичность.

1. *Арутюнян,С.М.* Нация и ее психологический склад. [Текст]/ С.М.Арутюнян. - Краснодар,1966. – 134с.
2. *Воронцова, А.Ю.* Английская семья XIV-XV вв. по частноправовым, эпистолярным и литературным источникам: городская среда. Дис. … канд. ист. наук. [Текст]/А.Ю.Воронцова. – М.,2005. – 225с.
3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х томах. [Текст]/ В.И.Даль. – М.:Русский язык, 1998.
4. Первый толковый БЭС.[Текст]/СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2006. – 2144с.
5. Советский энциклопедический словарь. [Текст]/Под ред. А.М.Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600с.

6. *Райдаут, Р., Уиттинг, К.* Толковый словарь английских пословиц. [Текст]/ Р.Райдаут, К.Уиттинг. – СПб.: Лань, 1997. – 252с.
7. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. [Текст]/ С.Г.Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 262с.
8. *Храмов, И.В.* Национальный характер и его ментальные основания. Автореф. дис. … канд. философ. Наук [Текст]/И.В.Храмов. – Ставрополь, 2004. - 28с.
9. *Wilson, F.P.* The Oxford Dictionary of English Proverbs. Third edition. [Text]/ F.P.Wilson. – Oxford: The Clarendon Press, 1970. - 930p.

к.ф.н., доцент К. А. Жуков (Великий Новгород)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *«ДРУЖБА»* В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ

Без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности.
Сократ

Наметившаяся в языкознании в последние два десятилетия смена научных парадигм расширила исследовательские горизонты и обогатила наше представление о семантической природе и системных связях лексических, фразеологических и паремиологических единиц. Вместе с тем даже самые модные и революционные лингвистические направления так или иначе опираются на предшествующую научную традицию. Так, по справедливому замечанию Н. Ф. Алефиренко, «современная когнитивная лингвистика – это «второе явление» менталингвистики в науке о языке, возвращающее её исконную антропоцентрическую сущность» (Алефиренко 2008: 12).

В настоящей статье речь пойдет о сходстве и различии вербализации концепта «Дружба» в русских и шведских пословицах и поговорках.

Дружба, как одно из центральных понятий, затрагивающих человеческие отношения, была описана ещё философами античности. На протяжении многих веков дружба, как особый институт человеческого общества, являлась предметом изучения многих общественных и естественных наук.

Первым свой опыт осмысления дружбы представил ещё Аристотель. В первую очередь античный философ понимал дружбу как одну из величайших человеческих ценностей, без которой жизнь человека утратила бы свой смысл: дружба по Аристотелю это «самое необходимое для жизни». По мнению философа, «никто не выберет жизнь без друзей (philoi), даже в обмен на прочие блага». Помимо того что дружба – это ценность, античные философы также называли такие составляющие дружбы, как интимность, верность, ответственность. По мнению Сократа, «без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности». Другой древнегреческий мыслитель, Эпикур, подчёркивая утилитарный характер дружбы, утверждает, что «всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берёт из пользы». Большое внимание дружбе в своих трудах уделял и Цицерон. По его мнению, всякая дружба возникает на основе взаимной симпатии и расположения и

подразумевает сходство во взглядах, интересах и желаниях. Кроме этого, Цицерон подчёркивает, что дружба доставляет не только удовольствие от общения, но и накладывает определённые обязательства, делает человека ответственным перед другом. Многие из неписаных правил дружбы, сформулированных ещё в эпоху античности, остаются актуальными и в современном обществе: делиться с близким человеком новостями о своих успехах, высказывать эмоциональную поддержку, добровольно помогать в случае нужды, стараться, чтобы другу было приятно в твоём обществе, возвращать долги, сохранять доверенные тайны, защищать друга в его отсутствие и т. п.

Слово «дружба» в макрополе «Человек» занимает одно из ключевых мест в подгруппе «Отношения между людьми», притягивая и отталкивая семантически связанные с ним и одновременно противопоставляемые лексемы *взаимопонимание, внимание, чуткость, забота, доброжелательность, сочувствие, участие, верность, преданность, любовь, привязанность, близость, сблизиться, дружный, дружеский, дружить, подружиться, дружелюбие, дружелюбный, друг, подруга, приятель, приятельница, товарищество, товарищ; отчуждённость, неприязнь, ненависть, вражда, враг, недруг* и др. (Саяхова и др. 2000: 133-138).

Внутренняя форма концепта «дружба», заложенная в его этимологии, содержит сему `друг`. По данным этимологических словарей, как лексема *друг*, так и её дериват *дружба* имеют глубокие общеславянские и индоевропейские корни. Приведём в качестве примера фрагменты словарных статей **Друг** в двух известных словарях:

Друг II, род. п. *друга*, мн. *друзья* (из др.-русск. собир. дроужьıа ж., наряду с им. мн. *друзи*), укр. *друг*, ст.-слав. дроугъ, болг. *друг,* сербохорв. *друг,* словен. *drug,* чеш., слвц. *druh,* др.-польск. *drug*. || Родственно лит. *draugas* «спутник, товарищ», лтш *draugs*; лат. *drungus* «отряд», ср.-греч. *Δρούγγος* «отряд»… (Фасмер 1964: 543).

Друг, -а, мн. *друзья,* м. – «любимый, верный товарищ», «близкий приятель». Прил. *дружный, -ая, -ое, дружеский, -ая, -ое*. Глаг. *дружить*. Сущ. *дружба*. Укр. *друг*, мн. *друзі, дружний, -а, -е, дружній, -я, -є* – «дружественный», *дружити, дружба*; болг. *другар* – «товарищ», дружба; с.-хорв. *друг, другар* – «товарищ»; слов. *drug,* польск. *druh*… Др.-рус. (с XI в.) дроугъ – «друг», «товарищ», «слуга», «дружина», дроужьıьııый – «дружеский», дроужьıний – «относящийся к другу», дроужити – «быть дружками на свадьбе», «радеть», дроужитисıа – «дружить», дроужьба – «дружба», «товарищество»… (Черных 1994: 270).

Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта. Чем более длительную историю развития имеет тот или иной народ, тем богаче этот опыт и содержание самого концепта. Вместе с тем возникают более широкие возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта (Лихачев 1993).

Вышеизложенное доказывает, что концепт «Дружба» относится к так называемым «константам культуры» (Степанов 1997), т. е. таким концептам, которые известны с глубокой древности и находят свое воплощение во

взглядах «мыслителей, писателей, и рядовых носителей языка вплоть до наших дней» (Маслова 2008: 33). Маслова В. А. называет следующие свойства дружбы, которые составляют основу этого концепта в русском национальном сознании: 1) ценность 2) духовная близость 3) общность интересов и моральных установок 4) сходство личностных характеров 5) интимность (в отличие от простого приятельства), 6) святость 7) искренность 8) взаимное доверие, равенство 9) взаимопомощь 10) прочность (Маслова 2008: 201).

Одним из эффективных средств вербализации концепта «Дружба» являются пословицы и поговорки разных народов мира, в смысловом содержании которых обнаруживаются универсальные и специфичные черты.

Однако «не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» (Аникин 1991: 6).

Для русской пословичной картины мира дружба сама по себе уже представляет большую ценность, подтверждение этому мы находим в целом ряде паремий: *Без друга – сирота; с другом – семьянин. Был я у друга, пил я воду слаще меду. В дружбе правда. Доброе братство милее богатства. Друг денег дороже. Для друга и семь вёрст не околица. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Друг и брат великое дело: не скоро добудешь. Нет друга – ищи, а нашёл – береги. Добро потеряешь – опять наживёшь, друга потеряешь – уже не вернёшь. Ты, гроза, грозись, а мы друг за друга держись. Не бывает дерева без ветвей, славы без соратников друзей. Дерево держится корнями, а человек друзьями. Народная дружба и братство дороже всякого богатства* и др. В нескольких представленных пословицах дружеские отношения приравниваются к родственным, что говорит об особой интимности и сакральном значении дружбы для русского человека. Кроме этого, в одной из пословиц дружба приравнивается к правде, другому важнейшему концепту русского национального сознания, что ещё раз доказывает признание бесспорной ценности дружбы для русской ментальности.

В шведском национальном сознании дружба, являясь «константой культуры», так же занимает одно из центральных мест. Соответственно ценность дружбы нашла своё выражение в шведском пословично-поговорочном фонде. Уже само количество паремий, которое было обнаружено нами в фонде шведских пословиц и поговорок свидетельствует о роли и значимости концепта «Дружба» в шведской лингвокультуре. При этом следует принять во внимание то обстоятельство, что ценность дружбы в шведских пословицах и поговорках часто выражается опосредованно: *Жену выбирай на 20 лет, друга на 50 (Tag en jungfru på tjugo år, en vän på femtio).* Из этого следует, что к поискам друга нужно подходить ещё ответственнее, чем к выбору будущей супруги.

Среди обнаруженных нами шведских паремий о дружбе преобладают такие, которые по форме являются нравоучениями, назиданиями, т. е. предписывают, что можно, а что нельзя делать или как лучше поступать: *Var mild emot din underlydande, han kan snart bli din överman* (Будь ласков со своим работником, он может скоро стать твоим начальником). *Tro ingen vän obeprövad* (Не доверяй другу, не проверив его в деле). Напротив, в русских пословицах и поговорках о дружбе нашёл отражение опыт нашего народа,

который позволяет, опираясь на него, отличить настоящую дружбу от мнимой. *Знакомых много, а друзей мало. Шапочное знакомство не в потомство. Друзья прямые – братья родные. Кто друг прямой, тот брат родной. Недруг поддакивает, а друг спорит. Дружба дружбе рознь, а иную хоть брось. Улыбке недруга не доверяй, злобы в друге не подозревай. Неверный друг – опасный враг. Где дружба прочна, там хорошо идут дела.* Но и в русской сокровищнице народной мудрости встречаются пословицы-советы и пословицы-поучения: *Будете друг за дружку держаться, можете ничего не бояться. Дружбой дорожи, забывать её не спеши. Новых друзей наживай, а старых не утрачивай и др.*

Большое число русских пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений отражает дружбу как союз, основанный на общности интересов, характеров, жизненных предпочтений: *Рыбак рыбака видит издалека. Глупый умного, а пьяный трезвого не любит. Гусь свинье не товарищ. Волк коню не товарищ. Медведь корове не брат. Волк волком не травится, поп попом не судится. Все бобры добры до своих бобрят. Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком. Не сошлись обычаем, не бывать и дружбе.* Среди шведских паремий схожим смыслом обладает пословица *Kaka söker maka* (дословный перевод – «печенье ищет себе пару»). Смысл таков: `человек ищет подобных себе по своим взглядам, интересам, социальному статусу и т. п.`

Как в русских, так и шведских пословицах, нашли отражение такие свойства дружбы как её прочность и долговечность которые во многом зависят от искренности в отношениях и готовности прийти на помощь в трудный момент. *Tro ej din vän, förrän ni ätit upp en halvspann salt tillsammans* (Не доверяйся другу, пока вместе с ним не съел полбочки соли). *Nya vänner äro som nya skor; de gamla äro trevligast.* (Новые друзья подобны новым туфлям – в старых удобнее). *Ungt umgänge gör gammal vänskap.* (Детская дружба длится до старости). *Pröva guld i glöd och vän i nöd*. (Золото проверяй по блеску, друга в беде). *Tro ingen vän obeprövad* (Не доверяй другу, не проверив его в деле). *I nöden prövas vännen* (Друг познаётся в беде) – гласят шведские пословицы. Созвучны с ними русские пословицы: *Не узнавай друга в три дня, узнай в три года. Старый друг лучше новых двух. Вещь хороша, когда новая, а друг – когда старый. Друг неиспытанный, как орех нерасколотый. Не тот друг, кто на пиру гуляет, а кто в беде помогает.*

В отличии от приятельских или деловых отношений у настоящего друга желание помочь рождается естественно и бескорыстно. Пословицы подтверждают, что русского народному сознанию присущи такие черты, как бескорыстие, сердечность и самопожертвование. Ср.: *Для милого дружка и сережка (сережку) из ушка* "Для близкого, дорогого человека не жаль и последнего, заветного"; *Для друга (для милого дружка) <и> семь верст не околица* "Ради близкого, дорогого человека и длинный, окольный путь кажется коротким" (Жуков 1991: 103).

Lyckan gör många vänner, men nöden prövar dem bäst. (В счастье друзей много, но нужда их проверяет). *Hand bör hand få* (Рука просит руки). *Handhjelp är bättre än munhjelp.* (Помощь от руки лучше, чем от языка).

Интересно сравнить семантику русских и шведских паремий, в которых очерчиваются или не признаются своего рода границы для дружбы, связан-

ные с личными интересами. Русская пословица *Сам погибай, а товарища выручай* явно противоречит шведской *Man skall så hjälpa andra, att man ej stjälper sig själv.* (Помогая другим, сам не перевернись).

Как показывают примеры русских и шведских пословиц и поговорок, дружба вместе с тем явление достаточно сложное и порой противоречивое.

Дружба влияет на судьбу человека и на его жизненный путь. *С кем поведёшься, от того и наберешься. И*нтересы дела не могут быть подвержены влиянию каких-либо личных симпатий и привязанностей. *Дружба дружбой, а служба службой. Man lånar sin vän och kräver sin ovän. Друга поощряешь, а от недруга требуешь.* (Ср. русскую *Не в службу, а в дружбу*).

Не всякая дружба благо. Русская пословица предостерегает – *Дружба от недружбы близко живёт. Не вспоя (не поя), не вскормя (не кормя), врага не наживешь (не увидишь)* "Говорится о неблагодарном человеке, который за добро платит злом". *Не говори худо о себе, твои друзья об этом позаботятся* (Жуков 1991: 205-206). Другие русские паремии вторят ей: *С хорошим другом горы свернёшь, с плохим – горя хлебнёшь. Есть пирожки – есть и дружки, нет пирожков – нет и дружков. Кто скуп, да жаден, тот в дружбе неладен. Вешний лёд обманчив, а новый друг ненадёжен. Залез в богатство, забыл и братство. Называется другом, а обирает кругом. На пиру много друзей. У пива, у бражки все дружки. Раздружится друг – хуже недруга.*

Подобные пословицы можно отыскать в шведском паремиологическом фонде. *Av den sista supen kommer den första örfilen* (После последнего стакана первая пощёчина). *Älskog och dryck äro närmaste fränder.* (Выпивка и дружба рядом ходят). *Alle mans vän är ofta var mans narr*. (Друг каждого часто является всеобщим шутом). *Baktal gör vänskillnad.* (Сплетни друзей разводят). *Ond tunga gör vänskillnad*. (Злой язык друзей разводит). *Var vänlig emot alla, men vän med få.* (Будь дружелюбен со всеми, но дружбу води лишь с немногими).

Таким образом, дружба как константа культуры, отражаясь в содержании русских и шведских пословиц и поговорок, формирует в сравниваемых языках хотя и пересекающееся, но неповторимое паремиологическое пространство. Как считает ряд исследователей, это свидетельствует не только о своеобразии менталитета, мировидения, самосознания, нравственных идеалов и поведенческих установок разных народов, но и о самобытности языкового воплощения соответствующих когнитивных, эстетических, морально-этических и др. категорий. См. в этой связи, например: (Савенкова 2002); (Иванова 2006); (Мазгутова 2010).

Таким образом, концепт «Дружба» представлен в пословицах русского и в шведского языков как нормативный, аксиологический и этический концепт, который выступает регулятором межличностных отношений в социуме.

Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Монография. Белгород, 2008.

Аникин В. П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1991.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1991.

Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах. Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1993. Т. 52. № 1.

Масгутова М. Ф. Специфика реализации концептуального представления «Дружба» в сознании языковой личности // Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Челябинск, 2010.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие. 4-е изд-е. М.: Флинта. Наука, 2008.

Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002.

Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 2000.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I. М.: Прогресс, 1964.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1994.

д.ф.н., профессор В.Д. Ившин (Москва)

ПЕРЕВОД КАК ИСТОЧНИК СРАВНИТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО)

В современном русском языке, как и в других языках, имеются сравнительные обороты речи, которые можно подразделить по структурным и иллюстративно-выделительным функциям на предметно-логические и образные. Причём употребление того или иного вида сравнительного оборота в устной или письменной речи определяется его ролью в конкретной ситуации или контексте.

Предметно-логические обороты сравнительного типа являются по своей структуре свободными словосочетаниями и употребляются для установления соответствия или сравнения в каком-либо отношении для более полного раскрытия выражаемой мысли. Для теории синтаксиса и в частности для фразеологии они не представляют особого интереса и не вызывают затруднений в понимании в анализе предложения на синтаксическом и логико-грамматическом уровне и в полноценной передаче предикативных отношений в нём при переводе на иностранный или родной язык (для иностранцев и нерусских соответственно. Такие сравнения переводят дословно. Следовательно, лингвистическая или логико-грамматическая природа предметно-логических сравнений представляется естественной, ясной для понимания и не вызывает сомнения в толковании.

Другой вид сравнительных оборотов в современном русском, а также в других языках, представлен устойчивыми и неустойчивыми (единичными) стереотипными фразеологическими сочетаниями.

Образные сравнительные обороты и выражения служат фактически не для сравнения логического порядка, а для метафорической характеристики лица или предмета, обозначенного в предложении чаще всего подлежащим или предикативным членом именного составного сказуемого. Они вводятся именно для усиления этих членов предложения или для усиления значения наречия, на чём и строится весь оборот. В связи с этим, говоря о семантической основе метафорической образности, А.И. Федоров справедливо отмечает, что «в числе языковых средств выражения образов основное место занимает, по-видимому, метафора – семантическое явление, обусловленное наслоением на прямое значение слова под влиянием узкого или широкого контекста добавочного смысла, который у этого слова в составе художественного произведения становится доминирующим. Прямое же значение слова теряет свою роль, являясь лишь ориентиром для авторской ассоциации. В результате метафорическое значение слова передаёт нерасчленённое представление, в котором совмещены признаки разных предметов» (Федоров 1969: 22).

Содержание образных сравнительных оборотов определяется в общем плане условиями материальной жизни общества, культурными традициями народа, и они часто возникают на конкретно-исторической почве. Хотя некоторые языковеды склонны отрицать роль конкретно-исторических условий в создании и появлении образных сравнительных оборотов в устной речи, нельзя не признать того факта, что сама жизнь и научно-техническая революция в развитии общества в современном многополярном мире обусловливают возникновение ряда новейших сравнительных фразеологических единиц. Например, весьма недавно в современном русском языке появились сравнения «прямой как лазерный луч», «твёрд и холоден как железнодорожный рельс», «работает как автомат на Луне» и многие другие.

Общеизвестно, что одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя. Поэтому естественно, что в русский литературный язык постоянно входили образные сравнительные выражения как со страниц выдающихся мастеров русского слова, так и из произведений второстепенных писателей. Это несомненно основной источник сравнительных фразеологических единиц в современном русском языке и он всё больше и больше привлекал внимание наших русистов, особенно за последние 50-60 лет.

Так, например, сравнительные обороты весьма широко рассматривались в работах (Руднев 1949), (Широкова 1960), (Ившина и Королёвой 1970), (Черемисина 1976), (Успенский 1981), (Огольцев 1984), (Зимина, Спирин 1996), (Жуковы 1994), (Мокиенко, Никитина 2008) и многих других.

Однако изучение фразеологического состава русского литературного языка без исследования вопроса о месте и роли в нём переводных иноязычных выражений, в частности образных сравнительных фразеологических единиц, было бы, и по нашему мнению, «таким же неполным и недостаточным, как неполным и недостаточным оказалось бы изучение его лексического за-

паса без выявления места и роли в нём иноязычных лексических заимствований» (Бабкин 1970: 252).

Лексическое содержание образного сравнительного оборота часто передаёт отношение говорящего к высказыванию, характеризует человека, его поведение, работу и жизнь, придаёт речи идиоматичность. Поэтому важно изучение употреблений сравнительных фразеологических единиц «в языке и стиле писателя: из них складывается в значительной степени специфика стиля писателя, позволяя определить то новое, что внёс писатель в развитие языка и стиля своего времени» (Федоров 1969: 27).

Например, в романе американского писателя У. Фолкнера «Особняк» (перевод а английского Р. Райт-Ковалёвой, М., 1965, а также в журнале «Иностранная литература», 1961, № № 9,10,11,12), из которого мы сделали сплошную выборку предложений со сравнительными оборотами, нередко специально совмещаются в одном и том же сравнительном обороте черты образного и предметно-логического сравнения: Maybe I ain't got as many post holes in me as Houston has dollars. (p. 36) – «… у меня в запасе меньше ям, чем у Хьюстона долларов» (с. 33).

…the dining-room was not quite as large as a basket-ball court. … (p. 335). - … столовая была чуть поменьше баскетбольной площадки. … (с. 363).

… where a man can be as loud and dangerous as hand-cuffed to a policeman. (p. 345). - … никто на свете не грозится так громко и так страшно, как человек, прикованный наручниками к полисмену. (с. 375).

… and living in a house he rebuilt that they said was as big as the Union Depot in Memphis, … (p.93) – «… живёт в доме – сам его перестроил и дом, как рассказывали, был громадный, больше мемфисского вокзала, …» (с. 94).

Общее количество сравнительных оборотов с одиночными и парными союзами сравнения в романе на 436 страницах подлинника (в переводе 425 страниц) оказалось весьма значительным, а именно 486, т.е. более чем один оборот в среднем на страницу текста, не считая при этом сравнений атрибутивно-эпитетного характера. Из этого общего числа предметно-логических определилось 407 и образных метафорического порядка – 79, почти все из которых можно охарактеризовать как результат индивидуального творчества автора произведения. Причём они отличаются большим национальным своеобразием. А некоторые из сравнений У. Фолкнера носят явно местный характер и отражают реалии малоизвестные или их обозначения не употребительны в лингвистической среде русского языка (например, …wouldn't be as big as Mount Vernon… (p. 148) – «… не мог потягаться с Маунт Верноном…» (с. 155)). Поэтому в переводе это должно учитываться, а также совмещение предметно-логического и образного сравнения (Рецкер 1974: 159-161) и многозначность и омонимия, свойственные фразеологическим единицам (Кунин 1970: 25).

Системное описание переводных фразеологизмов сравнения английского и американского происхождения может явиться предметом специального исследования по истории русской фразеологии, так как переводы с английского на русский, имеющие более чем двухвековую историю, являются также одним из источников обогащения фразеологического состава современного русского литературного языка.

Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – с. 252.

Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1994. – 431 с.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Сюита, 1996. – 544 с.

Ившин В.Д., Королёва В.И. Лингвистическая природа сравнения // Тезисы VII межвузовской научной конференции по романо-германскому языкознанию. – Пятигорск, 1970.

Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Более 45000 образных выражений. – М.: Олма, 2008. – 800 с.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 174 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

Руднев А.Г. Сравнительные обороты в современном русском литературном языке // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 52. – Л., 1949.

Успенский Б.А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста. – М.: Наука, 1981.

Фёдоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. – Новосибирск: Наука, 1969.

Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука,1976. – 271 с.

Широкова Н.А. Типы синтаксических конструкций со сравнительным союзом в составе простого предложения. – Казань, 1960.

д.ф.н, профессор В.В.Катермина (Краснодар)

ЗООМОРФИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НОМИНАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА

Современные лингвисты, занимающиеся изучением особенностей функционирования различных единиц номинации в дискурсе той или иной языковой личности, обращают внимание на то, что среди образов, символизирующих человека, выделяется достаточно большое количество зооморфизмов. Данная тенденция не является случайной, так как единицы подобного типа, будучи неотъемлемой частью сверхобщности, способствуют выражению чувств, реакций, проявлению эмоциональной жизни человека в целом. Кроме того, они «формируют ценностную картину мира, поскольку дают оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива» (Киприянова 1999, 3).

Зоонимы можно рассматривать как совокупность самых древних литера-

турных символов, которые, по мысли К. Горского, «постоянно сопутствуют эволюции образно-художественного сознания» (Gorski 1974, 378).

В ряде научных работ утверждается, что метафоричность единиц с зооморфическим компонентом, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров во многом обусловлена их референциальной сферой, основу которой составляет имплицитно выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывать животным определенные черты человеческого характера. В этнокультуре разных народов единицы, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах.

Перенос наименований животных на человека – это один из наиболее фундаментальных и распространенных способов создания образной речи. Исследование анимализмов продиктовано важностью изучения когнитивных аспектов языка, в частности – когнитивной интерпретации генезиса образных характеристик человека через наименования животных (см. подробнее Малащенко 2003).

Анализируемый материал (зооморфические единицы, обозначающие человека: в русском языке – 80 единиц, в английском – 130) наглядно иллюстрирует тот факт, что семантическая и структурная характеристики зооморфизмов, представленных номинантами как в русском, так и в английском языке, имеют свои общие и специфические параметры. Общими для русских и английских зооморфических единиц номинации являются следующие группы:

1) единицы-зооморфизмы библеизмы, обозначающие человека; 2) кальки; 3) зоологизмы-оксюмороны; 4) плеонастические зооморфизмы; 5) словообразовательных структуры с указанным компонентом; 6) суффиксы (два последних признака доминируют в английском языке).

Далее проанализируем каждый из указанных признаков в русском и английском языках.

1. Как демонстрирует языковой материал, в русском и в английском языках выделяется группа **библейских единиц** с анималистическим компонентом:

агнец божий/the Lamb of God – церк. *кроткий и непорочный человек;*

козел отпущения/scapegoat – разг. ирон. *человек, на которого сваливают чужую вину;*

заблудшая овца/the lost sheep – экспрес*. сбившийся с правильного жизненного пути человек;*

В силу частой цитируемости библейских текстов, их универсальности данные выражения к XIX в. прочно вошли как в русскую, так и в английскую культуру.

При передаче образов-зооморфизмов, номинирующих человека, используется и такой способ перевода, как **калькирование**: *темная лошадка/dark horse* – перен. *человек, чей характер, чувства неизвестны; буриданов осел/Buridan's ass* – книжн. ирон. *крайне нерешительный человек, колеблющийся в выборе между двумя равноценными решениями.*

2. **Оксюморон** как стилистический прием заключается в использовании двух противоположных по смыслу слов: *белая ворона* – ирон. *человек, резко*

выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей; волк в овечьей шкуре/wolf in sheep's clothing – человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер.

3. Изучаемый материал дает возможность продемонстрировать, что значение зооморфического компонента может усиливаться за счет второго компонента, выраженного **существительным** (это наиболее ярко представлено в английском языке): *turkey cock – напыщенный человек* (в данном случае интенсификация образа *петуха [cock]* происходит за счет дополнительного образа *turkey [индюк],* в котором одним из основных компонентов является сема **важничанье**, **напыщенность**.

Усиление значения зооморфизмов, называющих человека, как свидетельствуют наши наблюдения, может происходить за счет дополнительного компонента–**прилагательного:** старый лис/old fox – *старый лис* (слово *лис* уже имеет сему *хитрость*, а дополнительный компонент-прилагательное *старый*, то есть *опытный*, интенсифицирует значение); тот же самый процесс наблюдается и в следующих единицах с анималистическим компонентом: *мокрая курица* – разг. пренебр. *жалкий на вид или бесхарактерный человек; ломовая лошадь* – перен. *трудяга; рабочая лошадка – трудолюбивый, безотказный человек; дойная корова* – прост. ирон. *человек как источник материальных благ, которым можно постоянно и беззастенчиво пользоваться в личных интересах; great lion – известный человек; yellow dog* – амер. *подлый человек; wet hen – неприятный человек*.

В ходе исследования стало возможным отнести к этой группе следующие единицы: *ежова голова* – прост. пренебр. *глуповатый, недалекий человек; курья голова* – прост. презр. *глупый человек; заячья душа* – разг. пренебр. *трусливый, робкий человек; собачья душа* – прост. бран. *скверный, грубый человек; хам; chicken head (цыплячья голова) – глупый человек; chicken heart (цыплячье сердце)* – пренебр. *трус; dog face (собачье лицо)* – разг. *некрасивый ребенок; oxhead – дурак.*

В результате конверсии в английском языке, а также притяжательного прилагательного в русском измененный зооморфический компонент усиливает значение всей единицы, сочетаясь, главным образом, с соматизмами.

4. Как показывает языковой материал, в русском и английском языках сложные слова и словосочетания занимают очень большое место в номинации, и поэтому следует уделить особое внимание структурной стороне образования зооморфизмов. Исходя из проанализированных примеров, можно выделить следующие способы создания зооморфизмов *существительное + существительное (N + Nзоо [с разновидностями Nзоо + N] или Nзоо + Nзоо]); прилагательное + существительное (Adj + Nзоо [с разновидностью Nзоо + Adj]); причастие действительного залога + существительное (Participle I + Nзоо); причастие страдательного залога + существительное (Participle II + Nзоо), существительное в притяжательном падеже + существительное (Npos.case зоо + N [с разновидностью Npos.case + Nзоо]); существительное + предлог + артикль + существительное (Nзоо + Prep. + the + N [с разновидностями Nзоо + Prep. + Possessive Pronoun + N или Nзоо + Prep. + Adj. + N]), а также суффиксальность (суффикс –er).*

Подробнее рассмотрим каждую из указанных структур:

1) **существительное + существительное** (**N + Nзоо**) [3% в русском языке и 16 % в английском]: *змий-искуситель* – разг. ирон. *коварный, опасный человек; Лиса Патрикеевна* – прост. презрит. *лукавый, хитрый, пронырливый человек; wheelhorse – «рабочая лошадь»; shoe dog – торговец обувью; bull-calf – глупец; cock sparrow* – разг. *самовлюбленный коротышка; turkey cock – напыщенный человек; bulldog – упорный, цепкий человек*;

2) **прилагательное + существительное** (**Adj + Nзоо**) [33% в русском языке и 20% в английском]: *архивная крыса* – перен. презр. *служитель архива; белая ворона* – ирон. *человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей; гусь лапчатый* – прост. *пройдоха, плут; хитрый, пронырливый человек; драная кошка* – прост. пренебр. *слишком худая, изможденная женщина; невинный барашек* – ирон. *нравственно чистый, непорочный человек; старый волк* – разг. экспрес. *бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи; стреляный воробей* – разг. ирон. *много перенесший, бывалый и трусоватый человек; old hen* – шутл. презр. *старая дура; hairy ape – выродок, дегенерат; wild cat – тигрица; lame duck – неудачник; dirty dog – подлый человек; dumb dog* – разг. *молчаливый человек; poor snake – бедный человек;*

3) **причастие действительного залога + существительное** (**Participle I + Nзоо**) **[**1,6% в английском языке]: *sitting duck – легкая добыча; fighting cock – забияка;*

4) **причастие страдательного залога + существительное** (**Participle II + Nзоо**) [3% в английском языке]: *a fallen sparrow – жертва, неудачник; a lost sheep – человек, сбившийся с пути истинного*; *skinned rabbit – очень худой человек; bald-faced stag – лысый человек;*

5) **существительное в притяжательном падеже + существительное** [**Npos.case** (**зоо**) **+ N (зоо**)] [11% в русском языке и 3% в английском]: *ежова голова* – прост. пренебр. *глуповатый, недалекий человек; заячья душа* – разг. пренебр. *робкий, трусливый человек; лисий хвост* – ирон. *хитрый, лицемерный человек; собачья душа* – прост. бран. *скверный, грубый человек; хам; barber's cat – худой, болезненный ребенок; God's ape – идиот от рождения; whore's bird* – груб. *сукин сын*; *wildcat's ankle – очень уважаемая личность;*

6) **существительное + предлог + артикль + существительное** (**Nзоо + Prep. + the** (**poss. pron.**) **+ Adj. + N**) [2% в русском языке и 3% в английском]: *волк в овечьей шкуре – человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер; ворона в павлиньих перьях* – ирон. *человек, тщетно пытающийся казаться более важным, чем он есть на самом деле, старающийся играть более важную, не свойственную ему, роль; слон в посудной лавке* – шутл. *большой и нескладный человек, оказавшийся в тесной обстановке, среди ломких, хрупких вещей; cock of the loft – важная персона; cock of the walk – местный заправила; bull of Bashan – человек с громовым голосом.*

5. Анализируемые единицы позволяют констатировать, что суффиксальность представлена самым частотным и наиболее производительным суффиксами **-er**: *goat-milker – проститутка; monkey-chaser – житель Западной Индии; ring-pigger* – разг. *пьяница; goose-shearer* – разг. *нищий; dog-robber – адъютант; toadeater* – редк. *льстец.*

Образы, будучи неотъемлемой частью сверхобщности, способствуют выражению чувств, реакций, проявлению эмоциональной жизни человека в целом. Они дают оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива.

Единицы с образным компонентом, характеризующим человека, возникают в языке как экспрессивные синонимы уже существующих обозначений. При этом они не просто служат наименованием лица, но и выражают определенное к нему отношение. Таким образом, анализ антропоморфического, зооморфического, соматического и отпредметного компонентов единиц номинации позволил выделить культурную коннотацию, отражающую элементы духовной культуры русского и английского народов, их идеалы и ценностные представления.

1. *Киприянова А.А.* Предисловие // Опыт тематического словаря фразеологизмов и паремий с компонентом-зооморфизмом (на материале русского, английского, французского и новогреческого языков). Краснодар, 1999. С. 3–7.

2. *Малащенко М.В.* Имя в парадигмах лингвистики: Монография. Ростов н/Д, 2003.

3. *Gorski K.* Zwierze jakosymbol literacki // Z histirii I teorii literarury. Warszawa, 1974.

асп. Е.Е. Кидярова,
д.ф.н., профессор А.М. Мелерович (Кострома)

РОЛЬ АВТОПЕРЕВОДОВ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОЗДАНИИ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОЭЗИИ И. И.А.БРОДСКОГО И ЕЕ КОРРЕЛЯТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОПЕРЕВОДАХ)

Создание автопереводов, переводческая деятельность в целом не может не оказывать влияния на становление идиостиля писателя. С точки зрения семиотики переводчик перекодирует систему художественного текста с одного языка на другой. Однако многие ученые настаивают на том, что роль переводчика должна пониматься гораздо шире. Исследователи особо рассматривают специфику поэтического перевода. Сложность перевода поэзии не столько в рифме, сколько в выводимости смысла каждого отдельного слова из всего контекста в целом. Переводчик должен передать не только смысл и форму стихотворения, но и авторское видение мира, и тем самым воздействовать на подсознание читателя (Polukhina 1989).

Перевод является одним из аспектов межкультурной коммуникации. Таким образом, автоперевод – акт межкультурной коммуникации, совершаемый и управляемый самим автором. Говоря о переводах, следует учитывать такие аспекты в анализе текста-оригинала и текста-перевода как «адекват-

ность» и «эквивалентность». Комиссаров В.Н. рассматривает адекватный перевод как перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно признанной конвенциональной норме перевода (Комиссаров 1990).

Поэтический перевод можно рассматривать как самостоятельный вид искусства, который благодаря наличию теоретической базы имеет общие корни с наукой, но его оригинальность и уникальность делают его в большей степени творчеством. Вольные переводы зачастую обретают статус самостоятельного произведения.

Поскольку переводчику важно вызвать у читателя те же чувства текстом перевода, что вызывал у него оригинал, специалист использует перевод, максимально приближенный к стилю оригинала. Этот вид перевода часто применяется в тех случаях, когда исходная стихотворная форма отсутствует в языке перевода. В таком случае переводчик пренебрегает некоторыми традиционными особенностями оригинала для сохранения общего стиля перевода.

В поэтических автопереводах И. Бродский стремится максимально передать особенности своего мировосприятия, своей творческой личности средствами английского языка. За всеми оригинальными и переводными произведениями И.Бродского стоит целый пласт поэтического и культурного опыта.

Автопереводы Бродского позволяют исследователям его творчества, в котором объединились черты англоязычного и русскоязычного текста, глубже проникнуть в замысел поэта, обогащают восприятие художественного мира Бродского новыми образами и помогают проследить эволюцию его творчества.

Среди основных переводческих принципов Бродского выделяется стремление к максимально точному воспроизведению стиховой формы оригинала. Этот принцип поэт последовательно реализовывал в своем творчестве. В автопереводах Бродскому удалось подобрать эквиваленты рифменной структуры своих русскоязычных произведений. Поэт сознательно удлиняет строку и увеличивает количество слогов в ней для того, чтобы приблизить ритмический рисунок автоперевода к оригиналу. Тем не менее, стремление к эквивалентности перевода стихотворения зачастую вступает в конфликт с его адекватностью. Предметом перевода становится многослойная структура устойчивого оборота. Бродский стремится передать ключевой образ стихотворения-оригинала средствами языка перевода; таким образом, создается новый образ на основе доминирующего образа исходного стихотворения.

Сравнение особенностей функционирования ФЕ в русскоязычной поэзии Бродского и их англоязычных коррелятов в авторских переводах представляет несомненную ценность в ряде аспектов: как для изучения феномена литературного, поэтического билингвизма, так и для выявления особенностей идиостиля Бродского, концептуального содержания его стихотворений, его поэтической картины мира. Перевод фразеологических единиц, особенно образных, представляет значительные трудности. Это объясняется тем, что многие из них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определенному речевому стилю и часто носящими

отчетливо выраженный национальный характер. Для многих фразеологических единиц характерны многозначность и стилистическая разноплановость, что осложняет их перевод на другие языки. Важно учесть, что объектом художественного перевода, особенно поэтического, должно являться не только фразеологическое значение, но и многослойная форма устойчивого оборота, прежде всего его внутренняя форма.

Трудность перевода ФЕ в поэзии Бродского связана также с наличием большого количества трансформированных единиц. Для теории и практики перевода наиболее важным является определение тех семантических и экспрессивно-эмоциональных инноваций, которые возникают в результате авторских модификаций ФЕ.

Целенаправленные трансформации ФЕ с определенной эстетической заданностью имеют конечным результатом создание определенного эмоционального впечатления: модифицированные ФЕ, не выходя за рамки речевой нормы, находят применение в литературных текстах на правах художественно-речевых выразительных средств. Именно поэтому адекватная, по возможности, передача трансформированных ФЕ является важнейшей задачей переводчика.

В нашей работе мы опираемся на классификацию способов перевода фразеологизмов, предложенную А.В. Куниным в англо-русском фразеологическом словаре (Кунин 1996).

Для характеристики специфики идиостиля поэта-билингва используем методику, которая заключается не только в сопоставлении исходного русскоязычного стихотворения с его авторским англоязычным переводом, но и с русским подстрочником автоперевода (Кидярова 2008:328-330). Это позволяет более наглядно проанализировать оригинальный текст и его англоязычный вариант, способствуя углубленному анализу концептуального содержания стихотворения; дает возможность наиболее адекватно воспроизвести систему образов оригинальных поэтических произведений, представить наиболее приближенную их передачу средствами языка перевода.

А.В. Кунин выделяет категории фразеологических эквивалентов, определяющие способы перевода ФЕ. Так, выделяются **моноэквиваленты** (Постоянное равнозначное соответствие ФЕ, которое является единственно возможным переводом и не зависит от контекста), выборочные эквиваленты ФЕ. В стихотворении «Новый Жюль Верн» читаем:

Рабы обсуждают господ. Господа обсуждают рабство.

«Какой-то порочный круг!» «Нет, спасательный круг!»

Здесь Бродский использует две ФЕ *порочный круг* и *спасательный круг,* объединенные в русском языке компонентом *круг.* В авторском переводе читаем:

«Masters resent their slaves. slaves resent their masters.

Feels like a vicious circle!» «Like a sort of a ring buoy, I'd say.»

Господа гневаются на рабов. Рабы гневаются на господ.

Как порочный круг! Как спасательный круг, я бы сказал.

ФЕ *vicious circle* является единственным возможным переводом ФЕ *порочный круг,* в то время как *ring buoy* является морским термином в английском языке (в отличие от более разговорного *life-saver*) и не может считаться единственным возможным эквивалентом русскоязычного *спасательный круг*,

а потому он представляет другой тип перевода – **выборочный эквивалент**. Эквиваленты ФЕ в большинстве своем являются моноэквивалентами фразеологизмов, совпадающими с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре)

«Обертональный» перевод—это своего рода окказиональный эквивалент, используемый для перевода фразеологизма только в данном контексте.

В «Двадцати сонетах к Марии Стюарт» Бродский использует ФЕ *белая ворона* (о человеке, резко отличающемся от окружающих, выделяющемся чем-либо необычным для них; непонятный, кажущийся странным. (Мелерович, Мокиенко 2005: 134).

Твоим шотландцам было не понять,/ чем койка отличается от трона./ В своем столетьи **белая ворона**/ для современников была ты блядь.

В автопереводе читаем:

...your Scottish lords, can't see/ what makes a throne so different from a cot./ O ***rara avis*** *of your century!/ To your compatriots your were a slut.*

...твои Шотландские лорды не могут понять/ что отличает трон от койки./О редкая птица своего столетия!/Для твоих соотечественников ты была шлюхой.

В качестве переводного варианта ФЕ *белая ворона* Бродский использует латинский оборот ***rara avis*** – ***редкая птица.*** В английском языке существует полный эквивалент *белой вороны – black sheep*, то есть *черная овца*. Тем не менее, в данном контексте для Бродского оказалось важным выбрать другое сочетание, которое, в отличие от исходного несет положительное значение. Быть *белой вороной* неприятно, *редкая птица* – совсем другое дело. Возможно, поэт использует такой перевод, поскольку для англоязычного читателя фигура Марии Стюарт ближе и понятнее, чем для русскоязычного. На Западе многие до сих пор восхищаются ее волей и стоицизмом, поэтому ***rara avis*** становится ближе восприятию западного читателя.

Среди автопереводов Бродского по степени соотношения эквивалентности и адекватности можно выделить следующие типы переводов: преобладание элементов адекватности; преобладание элементов эквивалентности; сочетание стилистической эквивалентности и неполной логической адекватности;

См., например, стихотворение «Кентавры II»:

На ветку садятся птицы большие, чем пространство,/в них– **ни пера, ни пуха**, а только **к черту, к черту**.

A branch bends, burdened with birds larger than space-new style,/ stuffed not with down or feathers but only with «Damn it,damn it.»

Ветка прогибается, отягощенная птицами, большими, чем пространство – новый стиль, набитыми не пухом и перьями, а только «Проклятье. проклятье»

В строке исходного стихотворения встречаем известный оборот *ни пуха, ни пера,* в котором Бродский меняет местами субстантивные компоненты, а также стандартную формулу ответа на нее *к черту,* дважды повторяемую. ФЕ *ни пуха, ни пера* в стихотворении-оригинале конкретизируется образом огромных птиц и из привычной категории пожелания удачи переходит в их описание («птицы большие, чем пространство» и пусты внутри). Авторский перевод предлагает эквивалент *down or feathers* (пух и перья), но причастие

stuffed (набитый) буквализирует образ чучел огромных птиц, пустых изнутри. Сочетание «*Damn it*» в целом является адекватным, но не эквивалентным переводом русского *к черту*, поскольку представляет собой не субстантивное, а глагольное сочетание.

В целом, можно сделать вывод о том, что для Бродского было важным передать доминирующий образ стихотворения оригинала средствами языка перевода. В некоторых случаях поэт прибегает к переводу с преобладанием элементов адекватности, реже – эквивалентности. Иногда применение этих критериев оценки к переводу затруднено, поскольку в тексте стихотворения-перевода поэтом создается новый образ, развивающий образ исходного стихотворения.

Только разносторонний комплексный анализ образного строя стихотворения-оригинала и его авторского перевода позволяет сделать выводы о специфике идиостиля И.Бродского, который характеризуется яркой индивидуальностью поэтических образов, неожиданностью ассоциаций, обусловливающих глубину и новизну смысла, способствующих созданию единства формы и содержания поэтического текста. Особенности идиостиля Бродского проявляются и в употреблении фразеологизмов в качестве образных доминант, передающих лейтмотивы поэтических текстов, поэтических циклов.

1.*Кидярова Е.Е.* Сопоставительный анализ образного строя стихотворения Иосифа Бродского «Деревянный Лаокоон, сбросив на время...» и его авторского англоязычного перевода//Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты):Международная научно-практическая конференция (Кострома, 20-22 марта 2008г.) - М.: ООО «Издательство «Элпис», 2008.- 614 с.

2.*Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.)

3.*Кунин А.В.*Курс фразеологии современного английского языка:– М: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

4.*Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М.* Фразеологизмы в русской речи : Словарь.– 2-е изд. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – 856 с.

5.*Polukhina V.* Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Е.С. Коган (Екатеринбург)

СОМАТИЗМЫ В РУССКОЙ И ЯКУТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ, НАЗЫВАЮЩЕЙ ГОЛОВУ И ЕЕ ЧАСТИ)

Лексика, обозначающая части тела человека, составляет большую часть словарного состава любого языка и входит в один из древнейших понятийных пластов. Даная группа характеризуется устойчивостью и высокой частотностью употребления, Тело как то, что всегда доступно сознанию человека, служит своеобразным ключом для познания и упорядоченья окружаю-

щей действительности. Все это приводит к тому, что анатомическая лексика имеет сложную семантическую структуру.

Для **головы** в русской фразеологии отмечается, в первую очередь, ее объективная функция – связь с мышлением, обработкой и продуцированием знаний. Голова метафорически осмысляется как вместилище информации: *заталкать себе в голову* ‘внушить себе’ (Федоров 1983, 81), *вылетать из головы ‘з*абываться’ (ПССГ 1992: 123) и т. п. При этом голова может характеризоваться как нецелое, дырявое вместилище, испорченность которого является причиной несохранения информации: *худая голова* ‘о человеке с плохой памятью’ (ПССГ 1992: 151), *яма в голове* ‘слабоумный’ (Федоров 1983, 224). *Голова* также может утрачивать способность хранить информацию с течением времени: *старая голова* ‘о старом человеке с плохой памятью’ (ПССГ 1992: 151). Ярким образом является детализация данной схемы – уподобление *головы* посуде, а процесса мышления – приготовлению пищи: *башка варит* у кого, чья ‘кто-либо сообразителен, понятлив’ (ПССГ 1992: 38).

Голова воспринимается как жизненно важная, значимая часть тела, с ней связана жизнь человека: *потерять голову* ‘погибнуть’ (ПССГ 1992: 151); *сломить голову* ‘потерпеть неудачу, погубить себя’ (ПССГ 1992: 151) и др.

Голова воспринимается как значимая часть тела: *в перву голову* 1. ‘сначала, сперва’ 2. ‘в первую очередь’ (Федоров 1983, 46); *головой не (нет, нету)* употребляется для выражения полного отрицания; ‘совсем, совершенно’ (Федоров 1983, 46). Значимость *головы* приводит к тому, что она может выступать метонимическим «заместителем» человека: *покойна головушка* ‘умерший’ (Федоров 1983, 46); *с головы на голову* ‘все поголовно’ (Федоров 1983, 46).

С точки зрения положения в пространстве, *голова* вместе с *ногами* задает границы и определяет целостность тела: *с ног до головы* ‘целиком, полностью’ (ПССГ 1992: 151).

Для якутской фразеологии характерно противопоставление *головы* и *ног*, задающее фиксированное положение в пространстве, задавая границы, пределы и определяя оппозицию «верх – низ». Данное положение интерпретируется как правильное и понятное. Несоблюдение же его рождает представление о явлении как неверном, неопределенном и непонятном: *баһа-ата5а биллибэт* 1) ‘без начала и конца, очень широкий, обширный’ 2) ‘неопределенный, неизвестный’ букв. «неизвестно, где голова, где нога» (Нелунов 1 1998: 128).

Голова и ноги являются крайними точками человеческого тела, теми ориентирами, которые, дают общее представление о понятии, но не описывают его суть целиком: *баһын-ата5ын иһит* ‘мельком слышать’ букв. «голову-ногу его слышать» (Нелунов 1 1998: 130).

В якутском языке, как и русском, отражено представление о *голове* как наиболее значимой части тела, что отражается в выражении *баһа биллэр* ‘известное дело, легко угадать’ букв. «голова его известна» (Нелунов 1 1998: 128); т. е. если ясна «голова», то можно понять и все остальное. При этом следует отметить, что для якутов является уникальным перенос антропоморфической метафоры на другие объекты и понятия, членение иных сфер жизни по анатомической модели тела человека, что проявляется в таких

фразеологизмах, как *‘голова его понятна’*, *‘голову-ногу его слышал’* и т. п.

Глаза для русских сибиряков являются наиболее значимым органом-источником информации, и, вероятно, это является причиной наличия большого числа фразеологизмов с использованием их образа.

Непосредственная функция глаз – восприятие зрительной информации – отражена в выражениях: *бросаться в глаза* ‘привлекать внимание своим видом, обращать на себя внимание’ (ПССГ 1992: 142), *в глаза вздумало* ‘подумалось, пришло в голову’ (Федоров 1983, 26) и т. д. Будучи основным источником сведений о внешнем мире, *глаза* формируют определенную картину мировосприятия. Во фразеологизме *затуманивать глаза* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’ (Федоров 1983, 81) проявляется представление, что путем воздействия на орган зрения, создания условий плохой или искаженной видимости, можно формировать иное, неверное представление об окружающей действительности. В выражении *лепить глаза* ‘резать правду-матку’ (Федоров 1983, 103) рисуется обратная картина – «создание» новых глаз для объективного восприятия ситуации.

Глаз выступает как своеобразная точка отсчета расстояния: *по-за глаз* ‘далеко от себя’ (Федоров 1983, 42); *на глазах* ‘рядом, недалеко’ (Федоров 1983, 42). Кроме пространственных, образ *глаза* принимает участие и в описании временных отношений. И здесь обращает на себя внимание мотив смены глаз через большой промежуток времени: *вставать в (на) тех же глазах* ‘просыпаться очень рано; не выспавшись, подниматься’ (Федоров 1983, 32), *с теми же глазами* ‘без передышки; сразу же’ (Федоров 1983, 42)

По положению *глаза* характеризуются как размещенные на теле относительно высоко, что служит причиной использования уровня их нахождения как количественного мерила. В данном случае понятие пространственное (‘высоко’) соотносится с количественным (‘много’): *выше глаз* ‘очень много’ (Федоров 1983, 40); *до глаз* ‘очень много (чего-либо)’ (Федоров 1983, 42); *по глаз* ‘много’ (Федоров 1983, 42).

Глаза сопряжены с такими человеческими чувствами, как стыд и совесть. При этом внутренние эмоциональные ощущения дискомфорта передаются через болевые: *аж глаза ест* ‘очень стыдно’ (Федоров 1983, 68), отсутствие же чувства стыда выражается при помощи температурных ощущений: *мороженые глаза* о бессовестном, наглом человеке (Федоров 1983, 42).

Глаза воспринимаются как своеобразный «путь проникновения» в человека: *в глаза без масла влезть* ‘о хитром человеке’ (Федоров 1983, 28); *влезть в глаза* ‘вызвать чувство сильной привязанности; понравиться’ (Федоров 1983, 28).

В якутской фразеологии *глаза* характеризуются, в первую очередь, с точки зрения функции, как орган восприятия зрительной информации, что проявляется во фразеологизмах: *төбөтүнэн харахтаах* ‘отчаянный шалун, сорванец’ букв. «с глазами на темени» (Нелунов 2 2002: 205). Человек, у которого глаза расположены на темени, т. е. достаточно высоко, может больше увидеть, а, следовательно, и больше сделать. В несколько ином ключе эта же характеристика присутствует и во фразеологизме *хараба туолбат* ‘жадный, ненасытный, нечем не удовлетворяющийся’ букв. «глаза его не наполняются» (Слепцов 1972: 402). При этом подразумевается, что глаза обладают неким «конечным объемом». В данном случае свойства органа тела воспринимаются как причина негативного качества личности.

Глаза являются выразителем эмоций: *сылаас хараххынан көр* ‘проявлять ласку, жалость к кому-л.’ букв. «теплыми глазами смотреть (Нелунов 2 2002: 163)»; *хараҕа таптыы көрдөр* ‘вроде бы знакомое место (но никак не может вспомнить)’ букв. «глаза его любовно смотрят» (Нелунов 2 2002: 336).

С **носом** во фразеологии русских сибиряков связано представление о его уязвимости, возможности через него воздействовать на человека: *водить за нос* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ (ПССГ 1992: 100).

Местоположение *носа* воспринимается как окраинное, что проявляется во фразеологизме: *душа в носе* о состоянии сильного опасения, страха (Федоров 1983, 66) (такое же представление – душа при сильном испуге «прячется» внутри человеческого тела, занимая крайние точки – отражено и во фразеологизме *душу в пятки вбить* ‘испугать кого-либо’).

Нос воспринимается как «близлежащий» орган, что проявляется в выражениях *не видеть своего носа* ‘не замечать своих недостатков’ (Федоров 1983, 27); *чужое видеть за (под) лесом, своих не видеть под носом* Неодобрит. ‘чужие недостатки преувеличивать, свои – не замечать’ (Федоров 1983, 27). При этом интересно отметить, что точкой отсчета являются глаза, как доминирующий источник информации. Также в последнем случае отражается противопоставление своего – чужого, причем чужое характеризуется через образ леса – не-человеческого, а свое – через орган тела.

В якутской фразеологии отмечается непосредственная функция носа как органа чувств. При этом способность улавливать запахи расширяется до чувствительности вообще, способности к интуиции: *муннугар сыт аҕаппыт* ‘попадать на выгодный для себя случай, как бы чутьем предугадав его’ букв. «намазали ему на нос запаху» (Нелунов 2 2002: 20). При этом *нос* воспринимается как основной орган чувств, ключевой источник информации, формирующий мировосприятие человека: *тумсун оҕунуохтаа=* а) ‘помазать нос (о сомнительном обещании)’; б) ‘угощать кого-л. в корыстных целях’ (Слепцов 1972: 401). В данном случае обрисовывается ситуация создания иных условий восприятия, которые приводят к неверному представлению о происходящем. Подчеркивается и выступающее положение *носа*: *муннугар харалах* ‘грешный, греховный’. букв. «с темным пятном на носу» (Нелунов 2 2002: 20). На носу – значит, на виду у всех, всем заметный.

Ухо характеризуется во фразеологии сибиряков России как источник сведений об окружающем мире. Оно воспринимается как один из основных информационных каналов человека: *ухо с глазом* ‘ловкий, находчивый, расторопный’ (Федоров 1983, 206) (см. *глаз*). В качестве помех для восприятия *ухом* данных отмечаются неполнота задействованности органа в процессе (*одним ухом <слышать>* ‘невнимательно, урывками’ (Федоров 1983, 207)), а также материальные помехи (*уши золотом завешаны* ‘не слышит, не желает слушать’ (Федоров 1983, 207)). Восприятие же ненужной информации может привести к «порче» органа: *уши заповянут* ‘нет сил слушать чепуху, вздор’ (Федоров 1983, 207).

С точки зрения пространственных отношений, *ухо* воспринимается как расположенное наверху. Объективно эта характеристика проявляется во фразеологизме *кишки тебе на уши* ‘вид незлобивой брани’ (Федоров 1983, 93), при интерпретации же данная черта выполняет функцию меры, описывая большой объем чего-л.: *втетериться по уши* ‘сильно влюбиться’ (Фе-

доров 1983, 33); *во уши <плясать, танцевать>* ‘с упоением, до упаду’ (Федоров 1983, 207).

Для якутов, как и в случае с носом и глазами, ухо значимо, прежде всего, как орган, воспринимающий информацию, в данном случае, звуковую: *кулгаа5ын сымнат* ‘рассказывать, оглашая, удовлетворять, успокаивать кого-л.’ букв. «ухо его смягчать» (Нелунов 1 1998: 246); *кулгаа5а-хара5а кэŋээбит киһи* ‘видавший виды человек, который более не интересуется малым’ букв. «человек, у которого уши-глаза расширенные» (Нелунов 1 1998: 245).

Таким образом, основным органом восприятия окружающей действительности для русских сибиряков являются *глаза* и *уши*, для якутов же – *нос* и *вкусовые рецепторы*. С их помощью человек формирует представление о мире.

Основной зоной значений, в которой используется соматическая лексика, являются характеристики человека по способу восприятия и обработки информации, чертам характера, речи (отметим при этом, что в якутском языке речь соотносится, скорее, с действием *язык его не умещается во рту, нога его не умещается в дороге*, в русском же – с умственной деятельностью: *язык толстый* о том, кто косноязычен и малограмотен (Федоров 1983, 224)). *Голова* что в русском, что в якутском языках присутствует во фразеологизмах со значением важности, значимости. Также данный образ используется в выражениях с пространственным значением. При этом в якутском языке обозначаются пределы, границы, в русском же – объем в целом, полностью. Для обозначения меры, количества чего-либо в русском языке используется образ *глаз*, обозначающий вертикальный предел.

Для русского языка также в большей мере, нежели для якутского, характерно использование метонимического переноса, при котором часть тела «обозначает» человека вообще.

Нелунов 1 1998 – *Нелунов А. Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1.

Нелунов 2 2002 – *Нелунов А. Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2002. Т. 2.

ПССГ 1992 – Полный словарь сибирского говора: В 4 т. Томск: ТГУ, 1992–1995. Т. 1.

Слепцов 1972 – Русско-якутский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972.

Федоров 1983 – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

к.ф.н., доцент М.В. Корягина,
д.ф.н., профессор В.И. Зимин (Москва)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Сравнительно-сопоставительный анализ ставит своей целью выявить сходства и различия в структуре, семантике и функционировании сопоставляемых фактов (в нашем случае фразеологизмов).

Основная проблема сопоставительного анализа - определение терциума-компаратиониса, т.е. содержательного континиума, и средств его выявления в различных сопоставляемых языках.

Терциумом-компаратионисом (основой) сопоставления фразеологизмов является их соотносительная семантика. Но она очень по-разному выражается в разных языках. Сопоставление семантики фразеологизмов выглядит особенно сложным: фразеологизмы содержат в себе очень много информации: они, как правило, образны, образ мотивирует значение, «возбуждает» оценочную и эмотивную характеристику фразеологического значения, в образе фразеологизма запрятаны следы культуры прошлого, сведения об истории народа - носителя языка, в образном основании фразеологизма «видны» проявления особого национального менталитета, отражение нравов, обычаев, особенностей мировидения народа и очень многие другие сведения. В сопоставлении надо «уловить» всю эту совокупность сведений о русских и французских фразеологизмах. Это трудно, но принципиально возможно. Весь вопрос заключается в том, как «увидеть» смысловую адекватность, какие межъязыковые фразеологические эквиваленты использовать, а при отсутствии фразеологических эквивалентов каким образом строить описание реального значения сопоставляемых фразеологизмов.

В нашей статье ставится вопрос о разъяснительном сопоставлении русских и французских фразеологизмов. В таком случае сопоставлению подлежат не только соотносительные значения фразеологизмов русского и французского языков, а все знания, связанные с данными фразеологизмами. Некоторые знания (например, оценочность, эмотивность) можно передать соответствующим подбором семантически соотносительных фразеологизмов французского языка, но другие знания (этимологическое значение, культурное содержание и т.п.) необходимо, очевидно, излагать дополнительно (прибавлять к толкованию, открывать специально дополнительный компонент словарной статьи для этой цели и т.п.). В таком случае в основу терциума-компаратиониса кладутся и языковые, и внеязыковые знания, особенно образы внутренней формы фразеологических единиц: ср., например, русское *мягко стелет, да жёстко спать* и французское *une main de fer dans un gant de velour* (букв. железная рука в бархатных перчатках) или русское значение «быть крайне неудачливым, невезучим» во французском передается фразе-

ологизмом *tomber sur le dos et se casser le nez* (букв. упасть на спину и разбить нос).

Сходства и различия русских и французских фразеологизмов можно описать при выявлении определенной системы межъязыковых фразеологических эквивалентов. Мы предлагаем следующую их систему.

Полные структурно-семантические эквиваленты. Они совпадают по всем компонентам семантики и по структуре: например, *закрывать глаза на… - fermer les yeux sur…*; *пускать пыль в глаза - jeter de la poudre aux yeux de qn*; *иметь голову на плечах - avoir la tête sur les épaules*; *заткнуть рот кому - fermer la bouche* à *qn* и др.

Межъязыковые частичные структурно-семантические эквиваленты. Они при семантически соотносительном значении могут иметь лексические, грамматические и лексико-грамматические различия разного рода: от самых незначительных до очень заметных. Например: *говорить сквозь зубы - parler du bout des dents*: имеются лексические различия: в русском фразеологизме буквально читается «говорить сквозь зубы», во французском - «говорить от конца зубов»; *мерить на свой аршин – mesurer* à *son aune:* различия заключены в именных компонентах: русское слово *аршин* – это линейка длиной в 0,71 м., которая раньше употреблялась для отмеривания материи и т.п. Так как продавцы иногда делали аршины чуть меньшей длины, покупатели им не доверяли и делали свои аршины. Так и получалось, что каждый мерил на свой аршин в буквальном смысле. Французское слово *aune* – локоть. Локоть служил мерой длины также и на Руси. Поэтому различия между русским и французским фразеологизмами минимальны; *втоптать в грязь, смешать с грязью – traîner qn dans la boue* (букв. тащить кого-л. в грязь); *построить на костях - costruire qch sur des cadavres* (букв. построить на трупах). Семантические различия разного рода могут достигнуть такой степени, что потеряется вообще какое-либо смысловое соотношение русского и французского фразеологизмов, останется соотносительность только по структуре. Тут начинаются **квазиэквиваленты**, т.е. полные или очень близкие по структуре фразеологизмы, которые могут иметь заметные различия в сфере употребления, национальной культуры, образа жизни и - это, пожалуй, главное - при осмыслении значения фразеологизма. При переводе к ним надо относиться осторожно: они псевдоподобны, они - «ложные друзья переводчика». Например: русский фразеологизм *сказать свое слово* имеет значение «проявить себя в чем-либо, в какой-либо деятельности, оказать влияние на что-либо», французский же фразеологизм с точно такой же структурой *dire son mot* (букв. сказать своё слово) означает «высказаться, высказать своё мнение». Русский фразеологизм *набрать воды в рот* означает «хранить упорное молчание, ничего не говорить», очень близкий по структуре фразеологизм французского языка *(en) avoir l'eau* à *la bouche* (букв. имея воду во рту) имеет значение «исходить слюной» (при виде чего-либо вкусного, соблазнительного).

Межъязыковые функционально-смысловые эквиваленты. Они реализуют в процессе функционирования один и тот же семантический инвариант, но различаются по лексико-грамматическому составу и образности внутренней формы. Таких эквивалентов очень много. Сопоставлять их трудно, потому что кажется, что различие внутренних форм (образов) должно при-

вести к различию значений русского и французского фразеологизмов, но этого не происходит, оба фразеологизма укладываются в один семантический инвариант. Межъязыковые функционально-смысловые эквиваленты, пожалуй, составляют абсолютное большинство при сопоставлении русских и французских фразеологизмов. Это объясняется различными причинами, среди которых первейшую роль играет различное восприятие образов внутренних форм фразеологизмов, переосмысление семантико-фразеологических инвариантов, различное наличие этнокультурных элементов в структуре фразеологизмов русского и французского языков и т.п. Примеры: *идти, куда глаза глядят - aller le nez au vent* (букв. идти нос по ветру); *уйти с головой – se donner corps et me* (букв. отдаться телом и душой); *пальцем кого-либо не тронуть - ne pas toucher un cheveu de la tête de qn* (букв. не тронуть волоска на голове у кого-либо); *у него на лбу написано – on le lit sur son visage* (букв. это читают на его лице); *выжить из ума – n'avoir plus de tête* (букв. не иметь больше головы); *рубить сплеча* – «говорить прямо, грубо, не отдавая отчета в том, как это будет истолковано другими людьми» – *mettre les pieds dans le plat* (букв. положить ноги в блюдо). Из всех этих функционально-смысловых эквивалентов французский фразеологизм *mettre les pieds dans le plat* отличается резкой фамильярной окраской.

Межъязыковые фразеологические семантические корреляты. Это фразеологизмы русского и французского языков, которые переводятся посредством фразеологизма совершенно иной структуры, но соотносительного по значению. Корреляты обычно различаются особенностями внутренней формы (образа), оттенками значения, национально-культурным колоритом. Отличия межъязыковых фразеологических коррелятов и межъязыковых функционально-смысловых эквивалентов заключаются в том, что корреляты обычно значительно различаются образностью внутренней формы (образа), хотя и сохраняют семантическую соотносительность. Приведем примеры: *глаза на мокром месте у кого-либо - avoir la larme facile* (букв. иметь легкую слезу); *вверх тормашками - être la tête en bas* (букв. быть головой вниз); *перемывать/перемыть косточки <кости>* - злословить, сплетничать, судачить о ком-либо (говорится с неодобрением) – *casser du sucre sur le dos de qn* (букв. ломать, бить, разбивать сахар на спине у кого-либо); *язык без костей у кого* – безудержная, ничем не сдерживаемая болтливость (говорится с пренебрежением) – *c'est un vrai moulin* à *parole* (букв. это настоящая мельница речи); *дышать на ладан* - быть при смерти: образ фразеологизма этимологически объясняется тем, что умирающему человеку подносили ко рту дымящийся ладан и по тому, колеблется дымок ладана или нет, определяли, жив ли человек или уже скончался (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 372) - *être au bord de la tombe* (букв. быть на краю могилы).

Отдельным вопросом сопоставления стоят **безэквивалентные фразеологизмы** русского языка, т.е такие, которым во французском языке не находится фразеологических эквивалентов. При передаче безъэквивалентных фразеологизмов приходится прибегать к описательному или семантическому переводу, т.е. французскими словами излагать содержание русского фразеологизма. Например, *семь пятниц на неделе (на дню семь пятниц) - il est versatile, il change facilement d'humeur, d'intention etc.; c'est une girouette.* Здесь, безусловно, возрастает роль объяснения, при этом объяснять необ-

ходимо не только значение фразеологизма, но и его этимологию, так как этимологический анализ существенно помогает раскрытию значения. Так, к описательному переводу фразеологизма *семь пятниц на неделе (на дню семь пятниц)* - о том, кто часто меняет свои решения, мнения - прибавляется этимологический анализ: фразеологизм употребляется примерно с XVIII века. «В пятницу, которая была свободным от работы днём, в базарный день, устраивались всякие сделки (прежде всего торговые), заключались они обычно в присутствии свидетелей, нанимаемых за определённую плату. Если нужно было расторгнуть договор, зарегистрировать его выполнение и т.п., то это делалось опять-таки в пятницу в присутствии тех же свидетелей. Свидетели, желая получить выгоду, часто торопили события, не дожидаясь пятницы» (Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 132). Безэквивалентные фразеологизмы обычно имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Здесь еще более возрастает роль разъяснения при сопоставительном изучении фразеологизмов. Для сохранения национально-самобытной окраски русского фразеологизма, можно прибегнуть к дословному переводу (калькированию), ввести в текст объяснения такие указания, как, например, «как говорят русские», «как гласит русская пословица», «как принято говорить в России» и т.п.

В заключение скажем, что в любом случае, пользуясь всеми видами межъязыковых фразеологических эквивалентов, включая значительные элементы разъяснения, можно добиться адекватного сопоставительного описания русских и французских фразеологизмов.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель. АСТ. Люкс. 2005.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., «Русский язык», 1987.

к.ф.н., доцент И.О. Наумова (Харьков, Украина)

РУССКИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ИХ ОМОНИМИЧНЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Е. Мещерский в «Истории русского литературного языка» писал: «Оценивая наплыв иностранных заимствований в русский язык в начале XVIII в., В. Г. Белинский в свое время отмечал, что “корень” употребления “в русском языке иностранных слов... глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившего нас со множеством совершенно новых понятий, до того совершенно чуждых, для выражения которых у нас не было своих слов. Поэтому необходимо было чужие понятия и выражать чужими готовыми словами. Некоторые из этих слов так и остались непереведенными и незамененными и потому и получили права гражданства в русском словаре”. По мнению того же критика, предпочтение некоторых иностранных слов их переводным эк-

вивалентам, калькам,— это предпочтение оригинала копии. В. Г. Белинский считал, что идее как-то просторнее в том слове, в котором она оказалась в первый раз, она как бы срастается с ним, слово делается непереводимым» [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/10.php].

В отличие от заимствованных лексем фразеологические обороты иностранного происхождения проникали в материю русского языка, заменяя иноязычное написание и звучание на более привычные для русского человека родные графические и звуковые образы, представляющие переводные слепки с иностранного оригинала. Нередко, новые образные выражения начинали свою жизнь в перенявшем языке, функционируя одновременно со своими омонимичными сочетаниями, не несущими на себе следы иноземного воздействия и появившимися в русском языке намного раньше, чем их клоны иностранного происхождения.

На примере сосуществования русского словосочетания *великое общество* и омонимичного фразеологизма *Великое общество,* которое относится к пласту русской политической фразеологии, рассмотрим взаимодействие русских и заимствованных оборотов английского происхождения (*великое общество > Great Society* и свободное словосочетание *великое общество*).

Так, в 1893 году Л.Н. Толстой в своей статье использует данное словосочетание, разъясняя его понимание: «Какое здоровое и *великое общество* [курсив – И.Н.] людей было бы то общество, в которое каждый член его вносил бы свою логическую долю труда!» [Л. Н. Толстой. Неделание (1893)](НКРЯ).

В начале XIX века оборот *великое общество* используется и в более суженном значении, определенном рамками художественного замысла автора: «Из денег сих взял я на свою долю целую половину и пошел шататься по базару, стараясь тщательно не преминуть ни разу прелестного шатра, где разливался пенник и заседало самое *великое общество* (курсив – И.Н.), коему имел я случай поведать об удальстве своем касательно обращения Сусанны в Серафину и моей женитьбы, о примирении с тестем и переезде в дом его на жительство» [В. Т. Нарежный. Бурсак (1822)] (НКРЯ).

В XX веке, в 1964 году, параллельно с исконно-русским словосочетанием в политической терминологии русского языка появляется переводное заимствованное выражение *Великое общество/великое общество > The Great Society*, авторство которого приписывается Линдону Джонсону.

Ср.: ««Правительство Джонсона провозгласило, что оно всецело займется решением внутренних проблем, созданием *“великого общества*”» (США 1972:286); «*Великое общество*» (1964 - 1968). Период пребывания у власти администрации Л.Джонсона. Экономика второй половины 60-х годов, модернизация общества**»** [*www.jourclub.ru/12/355*]; «Гражданские права для всех граждан были ключевым пунктом представлений Джонсона**,** позднее выразившихся в программе «*Великое общество*» [*amstd.spb.ru/sixties / Johnsonimage.htm*]*; «*Некоторые из проектов «*Великого общества*» были инициированы Джоном Ф. Кеннеди, предшественником Джонсон**а** на посту президента» [*dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1288027*]; «Им была выдвинута программа «*Великого общества*», обещавшая расцвет Америки. Американцы Джонсона не полюбили и не воспринимали его как великого президента» [*gototravel.us/5/7/*]*, etc.*

В 1977 году Василий Песков и Борис Стрельников в своей книге «Земля за океаном» подчеркивают политический характер нового выражения, приобретающего широкое распространение в интернациональной политической фразеологии. Ср.: «Новый курс, Новые рубежи, *Великое общество* - это образы большой политики» [Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном (1977)] (НКРЯ); «Преемник Рузвельта прославил себя знаменитой Доктриной Трумена, нагромоздившей на земле айсберги «холодной войны». *Великое общество* - идея Джонсона. Крысиные гонки… - так зовут конкуренцию» [Там же].

Данное выражение, восходящее к английскому этимону, не теряет своей актуальности в русском языке и в 1980-е гг. Напр. ««В эти дни не случайно американская печать то и дело вспоминает "*великое общество*" и главное цели, провозглашенные Линдоном Джонсоном в один из майских дней 1964 года в актовом зале Мичиганского университета, где впервые был пущен в оборот это лозунг» [Правда. - 1981. - 16 ноября].

В книге Андрея Колесникова «Спичрайтеры» (2008) приводится имя истинного автора данного выражения. Ср.: *«"Великое общество*" - понятие, придуманное спичрайтером Линдона Джонсона, который носил «волшебную» фамилию Гудвин. Ричард Гудвин предложил *«Великое общество*» вместо формулы «Лучший курс», которая слишком явно апеллировала к «Новому курсу» Франклина Рузвельта, и тем самым несколько обесценивала самостоятельный характер политики Линдона Джонсона. (Возможно, Гудвин и заставил американцев смотреть на действительность сквозь «зеленые очки», но при нем американский капитализм и в самом деле обрел своего рода "человеческое лицо")»[http://pisali.ru/glavred/571/].

В словаре цитат "Columbia World of Quotations» подтверждается данная версия истории происхождения рассматриваемого политического выражения английского происхождения. Время появления данной фразы датируется августом 1964 года.

Ср. «Lyndon Baines Johnson (1908–1973), U.S. Democratic politician, president. Speech, May 22, 1964, Ann Arbor, Michigan. Public Papers of the Presidents of the United States, Lyndon B. Johnson: 1963-64. According to Hugh Sidey, in A Very Personal Presidency (1968), the slogan, «Great Society,» had been current for several years, but was adopted for Johnson by Richard N. Goodwin, Secretary General of the International Peace Corps Secretariat and occasional speechwriter. It became a keynote of Johnson's presidency, stressed by him in his acceptance speech at the Democratic Party National Convention, August 1964»[http://quotes.dictionary.com/].

В словаре К. Душенко «Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней» приводятся следующие сведения о возникновении данного выражения: «Сегодня мы имеем возможность создать не только богатое и могущественное, но и *Великое Общество*» (Речь 22 мая 1964 г. в Мичиганском университете). В словаре приводятся ссылки на более ранние источники использования данной фразы: в качестве названия книги в 1914 году Г. Уолассом (Great Society) и в 1931 году в известной книге Дж. Адамса «Эпопея Америки» (Душенко 2006:140).

Лексикографические источники русского и английского языков выявляют не только расхождение в определении авторства данного выражения, но и в

дате появления данного оборота в политической фразеологии русского и английского языков.

Так, по сведениям Britannica Concise Encyclopedia, данное выражение как слоган было использовано Линдоном Джонсоном не в 1964 году, а в 1965г. для определения его программы национального реформирования в первой речи, произнесенной после выборов в ранге президента. Ср.: «Slogan used *in 1965* by Pres. Lyndon B. Johnson to identify his legislative program of national reform. In his first State of the Union address, Johnson described his vision of a «Great Society» that would include a «war on poverty» and federal support for education, medical care for the elderly, and legal protection for African Americans deprived of voting rights by state regulations»[http://www.answers.com/topic/great-society]; «*Great Society*, political slogan used by U.S. President Lyndon B.Johnson (served 1963–69) to identify his legislative program of national reform. In his first State of the Union message *(Jan. 4, 1965)* after election in his own right, the president proclaimed his vision of a "*Great Society*" and declared a "war on poverty» [http://www.britannica.com/EBchecked/topic/ 243752/Great-Society].

История свидетельствует о том, что оборот был использовании в мае 1964 года: «Jun 2009 **...** President Lyndon Johnson was the main advocate of the *Great Society* programme that got its name from a speech made during May 1964…» [*socyberty.com › History*]. Ср. «июнь 2009…Президент Линдон Джонсон был главным адвокатом программы Великого общества, которая получила свое имя благодаря произнесенном им речи в мае 1964 года…»(пер. – И.Н.).

Несмотря на все предпосылки широких возможностей использования словосочетания *великое общество* в русском языке, в национальном корпусе русского языка приводится лишь один пример функционирования данного словосочетания, омонимичного своему переводному эквиваленту: «Уважай себя, и только тогда тебя будут уважать другие. «Динамо» – великое общество. Но раз в клубе сложились такие обстоятельства, уезжай» [Год овечки. «СС» вспоминает подвиги Саши Овечкина в 2005 году // Советский спорт, 2005.12.27] (НКРЯ).

Поисковая система Google также демонстрирует незначительное количество примеров, используемых главным образом в субстандартном русском языке. Ср. «*Великое Общество* спектакля разместить в блоге; рекомендовать другу. Выделить рецензию отметить рецензию» [*bookmix.ru/book.phtml?id=243461&rid*]; «*Великое Общество* Придурков или ВОП!!! Не уходите пока не узнали, что это такое!!!» [*pridforever.narod.ru/vop.html].*

Несмотря на вышеприведенные факты, безусловно, в современном русском языке (как в книжной, так и в разговорной речи) свободное, не связанное словосочетание великое общество *по-прежнему широко используется с разными стилистическими целями. Фразеологическая калька* великое общество *функционирует чаще в публицистических регистрах языка, сохраняя свою привязанность к своим истокам, изречению американского происхождения.*

Рассмотренный в статье пример демонстрирует частный случай функционирования исконно русского оборота параллельно с его омонимичным фразеологическим оборотом английского происхождения. Каждый случай подобного совпадения характеризуется своими специфическими особенностями,

в своей совокупности представляя целостную картину сложной системы макромира языка.

1. *Душенко К. В.* Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней. – М.: Эксмо, 2006. – 608 С.
2. (НКРЯ) – Национальный корпус русского языка [http://search.ruscorpora.ru/]
3. (США) Современные Штаты Америки / Отв. ред. А.В. Аникин. – М.: Мысль, 1972. – 186 С.

к.ф.н., доцент О.Я. Остапович (Ивано-Франковск, Украина)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ КАК КРИТЕРИЙ ИХ СТАТУСНОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

Исследования проблематики так называемых «фразеологических универсалий», несмотря на богатую традицию (Солодухо 1977, Dobrovol'skij 1988; 1992 и др.) далеки от теоретической завершенности, удовлетворительных классификационных критериев, а главное, функционально-прагматического, корпусного и контент-анализа. Нам представляется продуктивной концепция Э.Пиирайнен, реализуемая в проэкте Wide Spread Idioms, в украинской части которого автору довелось принять участие (Piirainen 2006; 2007). Сам термин Wide Spread Idioms (WSI), на наш взгляд, более удачен и корректен, чем общепринятый «фразеологическая универсалия» или более современный Idiomatic Euroversal (Piirainen 2005). Мы также считаем приемлемой тематико-идеографическую классификацию данного типа фразеологизмов на следующие культурные домены: социальные интеракции; материальная культура; интертекстуальность; фиктивные концептуальные домены («наивная картина мира»); культурные символы (Piirainen 2006; 2007). Однако провести четкие границы между ними, как свидетельствует наш корпус, не всегда представляется возможным, что соответствует когнитивному принципу неиерархической, таксонно-кластерной организации идиоматики (Dobrovol'skij 1995).

Так домен социальных интеракций во многих случаях переплетается с другими культурными доменами. Например, идиома *піти за когось у вогонь* ; нем. *für jemanden durchs Feuer gehen*; англ. *to go through fire and water* лежит на пересечении доменов социальных интеракций и культурных символов. Еще одним примером переплетения разных культурных доменов является идиома *кинути комусь рукавичку*; нем. *jmdm. den Fehdehandschuh hinwerfen*; англ. *to throw down the gauntlet*, являющаяся соединением социальных интеракций, материальной культуры и культурных символов.

Аспекты материальной культуры также часто переплетаются с другими культурными доменами (в частности с аспектами социальной интеракции и культурными символами). Идиома *чорним по білому*; нем. *schwarz auf weiß*; англ. *in black and white* лежит, например, на пересечении доменов материальной культуры и культурных символов.

Фиктивные концептуальные домены часто переплетаются с доменом культурных символов, примером чему может служить идиома *втратити голову*; нем. *den Kopf verlieren*; англ. *to lose one's head*.

В нашей работі были выявлены и проанализированы следующие пересечения культурных доменов.

Социальные интеракции + материальная культура: укр. *відплатити тією ж монетою* / нем. *j-m in / mit gleicher Münze heimzahlen* / англ. *to pay back in the same / in someone's own coin;* укр. *бути озброєним до зубів / озброєний до зубів* / нем. *bis an die Zähne bewaffnet (sein)* / англ. *(to be) armed to the teeth*.

Социальные интеракции + фиктивные культурные домены: укр. *ховати голову в пісок* / нем. *den Kopf in den Sand stecken* / англ. *to bury one's head in the sand*.

Социальные интеракции + культурные символы: укр. *відкрити комусь очі* / нем. *j-m die Augen öffnen* / англ. *to open someone's eyes*; укр. *спочивати / спочити на лаврах /* нем. *(sich) auf seinen Lorbeeren ausruhen* / англ. *to rest / sit on one's laurels.*

Культурные символы + фиктивные культурные домены: укр. *втратити голову* / нем. *den Kopf verlieren* / англ. *to lose one's head*; укр. *філософський камінь* / нем. *(der) Stein der Weisen* / англ. *the philosophers' stone*.

Материальная культура + культурные символы: укр. *(бачити / є) світло в кінці тунелю* / нем. *Licht am Ende des Tunnels (sehen*) / англ. *(to see) the light at the end of the tunnel.*

Интертекстуальность + культурные символы: укр. *сірий кардинал* / нем. *Graue Eminenz* / англ. *Grey Eminence*.

Социальные интеракции + материальная культура + фиктивные культурные домены: укр. *стіни мають вуха* / нем. *die Wände haben Ohren* / англ. *(the) walls have ears.*

Социальные интеракции + материальная культура + культурные символы: укр. *дати зелене світло* / нем. *grünes Licht geben* / англ. *to give the green light*

Социальные интеракции + культурные символы + фиктивные культурные домены: укр. *бути як червона хустка для бика / діяти на когось як червоне на бика* / нем. *ein rotes Tuch für j-n sein / wie ein rotes Tuch auf j-n wirken* / англ. *(to be) a red rag to a bull / like a red rag to someone.*

Проведенный нами анализ показывает, что потенциальной сочетаемостью характеризуются аспекты 4-х доменов: домена социальных интеракций, материальной культуры, культурных символов и фиктивных культурных доменов. Домен интертекстуальности был выявлен во взаимодействии лишь с доменом культурных символов (создание образов на культурных символах или наслоение культурной символики по времени). Четкие границы переплетения различных доменов установить невозможно. Наиболее продуктивными в конструировании международных фразеологизмов являются пересечения доменов социальных интеракций и культурных символов, социальных интеракций и материальной культуры, культурных символов и фиктивных культурных доменов.

Материалом нашего исследования на первичном этапе послужили украинские идиомы-универсалии, функционирующие в текстах газеты «Зеркало

недели», полученные методом контекстного корпусного архивного поиска в интернет-версии издания за период 1995-2005 гг. Из 136 идиом, определенных нами «кандидатами в универсалии», выявлены 60 в 409 фразоупотреблениях. Распределение по доменам выглядит следующим образом: социальные интеракции – 23 идиомы в 298 фразоупотреблениях; материальная культура - 6 идиом в 32 фразоупотреблениях; интертекстуальность - 27 идиом в 72 фразоупотреблениях; фиктивные концептуальные домены – 5 идиом в 22 фразоупотреблениях; культурные символы - 23 идиомы в 141 фразоупотреблении. Преобладание домена социальных интеракций очевидно обусловлено особенностью жанра общественно-политической журналистики.

Выражение *грати роль,* употребляемое вместе с разнообразными адъективными компонентами наиболее частотно – всего 170 раз, своим особым статусом, на наш взгляд, обязано широкому контексту значения и, соответственно, потенциалу возможной прагматической реализации в различных коммуникативных контекстах. Идиома *зелене світло* (30 словоупотреблений) «привязана» также к широкому контексту социальных интеракций и является, как и выражения *відкрити очі* (20 словоупотреблений) и *закрити очі* (21 словоупотребление) своего рода прототипами, good samples для категории фразелогических универсалий, отражающими переплетение доменов социальных интеракций, материальной культуры и культурных символов. Идиомы с частотой употребления от 5 до 20 демонстрируют наряду с универсальной архетиповой символикой (*чорним по білому; день і ніч; права рука*) в комбинации с традиционными социальными интеракциями (*грати першу скрипку; зіграти останній козир, бути в одному човні*) также основанную, в том числе, и на интертекстуальных ассоциациях прагматическую установку на формирование у читателя скептически-критического, иронично-пессимистического отношения к общественно-политическим событиям в Украине (*Дамоклів меч; зачароване коло; як грім серед ясного неба; ловити рибу в мутній воді; благі наміри; вибирати найменше зло; вбити двох зайців одним пострілом*). Выбор домена интертекстуальности с аллюзиями на общеевропейское литературно-культурное наследие обусловлен социально-образовательными характеристиками читательской аудитории еженедельника.

На последующем этапе предметом нашего исследования являлись уже 150 потенциальных международных фразеологизмов украинского, немецкого и английского языков. Исследование проводилось на базе интернет-версии еженедельных изданий - «Дзеркало тижня», «Stern» и «Newsweek». Поиск производился в архивах каждого из изданий за период времени с 1995-го по 2010 гг. Численность выборки - 648 выпусков на каждом из трех языков. Из 150 исследуемых нами фразеологизмов употребляемыми в украинском языке являются 130 (86,7%), в немецком - 149 (99,3%) и в английском – 137 (91,3%). Из них в употреблении в газетных текстах выявлены: украиноязычных – 117 в 3102 контекстуальных употреблениях (в среднем 5 выражений на выпуск), немецкоязычных - 126 в 1922 контекстуальных употреблениях (3 выражения на выпуск) и англоязычных – 96 в 1655 контекстуальных употреблениях (около 2,5 выражений на выпуск).

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что наиболее актив-

но реализуются в газетных текстах украинские потенциальные WSIs. Это объяснимо, на наш взгляд, общим тяготением украинскої прессы к более широкому употреблению фразеологизмов, чем в немецкой и английской.

Из 150 потенциальных WSIs, исследуемых нами, не подтвердили своего употребеления в украинском языке 20 выражений (*j-m läuft die Galle über / j-m kommt die Galle hoch; das (also) ist / war des Pudels Kern; die Hosen anhaben; sich mit fremden Federn schmücken; die / seine Hand ins Feuer legen für j-n / etwas; das Handtuch werfen; mit den Wölfen heulen; mit j-m / etwas auf dem Kriegsfuss stehen; aufs falsche/richtige Pferd setzen; j-n mit Samthandschuhen anfassen; to burn the candle at both ends; im Dunkeln tappen; ganz Auge und Ohr sein; in die ewigen Jagdgründe eingehen; sein Licht unter den / einen Scheffel stellen; Himmel und Erde / Hölle in Bewegung setzen; Schiffbruch (er)leiden (mit etwas); den Advocatus Diaboli spielen; den Kürzeren ziehen; tauben Ohren predigen; (immer wieder) auf die Beine / Füsse fallen*).

Они, по нашим сведениям, не прошли статусную верификацию как WSIs. Отсутствие значительного количества украинских вариантов может обьясняться, по нашему мнению, тем, что кандидаты в WSIs подбирались с точки зрения западных исследователей. Это касается, в частности, идиом нем. *die Hosen anhaben /англ. to wear trousers* (дословно – «носить штаны»), используемых в значеннии «руководить» и описывающих сильную женщину, доминирующую в семье. Соответствующий фразеологизм в украинском языке не обнаружен. Объясняется это культурно-историческими особенностями развития разних народов. В западных культурах женщинам запрещалось носить мужскую одежду, это противоречило законам того времени и считалось смертным грехом. Но доминирование женщины в семье не являлось необычным. В восточнославянских культурах, традиционно патриархальных, табу на одежду также существовало, но женщина в «домостроевской» семье лидирующего положения не могла занимать по определению.

В отношении английского языка подобное объяснение не может быть признано удовлетворительным, однако можно привести вероятные причины отсутствия отдельных фразеологических единиц. Неупотребительность, констатируемая нами, в английском (!) языке выражений из романов

Д.Ф. Купера (*розкурити / викурити люльку миру; mit j-m / etwas auf dem Kriegsfuss stehen; останній із могікан*) может быть обусловлена политическим табу на индейскую тему в англоязычном мире в связи с историческими условиями и, соответсвенно, большей популярностью этих произведений в переводах, чем в оригинале.

Причиной отсутствия украинского и английского (а также и в других языках) аналогов выражения нем. *das (also) ist / war des Pudels Kern* - «вот в чем суть дела» (И.В.Гете, «Фауст»; дословно – «так вот что внутри пуделя») может быть нефразеологизация отдельных цитат из произведений Гете вне немецкоязычного мира. Употребительным в украинском и немецком языках является выражение укр. *ось де собака заритий* / нем. *da liegt der Hund begraben* в том же значении.

В ходе анализа украиноязычных источников нами было обнаружено, что выражения *викинути (білий) рушник; адвокат диявола* та *падати / приземлятися на чотири лапи*, не самые частотно употребляемые в украинском языке, все же используются в прессе. Тенденция к возрастанию частоты их

употребления в украиноязычных текстах (особенно фразеологизма *адвокат диявола*) дает основания предположить, что данные фразеологизмы находятся на стадии перехода из окказионального в узуальный статус в украинском языке.

Заключение

Текущие результаты проэкта «Widespread Idioms in Europe and Beyond» опровергают традиционные представления про мировую литературную классику как основной источник возникновения международных фразеологизмов (в данной функции значительно чаще выступает тривиальное, популярное «чтиво») и английский язык как «поставщика» WSIs или языкового посредника, но подтверждают эти функции за античной мифологией и Священным Писанием.

В ходе нашей работы было обнаружено, что часть WSIs (33 из 150 (22%)) базируется на аспектах нескольких идеографических доменов, то есть идиоматический тезаурус имеет таксонно-кластерную структуру. Из 5 доменов потенциальной сочетаемостью характеризуются 4: домен социальных интеракций, материальной культуры, культурных символов и фиктивные культурные домены. Домен интертекстуальности был выявлен в сочетании лишь с доменом культурных символов, что подтверждает знаковую, символическую функцию литературы - не только всемирно признанной, но и тривиальной.

Значительная часть украинских потенциальных WSIs (*вбивати час; останній із могікан;, зерно істини; щурі втікають з потопаючого корабля; затишшя / тиша перед бурею; сірий кардинал; момент істини*) не зафиксирована (sic!) в используемом нами новейшем украинском фразеологическом словаре под редакцией В.М.Белоноженко (Білоноженко 2003), однако широко употребляется в печатном дискурсе, что подтверждает наш текстовый корпус, и фиксируется как перевод немецких и английских вариантов в соответсвующих двуязычных словарях. Таким образом, состояние лексикографической кодификации фразеологических универсалий в украинском языке противоречит речевой реальности.

1. *Солодухо Е.М.* Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1977. – 160 с.

2. *Dobrovol'skij* D. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. - Leipzig: Enzyklopädie, 1988. – 281 S.

3. Dobrovol'skij D. Phraseological Universals: Theoretical and Applied Aspects // Kefer M., Auwera J. Meaning and Grammar: Cross-linguistic Perspectives. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992. – p.279-301

4. Dobrovol'skij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik: Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. - Tübingen: Narr, 1995. – 275 S.

5. Piirainen E. Europeanism, internationalism or something else? Proposal for a cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms in Europe and beyond // Hermes. Journal of Linguistics. - ¹35. - 2005. – p.45-75

6. Piirainen E. Wide Spread Idioms. Cross-linguistic and Cross-cultural Approaches. // Burger H., Häcki Buhofer A. Phraseology in Motion I. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag. – 2006. – S.155-173.

7. Piirainen E. Phraseology in a European Framework: A Cross-linguistic and

Cross-cultural Research Project on Widespread Idioms / Granger S., Meunier F. Phraseology: an interdisciplinary perspective (Louvain-la-Neuve, 13-15. October 2005). - Amsterdam: Benjamins, 2007.

Лексикографическая литература

8. Англо-український. фразеолічний словник / Уклад. К.Т.Баранцев. – К: Рад. школа, 1969. – 1052 с.

9. *Бинович Л.Э., Гришин Н.Н.* Немецко–русский фразеологический словарь / Под. ред. Магиле-Клаппенбах и К.Агрикола. - Изд. 2-е., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. – 656 с.

10. *Гаврись В.І.* Сталі сполучення слів у сучасній німецькій мові. (Походження та вживання). – К.: Рад. школа, 1971. – 247 с.

11. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д.Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., Рус. яз., 1984. – 944 с.

12. Німецько-український фразеологічний словник у 2-х томах / Уклад. Гаврись В.І., Пророченко О.П. – К.: Рад. школа, 1981. – Т.1 – 416с., Т.2 – 384 с.

13. Словник фразеологізмів української мови / Уклад. В.І.Білоноженко. – К.: Наук. думка, 2003. – 1104с.

14. *Büchmann G.* Geflügelte Worte. – München: Droemersche Verlagsanstalt Th. Knaur Nachf. GmbH&Co. – 1993.- 320 S.

15. Duden «Redewendungen»: Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden, Band 11). - Mannheim: Bilbliographisches Institut und F.A.Brockhaus AG, 2002. – 955 S.

16. Duden «Zitate und Aussprüche»: Herkunft und aktueller Gebrauch (Duden, Band 12) / Bearb. von Werner Scholze-Stubenrecht, unter Mitarbeit von Maria Dose. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. – 832 S.

17. *Görner H.* Redensarten: Kleine Idiomatik der deutschen Sprache. – VEB Bibliograph. Institut Leipzig, 1979. – 262 S.

18. Longman Dictionary of Contemporary English / Director, Della Summers. – Longman, 2005. – 1951 p.

19. *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. – Freiburg, Basel, Wien: Herder-Spektrum Verlag, 1994. – 1910 S.

20. *Schaufelbüel A.* Treffende Redensarten, viersprachig: 2000 Redewendungen und 500 Stichwörter nach deutschen Stichwörtern alphabetisch geordnet. – 1. Aufl. - Thun: Ott, 1986. – 302 S.

Источники иллюстративного материала

21. www.europhras.org
22. www.newsweek.com
23. www.piirainen.homepage.t-online.de
24. www.stern.de
25. www.zerkalo-nedeli.com

А. С. Полищук (Ривне, Украина)

КОНЦЕПТ *«УМ»* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Хотя все народы мира образовывают единое человечество, разница между культурами, народами, племенами бывает очень существенной. История народов, особенности их развития, территория проживания, климат, религиозные верования, обычаи, особенности быта отмечаются определенным разнообразием. Конечно, все эти факторы не могли не повлиять на язык. Недаром Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык народа — это его дух, и дух народа — это его язык».

Будучи сложным образованием, язык входит во все сферы бытия. Он является важнейшим средством общения, важнейшим способом членения и преобразования мира и сокровищницей коллективного опыта культуры. Говоря о культурологическом изучении языка, лингвисты имеют в виду анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной специфики.

Для понимания особенностей мировоззрения определенной национальной культуры каждый исследователь непременно рассматривает понятие языковой картины мира и ее основной составной элемент — концепт. Вообще, в исследовании языковой картины мира наиболее продуктивным считается подход, основанный на изучении специфических для данного языка концептов. Именно поэтому последние исследования характеризируются повышенным вниманием ученых к изучению и моделированию лингвокультурных концептов (С. Г Воркачев, В. Н. Телия, А. Вежбицкая, В. И. Карасик, В. А. Маслова). В данной статье нами сделанная попытка проанализировать лингвокультурный концепт УМ в английской языковой картине мира. В свете глобализации и прогрессирующего межкультурного диалога данную проблему считаем актуальной. Наверное, невозможно найти такую сферу человеческой деятельности, где не встречается характеристика и оценка умственных способностей человека. Поскольку концепт УМ представляет собой сложную смесь квалитативных, интенциональных, моральных, когнитивных и эмотивных аспектов человеческого существования, он все время сопровождает человека во всех сферах коммуникации и реализируется в ней.

Целью данной статьи — выявление и описание лингвокультурного концепта УМ в английском языке, его национальной своеобразности и места в английской языковой картине мира.

Объектом исследования является лингвокультурный концепт УМ, вербализированный с помощью фразеологических единиц и метафор английского языка.

Предметом статьи являются фразеологические единицы, метафоры и сравнения, вербализирующие концепт УМ в английской языковой картине мира.

Прежде чем начать анализ концепта, необходимо четко очертить терминологическое поле. Среди исследователей ведутся споры относительно того, что такое концепт и каковы его отличие от понятия. Существует несколько подходов, согласно которым в число концептов зачисляются: 1) лексемы, значения которых представляют содержание национального языкового сознания, 2) семантические образования, обозначенные лингвокультурной спецификой, и которые так или иначе характеризуют носителей определенной культуры, 3) лишь семантические образования, количество которых ограниченное и которые являются ключевыми для понимания менталитета [4 , 48].

Понимание концептов в современной лингвистике довольно вариативное. Отсутствие единого, общепризнанного определения концепта указывает на незавершенность гносеологического становления этой категории, что подтверждается наличием его прототерминологических аналогов - «лингвокультуремы», «мифологемы», «логоэпистэмы» (Воробьев, Базилев, Верещагин, Костомаров, Бурвикова).

Н. Д. Арутюнова трактует концепты как понятие практической (повседневной) философии, которые возникают в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, чувства и системы ценностей [3].

Н. Ф. Алефиренко понимает под концептом целостное смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера, что является источником семантической структуры языкового знака, который формируется в процессе языковой объективации концепта [1].

Новый метод изучения лингвоконцептов развиваемый В.И. Карасиком в рамках лингвокультурного подхода, представляет собой исследование этого явления с точки зрения ценностного компонента. Он предлагает считать концепты первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, которые имеют содержание, и которые транслируются в разные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельного (повседневная жизнь) освоения мира [7]. Исследователь делает ударение на ценностном элементе лингвокультурного концепта, который и отличает его от других ментальных единиц (фрейм, сценарий, скрипт, понятие, стереотип и, в конце концов, когнитивный концепт). Более того, по мнению В. И. Карасика, центром лингвокультурного концепта всегда есть ценность, так как он служит исследованию культуры, в основе которой лежит именно ценностный принцип [6].

Анатолий Загнитко проводит четкую границу между пониманием концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В когнитивистике под концептом понимают оперативную единицу памяти, ментального лексикона и когнитивной картины мира в психике человека. Такое определение включает в себя отслеживание направлений обработки информации от сенсорных сигналов к ментальным очертаниям, образам, фреймам, сценариям и т. д. Что же касается лингвокультурных исследований, то в них концепты рассматриваются как специфические образования, которые адекватно характеризуют определенную культуру и ее специфику [5].

С. Г. Воркачев под концептом понимает «единицу коллективного знания и сознания, (которая направлена к высшим духовным ценностям), имеет языковое выражение и отмеченная этнокультурною спецификой» [4 , 47].

Мы соглашаемся с О. П. Левченко, которая утверждает, что такое определение является неприемлемым, поскольку оно ограничивает концептосферу «высшими духовными ценностями» и суживает культурную специфику до этнической и наличие специфики использовано как критерий зачисления ментальных единиц к концептам [9, 18]. В данной статье под лингвокультурным концептом мы предлагаем рассматривать такое лингвоментальное образование, которое имеет широкий спектр вербализации, составляет значительную часть языковой и концептуальной картин мира, часто экспрессивно окрашенное и определенным образом характеризирующее носителей языка и культуры.

С помощью метода сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей метафор и идиом, а также выписок из художественных текстов и фильмов был составлен корпус из 148 фразеологизмов, метафор, сравнений с определенными вариациями, которые формируют поле концепта УМ в английском языке.

Концептуализация в наивной картине мира значительно отличается от концептуализации в кодифицированном языке, который представлен в толковых словарях. Концепт УМ состоит из выражений, которые включаются в семантическое поле концепта благодаря своему символическому значению, а также более простые субконцепты, которые группируются вокруг ядра основного концепта.

Анализ значений фразеологических единиц, метафор и сравнений показал, что концепт *INTELLIGENCE* в английском языке представлен признаками: 1) род занятий, 2) гиперпризнак «умный, очень умный» 3) образованность, осведомленность, умственная развитость, 4) понятливость, сообразительность, находчивость, ловкость, 5) опытность, 6) умный (пренебрежение), 7) одаренность, 8) ясный ум, 9) здравый смысл, 10) благоразумие, способность к критическому анализу, 11) мудрость.

Согласно количественным показателям ядро концепта УМ составляют единицы с признаками:

1. «умный, очень умный» (*a brain box* - очень умный человек, *pointy-head* — интеллектуал, *sacred fire* — гений, *a bright chap*/*girl* — очень умный, толковый, способный человек, *person with a* (*good*) *head on his shoulders* — очень умный, толковый, способный, *as sly as a fox* - умный и т.д.) — 24 единицы.

2. образованность, осведомленность (*AWARENESS*) (*to be a full bottle of something* — быть очень хорошо осведомленным, *to be well-found in* — иметь солидные знания о чем-то, *to be well up* — хорошо знать что-то, хорошо разбираться в чем-то, *to have* (*something*) *at one's finger ends* (*finger-tips*) — знать что-то как свои пять пальцев и т.п.) — 20 единиц.

3. понятливость, сообразительность, находчивость, ловкость (*RESOURCEFULNESS*) (*be as bright as a button* — быть умным, уметь быстро думать, *be gleg at the uptake* — быть смекалистым, *sharp as a needle* — чрезвычайно смышленый человек, *as sharp as a razor* — очень смышленый, *a Philadelphia lawyer* — человек с острым умом, *as keen as a razor-edge* — проникновенный, сообразительный) — 26 единиц.

4. опытность (*EXPERIENCE*) (*wise* (*knowing*) *old bird* — тертый калач, *an old hand* —опытный, ловкий в чем-то человек, который хорошо знает свое дело, имеет опыт ? стреляный воробей, *an old head on young shoulders* — старая голова на молодых плечах, опытный человек, *to be versed in something* — быть опытным, разбираться в чем-то) - 22 единицы.

На периферии концептуального поля УМ находятся номинативные единицы со значениями:

1. одаренность (*ENDOWMENTS*) (*a child prodigy* — очень одаренный ребенок, вундеркинд; *infant phenomenon* — ребенок-феномен, вундеркинд; *woman of genius* — гениальная женщина; *wonder boy* — вундеркинд) — 10 единиц.

2. здравый смысл (*JUDICIOUSNESS*) (*common sense* — здравый смысл; *have your head screwed on* (*the right way*) — иметь здоровый смысл; *in one's right mind* — здоровый, при своем уме, здравомыслящий; *in one's sober senses* — спокойный, бесстрашный, здравомыслящий; *level-headed* — здравомыслящий) — 10 единиц.

3. благоразумие, способность к критическому анализу (*REASONABLENESS*) (*a man of sense* — умный, здравомыслящий человек) — 12 единиц.

4. мудрость (*WISDOM*) (*a man of wisdom* — мудрый человек, мудрец; *as wise as an owl* — очень мудрый; *as wise as a serpent* — очень мудрый; *as wise as Solomon* — мудрый как Соломон, очень мудрый; *a wise man* — мудрец; диал. маг, волшебник, чародей) — 15 единиц.

5. ясный ум (*CLARITY*) (*a clear head* — светлая голова) — 1 единица.

Кроме того, среди номинативных единиц обозначающих ум обнаружено не-

сколько единиц, которые употребляются в пренебрежительном контексте или с иронией: *bright spark* — умный человек ? умник (часто используется с иронией по отношению к человеку, который сделал что-то, что вы считаете глупым), *too clever* (*good*, *keen*) *by half* — ирон. очень умный (или красивый), такой уж умный, ну и мудрый же — 2 единицы. Еще одним типом выражений со значением «умный» являются фразеологические обороты с признаком «род занятий»: *the admirable Crichton* — ученый (за именем выдающегося шотландского ученого 16 ст.), *a man of letters* — ученый, *a man of science* (*learning*) — ученый, человек науки, *some scholar* — выдающийся ученый — 4 единицы.

Таким образом, когда англичане говорят об умном человеке, они, прежде всего, имеют в виду сообразительного человека, человека способного быстро думать, видеть суть и содержание вещей, человека, который руководствуется здоровым толком и опытом. Но, в тот же время, человек может быть лукавым и хитрым, пряча под маской добропорядочности свои коварные замыслы.

Специфика интеллектуальной оценки в английской этнокультуре отображается в результатах умственной деятельности. Для англичан ценным является признаки ПОНЯТЛИВОСТЬ, СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, НАХОДЧИВОСТЬ, ЛОВКОСТЬ, что подтверждается языковым материалом. Всем известны хладнокровие и рассудительность англичан. Их благоразумие граничит с практичностью и неэмоциональностью. Анализ фразеологических единиц показал, что национально-специфическими особенностями английской языковой картины мира есть соотношения ума с такими субконцептами как ТАЛАНТ, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, ОПЫТ, СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ.

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.
2. Англо-український фразеологічний словник : близько 30000 фразеологічних виразів / уклад. К. Т. Баранцев. – 2-е вид., випр. – К. : Знання, 2005. – 1056 с.
3. *Арутюнова Н. Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. С. 3– 6.
4. *Воркачев С. Г.* Концепт Счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия Академии наук. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.
5. *Загнітко А.* Сучасні класифікації концептів: теоретичний і прикладний аспекти / А. Загнітко // Актуальні проблеми сучасної філології : мовознавчі студії. – Рівне : РДГУ, 2010. – Вип. XVIII. – С. 60.
6. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3-16.
7. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
9. *Левченко О. П.* Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект : монографія / О. П. Левченко. – Л. : ЛРІДН НАДУ, 2005. – 325 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева.— 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. : ил.
11. Cambridge International Dictionary of Idioms – Cambridge University Press, 1998. – 604 p.
12. Metaphorically Speaking. A Dictionary of 3,800 Picturesque Idiomatic Expressions / N. E. Renton. – Warners Books, 1992. – 546 p.
13. Metaphors Dictionary. 6,500 Comparative Phrases including 800 Shakespearean

Metaphors / Elyse Sommer with Dorrie Weiss. – Detroit, 2001. – 613 p.
14. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. Essential Idioms Arranged According to Topics / Richard Spears, Ph. D., NTC Publishing Group, 1998. – 433 p.
15. Oxford Dictionary of Idioms. Second edition – Oxford University Press, 2004. – 352 p.

к.ф.н., доцент Н.Н. Прокопьева (Нижний Новгород)

КОНЦЕПТЫ *«МОЛОДОСТЬ»* И *«СТАРОСТЬ»* ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМАХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

К центральным постулатам современных лингвистических исследований, выполняемых на материале различных языков, относится тезис о необходимости определения роли человека как активного субъекта в процессах познания, а также изучения функции языка как когнитивного механизма. Этим обусловлен возросший в последние десятилетия интерес к когнитивной лингвистике, одним из основных понятий которой является понятие языковой картины мира, которую мы вслед за Ю.Ю. Литвиненко определяем как «национально-специфичную схему (модель) восприятия и отображения действительности, репрезентируемую всей системой и подсистемами языка и речи» (Литвиненко 2006:3). Одним из наиболее значимых понятий, входящих в языковую картину мира любого лингвокультурного сообщества, важной составляющей образа человека в картине мира является концепт «возраст». Его роль обусловлена, с одной стороны, объективным характером содержания, поскольку возраст как параметр характеристики человека имеет важнейшее значение в биологическом, психологическом, бытовом, социальном и прочих аспектах человеческого бытия. Однако возраст – это не просто точное количество прожитых человеком лет. П.А. Щербо отмечает, что слово «возраст» имеет в своей семантической структуре два основных компонента: 1) время, прожитое от момента рождения; 2) определенный период жизни (Щербо 2008:15). Именно второй лексико-семантический вариант данной лексемы вызывает особый интерес в том плане, что он составляет понятийное ядро концепта «возраст», актуальный слой которого формируется различными представлениями, ассоциациями, стереотипными установками, отражающими особенности различных возрастных периодов, что позволяет говорить о многосторонности и многослойности этого концепта. Ю.Ю. Литвиненко подчеркивает, что «концепт *возраст* отражает устойчивые, стереотипизированные представления об одном из значимых в жизни человека параметров, которые реализуются в языке и речи в виде традиционных образов, сравнений, суждений о признаках, поведении человека в том или ином возрасте» (Литвиненко 2006:8). Очевидно, что одним из путей исследования когнитивного содержания концепта «возраст» в той или иной языковой картине мира является изучение фразеологических и паремических единиц соответствующего языка, которые могут стать ключом к выявлению наиболее существенных когнитивных признаков этого концепта. А сравнительный ана-

лиз фразеологизмов и паремий различных языков позволит сделать некоторые выводы как об общих, универсальных представлениях, связанных с понятием «возраст» в той или иной национальной культуре, так и о специфических компонентах этого концепта в ментальном словаре носителей различных лингвокультур.

В данной статье хотелось бы обобщить некоторые наблюдения за фразеологическими единицами и паремиями немецкого и русского языков, репрезентирующими те или иные компоненты концептов «молодость» и «старость». Обращение именно к этим понятиям обусловлено особой важностью соответствующих возрастных периодов в жизни человека. Очевидно, что в каждой науке, оперирующей термином «возраст», существует своя периодизация, зачастую не совсем совпадающая, имеющая разные временные границы. Однако в обыденном языковом сознании в рамках представлений о возрасте достаточно четко выделяются (и, как правило, противопоставляются) именно эти два жизненных этапа: молодость и старость. На это указывают и лингвисты, занимающиеся проблемой вербализации концепта «возраст» в различных языках. Так, Н.В. Крючкова, исследовавшая концепт «молодость» в политическом дискурсе на материале русского языка, относит к основным концептам возраста *детство*, *отрочество*, *молодость*, *зрелость* и *старость*, называя *молодость* и *старость* базовыми концептами в картине мира многих лингвокультурных сообществ (Крючкова 2006:86). Об антиномичной сущности представлений о возрасте (молодой/старый) говорит и П.А. Щербо (Щербо 2008:8). Наши наблюдения подтверждают этот факт, поскольку из всех устойчивых словесных комплексов (далее УСК), к которым мы относим как фразеологизмы, так и паремии, так или иначе связанных с выражением идеи возраста, возрастных характеристик человека, а также особенностей возрастных периодов человеческой жизни, абсолютное большинство репрезентирует именно концепты «молодость» и «старость». В корпус исследуемых единиц были включены УСК, отвечающие хотя бы одному из двух критериев:

1) в их плане выражения присутствуют компоненты, называющие данные возрастные периоды либо выражающие соответствующие возрастные характеристики (имена существительные *Jugend*, *Alter*, *молодость*, *старость*, а также имена прилагательные *alt*, *jung*, *старый*, *молодой*). Кроме того, мы посчитали возможным включить в корпус исследуемых языковых единиц такие УСК, в состав которых входят лексемы, называющие лиц – представителей основных возрастных категорий (*Greis*, *Großvater*, *Großmutter*, *бабушка*, *дед*);

2) своим планом содержания они акцентируют определенные концептуальные признаки, отражающие характерные для немецкой и русской лингвокультур представления о молодости и старости.

Полученные таким образом УСК были разделены на две группы – в зависимости от понятийного ядра их актуального значения. Первую, довольно малочисленную группу составили такие фразеологические единицы, которые условно можно назвать фразеологизмами с преимущественно номинативной функцией. Их актуальное значение заключается в определении человека как молодого/старого либо в номинации названных возрастных периодов. Однако УСК этой группы не сообщают никакой дополнительной ин-

формации о тех особых характеристиках, которые входят в актуальный слой концептов «молодость» и «старость» в качестве их конститутивных признаков. К таким УСК относятся, например, немецкие фразеологизмы alt wie Methusalem, ein junges Blut, biblisches Alter, а также русские фразеологизмы «бальзаковский возраст», «в годах», «не первой молодости». Сюда же можно отнести такие УСК, которые подчеркивают динамический аспект возрастного параметра, т.е. обозначают момент перехода в другую возрастную категорию либо факт уже состоявшегося перехода (взросление, старение): über seine erste Jugend hinaus sein, ins alte Register kommen; «вступать в возраст/в года/в лета». Очевидно, что несмотря на структурное и морфолого-функциональное разнообразие названных УСК, они реализуют на уровне глубинной структуры значение «быть молодым», «быть/стать взрослым/старым», т.е. констатируется принадлежность человека, в отношении которого они могут быть использованы, к определенной возрастной группе. К ним примыкают такие УСК, которые обладают яркой образностью, однако также не актуализируют никаких дополнительных элементов в содержании концептов «молодость» и «старость». Сюда мы относим фразеологизмы, пословицы и поговорки, не имеющие в плане выражения вышеназванных компонентов, соотносимых с данными понятиями, но также указывающие на принадлежность человека к определенной возрастной группе: bei jemandem rieselt der Kalk (aus der Hose), er ist noch nicht trocken hinter den Ohren, er hat noch die Eierschalen hinter den Ohren; «у него еще молоко на губах не обсохло», «ты еще пешком под стол ходил», «из него песок сыплется». При сравнении немецких и русских фразеологизмов и паремий с аналогичной семантикой, входящих в эту группу, вряд ли можно сделать далеко идущие выводы о системных особенностях номинации фразеологическими средствами молодости и старости, позволяющих судить об общем и различном в восприятии этого фрагмента действительности носителями немецкого и русского языков. Мы можем говорить лишь о сходстве механизма номинации: при ее осуществлении в качестве мотивирующего признака выбираются некоторые внешние характеристики, а также констатировать как сходство образной составляющей соответствующих УСК, так и различия. Примечательно, например, что в немецкой фразеологии сразу в двух поговорках описание совсем юного возраста осуществляется через образ птенца, в то время как в основе значения эквивалентной русской поговорки лежит образ младенца, сосущего молоко.

Значительно бóльшую в количественном отношении группу фразеологизмов и паремий, объективирующих концепты «молодость» и «старость», составляют такие УСК, которые своим содержанием непосредственно актуализируют их различные концептуальные признаки. Эти УСК заслуживают более подробного анализа, который, к сожалению, невозможно провести в рамках данной статьи, поэтому хотелось бы остановиться лишь на нескольких моментах, отмечаемых большинством лингвистов, занимавшихся изучением этих концептов в различных языках. Многие исследователи говорят, например, о большой оценочной силе этих концептов. В частности, Ю.Ю. Литвиненко видит своеобразие концепта «возраст» в его «богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умствен-

ных качеств человека» (Литвиненко 2006:8). Причем эти качества как молодого, так и старого человека могут оцениваться и положительно, и отрицательно. Так, отрицательными свойствами молодости в пословицах и поговорках предстают такие качества как ветреность, легкомыслие, неопытность: Jugend hat keine Tugend; «Молодо – зелено (погулять велено)». Но положительно оцениваются смелость, решительность, способность к обучению: Junges Blut hat Mut; Was man jung lernt, das bleibt. Молодость не исключает и особых интеллектуальных способностей: Jugend schadet der Weisheit nicht; «умен не по годам», «из молодых да ранний». Старший возраст тоже имеет свои достоинства и недостатки. К первым относятся прежде всего мудрость, большой жизненный опыт, накопленные знания и умения, стойкость перед жизненными трудностями: Die Klugheit ist die Tapferkeit der Alten; Alt an Jahren hat viel erfahren; Alte Bäume sind bös biegen; «Старый конь борозды не портит», «Старого воробья на мякине не проведешь». Впрочем, и в немецкой, и в русской фразеологии отмечается, что преклонный возраст не всегда свидетельствует о мудрости человека: Viele Greise und wenig Weise; Alter schützt vor Torheit nicht; «И на старуху бывает проруха»; «Век прожил, а ума не нажил». Однако гораздо чаще в УСК, объективирующих концепт «старость», отрицательную оценку получает физическая слабость, немощность человека: Alte Hunde haben stumpfe Zähne; Ein alter Mann ist doch kein D-Zug.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в целом вербализуемые средствами немецкой и русской фразеологии концепты «молодость» и «старость» обнаруживают много общего: одни и те же свойства получают, как правило, одинаковые оценки. Различия в представлении этих концептов фразеологическими и паремическими единицами немецкого и русского языков заключаются в следующем:

1) Образной основой данных УСК в немецком языке гораздо чаще, чем в русском, являются сравнения с миром животных и растений: Je älter der Vogel, je fester sitzen die Federn; Mit alten Hunden ist die sicherste Jagd; Junge Katzen spielen gern.

2) Среди русских УСК зафиксированы такие фразеологизмы и паремии, которые подчеркивают цикличность жизненного пути человека – в старости человек приближается к состоянию детства: «впадать в детство», «Старый, что малый». В немецкой фразеологии таких примеров не обнаружено.

3) В корпусе немецких УСК выявлено значительное количество паремических единиц, каждая из которых одновременно содержит лексемы, обозначающие оба понятия. Такие пословицы и поговорки либо противопоставляют молодость и старость по некоторым концептуальным признакам: Die Alten zum Rat, die Jungen zur Tat; Wer in der Jugend nicht töricht war, wird im Alter nicht weise sein; либо подчеркивают преемственность поколений: Wer im Alter ernten will, muss in der Jugend säen; Junge Säufer, alte Bettler.

В завершение хотелось бы отметить, что вышесказанное отнюдь не дает исчерпывающих сведений об особенностях концептов «молодость» и «старость», предстающих в образах, рисуемых фразеологическими и паремическими средствами немецкого и русского языков. Как утверждает народная мудрость, Man lernt, solange man lebt: «Век живи, век учись». Нам представляется, что затронутая в этой статье тема заслуживает дальнейшего, более глубокого изучения.

1. *Крючкова Н.В.* Концепт «молодость» в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23 – 25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.

2. *Литвиненко Ю.Ю.* Концепт *возраст* в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: Автореф. … дисс. канд. филол. наук. Омск, 2006.

3. *Щербо П.А.* Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики): Автореф. … дисс. канд. филол. наук. Москва, 2008.

к.ф.н., доцент Л.М. Рязановский (Санкт-Петербург)

КОНЦЕПТ *«LUEGE» - «ЛОЖЬ»* В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ

При исследовании многих фразеосемантических полей (время, пространство, невозможность и др.) неизбежно сталкиваешься с понятиями перевёрнутого мира, различными «формулами невозможного». Эти сферы неразрывно связаны с понятием лжи, породившей многочисленные устные фольклорные, а затем и письменные жанры – так называемые “Luegenschnurren”, “Luegengeschichten”, “Luegenmaerchen”, Luegenlieder”, то есть лживые истории, лживые сказки, лживые песни, короче – небылицы. Эти жанры содержат огромное количество языковых оборотов, выражающих невозможное.

В данной статье мы остановимся лишь на устойчивых сочетаниях, сформировавшихся вокруг слова и понятия «Luege»-«ложь». В отличие от средств, которыми пользуются указанные фольклорные жанры для создания самой лжи, например, выворачивание мира «наизнанку, во фразеологизмах и пословицах вокруг понятия лжи использованы более простые приёмы, такие, как образные сравнения, перенос значения, а также преувеличение и гротеск, которые в общем «можно назвать немецким словом “aufschneiden”» (хвастаться, врать с преувеличением) (M-F, 27). Прямое значение этого глагола – разрезать, нарезать. Перенос значения произошёл в выражении *mit dem grossen Messer aufschneiden* букв резать большим/длинным ножом , «рассказывать небылицы». Нарезание хлеба предваряло каждое застолье, затем было подавание на стол, ср. глагол auftischen: 1.подавать на стол; 2. рассказывать (сказки, небылицы). Величина ножа имела значение, т.к. им отрезали *starke Stuecke* букв. сильные (большие) куски, то есть сильные (в смысле невероятности и преувеличения) истории. Поэтому в средние века было выражение *snidende Luege* букв. резаная ложь Самостоятельно глагол aufschneiden в указанном значении употребляется с 17 века (Roe.,74). До нашего времени в некоторых немецких пивных сохранилась традиция вывешивания на потолке большого ножа, иногда вместе с колоколом, в который может позвонить каждый, кто захочет рассказать очередную байку. Здесь

имеется в виду ложь как искусство.

Сами же речевые обороты могут быть в форме устойчивых сравнений при глаголах – в немецком языке *luegen*, в русском – *лгать* и *врать* . При этом некоторые образы сравнений совпадают в обоих языках полностью или частично. Ср.: нем. *Luegen wie gedruckt; wie die Zeitung* (Dorn., 381) – *русск-.он лжёт по-печатному; он врёт по- печатному; врёт, как газета* (Даль,1, 259). Нем.: *er luegt wie geschmiert* букв. он лжёт как по-смазанному (Roe., 14). Русск.: *лжёт как на чуночках (салазках) под гору катится (Даль,2,24)* Чисто русским сравнением является *врать, как сивый мерин,* чисто немецким – *luegen wie ein Buerstenbiner,* где глагол *luegen* стоит в одном ряду с глаголами *trinken, laufen, fressen,rauchen* (пить, бежать, жрать, курить). (Roe., 186). Немецкие сравнения *Luegen wie Muenchhausen, wie ein Luegenmeister* букв. лгать как Мюнхгаузен, как мастер лжи) компенсируются в русском языке крылатыми словами *барон Мюнхгаузен* и *Вральман* (учитель Митрофанушки у Фонвизина) (БМШ) . К русским сравнениям относятся также : *врёт, как редьку стружит; ...что помелом метёт; что блины печёт; солгать,что* облупленное *яичко съесть... (ПНР,285).*

Помимо описанной модели сравнения с союзом *как(*син. *что)*, нем.*wie*, в ФЕ наблюдается структура, где к глаголу примыкает придаточное предложение с союзом *что*. Ср. русск.: *так врёт, что уши вянут;... что в глазах зеленеет; что со стороны слушать тошно;... что вынеси святых и сам уходи; так соврёт, что не перелезешь (ПНР 285).* Общей мотивировкой придаточных предложений в этой модели является реакция на ложь слушателя (удивление, шок и т.п.). При этом в них используются фразеологизмы, что повышает экспрессивность (ср.: уши вянут; хоть святых выноси!). Ср. также цитату из басни И.А.Крылова «Мешок»:

Все слушают разинув рот,/ а он такую *дичь несёт,/ что уши вянут*.

Немецкие придаточные в этой модели имеют другие образные мотивировки. Ср.: *luegen, dass sich die Balken biegen* букв. врать так, что брёвна (балки) гнутся, «лгать самым бессовестным образом».(BWS,317)- Здесь мы видим воздействие лжи как большой тяжести. Ср у Т.Мурнера (15в): luegen,dass die Balken krachen « врать так, что балки трещат»; у И.Фишарта(16 в.): luegen, dass die Himmel krachen «лгать так, что небо трещит»; da luegt der Schneidergeselle_ dass die Werkstatt kracht «портняжка врёт так, что мастерская трещит; у М.Лютера: Do Egg und Gsell Taber log, dass sich der Berg Rinyfal bog «Эгг и его слуга Табер врали так, что прогибалась гора Ринцфаль».(Roe.,611). Ср. русск.: лжёт, инно сани трещат. (Даль,2,241)

Этот образ сохраняется в другой модели «наврать + количество». Ср.:

Einem die Hucke voll luegen букв. наврать полный короб на спине (Roe,611)

Jmdm die Jake voll luegen букв. наврать полную куртку. Явный груз мы видим в выражении *Er log ihr den ganzen Lastwagen voll* букв.: он наврал ей полную ломовую телегу (Roe.,611). Ср. русск.: *наврать с три короба* .

В русском языке активна модель со вторым глаголом, стоящим с отрицанием: *врёт, не кашляет; врёт, не поперхнётся; лжёт, не краснеет; врёт и не поплёвывает.* (Даль,1,259).

В ряде немецких оборотов мотив тяжести, заложенный в глаголе luegen усиливается другим «лживым» компонентом. Так в ФЕ *das Blaue vom Himmel*

herunterluegen букв. стянуть ложью всю голубизну с неба, есть ещё и компонент blau (голубой, синий). Это в немецком языке цвет обмана, притворства и лжи. Данный факт отражён, например, в довольно частом сюжете в живописи, когда старый муж получает голубой плащ от молодой жены. Другие выражения с компонентом blau: эльзасск. *Ennen bloenn is nit z troenne букв.* синему нельзя доверять; *einen blau anlaufen lassen* букв. врать кому-л до его посинения; то же : *einen blau machen* букв. делать кого-то синим (Roe.,136). Возможно употребление и без этого компонента. Ср.: *die Sterne vom Himmel heruntertluegen* букв. стянуть ложью звёзды с неба (Roe.,421).

Помимо глагола luegen в создании немецких ФЕ участвуют его синонимы, хотя здесь нет такой равноценной пары, как *лгать-врать*. Кроме уже упомянутых глаголов auftischen, aufschneiden, назовём глагол spinnen : 1.прясть; 2. выдумывать, плести небылицы. Второе значение образовалось , возможно, из оборота Gedanken spinnen букв. плести мысли (Paul,576). В этом значении компонент может сочетаться с существительными *Betrug, Luegen, Mord, Raenke, Verrat* (обман, ложь, убийство, интриги, предательство), например, *jem. spinnt Betrug* букв. кто-то плетёт (замышляет) обман.

Sein Garn spinnen букв. плести свою нить обозначает «рассказывать небылицы». Вариант *Seemannsgarn spinnen* букв. плести матросскую нить происходит из языка моряков, которые, сплетая из старых канатов новый рассказывают о своих приключениях (Roe.,679).

С ткаческим делом связано и выражение *nach Strich und Faden luegen* букв. лгать по ворсу (по черте) и по нити «врать капитально». Ткань проверялась мастером по качеству кройки и материала, то есть очень тщательно. Такое же значение «основательно» заложено и в обороте *nach Noten luegen* букв. лгать по нотам, к которому мы видим два словарных толкования : 1. из музыки - по нотам, сначала в значении «как полагается», затем – «очень», «интенсивно».

2. Поскольку на месте luegen могут быть другие глаголы : nach Noten essen, trinken, pruegeln, seine Meinung sagen (есть_ пить, побить, высказать своё мнение), то возможно происхождение из двн. Mit noti_ bi noti «сильно, резко» ; свн. genote «усердно», «в очень сильной степени». (Roe., 687).

В русском языке похожий образ мы находим в поговорке *ему чёрт лыки дерёт, и он лапти плетёт* (т.е. врёт) (Даль,1,285).

Одним из самых ярких образов в немецкой фразеологии назвал словарь Крюгер-Лоренцена образную мотивировку поговорки *Luegen haben kurye Beine букв. у лжи короткие ноги* : «Насколько образнее и заметнее это выражение, чем оборот с тем же значением: *wer einmal luegt, dem glaubt man nicht* «кто однажды солжёт, тому больше не поверят»! То, что ложь приобретает ноги, а именно, короткие ноги, на которых далеко не прыгнешь, показывает безграничную фантазию нашего языка. Изречение представляет комичное тело, причём на коротеньких ножках – так оно и запечатлится в нашем мозгу.» (K-L, 615).

В русском языке есть два оборота: *у лжи короткие ноги* и *ложь на коротких ногах.* При этом существует два мнения об их происхождении: 1) Источник не установлен. Возможно, возникло не без влияния высказывания Демосфена: «Ложь не может долго держаться; у неё только один миг для

обмана» (БМШ,51); 2) калька с немецкого (БМС, 398). Калька не исключается, возможно позднее заимствование, однако в словарях Даля и Михельсона есть похожее выражение , образ которого даже ярче немецкого:

Ложь на тараканьих ножках (того и гляди подломятся) (Даль,2,241); ...(как раз подломятся – обнаружится) (Мих,1,514). Похожие пословицы есть в испанском и итальянском языках. Ср. исп. *Ложь без ног* (не удержится); *лгуна легче догнать, чем хромого* (Мих,1514). Или название комедии Эдуардо де Филиппо «Ложь на длинных ногах».

Идея короткого века лжи отражается во многих пословицах и поговорках: *русск. ложь не живуща (Мих,1,514);какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдёт* (GHY?2?276)/ Нем.: Wo die Luege gefruestuekt hat_ da kann sienicht zu Mittag essen «там,где ложь позавтракала, она не может обедать»(SL,377).

Ложь относят к сфере дьявола: нем. *Luegen sind die Teufels Wahrheiten* букв. ложь – истина дьявола. Русск.: *Сказал бы богу правду, да чёрта боюсь* (ПНР,2,276)/ Отрицательная коннотация усиливается, когда понятие «ложь» переходит в понятие «обман»: нем.: *wer luegt, betruegt* букв. кто лжёт. обманывает; *der Vater luegt, der Sohn betruegt* букв- отец лжёт, сын обманывает (SL,378). Русск*.: врун, так и обманщик; обманщик, так и плут; плут, так и мошенник; мошенник, так и вор* (ПНР, 285).

Последнее выражение, где перечислены некоторые человеческие пороки, показывает, понятие «ложь» имеет обширные связи в языковых сферах. В нашем случае рассматриваемая фразеосемантическая группа перекрещивается с многими фразеогруппами, семантика которых носит пейоративный характер.

Однако на общем негативном поле просматриваются устойчивые сочетания со знаком плюс. Ср. русск: *Умная ложь лучше глупой правды; сладкая ложь лучше горькой правды* (ПНР, 1,286). Нем.: *Besser eine Luege, die heilt, als eine Wahrhet, die verwundet* букв. лучше правда, которая лечит, чем правда, которая ранит. *Eine ehrliche Luege schadet nicht* букв. честная ложь не вредит.(SL,377). Русский оборот *ложь во спасение* образовался из неправильно понятого библейского текста (БМС. 398). Именно эту ложь имеют в виду Пушкин и Гёте в следующих строчках:

Тьмы низких истин мне дороже

Нас возвышающий обман. (А.С.Пушкин, «Герой»).

Mit ihm zu irren ist dir Gewinn «заблуждаться вместе с ним для меня награда» (J.W.Goethe)(цит. по Мих,2,398).

Ложь бывает разная, и приведённый материал вслед за упомянутыми фольклорными жанрами подтверждает высказывание Ф.М.Достоевского «На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь есть синонимы» (Цит. по Мих..,1,141). О том же говорит афоризм из стихотворения Ф.И.Тютчева Silentium:

Поймёт ли он,чем ты живёшь?/ *Мысль изречённая есть ложь.* Ср. у Й.В.Гёте: *Im Deutschen luegt man,wenn man hoeflich ist* (перевод Б.Пастернака: ведь по- немецки вежлив лишь обман; лжёт речь немецкая, когда она учтива(-Бин., Гр.382). И завершить примеры можно поговоркой *всяк человек ложь (и мы тож* (Мих,1,141).

Таким образом устойчивые сочетания вокруг компонента и понятия «ложь» отличаются разнообразием в структурном отношении и образуют ряд актив-

ных структурно-семантических моделей. Для каждой модели характерны как свои образные мотивировки, так и переход из одной модели в другую. Ряд моделей повторяются в немецком и русском языке, однако со своей спецификой. Фразеосемантическое поле «ложь» неразрывно связано со многими другими полями, и часто является их основой.

Бин.-Гр – *Бинович Л.Э.,Гришин Н.Н.*Немецко-русский фразеологический словарь.М.,1975.

БМС – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.

БМШ – *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т 1 -5. М., 1981.

Мих – *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Т 1-2 . М., 1994**.**

ПНР – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т 1 – 3. СПб., 1996

BWS – Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwoertlichen Redensarten Im deutschen Volksmund. Leipzig, 1955.

K-L – Krueger – Lorenzen. Deutsche Redensarte und was dahintersteckt. Muenchen, 1991.

M-F – Carl Mueller-Fraureuth- Die deutschen Luegengeschichten bis auf Muenchhausen. Hildesheim, 1965.

Paul – H. Paul. Deutsches Woerterbuch. Halle(Saale), 1959**.**

Roe – L. Roerich. Lexikon der sprichwoertlichen Redensarten. Freiburg-Basel-Wien, 1982.

SL – H. Und A- Beyer-Sprichwoerterlexikon. Leipzig, 1987.

к.ф.н., доцент А.А. Ставцева, студ. А.В. Усольцева (Иркутск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Понятие разума, интеллекта, ума является ключевым для когнитивного направления.

Богатая традиция изучения языковых единиц интеллектуальной, ментальной сферы свидетельствует о том, что проявления интеллекта, умственных способностей человека и их языковая репрезентация всегда находились в центре внимания исследователей. Различные аспекты анализа языковых единиц, номинирующих интеллектуальных способности человека, исследовались Е.Ф. Арсентьевой (1989), В.А. Плунгян (1991), Е.В. Рахилиной (1991), Т.В. Бахваловой (1993), М.Л.Ковшовой (1996), М.К. Голованивской (1997), В.И.Убийко (1998) и др.

Ум, разум, интеллект – это способность человека мыслить и регулировать своё отношение к действительности. Интеллект отражает достигнутый

к определённому возрасту уровень познавательного развития личности, который проявляется в сформированности познавательных функций, в степени усвоения умственных умений и знаний и служит для успешного освоения человеком различных видов деятельности, эффективной адаптации в окружающей среде (Ставцева 2003:252).

Интеллектуальные способности человека определяются как готовность к эффективному усвоению различных знаний и умений и представляют собой характеристики индивида, которые отражают, насколько хорошо люди могут обрабатывать информацию различных типов.

Ум, умственные способности человека-это те внутренние качества, по которым оценивается человек: например, «по одежке встречают, по уму провожают»; «you are judge by appearances at first, but by your mind later on»; «bien vestido, bien recibido, pero la mejor pieza es una buena cabeza»). В данных примерах выражена одна мысль: за красивой одеждой, красивой внешностью может иногда скрываться внутренняя пустота.

Целью данной статьи является сравнительный анализ фразеологических средств оценки интеллектуальных способностей человека в испанском и русском языках. Для анализа используются 200 фразеологических единиц русского языка и 150 фразеологических единиц испанского языка, отобранных методом сплошной выборки из лексикографических источников испанского и русского языков.

По мнению М.А. Соколовой, «в разных цивилизациях и в разные эпохи понятия добра и зла, отрицательного и положительного мыслятся неодинаково. Члены одного общества расценивают одно и то же явление индивидуально, хотя существует общепринятая точка зрения, в связи с которой положительная или отрицательная оценка входит в структуру значения ФЕ» (Соколова 1981:39).

В.Н. Телия определяет оценку как «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства» (Телия 1996:109).

Выделяются положительный, отрицательный и нейтральный оценочные компоненты фразеологического значения, в основе которых лежат осуждение, одобрение или отсутствие ярко выраженного одобрения или осуждения как констатация социально устоявшейся оценки какого-либо явления (в данном случае – интеллектуальные способности человека). Приведём следующие примеры:

- положительное оценочное значение: buena cabeza; hombre de ambas sillas;, с царём в голове; видеть на три аршина в землю;
- отрицательное оценочное значение: cabeza cuadrada; alma del cбntaro; ни бе ни ме ни кукареку, медный лоб;
- нейтральное оценочное значение: sustancia gris; llegar a la conclusion; собраться с мыслями; смотреть в корень; в твердом рассудке.

Как известно, ценность шкалируется в диапазоне «безразлично» (в терминологии Е.М. Вольфа - зона нейтрального), «хорошо» (зона положительного) или «плохо» (зона отрицательного).

По каким же критериям происходит оценивание интеллектуальных способностей человека в испанском и русском языках?

При анализе исследуемого материала нами были выделены следующие критерии оценивания, позволяющие характеризовать ту или иную ФЕ как

имеющую положительное, отрицательное либо же нейтральное оценочное значение.

Основным, ведущим критерием является, безусловно, указание на наличие/отсутствие интеллекта и интеллектуальных способностей человека: hombre de ambas sillas (+), владеть даром слова (+), no tener mucho alcance (-), винтика не хватает (-).

Указание на наличие таких признаков как мудрость, проницательность, сообразительность, эрудиция, способность к приобретению и усвоению знаний позволяет нам соответствующие фразеологические единицы к зоне положительного оценочного значения, в то время как отсутствие этих признаков отражает зону отрицательного на оценочной шкале концепта «интеллектуальные способности человека»: persona de gran inteligencia (+), tener mecha (+), calentarse la mollera (+), ser pozo de ciencia (+), кладезь премудрости (+); ума палата (+), tener los sesos en los calcacales (-), ser flaco de memoria (-), haber cando de la Luna (-), мозги набекрень (–), как с луны свалился (-).

В зону отрицательного также попадают ФЕ объединенные общим признаком «глупость» и «ограниченность»: alma de cantaro (-) (балбес), cortos alcances (-) (ограниченный), глуп как пробка (-), пень березовый (-), без царя в голове (-).

Умственная деятельность человека также обычно оценивается с позиции её наличия / отсутствия: la cabeza carbura (funciona como el reloj) (+), котелок варит; es un tonto del haba (del bote) (-); каша в голове.

Немаловажным является качество этой деятельности - следующий критерий оценивания ФЕ отражает скорость и глубину протекания интеллектуальных процессов, быстроту мышления и понимания, глубокий тонкий анализ и синтез различных явлений, легкость усвоение информации и т.д., характеризуются как положительно-оценочные: mas pronto que una escopeta, estar de chispas; ser pozo de ciencia, saber por dynde viene el agua al Molino, хватать на лету. С другой стороны, ФЕ, выражающие заторможенность мыслительной деятельности, плохую реактивность, неспособность к восприятию идей и их анализу, характеризуются как отрицательно-оценочные: ciego de entendimiento, no comprender jota, задним умом крепок, заблудиться в трёх соснах.

Среди исследуемых ФЕ оценку можно рассматривать и с точки эффективности/неэффективности использования умственных способностей и умственной деятельности: недостаточно только обладать умом, хорошими способностями, прекрасной памятью или легко усваивать какую-либо информацию, необходимо уметь всё это оптимально использовать: mas pronto que una escopeta, с открытыми глазами, язык хорошо подвешен, no dar pie con bola, двигаться по замкнутому кругу.

Критерий, отражающий степени проявления признака, можно наблюдать на протяжении всей оценочной шкалы.

Вокруг зоны нейтрального расположены ФЕ, характеризующие как наличие умственных способностей: sustancia gris; с умом; серое вещество, так и их отсутствие: без мозгов. Подобные ФЕ, описывают, например, умственные процессы, но не указывающие на скорость или глубину их протекания, либо же просто постулирующие существование определённых составляющих интеллектуальных способностей человека: conserver el la memoria, dar vueltas en la cabeza, приходить на ум, вертится в голове.

Зону положительного наполняют ФЕ, обозначающие такие признаки, как наблюдательность, мудрость, проницательность, сообразительность, остроумие, ум, например: ser pozo de ciencia; biblioteca andando; ходячая энциклопедия, остёр на язык и т.д.

Соответственно, в зоне отрицательного находятся ФЕ, выражающие такие признаки, как глупость, ограниченность, тупость, например: tonto de capirote; cabeza de tarro; дубина стоеросовая, мякинная голова, мозги набекрень, мешок с соломой.

Данный критерий представлен большим количеством компаративных ФЕ: как баран на новые ворота, разбираться в чём-либо как свинья в апельсинах, como el burro, hecho un ganso.

Далее по обе стороны шкалы расположены ФЕ, в значении которых присутствуют семы “superior”, “mas”, “mucho”, “больше” “очень”, “сильно”, “много”: ser superior a alguien, de muchas entendederas, saber mбs que Lepe, ясная голова (очень), набитый дурак (очень), на голову выше (намного) и т.д.

Крайние позиции на шкале занимают ФЕ, характеризующие наивысшую степень проявления признака. Положительную оценку имеют ФЕ, выражающие талантливость, одарённость, креативность как высший уровень наличия и развития умственных способностей: tener (uno) mucho angel para, hombre de ambas sillas, семи пядей во лбу; на голову выше.

Отрицательную оценку несут ФЕ, отражающие полное отсутствие ума, умственной деятельности, ограниченность, а также поведение, поступки, состояние:cabeza de chorlit, quedarse como el que ve visions, no ver mas alla de sus narices, ни бельмеса не понимать (совершенно, ничего), медный лоб, не видеть дальше своего носа.

Анализ ФЕ, выражающих интеллектуальные способности человека, позволяет выделить еще один критерий, по которому оценивается данный феномен в испанском и русском языках. В ряде случаев в основании оценки интеллекта человека лежит противопоставление «здоровый/больной». В зоне положительного тогда оказываются ФЕ, отражающие такие признаки, как, например, «благоразумие, здравый ум» и «умственная деятельность»: hombre sensate, быть в здравом (трезвом) рассудке. Недостаток интеллекта, замедленная скорость мыслительных процессов или вообще отсутствие нормальной умственной деятельности у человека часто ассоциируется с болезнью (временной или постоянной), аномалией развития: volverse loco, se le descompuso la cabeza, su cabeza no carbora, лишаться рассудка, сходить с ума, мозги набекрень, ум за разум заходит.

Утверждение Е.М. Вольф о том, что «в зоне некоторых объективных признаков шкала оценок связана с фактором времени» (Вольф 2002:55), актуально и при исследовании интеллектуальных способностей человека, так как их развитие и формирование напрямую зависит и от времени: понятие «интеллект» употребляется по отношению именно к приобретённым познавательным и мыслительным способностям человека, которые можно развивать, улучшать, усиливать за счёт развития. Этот факт наблюдается при анализе исследуемых ФЕ испанского языка: «callen barbas y hablen cartas», «mas sabe quien mucho anda, que quien mucho vive». Однако в РЯ преклонный возраст также не обязательно свидетельствует об умственной зрелости: выжить из ума, жизнь прожил, а ума не нажил.

В ходе анализа оценочного компонента ФЕ, выражающих интеллектуальные способности человека, нами было выявлено использование следующих средств оценочности: а) прилагательных и наречий: torpe, bobo, buenas, medio, pocas, светлый, умный, разумный, глупый, дурья и т.д.; б) имена существительные обозначающие различные части тела: cabeza, ojo, lengua, sesos, cerebro, голова, глаза, язык, пальцы, лоб, нос, мозги, зуб; в) имен собственных: Pichote, Juan Pámpano, Bainoa, Calerpino; ванька, Федора; г) зоонимов и фитонимов: asno, burro, ganso, becerro, aguacate, choclo, баран, свинья, курица, цыплёнок, пень, дубина, солома, сосна; д) РЯ - имена существительные, обозначающие природно-метеорологические явления и небесные светила: ветер, небо, луна, земля, звёзды (прилагательные: еловая, садовая, дубовая, берёзовая, стоеросовая.)

Итак, этнокультурная специфика оценки интеллектуальных способностей человека фразеологическими средствами на материале испанского и русского языков проявляется в следующем (перечислим лишь некоторые пункты):

- результативность умственной деятельности: для испанцев и русских важным является признак быстроты соображения, но для испанцев также важна успешность (эффективность) этой деятельности и качество знаний;
- в русском языке благоразумие, здравый ум связываются не только со здоровьем человека, адекватной умственной деятельностью, но и с трезвостью, в испанском языке благоразумный человек – это, прежде всего, человек практичный;
- для испанского языка характерно широкое использование зооморфизмов. Причем при использовании фразеологической единицы «el burro» на первый план выходят такие признаки как выносливость, упрямство, покорность и лишь потом глупость. В русском же языке глупость – основная характеристика;
- в испанском языке для характеристики умственных способностей человека большое значение имеет форма и материал. Например, форма головы: cabeza redonda, cabeza huera, cabeza cuadrada;
- с точки зрения носителя испанского языка старый человек не обязательно должен обладать обширными или глубокими умственными способностями, например: callen barbas y hablen cartas, mas sabe quien mucho anda, que quien mucho vive (Не спрашивай старого, а спроси бывалого). В русском языке умственная зрелость человека преклонного возраста описывается более критично: жизнь прожил, а ума не нажил.

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.

2. *Соколова М.А.* Выражение признаков интеллекта фразеологизмами русского языка (на фоне испанского языка): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб, 1995.

3. *Ставцева А.А.* Интеллектуальные способности человека как неотъемлемая составляющая языковой личности (к постановке проблемы) // Новые возможности общения: достижения лингвистики, технологии и методики преподавания языков, Иркутск, 2003. С. 252-259.

4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

к.ф.н., доцент Л.И. Степанова
(Оломоуц, Чехия)

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «*ОБМАН*» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеология играет незаменимую роль в сохранении в своих образах знаний и опыта человека, получаемого им при восприятии окружающего мира и взаимодействия с ним, является наиболее ярким показателем этнокультурной специфики любого национального языка.

Фразеология наглядно демонстрирует способность языка конструировать мир, называя одни и те же объекты или ситуации разными единицами номинации, освещая разные их стороны. Совокупность фразеологических единиц складывается во фразеологическую картину мира. Сетка ценностно-смысловых координат языковой картины мира заполнена лексемами и фраземами не одинаково: если лексика называет все объекты и события мира человека, то фразеология совершенно игнорирует многие технические и абстрактные понятия (например, космос, химия и т.п.) и, наоборот, образует длинные синонимические ряды в отражении таких понятий, как глупость, пьянство, лень, обман и т.п. В этом отражается антропоцентрический характер фразеологии и ее тяготение к фокусированию на негативных характеристиках отражаемого явления.

В своем докладе мы представим один из фрагментов фразеологической картины мира, а именно — фрагмента концептуального пространства, отраженного фразеологическими единицами со значением «обман». Поле обмана представляет собой довольно значительную группу ФЕ, поэтому оно изучалось фразеологами разных языков, как на материале литературного языка, так и на материале субстандарта (ср., например Панченко 1998, Буркина 2006 и др.). Мы рассмотрим данную группу фразеологизмов в русско-чешском сопоставительном плане. Одной из причин обращения к этой группе послужила заметная активизация данных единиц в современном русском языке.

Образное воплощение идеи обмана в ФЕ обоих языков имеет в основе своей общую идею “манипулятивного воздействия на субъект”, которая характеризуется:

1) негативным воздействием на органы чувств с целью исключения доступа к правдивой информации:

а) органы зрения — *замазывать глаза, пускать пыль в глаза,* чешск. *nasadit komu brýle mámení, házet komu písek do očí*;

б) органы слуха — *ездить по ушам; вешать лапшу на уши*;

в) орган обоняния — *наставить (натянуть, наклеить) нос, водить за нос, оставить с носом,* чешск. *tahat koho za nos, vodit koho za nos, věšet komu bulíka (bulíky, hejla) na nos*;

2) негативным воздействием на мыслительный центр с целью помешать процессу мышления — *пудрить мозги, морочить (дурить, крутить) голову (башку), забивать баки,* чешск. *zamotat hlavu (šišku, palici) komu*;

3) отвлечение внимания — *отвести глаза, заговорить зубы;*

4) воздействие на субъекта с целью изменения его верного мышления в неправильную сторону — *сбить с толку, сбить с панталыку* и др., чешск. *přivést na scestí koho, přivést koho z konceptu;*

5) обман с помощью притворства, разыгрывания комедии — *ломать комедию,* чешск. *hrát komu divadlo (divadýlko, tyátr, komedii).*

Как видим, приведенные группы в целом совпадают в русском и чешском языках (кроме 1б, 3). Среди них выделяются тождественные единицы, прежде всего ФЕ, фразеологизмы античного происхождения и др. Однако некоторые ФЕ, близкие по форме, отличаются семантическими оттенками. Напр., русская *обводить вокруг пальца* означает ”ловко, хитро обманывать кого”, а чешская *otočit si koho kolem prstu* означает ”обманув, перехитрив кого-л., полностью подчинить его своей воле и легко манипулировать им”, т.е. на первое место выступает сема подчинения.

Группа обмана очень разнообразна, она включает в себя не только собственно обман — жульничество, но и умолчание (*держать язык за зубами; молчит, как будто воды в рот набрал* и т.п.), оговор (*надувать в уши кому, вешать всех собак на кого*), сплетничание (*распускать сплетни (слухи), перемывать косточки, чесать языки (зубы) о ком (про кого), прохаживаться по чьему адресу, копаться в чужом грязном белье*), ложь (*врать как сивый мерин, врать без зазрения совести, врать как по писаному, лить пули (колокола),* чешск. *lže jako když tiskne, věšet komu co na nos, vykládat (vyprávět) komu báchorky (pohádky), v hrdlo lhát, lhát komu do očí (obličeje), dělat si z huby kanál (záchod)*), а также *ложь во спасение* — чешск. *svatá lež*, которая, хоть и оправдывается обществом, тем не менее также относится к данной группе.

Кроме того, сюда входят ФЕ со значением ”обманом лишить денег, имущества, ограбить, разорить”, напр., *ободрать как липку, снять последнюю рубашку с кого, оставить без рубашки, раздеть догола кого, пустить по миру [с сумой], выпустить в трубу кого, брить без бритвы кого, содрать три шкуры с кого* и т.п. В этой группе также можно наблюдать сходные чешские ФЕ – *dřít / sedřít z kůže koho, svléknout z koho poslední košili, odřít koho do naha, oholit bez břitvy (bez nože) koho*.

Образы, лежащие в основе фразеологизмов, чаще всего понятны носителям каждого языка, так как отражают характерное для него миропонимание, это и ”позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе” (Телия 1996: 83). Однако в некоторых случаях фоновые знания оказываются уже утраченными и вскрыть национальную маркированность помогают лишь историко-этимологические разыскания. Так, внутренняя форма ФЕ *ободрать как липку кого* еще в XIX в. была живой. Дело в том, что липовое лыко служило лучшим материалом для лаптей. Причем лыко драли именно с молодых липок, поэтому деминутив существительного здесь совсем не случаен. Особые артели дральщиков обдирали целые рощи молодых липок и губили таким образом лес. В XIX в. даже были изданы специальные указы, запрещающие драть лыко в определенных местах. А о том,

что лыка нужно было очень много, свидетельствует хотя бы тот факт, что крестьянин снашивал летом пару лаптей за неделю, а весной и осенью – за 3-4 дня. Поэтому лыко заготавливалось в огромных объемах, а главным занятием крестьян зимой было плетение лаптей.

К полю обмана относятся также ФЕ со значением "обмануть кого-л., устроив ему западню" — *рыть яму кому, поймать кого в ловушку, поймать в сети (на крючок, на удочку), строить козни*, чешск. *nastražit past komu, chytit koho do pasti, skočit (sednout) komu na lep, na špek*

Как видим, ловушки, инструменты обмана в этой группе связаны в русском языке прежде с рыбной ловлей (сети, крючок, удочка), меньше – с охотой (яма). В чешском языке это ФЕ связаны чаще с охотой (*nastražit past komu, chytit koho do pasti*), совсем нет ФЕ, связанных с рыбной ловлей, зато зафиксированы ФЕ, связанные с ловлей птиц, напр. *skočit (sednout) komu na lep*. Современные носители языка уже не осознают связи этих выражений с древним промыслом птицеловов. В чешском языке прежних эпох количество таких ФЕ было еще больше, напр. активно использовались обороты, которые сегодня уже относятся к устаревшим: *chytit koho do tenat, uvíznout v tenatech, chytit koho do osidel, chytit koho na vějičku* (ср. русские ФЕ, которые сейчас тоже уходят на периферию употребления: *попасть в тенеты, попасть в силки*). Значение слов, обозначающих приспособления для ловли птиц современным носителям языка уже неизвестны (чешск. *tenata,* рус. *тенета* — сеть, которую натягивали между деревьев для ловли птиц или мелких зверьков, *osidla* — тонкие петли из проволоки, силки, *vějička* — прутик, покрытый липким веществом). О широком распространении ловли птиц в Чехии свидетельствует, напр., специальный указ 1499 г., который разрешал охотникам и птицеловам охотиться в чужих поместьях только с согласия владельца или самого короля.

С забвением промысла птичников (который, несомненно, был распространен и на территории других европейских народов) многие ФЕ устаревают и уходят из языка, кроме прозрачных оборотов, напр. *skočit (sednout) komu na lep* (*lep* – клей), большую активность приобретают обороты, связанные с актуальными видами промысла, напр., в русском языке — с рыбной ловлей.

Выражение *козни строить — kout pikle* связано с интригами и кознями. Подобные выражения есть и в русском языке, напр. еще в "Слове о полку Игореве" зафиксирована ФЕ *крамолу ковати* "строить тайные планы, готовить сговор". Близкие обороты найдем и в тексте Библии.

В древних русских памятниках глагол *ковати* соединялся с существительными *ковы* и *крамола*, а также с разными абстрактными существительными: *зло, беды, лесть* и др. Вероятно, переносное значение глагола *ковати* сложилось еще в очень древний период, а затем в каждом из славянских языков глагол мог сочетаться с разными существительными, создающими образность фразеологизма (ср. чешск. *kout pikle*, польск. *knuć knuty*, укр. *кувати речі недобрі* и т.д.). Компонент чешского фразеологизма *pikle* – существительное, заимствованное из немецкого языка, где обозначало кинжал.

В целом, сравнивая русские и чешские ФЕ со значением обмана, можно отметить, что здесь четко выделяются некоторые группы более активного и менее активного употребления. Напр., и в чешском, и в русском языках есть ФЕ, построенные на игровой метафоре, напр. *играть в жмурки (в кошки-*

мышки) с кем, но в чешском языке их количество значительно больше: *hrát na slepou bábu s kým, hrát na schovávanou s kým, hrát na koho habaďúru, hrát betlém na koho, hrát s kým bago*, также в чешском языке распространена конструкция «сделать (построить, сшить) на кого-л. какое-л. здание, сооружение» – «обмануть»: *šít na koho boudu, postavit budku (srub), chatrč na koho, ušít na koho pytel, postavit tunel, udělat na koho tunel.*

В русском языке последних десятилетий фразеологическое поле обмана значительно разрослось, ср. новые ФЕ *развести на бабки кого, попасть на бабки, сшибать бабки, рубить бабло* – "обманывая, надувать, заставлять платить деньги"; *пудрить мозги кому, репу парить кому*, *вешать лапшу на уши* "намеренно вводить в заблуждение"; *мести пургу, лепить горбатого* "лгать"; *брать на понт кого, взять на фуфу кого*, "нагло обманывать кого-л.", *делать пальцы веером, делать распальцовку* — "хвастаться, заманивать обещаниями, обманывать кого-л."; *гонять воздух, продавать туфту* "пытаться сбыть некачественный или несуществующий товар" и др.

Данные выражения вошли в так называемый общий жаргон, под которым понимается «тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или по крайней мере понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литературного языка» (Ермакова, Земская, Розина: 1999). Такие жаргонизмы уже не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, что свидетельствует о том, что они уже вошли в обиходную русскую речь.

1. [БМС] Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. (2005). *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь.* Москва: Астрель.
2. Буркина, С.Г. (2006). *"Как запудрить мозги" (Фразеосемантическое поле "обманывать" в словаре Т. Сабляка "Rjeunik hrvatskoga ħargona" и в "Большом словаре русского жаргона В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной)*. В: Бирих, А., Володина, Т.В. (red.). *Слово в словаре и дискурсе.* Москва: Элпис, 181-184.
3. Ермакова, О.П., Земская, Е.А., Розина, Р.И. (1999). *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона.* Москва: Азбуковник.
4. Костомаров, В.Г. (1994). *Языковой вкус эпохи*. Москва: Айрис пресс.
5. Мокиенко, В.М. (2003). *Новая русская фразеология*. Opole: Uniwersytet Opolski – Institut Filologii Polskiej.
6. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: Норинт.
7. Панченко, Н.Н. (1998). Концептуальное пространство обмана во фразеосистеме русского и английского языков. В: Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 168-174.
8. Телия, В.Н. (1996). *Русская фразеология.* Москва: Школа "Языки русской культуры".
9. [DŘ] Němec. I. a kol. (1986). *Dědictví řeči.* Praha: Academia.

к.ф.н., доцент Л.В.Столбовая (Санкт-Петербург)

ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЭТНОЭЙДЕМ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ

В работе ставилась задача установить пути формирования мифологических этноэйдем [< гр. eidos – 'образ'] – сквозных психологических образов, возникающих в результате лингвокреативного взаимодействия языка и мышления. Для ее реализации, нам потребовалась теоретическая концепция, которая увязывала бы культурное содержание «ментального» плана ФЕ в русском и английском языках со схемами и фреймами, сконструированными в рамках лингвокогнитивного подхода, допускающего эмпирическую и операционную интерпретацию.

Мы полагаем, что самым целесообразным в этом отношении является когнитивно-дискурсивный подход. Исходное положение такого подхода заключается в том, что вербализованные посредством идиом ситуации, события и пресуппозиции являются теми элементами, которые формируют многослойную архитектонику фразеологического концепта и фразеологическое значение (ФЗ).

Методологической базой данной работы служат следующие постулаты: а) мыслительные категории неотделимы от языковых категорий, а реальное объяснение функционирования ФЕ можно получить только при обращении к когнитивным структурам; б) процесс порождения знаков косвенно-производной номинации является *синергетическим процессом*, гармонично фиксирующим в себе энергию лигвокреативного мышления.

Материалом анализа являются знаки косвенно-производной номинации, представленные идиомами со значением «Состояние человека» в русском и английском языках. К этому разряду мы относим фразеологические единицы (ФЕ): *вылететь в трубу, потерпеть фиаско = go to the wall* в значении – «разориться»; *найти свое место под солнцем = find one's place in the sun* – «иметь прочное, высокое положение в обществе», *как сыр в масле кататься, купаться в роскоши = to fill one's pipe, to roll in the wallow* – «жить в достатке» и т.п.

Порождение и восприятие ФЕ связано с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся в когнитивной базе, и её преобразованием в смысловую структуру. Такой формой формирования знания обычно выступают: образы, гештальты, концепты, внутренняя форма (ВФ). Концепт, развиваясь, «постоянно изменяет форму своего воплощения: являясь последовательно в образе, в понятии и в символе» [Колесов 2002:56]. Образность как явление ментальное образуется за счет способности языковых единиц «вызывать в нашем сознании наглядные представления, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание этих единиц» [Сологуб 1996:10].

Язык, сохранивший следы различных этапов мифологического освоения природы и общества человеческим сознанием, представляет собой много-

слойный миф. Изучая пласт за пластом мифы, мы постепенно проникаем в глубины древнего мировоззрения и получаем возможность взглянуть на жизнь наших предков их собственными глазами. «Новое не вытесняет старое, а наслаивается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но остаются ощутимыми почти до наших дней» [Рыбаков 1981: 4].

Так как полное представление о формировании концептов, заключенных в словесном знаке, можно получить при условии описания этапов их семантических преобразований, рассмотрим ФЕ: *to be in halcyon days* в значении – 'пребывать в комфортном, спокойном состоянии'. Лексема *halcyon* – 'a mythical bird, usually identified with the kingfisher, said to have the power of calming winds and waves at sea' употреблялась в значении 'птица зимородок' уже в [ME alceon, alicion (< L. alicyôn< Gr. halkyôn)].

Проследим процесс семантических трансформаций лексемы *halcyon* (зимородок) во ФЕ: *to be in halcyon days*. Наряду с предметно-понятийным ядром ('птица с большой головой, с гребешком, как у петуха, крыльями и ярким опереньем'), фокусирующимся в концепте-уникалии, можно выделить также коммуникативно-прагматические и культурологические смысловые элементы, которые, по-видимому, способствовали формированию ассоциативно-образных коннотаций, связанных с ней и пробуждали в памяти носителей языка определенные денотативные ситуации. Ведь недаром двухнедельное морское спокойствие (в период зимнего солнцестояния) породило предание о том, что спокойствие на море объясняется тем, что *halcyon* 'имеет власть над ветрами и волнами в море' и выводит птенцов 'в гнезде, плавающем по морю'.

Преобладание в когнитивной структуре положительных культурно-прагматических элементов: 'спокойствие на море', 'благодатный период', 'выведение птенцов' постепенно редуцировало предметно-понятийное ядро лексемы *halcyon.* В сочетании с такими ключевыми фрагментами дискурса, как «спокойствие», «благодать» формировалось и новое ФЗ идиомы. Путь ассоциативного «скольжения» с признаков одного объекта на другой, создает эмотивно-оценочную реакцию – 'умиротворение, хорошее настроение'. Символический признак всемогущей птицы накладывается на идеальный признак – 'благоприятного комфортного состояния'. Это ведет к нарушению конвенциональных концептуальных связей и к столкновению двух когнитивных образований: *структуры концептуального объекта и структуры языкового знака.* Как результат – к появлению нового понятия, созданного разными механизмами лингвокреативного мышления: образными, метафорическими и символическими. За вновь появившимся новым понятием закрепляется новый фразеологический образ *halcyon days* и новое ФЗ – 'пребывать в комфортном, спокойном состоянии'. Эта красивая легенда передает отношение человека к благородной птице, которая в трудную минуту подставила уставшему другу свое крыло. *Halcyon* в этой легенде выступает символом: 'умиротворения, любви и преданности'.

Анализ подобных примеров свидетельствует о том, что наряду с когнитивным формируется собственно языковое сознание, которое служит сред-

ством активизации элементов социального и культурного происхождения. Трансформация когнитивных элементов сознания в языковые пресуппозиции в итоге перерастают в специфические для каждой национальной культуры культурно-прагматические компоненты языковой семантики.

Языковой материал, зафиксированный в фольклорных текстах, является наиболее важной, а часто единственной информацией о поверьях, образах, обычаях, который лучше всего сохраняется во фразеологизмах. Рассмотрим ФЕ: *to have an itching palm* – «брать взятки, быть корыстолюбивым, жадным человеком». Образ, лежащий в основе данной ФЕ, вызывает представление «чешущейся ладони» (*an itching palm*) и восходит к старинному английскому поверью: *If your hand itches, rub it on a wooden object, saying: Rub on wood* – Something good. (Если чешется рука, потри ее о что-то деревянное, приговаривая: «Принеси мне добро»).

Поверье подтверждает существующее у разных народов представление о характере отношений человека с природой. Образная мотивация, заключенная в поверье, восходит к анимистическим мифологическим представлениям. Так, дерево, по преданиям, обладает сверхъестественной силой. Отсюда выражение «постучи по дереву» (для отвращения зла) и уверенность в том, что соприкосновение с деревом или чем-то деревянным принесет «нечто хорошее, доброе». Другое поверье, по всей вероятности утвердившееся несколько позже, гласит: *If the right hand itches you will shake hands with a stranger; if the left, you will soon handle money* (Если чешется правая рука – обменяешься рукопожатием с незнакомцем, а если левая – появятся деньги). Аналогичное поверье существует и у русского народа в несколько измененном виде: *Если чешется правая рука – это к деньгам, а если левая – к тому, что деньги придется отдавать кому-либо.* Эти поверья обусловлены наличием в сознании человека древнейших архетипических оппозиций – «левый»/правый», «свой-чужой» и формируют в сознании образы: «незнакомца» и «денег», а также связанное с ними «ожидание чего-то хорошего».

Со временем приходит новое понимание роли «золотого тельца» в жизни общества, связанное с проявлением таких человеческих пороков, как корыстолюбие, взяточничество, вытеснившие из сознания ‘абстрактное ожидание хорошего’. Деньги становятся не только символом ‘благополучия’ и ‘достатка’, но и символом ‘зла’, то есть идет формирование новой оппозиции – «добро- зло». В результате чего первоначально сформировавшаяся положительная коннотация стирается и ФЕ: *to have an itching palm* приобретает негативный оттенок – ‘брать взятки’.

Воссоздание картины мира в обыденном языческом сознании можно рассматривать как вид «структурной решетки», «сетки» с помощью которой лингвокультурологической интерпретации могут подвергаться все единицы, входящие в когнитивное ядро этноэйдимического поля. В центре такого поля обычно размещаются идиомы, восходящие непосредственно к языческим представлениям о системе пространственно-временных координат мира. Периферию поля образуют идиомы более позднего образования. Реконструкция требует рассмотрения как отдельных единиц когнитивной модели ФЕ, входящих в ее структуру, так и некоторых общих компонентов, являющихся «строительными кирпичиками» крупных фрагментов, формирующих целые блоки.

Когда мы говорим о выявлении универсальных и идиоэтнических свойств ФЕ «Состояние человека», которые по-разному проявляются в различных сферах общественного сознания, то имеем в виду, что это выделение достаточно условно, так как национальная специфика может присутствовать в концептах-универсалиях и отличаться своими периферийными способами иерархической организации. Определяющим фактором в семантике лингвокультурного концепта обычно выступает ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций, либо прецедентных связей.

Как показывают результаты анализа степень зависимости лингвокреативного мышления от знаков первичной номинации в разных ФЕ различна и зависит от семантической ёмкости составляющих ее единиц. Мотивация, смысловые ассоциации и пресуппозиция являются теми механизмами, которые позволяют декодировать содержащуюся во фразеологических единицах культурную информацию. Когнитивная структура языковых единиц изменчива, поскольку изменчиво историческое, культурно-временное пространство, среда обитания этноса, которые, подчиняясь диалектическим законам развития общества и природы, постоянно трансформируются.

1. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.:ЮНА.2002.447 с.
2. *Langacher R.W.* Foundations of cognitive grammar.Vol.1.Stanford, 1987.
3.*Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
4.*Солодуб Ю.П.* Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Филол.науки. 1996. № 1.

д.ф.н., профессор Желька Финк (Загреб, Хорватия)

ХОРВАТСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ŽIVJETI KAO BIK NA GMAJNI* И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

1. В современном хорватском языке довольно часто употребляется сравнительный глагольный фразеологизм *živjeti kao bik na gmajni* (“вести паразитический образ жизни, жить трутнем”) с весьма негативной коннотацией, который относится к лицу, живущему за счет чужого труда, тунеядцу, дармоеду.

Данное значение хорошо видно в следующем предложении, в котором наряду с употреблением оборота дается и его толкование:

U nas je vrlo proširen tip osobe koja ***živi kao bik na gmajni****, a to znači da ne radi ništa i da živi kao parazit i trut…*www.matica.hr/.../Rudina

Оборот считается регионализмом, употребляющимся в северной и средней Хорватии (он, естественно, является и частью говора города Загреба), причем фиксируется несколько его форм в зависимости от области, в которой он регистрируется. В словарях, помимо уже приведенного фразеологизма, отмечены и следующие: *živeti kak bik na gmanju* (кайкавское наречие, говоры поселка Баковчице, городка Петеранец и города Врбовец); *kej bik na gmajni* (чакавский икавско-экавский диалект, говор города Врбовско).

2. Для нас особый интерес представляет второй субстантивный компонент, который здесь приводится в двух формах: *gmajni* и *gmanju*.

2.1. Существительное *gmajna* впервые зафиксировано в словаре Ивана Белостенца из 1740 г. в форме *gmanya* в значении “община, народ, люди”, и это свидетельствует о том, что данное слово употребляется с 18 века. В форме *gmańa* оно включено и в третий том словаря Югославской академии наук и искусств (1887-1891), причем помимо данной формы приводится и другая: *gmajna* (толкование дается именно под этим существительным, а в конце словарной статьи добавляется ссылка на форму *gmańa*). Из этого, вероятно, следует, что в 19 веке в употреблении преобладает форма *gmajna* (“1. то, что принадлежит общине [земля, пастбище и т.д.]”; “2. община”).

В большинстве толковых словарей хорватского литературного языка, в словарях иностранных языков и в этимологическом словаре П. Скока, опубликованных в 20 веке и в начале 21 века, фиксируется существительное *gmajna*[1] . Помимо данной формы в словаре иностранных слов Братолюба Клаича (1987[2]), приводятся также варианты *gmajda*, *gmajina*, *gmanja*. В них слово толкуется следующим образом: “общинная земля, общинное землевладение”, а в этимологическом словаре добавлено и значение “община”.

Словарь кайкавского литературного языка (1986) регистрирует формы *gmajna* и *gmańa*, а в монографии В. Пишкорца, в которой анализируются германизмы в говорах города Джурджевец и расположенных недалеко от него некоторых населенных пунктов (область Подравина, северная Хорватия), фиксируются две вариантные формы: *gmajna* (Джурджевец) и *gmajda* (Фердинандовец).

Слово *gmajna* и все его варианты считаются германизмами, происходящими от немецких слов *Gemeinde*, *Gemeine*, *Gemeiner*.

Данный германизм стал основой и трех хорватских фамилий: *Gmajner*, *Gmajnički*, *Gmajnić*.

2.2. В одном из ранее приведенных фразеологизмов (*živeti kak bik na gmanju*) в качестве второго субстантивного компонента появляется косвенный падеж существительного *gmanje*. В отличие от всех вариантных форм слова *gmajna*, которые являются существительными женского рода, это – существительное среднего рода[3] . Может быть, речь идет об изменении рода существительного *gmajna* в некоторых хорватских говорах? Это одно из возможных объяснений. Другое связано с хорватским словом *imanje* (“имение, поместье”), под влиянием которого, а также на основе непонятного людям слова *gmajna*, может быть, и формировалось существительное *gmanje*[4] . Здесь, вероятно, определенную роль сыграли контаминация и народная этимология.

3. Фразеологизм *živjeti kao bik na gmajni* (и подобные ему формы в разных хорватских говорах) фиксируется только в новейших толковых (ср. В. Анич) и фразеологических словарях (ср. Ж. Финк Арсовски и сотр.) современного хорватского языка и в словарях иностранных слов (ср. В. Анич и И. Голдштайн). Помимо этого он зафиксирован в словарях разных диалектов и говоров (ср. Е. Маресич и М. Менац-Михалич, М. Матешич). Это, однако, еще не значит, что данный оборот можно считать (сравнительно) новым.

Чем мотивируется образ в С-части фразеологизма *živjeti kao bik na gmajni*? Когда речь идет о первом субстантивном компоненте, не случайно, кажется, в оборот включен именно зооним *бык*. В отличие от вола, бык в хорватских фразеологизмах не считается рабочим животным (ср. *raditi (tegliti) kao vol*[5]),

а является символом здоровья и силы (ср. *zdrav kao bik*, *jak kao bik*). И в других языках употребляются фразеологизмы с компонентом *бык* в таком же значении (ср. словенский *močen (močan) kot bik*, македонский *јак како бик (бивол)*, болгарский *як (силен) като бик*, *здрав като бик*, украинский *сильний (дужий) як бик (бугай, буйвол)*, *здоровйи як бик (бугай, буйвол, тур)*, русский *сильный как бык*, *здоровый как бык (буйвол)*, польский *silny jak byk*, *zdrowy jak byk*, чешский *silný jako býk (bejk)*, словацкий *silný (mocný) ako býk*, *zdravý ako býk*). Другой субстантивный компонент относится к общинной земле, к земле, с одной стороны, принадлежащей общине, а с другой – к земле, являющейся общей собственностью. Из этого следует, что таким участком земли, таким пастбищем могут свободно пользоваться все независимо от вложенного труда в его обрабатывание. Поэтому и фразеологическое значение связывается с паразитическим образом жизни.

4. Хорватский фразеологизм в своей С-части имеет зооним *бык*, и поэтому оборот чаще всего относится к лицам мужского пола, а редко употребляется по отношению к лицу женского пола:

…sinko, a do kad ti to misliš **živit ko bik na gmajni**?

debilizam.blog.hr/.../medicinski-fenomen-papa-zatrudnio.html -

…dugo ***sam živjela*** *(i još* ***živim****) ko* ***bik na gmajni,*** *kak se veli, i možda sam zato kakva jesam.* 195.29.89.51/showthread.php?

В случаях, когда глагол употребляется во множественном числе, т.е. когда фразеологизм относится к группе лиц, существительное *bik* иногда остается в единственном числе, а иногда получает форму множественного числа:

Pa pogledaj naš Sabor, ***žive ko bik na gmajni*** *i samo na sebe misle…* www.index.hr/.../default.aspx?...

Zatvorenici koštaju državu 500 milijuna kuna - Net.hr Forum

Treba toj klijenteli omogućiti, odnosno natjerati ih da rade i zarade za svoj smještaj, a ne pustiti ih da ***žive ko bikovi na gmajni****, pa još tri vrste jela…* forum.net.hr/.../2749892.aspx

Вместо глагола *živjeti* в тексте иногда появляются и другие глаголы, подчеркивающие лень, тунеядство и паразитизм:

Sve ostalo mora obaviti sama, a on ***leži ko bik na gmajni*** *i zapovijeda s fotelje, na kojoj provodi 25 sati na dan.* profesort.blog.hr/.../index.html

…da nisam doma i da ne gledam mog muža koji ***sjedi ko bik na gmajni*** *i bulji u tv.* forum.roda.hr/.../t-33076.html -

5. Можно ли говорить об образных и семантических эквивалентах к данному фразеологизму в других славянских и неславянских языках?

Идентичный оборот регистрируется в болгарском языке (в нем, однако, нет германизма): *живея като бик на имане*, в то время как в нескольких других языках существуют фразеологизмы с одинаковым значением, но с другой внутренней структурой. Хотя образ в них не идентичный, можно сказать, что они формируют своеобразную обобщающую схему: в качестве первого субстантивного компонента выступают зоонимы (гусь, свинья, червь, мышь, вошь), а другой субстантивный компонент указывает на место, где данному животному хорошо и беспечно живется и где оно получает корм без вложенного труда. В четырех оборотах в качестве такого компонента выступают следующие существительные: место кормления животного, зерновой хлеб, сало, сыр, голова. Посмотрим фразеологизмы двух славянских и двух

неславянских языков: чешский *žít si jak husa na krmníku*, словацкий *žiť <si> ako prasa na žite*, немецкий *leben (sitzen) wie die Made im Speck*, *leben wie die Mäuse in der Speckseite (im Käse)*, голландский *leven als een luis op een zeer hoofd*. Украинским эквивалентом к анализируемому хорватскому фразеологизму можно считать оборот *жити як у тещі на хлібах (іменинах)*, а македонским – единица *живее како бег*, где кто-либо сопоставляется с лицом, имеющим титул бея.

В сравнительном фразеологизме, синонимичном обороту *živjeti kao bik na gmajni*, появляется образ трутня[6] , причем чаще всего в качестве А-части употребляется тоже глагольный компонент *živjeti*: *živjeti kao trut*. Интересно, что идентичный образ фиксируется также в нескольких славянских языках[7] : македонский *живее како трут*, болгарский *живея като търтей*, украинский *жити як трутень*[8] , русский *жить как трутень*, *жить трутнем*, польский *żyć jak truteń*, словацкий *byť ako trúd*.

Семантически близким к обоим данным хорватским оборотам можно считать и испанский сравнительный фразеологизм *vivir como un parásito*.

6. Анализ хорватского сравнительного фразеологизма *živjeti kao bik na gmajni* показал, что в С-части, помимо зоонима *бык*, употребляется региональный германизм *gmajna*, причем образ данной части сравнения сигнализирует фразеологическое значение: “вести паразитический образ жизни, жить трутнем”. Точный образный и семантический эквивалент подтверждается в болгарском языке, в то время как в нескольких славянских и неславянских языках фиксируются только семантические адекваты, выраженные сравнительными оборотами.

Мокиенко, В. М. (2003). *Словарь сравнений русского языка. 11 000 единиц.* Санкт-Петербург: Норинт.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008). *Большой словарь русских народных сравнений*. *Большой объяснительный словарь. Более 45 000 образных выражений*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.

Anić, Vladimir (2003). *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber.

Anić, Vladimir, Goldstein, Ivo (1999). *Rječnik stranih riječi*. Zagreb: Novi Liber.

Belostenec, Ivan (1740). *Gazophylacium illyrico-latinum.* dio II. Zagreb: Typis Joannis Baptistae Weitz.

Fink Arsovski, Željka i sur. (2006). *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: Knjigra.

Klaić, Bratoljub (1987). *Rječnik stranih riječi* (priredio Ž. Klaić). Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske.

Maresić, Jela, Menac-Mihalić, Mira (2008). *Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Matešić, Mihaela (2007). *Frazeologija mjesnoga govora Vrbovskoga* u: Fluminensia, god. 19, br. 1, str. 143-161.

Piškorec, Velimir (2005). *Germanizmi u govorima đurđevečke Podravine*. Zagreb: FF press.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, dio III. (1887-1891). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika, knjiga prva, svezak 3 (ur. B. Finka) (1986). Zagreb: JAZU i Zavod za jezik IFF – Zagreb.

Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika, knjiga druga G-K (1967). Zagreb – Novi Sad: Matica hrvatska – Matica srpska.

Skok, Petar (1971). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knjiga prva A-J (ur. M. Deanović, Lj. Jonke, surađivao u predradnjama i priredio za tisak V. Putanec). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Večenaj, Ivan, Lončarić, Mijo (1997). *Rječnik govora Gole. Srednjopodravska kajkavština*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Walter, Harry (2008). *Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.

1. Список части таких словарей приводится в конце статьи.

2. Это только одно из нескольких изданий данного словаря.

3. В форме среднего рода фиксируется слово *gmańe* и в словаре говора деревни Гола (область Подравина, северная Хорватия). Говор принадлежит среднеподравской кайкавщине.

4. Выражаю благодарность диалектологу Мире Менац-Михалич за помощь в определении происхождения слова *gmanje*.

5. В отличие от этого в русском языке, например, фиксируются обороты, в которых быка связывают с работой, ср. *работать как бык в ярме*.

6. В настоящей работе приводятся только сравнительные фразеологизмы в качестве синонимичных и эквивалентных.

7. В некоторых славянских языках это единственный эквивалентный сравнительный фразеологизм по отношению к хорватскому *živjeti kao bik na gmajni*, а в других помимо уже упомянутых оборотов фиксируется и такой с компонентой *трутень*.

8. Употребляется и вариант *шершень*.

асп. Петра Фойту (Оломоуц, Чехия)

НЕГАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Труд во фразеологии и паремиологии европейских народов описан, конечно, прежде всего позитивно. Несмотря на это во фразеологии европейских народов существует довольно многочисленная группа фразеологических единиц (ФЕ), которые описывают работу с негативной точки зрения.

Цель нашей статьи - рассмотреть группы, на которые делятся фразеологизмы структурно-семантической модели *работать + как + животное / человек / предмет – работать тяжело* в европейских языках, и смысловые оттенки, которые сравнения таких моделей выражают. Такие сравнения являются, как правило, интернациональными и входят в группу так называемых типологических интернационализмов (Мокиенко 1989:86, Stěpanova 2004:109, Степанова 2008:17 и другие), возникающих в разных языках независимо друг от друга.

ФЕ, характеризующие труд с негативной точки зрения, описывают, преж-

де всего, тяжелый, часто также бесполезный или механический труд. Они образованы по пяти основным структурно-семантическим моделям. Первая, самая распространенная, и, как кажется, самая частая с точки зрения употребления говорящими модель, это модель *работать + как + домашнее животное*. Группа является самой многочисленной, в качестве анималистического компонента выступают наименования тех животных, которые обладают следующей характеристикой: 1) с ним связаны представления физической силы, из-за которой такое животное было использовано для тяжелой работы; 2) из-за такого использования с данными животными было связано представление о его тяжелой жизни (сравни толкование происхождения ФЕ *работать как лошадь* БМС 2005: 400, такие представления подтверждают и другие сравнения с лошадью *нагруженный как лошадь; zkusit jako kůň* в чешском языке и другие); 3) такие животные часто служат символом глупости.

Если в сравнениях о работающих находим, как будет показано ниже, в большинстве языков существительные *лошадь, осел* и *вол*, то все эти животные служат в каком-то языке, причем, как правило, не только в одном, символом глупости (сравни хорватское *glup kao konj*; которое находим также в словенском и македонском языках и которое имеет эквиваленты и в русском и украинском с тем же образом – *глуп как сивый мерин;* укр. *дурний як турецкий кінь*; сравнения глупого человека с волом и ослом встречаются почти во всех славянских языках).

Такое представление непосредственно связано с представлением об их покорности, которая позволяет использовать их для такой тяжелой работы. В большинстве европейских языков в таких сравнениях мы встречаемся со следующими животными: *лошадь* (русское *трудиться как лошадь;* украинское *працювати / робити як кінь*; болгарское *работя като кон;* немецкое *arbeiten wie ein Pferd;* итальянское *lavorare come un cavallo*; английское *work like a horse* и их полные эквиваленты в других языках). Кроме лошади, во фразеологии европейских языков встречаемся с образом вола, ишака, осла и других животных, все эти сравнения потом объединены на основе оппозиции человек – зверь (Барболова 2008:81) в сравнении *работать как зверь* (с эквивалентами в южнославянском ареале и словацком языке, из неславянских языков - в немецком) и его более конкретном варианте в украинском *працювати як худобина* с эквивалентами в немецком и других языках.

Оппозицией к приведенной модели является модель *работать + как + дикое животное или насекомое*, где сравнение является позитивной характеристикой работы, обозначающей добросовестную работ, например в интернациональном сравнении *работать как пчела* с очень сильно выраженной одобрительной характеристикой и в его синонимах *работать как мурашка / муравей*). Если сравнения с дикими животными описывают работу с негативной характеристикой, они, как правило, вторичны. Такие переходы встречаются особенно в некоторых преобразованиях сравнений: в чешском языке, например, находим сравнение *být do práce jako lev*, которое словарь чешской фразеологии определяет позитивно: „mít velkou chuť do každé práce, dělat jí dobře a s elánem“ (SČFI 2009:I:191). На его основе, и, кажется, на основе выражения *řvát jako lev* возникает выражение *být do práce jako lev – zařvát a lehnout si*, которая соответствует тенденции к такому описанию отношения к работе на основе парадокса, сравни английское *I love work – I could*

sit here and watch it all day long – выражение, которое, в свою очередь, тоже имеет эквиваленты в других языках (сравни словацкое «упрощенное» *milujem prácu. Dokážem sa ňu pozerať celý deň*). Подобным образом попадает в негативную характеристику работы также русская антипословица *работаю как волк, в лес не отбежишь*.

Как пишет В. М. Мокиенко, «сравнения точны уже потому, что каждый образ неповторим, индивидуален, обособлен» (Мокиенко 2001:40). Это, по мнению данного автора, рождает дифференцированность устойчивых сравнений, которая особо ощутима в синонимическом раду (Там же).

Характерно, что у первой группы - сравнения работающего с лошадью, чешский словарь сравнений приводит в качестве синонимов только анималистические сравнения (SČFI 2009:I:183). По данным этого словаря, такое сравнение имеет следующую характеристику: "(člověk při dlouhodobé těžké práci nebo nezvyklé námaze:) velmi namáhavě, težce a usilovně pracovat, obvykle bez pomoci stroje a pod " (Там же). В русском словаре сравнений находим следующее определение "о напряженном, с надрывом работающем человеке" (Мокиенко, Никитина 2008:358). Что касается сравнения с волом, то оно содержит следующие семы: упорная работа, тяжелая работа, терпение, покорность: "об упорно, тяжело, терпеливо и покорно работающем человеке" (Там же: 108). Такую же характеристику находим и в других словарях, причем чешский и украинский словарь прибавляют характеристику "работать слишком много" (SČFI 2009:I:457; СФУМ 2003:110). Интересная ситуация в польском языке, где, если исходить из данных словаря, сравнение *pracowity jak wół* имеет чисто позитивную характеристику: электронный словарь PWN определяет его так: «bardzo pracowity», снабжая такую характеристику следующим примером «*ty to masz chłopa. Pracowity jak wół, drugiego takiego ze świecą szukać* (электронный словарь PWN).

Вторая модель, которая встречается в европейских языках и является довольно многочисленной, это модель *работать + как + обозначение человека, который выполняет тяжелую работу недобровольно*. В данную модель входят устойчивые сравнения с компонентом *раб* (русское *работать / трудиться / вкалывать как раб*; чешское *dřít jako otrok;* словацкое *driet' ako otrok*, болгарское *работя като роб*, немецкое *schuften wie ein Sklave* и сравнения других языков), а также с другими компонентами, которые описывают человека, принужденного работать в силу его социального положения (*работать / вкалывать как крепостной; работать / вкалывать как каторжный;* чешское *pracovat jako galejník, pracovat jako na galejích*; в украинском языке встречаемся со сравнением *працювати як каторжний*). К данной группе примыкают сравнения, которые описывают человека, вынужденного выполнять тяжелую работу в силу не прямо его положения в обществе, а в силу его материального положения: в качестве примера модно привести чешское сравнение *dřít jako chudej*.

Третья, довольно многочисленная модель, модель *работать + как + психически больной человек* (русское *работать как одержимый;* чешское *dělat / dřít jako blázen / jako blbej / jako blbec*; *dřít jako vzteklý*; *dřít jako divý;* болгарское *работя като бесен; работя като луд*; украинское *працювати / робити як скажений / несамовитий*; польское *pracować jak szalony* немецкое *wie wild tun*; *etwas wie verrückt machen*; *wie ein Verrückter arbeiten*; английское

work like a mad и эквиваленты в других языках). В немецком языке, кроме приведенной, находим ФЕ, которая представляет комбинацию двух моделей: модели *работать + как + человек, вынужденный тяжело работать в силу своего материального положения* и модели *работать + как + психически больной человек*: *arbeiten wie ein armer Irre*. Описанная модель отличается семой добровольности, что доказывает определение таких сравнений в словаре славянских сравнений, «raditi ulažući veliku energiju i volju» (Fink 2006:150).

Моделью, представленной только в некоторых из европейских языков, является модель *работать + как + представитель конкретного народа*. В чешском языке такая модель представлена сравнением *dřít jako Slovák*, в английском языке существует выражение, связанное с мифологией: *work like a Trojan*. Близкой к приведенной модели (сравни «переходное» словенское *delati kot zamorec*) является модель *работать + как + представитель другой расы,* которая встречается в разных языках намного чаще. Устойчивые сравнения, построенные по такой модели, встречаются в русском языке (*вкалывать как негр*), чешском языке (*dřít jako mourovatej; dřít jako barevnej*), из других славянских языков можно привести македонское *работи като црнец*, польское *pracować jak Murzyn*; из романских языков можно в качестве примера привести сравнение во французском языке *trimmer comme un négre* и в итальянском языке *lavorare come un negro* (характерно, что русско-итальянский словарь приводит данное сравнение в качестве эквивалента русских сравнений с компонентом-анимализмом *работать как лошадь* и *работать как вол*, несмотря на существование таких анималистических сравнений в итальянском языке и довольно высокую частотность их употребления (Канестри 2006:68; 243).

Кроме приведенных моделей, можно, конечно, в каждом языке найти сравнения, которые являются собственно национальными и которые нельзя включить ни в одну интернациональную модель. В русском языке таким сравнением является сравнение *работать как папа Карло*, которое построено на образе героя из сказки А. Толстого (БМС 2005: 515). Другим из таких русских сравнений является новое сравнение *вкалывать как карлик у водокачки*. (СФСРЯ 1997:104).

К описанным моделям тесно примыкает модель *работать + как + название машины,* которая описывает автоматическую работу. На таком сравнении построены следующие сравнения: русское *работать как заведенный*, польское *pracować jak maszyna*; французское *comme une machine*, английское *work like a machine* и их эквиваленты в других языках.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что данная, довольно многочисленная группа разбивается на шесть моделей, значения которых переплетается.

Как показывает материал славянских и неславянских языков, ФЕ, образованные на основе сравнения *работать + как + живое существо*, можно разделить на две доминирующие группы: первая группа - это сравнения с существом, которое выполняет свою работу недобровольно, причем характерно, что такие сравнения могут характеризовать и добровольную работу человека. Вторая группа – сравнения с человеком, который активно работает добровольно, в силу особенностей своего характера.

Барболова З. Механизмы и причины за формиране на нови фразеологизми в български език. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, С. 71 – 84.

Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический справочник. Москва, 2005.

Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997.

Вальтер Х., Мокиенко В. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург, 2005.

Канестри А. Новый большой русско-итальянский словарь. Москва, 2006.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. Москва, 1989.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва, 2008.

Мокиенко В.М. Из сокровищницы русской речи (народные сравнения с названиями животных) // Мир русского слова. 2001. №4. С. 40-46.

Степанова Л. И. Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, С. 17 - 21.

*Cowie A., Mackin R., McCaig I.*The Oxford dictionary of idioms. Oxford, 1994

Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky . Přirovnání. Praha, 2009.

Fink Ž. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Zagreb, 2006.

Kłosińska A., Sobol E., Stamkiewicz A. Wielki słownik frazeologizny. Warszawa, 2009.

Stěpanova L. Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Olomouc, 2004.

д.ф.н., профессор М.А. Фокина (Кострома)

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ В.Я.ШИШКОВА «УГРЮМ-РЕКА»

Одним из героев второго тома романа Вячеслава Яковлевича Шишкова «Угрюм-река» (1918 – 1932) является пан Парчевский, польский инженер на службе у богатого сибирского золотопромышленника Прохора Громова. Выразительным средством речевой индивидуализации персонажа служат польские фразеологические единицы (далее – ФЕ), представленные в русской транслитерации: *пся крев (собачья кровь); матка бозка (божья матерь)*. Ср. в польском языке: Psiakrew! (przekleństwo); Matka Boska (Maria, Matka Chrystusa) – см. словарь (Skorupka 1974: 355; 428).

Польский фразеологизм *пся крев* связывает несколько субъектно-речевых планов, объединяет ряд эпизодов романа в одну сюжетную линию, а также активно участвует в создании текстовой модальности, психологизма повествования. С помощью ФЕ осуществляются разные виды литературной коммуникации: внутритекстовая в сферах автор – персонаж, персонаж – пер-

сонажи; внешнетекстовая в сфере автор – читатель (Попова 2001). В единую повествовательную ткань произведения соединяются фрагменты прямой, несобственно-прямой и внутренней речи персонажа. Авторское ироническое отношение к герою выражено системой смысловых контрастов, использованием гиперболы, текстовых синонимов и антонимов.

Рассмотрим ключевые фразеологические конфигурации, в пределах которых наблюдается тесное смысловое взаимодействие русских и польских фразеологизмов.

Из газеты инженер Парчевский узнаёт о смерти своего хозяина. Неожиданное известие приводит его в крайне возбуждённое эмоциональное состояние:

«Читая заметку, Владислав Викентьевич Парчевский едва не лишился сил. Он дважды вспыхивал от бурного прилива крови, дважды белел как мел. «Умер. Громов умер. Хозяин умер…». Он искал *точки опоры* – радоваться ему или горевать? – но всё под ним качалось, плыло. Трясущимися руками он разболтал в воде порошок брому и залпом выпил.

Чёрт возьми, как же?.. Нина Яковлевна… Молодая вдова… Бардзо, бардзо… Эх, осёл, *пся крев*, дурак!.. Не мог он, *бесов сын*, своевременно увлечь хозяйку. Но *пёс* же *её знал*, что она так внезапно, так трагически овдовеет. Несчастная Нина, несчастный инженер Парчевский! Всё богатство, вся слава теперь, наверное, достанется Протасову. И слепцу видно, в каких он отношениях с хозяйкой.

«Нет, врёшь, врёшь, *пся крев*, врёшь! Ещё мы с тобой поборемся. Я с тобой, милорд Протасов, *по мелочам* рассчитываться не буду, а сразу, оптом» (Шишков 1983: 53).

Фразеологическая конфигурация представляет собой фрагмент третьеличного повествования, которое включает несобственно-прямую и внутреннюю речь пана Парчевского. Контекст, объединяющий три абзаца, содержит фразеонабор: *точка опоры; чёрт возьми; пся крев* (ср. с русской ФЕ *собачий сын* устар. грубо-прост. ‘бранное выражение, употребляемое применительно к лицу мужского пола’); *бесов сын* (ср. с узуальной ФЕ *чёртов сын* устар. грубо-прост. ‘бранное выражение, употребляемое применительно к лицу мужского пола’); *пёс её знал* (*чёрт его знает* прост. экспрес. ‘совсем неизвестно, никто не знает’; ‘выражение возмущения, недоумения’); *по мелочам* (дефиниции русских ФЕ здесь и далее приводятся по словарю (ФСРЛЯ 1997).

ФЕ *пся крев* повторяется дважды и выражает негодование героя: сначала по поводу своей нерасторопности и недальновидности относительно овдовевшей хозяйки, затем – в адрес счастливого соперника, инженера Протасова. В контексте осуществляется семантизация польской ФЕ *пся крев* путём использования контекстуального фразеологического синонима *бесов сын* и корневого повтора компонентов *пся – пёс*. Смысловой ряд просторечных фразеологизмов *пся крев – бесов сын – пёс её знал* усиливает негативную окрашенность речи пана Парчевского, в стилистическом и эмоционально-экспрессивном плане противопоставляется книжной ФЕ *точка опоры* (‘что-либо являющееся исходной базой для каких-либо действий’). Возмущение героя нарастает, когда он мысленно обращается к инженеру Протасову. Его внутренняя речь построена на контекстуальной антонимии ФЕ *пся крев* и

насмешливого именования соперника *милорд Протасов*, что создаёт сарказм оценочных суждений Парчевского.

Развенчивая лицемерного героя, автор показывает резкое несоответствие его прямой и внутренней речи. Если вслух Парчевский старается выражаться витиевато, используя книжную лексику, различные перифразы и церковнославянизмы, то мысленно, про себя, он характеризует людей крайне пренебрежительно, не стесняясь бранных слов и выражений. Сравним: *Судьба… ввергает меня в мрачную роль палача вашей нежнейшей души; принимая во внимание вашу христианскую настроенность и покорность воле божией; отправился в страну, где царствует Плутон* (реплики, адресованные Нине Громовой); *Негодяй!.. Нет, какое коварство?! У, пся крев!* (мысленно – о Прохоре Громове).

Наиболее ярко речевое поведение Парчевского проявляется в его внутренних характеристиках инженера Протасова, к которому он относится предвзято, несправедливо:

«Не седеющей же голове Протасова тягаться с молодым ясновельможным паном, в жилах которого течёт кровь, может быть, самого круля Яна Собесского. Он же великолепно подметил отношение хозяйки к этому русскому пентюху Протасову…

Положим, пани говорила не те слова, даже совсем другими были её речи, но она именно сказала бы так, если б этот проклятый смерд Протасов не высунул в дверь свою бульдожью башку, чтоб всё подглядеть, всё подслушать своими ослиными ушами. О, *пся крев!*..» (Шишков 1983: 68).

Польский фразеологизм *пся крев*, располагаясь в постпозиции анализируемого контекста, является итоговой, обобщающей оценкой. Предшествующие лексические корреляты ФЕ раскрывают, конкретизируют семантику устойчивого оборота: *русский пентюх* (*пентюх* прост. презр. ‘медленно соображающий, непонятливый человек’); *проклятый смерд* (*смерд* устар. ‘презрительное название простолюдина, человека незнатного происхождения’). Аксиологические характеристики, детализирующие портрет инженера Протасова в восприятии Парчевского, выражены образными метафорическими словосочетаниями *бульдожья башка, ослиные уши,* усиливающими негативизм предвзятого отношения.

Ход мыслей Парчевского свидетельствует о его духовной низости: стараясь возвыситься перед Ниной и в собственных глазах, самонадеянный и заносчивый герой стремится унизить соперника, наделить его недостойными качествами, которыми тот реально не обладает. Контекст, состоящий из двух абзацев, построен на гиперболизированном контрасте: *седеющая голова – молодой ясновельможный пан; проклятый смерд – в жилах… течёт кровь… круля* [короля] *Яна Собесского* (ср. с узуальной ФЕ *голубая кровь* ‘человек дворянского сословия, аристократического происхождения’). Явно преувеличивая свою принадлежность к высшему обществу, Парчевский в то же время сильно сгущает краски, презрительно характеризуя низкое социальное происхождение Протасова. Контекстуальные противопоставления являются средством создания авторской иронии, разоблачающей нравственную и личностную несостоятельность чванливого героя, промотавшегося карточного игрока, пользующегося покровительством влиятельного дяди-губернатора.

Истинная сущность двуличного Парчевского проявляется в его откровенных диалогах с любовницей Наденькой. В задушевном разговоре с ней он не стесняется прямо заявлять о своих корыстных намерениях:

« – Слушай! – лихорадочно зашептал он Наденьке в лицо… – Я *с ума схожу*… Слушай! Я должен жениться на хозяйке… Когда женюсь – неужели, ты думаешь, буду её любить? Клянусь тебе *божьей матерью*, что ты будешь моей самой близкой, самой дорогой гражданской супругой! А Нину я *скручу в бараний рог*… Нет, я *с ума схожу*… О, *матка бозка, матка бозка!*..» (Шишков 1983: 54).

Фразеологическая конфигурация, представляющая собой прямую речь героя, содержит фразеонабор: *с ума схожу; божья матерь; скручу в бараний рог; матка бозка*. Здесь используются эквивалентные фразеологизмы: русская ФЕ *божья матерь* и контактно повторяющийся польский устойчивый оборот *матка бозка*. Соотносительная пара ФЕ передаёт эмоциональное напряжение импульсивного героя, воодушевлённого своими несбыточными мечтами. Ироническую окрашенность приобретает фразеологизм *скрутить в бараний рог* (прост. экспрес. ‘жестокими притеснениями добиться покорности, полного подчинения кого-либо, расправиться с кем-либо непокорным’), семантика которого совсем не соответствует характеру и поведению трусоватого, зависимого, эмоционально неустойчивого Парчевского.

Таким образом, фразеологизмы *пся крев, матка бозка* отражают национально-культурную специфику речевого поведения поляка Парчевского, передают психологические особенности его личности. В составе фразеологических конфигураций осуществляется тесное смысловое взаимодействие польских ФЕ с русскими устойчивыми оборотами. Писатель использует межъязыковые фразеологические синонимы (*пся крев – бесов сын*) и эквивалентные ФЕ (*матка бозка – божья матерь*). В контекстном окружении анализируемых фразеологизмов активно употребляется польская лексика (*бардзо, пан, круль Ян Собесский*). С помощью польско-русских языковых средств точно и выразительно создаётся речевой портрет героя, происходит динамическое развёртывание образа пана Парчевского, формируется эмоциональная тональность текста.

1. *Попова Е.А.* Коммуникативные аспекты литературного нарратива: научная монография. Липецк, 2001.

2. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 тт. /сост. А.И.Фёдоров. М., 1997 (ФСРЛЯ).

3. *Шишков В.Я.* Собрание сочинений в 8 тт. Том 4. М., 1983.

4. Skorupka Stanisław. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Tom 1. Warszawa, 1974.

асп. Чэнь Янь (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Трудно сказать, когда зародилась сопоставительная фразеология как самостоятельная дисциплина. Во многом она выросла из сопоставительной лексикологии и лексикографии. При написании двухязычных словарей, в которых обычно приводились и фразеологические единицы при том или ином слове, приходилось сопоставлять не только слова, но и фразеологизмы, образованные на базе заголовочных слов.

С развитием сопоставительного языкознания в начале XX века стали говорить и о сопоставительной фразеологии как самостоятельном направлении. Например, в 20-е годы об этом говорила И.М. Вульфиус. Она полагала, что сопоставление фразеологических единиц может дать чрезвычайно важный материал для изучения природы фразеологизмов в целом.

В более поздние годы проблемы сопоставительной фразеологии поднимались в работах таких крупных лингвистов, как Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко. Последний, в частности, изучал фразеологизмы главным образом в диахроническом сравнительно-сопоставительном аспекте. В работах Л.И. Рой зензона и Ю.Ю. Авалиани разрабатывались сопоставительные проблемы фразеологии различных языков. В середине и во второй половине XX века сопоставительная фразеология уже набрала большую силу, стали появляться целые книги, посвященные сопоставлению фразеологизмов разных языков, двуязычные фразеологические словари, в которых сопоставлялись фразеологические системы различных языков (см.: Райхштейн, 1980; Кунин, 1998; Солодуб, 1985; Молотков, Жост, 2001; Китайско-русский фразеологический словарь, 1968; Новый Большой китайско-русский фразеологический словарь, 2004 и др.), проблемы сопоставительной фразеологии разрабатывались применительно к теории и практике перевода (см.: Рожанский, 1948; Барабаш, 1955; Костелянц, 1955; Кунин, 1960; Зимин,1970; Шадрин, 1991 и др.), а также в целях составления двуязычных фразеологических словарей, для преподавания иностранных языков в школе и в вузе, для изучения этнических, стилистических, образно-эмотивных и других особенностей фразеологических единиц разных языков (см.: Белкина, 1977; Бушуй, 1979; Бичерина, 1998; Баженов, 1999; Тянь Дзюнь, 2001 и др.)

Активно разрабатывались методологические проблемы сопоставительного анализа фразеологических единиц разных языков. Сопоставление самых различных единиц языка (слов, грамматических категорий, словообразовательных типов и т.п.) составляло благодатный широкий фон сопоставления фразеологизмов. «Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление форм, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательеное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конструирования объединяющих их микросхем, субсистем и систем. Основной элемент

лингвистического сопоставления – выявление тождественных (интегративных) и различающихся (дифференциальных) признаков сравниваемых фактов языка» (Райхштейн, 1980: 6). Добавим к этому, что в синхронном сравнительно-сопоставительном анализе различных языковых единиц (слов, фразеологизмов, грамматических категорий, синтаксических структуру и т.п.) внимание было направлено на вскрытие структуры, значения и функционирования сопоставляемых фактов различных языков. «Всякое сопоставление требует выполнения, по крайней мере, следующих основных условий:

а) должна наличествовать база сопоставления, т.е. определенное принципиальное тождество, на фоне которого рассматриваются как более частные сходства, так и различия сопоставляемых объектов;

б) должна применяться единая теория, единый понятийный и терминологический аппарат при описании всех сопоставляемых объектов» (Райхштейн,1980: 7).

При сопоставлении фразеологических единиц приходится сталкиваться с большими трудностями, которые обусловлены различной степенью разработанности теории и практики сопоставительного анализа в этих языках, разнообразием структурно-семантических признаков различных разрядов фразеологизмов и т.п.

Основным понятием сопоставительной фразеологии является межъязыковая фразеологическая эквивалентность. Усилия многих исследователей были направлены на выработку системы межъязыковых фразеологических эквивалентов. Думается, что до сих пор нет еще более или менее единого понимания межъязыковой фразеологической эквивалентности, хотя обозначение различных типов межъязыковых фразеологических эквивалентов во многом сходны у разных «разработчиков». Очевидно, что исследователи поразному понимают семантическую структуру фразеологизма, различным образом выделяют наиболее главные компоненты семантической структуры, по-разному видят зависимость и взаимоотношения между компонентами, по-разному понимают коннотацию фразеологических единиц и т.п. От этого во многом зависит и выделение тех или других фразеологических межъязыковых эквивалентов.Так,например,некоторые исследователи (см.: Туровер,1973; Быстрова,1976), анализируя фразеологизмы в типологическом аспекте, приходят к мысли о необходимости разграничивать межъязыковую фразеологическую эквивалентность и типологическую идентичность фразеологических единиц. Это во-первых. А во-вторых, они выделяют полные конвергенты - структурно-семантические тождества, харатеризуя фразеологизмы, полностью совпадающие по семантике, внутренней форме, лексическому составу, стилистической окраске, лексико-семантической сочетаемости и т.п. Во многих случаях допускаются различия в семантике. Фразеологические эквивалеты, по Влахову и Флорину, это фразеологизмы в принимающем языке, по всем показателям равноценные переводимым фразеологическим единицам. Обычно вне зависимости от контекста они обладают теми же денотативными и коннотативными значениями, иначе говоря – между соотносительными фразеологическими единицами не бывает различий в отношении смыслового содержания, стилистических особенностей, метафоричности, эмотивности и экспрессивной окраски, они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, ряд одинаковых лекси-

ко-грамматических показателей: сочетаемость, принадлежность к одной грамматической категории, употребительность и т.п. Важным свойством фразеологических межъязыковых эквивалентов признается отсутствие национального колорита. Национальный колорит является свидетельством национально-культурного своеобразия фразеологизма, а это приводит к невозможности признать фразеологическую эквивалентность фразеологизмов даже при их семантической и грамматической близости (Влахов, Флорин, 1986: 233).

Можно с уверенностью сказать, что самое главное при сопоставлении фразеологизмов двух языков – это отыскание в семантической структуре соотносительных фразеологизмов определенных значимых компонентов, релевантных для сопоставительного анализа. Причем, чем больше параметров в семантической структуре будет выделено, тем детальнее и полнее будет сопоставительный анализ фразеологических единиц двух языков.

Различные исследователи при сопоставлении фразеологизмов разных языков выделяют те или другие параметры сопоставления. Мы охарактеризуем с этой точки зрения некоторые работы, в которых сопоставляются фразеологизмы разных языков.

Молодой исследователь Тянь Цзюнь, сопоставляя семантические структуры разных языков, выделяет следующие параметры:

Денотативный параметр (по результату переосмысления свободного синтаксического прототина фразеологизма применительно к механизмам вторичной номинации). Ср. русский фразеологизм *гнуть спину* и китайский bēi gōng qū xī (букв. гнуть спину, опуститься на колени) – унижаться, заискивать, раболепствовать. Тянь Цзюнь усматривает в этих фразеологизмах сочетание двух денотатов: денотат-1 – предметная ситуация, передаваемая словосочетанием в буквальном значении, т.е. действие “гнуть спину” и “сгибая спину, опуститься на колени”, денотат-2 – уже переосмысленная ситуация, представленная не в конкретно-предметном, а в абстрагированном виде:“состояние униженности, подобострастия низшего высшему на социальной иерархической лестнице”. Естественно, что денотат-2 – это обозначаемая фразеологизмов ситуация, представляющая выводное значение или объект фразеологической номинации, она производна, вторична по отношению к денотату-1.

Сигнификативный параметр сопоставления (по отраженной в сознании совокупности свойств соответствующей денотативной ситуации). Ср. русский фразеологизм *висеть/держаться на волоске* - оказываться в опасности, под угрозой гибели и китайский фразеологизм qiān jūn yī fà (букв-.что-либо весом тысяча цзюнь висит на волоске; цзюнь - это единица, обозначающая вес и составляющая пятнадцать килограммов). Поэтому семантическая структура китайского фразеологизма, в отличие от русского, приобретает конкретизирующий семантический признак - “оказываться в крайне опасном положении”.

Коннотативный параметр сопоставления. В представлении Н.Ф. Алефиренко, коннотация представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических элементов. Экспрессивный и оценочный элементы, по В.И. Шаховскому, считаются денотативными. Однако все эти

компоненты, как правильно уверяет Тянь Цзюнь, имеют существенное значение при сопоставлении фразеологизмов русского и китайского языков, иногда влияют на семантическое различие фразеологизмов в сопоставляемых языках. Например, *строить/делать глазки* кому и méi lái yan qù (букв. брови двигаются, глаза дви гаются) – разг. игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо, кокетничать с кем-либо. Эти два фразеологизма обладают одинаковым оценочным компонентом – отрицательным отношением говорящего к предмету и одинаковым эмотивным компонентом – неодобрительностью. Но они различаются образным, экспрессивным и стилистическим компонентам: китайский фразеологизм относится к разговорным, а русский – к межстилевым. Поэтому эти элементы при сопоставлении фразеологизмов разных языков должны находиться в центре внимания исследователя.

Номинативный параметр сопоставления (по внутренней форме как эпидигматическому элементу фразеологической семантики). Ср. русский фразеологизм *держать язык за зубами* и китайский shou kou rú píng (букв. держать рот, как горлышко бутылки, закупоренным). Эти фразеологизмы выражают одинаковое значение «молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях», но обладают разными внутренними формами. Конечно же, внутренние формы при сопоставлении фразеологизмов разных языков играют очень важную роль.

Экстенсиональный (по объему понятия) и интенсиональный (по ядру фразеологического значения) параметры сопоставления. Ср. русский фразеологизм *показывать/показать когти/зубы* – проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, обнаруживать готовность дать отпор кому-либо – и соотносительный с ним китайский zhāng yá wu zhao (букв. оскалить зубы, выпускать когти) –проявлять по отношению к кому-либо сильную враждебность, нетерпимость. Русский фразеологизм обладает более конкретным интенсионалом (готовность дать отпор), но более узким экстенсионалом по сравнению с китайским, который может выражать не только значение “обнаруживать готовность дать отпор кому-либо”, но и значение “испугать кого-либо, угрожать кому-либо”. Проделав сопоставление, Тянь Цзюнь уверяет, «чем конкретнее интенсионал фразеологического значения, тем уже его экстенсионал» (Тянь Цзюнь 2001: 11).

Мы высказали самые основные соображения о сопоставлении фразеологизмов разных языков. В дальнейшем с разработкой функционально-параметрического отображения семантики фразеологизмов стала активнее разрабатываться система межъязыковых фразеологических эквивалентов, появились работы, в которых велось сопоставление фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте. В целом сопоставительная фразеология шагнула намного вперёд.

1. *Авалиани Ю.Ю.* Образная структура фразеологических единиц в разносистемных языках : опыт сопоставительного типологического анализа. // Вопросы сравнительной типологии. Ташкент : ТГПИИ им. Ф. Энгельса. 1981.

С. 199-201.

2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М. : Высшая школа, 1986. 416 с.

3. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. 1980.

4. *Тянь Цзюнь.* Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

к.ф.н., доцент В.М. Шетэля (Москва)

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С «ОБЩИМ» ДЛЯ ЭТИХ ЯЗЫКОВ ЗНАЧЕНИЕМ *«ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»* (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Прежде всего важен отбор русских фразеологических единиц в сопоставлении с польским языком, которых смыслы выражали бы душевное состояние человека. Не всегда основное значение единицы указывает на данную тему. Напр., **бить баклуши** в знач. «бездельничать», которое-то физическое состояние в определенных условиях можно оценить как результат душевной усталости, т.е. определенного душевного срыва. В переводе на польский язык наиболее уместно здесь выражение łowić muchy, который соответствует русскому выражению **ловить мух**. Польский и второй русский вариант не имеют отношение к данной фразеологической семантической группе. Особенно это видно в: Zamiast pracować to łowił muchy.

Фразеологизм **валиться с ног** – padać z nóg, если исходить из предыдущей установки, скорее всего выражает крайнюю степень и душевной и физической усталости человека.

Другими выражениями, где прямо указана данная семантика «душевное состояние человека» будут единиц типа **вгонять в краску** – „застыдить". В польском языке соответствует ему образное выражение spiec raka – значение можно передать описательно: „вогнать в ту краску в какой оказался сваренный рак".

Фразеологизм **каша в голове** – прямо выражает душевное состояние человека „кто-л. путано мыслит, не может разобраться в чем-л." (Шанский, Зимин, Филиппов, Опыт, с.66). В подобном случает поляки говорять: plewy w głowie (plewa – мякина) – „ мякина в голове".

Подобного рода выражениями, где прямо представлено состояние человека, будут: **ветер в голове** – wiatr w głowie; **взяться за ум** – pójść po rozum do głowy; przybyło oleju w głowie (здесь выражено представление о том, что величина ума прямо зависит от количества масел в голове); **голова на плечах** – baśka pracuje (в польк. дословно: „голова работает", baśka синоним głowa, – от тюрк. баш – «голова»).

Не всегда русский фразеологизм „переводится" на польскую соответствующую фразеологическую единицу. См., напр.: **кошки на сердце скребут –** ciężko na duszy (na sercu) – это скорее словосочетание со знач. „тяже-

ло в душе (сердце)"; **владеть собой** – sprawić się z sobą и др.

В трактовке двух последних единиц можно заметить, что глубокий смысл **владет собой** заключается, в отличие от польской пары в том, что человек „перевзгмог себя" за счет „внутренних собственных сил" в то время, когда польский вариант в большей мере указывает на „внешние силы", которые помогли ему в этом.

В итоге можно отметить, что всегда необходим тщательный анализ каждой в отдельности взятой единиц и пары единиц. А также подобного рода сопоставления в области фразеологии близкородственных языков, во-первых, возможны, а во-вторых, полезны для описания сущности языка, как средства выражения мысли и коммуникации.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус.яз., 1987.

Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – t. I – II. – Warszawa, 1974.

РАЗДЕЛ 4: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

д.ф.н., профессор А.М. Архангельская (Оломоуц, Чехия)

МОТИВАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АНТРОПНОЙ СФЕРЫ *«УМ» - «ГЛУПОСТЬ»* (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Проблемы языковой номинации в последние десятилетия пребывают в зоне пристального внимания лингвистической науки. Ученые пытаются понять, каким образом в границах различных типов номинации происходит перевод фрагмента внеязыковой действительности в словесную (вербальную) форму, какие сферы человеческого знания оказываются задействованными в вербализации отдельных фрагментов внеязыковой действительности и какую специфику в этом отношении выявляют языковые сферы, в которых номинация осуществляется. Не случайно в последнее время исследователи все чаще обращаются к изучению ономасиологического аспекта номинации с точки зрения типа номинации и сферы, в которой она осуществляется, говоря о специфике узуальной и окказиональной номинации, о номинации общеязыковой и диалектной, сленговой, жаргонной и т.д. Проблемами мотивации как ключевой составляющей процесса наделения внеязыкового факта именем посвящены работы А.В.Кунина, Н.Д.Голева, С.М.Толстой, Т.В.Леонтьевой, Е.Л.Березович, М.Э.Рут, В.М.Мокиенко, Т.В.Бахваловой, В.А.Губановой и др.

Обращение в предложенной статье к мотивационному моделированию антропной сферы *«ум» - «глупость»* не случайно. Эта сфера была нами подробно изучена на материале словарей русского языка общего типа (в сравнении с украинским и чешским) [3; 4], поэтому вопрос о том, насколько модели, определенные нами на материале изучения 122 лексических и фразеологических единиц, обозначающих *дурака* в русском языке (общеязыковая номинация) коррелируют с материалом диалектной лексики и фразеологиии (диалектная номинация), представился интересным. Материалом для анализа избран словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» М.А-.Алексеенко, О.И.Литвинниковой, Т.Г.Белоусовой [1]. Ценность этого словаря – в его антропоцентрической направленности. Это словарь пассивно-активного типа, комплексный, объяснительно-толковый, с семантико-идеографической систематизацией материала, чем он и отличается от имеющихся идеографических словарей. Специфичными здесь оказываются характер фактического материала и способ его подачи: ФЕ сгруппированы по общей

для них смысловой доминанте, представленной частными оппозициями и отдельными понятиями (т.е. по общему для них номинационному значению). Интересующий нас фрагмент словаря «Интеллект и психика» включает оппозиции «образованный – необразованный», «память – беспамятство», «психическая норма – отклонения от нормы», «ум – глупость» [1: 11]. Кроме того, здесь ярко представлено явление пересечения классов, чрезвычайно важное в ономасиологически сориентированных исследованиях.

Прежде всего нас интересовала система мотиваторов, обеспечивающих перевод идей, понятий в словесную (вербальную) форму, номинативная активность мотиваторов, выступающих во вторичной функции называния. Исследование, предложенное в данной статье, было осуществлено на материале одного из фрагментов противомотивационной сферы, «работающей» на вербализацию денотата «дурак» русской диалектной фразеологии, - это антропная сфера, в которой мотивационно базовым выступает соотношение «дурак» - сфера наименований человека (имена собственные, прозвища, наименования-оценки). Антропометрично сориентированное сознание субъекта-номинатора в первую очередь «примеряет» действительность на себя, онтологически отождествляя проявления и рефлексии человека глупого со сферой наименований человека вообще.

Оценочное искривление действительности с точки зрения фразеологических номинантов, обозначающих дурака, ориентировано на экспликацию негативных интеллектуальных характеристик лица, следовательно, на искривление в худшую сторону. Субъект-номинатор достигает этого с помощью усиления вербального представления о менеценности человека не-умного. Стимулом такой экспликации в системе фразеологических номинантов, засвидетельствованных словарями общего типа, также выступает имя собственное как социальный знак. Исследователи славянского антропонимикона утверждают, что в Древней Руси существовала выразительная дифференциация личных имен соответственно статусу их носителя – имена барские (позже городские) и холопские (позже сельские) (А.Суперанская, В.Никонов, В.Бондалетов, В.Химик). При этом негативная оценка человека-дурака коррелирует прежде всего со сниженной социальной характеристикой гипокористической формы имени собственного, которое использовалось в нижних слоях общества. Сопоставление систем собственных имен-мотиваторов вербального отождествления понятия ?дурак? в литературном языке и в диалектах показало интересные различия.

В русском литературном языке номинативной активностью обозначены *Иван (Ванька, Ваня, Иванушка), Марья (Маня), Евдокия (Дуня, Дунька)* и редкие мужские имена с высокоинформативным звуком *ф*, которому было свойственно символическое значение (*Фатюй, Фалалей, Фофан, Феотих, Феоптих, Олуферий)*. На материале русской диалектной фразеологии [1] нами зафиксированны в подобной функции иные как мужские, так и женские имена (6 мужских – Алексей (*Алеша, Леха)*, Василий (зв. форма *Вась-Вась*), Енох (*Аноха*), *Михей*, *Максим*, Пантелей (*Пантюха*) и 4 женских – Полина (*Поля*), *Маланья*, Акулина (*Окуля*) и *Федора*). Многие имена указывают на незавершенный процесс их апелятивизации, поэтому в Словаре одни из них орфографически засвидетельствованны как собственные, другие – как нарицательные. Мужские и женские имена сориентированны на вербализа-

цию таких характеристик: «глупый, дурак»: *Вась-Вась* презр. «Глупый, дурак», *Аноха-праведник (праведный)* «Простофиля, дурак, глупец, разиня», *Окуля беспятая* «Глупая, неопрятная женщина»; «дураковатый, глуповатый, чудаковатый: *в голове одни михеи* «о недогадливом, глуповатом человеке», *Леха боханский* «Дурачок», *с максимцем в голове, максим в голове* «О человеке чудаковатом, со странностями»; «невежда, темный человек», *тюха-пантюха* пренебр. «Невежда, глупый, темный человек», «тупой, бестолковый» *дуракова пуля* «тупой, бестолковый человек»; «сумасбродный, неуравновешенный человек» *Алеша бесконвойный* «Сумасбродный, неуравновешенный, с причудами человек»; «плохо соображающий человек» *Федора беспутная* «Медленно, плохо соображающий человек»; «медлительный, нерасторопный», *тюха-пантюха* «Медлительный, нерасторопный человек»; «не умеющий считать», *маланьин счет, маланья бессчетная* «Человек, не умеющий правильно считать».

Наибольшую номинативную активность показали имена Пантелей (*тюха-пантюха* – невежда, глупый, темный, медлительный, нерасторопный), Енох (*Аноха-праведник* – простофиля, дурак, глупец, разиня), *Алексей* (*Алеша бесконвойный* – сумасбродный, неуравновешенный человек, *Леха боханский* – дурачок). Заметим, что в этой сфере номинантов мужские и женские имена часто не обнаруживают прямой корреляции с денотатом-мужчиной или женщиной. Большинство ФЕ с компонентом-антропонимом обозначают человека вообще (предположительно и мужчину, и женщину): *дуракова поля* «Тупой, бестолковый человек»; *с максимкой, с максимцем в голове* «Придурковатый, умственно неполноценный человек», *Федора беспутная* «Медленно, плохо соображающий человек»; в то же время *Леха боханский* «Дурачок (о мужчине)», *Вась-Вась* «Глупый, дурак (о мужчине)», *Окуля беспятая* «глупая, неопрятная женщина».

Следующей группой антропных мотиваторов в русской диалектной фразеологии стали прозвища-этнонимы. Оппозиция «свой – чужой», одна из базовых в наименовании лица по оценочно отрицательному признаку во всех славянских языках, опирается на исходный тезис «чужой – худший, менее ценный» (в данном случае – умственно ограниченный). Небезынтересно, что в сфере наменований дурака, зафиксированных нами в словарях общего типа, не представлено ни одной ФЕ с таким мотиватором. В диалектной фразеологии мы обнаружили 4 мотиватора-прозвища *малалайка* «парнишка, обычно молодой татарин», *чухонь* «прозвище пригородных финнов», *чудь* «общее название финских племен в Древней Руси», *турок* «плохо соображающий человек», ставших базовыми для становления формы ФЕ, обозначающих дурака. Эти мотиваторы сориентированны на вербализацию следующих характеристик: «бестолковый», *как малый малалайка* «Глупый, бестолковый», *чухонь чухонью* «О бестолковом человеке»; «глупый», *как малый малалайка* «Глупый, бестолковый»; «темный, некультурный», *такая (этакая) чудь* «Темный, некультурный человек», «неразвитый , необразованный», *чуда лапотная* «Неразвитый, необразованный человек»; «медленно, плохо соображающий», *турок бестолковый* «Медленно, плохо соображающий, воспринимающий что-л. человек».

В группе ФЕ с антропным оценочным компонентом представлены мотиваторы, содержащие сему пола человека (*баба*), наименование лица, мен-

тально или физически неполноценного (*божий человек, кавада, калека, урод*), наименования лица (со значением пола) по признаку отсутствия ума (*дурак, дура*), диалектные оценочные наименования лица по характерному отрицательно оцениваемому признаку (*талала, зеворотка, сипатра, урево*).

Феминатив *баба* в составе ФЕ *рязанская баба* включается в одном из своих значений в формирование содержания «Темная, отсталая женщина», однако в Словаре [1: 124] обнаруживаем пример *Што баба рязанская, мушшына ня развитай ни на какая дела*, свидетельствующий о транспозиции этих характеристик женщины на мужчину. Наименование дурака через мотиватор-номинант душевно или физически неполноценного человека встречаем и в словарях общего типа. Такой статус человека лишает его основного признака человека разумного – способности мыслить. О трансформациях наименования *божий человек* в языковое обозначение дурака писал в свое время В.И.Даль (народ считает юродивых *божьими людьми*, в то же время божьего человека позже стали понимать как юродивого, придурковатого, идиота); *урода* – В.В.Колесов (уродов, по В.В.Колесову, тоже считали божьими людьми, поскольку на них обычно заканчивался род (они, как правило, не имели потомства)). С умственной неполноценностью также ассоциируется *калека*: *урод (калека) беспутный* «Медленно, плохо соображающий, воспринимающий человек». Подобную роль выполняет и диалектное прозвище блаженного *кавада*: *как кавада ходит* «О бестолковом, придурковатом человеке». Единицы *дурак* и *дура* достаточно четко сориентированны на обозначение гиперпризнака «дурак, полный дурак» мужчины и женщины: *нагольный дурак (дура)* «Абсолютный, полный дурак (дура)», *неподсеваный дурак* «Очень глупый человек», *непетая дура* «Глупая женщина». Вербальное эксплицирование менеценности дурака в диалектной фразеологии осуществляется и с помощью мотиваторов-оценочных наименований человека *талала* (*беззубый талала* «Старый, выживший из ума человек», *сипатра: сипатра беспутный* «Беспутный, медленно, плохо соображающий человек», *урево: урево уревом* «Глупый, бестолковый человек».

Объем статьи не позволяет представить в ней системное сопоставление мотивационных сфер в общеязыковой и диалектной номинации дурака, однако даже фрагментарный анализ показывает многочисленные различия и сходства в выборе конкретных мотиваторов как средств вербализации общего понятия «дурак». Такой подход к анализу материала мог бы способствовать созданию словаря мотивов оязыковления понятия «ум – глупость» в различных сферах номинации по образцу «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне» Н.П.Андреева [2] и углубить наши представления о взаимодействии концептуальной и языковой картины мира.

1. *Алексеенко М.А., Литвинникова О.И., Белоусова Т.П.* Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. – М: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 238 с.

2. *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по система Аарне. – Л.: Изд. Гос. рус. географ. общества, 1929. – 118 с.

3. *Архангельська А.* «Чоловік» у слов'янських мовах :Монографія. – Рівне: РІС КСУ, 2007. – 448 с.

4. *Архангельська А.М.* Вербалізація позамовного змісту «чоловік нерозумний (дурень)» у слов'янських мовах // Лінгвістика: Зб. наукових праць . - Вип. 3 (15).- Луганськ, 2008. – с. 14-24.

к.ф.н., доцент Ю. В. Архангельская (Тула)

КАМЕРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Современные исследователи отмечают необходимость изучения широких пластов фразеологии, лежащих за пределами той сравнительно небольшой ее части, которая находит отражение в словарях и справочниках. Так, польский лингвист Войцех Хлебда, размышляя о месте фразеологии в межчеловеческом коммуникативном пространстве, в частности, пишет о том, что до сих пор анализу подвергалась весьма незначительная часть фразеологии – ее узуальная составляющая, тогда как все, что лежит за ее пределами (начиная от фразеологии отдельных семей и индивидуумов и заканчивая фразеологией глобальных общностей), исследовано в гораздо меньшей степени, а чаще всего не исследовано вовсе. Рассматривая степень изученности фразеологического состава речи этих групп, В. Хлебда приходит к интересному выводу: «Фразеологичность… можно считать величиной относительной, т. е. определять ее по отношению к тем факторам, относительно которых рассматривается воспроизводимость: относительно места, времени и людей. Таким образом, правомерно говорить, например, о фразеологии семейства Толстых и о фразеологии НЭПа, о фразеологии митьков и о фразеологии строителей БАМа, о фразеологии той или иной предвыборной кампании и о фразеологии коллектива «Независимой газеты», фразеологии говоров Сибири, фразеологии Совдепии, фразеологии Ивана Ивановича Кузнецова, наконец…» (Хлебда 2003: 175).

В данной работе будет предпринята попытка проанализировать именно семейную фразеологию, точнее, фразеологию одной семьи, а еще точнее, нескольких семей, восходящих к одной фамилии и имеющих одного предка – моего прадеда протоиерея Михаила Прохоровича Архангельского. М.П. - Архангельский, несмотря на то что большую часть своей сознательной жизни (в продолжение почти 50 лет) прослужил в одном сельском приходе (село Русалкино Каширского уезда Тульской губернии), был весьма образованным для своего времени (вторая половина XIX в. – начало XX в.) и известным человеком. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что после его кончины «Тульские епархиальные ведомости» печатали о нем семейно-бытовой очерк в 3-х номерах (с продолжением) общим объемом 18 страниц (Ильинский 1910). Все пять сыновей о. Михаила стали священниками, в том числе и мой дед Леонид Михайлович Архангельский, который оставил весьма интересные и подробные (более трехсот страниц) воспоминания о своем детстве, о семье, об односельчанах. Значительное место уделено в этих мемуарах описанию этимологии тех выражений, которые и до сих пор употребляются в семьях большинства потомков о. Михаила. С лингвокультурологической точки зрения это уникальный материал, фиксирующий факт появления неких новообразований, для обозначения которых мы будем использовать термин «камерная фразеология».

Данный термин впервые употребил и ввел в научный оборот В. Л. Архангельский (Архангельский 1975: 133). Вслед за ним камерными фразеологическими единицами мы будем называть сочетания, значения которых не выводимы из значений составляющих их компонентов и которые при этом обладают устойчивостью и воспроизводимостью в узком кругу лиц, в частности замкнутом в пределах одной семьи. Разработка данной проблемы признавалась им чрезвычайно актуальной, но и доныне не получила должного научного обоснования.

По своей структуре камерные фразеологические единицы, как и узуальные, соотносимы с предложением или со словосочетанием и, по терминологии В.Л. Архангельского, В.Т. Бондаренко и др., являются устойчивыми фразами или фраземами соответственно (см. об этом Архангельский 1964, Бондаренко 1995).

Нами зафиксировано более сорока камерных фразеологизмов, употребляемых членами данной семьи. Этимология камерных устойчивых фраз обычно восходит к какому-либо случаю из жизни. Таково, например, происхождение выражения «Раечка, режь!» Дьяконица в селе Русалкине неожиданно овдовела, и после смерти мужа ей пришлось многие вопросы решать самостоятельно. Однажды она никак не могла понять, пора резать поросенка или нет: сельская глушь, XIX век, ноябрь, ледников ни у кого нет. Как сохранить мясо? Как понять, установятся ли холода окончательно, или еще будут продолжительные оттепели, и тогда все мясо пропадет? А семья большая, детей много, да и деньги нужны: часть мяса можно продать. Вот она к односельчанам и пристает с вопросом, резать ей поросенка или не резать. Но никто не может ее сомнения разрешить. Тогда пошла она, дьяконица Раиса, на кладбище, на могилу к мужу, и стала у него спрашивать, что ей делать. И вдруг, рассказывала она потом, из могилы раздался голос мужа, бас, которым гордились все прихожане местного храма: «Раечка, режь!» К этому рассказу все, конечно, относились с большим скепсисом, и с тех пор в семье Архангельских человеку, который никак не может принять решение и ко всем пристает с вопросом, что же ему делать в сложившейся ситуации, говорили с иронией: «Раечка, режь!» – что означало «перестань сомневаться, решайся и делай то, о чем спрашиваешь».

«Как правило, – отмечает К.Ф. Седов, – семейная субкультура хранит в себе память о нестандартных речевых ситуациях, в которых и были рождены ее элементы» (Седов 2004: 66). Так, семейная камерная устойчивая фраза «Не бойся, я тебя не брошу!» имеет следующую историю. В селе Русалкине священник, дьякон и прочий причт – все держали скотину (ведь жили практически за счет натурального хозяйства). На лето нанимали двух пастухов: один был семейный крестьянин из соседней деревни, а другой – нищий. Зимой крестьянин уходил в свою семью, а нищий оставался жить за печкой в доме о. Михаила приживалой и время от времени говорил ему: «Ты, отец Михаил, не бойся, я тебя не брошу!» С тех пор фразой «Не бойся, я тебя не брошу!», произносимой с добродушной иронией, в семье прадеда, а затем и в семьях его детей, внуков, а теперь уже и правнуков стали обозначать ситуацию, когда кто-либо живет за счет другого человека или пользуется постоянно и бесцеремонно его расположением и при этом все понимают, что нет никакой возможности избавиться от нахлебника.

Камерная устойчивая фраза «Он и поросенок-то был!» говорится иронически как бы от лица того, кто пытается оправдать свою оплошность, которая привела к какой-либо неприятности, чаще всего убытку. Интересна история, мотивирующая значение этого выражения. Мужик поссорился с женой, выскочил из избы и в сердцах пнул подвернувшегося под ноги поросенка, а тот издох. Почесал мужик в затылке, жалко поросенка, но признавать себя неправым не хочется, вот он и говорит: «Он и поросенок-то был!» – то есть некудушный был поросенок, никакого проку бы от него все равно не было.

При анализе этимологии камерных фразеологических единиц подобного типа исследователю часто приходится решать не только лингвистические, но и исторические и культурологические задачи, ведь подобные рассказы описывают случаи, происходившие иногда 100 – 130 лет назад, или реалии, которых нет в сегодняшней жизни, и поэтому современному человеку трудно понять мотивацию значения некоторых выражений. Так, для того чтобы понять этимологию камерной единицы «писать еры», употреблявшейся в данной семье как эвфемизм и означавшей «жить вне брака, незаконно, сожительствовать», следует, как минимум, знать кириллическое название буквы Ы – «еры». «Писать еры», то есть жить неправильно, мотивируется ирреальным фразеологическим образом: как если бы слово «жить» с орфографически правильным написанием означало правильную, законную жизнь в браке, а слово «жыть», написанное неправильно с буквой Ы («еры»), означало бы неправильную жизнь, прелюбодеяние, сожительство.

Внутренняя форма некоторых камерных фразеологических единиц данной семьи была неожиданно актуализирована в постперестроечное время, когда в актив вернулась лексика, относящаяся к лексико-семантическим полям «Религия» и «Вера». Когда я впервые в детстве услышала выражение «щепоточку приготовить» от своего отца, то, прежде чем объяснить мне его значение, ему пришлось сначала растолковать мне, рожденной в Советском Союзе, буквальное значение слова «щепоточка». Чтобы перекреститься, православные складывают три пальца правой руки: большой, указательный и средний – в щепоть. И только после этого я смогла понять значение камерной фраземы «щепоточку приготовить» – «предвкушать облегчение в ожидании того, что кто-либо скоро уйдет или уедет», а следовательно, можно будет перекреститься: дескать, слава тебе, Господи, ушел (уехал)! Мой сын, рожденный накануне перестройки, понял значение этой камерной единицы сразу, достаточно было только, произнося ее, сложить пальцы так, как складывают, чтобы перекреститься.

Л.П. Крысин отмечает, что при общении в малых социальных группах существуют две тенденции: «к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают его» (Крысин 1989: 85). Действительно, камерные семейные фраземы часто обладают яркой оценочностью, обычно – отрицательной. Например, выражение «фальшивая бумажка» в семье Архангельских уже более ста лет используют для характеристики человека, на которого нельзя положиться. Реконструируя внутреннюю форму, лежащую в ее основе, мы обнаруживаем следующую мотивацию: ненадежного человека называли «фальшивой бумажкой» по ассоциации с фальшивыми купюрами. От-

рицательная оценка присуща значению камерной фразеологической единицы «кобеля топить» – «изнывая от скуки, делать что-либо бессмысленное только ради развлечения, в то время когда, по мнению говорящего, следует заняться чем-нибудь полезным». Происхождение этого выражения восходит к одной из русалкинских историй. Подростки, болтаясь без дела, ничего умнее не придумали, как схватить кобеля и тащить его к пруду топить. Возмущенные прохожие, конечно, их остановили, отругали, так что собака не пострадала. Может быть, именно потому, что все кончилось благополучно, данный камерный фразеологизм хотя и имеет отрицательную оценку, однако в речевом контексте выражает обычно добродушную иронию, направленную на человека, валяющего дурака, вместо того чтобы заниматься делом: «Ну что, всё кобеля топишь?» Отрицательная оценочность свойственна и камерным фразеологическим единицам «(кто-либо) на головочку недотягивает» (со значением «глуп, плохо соображает») и «ходить (бегать) на полусогнутых (перед кем-либо)» (со значением «заискивать, пресмыкаться»), да и многим другим.

Выражение «клюквенно-морошечная женщина» – одно из немногих, обладающих положительной оценкой: так в данной семье называли терпеливую, способную к нудной, тяжелой, кропотливой крестьянской работе женщину. Камерное значение выражения мотивируется образом женщины, которая собирает ягоды (например, клюкву или морошку), в то время как ее одолевает гнус, но она не жалуется, а покорно выполняет неприятную работу. Известно, однако, что оценка амбивалентна, и в этом смысле данное выражение не является исключением, оно может употребляться и в иронических контекстах, приобретая в них уничижительную оценку при обозначении женщины деревенской, неотесанной, грубой, неутонченной.

У некоторых камерных фразеологических единиц развивается несколько значений (обычно два), хотя в целом, как и для узуальных фразеологизмов, полисемия для них не так характерна, как для лексем. Например, семейное выражение «неблагополучие под хвостом (у кого)» имеет следующие камерные значения: 1) о легкомысленном поведении женщины, заигрывающей с мужчиной (мужчинами); 2) о ком-либо, кто ведет себя странно или реагирует неадекватно на что-либо.

Таким образом, исследованный материал, с одной стороны, показывает общие закономерности функционирования камерных и узуальных фразеологизмов, с другой стороны, выявляет характерные особенности употребления камерной фразеологии членами одной семьи.

1. *Архангельский В. Л.* О задачах изучения фразеологического состава русского языка (Проблематика республиканских фразеологических сборников на 1976–80 гг.) // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц. Республиканский сборник. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1975. – С. 128–135.

2. *Бондаренко В. Т.* Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995.

3. *Ильинский П.* Памяти протоиерея Михаила Прохоровича Архангельского // Тульские епархиальные ведомости. – 1910. – № 18. – С. 395 – 404.

4. *Ильинский П.* Памяти протоиерея Михаила Прохоровича Архангельского // Тульские епархиальные ведомости. – 1910. – № 34. – С. 601 – 605.

5. *Ильинский П.* Памяти протоиерея Михаила Прохоровича Архангельского // Тульские епархиальные ведомости. – 1910. – № 37. – С. 675 – 680.

6. *Крысин Л.П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. С. 78 – 86.

7. *Седов К.Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004.

8. *Хлебда В.* Фразеология в межчеловеческом коммуникативном пространстве // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. Т. I. Под редакцией Е. Е. Юркова, Н. И. Рогожиной. СПб.: Политехника, 2003. С. 173–180.

к.ф.н., доцент Н.А. Баланчик (Новокузнецк)

СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ В ГОВОРАХ СПОСОБЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исторические и этнографические источники свидетельствуют о том, что «бревенчатое жилище северной группы восточнославянских племен восходит ко второму тысячелетию до н.э.» [Бломквист 1956: 13] и что «все восточнославянские племена, жившие в лесной полосе, уже в VII-VIII вв. н.э. великолепно владели техникой деревянного зодчества, техникой плотничьего дела» [Бломквист 1956: 455].

Русский народ унаследовал от своих предков многие технические приемы строительства из дерева, передавая эти приемы из поколения в поколение, совершенствовал их и создавал новые, более рациональные способы постройки. Еще в 1680 году римский посол в Москве Я. Рейтенфельс указывал, что русские «обладают особенно им свойственным наследственным уменьем строить чрезвычайно изящные деревянные дома» [Рейтенфельс 1906: 136].

Почти все деревянные дома рубились, при этом возведение сруба осуществлялось двумя основными способами: избы **рубили с остатком** или **рубили без остатка**. В связи с этим следует отметить, что внутренняя форма составных терминов **рубить с остатком** и **рубить без остатка** достаточно прозрачна, механизм образования также очевиден: при образовании данных устойчивых сочетаний развивается значение, в первую очередь, мотивированное компонентом, выраженным именем существительным. Так, составной термин **рубить с остатком** означает «способ постройки дома, при котором концы бревен выступают за поверхность стены», **рубить без остатка** – «способ постройки дома, при котором концы бревен не выступают за поверхность стены».

Вместе с тем техника строительства, называемая составным термином **рубить с остатком**, предполагает обозначение разных способов возведения сру-

ба: **рубить в угол**, **рубить в обло**, **рубить в чашу**, **рубить в охлуп**, **рубить в охряпку**.

«Издавна наиболее характерным для восточных славян, а также для их соседей, народов Прибалтики, Поволжья, Севера, было врубание на углах одного бревна *с остатком*, т.е. на небольшом расстоянии от концов бревен (рус. *в обло*, *в угол* <…>; укр. *вугол* <…>; бел. *у вугол* <…>). Реже применялись другие, более сложные способы рубки с выпуском концов (<…> *в охряпку* <…> и др.), которые стали проникать в крестьянское строительство сравнительно поздно в XIX в.» [Бромлей 1987: 224]. Также «господствующим способом соединения бревен в венцы на протяжении XVIII- первой половины XIX в. в Западной Сибири, как и на Русском Севере, являлся *в обло*, или *в угол*, так как при его применении углы сруба не промерзали, что весьма существенно в суровых климатических условиях» [Шелегина 1992: 32].

Составной термин **рубить в угол** обозначает процесс соединения венцов сруба, когда на каждом бревне примерно в 20 см от его конца делается округлая выемка, в которую вкладывается бревно поперечной стены, концы бревен при этом выпускаются наружу, образуя угол.

«Почти все крестьянские строения на протяжении веков рубились в угол…» [Бломквист 1956: 69]. Данное явление, по-видимому, не могло не породить ряда народных обычаев, поверий и мифологических представлений, как-то: «При рубке избы или дома рядятся: на сколько углов рубить, и плата кладется по числу углов», «Коли с умыслу, обойдя дом, сосчитать углы, изба скоро загниет», «Передний угол трещит к худу (не сдобровать хозяину)» и др. [Даль 1995 : 468].

Вместе с тем необходимо отметить, что составной термин **рубить в угол** имеет в говорах лексические варианты **рубить в обло**, **рубить в чашу**, **рубить в охлуп**. Критерий вариантности здесь предполагает обязательную потенциальную семантику и отсутствие или погашение дифференциальных признаков значения. При этом вариантные отношения данных составных терминов предполагают не только возможность семантической замены вступающих в синонимические отношения слов-компонентов, но и возможность употребления одного слова вместо другого в составе устойчивого сочетания в одинаковых условиях по характеру лексической сочетаемости контекстах, сохраняя при этом собственно понятийное содержание. Характер мотивирующих признаков, лежащих в основе именных компонентов указанных составных терминов, в большинстве случаев обладает прозрачной внутренней структурой, и в общеязыковом плане приведенные имена денотатов синонимами не являются.

Так, слово **обло**, являясь общеславянским по своему происхождению, имеет значение «круглый» [Фасмер 1987: 103] и в плотничьем ремесле обозначает округлую выемку в каждом бревне венца, в которую вкладывается бревно поперечной стены. Причем округлую выемку бревна на основании внешнего сходства иногда называют **чашей**.

Слово-компонент устойчивого сочетания **охлуп**, по всей вероятности, является производным с процессуальным мотивировочным признаком «класть округлой выемкой верхнее бревно на нижнее», образованным при помощи нулевой суффиксации от глагола **охлупить** в значении «при пост-

ройке дома - „покрыть следующим деревом врубленные в стену концы балок”» [СРНГ 1990: 36 – 37].

Синонимия слов **угол**, **обло**, **чаша**, **охлуп** усматривается только на фразеологическом уровне, то есть в пределах устойчивого сочетания, где, несмотря на различную вербальную реализацию, составные термины **рубить в угол**, **рубить в обло**, **рубить в чашу**, **рубить в охлуп** обладают в принципе одной сущностью, одним смыслом, а замена компонентов может обусловлена тематической однородностью лексики, отношениями смежности предметов и явлений. При этом использование ФЕ в коммуникативном акте может приводить к актуализации различных элементов фразеологического значения.

Несмотря на то, что варьирование приводит к избыточности формы, к нарушению принципа экономии языковых средств, вместе с тем вариативность принадлежит к числу важных объективных свойств языковых единиц, выражающих языковую эволюцию и представляющих собой непременный атрибут живого языка, так как, по словам Фердинанда де Соссюра, «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, при чем эти последние являются лишь оборотной стороной первых. Поэтому проблема тождеств возникает повсюду; но, с другой стороны, она частично совпадает с проблемой (конкретных) сущностей и единиц, являясь усложнением этой последней, впрочем весьма плодотворным. Это ясно видно при сопоставлении языковых тождеств и различий с фактами, лежащими за пределами языка» [Фердинанд де Соссюр 1977: 141].

Другой способ рубки избы с остатком в говорах обозначается составным термином **рубить в охряпку**, имеющем значение «соединение бревен с помощью прямого паза в одном из бревен и выступа в другом, то есть когда одно бревно врубается в другое».

Слово **охряпка**, входящее в состав указанного устойчивого сочетания, имеет затемненные мотивационные признаки при назывании данного способа соединения углов при постройке избы и не имеет абсолютно надежной этимологии, ср.: у В.И. Даля – «охряпа, охряпка, об. тул. охрепа, охредь, прм. и сиб. неряха, неопрятный, оборванец, замарашка, неумывака, нечеса, чумичка» [Даль 1995: 774]; у М. Фасмера – «**охряпье**, собир., „старый хлам”, см. *хряпье*» [Фасмер 1987: 176], а также «**охряпа** „верхние листья кочана капусты” <…> „нижние листья капустного кочана, лежащие на земле” <…>, *хряпка* „капустная кочерыжка” <…>, „невежественная баба; старая баба” <…>, стар. *хряпье* „листья капусты” <…>» [Фасмер 1987: 280].

Полагаем, что компонент указанного составного термина **охряпка** может является дериватом диалектного глагола **охряпить** – «„приладить” [пригнать одно бревно к другому при постройке дома]» или же имеет генетическое родство со словом **охряпок –** «зарубка на бревне сруба» [СРНГ 1990: 53].

Исходя из чисто утилитарных задач совершенствования строительной техники, по мнению В.И. Даля, «рубка избы *охряпкою* скорый, но дурной способ: концы бревен стесываются с обеих сторон, затем каждое верхнее бревно врубается до половины в исподнее» [Даль 1995: 774], что из-за попадания влаги может привести к скорому отгниванию углов избы, в результате чего могут отвалиться концы бревен на углах.

Техника строительства, называемая составным термином **рубить без остатка**, предполагает обозначение такого способа возведения сруба, как

рубить в лапу – «процесс углового соединения бревен, при котором конец бревна затесанным шипом вставляется в выемку другого бревна».

Входящее в состав указанного устойчивого сочетания слово **лапа**, обозначает затесанный шипом конец бревна, соединяемый с таким же концом другого бревна при связывании их в венец, и представляет собой метафорическое переосмысление общеславянского по происхождению общеупотребительного слова на основе внешнего сходства, ср.: «*lapa: болг. *лапа* ж.р. „нижняя часть ноги некопытного животного; рука человека (грубо)" <…>, польск. *łapa* <…> „лапа (животного); грубая, неуклюжая рука или нога человека" <…>, др.-русск. *лапа* ж.р. „ступня или вся нога у животных и птиц; стопа у человека" <…>, русск. *лапа* ж.р. „нога или ступня у некоторых животных и птиц", диал. *лапа* ж.р. <…> „способ соединения бревен в углу строения в виде шипа" <…>» [Трубачев 1987: 27].

Устойчивое сочетание **рубить в лапу** вступает в гипонимические отношения, то есть отношения «общее – частное», «род – вид», с составными терминами **рубить в косую лапу** и **рубить в прямую лапу**.

Так, составной термин **рубить в косую лапу** обозначает процесс соединения бревен венца в углу косым шипом, что дает благодаря клинообразному очертанию концов бревен такую конструкцию, когда каждый конец плотно зажат своими соседями сверху и снизу. Данная рубка делается следующим образом: «конец бревна отесывается в виде куба, вертикальные ребра которого делятся на 8 частей, и затем на двух ребрах по одной диагонали откладывают сверху и снизу 2/8, а на двух других ребрах откладывают – на одном по 1/8, а на другом по 3/8. Точки отложения соединяют линиями по боковым сторонам. После пропиливания и стески излишков получается фигура, ограниченная сверху и снизу двумя наклонными плоскостями, расположенными так, что ребро в 6/8 одного бруса накладывается на ребро 2/8 у другого бруса, а часть в 4/8 накладывается на 4/8 другого бруса. В каждом совмещении в результате получается 8/8, или полное совмещение ряда» [Лидин 2007: 133-134.].

Составной термин **рубить в прямую лапу** имеет значение «процесс соединения коротких бревен в углу сруба, когда на каждом конце бревна делается прямоугольный шип; этими шипами бревна накладываются одно на другое».

Таким образом, составные термины **рубить в косую лапу** и **рубить в прямую лапу** говорах не могут вступать в вариантно-дублетные отношения, поскольку адъективные компоненты данных устойчивых сочетаний служат в качестве актуализаторов для семантической дифференциации, создавая языковую надежность при стабилизации самого понятия, поскольку в специальной коммуникации важно употребить знак в соответствии именно с тем обозначаемым, которое является предметом мысли, не допустить ошибочной замены его другим знаком, обозначающим на дифференциальном уровне близкое понятие.

По утверждению этнографов, «рубка на концах бревен без остатка (*в лапу*) в деревне получила распространение в конце XIX - начале XX в.» [Бромлей 1987: 224.]. Однако с данным утверждением трудно согласиться, так как письменные источники фиксируют указанный способ углового соединения бревен в венец уже в Сибири, то есть на территории позднего заселения, в

начале XVIII в., ср.: «**В ЛАПУ**. О способе соединения бревен в венец. – *[Башня] рублена в лапу под скобель, вершина шатром с вышкою* (Илим., 1703 г.)» [Панин 1991: 20.].

Составные термины **рубить в угол**, **рубить в обло**, **рубить в чашу**, **рубить в охлуп**, **рубить в охряпку**, **рубить в лапу** распространены во многих говорах, поскольку срубные дома строили повсеместно. «Вплоть до XIX века почти каждая крестьянская семья своими силами рубила избу» [Рыбаков 1948: 182], да и в XX веке в постройку деревянного дома включались все члены семьи. В связи с этим указанные устойчивые сочетания обладают относительным профессионализмом, так как, выполняя номинативно-дифинитивную функцию, они известны широкому кругу носителей говоров.

1. *Бломквист Б.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – Т. 31.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Терра» - «Terra», 1995 . - Т. 1-4.

3. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме третьему о Московии. – Падуя, 1680. Пер. с латинского. Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1906. - Кн. 3.

4. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М., 1948.

5. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири в XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

6. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. - Л.: «Наука», 1990. – Вып. 25.

7. Справочник столяра / авт.-сост. А. Лидин. – Ростов н/Д: Феникс, СПб.: Северо-Запад, 2007.

8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М.: «Прогресс», 1987. – Т. 4.

9. *де Соссюр Фердинанд.* Труды по языкознанию. – М.: «Прогресс», 1977.

10. *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск: «Наука», 1992.

11. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: «Наука», 1987. – Вып. 14.

12. Этнография восточных славян: Очерки народной культуры / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: «Наука», 1987.

к.ф.н., доцент Н.Н. Вихрова (Великий Новгород)

ИСТОРИЧЕСКОЕ НОВГОРОДСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ИДИОМАТИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА

Лингвокраеведение - относительно новое направление в современной системе научных знаний, но является чрезвычайно востребованным направлением русистики, особенно в свете расширения общеобразовательного

пространства за счет регионального компонента. Сохранение и приумножение национального языкового богатства – одно из актуальных направлений государственной политики общества. Реализация этого направления, имеющего ясную воспитательную и просветительскую цель, осуществляется по всей нашей стране и во всех культурно-образовательных учреждениях – школах, вузах, библиотеках, музеях и т.п.

Лингвокраеведение использует большой круг источников, дающий широкое представление о языковой картине региона: это собрания диалектной лексики, фразеологии, паремиологии, регионализмов на фоне литературной речи, историческая и современная ономастика, фольклорные произведения и историческая письменность, в которых отражены специфические особенности местного говора.

Обращение к истокам и развитию новгородского лингвокраеведения с учетом широкого круга исторических биографических и библиографических материалов, в основном на сегодняшний день малоизвестных, имеет большое значение для формирования целостного представления и о многообразии источников лингвистического изучения региона, и о социокультурной ценности их для образовательно-просветительского процесса. В этой связи особый интерес представляют возможности исторического лингвокраеведения для выявления, описания и введения в научный оборот малодоступных источников для изучения языка региона, относящихся преимущественно к периоду XIX – начала XX вв. Эти источники со временем не только не теряют своего значения, но становятся еще ценнее, так как могут свидетельствовать о тех или иных исторических трансформациях языковых явлений. Так, в предисловии к изданию «Фольклор Новгородской области: История и современность» (первое изд. 2002 г.) особо подчеркивается важность исторических материалов: «Мы сочли нужным включить в книгу фрагменты публикации «Новгородских ведомостей» 1869 года («Рассказ крестьянки Старорусского уезда»), а также объемные цитаты из книги В.А. Пылаева «Старорусский край. Природа и население» (1929), позволяющих лучше увидеть динамику того, что происходило в народной жизни»[Фольклор 2002: 4-5]. А составители сборника «Традиционный фольклор Новгородской области», вышедшего в 2006 г., специально оговаривают: «Мы посчитали необходимым дополнить книгу, посвященную современному фольклору Новгородской области, публикациями, содержащими более давние архивные записи (как XIX в., так и 30-х-60-х гг. XX в.). Знакомство с этим разделом позволяет увидеть «историческую перспективу» бытования на Новгородчине целого ряда фольклорных жанров. (…) Кроме того, исторический раздел – дань памяти и признательности замечательным фольклористам-собирателям Новгородского края: Ф. Пардолоцкому, П. Острякову, Г. Кедрову, А. Невинскому, С. Поршнякову, К. и В. Гарновским (фольклорные коллекции многих других остались, к сожалению, за пределами сборника)» [Традиционный фольклор 2006: 5]. Среди представленных в этом сборнике материалов для лингвистического изучения языка региона большое значение имеют собрания новгородских пословиц и поговорок.

У истоков изучения паремии как языковой единицы стоит В.П. Жуков. Ему принадлежит оригинальная концепция, рассматривающая паремию как идиоматическую языковую единицу, но отличную от фразеологической еди-

ницы. Созданный им еще в середине 1960-х годов «Словарь русских пословиц и поговорок», осуществленный на основе строгих научных критериев, внес весомый вклад в развитие теории русской и общей паремиологии. Вслед за В.П. Жуковым, мы считаем верным дифференцированный подход к идиоматическому фонду русского языка: следует разграничивать не только сферы фразеологических и паремиологических единиц [Жуков 2005: 9-11], но и сферы пространственно-временного бытования этих языковых явлений. Паремия как объект научного исследования лежит на стыке фольклористики и лингвистики, т.е. изучается как малый речевой жанр устного народного творчества и как языковая единица. В этой связи особую значимость приобретают региональные исследовательские и лексикографические труды, полевые фольклорные и диалектологические и архивные разыскания с целью научного осмысления, сохранения и пополнения языкового богатства края, т.е. в широком смысле лингвокраеведческая работа.

В 2005 г. на кафедре русского языка Новгородского университета коллектив авторов предпринял попытку изучения новгородской диалектной фразеологии, первым этапом которой стала аккумуляция имеющегося в диалектологической картотеке областного идиоматического материала и его лексикографическое описание. Среди источников упоминается и картотека боровичского краеведа К.В. Гарновского, содержащая в основном паремиологический материал. [Жуков, Макаров 2010: 43]. В ближайших планах авторов проекта – создание областного фразеологического словаря, вслед за этим, видимо, придет время и областной паремиографии. Поэтому актуальной остается задача поиска путей пополнения идиоматического фонда общенародного языка, в том числе и за счет региональных паремий. В этом смысле картотека К.В. Гарновского, создававшаяся в 20-50 гг. XX столетия, несомненно заполняет некоторые лакуны языковой картины региона.

Кронид Всеволодович Гарновский (1905–1988), биолог, сотрудник Кондо-Сосьвинского заповедника, писатель. Родился в д. Дерева Боровичского уезда Новгородской губернии. Рано заинтересовался археологией, местными народными говорами, поэзией. В 1928 г. поступил на работу в краеведческий музей г. Боровичи Новгородской области, учиться стал в вечерней школе, затем на рабфаке. В 1934 г. поступил на биологический факультет Ленинградского университета. В 1940–1945 гг. работал вместе с женой Е.В. Дорогостайской, геоботаником в Кондо-Сосьвинском заповеднике. В 1941–1944 гг. они провели исследование растительного покрова на территории заповедника, описали и классифицировали растительность края. Собранный ими гербарий позднее был передан в окружной краеведческий музей. После окончания войны переехал в Ильменский заповедник на Урале, затем в Куйбышевский, и оттуда в г. Ленинград, где работал в секции топонимики Всесоюзного Географического общества и занимался литературным трудом: писал стихи, рассказы для детей о природе, выступал по радио, сотрудничал в «Лесной газете» Виталия Бианки. Связи с югорской землей, околдовавшей его в молодости, не прерывал до конца своих дней. Ходатайствовал о восстановлении заповедника. В 1978, 1979 и 1983 гг. приезжал в заповедник «Малая Сосьва» (открытый в 1976 г.), чтобы помочь молодым сотрудникам, провести их по своим старым маршрутам. Прах умершего в Ленинграде К.В. Гарновского похоронен по его просьбе неподалеку на Ем-Егане (кордон «Бе-

лая гора», где он занимался археологическими поисками).

Архив К.В. Гарновского, который в настоящее время хранится на кафедре матлингвистики СПбГУ, помимо паремиологического материала, содержит топонимическую картотеку Боровичского уезда Новгородской губ., снабженную историческими дополнениями екатерининского генерального межевания. Важность подобного рода источников не подлежит сомнению, но хочется отметить особую, культурологическую и просветительскую ценность самого факта деятельности, которая может послужить вдохновляющим примером для современных краеведов, ученых и студентов.

Что касается паремиологического собрания К.В. Гарновского, то его необходимо соотнести с аналогичным собранием его брата, В.В. Гарновского, недавно опубликованным в книге «Традиционный фольклор Новгородской области» [Традиционный фольклор 2006: 304-326]. Интересно, что, несмотря на то, что сбор происходил приблизительно в одно время, в одном месте и к тому же близкими людьми, тем не менее приблизительно половина состава паремейника не дублируется. Вкратце укажем на отдельные черты собрания К.В. Гарновского, которое насчитывает 350 единиц идиоматических выражений (из них больше половины, как уже говорилось, не повторяют пословицы, приведенные братом).

Так же, как у В.В. Гарновского, пословично-поговорочные выражения у Кронида Всеволодовича снабжены разного рода толкованиями, например:

Прямое толкование, объяснение смысла пословицы: ***Три худа – худо, а и без худа – худо***. Это понимается так: «Не удивляйся неудачам, никогда не бывает, чтобы в жизни все шло гладко» Бор. ; ***Хитрей попова теленка (тот у себя под хвост достал)***. Ирон. о неумном человеке. Бор.

Историческое толкование***: У него именья как у турецкого святого: щи да трубка***! Занесено солдатами, воевавшими с турками в 1877-78 гг. Владыкино Бор.

Развернутое толкование, с привлечением диалектных фактов: ***Угощать ничимм, так хоть так покричимм***. Говорит скупая женщина, приглашая к себе в гости. *Ничимм* вм. *ничем* – сугубое, насмешливое передразнивание говора некоторых деревень, напр., д. Изонино на р. Уверь Бор. Этих жителей иногда передразнивают: «*Хлиба ниту, соли ниту, смих такой*». Бор.

Толкование, с указанием на источник поговорки: ***Без меня меня женили!*** Дело произошло без лица, заинтересованного в нем. Впрочем, это первая строчка частушки:

Без меня меня женили –
Я на мельнице был:
Приезжаю я домой
Меня потчуют женой. Бор.

Толкования, с привлечением местных реалий: ***Мигамс погамс!*** Шутливо о погасшем фитильке лампочки – коптилки. Особенно часто слышал в годы гражданской войны, когда керосин был редкостью и его заменяли в коптилках растительным маслом. Теперь за это это присловье помнят только старики, но и они при внезапном перерыве электроосвещения, повторяют: «мигас погас». Бор.; ***Дураков – болото!*** Много. Характерно для нашего Северо-Запада, изобилующего болотами. Бор.; ***И кривой, да береговой***. Похвальба жителей приречных (реки Мста, Уверь) деревень: Владыкина, Пе-

релучи, Панева и других – лихих сплавщиков леса. Так хвалились они перед жителями «заулесных» деревень. Бор.

Некоторые паремии, приведенные К.В. Гарновским, являются вариатными по отношению к пословицам, указанным В.В. Гарновским, причем порой вариант может вызывать сомнение в правильности записи, ср.

у К.В. Гарновского ***Труд – та же молитва***. Так отвечают тому, кто попрекает, что вот, в праздник, а работаешь, не молишься. Бор.; у В.В. Гарновского: ***Трус (? – Н.В.) – тая же молитва*** д. Тини;

у К.В. Гарновского: ***Мочит да в рот волочит***. С укоризной о человеке обжористом и нестеснительном. «Мочит хлеб в молоке и ест, ест…». Бор.: у В.В. Гарновского: ***Морочит (? – Н.В.), да в рот волочит***. О каком-либо бесцеремонном и с большим апломбом человеке. «Что ему не говори, а он морочит, да в рот волочит», - жалуется М.Ф. Платонова, 75 лет, д. Черноземье;

у К.В. Гарновского: ***И Микола Святой на мельнице запылится.*** Бор.; у В.В. Гарновского: ***И Никола Святой на мельнице запилится*** *(опечатка?-Н.В.)! д. Владыкино.*

В большинстве случаев паремии, приведенные К.В. Гарновским, являются вариантами общеизвестных пословиц и поговорок, но есть и узколокальные: ***Не в яице, а вся на лице***. В основном из обряда прежнего сватовства, когда невесту показывают сватам. Теперь при продаже чего-либо. Бор. ***По пище и коса свищет, по харчу и ноги волочу***. Бор.; ***Воши матку потеряли***. Так насмешливо говорят тому, кто часто чешет свою голову. Бор. и др.

В целом, еще не введенный в широкий научный оборот паремиологический материал К.В. Гарновского, помимо лингвистической и фольклорной ценности, свидетельствует и об ответственной, кропотливой собирательской работе.

Лингвистическое краеведение носит комплексный характер. Соответственно, в рамках каждого научного направления, изучающего язык региона (диалектная лексика, фразеология, ономастика, фольклор), с той или иной мерой тщательности предпринимались историографические описания с целью выявления и пополнения источниковой базы. Однако сводного труда, в комплексном виде репрезентирующего историю изучения языка региона, еще не было. Думается, что конкретные региональные разыскания не только помогут выявить некоторые забытые имена бескорыстных подвижников-краеведов, которые заслуживают благодарной памяти потомков, но и реально пополнить национальный языковой фонд.

1. *Жуков А.В., Макаров В.И.* Изучение новгородской диалектной фразеологии // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. – Великий Новгород, 2010. С. 41-49.

2. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 12-е изд., стереотип. – М., 2005.

3. Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963-2002 гг. /Составители: М.Н. Власова, В.И. Жекулина. – СПб., 2006.

4. Фольклор Новгородской области: история и современность/Сост. О.С. Бердяева: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2002.

Т.С.Воробьева (Могилев, Республика Беларусь)

ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПОСЛЕСВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В МОГИЛЕВСКИХ ГОВОРАХ

В восточнославянской традиции вся свадебная обрядность обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственно свадебный и послесвадебный (заключительный) этапы. Свадебный обряд могилевского региона в этом отношении не исключение.

Предметом нашего внимания является терминология послесвадебного этапа в могилевских говорах, в первую очередь, этнофразеологизмы. Мы будем рассматривать их с привлечением нелингвистического материала – мифологии, свадебной обрядности, поэзии, а также этнографических контекстов, выявленных нами в диалектологических экспедициях при работе с информантами. По мнению Н.И.Толстого, «проблема реконструкции фразеологизма, как и проблема реконструкции слова или грамматической формы, есть проблема определения времени и места его возникновения (его хронологии и локализации), а также степени его реконструируемости» (Толстой 1995:388).

Послесвадебный этап на Могилевщине представлен многочисленными обрядовыми действиями, которые названы как фразеологизмами (ФЕ), так и лексемами. Среди этих терминов наряду с общими для восточнославянского свадебного обряда наименованиями встречаются и локальные.

Всю терминологию послесвадебного этапа условно можно разделить на несколько групп: 1) названия финала свадебного торжества вообще, а также второго, третьего и последнего дня свадьбы; 2) названия обрядовых действий, связанных с манифестацией целомудрия невесты; 3) названия обрядовых действий – испытаний невесты; 4) названия обрядовых действий, направленных на то, чтобы сблизить семьи молодоженов.

1. Среди терминов первой группы можно назвать ФЕ *отошла свадьба*, *отошел (отходит) стол*, *бидоны на заборе* в значении “окончание свадебного торжества”. Первые два фразеологизма имеют широкое распространение в могилевских говорах, последний зафиксирован только в д. Радомль Чаусского района: *Вот и* ***свадьба аташла****. Хлапот хоть меньшы стала*. (Мощаница, Белыничский р-н); *А як на свадьби* ***стол атходит****, дык патом усе дамой расходимся*. (Старый Дедин, Климовичский р-н).

Поскольку свадьба могла быть сыграна в 2-3 дня, а могла длиться и более недели в зависимости от достатка родителей жениха и невесты, нами зафиксированы термины, называющие дни свадебного торжества по порядку их следования. Так, третий день свадьбы в могилевских говорах называли *крошки, пакрошни*, последний день – *догулы (догулки), званки, отходины*. Название второго дня свадьбы в могилевских говорах зависело от того, где происходило застолье – в доме невесты или в доме жениха. В первом случае используется номинативный ряд, включающий как лексемы *отгащивание, гости,* так и ФЕ *отгостный обед, пойти в отгостки*. Во втором случае номинативный ряд состоит только из ФЕ *княжий стол, ехать в отго-*

лоски, пойти в придани: *На други день усе пашли к нявести на* ***адгосный абет***. (Ямное, Быховский р-н); *Радныя жаниха накрыли* ***княжы стол*** *и прыгласили за яго гастей* (Звенчатка, Климовичский р-н). Часто второй день свадьбы называли по обрядовому действию, которое в этот день происходило: *горох молотить*, *приходить (прийти) на блины.*

Сущность обрядового действия, названного фразеологизмом *горох молотить*, если обратиться к этнографическому контексту, заключалась в том, что «*гарох раскидвають на палу и рассыпають салому, а маладыя далжны сабрать яго у мяшок, «абмалатить». У мяшок з гарохам садять жанчыну, и малады даўжон выкупить яго и аднести куды прыкажуть гости. Малады нясеть мяшок, а над им усе смяюцца*». (Лобковичи, Кричевский р-н).

Символика этого обрядового действия связана с мифологическими представлениями о горохе как растении, стимулирующем деторождение (Коваль 1995:51).

2. Термины второй группы называли обычаи и обрядовые действия, связанные с установлением невинности невесты. Считалось, что «нечестная» невеста могла принести несчастье дому жениха и всему хозяйству.

Самыми распространенными фразеологизмами этой группы являются *красная водка, красная гарэлка*, мотивированные основным атрибутом обрядового действия: если девушка вышла замуж «честная», жених ехал к теще с красной сладкой водкой. Бутылку обвязывали красной лентой. На дугу лошади вешали *кушамирку* – красный платок. По свидетельству жителей д. Ржавец Чериковского района, «…*назаўтрыга ўжо ў пынядзелак яго госьці разам з жаніхом ідуць туды к маладой. Малады завець нас ужо ўсіх родственнікаў к сабе ў хату. Ён ужэ прыносіць, ежэлі яна заслужыла там, гарелычку красненькую, лентачку завяжыць йшчэ на бутылачку. Ужэ штоб усе бачылі, што маладая харошая. Усё прыносіць, што паложана, – вот Вам, наця, глядзіця, якая Ваша дочка. А кали дзяўчына была порчана, без гарелкі запрашалі*» (Сысоў 1997:319-320).

Это обычай сохранился и сейчас: на современных свадьбах используют красное вино и красную ленту, которую привязывают к бутылке как символ девичества, причем реальная ситуация уже не имеет значения.

Факт целомудрия/нецеломудрия невесты доводился до сведения окружающих и через другую обрядовую символику, но специальных номинаций для этих действий нами не зафиксировано.

После установления невинности невесты начиналось всеобщее веселье. Гости танцевали, пели песни, в которых прославляли в первую очередь «честную» невесту:

А ў нашым двары каліначка расцвіла,
Каліначка расцвіла, наш дварочак асвяціла,
Наш дварочак асвяціла, наш радочак ашчасціла.
(Сысоў 1997: 319)

Свадьба приобретала почти карнавальный характер (Казакова 1995:50). Широко распространено было переодевание женщин в костюмы мужчин и наоборот. Гости могли переодеться в жениха и невесту, что в Кировском районе имеет локальное фразеологическое наименование *подделанные молодые*.

Ходить в цыгане, или просто *цыганы,* – так называли широко известный обычай послесвадебной обрядности. По словам информантов из д. Липовка Хотимского района, «…*некаторыя гости надяюцца ў цыганяў, вясяляцца, крадуть курэй, агонь раскладають и жарать на им*».

На севере Могилевской области (Круглянский, Белыничский, Дрибинский районы) повсеместно, а на востоке (Климовичский, Чаусский, Хотимский районы) – локально распространено обрядовое действие, названное фразеологизмом *сучку гонять.* Этнографический контекст этого устойчивого словосочетания раскрыли наши информанты: «*Свадьбу гуляли тры дни. Першы день у маладухи, други у жаниха, а трэти* – ***сучку ганяли****. Баба смелая пераденицца, надене кажух и иде к маладому хлопцу ти деўцы, каб следушчыя пайшли замуж*» (Дорожковичи, Круглянский р-н).

3. Общего наименования всей совокупности обрядовых испытаний невесты второго (либо третьего) дня свадьбы на Могилевщине нет. Нами выявлены локальные названия – лексемы *спытки* (Климовичский р-н) и *испыты* (Могилевский и Хотимский районы).

Обыденные занятия хозяйки – подмести избу, испечь блины, сходить за водой – в контексте свадебного обряда приобретали сакральный смысл: *На други день далжна нявеста месть палы. Рассыпають мелач, рвуть бумагу, правярають, ти не сляпая нявеста* (Лобковичи, Кричевский р-н). *Тады ж маладая идзе назаўтрага ў калодзиж ваду брать. А яе там зачурають и ни пускають, просють гарэлку за яе. Свякруха заметя и нясе гарэлку. Во тады ўжо вады дадуть* (Поляниновичи, Быховский р-н).

Одно из известных обрядовых действий – печение блинов – отражено во ФЕ *приходить на блины*: *На други день усе* ***прихадили на блины*** (Забелышин, Хотимский р-н). «Присутствующих угощали специально испорченным блином, при выпечке которого в тесто … подмешивали угли, овес, мякину. Так, по обычаю д. Горы Горецкого района «невеста должна напечь блинов, пока все спят, сама за водой сходить. Но скорее кто-то – свекровь, золовка прикроют невесту» (Белорусско-русское пограничье 2005:296).

4. Послесвадебное общение породнившихся семей в традиционной народной культуре имело большое значение, потому закреплялось особыми обрядовыми действиями, носившими как известные названия – лексемы *перезовы*, *перезвы,* так и локальные названия: лексемы *отводины, званники,банкеты, перезов* и фразеологизмы *ходить на банкеты (Кричевский р-н), водить банкеты (Славгородский р-н), мышей гонять (Горецкий р-н*). В течение недели родственники жениха и невесты ходят в гости друг к другу: *А патом* ***хадили на банкеты****. Уся дярэўня няделю гуляла* (Лобковичи, Кричевский р-н). В Славгородском районе информанты так характеризуют этот обычай: «Ета бывало, во, свадзьбу згулялі. Родственнікі просюць: «*Ну, а во ўжо заўтрі ка мне». Так во йдуць гуляць к тому, а ў другоя скрысенне ці цераз сколькі там дней – к трэцяму. Ета родственнікі* ***вадзілі банкеты***» (Сысоў 1997:332). Этот обычай отражает стремление породнившихся семей к более тесному знакомству, цель которого узнать, на кого можно рассчитывать в трудную минуту, какую помощь можно ожидать. Во время этих обрядовых действий пели песни, в которых прославляли род, удачное родство и молодую семью:

Ой, бёг зайка,
Чараз галінку куляўсь.
Ехаў Васячка
Ат свайго цесьця, хваліўсь:
– Ой, Бог мне даў
Такога цесьця, як татка.
Ой, Бог мне даў
Такую цешчу, як мамка.
Ой, Бог мне даў
Такую жану, як я й сам.
(Сысоў 1997:332)

Таким образом, послесвадебный этап на Могилевщине наполнен семантически насыщенными обрядовыми действиями. Специфика обрядов региональной свадьбы раскрывается благодаря этнофразеологизмам – локальным и имеющим повсеместное распространение на обследуемой территории. Привлечение нелингвистического материала позволяет реконструировать семантику этих терминов свадебной обрядности.

1. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография. /Отв. ред. Р.А.Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М.:Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.

2. *Казакова, І. В.* Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў/ І.В.Казакова. – Мінск: «Універсітэцкае», 1995. – 151 с.

3. *Коваль, У. І.* Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі/ У.І/ Коваль. – Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай дзелавой інфармацыі, 1995. –180 с.

4. *Сысоў, У.М.* З крыніц спрадвечных/ У.М.Сысоў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. –415 с.

5. *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике/ Н.И.Толстой. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 512 с.

к.ф.н., доцент Е. А. Григорьева (Чебоксары)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВИР* В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Как известно, лексические и фразеологические единицы любого языка являются носителями не только собственно языковой информации, но также отражают факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса. Исследование языкового материала с позиций лингвокультурологии позволяет реконструировать знания и представления того или иного народа об определенном фрагменте окружающего мира, проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке. Объектом концептуального анализа в нашей работе являются русские диалектные фразеологизмы, в состав которых входит лексический компонент *вир*. Исследование

данных единиц позволяет реконструировать дохристианские по своей природе представления носителей русского языка о злом духе, нашедшие свое отражение в указанных устойчивых сочетаниях.

Лексема *вир* сегодня находится за рамками русского литературного языка, она не зафиксирована в современных толковых словарях, а в «Толковом словаре русского языка», вышедшего под редакцией Д. Н. Ушакова, присутствует с пометой «областное» и имеет значение '*водоворот в глубоких местах рек или озер'* [7, С. 50]. С тем же значением оно отмечено и в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (м. зап. *омут и водоворот, ямина под водой с родниками или с коловоротом быстрого теченья; водокрут, водоверть, вырь, пучина, заверть, вихор, суводь, сувой, сулой, вороть, куновороть, крутень, закрутень.* | *Вихор, завой, завойка в шерсти. У него на темени два вира.* ***По морю плыл, да и попал в вир****.* ****Пошел в мир, да попал в вир, в соблазн*** [2, С. 206]), в «Словаре русских народных говоров» («*Вир – 1. Глубокое место в реке или озере; омут, водоворот, пучина. Курск., Смол., Брян., Тул., Калуж., Орл., Сев. европ. части СССР (А то один в вир, а другой в мир, и уже смотрят друг на друга как волки. Не в мир, не в вир, не в добрые люди) // Топкое место Пск.* [СРНГ, 4, С. 291]), в других областных словарях («ВИР [1] – омут, водоворот. Другие значения: «пойменный луг» в Псковской обл.: «окно в болоте», «мочажина», «топь», «болото». Для Калининской обл. СРНГ [1970, 5] отмечает ***выр*** – «место быстрого течения в реке», «быстрина». У В. М. Мокиенко [1969] в Псковской обл.: ***вир*** – «глубокое место в реке, озере»; ***виринья*** – «глубокая болотистая топь»; ***вировщина*** – «низменное место»; ***виренье*** – «бездонное болото». * Оз. Синевир в Закарпатье; Вир, Виры в Белоруссии; Виры в Сумской обл.; р. Вир - л. пр. Сейма; р. Вир - бас. Десны; Вир на северо-запад от Брно в Чехословакии; Лепенский Вир на Дунае в Югославии, где открыта древняя европейская культура, имеющая давность 8000 лет; Вировитица в Хорватии» [4]). Кроме того, лексема *вир* в диалектах русского языка имеет следующие дериваты: ***вирять*** 'нырять' Пск., ***вирина*** 'омут, вир' Пск., ***виринять*** 'выныривать' Зап., ***вирный*** и ***вировой*** 'относящийся к вир', ***вирок*** 'уменьш.-ласк. к вир' Смол., Пск., ***вирник*** 'водяной', ***вирь*** 'пучина, бездна' Пск. [СРНГ, 4, С. 291 – 294].

Интересен тот факт, что данная лексема с той же семантикой присутствует в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского («*виръ – vortex (от вирѣти, вьрю; ср. Орлов. губ. виръ – омутъ: миръ что виръ*» [6, С. 263]), что свидетельствует о её древнейшем происхождении. Древнейшее происхождение лексемы *вир* подтверждают и данные этимологических словарей: М. Фасмер, например, пишет о том, что *вир* – это *«'водоворот, омут в озере, реке', сербохорв. вȕр 'водоворот', словен. vìr – то же, izvìr 'источник', чеш. vìr, слвц. vir, польск. wir – то же. Другая ступень чередования: ст.-слав. выр҃ѣти 'кипеть, клокотать' (Супр.), чеш. vřiti, сербохорв. ùзвор 'источник', а также варимть. Ср. лит. atvyrs 'встречное течение у берега', výrius 'водоворот', лтш. virags 'водоворот, вихрь'»* [8, С. 318]. Связь лексемы со славянскими семантическими соответствиями наглядно продемонстрирована в работе К. И. Ходовой «Языковое родство славянских народов»: «Ср. *чеш. vír «вихрь», «водоворот», пол. wir «кругово-*

рот», «водоворот», «пучина», сербохорв. вир «источник», «омут в реке», «водоворот», словенское vir «ручей», болг. вир «водоворот», «омут», «водоем», «бассейн» [10].

Корпус фразеологических единиц с компонентом *вир* не так обширен. В него входят такие ФЕ, как: ***вертись в вир на дно***. *Убирайся, ступай к чёрту, к лешему. Брян.* ***В виру на дне (на дну)***. *За тридевять земель. Орл., Брян.* ***С виру.*** *Из далёкого места. Нашелся ж с виру человек и прославился. Смол.* ***У виру ты знаешь.*** *Ровно ничего не знаешь. Смол. // Место на мельнице, куда падает вода с плотины. Перм., Твер.* [СРНГ, 4, С. 291], а также ***с виру и с болота***. *Неизвестно откуда, из подонков общества* (обл.) [7]. Вместе с тем семантический анализ данных фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что эти ФЕ служат либо для обозначения места, далёкого, неизвестного говорящему, иногда связанного с нечистой силой, либо аналогичны литературным фразеологизмам-обсценизмам с компонентами *чёрт*, *бес*: ***к чёрту*** (***к бесу, к лешему, к шуту, к чертовой матери, к чертовой бабушке***). Прост. 1. Прочь, долой, вон (гнать. прогонять); выражение злобы. пренебрежения к кому-л.. желания отделаться, избавиться и т. п. от кого-л. или чего-л. 2.Прахом (пойти, лететь и т. п.). ***Ко (всем) чертям (псам, чертям собачьим)***. Прост.1. Прочь, долой, вон (гнать, прогонять и т. п.). 2. Прахом (пойти, лететь). 3. Выражение иронического отношения к чему-л. [9]. Фразеологизм ***у виру ты знаешь*** является диалектным синонимом литературных ФЕ ***чёрт (его) знает***. 1. Неизвестно, никто не знает. 2. Выражение восторга, возмущения, недоумения, радости и т. п. ***Чёрт (бог, аллах, бес, леший, пес) знает***. 1. Неизвестно, никто не знает. 2. Выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-л. или по поводу чего-л. ***Одному чёрту (богу, господу, аллаху) известно***. Не известно никому, никто не знает [9].

Ментальная информация, закрепленная в русских фразеологических и паремических единицах с компонентами, семантически близкими диалектной лексеме *вир*, также указывает на несколько локусов, в которых, по мнению носителей языка, пребывает злой дух. Это ***болото*** (*бродит, что чёрт по болоту*; *на беду, как чёрт на болото*; *было бы болото, а черти будут*; *вольно чёрту в своем болоте орать*; *не ходи при болоте, чёрт уши обколотит*), ***гнилое болото*** (*гнилого болота и чёрт боится*), ***омут*** (*в тихом омуте черти водятся; засел, как чёрт в бучале (омуте), вертит, как чёрт в омуте* (*пучине*)), ***пучина*** (*вертит, как чёрт в пучине*), ***устье реки*** (*где чёрт ни был, а на устье реки поспел*), то есть места так или иначе связанные с водной стихией в различных её проявлениях. Вода как место обитания чёрта или беса также упоминается достаточно часто, например: *в земле черви*, ***в воде*** *черти*, *в лесу сучки*, *в суде крючки – куда уйти*; *все беды*, *что бесы*, ***в воду*** *– и пузыри вверх*; *работа не чёрт*, ***в воду*** *не уйдёт*. В этот ряд следует поместить фразеологизм *у чёрта* ***на куличках*** (*к чёрту* ***на кулички***) со значением ‘очень далеко; неизвестно где, в глуши’, в котором лексема *кулички* является вариантом диалектного слова *кулижки* со значением ‘прогалины, поляны, болотистые места в лесу’ [1]. Нужно добавить, что представления русского народа о тесной связи воды с чёртом находят отражение в фольклорном и этнографическом материале. О традиционной связи болота с нечистой силой пишет Е. Е. Левкиевская в своей работе «Мифы русско-

го народа», символику болота в славянской культуре исследовал Н. И. Толстой, сюжеты, связанные с болотом также находим в польской мифологии и кашубских быличках о злом духе. Некоторые фольклорные легенды русского Севера, функционально схожие с этиологическими мифами европейских народов о происхождении земли, повествуют о том, что «горы, болота и другие бесплодные места получились из плевков сатаны» [3, С. 82]. Согласно русским суеверным представлениям, болото является местом обитания болотника и кикимор, а омут и пучина – водяного. Представленный в данной работе лексический и фразеологический материал отражает и дополняет дохристианские представления носителей языка о водной стихии как локусе, опасном для человека, а также месте, связанном с потусторонним миром, который находится за пределами пространства, освоенного людьми.

1. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М, 2007

3. *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. – М., 2004

4. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов М., 1984

5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М., Л.: Наука, 1965 – 1997

6. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. – Т. 1.

7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М, 2000.

8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. – М., 2007

9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1978

10. *Ходова К. И.* Языковое родство славянских народов (на материале словаря). – М., 1960.

к.ф.н., доцент И.А. Кобелева (Сыктывкар)

РУССКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ В СВЕТЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Как лексическая, так и фразеологическая синонимия является «ярким и бесспорным показателем семантического многообразия, эмоционально-экспрессивной выразительности русского языка и речи» (Жуков А. 2005: 441). Фразеологические единицы русского литературного языка, охваченные синонимическими отношениями, представлены в солидных специализированных лексикографических произведениях — «Словаре фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова, включающем около 5 тыс. единиц (первое издание 1987 г., второе — 2005 г.),

и «Словаре фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой, содержащем около 7 тыс. фразеологизмов (1997 г.). Построенные на основе разных принципов, оба словаря выявляют и описывают ту часть фразеологического состава русского языка, которая характеризуется синонимическими взаимосвязями.

Синонимия фразеологических единиц, употребляемых в русских говорах, пока не нашла отражения в специальных лексикографических изданиях. В научной литературе отмечается, что «выделение диалектных фразеологических синонимов представляет значительные трудности», ведь, в отличие от литературного языка, где синонимы распределяются по разным стилям речи, «диалектная речь функционально не дифференцирована или почти не дифференцирована» (Федоров 1980: 131). При этом возникает вопрос, что считать единой системой, в рамках которой фразеологизмы могут рассматриваться как синонимы. По мнению В. Н. Гришановой, следует исходить из того, что фиксируется в словаре: говор (как, например, в словаре говора д. Деулино), группа говоров (как, например, в «Словаре орловских говоров») или русский народно-разговорный язык в целом (как, например, в «Словаре русских народных говоров») (Гришанова 2005: 409). Исходя из последнего, для русской диалектной фразеологической синонимии можно принять достаточно широкое понимание.

Если подразумевать под признаками синонимии фразеологизмов наличие у них предельно близкого значения и соотносительность их с одной и той же частью речи (Жуков В. 1986: 178), то обнаруживается, что в диалектной фразеографической практике она уже имеет наглядное словарное представление. Так, в общих диалектных словарях синонимы могут быть выявлены благодаря отсылкам типа «то же, что...» и «ср.», например: *Барабошку нести* — то же, что *Алилюшки разводить* ‘разговаривать о чем-то несерьезном, незначительном, болтать вздор, пустяки’ (СВГ 1: 21); *Войти в дом* — ‘женившись, поселиться в доме жены’, ср. *Выйти в животы* (СВГ 1: 77). В специальных диалектных фразеологических словарях, построенных по идеографическому принципу, синонимические отношения фразеологических единиц могут быть установлены благодаря распределению материала по рубрикам. Например, в «Материалах для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» выборка из тематической группы «Честность. Порядочность. Доброта. Кротость» позволяет установить синонимические ряды адъективных фразеологических единиц: 1) объединенных значением ‘заботящийся о своей репутации и добром имени’: *блюдет язык за щеками*, *кожей крыт* и др.; 2) объединенных значением ‘готовый помочь другим’: *отдаст исподнее*, *последнюю (остатнюю) рубаху снимет* и др.; 3) объединенных значением ‘кроткий, тихий, безответный’: *не замути вода*, *ни отбелит (обелит) ни отчернит (очернит)* и др. (МИСНФ 70–74). Или, к примеру, в тематических указателях «Словаря псковских пословиц и поговорок» за большей частью так называемых слов–доминант скрываются те или иные синонимические ряды диалектных фразеологических единиц, см., например, **Болтать**, **пустословить**: *баять байку про балалайку*, *балагуры вести*, *бить (щёлкать) блинником*, *бобы разводить / развести*, *полоть говорки*, *выдавать заливку на щи*, *лалаки чесать*, *язык разбивать*, *бить язык о зубы*, *пускаться в долгие ящики* и мн. др. (СППП 146).

Приведенные примеры свидетельствуют о синонимических отношениях фразеологических единиц в пределах группы близких (вологодских, новгородских, псковских) говоров. При более широком понимании фразеологической диалектной синонимии формируется «искусственный ряд, синонимический конструкт», который может иметь право на существование до тех пор, пока для последовательного описания диалектной фразеологической синонимии будет недоставать фактических данных (Федоров 1980: 135). Поскольку междиалектные явления последовательно прослеживаются во всех основных семасиологических процессах, в том числе в синонимии (Ройзензон 1972: 43), постольку материалы современных диалектных словарей, охватывающих едва ли не всю территорию России, позволяют составлять междиалектные фразеологические ряды, единицы которых имеют одинаковое или близкое значение, ср., например:

1) глагольно-пропозициональные фразеологизмы с общим значением ‘где-либо слишком много народа’: *иглы не пропихать (не протолкнуть)* — ‘очень много (о большом скоплении людей)’ (СРГК 2: 264), *негде курице наступить* — ‘очень тесно’ (ФСРГС 120), *кислому яблоку не прокатиться* — ‘многолюдно (о большом скоплении людей)’ (МИСНФ 160), *камню некуда упасть* — ‘где-либо очень многолюдно, тесно от множества людей’ (ФСРГРК 98) и др.

2) адъективные фразеологизмы с общим значением ‘ленивый, праздно-любивый’: *постромки не перервёт* — ‘о ленивом, нерадивом человеке’ (НОС 7: 125), *не собьёт ноги* — ‘о человеке ленивом, который не спешит выполнить какую-л. работу’ (СППП 56), *гуж не порвёт* — ‘не проявит усердия’ (ФСПГ 293), *тюк о крюк не стукнет* — ‘о ленивом человеке’ (СВГ 11: 84) и др.

3) глагольные фразеологизмы с общим значением ‘нарушать супружескую верность’: *иметь сторону* — ‘изменять в супружестве’ (СРГК 2: 290), *скакать за осек* — ‘изменять в любви’ (НОС 7: 19), *чужбинкой заниматься* — ‘изменять в супружестве’ (ФСПГ 131), *ходить за волей* — <...> 2. ‘изменять супружескому долгу’ (ФСРГС 212) и др.

Подобные красочные вереницы русских диалектных фразеологизмов могли бы претендовать на специальную словарную фиксацию, поскольку ими легко продолжить уже зафиксированные ряды синонимов русского языка, которые обнаруживаются в соответствующих лексикографических источниках. Например, наша первая подборка может дополнить такой синонимический ряд из «Словаря фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова, как *яблоку негде (некуда) упасть*, *плюнуть негде (некуда)*, *дохнуть (дыхнуть) негде* и др., а вторая подборка может продлить ряд синонимов *палец (пальцем) о палец не ударит*, *пальцем не шевельнёт (не пошевелит)*, *не сделает [лишнего] шага (шагу)*, объединенных в том же словаре общим значением «ленивый».

1. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. М. Мокиенко. Ростов н/Д, 1997.

2. *Гришанова В. Н.* Некоторые вопросы диалектной фразеографии // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Сб. науч. статей. Орел, 2005. — С. 407–410.

3. *Жуков А. В.* Послесловие. Золотые россыпи русской речи // Жуков В.П. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жу-

ков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров / Под ред. В. П. Жукова. 2-е изд. М., 2005. — С. 441–444.

4. *Жуков В. П.* Русская фразеология. М., 1986.

5. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. П. Жукова. М., 1987.

6. *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004. [сокр. ФСРГРК]

7. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000. [сокр. НОС]

8. *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. [сокр. ФСПГ]

9. *Ройзензон Л. И.* Проблемы изучения диалектной фразеологии // Труды Самаркандского ун-та. Новая серия. Вып. 237. Вопросы фразеологии. VI. Самарканд, 1972. — С. 1–57.

10. *Сергеева Л. Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004. [сокр. МИСНФ]

11. Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007. [сокр. СВГ]

12. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина. СПб., 2001. [сокр. СППП]

13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005. [сокр. СРГК]

14. *Федоров А. И.* Сибирская диалектная фразеология / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1980.

15. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983. [сокр. ФСРГС]

асп. Л.Ю. Кодынева (Великий Новгород)

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ

Стихия пространства, времени и власти капризна, подвижна и порой непредсказуема, поэтому и работа, посвящённая этой теме, не может носить строго разграничивающий определённый характер. «Процессы и структуру актов номинации принято описывать исходя из трёхчленного отношения («семантического треугольника») «реалия – понятие – имя». [8: 336]. Архаические топонимы многочисленны в пространстве древнего города и за его пределами. Рассмотрим их номинативную функцию с точки зрения пространственно-временных отношений.

Время в топонимике отражается как результат хозяйственной, религиозной, политической деятельности людей. Это не только календарное время, это соотношение событий в жизни общества. Нет событий, нет и времени, здесь действует принцип относительности. Мы обращаемся к материалу одновременно связанному с языком, историей, географией, философией, как верно заметил исследователь названия улиц средневекового Новгорода, В.Л.Васильев: «Топонимия столь сложного административно-территори-

ального, политического, культурного образования, как средневековый Новгород, находится на стыке лингвистического и историко-археологического изучения». [1: 335].

Обратимся к открытому пространству за пределами города, к топониму Перынский Скит… Здесь сильно понятие единственного, неповторимого места, данного временем вечной природы, где Волхов вытекает из Ильменя, это древняя Перынь, Перунов холм. Неслучайно древними людьми это уединённое, единственное место было выбрано для поклонения языческому богу Перуну, тоже единственному в своей власти и силе в языческие времена.

Перун – главный герой этого места, владеющий пространством вечной природы. Вот как его описывают летописи: «идол был деревянный с серебряною главою и золотыми усами; одежда его искусно была вырезана. Он стоял на железных ногах и, изображая собою громовержца, держал камень, который для уподобления молнии, был украшен рубинами и карбункулами. » [по 6: 8].

Языческие времена подошли к концу, и наступило время христианства. Оно низвергло власть Перуна. Статуя языческого бога с этого места поклонения была сброшена в воды Волхова. Здесь уместно вновь вспомнить о границе пространства: с места вечной природы простор реки как символ времени уносит идола в неизвестность. Но во времени это место сохраняет свою религиозную власть. И вопреки переменам времени и власти топоним *Перынский Скит* живёт сверхестественным, чудесным образом, оживляя власть языческого идола, наполняя пространство дыханием древности языческих обрядов.

«Современные новгородские говоры сохраняют слово Перун со значением «молния», «гром». Например, «оны с Перуна загорелись». (Демянский и Марёвский районы). [6: 9]. В данном случае имя собственное – *Перун* переходит в нарицательное, диалектное слово – синоним к словам «молния», «гром», обогащая словарный состав языка.

Обряды жертвоприношений совершались в том настоящем времени в собственном смысле этого слова. То было настоящее время в его своеобразной сильной позиции. Топоним *Перынский Скит* зародился в языческие времена и до сих пор сохраняет как воспоминание силу настоящего прошедшего времени.

Пространство Скита делит мир на внутренний – уединённый, таинственный, почитаемый, безлюдный, величественный и внешний – шумный, мирской, обширный, населённый людьми, по воле которых меняется отношение к внутреннему пространству Скита. Это своеобразное противопоставление земного и неземного мира в воображении людей. И только власть придаёт этим мирам одинаковую мерность, возможность перемен, передвижений пространств. «Божества с упорядоченным культом (Даждьбог, Велес) принадлежат «внутреннему» миру и поэтому не противополагаются христианскому пантеону. » [3: 396]. Граница является существенным элементом пространственного метаязыка описания культуры, по утверждению Ю.М.Лотмана. Так же можно предположить, что граница используется и для описания топонима в его пространственно-временном отношении. Граница пространств определяется по воле человеческого воображения: внутреннее – культовое и внешнее – мирское. Граница нарушает непрерывность пространства, по

мысли Ю.М.Лотмана, и обладает недоступностью, определяет движение в пространстве.

Именованное место находится в историческом времени. Граница внутреннего и внешнего пространств переосмысливается в связи с переменами религии, государственности и власти.

Также следует отметить, что архаический топоним можно рассматривать как своеобразное художественное произведение, у которого есть своё место и время действия, своя история возникновения и главные герои.

На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Власть монастырей, их сила и значение были велики в жизни средневекового города. Они защищали ограниченное пространство города от разрушительных набегов неприятелей. Например, *Антониев* и *Юрьев* монастыри как замки запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову. Простор воды, полей, небес наполняет город. Внешнее и внутреннее пространство сообщается. Окружение церквей и монастырей города являются символами власти Новгорода над окружающими просторами, позволяют почувствовать пространство вокруг города.

Юрьев монастырь находится на возвышенном открытом месте, на левом берегу Волхова недалеко от его истока, при устье ручья Княжева, близ озера Мячина. В обиходе просто Юрьево. Отсюда открывается замечательный вид на простор озера Ильмень и заливные луга северного его берега.

История возникновения этой неприступной крепости уходит в глубокую древность. Она основана в 1030 году Ярославом Мудрым, наречённым в крещении Георгием, поэтому на территории монастыря в 1119 году построен каменный Георгиевский собор Всеволодом Мстиславичем. Это грандиозное сооружение, немногим уступающее новгородской Софии, последняя из княжеских построек XII века. Во всём его облике, внутренней планировке и пропорциях отражается могущество и величие Господина Великого Новгорода.

Монастырь – это место и время покоя, уединения, тишины, отрешённости от суетного мира. Он со своими стенами, храмами и колокольней, находясь на возвышении, словно парит в воздухе, названный паломниками «святым местом», усыпальницей князей, посадников и духовенства.

Известно, что топоним *Юрьево* происходит от собственного имени Юрий (народное Егор) – славянского преобразования греческого Георгий (земледелец). В названии соединяются времена и пространства славянской и греческой культур. Это именование неизменно во времени как символ прежней княжеской власти и долговечности стен монастыря. И как бы со временем не использовалось это пространство переименованию оно не подвержено. Так же именуется деревня Юрьево вдоль озёрного берега и переулок в южной части Софийской стороны, в районе Петровского кладбища.

Топонимичное пространство *Юрьева монастыря* наполнено временами княжеской власти, событиями обороны, защиты города, захоронением князей, посадников и духовенства. Архаический топоним сохраняет свою власть как некогда держали власть монастыри на Руси.

Ландшафт как пейзаж – уникальное природное соединение воздуха, воды и камня – есть экспозиция топонимического пространства, на котором развернётся действие строительства, названия и жизни во времени, во власти страстей, перемен, взаимодействий и противоречий. Экспозиция – это исто-

рическое прошлое выбора места действия и изменения во времени топонимического пространства.

Топоним обладает данностью в конкретное время и неизменной повторяемостью. В его определённость каждое время вкладывает свой смысл, свою силу. Именование рождается в замкнутом времени и пространстве по воле человека, не ведая предела своей жизни и широты распространения. Времена княжеской власти уходят в историческое прошлое как неоспоримая данность и сила, не повторяемая в настоящем и будущем. Она обретает один из символов вечности, прекратившись, остановившись во времени, и сохранив память о себе в топонимическом пространстве. Поэтому не переименовывается монастырь.

Обратимся к истории возникновения архаического топонима Антониев монастырь, к своеобразию его пространственно-временных характеристик. От стен Кремля в северной части города на Торговой стороне на правом берегу Волхова расположены стены и соборы *Антониева монастыря*. Он был основан в глубокой древности в 1106 году при новгородском князе Мстиславе Владимировиче преподобным Антонием Римлянином, приплывшим в Новгород на камне. Прибытие его в Новгород окружено поэтическими легендами. Своеобразным героем топонимического пространства является основатель монастыря – личность легендарная и загадочная.

Антоний – выходец из Рима. По одной из легенд он купил участок земли у посадских людей Семёна и Прокофия Ивановых. Огромны были владения монастыря. В 16 веке за ним числилось 145 деревень, 2305 десятин земли.

В отличие от многих новгородских памятников, история монастыря и его собора, посвящённого празднику Рождества Богородицы, довольно подробно освещена в различных документах: НПЛ старшего извода и Житие преподобного Антония Римлянина, Духовная грамота Антония и Купчая на монастырскую землю.

Согласно Житию, Антоний родился в Риме, в семье, придерживавшейся греческого вероисповедания в конце 1060-х годов, т.е. вскоре после великой схизмы (1054г.), разъединившей Вселенскую Церковь на католиков и православных. Мирское имя святого – Андрей. Он роздал после смерти родителей часть денег и имущества бедным, а другую часть замуровал в бочку и бросил её в море, после чего удалился к монахам и около 20 лет провёл в уединении и молитве.

В Житие сказано, что в Италии начались гонения на христиан восточного обряда. Тогда Антоний покинул монастырь и удалился на пустынный берег моря, где, стоя на скале, он, как столпник, провёл год и два месяца. 5 сентября 1106 года разыгралась страшная буря, и волны оторвали скалу, на которой молился Антоний, от берега и чудесным образом понесли её «от римские страны по тёплому морю, из него же в реку Неву, и из Невы реки, в Нево озеро (т.е. в Ладогу), из Нева же озера вверх по реце Волхову противу быстрин неизреченных даж и до Великого Новаграда.» [2: 30].

На рассвете 8 сентября камень прибило к берегу Волхова на место будущего монастыря, и Антоний очнулся от звуков церковного колокола, созывавшего к богослужению на праздник Рождества Богородицы. Так свыше было определено место будущего монастыря и его посвящение. Загадочное, чу-

десное путешествие Антония закончилось благословением на создание обители.

А через год после этого происходит ещё одно чудо: рыбаки, забрасывавшие сети по заказу Антония, выловили бочку с драгоценностями, которую юный Антоний утопил в море ещё в Италии, уходя в монастырь. На найденные богатства Антоний покупает землю с селом Волховским и строит каменную церковь, а затем обстраивает обитель каменными храмами и постройками. В 1147 году преподобный Антоний умирает, завещав игуменство своему ученику Андрею, будущему первому составителю его Жития.

Легенда о чудесном прибытии Антония из Рима в Великий Новгород открывает пространство водного пути от Рима до Новгорода Великого, пространство, полное движения, опасностей и неожиданностей. Оно показано относительно времени уединённой монашеской долгой молитвы. Стихия воды, камня – это время вечной природы, в котором совершается подвиг монашеской молитвы в замкнутом пространстве во имя великого деяния - основания монастыря.

В связи с этим хочется отметить размышления Ю.М.Лотмана о семиотике художественного пространства. Герой произведения приурочен к определённому месту, локусу. Этот термин обычно употребляется для обозначения ограниченного, замкнутого пространства, тем самым раскрывается одно из семантических составляющих этого универсального термина, в переводе с латинского означающего «место», «часть». Локус как категория текста реализуется в лексико-семантических полях разного типа, в первую очередь в словах-топонимах.

Исследователь Н.А.Пикалёва, автор статьи «Лексические представления новгородской темы в новгородских списках «Жития Антония Римлянина», опираясь на определение «локус» отмечает, что в памятнике древнерусской литературы локус город имеет большое значение, т.к. это жизнеописание новгородского святого, которое создано во время острой борьбы за власть между Новгородской республикой и Москвой. Топоним Великий Новгород обозначает новгородское пространство текста. Он появляется уже в заглавии в сильной позиции текста со славянизированным обозначением – градъ. Одно из многочисленных названий выглядит так: «Сказание о житии Преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина и о прихожении из Рима в Великий Новъградъ.»

С этим топонимом контактирует другой топоним Рим, т.к. житие создавалось во времена борьбы Москвы и Великого Новгорода за звание «Третьего Рима». [см. 4].

Топонимы не просто указывают на место действия, а обозначают силы, столкнувшиеся и противоборствующие. В данном произведении древнерусской литературы названия городов являются символами власти и приметой времени.

Архаический топоним, представляющий собой архаизм, архаику, свойственную старине, в отличие от устаревших слов, вышедших из речевого употребления, сохраняется в современном языке и широко употребляется как единственно возможный. В этом заключается отличие наименования от слова-архаизма.

Архаический топоним существует вне времени, потому что в нём живёт сила любви, самоотверженности и радости созидания. Это то загадочное, мистическое, окружающее человека каждый день и вне времени живущее как единение и общность с ушедшим неведомым временем средневековья.

Топонимы – это определённая данность, это факты места и времени, которые истолковываются, объясняются с точки зрения их происхождения, бытования, значения и влияния на мировоззрение людей. В них отражается творческая сила народа, его национальная духовная культура.

1. *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Древнеславянские деантропонимные образования. – В. Новгород, 2005

2. *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера.- Л., 1973

3. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. - Тарту, 1992, т.3

4. *Пикалёва Н.А., Дидковская В.Г.* Воспроизводимость в архитектонике текста «Жития Антония Римлянина (по материалам новгородских списков)» //Сб. Фразеологизм и слово в языке и речи.- В. Новгород, 2007.- с. 83-91

5. *Строгова В.П.* Древние топонимы Новгорода и окрестностей. - Новгород, 1993

6. *Строгова В.П.* Название улиц древнего Новгорода.// Новгород в культуре Древней Руси.- Новгород, 1995. – с. 84-87

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка.- М., 1999

8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. - М., 1990.

асп. Е.А. Лукьянова (Владимир)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В СФЕРЕ СОСТАВНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Процессы фразеологизации в сфере топонимии носят весьма ограниченный характер. Однако есть некоторые основания думать, что в региональном топонимическом пространстве можно выделить определенный пласт географических названий, которые в той или иной степени характеризуются специфическими признаками фразеологических единиц. Это относится к так называемым составным топонимам, формально представляющим собой словосочетания, по преимуществу атрибутивного характера.

Под фразеологизмом, опираясь на определение, данное В.П. Жуковым, будем понимать «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающий целостным (или реже – частично целостным) значением и сочетающийся со словом» (Жуков 1986:5). Лингвистами выделен целый ряд свойств, отражающих специфику фразеологической единицы. Среди прочих наиболее существенными, думается, следует считать устойчивость, воспроизводимость, семантическую целостность значения, расчлененность состава фразеологической единицы (Жуков 1986:5).

Однако функционирование данных признаков применительно к составным географическим названиям носит в определенной степени специфический характер. Устойчивость и фиксированность лексического состава в таких топонимах регулирует невозможность перестановки или удаления какого-либо компонента из состава названия. Воспроизводимость как специфическая черта фразеологической единицы реализуется в географическом названии в том, что составной топоним не конструируется в потоке речи, а воспроизводится говорящим в готовом виде. При этом семантическая целостность значения определяется тем, что общее значение составной топонимической единицы в большинстве случаев не выводится из суммирования значений ее компонентов.

Такая характеристика составных названий, как расчлененность состава, сходная с характеристикой фразеологических единиц, также дает основание говорить о фразеологизованном характере составных топонимов. Остановимся подробнее на этой характеристике.

Структурно-семантическая характеристика составных географических названий предполагает учет специфических семантико-грамматических особенностей входящих в состав таких топонимов компонентов. Вслед за И.С. Просвирниной, учитывая систематизирующую роль географического термина в русской топонимии, представим структуру составного топонима как трехчленную: определяемая часть топонима, выраженная чаще всего существительным и называющая, квалифицирующая географический объект, – квалификатор; определяющая часть топонима, выраженная чаще всего прилагательным и дифференцирующая объект, – дифференциатор. Квалификатор и дифференциатор непосредственно являются составной частью топонима и отражают мотивы номинации. Но также необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический термин, идентифицирующий объект, – идентификатор, который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором (Просвирнина 2001). К примеру, в названии *Барское Городище* квалификатором выступает компонент *Городище*, дифференциатором – *Барское*, идентификатором является географический термин *село*, вынесенный за пределы топонима.

Семантика составного топонима имеет комплексный характер, но представлена она дискретно. Идентификатор (общеупотребительный географический термин) вводит в семантический комплекс топонима значение исходного апеллятива и соответствующее понятийное наполнение, связывающее собственно онимическое содержание топонима с родом географического объекта. Квалификатор уточняет видовую принадлежность географического объекта, задает единичность понятия и вводит его в местную топонимическую систему. Дифференциатор определяет особенности объекта и в наибольшей степени отражает мотивировочные признаки и задачи номинации (Просвирнина 2001).

В региональном топонимическом пространстве актуальность значения того или иного компонента структуры составного топонима может варьироваться. Анализ топонимической системы Владимирской области, а в частности системы ойконимов (названий поселений), позволил выделить следующие группы составных географических названий с точки зрения актуализирующей функции составляющих его компонентов.

I. Актуализирующим информацию о характере объекта является квалификатор составного топонима. При этом в этой группе следует выделить топонимы с указанием:

1) на характер поселения: *Старая Слобода,* село; *Старый Двор,* село; *Ступины Деревеньки,* село;

2) характер ландшафта местности, где расположен именуемый объект: *Зеленый Дол*, пос.; *Красная Гора*, дер.; *Золотая Грива*, дер.; *Красная Грива*, дер. (грива – хребет, гребень, гряда); *Заднее Поле*, дер.; *Зеленые Пруды*, дер.;

3) характер обжитости пространства: *Ащеринский карьер*, пос.; *Лихая Пожня*, дер (пожня – покос, укос, сенокос, травное место, луг).

Подобный акцент на значимости квалификатора в составе топонима может быть объяснен тем, что квалификатором в данном случае выступает по своим генетическим признакам имя нарицательное, которое изначально выполняло свою прямую функцию – номинации предмета (в данном случае – объекта). Однако длительное использование в качестве компонента составного топонима нивелировало эту функцию, и на первый план в данном случае вышла характерная для имен собственных дейктическая функция – указания на объект.

II. Однако в случае, если в качестве квалификатора выступает имя собственное, более актуальным в плане выполнения функции обозначения объекта становится дифференциатор, поскольку квалификатор (основное имя) не может быть расценен в качестве точного обозначения. Это может быть обусловлено:

1) наличием соотносительных пар географических наименований. Ср., например: *Большая Артёмовка*, дер. – *Малая Артёмовка*, дер.; *Большая Карповка*, дер. – *Малая Карповка*, дер., *Большая Козловка*, дер. – *Малая Козловка*, дер.;

2) совпадением квалификатора и идентифиатора, который вынесен за пределы собственно топонима, но подразумевается в речевом акте (такие топонимы находятся на стадии семантического сжатия до формально одного слова): *Новая Деревня*, *Старое Сельцо*;

3) наличием относительной характеристики, которая является более актуальной в плане обозначения объекта: *Барское Рыкино*, дер.*; Барское Татарово*, село.

Следует отметить, что качественное прилагательное в составе двусловных географических названий чаще всего несет в большей степени характеризующую информацию, нежели участвует в идентификации обозначаемого объекта. Поэтому компоненты в таких топонимах характеризуются меньшей степенью семантической спаянности, а следовательно, меньшей степенью фразеологизации. Относительные прилагательные в качестве компонентов составных географических названий чаще всего выражают признак, жестко прикрепленный к существительному, поэтому думается, что степень фразеологизации в таких топонимах несколько выше, чем в названиях с относительными прилагательными.

III. В том случае, когда квалификатор и идентификатор не являются одним и тем же словом, два компонента в составе двусловного топонима несут информацию одинаковой степени актуальности. Такие названия можно на-

звать топонимами с наибольшей степенью фразеологизации: *Архангельский погост, село; Вознесенский погост*, село; *Воскресенская Слободка*, село; *Клязьминский Городок*, село; *Сосновый Бор*, пос.

Значение конкретизированного определенным образом отношения не принадлежит семантике относительного прилагательного как отдельного слова в составе географического названия, но входит в семантику словосочетания. Тем самым словосочетание с относительным прилагательным оказывается в определенном смысле неразложимым (Павлов 1960:68). Таким же образом, думается, можно охарактеризовать и составные географические названия с компонентом относительным прилагательным.

Итак, анализ ойконимической лексики топонимического пространства Владимирского региона показал, что в некоторых случаях спаянность семантики компонентов достигает такого уровня, что комплекс может быть близок к процессу фразеологизации. Это происходит, когда на базе «сложения» значений возникает новое, общее значение топонима, не вытекающее из значений компонентов.

Безусловно, данное исследование не претендует на всеохватность и исчерпанность. Выводы могут быть более глубокими и точными, если привлечь к анализу более обширный топонимический материал, включив в него описание топонимического пространства не одной области, а нескольких регионов, входящих в состав исторически и географически единой территории.

1. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М., 1986.
2. Земля Владимирская. Географический словарь. – Владимир, 1991.
3. *Павлов В.М.* О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. – 1960. – №2. – С. 65 – 71.
4. *Просвирнина И. С.* Особенности семантики русских составных топонимов // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. // http://proceedings.usu.ru.

асп. Е.Н. Руженцева (Смоленск)

ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ «СМОЛЕНСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА» В. Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО).

Русская фразеологическая наука богата исследованиями фразеологической семантики, предпосылки обнаруживаются в трудах В. В. Виноградова (Виноградов 1953), который, проводя дифференциацию значений лексических единиц, говорит о фразеологически связанном значении. Теоретические исследования семантики фразеологических единиц в работах по общей и русской фразеологии Н. М. Шанского, В. П. Жукова, Ю. П. Солодуба, А. Н. Тихонова, Д. Н. Шмелева, М. И. Сидоренко, М. М. Копыленко, Н. Ф. Алефиренко, А. М. Мелерович, Н. И. Лаврова, Л. Е. Кругликовой и других касаются

преимущественно выявления общего и различного в лексическом и фразеологическом значениях, выявления способов их выражения.

Проблемы семантики, вопросы многозначности фразеологических единиц, возможность существования омонимичных фразеологизмов представлены в работах Н. М. Шанского, А. И. Молоткова. Интересные выводы, касающиеся семантики фразеологизмов, в монографии А. М. Бабкина (Бабкин 1970). В результате изучения семантической эволюции отдельных фразеологизмов ученый раскрывает синонимические связи и отношения между, казалось бы, разными фразеологизмами; показывает, как в результате контаминации семантически сближенных оборотов возникают новые фразеологизмы. В монографии Ю. А Гвоздарева (Гвоздарев 1977) внимание главным образом сосредоточено на изучении русского фразообразования, впервые применительно к фразеологии русского языка освещается проблема того, как понятие наделяется фразеологической оболочкой. Культурная семантика фразеологических единиц теоретически и аналитически освещена в работах В. Н. Телии, И. Сандомирской, В. А. Масловой, В. В. Красных, В. М. Зимина, М. Крымской, и др.

Особенно актуальным направлением в современной фразеологии является изучение региональной фразеосемантики, которое основывается, прежде всего, на принципах лингвокультурного метода исследования и предполагает использование знаний не только лингвистики, но и культурологии. Такой подход расширяет рамки собственно лингвистического изучения региональной фразеологии, раскрывает национально-культурную специфику фразеологических единиц, обусловленность семантики оборотов этнокультурными особенностями, мироощущением, системой ценностных установок языковой общности определенного региона.

Во многих работах исследователей фразеологии отмечается, что фразеологические единицы являются национально-специфическими единицами языка, аккумулирующими культурный потенциал народа (Вежбицкая 1996; Телия 1996; Маслова 2004; Добровольский 1997). В общеязыковой картине мира обнаруживаются явления, которые характерны для языковых сообществ, объединенных регионом. Поэтому созданные лингвокультурными обществами картины мира, по сути, являются основанием национальных культур. В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка своеобразное «зеркало», в котором носитель языка, представитель национальной культуры идентифицирует свое национальное самосознание (Телия 1996 : 9). В. А. Маслова отмечает, что «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» (Маслова 2004: 82).

Современные исследователи фразеосемантики довольно часто оперируют такими понятиями, как концепт и стереотип. Концепт представляет собой «одновременно и суждение, и понятие, и представление», которые отражают концептуальную картину мира (Маслова 2004 : 21, 25). В свою очередь концептосфера – это совокупность концептов, составляющих языковую картину мира. Стереотип – оценочно устойчивое, национально маркированное представление о явлениях окружающего мира, выступающее в виде

образа или ситуации, представляющее собой своего рода ментальную «картинку». (Маслова, 2004 : 110). Таким образом, фразеологизм является средством выражения концепта и стереотипа, который связан с определенным представлением или образом, выраженном в данном фразеологизме.

Богатый материал для исследования национальной культуры представлен в этнографических региональных сборниках пословиц и поговорок. Комплексный анализ содержания многих понятий об этнографических реалиях, паремий, в составе которых содержатся соответствующие слова, знаки этих понятий, важен как для лингвистических, так и для этнографических, лингвокультурологических исследований.

В этом ключе интересен и ценен «Смоленский этнографический сборник» В. Н. Добровольского (1856 – 1920) – талантливого писателя-этнографа, краеведа и собирателя устной народной поэзии Смоленского края. В течение всей своей жизни В. Н. Добровольский продолжал активную работу по собиранию и обработке фольклорно-этнографического материала. В период с 1886 по 1888 годы исследователь занимался обработкой и классификацией материала, записанного в Смоленской губернии. Первая часть «Смоленского этнографического сборника» вышла в свет в феврале 1891 года в Петербурге. Труд заинтересовал многих ученых того периода, первыми рецензентами стали А. Н. Пыпин и В. В. Богданов. Записанные фольклорные произведения В. Н. Добровольский расположил по трем основным отделам, в первый из которых вошли биографические рассказы крестьян, поверья, заговоры, легенды, предания и др., во второй – сказки, третий – были. Вторая и третья части вышли в 1894 году также в Петербурге. Вторая часть включала в себя произведения семейной обрядовой поэзии, третья – пословицы и поговорки, меткие народные выражения, прозвища, заклинания, приметы Четвертая часть этнографического сборника была опубликована в 1903 году и вышла в Москве. В составе сборника – описание игрищ, песни и духовные стихи. Выход в свет четырех частей «Смоленского этнографического сборника» стал заметным явлением в области изучения регионального фольклора и этнографии.

Пословицы и поговорки третьей части этнографического сборника записаны с сохранением всех особенностей языка, то есть так, как В. Н. Добровольский их слышал от крестьян, ремесленников, мастеровых. В сборник включены как традиционные пословицы, общеизвестные по всей России, так и пословицы местные, понятные только населению Смоленской области. И этот факт делает «Смоленский этнографический сборник» В. Н. Добровольского значительным и ценным для лингвистических, этнокультурологических и краеведческих исследований и выводов.

В. Н. Добровольский предпринял попытку тематической классификации пословиц и поговорок. С одной стороны, расположение паремий по тематическим группам способствует выделению фразеосемантических групп, тематической концептосферы, изучению фольклорного материала. С другой стороны, углубленное знакомство с паремиями сборника в наши дни показывает, что пословиц не всегда соответствуют тем рубрикам, под которыми они приведены. Возможно, это связано с тем, что В. Н. Добровольский не был лингвистом, он записывал и объединял пословицы в группы, руководствуясь собственными установками и опираясь на собственное мироощу-

щение. Не исключено другое объяснение данного факта. Мировосприятие современного человека отлично от мировосприятия людей того периода, когда был создан сборник. Решение данных вопросов – перспектива изучения фольклорного материала, тщательное изучение фразеосемантики «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского позволит также тематически структурировать пословицы и поговорки.

Тематика сборника пословиц и поговорок разнообразна – это бытовые, общественно-политические, исторические, сельскохозяйственные паремии. Пословицы и поговорки сборника объединены, например, в такие группы: «Лень», «Любовь», «Честь», «Злоба», «Жадность», «Смех», «Медведь», «Сено», «Торговля», «Солдат», «Крепостное право» и т. д. Часто тематические группы составлены по принципу противопоставления, антонимии – «Чужое – свое», «Удача – неудача», «Худое – хорошее», «Воля – зависимость», «Знать – не знать», «Здоровье – нездоровье», «Молодость – старость», «Грязь – чистота», «Зависть – доброжелательство», Грамотный – неграмотный», «Похвала – осуждение» и др.

Каждая пословица и поговорка – это метафора концепта, она связана с определённым понятием, которое содержит какое-либо культурно, ментально и регионально зафиксированное явление в виде иносказательного, образного выражения. Концептосфера фразеологии «Смоленского этнографического сборника» социально окрашена, имеет деревенский колорит, отражает её нелитературную, т.е. регионально ограниченную воспроизводимость, а также языковую картину мира сельского жителя. В центре пословиц и поговорок сборника – человек. В связи с этим целесообразно выделение фразеосемантических объединений, в основе которых концепты темы «Человек». Большое число паремий этнографического сборника, например, объединяется во фразеосемантическую группу «Качества человека», данная группа включает явно оценочные концепты: «Внимательность», «Жадность», «Зависть», «Доброта», «Злость», «Упрямство», «Отчаянность», «Лень», «Хитрость», «Хвастовство», «Ум», «Послушание», «Решимость», «Упрямство». Фразеосемантическая группа «Состояние человека» включает концепты: «Бедность», «Виновность», «Горе», «Отчаяние», «Страх», «Смех», «Воля», «Зависимость». Фразеосемантическая группа «Семья» – «Родители», «Муж», «Жена», «Теща», «Отец», «Мать», «Дети», «Сын», «Дочь».

Выявление и культурологическое изучение названных выше фразеосемантических групп, а также таких обширных фразеосемантических групп, как «Животные», «Одежда», «Пища», «Календарь» позволяет произвести тематическую перегруппировку «Смоленского этнографического сборника», сопоставить тематическое распределение паремий В. Н. Добровольским с тем, как мы сегодня видим это распределение, и, что является наиболее важным, приблизиться к истокам национальной культуры Смоленского края.

Обращение к фольклорному материалу этнографического сборника В. Н. Добровольского, анализ фразеосемантических групп, концептов языкового сознания жителей региона, позволяет установить связь образного содержания пословиц и поговорок с обычаями, поверьями, историей, фактами бытовой культуры, обнаружить и описать своеобразие языка и культуры народа Смоленского края.

Региональная фразеология, представленная в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Н. Добровольского является фрагментом национальной картины мира. Результаты описания фразеосемантики «Смоленского этнографического сборника необходимы и важны для воссоздания единой национальной картины мира, поскольку анализ языкового опирается на обычаи, сведения истории, культуры данного региона.

1. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970.
2. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография/ В. В.Виноградов. – М.: Наука, 1977.
3. *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник: в 4 ч. / В. Н. Добровольский. – СПб., 1891 – 1903. – Ч. 1 – 4.
4. *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь / сост., авт. Предисл. В. Н. Добровольский – Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.
5. *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии/ Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания.- 1997. - № 6. - С. 37-49.
6. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие / ВА. Маслова. - 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2004..
8. *Молотков А. И.* Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления. – М.-Л., 1966.
9. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспект. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002.
10. *Татар Б.* Русская фразеология / Рец.: В. П. Жуков. М., 1986 // Studia Russica XI, Budapest, 1987.
11. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Яз. Рус. культуры, 1996.

к.ф.н., доцент Л.В. Савченко (Сімферополь, Україна)

КЛЯТВИ ЯК САКРАЛЬНІ МІКРОТЕКСТИ В СЕМАНТИЦІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Характерним регулятивним утворенням у діяльності й способі життя слов'янина є клятва. Своїм корінням клятва відходить в інститут табу. Початково вона несе в собі атрибутику міфології, згодом стає релігійно-правовою, а пізніше – правовим актом. Клятва як правовий звичай фіксується писемними джерелами з IX ст. (Войтович 2005: 230). Розрізняють клятви двох рівнів: клятва в повсякденному житті (коли її приносили через звичку) та клятва, яка мала силу в державному та приватному житті (яка здійснювалася публічно). У першому випадку – це фразеологізм, мовний штамп, у другому – клятва мала чітку мету, якої треба було досягти (Орехов 1989: 198-215). Вона супро-

воджувалися відповідним ритуалом й охоронялися законом. Обов'язковим атрибутом був священний предмет, на якому приносилася клятва.

Про клятви як ритуали та вербальні формули містяться згадки в працях етнографів О.М. Афанасьєва, М. Забиліна, у працях сучасних фразеологів С.М. Толстої, В.М. Мокієнка, В.І. Коваля, М.В. Жуйкової, Д. Антонякової. В українській фразеології зафіксовано низку вербальних формул, якими виражається ціла шкала міри клятви. На лінгвальному рівні через клятву відтворюється ментальна архетипна опозиція *правда/неправда.* Під правдою розуміється Божественна справедливість, оскільки, як свідчать Біблійні тексти, Ісус Христос і є правда. Існує поняття Сонце Правди – «церковний хрест, оточений колом із сяйвом» (Жайворонок 2006: 566). Неправда – свідоме перекручення дійсності на зло та шкоду комусь чи чомусь.

Серед досліджуваних нами сакральних мікротекстів окреслюються *фразеологічні моделі*, в основі яких лежить базова фразеологема виражена природним номінативом *земля.* У космічному просторовому континуумі традиційно об'єктивуються закономірні архетипні співвідношення *небо/земля, земля/підземний світ; верхній світ/нижній світ*, які знайшли своє пряме відображення в уяленнях людини. Бачення світу, його структури та ролі кожної складової цієї картинки в бутті трансформувалися в конкретне вербальне вираження. Так, інструментом запевнення вважався сакральний об'єкт – *земля,* могутність і праведність якої були очевидними. Відомий давній народний звичай – ***сповідь землі*** без духовника. Багато віків земля мислилася як суддя і як спокутниця гріхів: нею клялися, її цілували і навіть їли. Для наших пращурів земля була образом-тотемом, якому поклонялися, обожнювали, лікувалися, прикладаючи її до ран, «говоря, что «мать сыра земля ул?читъ лучше всякаго знахаря и за л?ку не возметъ» (Трунов 1869: 12-13).

У наших предків земля не персоніфікувалася з богинею, проте її поважали як праведну, Божу. О.М. Афанасьєв згадує: «Галицькі русини та малороси називають її святою» (Афанасьев 2007: 49). Після повернення з чужих країв треба було вийти на пагорб, поклонитися всім чотирьом сторонам світу, стати на коліна й поцілувати землю. В історії неслов'янських народів відома обрядодія цілування землі. М. Забилін описує мусульманський ритуал, що проводиться в черемисів під час землеробського свята жнив Ага Найрам і закінчується клятвою. Цей день у татар має назву Сабанне свято, «тогда всякій долженъ ***ц?ловать землю*** и переходить черезъ палку. Кто сего не исполнитъ, того считаютъ за отступника» (Забылин 1992: 94). Надзвичайно страшна клятва землею, що знайшла своє відображення у фразеологічній одиниці (ФО) ***землю їсти (гризти)***. Застосування цієї клятви полягало в такому: кожна з сторін, що домовлялися, з'їдала грудку землі. Про цю традицію згадується в статті: «въ поговорк? говорится: ***онъ божится землю ?сть, так видно – правда»*** (Трунов 1869: 12-13). Цей ритуал був гарантом стовідоткового дотримання умов договору. Найвірнішою присягою вважається обряд, що супроводжується вербальним текстом-клятвою та акціональною дією, тобто з'їсти землю. Численні записи в словниках і збірках XIX – поч. XX ст. свідчать про походження цієї ФО з обрядодії заприсягання: ***земли тоби зьимъ*** із семантикою '*клясться; божиться*' (Білецький-Носенко 1966: 153); ***землі ззім*** (Номис 1993: 312); ***земли зъимъ, колы це не правда*** (Комаров 1890: 45); ***волїв бим сиру землю їсти, нїж на таке дивити ся*** (Франко 2,

180). Відомі і звичаї, коли, заприсягавшись, землю гризли. Підтвердженням цьому є записи у фольклорній збірці І.Я. Франка. До стійкого вислову ***аби-с тут передо мнов землю гриз, то ти не виру*** зі значенням *'недовіри',* подається коротенька інтерпретація *'гризти землю або їсти землю – один із найважнійших способів присяги'*…, *на сьвяту землицю найстарша присяга'* (Франко 2, 179). В інтерпретації автора ФО репрезентують акціональну поведінку людини *гризти (землю)* як свідчення правоти, чесності. В.І. Коваль описує походження білоруського діалектного фразеологізму ***хоць земле ўкусі*** «про відсутність віри в клятвене завірення», який пов'язаний, безсумнівно, із спільнослов'янською традицією клятви з землею в роті. Посилаючись на працю 1895 р. етнографа А.Є. Богдановича «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов», автор стверджує, що «найстрашніша клятва для білоруса – це клятва, вимовлена із землею в роті чи в руці. До цієї клятви прибігають рідко, і якщо білорус що-небудь засвідчує, узявши грудку землі в рот, то його земляки йому, без сумніву, повірять» (Коваль, 153).

Клятвою називався й обряд, яким майже до кінця XIX ст. вирішувалися земельні суперечки селян – обхід межі ***з дерном на голові.*** Найдавнішу згадку про таку клятву містить «Беседа св. Григория Богослова об избиении града» (XI ст.). Про юридично визнаний обряд у спірних справах про землю і її межі *(**хождение по меже с глыбою земли** –за О.М. Афанасьєвим)* згадується: «вимовляючи клятву, їсти землю, щоб такими діями ще міцніше скріпити непорушність обітниці, яка промовлялася, чи справедливість свідчень, які даються» (Афанасьев 2007: 50). Для вирішення суперечки давні слов'яни вибирали суддею ***Мати – Сиру Землю.*** Якщо на це вийде згода іншого суперечника; то один із них вириває шматок дерну з землею, кладе його на голову і йде тим місцем, де, на його думку, має бути справжня межа покосів. Такі ритуалодії були свідченням того, що миру буде свято дотримано та межі чужих володінь залишаться недоторканими.

За віруваннями слов'ян, голова – магічний символ верхнього світу, тому вона виступала основним об'єктом праведності й мудрості в розв'язанні складних проблем. Метафізичне значення обряду – розсування межі світів Яви і Нави, де посвячуваний стоїть у порубіжній ситуації, і відбувається власне словесна клятва. Тобто присягають на межі Життя і Вічності. Архаїчні бінарні протиставлення *життя/смерть; верх/низ* на ментальному рівні мають магічний вплив на людину. Стійкі вислови під впливом давнього ритуалу набули значення клятвеного завірення в чомусь: ***най на мнї дерня поросте, як то неправда*** з етимологічною довідкою *'клятьба дерном мабуть також глухий спомин старосьвітської присяги під дерном'* (Франко 1, 544-545). Відома й така інтерпретація обрядодії: вирізають круг землі разом із дерном (травою) і тримають на рушнику над головою посвячуваного або заприсяжуваного. Клятва з дерном мала місце ще при продажу себе в повне, потомственне рабство. Відомі стійкі вислови ***дерноватий холоп, дерновата челядь*** – повні вічні раби. У нас та інших народів «при продажу полів і пашні шматок землі чи дерн передавався із рук у руки від продавця покупцю, як наочний знак переходу права власності від однієї особи іншій» (Афанасьев 2007: 51). Автор ілюструє твердження російським висловом ***продать в дерн*** і лексемою ***одеренеть,*** інтерпретуючи їх *'як продаж у повну чи вічну власність'.*

Кожен із тих, хто клялися, знав: якщо не виконати договір, то земля його задавить. С. Максимов зазначає, що «всяка нечиста, диявольська сила, від хресного знамення і недільної молитви провалюється не інакше як *'крізь землю',* не паплюжачи святості земних надр» (Максимов 1989: 152). Провалля можна пов'язати зі звичайними земними ландшафтами – яр, яма, озеро. ущелина, грот тощо. Воно існує й в уявленнях людини про нижній світ потойбіччя, царство мертвих, яке знаходиться під землею, і куди за волею вищих сил вона може провалитися. ФО ***провалитися крізь землю*** пов'язана з архетипним протиставленням *цей світ/потойбіччя, свій/чужий, верх/низ.* ФО містить просторову метафору, яка базується на «символьній функції землі як свого простору. У цій метафорі бажання пропасти уподібнюється готовності потрапити в пекло» (Телія 2006: 640). Клянучись людина розуміла, що вона перебуває на межі життя та сметрі. У такому випадку в міфологічному мисленні вступає в силу архетипна опозиція *життя/смерть*, яка відображається у ФО з фразеологемою, вираженою інфінітивом ***провалитися***, зміст якої спрямовувався на накликання смерті, загибелі через можливість потрапити в *нижній світ* уявного дерева життя людини. Слов'яни вірили, що в надрах землі знаходиться «адъ или тартаръ, гд? живут черти со своимъ Наболшимъ, т.е. Сатаною» (Трунов 1869: 12). Саме тому при «ув?реніи въ чемъ либо клянутся*: **«чтобъ я провалился сквозь землю», «чтоб я провалился въ тартаръ»*** (Трунов 1869: 13). Базова фразеологема ***земля*** містить лексичний варіант, що виражається локативною фразеологемою ***тартари (тартарари)***, яка поєднується з дієсловом ***провалитися*** зі значенням *'переміщення'*. Інтерпретація лексеми *тартар* як міфологічного номінатива стоїть в одному синонімічному ряду зі словом *пекло* (Яременко 4: 493). У словнику В.І. Даля зазначається, що лексема *тартар* має значення *преисподня.* У словниковій статті подається як ілюстрація ФО- прокляття ***провались ты в тартарары*** (Даль 2005: 643).

Найбільшим нещастям для наших предків вважалося бути незахороненим за тими нормами та законами, які в цей період були традиційними. Ймовірно витоки найстрашнішої клятви слід шукати в цьому віруванні, оскільки перед такою клятвою відступає всяка підозра щодо неправдивості свідчення. На вірі у святість і чистоту рідної землі в багатьох слов'янських мовах розвинулися такі ФО *рос.* ***чтоб тебе (вам, ему, ей, им) сквозь землю провалиться)*** (Телія 2006: 639); *біл.* ***готоў сквозь зямлю праваліцца*** (Суднік 2005: 487); *словац.* ***Nech sa prepadnet*** (Антонякова 2004: 501). Уявлення про існування підземного світу нечистих сил закріпилися в зафіксованих ФО: ***мало крізь землю не провалився; як крізь землю провалився*** (Білоноженко 2003: 571). У структурі цих ФО практично одинакові фразеологеми: символічний базовий компонент ***земля*** з культурно маркованим природно-ландшафтним кодом; компонент ***провалитися***, співвідносний з акціональним кодом; компонент ***крізь***, що репрезентує одне з полів *низ* у міфологічній архетипній опозиції *верх/низ*. Однак семантика ФО, етимоном яких є ідентичний сценарій, закріпилася з різним значенням: '*відчути сором', 'зникнути безслідно', 'проявити безпорадність', 'дуже неприємно, незручно'*. Лише ФО ***щоб (крізь землю) провалиться*** тлумачиться як *'вираження запевнення в правдивості сказаного'* (Білоноженко 2003: 572). Із таким же семантичним

навантаженням фіксується ФО в збірці І.Я. Франка: ***щоби я під сиру землю запав ся*** – *'клянеть ся чоловік на правду своїх слів'* (Франко 2, 182). Етнограф фіксує мовні одиниці з предикатом *запасти,* утвореним від кореня *пад-/пас- (падати, упасти, пропасти).* Як бачимо, лексеми *провалитися і пропасти (запасти)* в цьому акціональному фрагменті можна поставити в один синонімічний ряд. Незважаючи на низку значень цих слів у східнослов'янських мовах, вважається цілком обґрунтованим припущення про те, що «вихідною семантикою предиката *пропадати/пропасти* було значення процесу (чи результату) переміщення об'єкта донизу через щось чи у щось» (Жуйкова 2007: 174). В одній із етнографічних розвідок XIX ст. зафіксовано клятву-божбу сакрального змісту ***не взвидь я земли подъ собой, кормилицы*** (Трунов 1869: 13), яку можна інтерпретувати як вербальний мікротекст накликання на себе прокляття. Людина висловлює негативне побажання провалитися в надра землі, в нижній потойбічний світ. Подану синтаксичну конструкцію розуміємо в такому контексті: щоб я не побачив більше землі, яка мене годує, під собою, під своїми ногами, зі значенні ***щоб я провалився крізь землю.*** Подібною за семантичним змістом є ФО ***аби мі сьвјита земльи не носила,*** яку упорядником пояснено як формулу клятви: *'заклинаєть ся чоловік, говорячи про свою невинність'* (Франко 2, 179). В увленні слов'янських народів земля носить людину на собі, і тому прокляттям проти самого себе було бажати кари з боку землі. Вербальні мікротексти, що містили образний фрагмент 'провалювання крізь землю' вважалися найсильнішими сакральними формулами з акціональним змістом, який людина сприймала реально.

За останнє століття ритуали клятви втратили своє сакральне значення, а вищеописані обрядодії перестали виконуватися, проте у ФО закодувалася традиції культури етносу, пов'язані з однією з основних стихій світотворення *землею.*

1. *Антонякова Д.* Уверение и клятва в зеркале русско-словацкой фразеологии. – Словацкая Республика, Прешов // ROSSICA OLOMUCENSIA XLII (ZA ROK 2003) 2. иаst Roиenka katedry slavistiky na Filozoficke fakultм Univerzity Palackeho, Olomouc. – 2004. – С. 501 – 505.
2. *Афанасьев А.Н.* Мифология Древней Руси. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
3. *Білецький-Носенко П.П.* Словарь малороссійскаго, или юго-восточнорусскаго языка / Підготував В.В. Німчук. – К.: Наукова думка, 1966.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2006.
5. *Войтович В.* Українська міфологія. – Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, 2005. – 664с.
6. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. – Т. 1-3. – Львів: Наук. т-во ім. Шевченка, 1901-1910.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 736 с.
8. *Жайворонок В.В.* Знаки української етнокультури: Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
9. *Жуйкова М. В.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнос-

лов'янських мов: Монографія. – Луцьк: РВВ Вежа Волин. держ. ун-ту Лесі Українки, 2007. – 416 с.

10. *Забылин М.* Русский народ его обычаи, обряды, предания суеверия и поезия. – М. – Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – Симферополь: Таврида, 1992. – 607 с.

11. *Коваль В.И.* Фразеология народной духовной культуры в деривационно-семантическом аспекте.: Дис. ... докт. филол. наук. – Гомель, 1999. – 213 с.

12. *Комаров М.* Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь. – Одесса: Типо-литографія Е.И. Фесенко, 1890. – 125 с.

13. *Максимов С.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989.

14. Новий тлумачний словник української мови: У 4 т. // Уклад. Яременко-В., Сліпушко О. – К.: Аконіт, 1999.

15. *Орехов С.И.* Клятва и проклятие как элементы религиозного культа. Отношение человека к иррациональному. Психология религиозности и мистицизма. Сборник. Свердловск: Издательство Уральского у-та. 1989, С. 198-215. – 311 с.

16. Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наукова думка, 2003. – 1104 с.

17. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад. рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко; Афармленне А.М. Хількевіча. – 4-е выд. – Мн.: Белин, 2005. – 784 с.

18. *Трунов А.Н.* Понятія крестьянъ Орловской губерніи о природІ физической и духовной // Записки Императорскаго русскаго географическаго общества. По отдІленію этнографіи. – Т. II. / Изданъ подъ редакціею дІйствит. члена Л.Н. Майкова. – СПб: Типографія В.Н. Майкова, 1869. – С. 1 – 48.

19. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис // Упоряд., прим. та вступна ст. М.М. Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.

к.ф.н., доцент Т.П. Свердан (Черновцы, Украина; Прага, Чехия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ ВОЛОСЯНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Исследование фразеологических единиц (дальше – ФЕ) с соматическими компонентами демонстрирует очевидную связь языка с культурно-национальным мировоззрением народа-носителя языка (менталитетом этноса) и в очередной раз свидетельствует о том, что язык – важная часть этнокультуры, поскольку «отображает этнокультурные, народно-психологические и мифологические представления и переживания» (Жайворонок 2001:49), то есть национальную специфику человеческого мировосприятия. Так, например, в украинской культуре один из самых многозначных символов-соматизмов – *волосся,* хотя компонент-соматизм *волосся (чуб, чуприна, кучері)* представлен в сравнительно незначительном количестве ФЕ. В «Словаре символов» О.Потапенка, М.Дмитренка зафиксированы такие символические значения

волосся: «символ богини неба, земли; богатства; развития духовных сил; энергии; огня; плодовитости; здоровья; символ скорби, траура; *обстрижене волосся* – символ обесчещенной девушки (*покритки, стриги*), утраченной девственности; чистоты; «рождения-смерти»; вечной памяти; оберег» (Потапенко, Дмитренко 1997:30), а в словаре В.Жайворонка «Знаки украинской этнокультуры» указано, что *волосся* – еще и символ мужской силы и достоинства, и приведен библийный пример о Самсоне и Далиле (Жайворонок 2006:111). Некоторые из этих значений стали основой формирования ФЕ, о чем речь пойдет ниже.

Общеизвестно, что в старину на Руси запрещали замужней женщине ходить с непокрытой головой, потому что, выйдя замуж, женщина переходит во власть мужа, который овладевает *косой* – честью. У всех славян замужние женщины, в отличие от девушек, ходили с покрытой головой. Покрытие головы – символ брака (ритуал покрытия головы, в отличие от ритуала расплетания косы, до сих пор свято соблюдают на украинских свадьбах во всех регионах). А.Потебня довольно интересно описал обряд покрытия головы невесты в работе «Слово и миф»: после венчания на невесту одевают головной убор, потом едут домой, где их [молодоженов. – Т.С.] встречает сваха и пугает невесту, чтобы та была боязливой. Родители бросают молодым в лицо соль, чтобы уберечь их семью от раздоров и т.п. (Потебня 1989:436). Об обряде расплетания *косы* А.Потебня говорит так: две свахи расплетают невесте косу и плетут ее вниз под руку в две косы. После этого покрывают голову, и молодая женщина уже не может ходить *простоволосою* даже в присутствии родных. В других обрядах в косы вплетают лен и завивают вместе с косой, чтобы визуально было «больше косы». На такую прическу, которую называли *кичка* (у Т.Шевченка есть: «Лимар кичку зашиває», а еще возникает ассоциация с гуцульским *кичера* – «гора, вся кроме вершины, покрытая лесом». – Т.С.), накладывали «*каптур* или *серпанок, очіпок*» (там же). Описанные обряды обусловили появление ФЕ *покрити косу (голову), розплести косу* и под. со значением «вийти замуж»; *не можна волосом світить – надівай очіпка (покриткуй, або начосів не напускай)* (Номыс 1993:497); *волосом засвітила (очіпок злетів)* (Номыс 1993:203); *світить волосом* (Номыс 1993:394); *сиди до сивої коси, а за ледащо не йди* (Номыс 1993:395); *а вже ж тії кучері мені надокучили* (Номыс 1993:128) – тут волосы символизируют еще и свободу (сравним длинные волосы у хиппи), которую девушка жаждет поменять на семейные узы.

Для незамужней же девушки в Украине наиболее постыдным было насильное подстригание волос, которое символизировало позор за потерю венка, невинности. Такую девушку называли *стрига*, или *покритка*, поскольку ей было запрещено ходить с непокрытой головой. Такой обычай связан с символическим значением *волосся*, в частности *коси,* «чистоты», «святости». К слову, странно, что в вышеуказанном «Словаре символов» не находим такого компонента символического значения косы, как «красота». Ведь издавна и до сих пор почти во всех культурах волосы в общем и образ косы в частности ассоциируются с девичьей красотой (*Руса коса до пояса, в косі стрічка голуба* (украинская народная песня); *коса – дівоча краса; дівка без коси не має краси*), отсюда в украинцев и обозначение женской красоты с

помощью сравнения *коса, як праник (товста, міцна)* (Номыс 1993:383); *коси, як ковбаси* (Жайворонок 2006:309).

Глубокая вера в Бога, в его функцию хранителя отображена в ФЕ *без Божої волі і волос з голови не спаде (волос з голови не спаде (як того хоче Бог))* (Номыс 1993:40) – тут *волосся* символизирует жизнь, здоровье человека, а через Бога – оберег и судьбу (о связывании волос с судьбой свидетельствует еще живой отказ стричь детям волосы до определенного периода). Доказательством суеверности наших предков есть выражение *дайте мені волосинку завіяти на дитинку («од русавок»)* (Номыс 1993:50), где *волосинка* тоже реализует свое символическое обереговое значение. Кстати, в Украине до сих пор активно практикуют ритуал так званого *обкурювання (підкурювання)* испуганного чем-то ребенка выстриженными волосами этого же ребенка. То есть, волосом и дымом выгоняют испуг.

Что касается семантического диапазона ФЕ с компонентом *волосся (кучері и под.)*, то, естественно, он намного шире, чем символический. Такие ФЕ (как общеславянские, так и собственно украинские) в речи используют (либо использовали раньше), например, для: 1) насмешек по поводу низкого интеллекта женщины или в общем чьего-то плохого характера: *у жінки волос довгий, та ум короткий* (Номыс 1993:401); *ангельські волоса, а чортова голова* (Номыс 1993:165); 2) изображения болезненного состояния: *такий хворий, що волосся пухне* (Номыс 1993:366); *і волос зав'яв* (Номыс 1993:509) – в основе ФЕ символическое значение *волос* как здоровья; *так волохи (волосся на руках) [в лихоманці] і повставали* (Номыс 1993:368) – этот фразеологизм в современном языке без компонента *в лихоманці* имеет еще и значения «страх», «холод», а компонент *волосся(волохи)* входит в его состав с прямым значеним и его появление основано на наблюдениях за физиологическими особенностями человека; 3) подчеркивания невозможности чего-то: *як на долоні волосся поросте* (93, с. 267) – то есть, никогда; 4) психоэмоционального состояния: *від роскоші кудрі в'ються, від журби січуться* (Номыс 1993:587); *як волосся сивіє, то чоловік дурієє* (Номыс 1993:387) и т.д.

Как символы мужской красоты и достоинства функционируют в украинской лингвокультуре слова *чуб* і *чуприна*. С одной стороны, такая символика обусловлена еще древними традициями (о бритой голове с *чубом,* который обозначал высший род, возможно, как факте наследования обычаев восточных народов, известно еще со времен русского князя Святослава), с другой, – углублена козацким обычаем отращивать *чуб-оселедець*. Компоненты *чуб, чуприна* входят в состав незначительного количества ФЕ, имеющих такие значения: 1) физическая красота на фоне общей незначительности: *хлопець не що – так, чуб лепський* (Номыс 1993:378); 2) применение физической силы (наказания): *чуприну нагрієш* (Номыс 1993:349); *дерти (нам'яти, намилити) [за] чуба* (там же); *пани б'ються, а в мужиків чуби болять* (Номыс 1993:99); *не прийдеться рахуба до чуба* (Номыс 1993:254); водити за чуприну – «бить» (Жайворонок 2006:422); 3) вербовка в солдаты (в основе таких ФЕ исторические реалии – рекрутчина): *забрити чуба* (Билоноженко 1999 1:299); *голити (виголити) чуба (чуприну)* (Билоноженко 1999 1:180).

Не менее красноречиво о мужской красоте свидетельствует соматизм *вуса*, сравним: *в кого чорний усок, тому риби шматок* (Номыс 1993:389), а о тот,

кто бреет усы, тот *Маруся-безуся* (Номыс 1993:605). Усы как волосистое покрытие над верхней губой издавна считали признаком мужского достоинства и гордости. Компонент *вуса* в составе украинских ФЕ имеет общее значение «ума, сдержанности, спокойствия, внимания» (Кононенко 1996:169]: *хоч би вусом повести* (Билоноженко 1999 2:653); *ми самі з вусами* (Номыс 1993:213); *і усом не моргне* (Номыс 1993: 212); *і в вус не дути* (Билоноженко 1999 1:275); *і в вус не дме* (Номыс 1993:212; Билоноженко 1: 250); *мотати на вус* (Билоноженко 1999 1:511); *на ус мотає* (Номыс 1993: 270); *на все вважай і на ус мотай* (Номыс 1993:275); *слухай, слухай, та на ус мотай, а під старость як находка* (там само). Кроме того, находим реализацию еще таких компонентов символического значения, как «зрелость»: *[ходити] під вусом* (Билоноженко 1999 1:161, 2:931) и, наоборот, «юность», «молодые годы»: *хоч хліба ні куса, аби без уса* (Номыс 1993:395); *ще й на вус не висіялось* (там же), «глупость, отсутствие опыта, смекалки»: *під носом косовиця (ус виріс), а на розум не орано* (Номыс 1993:598), *ус балабанський, чуприна черкаська, – не уважай, мосці – рано, хворта (розум, думка) – кепська* (там же); *вовк сливи поїв – Гапан усом моргає* (Номыс 1993:323). В основе указанных фразеологизмов ассоциативный механизм оценки впечатлений человека, его внешних характеристик, а также жизненная реалия: чем старше человек, тем он мудрее, а его действия более взвешенные. Поэтому *борода честь, а вуси і в кота єсть* (Номыс 1993:320) – тут яркая ирония, пренебрежение таким «элементом» мужской красоты, как усы.

И не зря. Поскольку истинным символом мудрости, ума, опытности человека была борода. Кроме того, как волосяное покрытие щек и подбородка она издавна выполняла обереговую функцию. Большая обида – дернуть за бороду (*не хватай за бороду, а то надірвешся* (Номыс 1993:260)). Фиксируем довольно незначительный количественно диапазон ФЕ с соматизмом *борода*, хотя довольно интересный, поскольку эти выражения часто построены на противоположных, отличных от общеизвестных символических, представлениях о бороде: *борода не робить мудрим чоловіка* (Номыс 1993: 332) – несмотря на то, что *борода* символизирует мудрость, ее ношение не влияет на интеллект человека, его моральные качества и жизненный опыт, сравним еще: *борода, як у владики, а сумління як у шибеника* (Номыс 1993:45); *ліс ізрубай, а все та ж борода (старого не навчиш)* (Номыс 1993:578) – здесь *борода* – опыт и привычка, «выработанная годами»; *сивина в голову, а чорт (біс) в бороду* (Номыс 1993:387) – известный в славянских языках фразеологизм со значеним «потеря ума и мудрости»; *в кого сива борода, тому юшки шкода* (Номыс 1993:389) – в этой ФЕ *борода* реализует еще одно символическое значение – «старость», «отсутствие внешней красоты» (сравним вышеуказанное: *в кого чорний усок, тому риби шматок*), с таким же значением анализированный соматизм функционирует и в выражении *хто з чорними бровами, іди за дровами; а хто з рижою бородою, іди за водою* (Номыс 1993:389) – интересно, что *ходіння за дровами*, очевидно, обозначает наличие жилья, которое надо обогреть, то есть, благополучие, семью и т.п., а *піти за водою* в украинцев значит «утонуть». В современной речи на старость указывают идиомы *сива борода* (Билоноженко 1999 1:46); *до сивої (*рідко *сідої) бороди* (Билоноженко 1999 1:145).

Что касается фразеологизмов с компонентами *брови* (волосистая дуга над глазами) и *вії* (волосистый нарост на веках), то в украинском языке они, во-первых, единичны (несмотря на то, что в украинской этнокультуре указанные соматизмы – довольно яркие и распространенные символы красоты и молодости: *брови, як шнурочки*; *вії, як намальовані* и т.п.); а, во-вторых, в основном мотивированны наблюдениями за мимикой человека в разных эмоциональных состояниях, например: 1) гнева: *насупити (нахмурити, звести, здвигнути, зсунути) брови* (Билоноженко 1999 2:246); 2) удивления: *брови полізли на лоба* (Билоноженко 1999 1:59) – значение этой ФЕ обусловлено особенным выражением лица человека, который поднимает брови; 3) спокойствия, равнодушия: *і бровою не вести (не моргнути; не веде*) (Билоноженко 1999 1:76, 505); *не моргнувши бровою* (там же); *хоч би бровою моргнув* (*повести*) (Билоноженко 1999 1:505, 653) – совпадают по значению с фразеологизмом *і усом не моргне*).

Таким образом, несмотря на то, что фразеологизмов с компонентом-соматизмом *волосся* и компонентами, связанными з ним (*чуб, коса* и т.д.), в украинском языке сравнительно немного, они интересны тем, что возникли не только как вербализированные наблюдения за внешностью человека, но и (причем большинство!) на почве суеверий, религиозных представлений украинцев либо определенных ритуальных действий. То есть, эти единицы как конденсаторы украинской этнокультуры представляют интерес для лингвокультурологии, этнолингвистики, этнофразеологии и под. дисциплин.

1. Жайворонок 2001: *Жайворонок В.В.* Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень // Мовознавство. – 2001. – № 5. – С. 48-63.
2. Жайворонок 2006: *Жайворонок В.В.* Знаки української етнокультури: Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
3. Кононенко 1996: *Кононенко В.І.* Символи української мови. – Івано-Франківськ: Плай, 1996. – 272 с.
4. Потапенко, Дмитренко 1997: *Потапенко О.І., Дмитренко М.К.* Словник символів / За заг. ред. Потапенко О.І. – К.: Ред. часопису “Народознавство”, 1997. – 156 с.
5. Потебня 1989: *Потебня А.А.* Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
6. Номыс 1993: Українські приказки, прислів’я і таке інше. Зб. О.Марковича і других / Уклав М.Номис / Упоряд., приміт. та вступна стаття М.М.Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
7. Билоноженко 1999: Фразеологічний словник української мови / Укл. Білоноженко В.М. та ін. – К.: Наук. думка, 1999. – Кн. 1-2. – 980 с.

д.ф.н., профессор Г.Н. Смагулова
(Алматы, Республика Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Особое национально-культурное содержание диалектных фразеологизмов составляют диалектные слова, которые не встречаются в литературном языке.

Во фразеологическом фонде казахского языка немало диалектных устойчивых словосочетаний. Так же, как и диалектные слова, диалектные фразеологизмы употребляются не повсеместно, а лишь в определенных регионах страны носителей этого языка. Фразеологизмы литературного языка используются всеми представителями языкового сообщества и понятны большинству из них. Диалектные же фразеологизмы имеют ограниченную сферу употребления, к тому же они не многочисленны.

Материалы о диалектных устойчивых словосочетаниях встречаются в трудах первых исследователей диалектных особенностей казахского языка Н.Сауранбаева, С.Аманжолова, Ж.Доскараева. Позже Г.Калиевым, Ш.Сарыбаевым, О.Накысбековым и другими учеными был произведен сбор множества образцов словоупотреблений региональной лексики для словаря диалектных выражений. Устойчивые словосочетания, отмеченные среди местных, региональных языковых особенностей, стали предметом специальных исследований. Так, языковым особенностям казахских диаспор, проживающих за рубежом, посвящены труды Т.Айдарова (языковые особенности казахов Узбекистана), Б.Базылхана (язык казахов Монголии), А.Нурмаганбетова (язык казахов, проживающих в Туркменистане), С.Мустафаулы (местные особенности устойчивых выражений в языке казахов Китая) и др. Опубликовано большое количество научных статей и трудов о диалектах и говорах, характерных для областей и разлиных регионов территории Казахстана. Например, работы Ш.Бектурова о кызылординском говоре казахского языка, А.Байжолова о местных особенностях в языке казахов Костаная, Ж.Болатова о местных особенностях в языке казахов Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей и т.д. Среди указанных источников особый интерес представляет исследовательская работа С.Мустафаулы (диссертация защищена в 2002 году), посвященная специальному рассмотрению диалектных фразеологизмов.

Результатом проведенного А.Калыбаевой системного исследования лексико-семантических и структурных характеристик диалектных устойчивых выражений казахского языка стало выявление отличительных признаков и структурных особенностей построения диалектных фразеологизмов.

Исследователи диалектных фразеологизмов утверждают, что «в недрах диалектной лексики казахского языка так же, как и в других языках, отдельные слова (наименования) и фразеологические единицы живут в тесной взаимосвязи, дополняя друг друга, поэтому диалектные устойчивые словосочетания правомерно рассматривать как словарный пласт диалектной лексики» (Атабаева 2006:93).

Считается, что использование диалектных фразеологизмов и диалектных слов в художественной литературе имеет лишь стилистические цели. Относительно диалектных фразеологизмов другого тюркского языка - башкирского, З.Г. Ураксин отмечает: «Фразеология говоров рассматривается нами с точки зрения взаимодействия литературного языка и диалектов, точнее, затрагивается вопрос о возможности пополнения литературного языка за счет фразеологических единиц разговорного языка» (Ураксин 1975:180). Однако, следует учитывать, что по сравнению с лексическим диалектом диалектные фразеологизмы придают произведению больше художественных оттенков в образном и эмоционально-экспрессивном плане.

К тому же внутренняя форма фразеологических сочетаний отражает особенности национального познания в восприятии картины мира.

К примеру, фразеологизм **«Tyirmenine su kuy»** *(*букв.: *подливать воду на мельницу)* в языке китайских казахов имеет неодобрительное значение **–** подстрекать, раздувать какое-либо событие. Основанием для образования этого фразеологизма послужил нехитрый способ получения пропитания, давно известный многим народам. Мельница работает с помощью воды, и если вдруг усиливается поток воды, то меняется и темп работы мельницы.

А вот фразеологизм **«Talabi tay jegen boridei» (**букв.: *чье-либо стремление сравнимо с волком, съевшим двухлетнего жеребенка-стригунка***)** одобрительно характеризует целеустремленного, решительного человека (Костанай). Здесь присутствует сравнение характера человека со смелостью и мощью волка, который может решиться в одиночку напасть на довольно крупное домашнее животное и съесть его.

Виды и характерные признаки устойчивых словосочетаний отмечаются и у диалектных фразеологизмов. В них так же сохраняются смысловое единство, постоянство употребляемого состава, устойчивость сочетания и выделяются такие виды, как фразеологические единства, сращения и сочетания. Схожи и их семантические парадигмы. В то же время диалектные фразеологизмы отличаются от устойчивых словосочетаний литературного языка словами и значением компонентного состава.

Казахские диалектологи Ш.Сарыбаев, О.Накысбеков в своем анализе региональной лексики казахского языка отмечают следующие особенности диалектных выражений:

- В составе многих устойчивых словосочетаниях говора встречаются слова, отсутствующие в литературном языке. Путем сочетания этих слов друг с другом и со словами литературного языка образуются не известные ранее фразеологизмы.

Например: *Kusana kilu* – насмехаться; *ziban uru* – заставлять суетиться.

- Некоторые фразеологизмы имеют в своем составе слова, которые характерны для литературного языка, но обычно не употребляются в нем в сочетании друг с другом.

Например: *jan sozu* – торопиться, суетиться; *dibisti adam*– известный человек.

- Еще одна группа выражений, в литературном языке являющаяся свободным словосочетанием, в говоре в виде синтаксического единства употребляется как фразеологический оборот.

Например: *shetine shigu* – asip tugan (родиться одаренным, талантливым), *juzi japirilu* – juzi shidamau (не выдерживать, сгорать от стыда, быть готовым провалиться сквозь землю).

- Ряд словосочетаний говоров в сравнении с их эквивалентами в литературном языке имеет сокращенный состав компонентов.

Например: *barimta ustau* – barimta kilip ustau (захватить скот в качестве залога или возмещения ущерба), *mindet bilu* – mindet dep bilu (считать обязательством, воспринимать как обязанность).

Компонентная структура диалектных фразеологизмов состоит из общенародных и диалектных слов. Созданные на их основе устойчивые словосочетания составляют фонд диалектной фразеологии. Поскольку фразеологическое значение диалектных оборотов не всем одинаково понятно, их форму и структуру легко спутать со сложными словами или обычными словосочетаниями. В таких случаях чтобы отличить диалектные фразеологизмы следует обращать внимание на признаки, характеризующие устойчивые обороты: образность выражаемого ими смысла, единство значения и устойчивость сочетания компонентов, свойство употребляться в готовом виде.

К примеру, рассмотрим диалектные наименования видов чая и способов его приготовления:

bordak shay– *sutsiz shau, чай без молока*

bordama shau, kayirilgan shay – *undi mayga kuirip algan son, ustine kara shay kuyip dayindajgan tagam- блюдо, приготовленное путем разведения обжаренной на масле муки черным чаем*

Конечно, здесь никакой образности нет, есть лишь номинация. В сравнении же с такими устойчивыми словосочетаниями, как

Kun alu – (kun- солнце, день) *получить разрешение*

Bazar kuni *(букв.: базарный день) – выходной день*

Sut kozi *(букв.: молочный ягненок) – младший ягненок* и другими, или такими профессиональными выражениями, как **boz jer** (*букв.:* серая земля) – tin jer - *целина*, **bau arik** (bay – *веревка, шнурок -узкий арык*)**, jelke arik** (jelke – затылок, загривок – короткий, широкий) - *виды арыков*, приведенным ниже диалектным фразеологизмам свойственна образность, эмоциональность и экспрессивность, способность выражать субъективное отношение адресанта к явлению, описываемому событию:

Kuyrik suin uzbeu – *ariktamau, сохранять полноту тела, быть в теле*

Jyde kagip shigu – tonip shigu*, оказаться замерзшим*

Tirsek soz (tirsek - *голень, коленный изгиб,soz - слово*) – *говорить наперекор, ехидничать, перечить (букв.: искривленная речь)*

Ak uyli bolip ketu – *azip-tozip ketu - износиться, истощать*

Sezim kidirtu – *unatu, konili аuuy - симпатизировать, влюбиться*

Kalpak kyu *(букв.: надеть шапку, калпак) – быть виновным*

Bytke pishak suiru *(букв.: бросаться с ножом на вошь) – сердиться по пустякам, выходить из себя без серьезных поводов* и т.п.

Тематико-семантические группы диалектных и литературных устойчивых выражений схожи. Собранные в качестве языковых источников и включенные в словари фразеологизмы отражают повседневную жизнь человека, его психическое состояние, традиции и особенности жизни народа, самобытную ментальность, отличающую его от других этносов.

Диалектные фразеологизмы – явление, живущее в языке. Однако для того, чтобы они вошли в литературный язык и прижились в нем, требуется много времени. Как правило, поэты и писатели в художественных произведениях используют диалектные обороты в определенных стилистических целях, к примеру, в языке того или иного героя, представляя их в сфере устной речи как специфику местного говора. Наличие же диалектной лексики и фразеологии во всем произведении говорит не о богатстве языка литературного творения, а скорее, наоборот, о недостаточном мастерстве автора. Диалектные обороты часто встречаются и в языке средств массовой информации. Однако нормы литературного языка всегда выступают за чистоту речи.

1.*Saribaev S., Nakisbekov O.* Kazak tilinin aymaktik leksykasi. Almaty. 1989. -192 b.

2.*Bolganbayuli A., Kalyuli G.* Kazak tilinin leksykologyasi men frazeologyasi. Almaty. 1997. – 256 b.

3. *Nakisbekov O.* Kazak tilinin ontustik govorlar tobi. Almaty. 1982.-168 b.

4.*Nakisbekov O.*Kazak tilinin govorlarinin batis tobi. Almaty. 1978. -216 m.

5.*Mustafauli S.* Kitay kazaktari tilinin turakti tirkesterindegi jergilikti ereksheliktер. Almaty. 2002.- 117 b.

6.*Atabaeva M.S.* Kazak tili dyalektilik leksykasinin etnolyngvistykalik negizi. Almaty.2006.287 b.

7.*Kalibaeva K.* Kazak tilindegi dyalektilik turakti soz tirkesteri. Almaty. 1997. 72 b.

асп. А.В. Тихомирова (Екатеринбург)

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ *«ПИЩА»* И *«ОДЕЖДА»*)

В русской языковой традиции наблюдаются факты параллелизма «пищевых» и «одежных» метафор (в том числе метафоры приготовления/изготовления и употребления/использования пищи и одежды). Очевидно, такой параллелизм обусловлен в известной мере внеязыковыми причинами: пища и одежда – основные составляющие материальной культуры, обладающие высокой и практически равной бытовой значимостью. Проявлением параллелизма служат, к примеру, сходные переносные значения ‘обругать’, ‘ударить’, фиксируемые у глаголов *шить*, *штопать, одевать* и *варить, печь*: волог. *шить* ‘ругать, бранить’ – «И начал их шить всяким матюкам!», «Уж её невестка исшила! А бабка раз глухая, дак шей сколько хошь – сидит да чай пьёт» (СВГ 12: 93), иван. *пришто́пать* ‘распечь, разругать, устрашить’ (СРНГ 32: 71), перм. *одеть* ‘экспр. стукнуть, ударить чем-либо’ – «Одень камнем», «И одела я его кирпичом» (СПГ 2: 34), общенар. *распекать* ‘делать кому-либо строгий выговор; отчитывать’ (ССРЛЯ 12: 678), ворон. *проварить* ‘сильно поругать’ (СРНГ 32: 92), волог., казан., нижегор. *варить* ‘сильно стегать, бить; наказывать розгами’ – «Уж он его кнутом-то варил, варил» (СРНГ 4: 54).

Изучаемый параллелизм проявляется как на уровне цельнооформленных лексем, так и в сфере фразеологии, где его можно считать более регулярным. Продуктивной является модель «наделить одеждой/пищей» > «ударить». В сфере «одежных» фразеологизмов она вариативно реализуется сочетаниями, в состав которых входят обозначения головных уборов: олон. *надавать колпаков* ‘надавать тумаков, колотушек’ (СРНГ 14: 193), сиб. *татáрку сошить* ‘ирон. избить, побить’ – «Валька-то шибко гуляет. Петька даве приезжал, так он ей татарку сошил – до сих пор синяки носит» (ФСРГС: 186) <ср. сиб. *татáрка* ‘зимняя мужская шапка круглой формы, внизу обшитая мехом’; ‘зимняя мужская шапка-ушанка’ (СРГС 5: 35)>, пск. *сшить башлóвку* ‘сильно ударить’ (ПОС 1: 136) <ср. пск. *башлык* ‘теплый капюшон, надеваемый поверх головного убора’ (ПОС 1: 136)>. Использование названий головных уборов в составе выражений с семантикой удара объясняется близостью реалий к голове, однако в круг единиц, образованных по данной модели, могут вовлекаться и обозначения других видов одежды: новосиб. *портов прикупить* ‘выпороть, отхлестать’ – «А Пашка – стервецу допрежь портов бы прикупить, пущай курей моих не трожит» (СРНГ 30: 99). Ср. также новг. *шубу шить* ‘вид игры’ – «Играющие садились в ряд, а ведущий старался незаметно кинуть ремешок к ногам. Кто не заметит, того стегали по ногам или по плечу – шубу шили» (НОС 12: 107).

В «пищевых» метафорах избиение предстает как угощение *пивом*, *кашей* и *блинами*: коми (рус.) *напоить красным пивом* ‘избить кого-либо до крови’ (Кобелева 2004: 143), дон., волг. *дать блин* ‘ударить кого-либо’ (БСРП: 43). В состав выражений может включаться прилагательное *береёзовый*, делающее их прозрачными для понимания: разг. *накормить (угостить) берёзовой кашей*, прост. *дать* (*задать*) *берёзовой каши* ‘шутл. высечь, выпороть кого-либо; побить, поколотить кого-либо’ (БСРП: 281), пск. *печь берёзовые блины* ‘бить, хлестать, пороть кого-либо’ (ПОС 2: 42), волог. *берёзовое пиво* ‘шутл.-ирон. розги, порка розгами’ (СРНГ 2: 254).

Весьма устойчиво в языковых единицах фиксируется уподобление выпечки (блинов, пирогов, лепешек) лаптям: карел. *лапоть* ‘большая лепешка из кислого теста’ (СРГК 3: 97), чкал. *лапоть* ‘о толстом блине’ (СРНГ 16: 266), *ко́верзни* ‘плохие, некрасивые на вид пироги и т.п.’ – «Э, каких коверзней напекла и есть не хочется» (НОС: 4: 64). Обратную связь («лапти» > «пища») можно усмотреть в паремии *сжарь лапоть в сале, и тот сладкий* (ФСРГС: 177), а также в среднеуральской свадебной традиции запекать лапти в пирог: «Приезжают за невестой. Невесту спрятают и первым долгом требуют выкуп: бутылку водки и пирог. А потом уже договариваются деньги сколько. В пирог, бывает, запекают лапоть и редьки для смеху. Раньше ведь девки к венцу не ездили, они дома остаются, выпьют, если возможность есть, и едят, что им тут выдадут, пирог этот и ещё что»; «Невесту выкупают, пекут им пирог, когда из лаптя испекут, когда редьку запекут. Шутили. Им ведь надо рыбной, а они розломят, то редька, то лапоть. Отдадут: “Давайте рыбной”. Ну, они уж потом на совесть, отдадут им рыбной и бутылку отдадут» (ТКУ). Интересен также свадебный полесский обычай: принесенные зятем лапти для тещи клали на печку, а пироги – на полку или на место для корзин (Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., ПА), т. е. фактически меняли пироги и лапти местами.

Ритуал одаривания молодых иногда предстает как преподнесение лаптей: в полесских свадебных приговорах теща сообщает, что дарит молодому лапти, в действительности же подарком могли быть не только лапти, но и деньги etc. (Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл., ПА). В русской фразеологии ритуал одаривания описывается с помощью «пищевого» кода: орл. *класть/положить на (за) кашу* ‘одаривать молодых во время свадьбы’ (БСРП: 281), сиб. *давать* (*кидать, класть*) *на блины* ‘в свадебном обряде – дарить подарки молодым на следующий день после свадьбы’ (БСРП: 43).

Во фразеологизмах наблюдается своеобразная «синонимия» *лаптя* и *блина*. Оба предмета выступают как эталон простоты, незамысловатости при изготовлении: *это – не блин испечь (спечь)* (Даль 1: 98), перм. *не лапоть плести* ‘о непростом деле’ (БСРП: 351).

Общим оказывается и мотив измены: *получить блин* ‘пережить измену’ – «Ну что, милый, получил блин? Нюшка вчерась с другим провожалась» (Сергеева 2004: 237), ворон., новг., пск. *сделать (наделать, подвесить, сплести, подарить) лапти* ‘изменить, нарушить верность’ – «Изменил мне дорогой, сделал лапти мне с другой», «Колька Таньке лапти сплел» (новг.), (СРНГ 16: 266; Сергеева 2004: 240; НОС 5: 7; НОС 8: 19; НОС 10: 32, 130; СПП: 49). Характерно, что у данных фразеологизмов может развиваться и значение отказа при сватовстве: арх. *лапти сплести* ‘о невесте: отказать жениху при сватовстве’ – «Красивая девка ему лапти сплела – и поделом: сам-то ни кожи, ни рожи» (КСГРС), новг. *получить блин* ‘получить отказ в сватовстве’ – «Получил блин, отказала ему любушка, не пошла за него замуж» (Сергеева 2004: 237), волог. *дать блин* ‘отказать при сватовстве’ (КСРГС). Получение блина соотносится с упоминавшимся выше значением удара. Что касается фразеологизма *лапти сплести*, то в нем семантика отказа поддерживается собственными «обманными» коннотациями *лаптя*, ср. арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ (КСГРС), перм. *обуть в косые (русские) лапти* ‘обмануть, перехитрить’ (Прокошева 2002: ОБУТЬ), а также символикой обуви, связанной с дорогой (в данном случае имеется в виду отправление невестой несостоявшегося жениха в обратный путь), см. (Березович 2009: 260). Мотив обмана имеет непосредственную связь со способом изготовления лаптя – плетением, ср. омск. *корзину плести* ‘обманывать, лгать’ – «Говорит неправду, корзину плетет» (СРНГ 27: 118), *плести* ‘лгать, врать, путать отлыгаясь, клеветать’ (Даль 3: 125).

Процесс говорения может ассоциироваться с приготовлением каши, кваса и плетением лаптей: печор. *кашу-галушку наговорить (наболтать)* ‘наговорить вздору’ – «Ну, наговорила кашку-галушку, чёйно ты и наговорилато» (ФСРГНП 1: 344), новг. *разводить квас (квасы)* ‘болтать, пустословить’ – «Сидел, квасы разводил, а дров не наносил», «Ну что, опять квас разводила? Про всех поговорили» (Сергеева 2004: 125), печор., сиб. (*целые) лапти плести (наплести)* ‘говорить вздор, пустяки, врать, сплетничать’ – «Ну, целы лапти наплела вам тут, гнать меня надо» (печор.) (ФСРГНП 2: 380; ФСРГС: 119), карел. *лапоть разводить* ‘болтать вздор, чепуху’ – «Что ты лапоть разводишь, не говори пустое, не было этого да и быть не могло» (СРГК 3: 97). Примечательно значение глагола *разводить*, использующегося для обозначения не только «кулинарных» действий, но и речевых: ворон. *разводить*

‘увлекательно рассказывать что-либо’ (СРНГ 33: 291), ср. также сочетания с данным глаголом – урал. *аланцы-баланцы разводить*, яросл. *баланды разводить*, новосиб. *разводить галимастику,* дон. *разводить толды-елды* ‘заниматься болтовней, пустыми разговорами’ (СРНГ 33: 291 – 292).

Наконец, образы одежды и пищи используются для обозначения идентичности явлений (вещей) при небольшом внешнем различии: *тот же блин, да подмазан* (БСРП: 43), курск., прикам. *та же шуба, только навыворот* (БСРП: 758), печор. *те же штаны, только пуговицами назад* ‘то же самое, но по-другому названное или сделанное’ (ФСРГНП 2: 325). В то же время сходство людей осмысляется несколько иначе. Оно может объясняться единством «материала», использованного для «изготовления» людей, которых можно «сшить» (волог., калуж., нижегор. *нашего (одного) сукна епанча* ‘такой, как мы’ (ЧРДФ: 150), пск. *одним лыком шиты* ‘о похожих, одинаковых людях’ (БСРП: 374) и др.) или же «вылепить» из теста (*из одного (такого же) теста* ‘о людях, сходных друг с другом по взглядам, характеру, положению и т. п.’ (ССРЛЯ 15: 398), иркут. *одного замесу* ‘одинаковые’ – «Надька с Нюркой одного замесу – обе сплетницы» (ФСРГС: 79) и т. п.).

Однако в ряде фразеологизмов обувь и пища могут осознаваться как несополагаемые сферы действительности, потому их взаимодействие может выступать как символ глупого, абсурдного действия, путаницы: *путает, словно кашу в лапти обувает* (Даль 2: 237), прост. *лаптем щи хлебать* ‘о чьей-либо некультурности, отсталости’ (ССРЛЯ 6: 63), новг. *щи лаптем хлебать* ‘быть недоразвитым человеком’ (НОС 5: 7).

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

1. Березович 2007 – *Е. Л. Березович.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

2. БСРП – *В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина.* Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

3. Даль – *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880 – 1882 (1989). Т. I–IV.

4. Кобелева 2004 – *И. А. Кобелева.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.

5. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

6. НОС – Новгородский областной словарь. (Великий) Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

7. ПА – Полесский архив этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН: база данных (Ин-т славяноведения РАН, сектор этнолингвистики и фольклора).

8. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.

9. Прокошева 2002 – *К. Н. Прокошева.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

10. Сергеева 2004 – *Л. Н. Сергеева.* Материалы для Идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004.

11. СВГ – Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вологда, 1983 –. Вып 1–.

12. СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000. Т. 1–2.

13. СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.

14. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

15. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966–. Вып.1–.

16. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

17. СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999– . Т. 1, ч.1 –.

18. ТКУ – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / Сост. О. В. Востриков, В. В. - Липина. Екатеринбург, 2009 [электронное издание].

19. ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. СПб., 2008. Т. 1–2.

20. ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.

21. ЧРДФ – *М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова*. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. М., 2004.

к.ф.н, доцент Л.И. Шаповалова, к.ф.н., доцент В.Б. Сузанович
(Могилев, Республика Беларусь)

ПРОЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Идея создания «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья» (ФСМСП) возникла в процессе подготовки «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», составители которого включали в словарные статьи фразеологические единицы (ФЕ), учитывая опыт разработки и подачи диалектных фразеологизмов в региональных словарях, во многом опирающийся на традиции нормативных словарей литературного языка.

Целесообразность создания ФСМСП обусловлена многими факторами. На фоне очевидных значительных достижений в области диалектной лексикографии, словарная разработка диалектной фразеологии занимает более чем скромное место. Состояние диалектной лексикографии определяется как давностью традиций собирания диалектной лексики и издания областных словарей, так и общим количеством и многообразием типов этих словарей. И если традиция сбора и описания русской диалектной лексики склады-

валась почти два столетия (собирание и описание белорусской диалектной лексики началось несколько позже), то создание первых региональных фразеологических словарей относится лишь к семидесятым годам прошлого века (Бухарева, Федоров 1972 и далее в перечне). По многообразию типов словарей диалектная лексикография значительно опережает диалектную фразеографию: среди огромного количества диалектных словарей различаются словари полные и дифференциальные, сводные и региональные, словари одного говора и одного диалектоносителя, словари островных говоров и тематические словари. Известные нам диалектные фразеологические словари являются либо региональными, либо условно сводными. В силу указанных причин идея создания ФСМСП является актуальной и своевременной.

I. На начальном этапе, в процессе разработки концепции словаря, важно было четко определить его тип. ФСМСП мы квалифицируем как *региональный словарь сводно-дифференциального типа*.

Наш словарь *региональный,* т.к. в нем будет представлен фразеологический фонд белорусско-русского пограничного региона. По степени охвата фразеологизмов ФСМСП в определенном смысле относится к *сводным* словарям, поскольку в нем описывается диалектная фразеология, сложившаяся в результате взаимодействия двух языковых систем – русской и белорусской. По принципу отбора фразеологизмов указанный Словарь относится к *дифференциальным*, т.к. в него включается только *диалектная* фразеология говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП). Применительно к ФСМСП дифференциальность понимается как принцип отличия фразеологии ГМСП от фразеологии и русского, и белорусского литературного языка: любое отличие фраземы от русского и белорусского литературного фразеологизма может служить основанием для ее включения в Словарь. С учетом такого понимания принципа дифференциальности во ФСМСП помещаются фразеологизмы, отсутствующие как в составе фразеологии русского, так и в составе фразеологии белорусского литературного языка. Критерием включения диалектного фразеологизма во ФСМСП является отсутствие последнего в русских и белорусских нормативных фразеологических словарях либо фиксация в них фразеологизма с пометой «обл.». Отбор диалектных фразеологизмов производится на основе их выверки по кодифицированным фразеологическим и толковым словарям указанных языков. Таким образом, во ФСМСП войдут только *диалектные* фразеологизмы двух разрядов: 1) ФЕ, имеющие в своем составе диалектный компонент и 2) ФЕ, состоящие только из русских и/или белорусских общенародных слов, но имеющие диалектную семантику.

ФЕ первого разряда содержат диалектные компоненты различных видов: 1) диалектный компонент, выраженный словом, имеющим в ГМСП свободное употребление, ср.: *зАйдра* ‘зависть’ и *зАйдра берёт* ‘зависть берет’; *намОва* ‘наговор, клевета’ и *наводить намОву* ‘клеветать, оговаривать’; *немЕреча* ‘мелочь, мелкие вещи’ и *нести немЕречу* ‘говорить вздор, нести чушь, ерунду’; 2) диалектный компонент, выраженный словом, не отмеченным в ГМСП в свободном употреблении, т.е. имеющим фразеологически закрепленное употребление: *пойти в позЫк* ‘просить у кого-л. деньги взаймы’; *чебИту молотить* ‘нести чушь’; *цурбАлки в шинелЯх* ‘картофель, сваренный в кожуре; картошка в мундирах’; 3) диалектный компонент, выражен-

ный словом, которое имеет фразеологически закрепленное употребление, но образовано от диалектизма со свободным употреблением: *жур* ‘жир’ и *жУрики точат* ‘о том, кто привередничает от безделья или пресыщения, с жиру бесится’ и др. Кроме того, в Словарь включаются ФЕ, имеющие диалектные фонетические, словообразовательные и прочие варианты компонентов соотносительных русских и/или белорусских общенародных ФЕ, ср.: *истрИть зуб – острить зуб* (русск.); *с быка на андЫка – з быка на індыка* (бел.); *отлегнУло от сердца – отлегло от сердца* (русск.); *сплётку сплести – сплесці плётку* (бел.) и др.

Проблема отбора ФЕ второго разряда (состоящих из недиалектных слов) является чрезвычайно сложной, т.к. при отсутствии сводных русских и белорусских диалектных фразеологических словарей не всегда можно безошибочно определить, являются ли такие ФЕ диалектными. Об этой проблеме писал еще Ф.П. Филин, подчеркивая, что «фразеологизмы, в составе которых нет диалектных слов (диалектных значений слов)», не содержат «данных, которые могли бы позволить определить такие фразеологизмы как диалектные явления, имеющие изоглоссы на территории русских говоров» (Филин 1962: 150). Поэтому во ФСМСП включаются следующие виды устойчивых сочетаний: 1) собственно фразеологизмы – обороты, обладающие в разной мере оценочным (метафорическим) значением: *ввести в оглобли* ‘образумить’; *фунта глины не стоит* ‘о ком-л. или чем-л. ничтожном, не достойном уважения, внимания’; *высохнуть на былинку* ‘исхудать’ и пр.; 2)- устойчивые сочетания, отражающие различные стороны материальной и духовной культуры могилевско-смоленского пограничного региона: *круглый двор* ‘двор со всеми постройками, образующими замкнутое пространство’; *рубить в лапу* ‘способ укладки бревен в срубе при строительстве избы’; *последняя каша* ‘обрядовое блюдо: каша, которая подается на поминках’ и пр.; - 3) сочетания терминологического характера, занимающие промежуточное положение между фразеологизмами и устойчивыми оборотами нефразеологического типа, если они относятся к народным промыслам, ремеслам, ведению сельского хозяйства, называют явления фауны и флоры этого региона и т.п.: *жаркая ямка* ‘горн для обжига глиняной посуды’; *ломать поле* ‘бороновать поле поперек вспаханной борозды’; *бабьи уши* ‘грибы сморчки’ и пр.; 4) предложно-падежные сочетания фразеологического типа: *каля близу* ‘вблизи, поблизости’; *в ряд* ‘по соседству’; *на росу* ‘очень рано’и пр.

В Словарь не включаются пословицы и поговорки.

II. Основной принцип расположения ФЕ во ФСМСП опирается на традиции, уже сложившиеся в региональной фразеографии: фразеологизмы указанных выше разрядов располагаются в *общем* словнике по алфавиту компонентов, определяющих место их разработки, а критерии выделения этих компонентов устанавливаются для каждого разряда в отдельности.

ФЕ первого разряда получают место разработки по диалектному компоненту: 1) ФЕ с одним диалектным компонентом разрабатываются по этому компоненту, причем заглавное диалектное слово, имеющее в ГМСП свободное употребление, ставится в начальной форме, ср.: БЫЛиЦА: БЫЛиЦЫ ТРАВиТЬ**.** Вспоминать о прошлом, но ДЕЙКУ: ДЕЙКУ ПУСТИТЬ. Пустить слух; 2) при наличии в составе фразеологизма двух или более диалектных слов, начинающихся на одну букву алфавита, он разрабатывается на пер-

вое по алфавиту слово; при других диалектных словах дается отсылочная помета «См.»: МыКАТЬ: МыКАТЬ МыЧКИ (В МыЧКУ). Очесывать лен или прясть готовую кудель. МыЧКИ. См. МыКАТЬ; 3) если диалектные компоненты фразеологического оборота начинаются на разные буквы алфавита, то разработка фразеологизма повторяется при каждом из этих слов: ВыКРЕМСАТЬ-: ВыКРЕМСАТЬ ОГНиВЦА**.** Извлечь огонь с помощью огнива. ОГНиВЦЕ: -ВыКРЕМСАТЬ ОГНиВЦА**.** Извлечь огонь с помощью огнива.

Принцип расположения ФЕ второго разряда – структурно-семантический, общепринятый в современной фразеографии, в соответствии с которым место разработки ФЕ в словнике определяется в зависимости от их структурной организации по грамматически стержневому компоненту: 1) ФЕ, по структуре соответствующие словосочетанию (глагольному, именному, атрибутивному, наречному), получают место разработки по своему структурно организующему компоненту: ЛЕЗТЬ: ЛеЗТЬ НА РОГа. Затевать ссору; КАРТоШКА: КАРТоШКА С ПРИМаЗКОЙ. Отварной картофель, заправленный маслом; 2) ФЕ, по структуре соответствующие двусоставному предложению, получают место разработки по компоненту, приравниваемому к подлежащему: НИКТо: НИКТо ГоЛОСА НЕ ПОДаСТ. Никто не заступится; 3) ФЕ, по структуре соотносительные с односоставным предложением, разрабатываются по компоненту, приравниваемому к главному члену: ПОЙМаТЬ: ПЕСТоМ В СТуПЕ НЕ ПОЙМаТЬ. О бойком, изворотливом человеке; 4) ФЕ, по структуре соответствующие сравнительной конструкции, получает место разработки по структурно организующему сравнительному союзу: КАК КОЧЕРыЖКА. Одиноко; КАК КОЗа НА ЛоЗУ. Упрямо, настойчиво, невзирая на доводы, уговоры; КАК РеПКУ ГРыЗТЬ. Делать что-л. очень быстро; КАК ВОДоЙ СМыЛО. О неожиданном или быстром исчезновении кого-л. или чего-л. и пр. Исключение составляет подача сравнительных конструкций с диалектным компонентом, ср.: КАК СОРОКА НА КОЛУ. Одиноко, но БЕЛиЩЕ: КАК РАК НА БЕЛиЩЕ. Впустую.

В ФСМСПГ может применяться и гнездовой способ подачи фразеологизмов с общим стержневым компонентом. Если такой диалектный компонент выступает в разных грамматических формах, то в словарной статье ФЕ располагаются по алфавиту буквенных знаков этих форм: АРеДОВ: АРеДОВ СЫН. О беспутном человеке. АРеДОВА ГОЛОВа. О бестолковом, глупом человеке. Если же стержневой диалектный компонент имеет тождественную грамматическую форму, то ФЕ располагаются в алфавитном порядке зависимых компонентов: ЛюБЖУ: ЛюБЖУ ДАТЬ (ДАВаТЬ). Приворожить, влюбить в себя. ЛюБЖУ ДеЛАТЬ. Привораживать. ЛюБЖУ НАВОДиТЬ. Гадать, ворожить на любовь. ЛюБЖУ НАЛОЖиТЬ (НАКЛаСТЬ). Навести порчу.

III. Построение типовой словарной статьи во ФСМСП продолжает традиции региональных словарей и включает следующие компоненты: 1) заголовочную форму, состоящую из ФЕ со всеми ее вариантными и факультативными компонентами; 2) стилистические и другие пометы; 3) толкование значения ФЕ; 4) иллюстрации – цитаты из записей живой речи диалектоносителей; 5) географические (территориальные) пометы, т.е. указание места записи иллюстрации (деревня, район, область), 6) географические пометы населенных пунктов, которые не представлены иллюстрацией, но необходимы, поскольку помогают определить территорию распространения ФЕ. Кро-

ме того, при необходимости словарная статья отражает синонимические отношения ФЕ в ГМСП; предполагается также вводить русские и белорусские литературные эквиваленты диалектных ФЕ.

IV. Система помет, дополняющая основную – семантическую – характеристику ФЕ, разрабатывается с учетом типа словаря.

Для фразеологического словаря существенными оказываются стилистические пометы. В силу специфики фразеологической семантики почти каждый фразеологизм обладает экспрессией, поэтому только при ФЕ, содержание которых указывает на интенсивное проявление качества, признака, действия и передает эмоциональное отношение к ним при выражении мысли, ставится помета «*экспр.*»: НА ВСЕ БАНДаЛЫ. *Экспр.* Очень быстро; ДАТЬ ВСПыЖНИКА. *Экспр.* Проучить, строго наказать. Для точной характеристики экспрессивных качеств ФЕ используется достаточно полная система стилистических помет: *шутл., ирон., неодобр., пренебр., уничиж., презр., бран., ласк., восторж.* и др.: ТяПИЦУ РАЗЕВаТЬ. *Шутл.* Широко раскрывать рот от удивления; ДАТЬ БуСЬКУ. *Ласк., детск.* Поцеловать; ЛЯГуШКА КОРОВаТАЯ. *Презр.* О женщине, неприятной в каком-л. отношении; ЗАСУКаТЬ ГРИБы. *Груб.*, *презр*. Дуться, обижаться; ГЛАЗа (ВоЧИ) КАЗеЛИТЬ *Неодобр.* Нагло, вызывающе смотреть на кого-л.; ЧТОБ ТЕБЯ ЧеМИРЬ ВЗЯЛа. *Бран.* Выражение негодования, досады, возмущения кем-л.; пожелание недоброго кому-л.

С пометой «*Этногр*.» (нередко сопровождающейся пометой «у*стар».*) подаются устойчивые сочетания, отражающие этнографическую специфику могилевско-смоленского пограничного региона: ПАХаТЬ В БУГоНЬ (БоГОНЬ). *Этногр.* Способ обработки земли, когда участок начинают пахать с середины; БоРОДУ СПРАВЛяТЬ. *Этногр.* Отмечать окончание жатвы; КоПАНЫЕ СаНИ. *Этногр., устар.* Сани, полозья которых изготавливались из ствола дерева с продолжающейся загнутой частью корня.

Для регионального словаря при иллюстрациях обязательны географические (территориальные) пометы, содержащие полное название деревни и в сокращении – название района и области, где была сделана запись данной иллюстрации (Шамово, Мст. Мгл.; Понятовка, Шум. Смл.). Во ФСМСП подача географических помет с указанием не только деревни, но и области, дает наглядное представление о распространении ФЕ на территории как могилевского, так и смоленского пограничья.

1. *Бухарева, Н.Т.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири / Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. – Новосибирск, 1972; *Мяцельская, А.С.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / А.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. – Мінск, 1972; *Юрчанка, Г.Ф.* «І коціцца і валіцца» (А – З) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск, 1972; Он же. «І сячэ і паліць» (І – Н) – Мінск, 1974 г; он же «Слова за слова» (О – Я) – Минск, 1977. Позже были изданы: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983; Прокошева, К.Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Прикамья / К.Н. Прокошева. – Пермь, 1983; *Даніловіч, М.А.* Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М.А.Даніловіч. – Гродна, 2000.

2. *Филин, Ф.П.* Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – АН СССР: М.-Л., 1962.

РАЗДЕЛ 5: АКТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ 80-Х – 2000-Х ГГ.

к.ф.н., доцент В. К. Андреев (Псков)

СПОСОБЫ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Переосмысление (реинтерпретация) внутренней формы фразеологизма является одним из продуктивных типов семантических трансформаций ФЕ (фразеологических единиц).

А.М.Мелерович и В.М.Мокиенко, классифицирующие такие трансформации, понимают под внутренней формой ФЕ смысловое содержание, образуемое элементами значений слов-компонентов, которое воспринимается как исходное, производящее по отношению к определенному фразеологическому значению. Так, содержание фразеологизма *потерять голову* мотивируется, по мнению этих авторов, следующими семантическими ассоциациями: «глагольный компонент передает содержание «утрачивать, лишаться», с субстантивным компонентом ассоциируется содержание, передающее определенные проявления психической деятельности – самообладание, душевное равновесие, способность трезво рассуждать, оценивать происходящее» (Мелерович, Мокиенко 1997: 18-19). В художественной речи, в индивидуально-авторском употреблении внутренняя форма ФЕ может подвергаться нарочитому, сознательному преобразованию в стилистических целях, как, например, в случае с фразеологизмом *потерять голову* (Мелерович, Мокиенко 1997: 169) в значении «погибнуть» (так его употребляет В.А.Мильчаков в повести «Таких щадить нельзя»). Авторы подобных фразеологических трансформов соотносят исходное значение словосочетания-прототипа с новой ситуацией, наполняют ФЕ новой образностью.

Этот же механизм формирования нового фразеологического значения мы наблюдаем и в языке молодежных субкультур с той лишь разницей, что здесь семантически трансформированные фразеологизмы наряду с экспрессивно-стилистической функцией выполняют важную номинативную задачу: обозначают субкультурные реалии, зачастую не имеющие другого сленгового наименования. В отличие от единичных, индивидуально-авторских трансформов ФЕ в художественной речи переосмысленные фразеологизмы в языке субкультур быстро приобретают статус узуальных и становятся полноправными номинативными единицами субкультурного лексико-фразеологического фонда.

Иногда толчок к переосмыслению общеязыкового фразеологизма в субкультуре дает один из компонентов, функционирующий в языке субкультуры как самостоятельный сленгизм, а также (в большей или меньшей степени) компоненты значения исходного фразеологизма. Так образуется, например, новая фразеологическая номинация *поставить к стенке* ‘увлечь рисованием граффити’: *«Меня лет в тринадцать брательник к стенке поставил: сначала так ходил, за компанию, потом уже сам тежил и бомбил почерному»* (Запись 2009 г.). Здесь субкультурная реалия – «стенка» или «стена» – основное обозначение поверхности нанесения граффити (причем как субкультурное наименование оно значительно расширяет сферу своего употребления: *стеной* могут называться заводские трубы, крыши, мосты, парапеты и т.п.). Общерусское просторечное *поставить к стенке* становится объектом переосмысления еще и потому, что граффитисты часто ощущают себя движением контркультурным, запрещенным, отвергаемым и даже преследуемым властями и обществом, угроза быть «повязанными» – обязательное условие деятельности (Лурье 2006: 30). Поэтому важное место в их концептосфере занимает концепт «опасность», а в переосмысляемом фразеологизме с исходным значением ‘расстрелять’ компонент ‘подвергнуть опасности’ как раз и присутствует.

Названная субкультурная реалия служит основой юмористической реинтерпретации внутренней формы в ФЕ *лезть на стенку* (в языке граффитистов – ‘заниматься нанесением граффити с фанатичным упорством, с исступлением’): *«Менты не менты, палево не палево, а он так и лезет на стенку! И ловили, и били – без разницы!»* (Запись 2009 г.). Ср.: *стенка* ‘поверхность нанесения граффити’, *лезть* (прост.) ‘настойчиво продвигаться куда-либо, не считаясь с запретом, препятствиями’, а также общерусское *лезть на стенку* ‘приходить в крайнее раздражение, исступление’ (компонент значения «исступление» становится ядерным в субкультурной ФЕ).

Собаку съел – так говорят о человеке, который приобрел большой опыт, навык, основательные знания в чем-либо. Причем фразеологизм «акцентирует внимание на умении высокого класса» (Яранцев 1985: 138). Граффитисты используют омонимичный фразеологизм в значении ‘покрыть граффити-изображениями электричку (на жаргоне хиппи, автостопщиков, граффитистов «собаку»)’: *«Приезжает собака, останавливается, ты подбегаешь и начинаешь лить... А уж если всю залил (не ты один, конечно, с командой), говорят: они собаку съели»* (Запись 2009 г.). В реинтерпретированной внутренней форме ФЕ присутствует и субкультурная реалия «собака», и компонент значения общерусской ФЕ: ‘умение высокого класса’, ведь «разбомбить», или «залить», электричку может только команда, имеющая большой опыт в нанесении граффити.

К данному типу реинтерпретации можно отнести и выражение *лечь костьми*, функционирующее в языке трейсеров (паркурщиков) в значении ‘упасть при выполнении трюка’: *«Делаешь два шага по стене, а потом не крути сразу, а ложись на воздух, как бы распластайся по воздуху, а если сразу крутануть, то и ляжешь костьми»* (Запись 2009 г.). Ср.: общерусское *лечь костьми* – ‘погибнуть в бою, на поле брани’ и *лечь* в жаргоне спортсменов – ‘упасть’; возможна также ассоциативная связь с ФЕ *костей не соберешь* ‘не уцелеешь’.

Фразеологизм *бить в одну точку* в жаргоне музыкантов означает ‘совпадать по ритмическому рисунку’ (так обычно говорят о слаженной игре ритм-секции): *«Когда басист и ударник научатся бить в одну точку, тогда у команды появится настоящее мясо, а без него какой трэш!»* (Запись 2009 г.). Глагол *бить* – в значении ‘ударять’, характеризует в сленге игру барабанщика, а также игру гитариста и бас-гитариста; сочетание *в одну точку* метафорически переосмысляется и обозначает ‘в одну и ту же долю музыкального такта’; участвует в реинтерпретации и компонент значения общерусской ФЕ ‘направлять все свои действия, усилия, на что-либо одно, добиваясь поставленной цели’.

К рассмотренным выше фразеологизмам близок по механизму переосмысления и оборот *задирать нос*, который в жаргоне дельтапланеристов употребляется в значении ‘резко посылать дельтаплан вверх’ (*нос* – ‘передняя часть дельтаплана’): *«При сильном ветре не советую задирать нос даже опытным: будешь кувыркаться до земли»* (Запись 2009 г.). Ср.: общерусское *задирать нос* – ‘зазнаваться, важничать’.

В других случаях ни один из компонентов общеязыкового фразеологизма не соотносится напрямую с идентичным по форме, но имеющим специфическое значение сленговым словом. Общая семантика фразеологизма также не соотносится с новым, сленговым значением оборота. Здесь с позиций субкультуры реинтерпретируется отображаемая прототипом ФЕ ситуация. Контексты употребления зачастую содержат элементы этимологизации фразеологизма. *Готов сквозь землю провалиться* – так в шутку говорят об увлеченном диггере, исследователе подземелий: *«Юрцу ни люки, ни шахты не нужны. Он сквозь землю готов провалиться, лишь бы поползать по ракоходам и шкурникам»* (Запись 2009 г.). Ср.: в общерусском языке выражение *готов сквозь землю провалиться* относится к человеку, который испытывает острое желание скрыться, исчезнуть куда-л. от смущения, стыда.

Мелко плавать в жаргоне диггеров – ‘двигаться по коллектору (трубе для отвода жидкости) по колено в воде’: «*Хорошо, что дождь небольшой был, сегодня мелко плавали, а иногда хлынет – и это твой последний залаз*» (Запись 2009 г.). Ср.: (разг.) *мелко плавать* ‘не иметь достаточных способностей, знаний, опыта, чтобы совершить что-либо значительное серьезное’.

При таком переосмыслении общеязыковые фразеологизмы часто теряют свой эвфемистический характер. Так, *комбинация из трёх пальцев* в жаргоне компьютерщиков обозначает одновременное нажатие тремя пальцами клавиш Ctrl – Alt – Del для перезагрузки компьютера: «*Комбинация из трех пальцев – вот что спасет обалдевшего от бесполезных усилий юзера»* (Запись 2007 г.). Ср.: *комбинация из трёх пальцев* (прост. шутл.) ‘кукиш’. *Послать на три буквы* – перезагрузить компьютер посредством нажатия комбинации клавиш Ctrl – Alt – Del: «*В конце концов послал свой комп на три буквы и отрубился до утра»* (Запись 2009 г.). Ср.: *послать на три буквы* (прост.) ‘в грубой форме отказать кому-н.’.

При переосмыслении культурологически маркированных русских фразеологизмов в условиях молодежных субкультур четко прослеживается совмещение культурного и субкультурного фона. *Гол как сокол* – так футбольные фанаты говорят о красивом голе, забитом издалека. Ср.: исходное значение

фразеологизма *гол как сокол* – ‘о бедном, неимущем человеке’. Языковая игра в данном случае построена на дефразеологизирующей омонимии, а вторичная фразеологизация базируется на лингвистической и культурологической пресуппозиции – знании традиционной русской фразеологии и символических образов русского фольклора: *ясный сокол, полететь соколом*.

Этот механизм развития новой образности срабатывает и на материале русских примет в процессе их импликации: примета > фразеологизм: *постучать по дереву* в русской традиционной культуре – одно из ритуальных действий для предотвращения сглаза (ср.: в языке футболистов и футбольных фанатов – ‘попасть мячом в перекладину футбольных ворот’).

Шутливое *принять на грудь* в футбольном сленге и субкультуре футбольных фанатов означает ‘остановить мяч грудью’: «*Принял на грудь, скинул под левую, а сзади мне чувачок один на пятку наступил – вот и разрыв ахилла»* (Запись 2003 г.). Ср.: *принять на грудь* в русской культуре – ‘выпить спиртного’.

Таким образом, выбор реалий, на которых базируется реинтерпретация внутренней формы фразеологизма, обусловлен разного рода субкультурно маркированными ассоциациями, а также общекультурными и лингвистическими пресуппозициями.

1. *Лурье М.* Бомбёжка цветом: Движение «графферов»: история, идеология, сленг. // Семья и школа. 2006. № 6. – С. 28-30.

2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

3. *Яранцев Р.И.* Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.

д.ф.н., профессор А.Г. Балакай (Новокузнецк)

О ТОЛКОВАНИИ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В процессе работы над словарём повести И.С. Шмелёва «Лето Господне» мы встречаемся с проблемами, известными специалистам в области анализа художественного текста, но ещё недостаточно осмысленными в теории и практике лексикографии. Речь идёт о методике лексикографирования художественного слова, которое в тексте живёт, «непрестанно колышется, дышит, переливается всеми цветами» значений, смыслов, оттенков (Флоренский 1990:236). Вопрос без однозначного ответа: как в клетке-кластере словарной статьи не расчленить слово, не замутить его метаязыком дефиниций, как сохранить главное – его живые связи с текстом?

«Текст несёт тройные значения: первичные – общеязыковые, вторичные, возникающие за счёт синтагматической переорганизации текста и сопоставления первичных единиц, и третьей ступени – за счёт втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных», – писал Ю. М. Лотман (1996:35). Он же отмечал тен-

денцию к синтезу этих значений, обусловливающую смысловую целостность текста: «Многообразие структурных связей внутри текста резко понижает самостоятельность отдельных входящих в него единиц и повышает коэффициент связанности текста. Текст стремится превратиться в отдельное “большое слово” с общим единым значением» (с. 63). Синтез (это отмечал ещё В. фон Гумбольдт, а позднее А. А. Потебня, Л. В. Щерба и другие учёные) создаёт нечто такое, что не заключено в слагаемых частях, взятых порознь. Отсюда – трудности для лексикографа, пытающегося как можно точнее описать контекстуальное значение слова или ФЕ. У составителя авторского словаря есть свои Сцилла и Харибда: с одной стороны, при толковании слова или ФЕ не выйти далеко из текста как относительно замкнутой системы в «абстрактную систему языка» (М. М. Бахтин); с другой стороны, не приписать слову того, чего в нём нет, но есть в смысле текста как единого «большого слова» (Ю. М. Лотман).

Слово и ФЕ в художественном тексте – материя образа. Тонкая и чувствительная (в том числе к шрифтовому выделению). Дифференциация семем и сем, принятая в общих толковых словарях, механически перенесённая в авторский словарь, может привести к расчленению контекстов и искажению образа, вплоть до его профанации. Разграничение и иерархия значений слов и ФЕ в авторском словаре строятся на основе их употреблений в данном тексте. Общеязыковые значения учитываются в той мере, в какой они проясняют контекстуальные.

Одно из возможных решений видится в построении семантических описаний, синтезированных на основе анализа *всех* употреблений данного слова или ФЕ в тексте, для чего потребовалось предварительно составить конкорданс повести. Неотъемлемыми элементами структуры словарной статьи являются иллюстрации и ссылки на смежные словарные статьи.

Покажем это на примере опыта словарного описания ФЕ *живая вода*, которая встречается в повести 18 раз (16 – в рассказе «Живая вода» <3,02>, 1 – в рассказе «Москва» <3,03> и 1 – в рассказе Серебряный сундучок <3,04>).

ЖИВАЯ ВОДА 18

1. *Фольк. В русских (и не только русских) народных сказках – волшебная вода из родника, обладающая чудодейственной способностью оживлять мёртвых. Тело убитого сначала поливают «мёртвой водой», чтобы рассеченные части срослись, а затем – живой водой.* Когда у бань толпился народ, кто-то из молодцов сказал: «*Живой водой*, приехал окачиваться Сергей Иваныч». – Запомнилось это мне. Я с нетерпением ждал, что такое – *живая вода*. Знал сказку про «мёртвую» и «живую» воду. И тут так будет?.. чу-до?.. <3,02>

2. *Обл. и прост. Природная проточная вода, ключевая, колодезная, озёрная, речная. В народной медицине считается, что ключевая студёная вода обладает целебной силой: ею обливают больных, раненых, выздоравливающих* (см. Обливать. Облитие. Окатить. Окатиться. Окатка. Окачивать. Окачиваться. Окачка. Студёный. Вода скатится – болесь свалится. Вода хлещет – телу легчит). *В понимании православных исцеляет не сама вода, а Господь, поэтому обливание, «окатку» проводят, благословясь* (см. Аз есмь Вода Живая… Силоамская купель. Моленая вода. Баня (банька) водная-

воглагольная*). При крещении и освящении воды предпочтение отдаётся «живой воде»* (см. Ердань. Святая вода).

Ребята говорят: и взаправду, народ сбегается, спрашивают – «чего случилось? день непарный, а чисто базар у бань?» Им говорят: хозяин выправился, окачиваться живой водой приехал. <3,02> Стали старики говорить: исподволь сперва надо, тазиков десять середней вылить, а там посвежей… а потом уж живой водой, во здравие, Господи благослови. Не забудь студёного «удару», а то может и ушибить.<3,02> Горкин и Акимыч крестятся. И все молодцы за ними. Священное будто начинается, а не простая баня. Спрашиваю шепотком Горкина, почему сейчас будет – *живая вода?* Он тоже, шепотком: «Она папашеньке *живот* подаст… жись, здоровьице». – «А почему?.. моленая, да?.. со Крестом, да?..» – «Понятно, моленая. Вишь – крестятся все, во здравие. Потому и крестят водой моленой, она жись подаёт». <3,02> Отец спрашивает: «Вы, неразлучники… шепчетесь там чего, как тараканы?..» – Стыдно мне сказать, а Горкин сказал: «Да вот, любопытствует, что за *живая вода.* Давеча в народе был разговор… водой, мол, *живой* Сергей Иваныч скачиваться приехали. Я и поясняю, от Писания: сам Господь-Христос исповедал: «Аз есмь Вода Живая!» Моленая, мол, вода – *живая вода*, Господня, оживит. В Писании-Апостоле так: «банькою водною-воглагольною». Отцу понравилось, перекрестился он. И всем понравилось. Акимыч тоже от Писания сказал: купель, мол, банька, и из тазов скати – одинако, будто купель; ежели с молитвой и верой приступают – будет, как от Купели Силоамской. А я знал про купель, из «Священной Истории». <3,02> Но тут Горкин с Акимычем вступились: – Вон и доктор тоже говорил! Послушайтесь, Сергей Иваныч, тут не баня теперь, а Господи благослови. *Живая вода* поливается на главу болящую… уж покоритесь. <3,02> «Картинки эти мы замажем. А на место их Василь-Сергеич постарается… а то всамделишного живописца попрошу. Петра Алексеича Крымова, кума… он учитель рисования, бо-льшой мастер. Так вот думаю… Пусть из Писания напишет, гостям в назидание Силоамскую Купель, как Ангел силу даёт воде, и болящие исцеляются. И ещё… вот про *живую воду* говорили! Это из Евангелия, как Христос беседует с Самарянкой: «Аз есмь *Вода Живая*». Ну, как, праведники?» Горкин с Акимычем говорят, что лучше и придумать нельзя. Хорошо бы ещё «Крещение Руси» написать, как в древние времена благоверный князь св. Владимир в реке русский народ крестил. <3,02>

|| *Перенос. Людская любовь и ласка; радость от ласкового обхождения.*

«А народ-то ласковый какой, Панкратыч?!.. Всегда от него ласку видел, крендель-то как на именины мне поднесли… а уж нонче как встретили, – вот это радость». – «Наш народ, Сергей Иваныч… – уж мне ли его не знать!.. – пуще всего обхождение ценит, ласку… – говорит Горкин. – За обхождение – чего он только не сделает! Верно пословица говорится: «ласковое слово лучше мягкого пирога». Как вот *живая вода,* кажного бодрит ласка… как можно!..» <3,02>

Словарная статья призвана помочь читателю осмыслить слово и фразеологизм в тексте, в контексте истории и культуры, поэтому словарное описание при необходимости может выходить на уровень лингво-энциклопеди-

ческого комментария. В то же время словарная статья должна оставлять и пространство для свободы читательской интерпретации текста. Каков смысл (или смыслы) названия рассказа «Живая вода»? Каков смысл (смыслы) сочетания *живая вода*, выделенного шрифтом в заключительных строках рассказа? Отец сбрасывает парадный сюртук, надевает чесучовый свеженький пиджак, только что выглаженный Машей, весело потирает руки, оглядывая весёлый стол. – Горку зовите, вместе будем обедать! – кричит он в кухню. – Совсем хорошо, легко… – отвечает он матушке, – *живая вода* прямо! А уж как встречали!.. бабы все уши прокричали… А уж есть хочу!.. – Такая радость, такая радость!.. <3,02> Или в последующих рассказах: Отцу гораздо лучше: и не тошнится, и голова не болит, не кружится; только, иногда, «мушки» в глазах, мешают. И спит лучше. А в тот день, как в бани ездили, он после обеда задремал, за столом ещё, и спал без просыпу до утра. Это *живая вода* так помогла, кровь разогнала. <3,03> Отцу совсем хорошо после *живой воды*. <3,04>.

Каждый читатель решит по-своему. И будет по-своему прав. Как будет прав и тот, кто увидит в этих употреблениях контекстуальный семантический синкретизм фразеологической единицы.

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / М. Ю. Лотман. М.: Языки русской культуры, 1996.

2.*Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – Т. 2.

3. Словари: *В.И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1959. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: 1935–1940. Словарь русских народных говоров. Вып. 9, с.154. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2. – М., 1975, с. 250. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. – СПб., 1992, с. 125. *Балакай А.Г., Баланчик Н.А.* Конкорданс и частотный словарь повести И.С. Шмелёва «Лето Господне». [Электронный ресурс].– Новокузнецк (КузГПА). http://kuzspa.ru/balakay-page/leto.htm

к.ф.н., доцент Н.В. Баско (Москва)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Актуальность создания фразеологического словаря для детей, уже читающих произведения на родном языке, на наш взгляд, очевидна. Словарь призван объяснить маленькому читателю значение непонятных (ввиду идиоматичности семантики) образных выражений, которые встречаются в детских художественных текстах, показать особенности употребления их в речи и научить детей самим использовать наиболее употребительные фразеологизмы русского языка в типичных жизненных ситуациях. Помимо чисто прагматической задачи словарь выполняет также и гуманитарную, образовательную задачу: показать маленькому читателю богатство родного языка, заинтересовать его чтением, привить любовь к книге и родному языку.

Говоря об адресате словаря, следует уточнить, что учебный фразеологический словарь предназначен для учащихся начальных классов общеобразовательной средней школы.

Главным, ведущим лингводидактическим принципом составления такого словаря явился принцип учёта возрастных особенностей учащихся. В нашем случае это дети в возрасте 7-11 лет, учащеся начальных классов общеобразовательной средней школы. Этот принцип при составлении словаря стал основополагающим и последовательно реализовывался как при формировании словника словаря и отборе иллюстративного материала, так и при разработке всех компонентов словарной статьи: заголовочной единицы словаря, грамматических помет, толковании значения фразеологической единицы, иллюстративного материала, этимологического комментария.

Основой для отбора единиц в словник фразеологического словаря стали лучшие произведения детской литературы, составляющие национальный фонд детской классики: произведения А. Чехова, М. Пришвина, В. Бианки, А. Гайдара, С. Михалкова, А. Барто, Н. Носова, В. Драгунского, Э. Успенского и других детских писателей, а также русские народные сказки. Предпочтение отдавалось произведениям, включённым в учебную Программу по чтению для учащихся начальных классов средней школы, а также в списки для внеклассного чтения учеников разных классов. Отбор единиц в словник словаря проводился путём сплошной выборки фразеологических оборотов из художественных текстов детской литературы и составления картотеки употребления фразеологических единиц. На основе анализа материалов картотеки в словник детского словаря включались наиболее употребительные фразеологические единицы. Высокую частотность употребления в произведениях детской художественной литературы показали такие фразеологические обороты, как **взять на буксир, брать пример, браться за дело, в два счёта, валять дурака, вести себя, повесить нос, во весь опор, во все глаза, во всё горло, ломать голову, дать сдачи, дать слово, души не чаять** и др.

Помимо критерия частотности при формировании словника словаря учитывался также критерий семантической значимости фразеологизма, актуальность его употребления в особой социальной среде – детской, школьной. С учётом этого критерия в словник были включены такие фразеологические обороты, как **в уме** (считать, решать), **водить за нос**, **считать ворон**, **глаза на лоб полезли**, **гора с плеч свалилась** и др.

При отборе иллюстративного материала обязательно учитывался принцип занимательности, увлекательности для детей описываемой ситуации: она должна быть узнаваемой для детей благодаря своей типичности и вызывать у них положительные, радостные эмоции или улыбку. Иллюстрации с такими фразеологическими оборотами, как **в два счёта, валять дурака, во всё горло, водить за нос, дать сдачи, считать ворон** и др. в полной мере соответствуют этому принципу. Отметим, что кроме фрагментов из детских книг в качестве иллюстративного материала в словаре использовались речения, демонстрирующие типичное употребление фразеологического оборота в речи в определённой ситуации.

Принцип учёта возрастных особенностей учащихся логически связан с принципом доступности, простоты как в самомм представлении заголовоч-

ной единицы, так и в толковании значения фразеологизма, а также с принципом зрительной наглядности, визуальной поддержки семантизации фразеологизма в виде весёлых рисунков и картинок, изображающих типичную ситуацию употребления образного выражения.

В соответствии с лингводидактическим принципом доступности заголовочный фразеологический оборот представлен в словаре только в одной, самой типичной для современной речи, форме: в словаре не приводятся различные лексические и грамматические варианты фразеологического оборота или видовые пары глагольных фразеологизмов, поскольку учащиеся начальных классов ещё не знакомы с понятием вида глагола. Глагольные фразеологические обороты даются в словаре по наиболее употребительной в разговорной речи и в текстах произведений для детей видовой форме. Толкование значения фразеологического оборота по возможности упрощалось, адаптировалось с учётом возраста детей.

Принцип доступности и простоты изложения актуален и для дополнительного комментария, приводимого в конце некоторых словарных статей словаря, – этимологической справки, информации о происхождении фразеологического оборота. Такой этимологический комментарий дан в словаре для фразеологизмов, внутренний образ которых совершенно непонятен современным носителям русского языка, и конечно, детям. Информация о происхождении того или иного фразеологического оборота, взятая из компетентных научных источников – «Историко-этимологического словаря» Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степановой Л.Н., «Школьного фразеологического словаря русского языка» Жукова В.П., Жукова А.В., «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» Шанского Н.М., Зимина В.И., Филиппова А.В. – подвергалась адаптации и упрощению, чтобы маленькому читателю не сложно было узнать, когда и как появились в русском языке «странные» выражения, откуда у них такие значения.

Учебный характер словаря проявляется также в наличии учебных заданий по словарю, содержащихся в конце книги. Учебные задания должны выполняться под руководством и при наблюдении учителя. Цель заданий – осуществить контроль над усвоением учениками содержания фразеологического словаря, проверить, насколько правильно учащиеся начальной школы поняли значение того или иного фразеологического оборота, особенности его употребления в речи и способны сами адекватно использовать его в своей речи в подходящей ситуации.

Учебные задания к словарю расположены по степени возрастающей сложности: они начинаются с заданий с использованием весёлых рисунков, далее следуют нетрудные тестовые по форме задания, в конце предлагаются задания сложнее – на анализ художественного текста с целью нахождения в нём фразеологического оборота и определения его значения.

Типология учебных заданий построена с учётом лингводидактических принципов зрительной наглядности, занимательности и доступности. Сначала детям предлагается выбрать рисунок, соответствующий значению того или иного фразеологизма, затем объединить единый список фразеологических оборотов в лексико-семантические группы (обозначение количества, времени, места и расстояния, черт характера и свойств человека и др.), и наконец прочитать фрагмент художественного текста, найти в нём фразео-

логический оборот и объяснить его значение. Учебные задания на основе словаря могут проводиться в виде весёлых конкурсов и загадок. Русская фразеология даёт большие возможности для этого. Здесь многое зависит от фантазии и творчества учителя, его педагогического мастерства.

В заключение хочется ещё раз подчеркнуть, что полноценная реализация основных лингводидактических принципов при составлении учебного фразеологического словаря для учащихся начальной школы будет способствовать формированию у детей младшего школьного возраста – учащихся начальных классов общеобразовательной средней школы – интереса и любви к родному языку, к чтению книг и к учёбе в целом.

1. *Добровольский Д.О.* Типология идиом.// Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
2. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986.
3. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
4. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Л., 1986.
5. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

Т.С. Борщевская (Санкт-Петербург)

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В НОМИНАЦИЯХ КОММЕРЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Изучение языка коммерческого менеджмента показывает, что в этой сфере используются единицы разного ранга: как термины, так и различные околотерминологические средства. Пополнение языка русского менеджмента происходит за счет англоязычных заимствований. В результате изучения лексикографических источников было выявлено большое количество сверхсловных наименований с фразеологической семантикой, которые заимствуются в основном при помощи калькирования. Такие номинации в родном языке появляются чаще всего в результате метафорического переосмысления.

Известно, что причиной появления метафорических переносов является работа мышления, зависимого от национально-культурных особенностей. Метафора несет огромный прагматический потенциал. Терминологическая номинация, как правило, также основывается на специфически национальной мотивировке. Характерным при этом явлением считается движение семантики таких наименований от первичного значения метафоры к специальному, отраслевому значению.

Остановимся на группе номинаций, включающих имена собственные, которые используются не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб, т.е. прецедентные имена.

В современной теории прецедентности отчетливо различаются денотативное (интенсиональное) и коннотативное (экстенсиональное) употребление прецедентных имен (Гудков 2003: 154).

Приведем примеры денотативного использования прецедентного имени

в номинациях менеджмента: ***эффект дырявого ведра окуня*** (англ. *Okun's leaky bucket*) **–** перераспределение доходов американский экономист А. Окунь (Оукен) сравнил с «дырявым ведром», т.е. этот процесс неизбежно ведет к снижению экономической эффективности; ***индекс Герфиндаля / индекс Герфиндаля-Гиршмана*** (англ. *index Herfindahl*) **–** индекс разработали американские экономисты Герфиндаль и Гиршман; ***модель эмоционального выгорания Пайнс, Аронсон*** **(***англ. Burout)* **–** психологи А. Пайнс и Е. Аронсон установили связь «выгорания» с чувством значимости себя на рабочем месте, с профессиональным продвижением и т.д.; ***гипотеза Тибо*** (англ. *Tiebout hypothesis*) – данная теория названа в честь американского экономиста Чарльза Тибо; ***принцип Петера*** (англ. *Peter principle)* – высказывание Лауренса Дж. Петера о том, что в иерархической системе каждый работник может подняться до своего уровня некомпетентности; ***индекс Джини*** (англ. *Gini coefficient)* – индекс предложен итальянским экономистом, статистиком и демографом Коррадо Джини; ***закон Памркинсона*** (англ. *Parkinson's Law)* – 'закон, который говорит о том, что управленец множит подчиненных, но не соперников; чиновники работают друг для друга' (эмпирический закон, сформулированный историком Сирилом Н. Паркинсоном в его сатирической статье, напечатанной в британском журнале «The Economist» в 1955г.); ***мальтузианская ловушка*** (англ. *Malthusian Trap*) – 'формальное следствие из теории Мальтуса согласно которой рост населения обгоняет рост производства' (Мальтус Томас Роберт – английский экономист, священник) и др.

Прецедентные имена употреблены здесь денотативно, т. е. указывают именно на широко известных экономистов, менеджеров, психологов.

Выделим группы метафорического употребления прецедентных имен.

Прецедентные имена-антропонимы с традиционными, популярными мужскими и женскими именами. Прецедентное имя является не только вербальным феноменом, оно обозначает и то, что стоит за ним, например, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Дифференциальные признаки могут выражать характеристику предмета по чертам характера: ***тетя Милли*** (англ. *Aunt Millie*) – 'неискушенный мелкий инвестор, не способный оценить уровень риска данной инвестиции'; ***нервная Нелли*** (англ. *Nervous Nellie*) **– '**инвестор, которого не устраивает инвестирование и риски, связанные с ним' («нервной Нелли» называют тех, кто слишком волнуется перед неким важным или не очень важным событием); ***сидим рядом с Нелли*** (англ. *Sitting Next To Nellie*) **–** 'обучение на рабочем месте, когда ученик наблюдает за действиями опытного работника' и др.

Имена, взятые из литературных и фольклорных источников: ***стратегия леди Макбет*** (англ. *Lady Macbeth strategy*) – 'используемая в битвах при поглощениях стратегия, когда третья компания выступает с предложением, которое устроит компанию-объект поглощения' (прецедентное имя актуализируется через прецедентную ситуацию: Леди Макбет – коварство); ***неуловимый Джо*** (англ. *Elusive Joe)* **– '**выбранный сотрудником путь находится настолько в стороне от основного бизнес-процесса компании, что он никого, кроме него, собственно, не интересует' (неуловимый Джо — персонаж из анекдота, который считает, что окружающие в нем сильно заинтересованы, хотя на самом деле это лишь его скрытое желание); ***синдром Красной Королевы*** (англ. *Red Queen Syndrome*) – 'теория о том, что просто рас-

ти – недостаточно, надо развиваться быстрее, чем конкуренты' (принцип Красной Королевы из книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»: «<…> имейте в виду, что требуется бежать быстро, как только вы можете, только чтобы удержаться на месте. Если вы хотите чего-нибудь достичь, вы должны бежать по крайней мере в два раза быстрее»); ***дзанни, дзаннизм*** (англ. *Zany, Zaniness*) – менеджмент в стиле дзанни – необходимое условие выживания корпораций. Автор книги «Менеджмент освобождения» (1992) Т. Питере пишет: «В эпоху, когда все вокруг напоминают клоунов, руководители компаний должны превратиться в дзанни. Сумасбродные организации, безрассудные люди, способные подстроится под все быстрое, неуловимое, непостоянное, имеют лучшие шансы на выживание» (Дзанни – слуга просцениума в итальянской комедии масок, шут, сумасброд и фигляр) (Кох 1999).

Прецедентные имена, которые отсылают к художественным или иным произведениям: ***мать-гусыня*** (англ. *Mother Goose)* – 'краткое изложение того, что означает данный проспект' (имя матушки Гусыни наиболее часто ассоциируется с текстами традиционных английских детских стихов)*;* ***защита Pac-Man / защита Пэк-мэна*** (англ. *Pac-Man Defence*) – 'тактика защиты от поглощения, заключающаяся в том, что компания-мишень идет в контратаку, как в видеоигре, носящей аналогичное название' (смысл игры заключается в поедании главным героем по имени Pac-Man точек, находящихся в лабиринте. Игра усложняется тем, что главному герою мешают монстры) и др.

Номинации, содержащие реальную антропонимику, которая связана с именами выдающихся людей своего времени, людей, прославившихся добрыми или дурными делами: ***принципы бухгалтерского учета Леди Годива*** (англ. *Lady Godiva accounting Principles LGAP*) – 'теоретический набор принципов бухгалтерского учета в соответствии с которыми корпорации необходимо полностью раскрыть всю информацию, в том числе ту, которую зачастую не сообщают инвесторам'. Согласно легенде 1040 года Леди Годива, жена лорда Ковентри, проскакала верхом на белом мерине обнаженной в полдень по улицам Ковентри, чтобы заставить мужа снизить непосильные для горожан налоги.

Прецедентные имена, которые обозначают те или иные события при помощи указания на место, где они произошли (топонимы): ***дельфийский метод / метод Дельфы*** (англ*. Delphi Technique*) – 'метод прогнозирования'. Название метода происходит от греческого города Дельфы, расположенного у подножия горы Парнас, где находился храм Аполлона, знаменитый своим оракулом. Подобное название символизирует необходимость использования руководством экспертного знания, которое в настоящее время генерируется в советы не с помощью интуитивных форм, а с использованием научных технологий; ***американский пончик*** (англ. *Do'nut, Doughnut, Inverted American)* – 'организация работы, вызывающая аналогии с американским пончиком, который представляет собой пустоту, окруженную вкусной оболочкой; выворачивая «пончик» наизнанку, получаем пустую оболочку с ядром внутри. Ядро – это должностные инструкции или роль индивида в организации; пустая оболочка – шанс, которым он должен воспользоваться, его личная инициатива, которая позволит сотруднику проявить себя'; ***сделка Смитфилда*** (англ. *Smithfield bargain*) – 'нечестная сделка' (Смитфилд –

большой пустырь за городской стеной. Здесь в 1381 г. произошла встреча Ричарда II с Уоттом Тайлером, во время которой последний был предательски убит мэром Лондона); ***бельгийский дантист*** (англ. *Belgian dentist*) – ‘условное обозначение нового типа инвестора, источника «горячих денег»’ (бельгийские дантисты – нарицательное наименование состоятельных частных инвесторов еврооблигаций. Считается, что первыми инвесторами еврооблигаций были именно бельгийские дантисты, стремившиеся путем покупки еврооблигаций избежать уплаты налогов); ***голландская болезнь*** (англ. *Dutch disease*) – ‘подрыв традиционных отраслей экономики в результате открытия новых природных ресурсов’. В английском языке едва ли не самым коннотативно насыщенным является прилагательное Dutch ‘голландский’. «Его огромный коннотативный потенциал особенно отчетливо проявляется во фразеологии, отчасти, правда, устаревшей. Ср. *Dutch bargain* ‘сделка, заключаемая за бутылкой вина’, <…> *Dutch concert,* ‘кошачий концерт’ = ‘кто в лес, кто по дрова’, <…>. Отрицательные коннотации лексемы *Dutch* восходят к XVII веку – времени ожесточенного политического и военного противоборства Англии и Голландии за господство на морях и колониальные приобретения. <…>» (Апресян 1995: 169-173); ***китайская стена*** *(англ. Chinese Walls)* – ‘коммуникационный барьер между финансистами и трейдерами, который возводится во избежание утечки внутренней информации’ и др.

При рассмотрении прецедентных имен лингвисты обычно говорят о переходе имен собственных в имена нарицательные. Такое преобразование предопределяет возможность использования в начале слова не прописных, а строчных букв. В лексикографических изданиях по менеджменту прецедентные имена, восходящие к именам собственным, пишутся то с прописной, то со строчной буквы, с использованием кавычек или без них. Использование прописной буквы свидетельствует о том, что соответствующее существительное воспринимается автором как имя собственное. Вероятно, чем более общеизвестным и частотным становится тот или иной антропоним, тем чаще встречается его написания со строчной буквы и без использования кавычек. В настоящее время правописание прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных.

Исходя их вышесказанного, следует отметить наиболее важные сферы-источники прецедентных имен в менеджменте:

1. Социальная область, к которой относятся развлечения, война, спорт.
2. Область искусств, к которой относятся такие сферы, как литература, театр, мифология и фольклор.
3. Область географии.

Таким образом, можно говорить о том, что языку менеджмента свойственна образность и интертекстуальность, с которыми тесно связаны и непосредственно пересекаются прецедентные феномены.

Очевидно, что при исследовании данного пласта подъязыка экономики следует согласиться с мнением О.А. Корнилова, говорящего, что «иногда в языке науки закрепляется не просто языковая метафора, свидетельствующая о специфике национальной образности, а просто факт национальной истории, культуры, или даже литературы» **(**Корнилов 2003: с. 66).

Но можно ли говорить о национальной специфике там, где все подчинено точному знанию, объективным универсальным законам, строгой логике?

Очевидно, что если в том или ином языковом социуме существует научная традиция, то ее язык науки обязательно имеет национальное языковое оформление. Чаще всего язык науки представляет собой смесь двух национальных языков: национального языка, на котором формировалась первоначальная база этой науки или на котором осуществлены приоритетные разработки в данной области. (Корнилов 2003: 45).

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды в 2-х тт.. Т. II. Коннотации как часть прагматики слова: лексикографический аспект). – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 768 с.
2. Бизнес-словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://www.businessvoc.ru/ (дата обращения 12.09.2010)
3. *Гудков, Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. *Розенберг Джерри М.* Бизнес. Менеджмент. Терминологический словарь / пер. с англ. – М.: ИНФРА 1977. – 465с.
5. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: «ЧеРо», 2003. – 349 с.
6. *Кох Р.* Менеджмент и финансы от А до Я. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 496 с.
7. *Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. –479 с. [Электронный ресурс]. URL: http://vocable.ru/dictionary/88/ (дата обращения: 06.06 2009).
8. *Федоров Б.Г.* Новый англо-русский банковский и экономический словарь. СПб.: Лимбус Пресс, 2006. – 848 с.

к.ф.н., доцент Г. Н. Гиржева,
д.ф.н., доцент В. И. Заика (Великий Новгород)

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Так-то оно так, конечно, а вот случись что, к примеру, то вот тебе и пожалуйста.
Надпись на майке.

Разного рода устойчивые выражения, употребленные в художественном тексте, могут выполнять множество функций. Фразеологизмы, поговорки, пословицы в речи повествователя, который излагает события, описывает, рассуждает, обеспечивают различные качества этой речи: эмотивность, экспрессивность, оценочность, лаконичность, точность, образность. Отсутствие или наличие, характер фразеологизмов и паремий в репликах персонажей – все это является существенным элементом речевой характеристики этих персонажей. Кроме того, фразеологизмы, пословицы, поговорки, наряду со словами являются средствами выражения ключевых понятий текста, концептов, элементами текстовой орнаментальности и т.д. Различные функции

паремий в художественных текстах отмечены в [Савенкова 2000]. Избыточность воспроизводимых единиц, которая в разговорной речи рассматривается как недостаток, в художественной речи является выразительным средством. Рассмотрим текст рассказа, который изобилует устойчивыми выражениями.

Дмитрий Горчев

Мысли

(1)*Если чему не бывать, то так оно и заведено.*

(2)*Вот трава растёт, а сама не знает.* (3)*Вот пуля пролетела, а куда?* (4)*Разбежишься, а вот уже и приехали, здрасьте.* (5)*Рот пошире разинешь, а закрыть некому.* (6)*И ничего не попишешь, да и взять откуда?* (7)*Свое, небось, тоже даром не дается.*

(8)*Так-то оно так, да не всё чужой каравай.* (9)*Иной раз и свой-то поперёк горла.* (10)*А уж ветра в поле – полные штаны.* (11)*И откуда что взялось?* (12)*Раньше и то лучше было.* (13)*А теперь иной раз так завернёт, что хоть из гроба вставай.* (14)*Хоть святых вон выноси, но и тут меру знай, не то хвать – а там пусто, раньше надо было головой своей думать.*

(15)*Потому что если всё знать наперёд, то какой с тебя спрос?* (16)*Нет, надо так, чтобы в глаза смотреть – и всё тебе Божья роса.* (17)*Чтоб не спрашивали потом, где был, что делал.* (18)*Жизнь одна, а все кушать просят.* (19)*Люди же, не звери.* (20)*Зверю-то что – ни детей у него, ничего, а съел корку хлеба – вот тебе и кров, и дом.* (21)*А тут – ни сесть, ни встать, до утра так напляшешься, что спасибо сроду не дождёшься.* (22)*Другие, вон, пальцем не шевельнут, а живут как свиньи, на всем готовом.*

(23)*Если бы всё было по справедливости, то у каждого давно бы уже голова в кустах.* (24)*А так – зубы стиснул и поминай, как звали.*

(25)*Вот оно как, если хорошенько подумать.* (26)*А не подумать – так ведь не поле же перейти?* (27)*Иному и семь вёрст не крюк, а не получается, хоть плачь.*

(28)*Так что если по-людски рассудить, то всем по сусалам и спать от сих до сих.* (29)*И не гавкать, а то шибко умные все стали.* [Горчев 2007: 102-103]

Всякий текст воспринимается на основании презумпции текстуальности - вероятного предположения, что восприятие знаковой последовательности приведет к построению смысла. Текст миниатюры обладает рядом признаков: 1) знаками, составляющими последовательность, являются не столько слова, сколько различные устойчивые сочетания; 2) многие устойчивые сочетания употреблены в деформированном виде; 3) последовательность страдает отсутствием должной связности (когезии) и цельности (когерентности). Несвязность текста препятствует его осмыслению, поэтому он не позволяет построить непротиворечивое референтное пространство из реалий, то есть представить изображаемые ситуации: упоминаемые и описываемые предметы в упоминаемых и описываемых отношениях.

Поскольку мы имеем дело с художественным текстом, деформированность знаков и отсутствие связности является приемом, используемым ав-

тором для изображения референтов. Мы отмечали, что в этом рассказе противоречия повествования определяют направленность внимания на формирование повествующего субъекта, однако субъект речи – «мыслитель» – оказывается не иронизирующим, не юродствующим, а имеющим явный речевой, если не психический недуг, и знаковая последовательность, не позволяющая воссоздать смысл, меняет «направленность» к иному референту – языку, русскому языку [Заика 2010: 56].

Собственно текстовая связность внешне выглядит разнообразной и вполне благополучной: связность предложений второго абзаца обеспечивают фигуры (анафора (2), (3), параллелизм (2), (3), (4), (5)), активно использованы стандартные скрепы (сочинительные союзы *а* (10), (13), (21), (24), (26), *и* (6), (11), (29), подчинительные союзы (15), (17, (28)). Кроме того, связность обеспечивается семантическими отношениями соотносимых членов предложения: (6), (7) – *взять/дается*, (8), (9) – *чужой/свой*, (12), (13) – *раньше/теперь*, (14), (15) *раньше/наперед*, а также однокоренными словами: (15), (17) *спрос/спрашивали*, лексическими повторами: (19), (20) *звери/зверю*, (25), (26) *подумать/подумать* и т.д. В известной мере способствуют связности вопросительные предложения (3), (6), (11), (15), императивы в конечных (28) и (29) предложениях, а также формы второго лица, которые выражают обобщенно личное значение: (4), (5), (6), (14), (15), (16), (21).

Однако ни упомянутые средства текстовой связи, ни то, что в некоторых фрагментах ощущается и тематическая связь (в (2)–(5) - незнание цели, в (8)–(14) изменения условий жизни, в 18)–(22) добывание хлеба насущного, неблагодарность нахлебников), не позволяет воссоздать описываемые ситуации.

Очевидное нарушение связности заметно и в пределах отдельного высказывания. Почти все предложения, составляющие текст, построены с использованием одного и более устойчивых выражений. Всякое устойчивое выражение независимо от типа обладает воспроизводимостью, поэтому оно предсказуемо. В предложенной знаковой последовательности (в силу намекательного характера речи) «прочитываются» различные воспроизводимые единицы – пословицы**:** *Чему быть, того не миновать; жизнь прожить – не поле перейти; бешеной собаке семь верст не крюк* и др., фразеологизмы: *рот разинуть, хоть святых вон выноси, ищи ветра в поле, на всем готовом* и др., цитаты: *Вот пуля пролетела и ага*; *Где под каждым ей кустом был готов и стол и дом* и др. а также другие сочетания, которые, не будучи отмеченными в словарях как устойчивые, тем не менее обладают воспроизводимостью: *так-то оно так, вот оно как; если хорошенько подумать; раньше лучше было; и откуда все взялось; шибко умные все стали* и др.

Первая «мысль» в (1)*Если чему не бывать, то так оно и заведено* имеет все отмеченные выше признаки: наличие устойчивых сочетаний, деформированность устойчивых сочетаний и отсутствие связности, будучи выраженной в отдельном абзаце, задает своего рода «норму аномальности». В высказывании прочитывается пословица «чему быть, того не миновать», которая «говорится с уверенностью в неизбежности, неотвратимости чего-л.» [Жуков 2000: 353], несмотря на ее редукцию и деформацию одного элемента *не бывать* вм. *быть*. Причем замена слова не устраняет значение ‘предопределенность, зависимость от судьбы’. Поддерживает эту семанти-

ку формальная организация высказывания: союз *если…то* выражает семантику условия, которая свойственна и пословице. Вторая часть предложения также содержит аномалии: в ней прочитываются две устойчивые конструкции …*так оно и*… и …*так заведено*…, при этом ощущается избыточность частицы *и*. Семантика, выражаемая конструкцией *так заведено*, противоречит семантике пословичной части в следующем: пословица говорит о предопределенности свыше, а вторая часть – о человеческой воле, пословица говорит о будущем поступке, а вторая часть – о давно существующем положении; поэтому абсурдным является сочетание времен в конструкции: *если* (будет)…, *то* (есть).

Сходная аномалия представлена в высказывании (24)*А так – зубы стиснул, и поминай, как звали*. Первая часть высказывания – это трансформированный в значение действия ‘заставил себя терпеть, сдерживаться’ выражаемый ФЕ *стиснув зубы* признак действия, (‘подавляя, превозмогая свои желания, сдерживая свои чувства’) (ФСРЯ 1986: 456). Вторая часть – узуальное употребление ФЕ *поминай, как звали* в значении ‘бесследно исчез, сбежал, куда-то скрылся’ (ШФСРЯ 2003: 350). Обе части связаны соединительным союзом, но и для временной последовательности и для причинно-следственной одинаково конфликтны: ‘сдержать реакцию’ – ‘отреагировать’, ‘терпеть’ – ‘удрать’,

Если в (24) первый связываемый элемент выражен единицей, предполагающей дальнейшее развертывание, то более заметной несвязностью характеризуются те высказывания, которые в качестве первого элемента используют устойчивое выражение, которым обычно заканчивается высказывание, например, (10), (14), (27). Так, в высказывании (10)*А уж ветра в поле – полные штаны*, сочетаются два деформированных устойчивых выражения: пословица «(ищи) ветра в поле», ‘о том, что бесследно исчезло’ [Жуков 2000: 135], которая уже в самом деформированном виде выражает противоположное значение наличия, и выражение «(радости) полные штаны», которое навязывает ветру в поле семантику радости и выражает смысл не только наличия, но и избыточности. Следующее узуальное устойчивое выражение (11)*И откуда что взялось?,* подтверждающее ‘избыточность’, смысла не проясняет.

Можно заметить, что в рассмотренных высказываниях с разными проявлениями несвязности отношение между компонентами подобны оксюморону.

Наиболее частотной моделью взаимодействия устойчивых сочетаний в пределах высказывания является контаминация. Кстати, контаминация в конструкции *если – то*, реализованная в (1), затем неоднократно повторяется: (15), (23), (28). Союз *а* является не только текстовой скрепой, он частотен и в пределах предложений (2), (3), (4), (5), (18), (22), (23), (27), (29), большинство из которых реализуют модель контаминации.

Упомянутые формальные средства связи – бутафория, создающая видимость связности текста и маскирующая его бессмысленность.

Интересно, что недеформированными являются устойчивые выражения, обеспечивающие связность: анафорические (8)*Так-то оно так*… и (25)*Вот оно как*…; наряду с короткими высказываниями с фатическим оттенком (11), (12) они тоже выполняют декоративную функцию.

Несвязность текста ощущается тем меньше, чем короче фразы, составляющие этот текст. Степень дискретности текста определяет степень его связности, поскольку определяет частотность скреп, обеспечивающих связность. Наиболее аномальными высказываниями являются, те, в построении которых использовано наибольшее количество устойчивых выражений: (14), (21), (22), (28).

Связность нарушена и на уровне устойчивых единиц. Само по себе устойчивое выражение обладает «повышенной» связностью по определению, поэтому, например, замена компонента фразеологизма является очевидной его деформацией.

Вернемся к первому высказыванию (1)*Если чему не бывать, то так оно и заведено*. Несмотря на обилие аномалий, ощущается (именно ощущается, а не понимается), что повествующий субъект думает о неизбежности. Эта фраза является своего рода иллюстрацией механизма возникновения идиоматичности: один из компонентов устойчивой конструкции, которая выражает определенное значение, заменен на компонентом с противоположным значением (*быть* / *не бывать*) при этом конструкция сохранила прежнюю семантику. В высказывании (13)*А теперь иной раз так завернёт, что хоть из гроба вставай* глагольный компонент фразеологизма «хоть в гроб ложись» заменен антонимом. При этом функция – ‘выражение бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного положения’ [ФСРЯ 1986: 231] – не только сохраняется, но даже усиливается; замена создает своего рода гиперболу (высокая степень безысходности). Подобная ситуация в (21), где вместо *с утра* употреблено *до утра*. И хотя деформированный вариант допускает прочтение ‘танцы всю ночь напролет’, два окружающих устойчивых выражения *ни сесть, ни встать* (о состоянии болезненной обездвиженности) и *спасибо сроду не дождешься* (устойчивая форма упрека в неблагодарности) поддерживают значение ‘изнурительный труд’ тем самым делая нерелевантным различие *с утра / до утра*.

Как видим, тотальная несвязность имеет место на всех уровнях: текста, высказывания, устойчивого выражения, но она приводит не к бессмысленности, а к тотальной же идиоматичности – принципиальной невыводимости смысла текста из смыслов составляющих его высказываний.

Невозможность представить описываемые предметы и события в сколько-нибудь ясной последовательности делает повествующего субъекта очевидным референтом речи. «Мысли» представляют собой даже не поток сознания, а, скорее, поток чувств, неясных чувств встревоженного, досадующего субъекта. Деформации устойчивых единиц – это не ироничные переделки традиционных паремий, часто с элементами стёба, описанные как антипословицы [Вальтер, Мокиенко 2008]; устойчивые выражения для повествующего субъекта не объект языковой игры над хрестоматийной мудростью, а способ описания ситуации.

Таким образом, текст рассказа Д.Горчева показывает специфические изобразительные возможности устойчивых выражений в представлении художественного мира. Избыточная клишированность речи повествующего субъекта, болезненная «зависимость» вербализации мысли от воспроизводимых сочетаний выглядит как то, что повествователь возложил ответственность

за выражение мысли на устойчивые выражения. В этом художественном мире язык является не просто референтом, но персонажем, которому повествующий перепоручил выражение мысли.

Вальтер, Мокиенко 2003 – Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.

Горчев 2007 – Горчев, Д. Милицейское танго : [рассказы] / Дмитрий Горчев. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007.

Жуков 2000 – Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000.

Заика 2010 –Заика В.И. Художественная модель и анализ художественного текста // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Междунар. науч. конф. (Псков, 22-24 апреля 2010 г.). Т. II. Псков: ПГПУ, 2010. С.51-56.

Савенкова 2000 – Савенкова Л.Б. Мысли о русских паремиях. Сборник материалов. Часть 2: Пословица в русской литературе. 2000. Режим доступа: http://nicomant.tripod.com/mnt1/2000-1/paremija1.html.

ФСРЯ 1986 – Фразеологический словарь русского языка / Л.А.Войнова, В.П.Жуков и др. Под ред. А.И.Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.

ШФСРЯ 2003 – Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П.Жуков, А.В.Жуков. 4-е изд. Дораб. и доп. М.: Просвещение, 2003.

Н.В. Гончарова (Курган)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАНТОВ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Поэтические фразеологизмы со значением лица, созданные О. Мандельштамом, имеют свою специфическую семантическую структуру, объединяются в несколько подсубкатегорий и групп. Одну из групп среди наименований лиц подсубкатегории деятельности составляют фразеологизмы, характеризующие музыкальную деятельность лица. Предметом исследования в данной статье являются единицы, обозначающие известных творческих людей, жизнь и деятельность которых связана с музыкой, например, очень экспрессивно О. Мандельштам именует создателей замечательных музыкальных произведений, великих немецких композиторов Л. Бетховена (**дивный пешеход, сын фламандца**) и И.С. Баха (**высокий спорщик, гневный собеседник, несговорчивый старик**), итальянскую оперную певицу А. Бозио (**живая ласточка**), знаменитого российского пианиста Г. Нейгауза (**конек-горбунок**), солистку Московской филармонии Г.В. Баринову (**последний чудный чорт в цвету**).

Сразу тремя фразеологическими номинациями в одноименном стихотворении Мандельштам создает выразительный портрет немецкого композитора, создателя церковной музыки, органиста Иоганна Себастьяна Баха, от-

разившего, по мнению поэта, в своей музыке эмоциональное ликование и доказательность. В единицах **высокий спорщик**, **несговорчивый старик**, **гневный собеседник** грамматически главные компоненты, личные имена существительные *спорщик*, *старик*, *собеседник*, имеют разговорный оттенок, указывают на непосредственность общения, создают экспрессивный образ человека, очень близкого поэту. Определительные компоненты, препозитивные качественные прилагательные, усиливают оценку изображаемого лица: *высокий* – характеризует выдающуюся по своему значению музыкальную деятельность немецкого композитора, подчеркивает высокий этический смысл произведений Баха, *несговорчивый*, *гневный* – указывают на свойства характера изображаемого героя (биографы композитора отмечают такие черты его характера, как прямолинейность, неумение хитрить, из-за которых Бах неоднократно попадал в конфликтные ситуации, омрачавшие его жизнь и отвлекавшие от творчества).

Судьба художника, творческого человека, его жизнь и смерть – эти темы присутствуют во многих текстах поэта. В одной из своих статей Мандельштам писал: «Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено». В стихотворении «Чуть мерцает призрачная сцена…» раскрывается важная для Мандельштама тема судьбы художника после смерти, христианской кончины, позволившей личности обрести полное воплощение. Поэт создает фразеологическую номинацию талантливого человека, ставшего жертвой:

Пахнет дымом бедная овчина,
От сугроба улица черна,
Из блаженного певучего притина
К нам летит бессмертная весна.
Чтобы вечно ария звучала:
“Ты вернешься на зеленые луга”, —
И **живая ласточка** упала
На горячие снега.
(Tristia; «Чуть мерцает призрачная сцена…»; 1920)

Как впервые установлено Л. Гинзбург, «мотивами “розы”, “итальянской речи” и “ласточки, упавшей на горячие снега” вводится образ итальянской певицы Анджолины Бозио (1830-1859), выступавшей в Мариинском театре и погибшей в Петербурге от простуды» (Мандельштам 1997:559).

Фразеологическая номинация **живая ласточка** основывается на введении традиционного образа – ласточки, которая у Мандельштама, как правило, служит посредницей между жизнью и смертью. Прямые значения компонентов – существительного-зоонима и качественного прилагательного – преобразуются в обозначение примадонны оперы, покорившей залы Европы и России, итальянской певицы Анджолины Бозио, выступавшей в Мариинском театре в Петербурге и скоропостижно скончавшейся в 29 лет от воспаления легких. Контекст стихотворения, дополняя значение поэтического фразеологизма, также играет важную роль: «начало и конец стихотворения объединены оксимороном “горячий снег”. <…> Стилистические кульминации – оксиморoны “горячий снег – горячие снега”: в начале стихотворения это, по-видимому развитие фразеологизма “обжигающий мороз”, в конце –

гистеросис (перестановка причины и следствия), если снега становятся горячими только согретые ласточкой» (Гаспаров, Ронен, 2003:210).

Употребление поэтом в составе поэтических фразеологизмов компонентов-зоонимов способствует созданию экспрессивного, запоминающегося образа. Следующая фразеологическая номинация – **конек-горбунок** – создана на основе впечатлений Мандельштама, бывшего на концерте Генриха Нейгауза, российского пианиста, народного артиста России, доктора искусствоведения:

Разве руки мои — кувалды?
Десять пальцев — мой табунок!
И вскочил, отряхая фалды,
Мастер Генрих — **конек-горбунок**.
(Новые стихи; «Рояль»; 1931)

Исследователи отмечают «поразительную точность артистического портрета. Всякий, кто слышал и видел на эстраде Генриха Густавовича, с особенной радостью узнавания откликнется на этот образ – конек-горбунок. Нейгаузу-пианисту была свойственна элегантная "небрежность", негативной оборотной стороной которой была техническая нестабильность, связанная также и с физическими недостатками его рук. <…> В стихотворении описывается концерт пианиста Генриха Нейгауза (1888-1964). В 1931 году, после ухода его жены, З.Н. Нейгауз, к Б.Л. Пастернаку, – он нередко срывал концерты, хлопал рояльной крышкой» (Мандельштам 1990:512).

Поэтический фразеологизм **конек-горбунок** включает объединение двух согласующихся в падеже компонентов; бывшее существительное, выполняя функцию приложения, выделяет характерный признак описываемого персонажа. Двойное наименование позволяет поэту в совокупности свойств охарактеризовать действия героя и создать яркий фразеологический образ.

В это же время, в 1931 году написано еще одно стихотворение, содержащее портрет музыканта, скрипача; этот образ, созданный Мандельштамом, сложен, неоднозначен:

Жил Александр Герцович,
Еврейский музыкант, —
Он Шуберта наверчивал,
Как чистый бриллиант.
(Новые стихи; «Жил Александр Герцович…»; 1931)

«Стихотворение написано на квартире А.Э. Мандельштама, среднего брата Мандельштама (Старосадский пер., д. 10, кв. 3). По сообщению Э.С. Гурвич (его вдовы), это была огромная коммунальная квартира (12 семей); одним из непосредственных соседей был Александр Герцевич Айзенштадт, работавший скрипачом в оркестре» (Мандельштам 1990:510-511). Семантика поэтического фразеологизма **еврейский музыкант** обогащается дополнительным смыслом, контекстуальное окружение усиливает значение единицы, делает его экспрессивным (в стихотворении обыгрывается отчество описываемого персонажа (нем. Herz – «сердце») – Александр Герцович, Александр Сердцевич, Александр Скерцович). Компоненты – бывшие личное существительное, препозитивное относительное прилагательное – в составе фразеологизма преобразуются, формируя значение единицы: 'музыкант, играющий на скрипке, еврей по национальности, сосед по комму-

нальной квартире брата поэта (А.Э. Мандельштама)'.

Героями стихотворений поэта становились не только композиторы, певцы, музыканты, но и дирижеры. Мандельштама очень интересовало таинство дирижерского искусства, исследователи жизни и творчества поэта отмечают, что он посещал не только концерты, но и репетиции для того, чтобы посмотреть, насколько по-разному работают дирижеры с оркестром. В стихотворении, написанном в 1935 году в Воронеже, встречаем следующую фразеологическую номинацию:

В театре публики лежало
Не больше трех карандашей,
И дирижер, стараясь мало,
Казался **чертом средь людей**.
(Стихи 1908-1937 годов;
«Тянули жилы, жили-были…»; 1935)

В приведенном контексте поэтический фразеологизм **черт средь людей** называет дирижера концерта, проходившего в летнем театре в Первомайском саду Воронежа. Значение единицы очень экспрессивно, формирует его преимущественно именной компонент, бывшее имя существительное, имеющее значение: 'о том, кто ловок, смел, удачлив в каком-нибудь деле (прост.)'. Очень образно оценивается деятельность описываемого персонажа, дирижера, который управляет музыкальным коллективом с помощью специальных жестов и мимики. В характере и стиле дирижирования отражаются особенности личности дирижера, понимание им музыкального произведения.

Личное существительное *чорт* (сохранена орфография, отраженная в поэтическом тексте О. Мандельштама. – Н.Г.) также является главным компонентом фразеологической единицы **последний чудный чорт в цвету**:

Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чорта было — ты четвертый,
Последний чудный чорт в цвету.
(Первая воронежская тетрадь;
«За Паганини длиннопалым…»; 1935)

Это знаменитое воронежское стихотворение создано по свежим музыкальным впечатлениям от концерта скрипачки Галина Баринова. «6 апреля 1935 года Рудаков писал жене: "Вчера были на концерте скрипачки Бариновой... У нее невероятный цветаевский темперамент, 22-летняя молодость и неартистичная живость"» (Мандельштам 1997:614).

Именной компонент поэтического фразеологизма **последний чудный чорт в цвету**, личное существительное *чорт*, употребляясь в переносном значении, положительно характеризует талантливую героиню, указывает на ее личные качества (темперамент, эмоциональность) и на успешную музыкальную деятельность. Зависимые компоненты, качественные прилагательные *последний, чудный*, вносят коннотативные элементы в значение единицы; конкретное существительное *цвет*, имеющее окончание *у* вместе *е* в предложном падеже с предлогом ***в***, приобретает наречный характер (ср. *как в соку*) и указывает на молодость скрипачки. Семантические элементы значений бывших самостоятельных частей речи, ставших теперь компонентами фразеологической единицы, взаимодействуя, формируют поэтический

фразеологизм, который номинирует Галину Баринову, солистку Московской филармонии, ее эмоциональность, живость, молодость.

Таким образом, анализируемые поэтические фразеологизмы характеризуют музыкальную деятельность лица и обозначают известных творческих людей, жизнь и деятельность которых связана с музыкой: композиторов, дирижеров, скрипачей, пианистов, певцов. Фразеологические номинации в поэтических текстах Мандельштама отличаются удивительной точностью артистического портрета, контекстуальное окружение усиливает коннотативную составляющую значения единиц. В формировании семантики важную роль играют именные компоненты, во-первых, способствующие созданию атмосферы диалога, дискуссии в стихотворении, непосредственности беседы, важности этого общения для поэта (*собеседник, спорщик, старик*); во-вторых, употребление компонентов-зоонимов (*ласточка, конёк, горбунок*) формирует экспрессивный, запоминающийся образ; в-третьих, положительная оценка личностных качеств и характеристика деятельности описываемых персонажей дается с помощью переносного значения именных компонентов, первоначально имеющих негативную коннотацию (*черт/чорт*).

1. *Гаспаров М.Л., Ронен О.* Похороны солнца в Петербурге: (О двух театральных стихотворениях Мандельштама) // Звезда. – 2003. – № 5. – С. 207-219.

2. *Мандельштам О.Э.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлена; Вступ. статья С. Аверинцева. – М.: Худож. лит., 1990. – 638 с.

3. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; Сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. – СПб.: Академический проект, 1997. – 720 с.

асп. М.С. Горбунова (Великий Новгород)

ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ КОНСТРУКЦИЕЙ С ПРЕДЛОГОМ *ДО*

Значение интенсивности признака в текстах Достоевского выражается часто и разнообразно: префиксами субъективной оценки (*несколько дам <…> **пре**любезных и **раз**весёлых*); грамматическими показателями синтетической и аналитической превосходной степени прилагательных в элативном значении (*Это **самый** правдивый, **самый** деликатный, **самый** ангельский человек!; глуп**ейш**ий случай грабежа);* качественными и количественными прилагательными и наречиями (*Все как – то уж **очень** серьёзны*; ***ужасно** весело рассмеялся*); единицами с идиоматическим значением *(кричал **изо всей силы***); частями сложных предложений (*Кроме того, вечером, у меня в номерах, я возненавидел её до того, **что решился убить**)* и др.

Мы рассмотрим одну из разновидностей средств интенсификации - конструкции «***до +** *», которые во многих случаях являются индивидуально авторскими употреблениями и придают неповторимый колорит повествованию. В тексте романа «Бесы» около 40 контекстов с подобными сочетаниями (с учётом повторяющихся).

В.В.Виноградов назвал эти предложно-падежные сочетания качественными наречиями, относя предлог *до*, «служащий для обозначения предела, степени качества и действия», к «грамматическому средству» их «префиксального образования» [Виноградов 1972: 287]. В СОШ конструкции *до ужаса, до страсти, до невероятности, до невозможности, до крайности, до чрезвычайности* отмечены как фразеологические выражения, «общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова» [СОШ 2006: 8]. Все 6 единиц, согласно их зафиксированным ЛЗ, дают лишь количественную характеристику тем словам, к которым примыкают, например: До страсти – ‘очень сильно’ или ‘очень много’ (***«<…>*** *и* ***любил*** *эту роль* ***до страсти<…>»***); До невероятности – ‘чрезвычайно’, ‘очень’ (*«****Злопамятна*** *же была* ***до невероятности***») и др. В СФСРЯ перечисленные выше конструкции, а также ***до смешного, до боли, до одури*** входят в синонимический ряд фразеологизмов, лексической доминантой которого является лексема ***очень*** с частным значением ‘в высшей степени, необычайно’. [СФСРЯ 2009: 134]

В БАСе конструкция «***до+***» в словарной статье по опорной именной части отмечены либо тильдой, которая используется при показе фразеологии, либо знаком а, употребляющимся (в одном из 4–х своих назначений) при выделении устойчивых (типичных) и терминологических словосочетаний. В словаре фиксируются 9 конструкций: ***До смешного*** (‘очень’, ‘чрезвычайно’) и ***до боли*** (в значении наречия и с двумя ЛСВ а) ‘очень сильно’, ‘чрезвычайно’; б) ‘до предела’, ‘до крайности’) отнесены к фразеологизмам, остальные же конструкции выделены как устойчивые словосочетания. Сочетание же ***до одури***, отмеченное в Словаре фразеологических синонимов, в БАСе не закреплено, хотя в примере, демонстрирующем употребление слова *одурь*, его можно наблюдать: «Роса смочила сверху донизу каждый его [конопляника] стебель; сильный ***до одури*** запах был кругом».

Итак, конструкций «***до +»*** с идиоматическим значением выражение интенсивности в словарях представлено менее трети из тех, которые употреблены в тексте романа «Бесы». Из фиксированных в словарях в романе «Бесы» употреблены: *До крайности* (5), *до странности* (3), *до невероятности* (3), *до ужаса* (2), *до страсти* (1), *до невозможности* (1), *до смешного* (1), *до боли* (1), *до одури* (1), *до чрезвычайности* (1).

Нефиксированными в словаре, индивидуально-авторскими являются единично употребленные *до безрассудства, до забвения, до зверства, до резвости, до жадности, до желчи*, *до позора, до дикости, до фанатизма, до хитрости, до нищенства, до ярости*, и дважды употребленные *до суеверия* и *до кровомщения*.

Подавляющее большинство рассматриваемых интенсификаторов встречается в речи хроникёра, по 4 употребления в высказываниях Николая Ставрогина и Петра Верховенского, одно употребление в речи Лизы Дроздовой.

Практически во всех случаях носителями интенсифицируемых с помощью рассматриваемой конструкции признаков являются люди: Ставрогин (4) (*Ощущение счастья, ещё мне неизвестного, прошло сквозь сердце моё даже до боли*), Ставрогина (3) (*Злопамятна же была до невероятности*), Юлия Михайловна фон Лембке (3), Пётр Верховенский (2), Степан Верховенский (2) (*он до смешного не переменился!*), Виргинская (2) и др., а также

группы людей (например, гости, дамы губернского общества (*Остальные гости или представляли собою тип придавленного до желчи благородного самолюбия, или тип первого благороднейшего порыва пылкой молодости*) и отдельные слои общества: (например, новое поколение литераторов (*Они <литераторы> были тщеславны до невозможности*).

Тот признак, который интенсифицируется, выражен различными частями речи: именами существительными (*авторитет*), краткими и полными именами прилагательными *злопамятна, сильное*), глаголами (*любил, возненавидел*), наречиями (*скоро, почтительно*).

Признаки интенсифицируются самые разнообразные. Чаще всего это отношения героев (к жизни, к своему положению, «гражданской роли», связям с «высшим миром», деньгам, к преступлению, к другим героям): (*до крайности* ***ценила*** *свои <…> связи с «высшим миром»; Все вас* ***ждут*** *до невероятности)*; внутренние черты персонажей (свойства характера, душевные качества, психологические и ментальные особенности и способности): (*Он был* ***целомудрен и стыдлив*** *до дикости; до крайности* ***строптивый и раздражительный***), потребности героев в чём-либо, наклонности (*а убеждениям своим* ***предавался*** *до фанатизма)*, а также испытываемые ими чувства (душевное состояние) (*Догадавшись, что сглупил свыше меры, -* ***рассвирепел*** *до ярости*).

Единичны случаи, когда интенсифицируемый признак обозначает внешнюю характеристику героя (*Она смотрела на меня до ужаса* ***неподвижными*** *глазами*); особенность поведения и внутреннего состояния (*В самое последнее время она стала* ***весела*** *как – то до резвости*); характеристику походки героини, не свойственную ей (*кто – то входил до странности* ***скоро****, точно бежал, а так не могла входить Варвара Петровна*); положение героя в обществе и отношение общества к нему (***Авторитет*** *Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности*); оценочную характеристику вечера чтения у Юлии Михайловны (*Вышло некрасиво,* ***глупо*** *до позора*); неизменность во времени внешности героя и манеры поведения (*он до смешного* ***не переменился***).

Иногда фразеологизмы-интенсификаторы, помимо основной функции количественного преобразователя некого свойства объекта, могут пояснять другие интенсификаторы – нефразеологизмы при том же свойстве (*она <…> ограничилась* ***самым крайне*** *необходимым,* ***до нищенства****; мне и вообще тогда* ***очень*** *скучно было жить,* ***до одури***), а также повышать в степени уже количественно преобразованное свойство (*подчинённого* ***толку*** *у него было* ***довольно****, даже* ***до хитрости****;* ***до странности сильное влияние****;* ***авторитет*** *Варвары Петровны* ***поднялся до чрезвычайности*****).**

Из приведенных примеров видно, что разнообразным у Достоевского является именной компонент конструкции. Варьирующиеся именные части выражены именами существительными, содержащими обычно сему «интенсивность»: ***До страсти***, где *страсть* – 1.‘сильная любовь, сильное чувственное влечение’. 2.‘сильно выраженное чувство, воодушевлённость’. 3.‘крайнее увлечение, пристрастие к чему-либо’ [СОШ 2006: 772]; ***до крайности***, где *крайность* – ‘крайняя степень чего-н., чрезмерное проявление чего-н.’ [СОШ 2006: 302]; ***до ярости***, где *ярость* – ‘сильный гнев’ [СОШ 2006: 919] и др. Предлог **до** по одному из 6 ЛСВ «употребляется при указании на

степень, которой достигает действие или состояние» [КСРЯ 2007: 227].

Именные компоненты конструкций, одновременно реализующие качественные и количественные семы, дают оценку интенсивности признаков, что осуществляется 1)с позиций **субъекта**, когда оценка интенсивности является результатом либо воздействия сильной концентрации интенсифицируемого признака объекта на субъект (*она смотрела на меня **до ужаса** неподвижными глазами* (неподвижность глаз наводит ужас на субъекта), либо объективного отождествления интенсифицируемого признака объекта с некой крайностью, (*На дуэли он мог стоять под выстрелом противника хладнокровно, сам целить и убивать **до зверства** спокойно);* 2)*с позиций* **объекта**, когда оценка интенсивности является результатом воздействия высокой концентрации интенсифицируемого признака объекта на сам объект, (*Они резко разделились на две стороны – в одной обожали его, а в другой **ненавидели до кровомщения**; но без ума были и те и другие* (сильная ненависть приводит объект к желанию мстить кровью); 3)с позиций субъекта, говорящего о себе как объекте, когда оценка интенсивности является результатом воздействия высокой концентрации интенсифицируемого признака объекта на субъект (*Мне и вообще тогда очень скучно было жить, **до одури**).* Именные части интенсификаторов, употребляющиеся контекстуально лишь в значении степени, оценку интенсивности не дают (речь идёт об именных частях сочетаний ***до крайности, до чрезвычайности***).

Семантический эффект обеспечиваемый интенсификатором зависит от позиции его по отношению к называемому признаку. В тексте романа наблюдаются самые различные позиции употребления исследуемых конструкций: 1)контактная препозиция: ***до крайности нужен**; 2)*контактная постпозиция: *Догадавшись, что сглупил свыше меры, - **рассвирепел до ярости**;* 3)дистантная синтаксически связанная постпозиция: ***любил** эту роль **до страсти**, - так даже, что, мне кажется, без неё и прожить не мог* (здесь ***до страсти*** является частью градации ***любил – до – страсти – без неё и прожить не мог***, элементы которой представляют собой упорядоченные как по нарастанию количественного признака, так и по усложнению формы (от слова к предложению) единицы языка); 4)дистантная синтаксически несвязанная постпозиция: ***Авторитет** Варвары Петровны поднялся **до чрезвычайност***; 5)дистантная синтаксически несвязанная препозиция: ***до странности** сильное **влияние***. Дистантная синтаксически связанная препозиция не выявлена.

В 4-м и в 5-м случаях единицы ***до странности, до чрезвычайности*** количественно определяют ***влияние***, ***авторитет,*** словам же с контекстуальным значением степени ***сильное***, ***поднялся,*** с которыми синтаксически связаны выражения ***до странности***, ***до чрезвычайности***, отводится роль посредников при осуществлении интенсификации. Интенсификаторы *до+* в данном случае указывают и на меру степени.

Лишь одна из повторяющихся фразеологических единиц (***до крайности***) всегда находится в контактной препозиции, остальные же повторяющиеся элементы не имеют чётко фиксированного положения.

Сочетание ***до суеверия,*** встречаясь дважды в одном и том же контексте, выступает как в пре-, так и в постпозиции по отношению к разным интенсифицируемым признакам, а также заканчивает один и начинает другой отре-

зок речи, образуя тем самым синтаксическую фигуру анадиплосис, цель которой, по–видимому, передача нарастания эмоционального настроя говорящего, а также выражение иронии к объекту речи: *Здорова и вас уважает* ***до суеверия, до суеверия*** *многого от вас ожидает.*

В. В. Виноградов, описывая синтаксические функции качественных наречий, отмечал: «наречия, обозначающие предел или степень качества и действия <…> [стоят] обычно позади определяемых слов (вроде: *до чёртиков, дозарезу, досыта* и т. п.)» [Виноградов 1972: 298]. Тогда можно предположить, что *гордились до странности*– прямой порядок слов, а *до невероятности высоко* – инверсированный, функция которого – эмфатическая. Хотя инверсированных случаев меньшинство, логическое ударение падает на интенсификатор всегда, благодаря, по – видимому, усложнённости формы (предлог + имя) и содержания (такие единицы имеют по 2 значения – а) идиоматичное, количественное; б)вытекающее из значения именной части, качественное или количественное, идущее подтекстом и дающее оценку интенсивности по различным параметрам).

В некоторых случаях при ***до +*** в препозиции употреблена частица *даже*, которая выделяет интенсификатор, придавая ему оттенок неожиданности, и усиливает его действие (*Ощущение счастья, ещё мне неизвестного, прошло сквозь сердце моё* ***даже до боли***).

Имеются три контекста, в которых ***до+*** отделены от интенсифицируемого признака запятой (*Она высчитала всё необходимо нужное и, надо отдать ей справедливость, ограничилась самым крайне* ***необходимым, до нищенства)***. В данном случае качественно-количественные интенсификаторы (***до+***) не только выражают оценку интенсивности свойства объекта, но и поясняют стоящие при этом свойстве количественные интенсификаторы, указывая их меру.

Благодаря контекстуальному окружению фиксированных в словаре конструкций, а также свежести и новизне индивидуально – авторских образований расширен функциональный пласт интенсификаторов, которые, помимо выражения количественного и выделения интенсифицируемого признаков, указывают меру степени (поясняют или увеличивают в степени стоящий при свойстве объекта другой интенсификатор), дают оценку интенсивности, а также привносят различные смысловые (неожиданность, ирония) и эмоциональные оттенки.

Виноградов 1972 – Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2 – е изд. - М.: Высшая школа, 1972.

Достоевский 2005 - Достоевский Ф. М. Бесы: Роман. – СПб.: Азбука – классика, 2005.

КСРЯ 2007 – Комплексный словарь русского языка/ А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова и др.; под ред. А. Н. Тихонова. – 3 – е изд. – М.: Русский язык – Медиа, 2007.

СФСРЯ 2009 - Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. Н. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. Н. Мокиенко. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2009.

СОШ 2006 – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4 – е изд. – М., 2006.

д.ф.н., профессор В.Г. Дидковская (Великий Новгород)

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: СЛОВАРЬ И ТЕКСТ

Понятие *современная русская фразеология* является неопределенным по содержанию и расплывчатым с точки зрения хронологических показателей так же, как, впрочем, и представления о границах «современности» современного русского языка. Считать ли современными только те фразеологизмы, которые соответствуют языковому вкусу эпохи или связаны с языковой модой, или современная фразеология – это все те обороты, которые включены во фразеологические словари, вышедшие уже в XXI веке? Если обратиться к толкованию слова *современный*, то по отношению к фразеологии применимы такие его значения, как *свойственный настоящему, текущему времени* и *вызванный потребностями своего времени, актуальный* (МАС IV, 177). Таким образом, современная фразеология связана, с одной стороны, с «текущим моментом», а с другой, – актуальна для носителей языка, соответствует их коммуникативным потребностям.

Временн***о***й аспект понятия *современный* определяет состав и объем словаря, который его авторы назвали современным фразеологическим словарем (А.В. Жуков: 2009). Это не только издание «настоящего времени», на что указывает дата на обложке, но и словарь нового типа, как отмечается во вводной статье, представляющий собой «фразеологический срез современного русского языка в границах совсем небольшого временн***о***го промежутка, охватывающего события последних лет» (с. 4). Эти качества словаря обусловлены тем, что его источниками послужили тексты газетной публицистики, в которых отразился «дух эпохи», получивший воплощение в разных языковых средствах, в том числе и фразеологических.

Качественно-количественные параметры словаря свидетельствуют о том, что состав современной фразеологии достаточно обширен (около 1600 единиц), и отнюдь не сиюминутен. Как оказалось, для создания диалога с читателем современные журналисты используют разнообразные по семантике, экспрессии, культурным связям и коммуникативной освоенности фразеологизмы: *авгиевы конюшни, подбавить адреналина, альфа и омега, за тридевять земель, без руля и без ветрил, белый и пушистый, бить челом, ботать по фене, бред сивой кобылы, голосовать ногами, голый король, филькина грамота, грош цена, наводить тень на плетень, наводить шороху, накатать телегу, накрыться медным тазом* и др. Интересно отметить, что почти 2% от общего количества единиц, представленных в словаре современной фразеологии, составляют фразеологизмы библейского происхождения, например, *альфа и омега (книжн.), блудный сын (неодобр.), бросать камнем (камень), в поте лица, в мгновение ока, вносить свою лепту (книжн.), во главу угла (ставить), возвращаться на круги своя (книжн.), (тайна) за семью печатями (разг.), зарывать талант в землю, золотой телец (книжн.), камень преткновения (книжн.), козел отпущения (чаще*

ирон.), колосс на глиняных ногах (книжн.), краеугольный камень (книжн.), манна небесная (книжн.), не оставить камня на камне (книжн.), ни один волос не упадет с головы (разг.), посыпать голову (главу) пеплом (книжн.), содом и гоморра (неодобр.), умывать руки (книжн., неодобр.), фиговый листок (книжн.) и др. Можно предположить, что их присутствие в *современном* словаре отражает изменения, произошедшие в последнее время в использовании библейских фразеологизмов: популярность Библии и обращение к библейским текстам широкой читающей публики повысили активность библеизмов в художественных и публицистических текстах (Мокиенко 1995: 143). Правда, материалы словарных статей не содержат сведений о степени активизации фразеологизмов-библеизмов в газетной публицистике, однако косвенные свидетельства их соответствия духу времени можно получить из словарных помет (или их отсутствия), а также из иллюстративного материала. Оказывается, например, что «книжность» библейских фразеологизмов, отмеченная составителями словаря, не влияет на их употребительность: соответствующая помета, указывающая, казалось бы, на несоответствие оборота раскрепощенному, часто даже сленговому тону современных газет, не соответствует количественному объему иллюстративного материала. Так, в словарную статью фразеологизмов *альфа и омега (книжн.), золотой телец (книжн.)* включены единичные текстовые примеры (так же, как и для «некнижных» *блудный сын, содом и гоморра)*, тогда как *обороты вносить свою лепту* или *козел отпущения* сопровождаются обширным иллюстративным материалом, ср.: ...В многочисленных сериалах и отдельных фильмах так или иначе главным мотивом жизни и преступлений являются деньги. Человек воспитывается в рабстве перед *«золотым тельцом» – Свою лепту … внесли* жители города, сначала не давшие задержать, а во время задержания требовавшие отпустить В. Белова…; И каждый из нас может *внести свою лепту* в это благое дело …; И собрались все эти люди в студии лишь затем, чтобы *внести свою лепту* в пиар «Тихого Дона» и др. Вероятно, в языке современной журналистики библеизмы актуализируют другие свои качества, не связанные со стилистической принадлежностью: они выполняют роль универсальных экспрессем на все случаи жизни (В.Г. Костомаров), которые привлекают и задерживают внимание читающих, а пишущим позволяют использовать образный и семантический потенциал библейских выражений.

Вместе с тем новизна Современного фразеологического словаря создается, безусловно, *новой* фразеологией, знакомой современным носителям языка не столько из книг, сколько на слух. Эти единицы с яркой экспрессией «устности», некнижности, отражающие новые сферы жизни и их оценку: *сто пудов, в одном флаконе, гнать волну, глухо как в танке, выше крыши, бабки отбивать, по полной отрываться* и др. Они пришли из молодежного жаргона, языка рекламы, бытового просторечия и других сфер общения, которым свойственна экспрессия фамильярности, нестандартности. Сиюминутность таких оборотов ясно осознается, поэтому некоторые из них, как представляется, еще не обрели статуса полноценных фразеологизмов, с привычной воспроизводимостью и идиоматичностью, но имеют черты «фразеологической фантомности», например, *висит стена, балансировать на краю пропасти, однорукий бандит, биться до последнего, без единого вы-*

стрела (сдать), играть по тем же правилам и др. «К *«фразеологическим фантомам»* … относятся воспроизводимые словосочетания (сочетания слов), по некоторым формальным признакам напоминающие фразеологизмы, но в действительности фразеологизмами не являющиеся» (Жуков 2009: 58). Такие обороты еще настолько явно связаны со средой, в которой они возникли, что скорее воспринимаются как метафорические словосочетания, чем как устойчивые единицы с целостным значением.

Однако словарь, даже имеющий целью представить современное состояние языка и четко определивший хронологические границы этой современности, не дает полного представления о коммуникативных предпочтениях современников, т.е. о том, например, какие фразеологические единицы являются живыми и активными в речи носителей русского языка. Дело в том, что, как правило, словари составляются на базе других словарей и определенной совокупности текстов (Добровольский, Караулов 1994: 101), а их авторы ограничены объемом словаря и своими субъективными вкусами и языковыми предпочтениям. Дополнительным источником сведений об актуальных в современном общении фразеологизмах может стать современная массовая литература, связанная с массовым обыденным сознанием, с языком текущего момента, средней языковой личности, которая задает «образ читателя» ее произведений. На этот источник указывает Ю.Н. Караулов в числе трех способов представления языка: 1) язык как система (его описания в словарях и грамматиках); 2) язык как сумма текстов на данном языке; 3) язык как факт языкового сознания носителя русского языка нашего века, существующий в виде ассоциативно-вербальной сети. Именно язык как сумма текстов открывает возможность дополнить словарное описание, максимально приблизив его к «образу» современной фразеологии в языковом сознании современников.

Фразеологизмы относят к той области языка, в которой воплощаются концепты национальной культуры, к тем ее единицам, которые влияют на формирование культурного самосознания народа. Присутствие фразеологизмов в литературном тексте должно, таким образом, свидетельствовать о его художественных достоинствах, созданных литературным и языковым мастерством его автора. Однако это яркое средство широко используется в произведениях массовой литературы. Как показало аналитическое чтение так называемых женских детективов, их «фразеологическое пространство» весьма объемно: так, в среднем по объему четырехсотстраничном романе содержится более тысячи единиц (с учетом повторяющихся), т.е. в среднем *на каждой странице* употреблено три-четыре фразеологизма: Значит, она, во-первых, не такая уж *важная шишка*…, а во-вторых, бедная, но гордая. … Такая, как Каменская, жаловаться и *качать права* не будет (А. Маринина, Игра на чужом поле); … права у Оборина есть, но если его остановит ГАИ, то *видок* он будет *иметь бледный.* …Одним словом, забирать машину Тамары он боялся. Но и не забирать нельзя, ведь угонят же, *как пить дать*. … лучше он сейчас доедет до Тамариного дома и заберет наконец машину. Хоть одной *головной болью* будет меньше (А. Маринина, За все надо платить); Ну, и на самом деле, *по большому-то счету*, смогли – никто из них не умер, не погиб в девяносто третьем у Белого дома, хотя все туда бегали и *изо всех сил лезли на рожон*, не спился, не стал законченным наркоманом или банди-

том. Все потихоньку *гребут* и выгребают *против течения*… (Т. Устинова, Гений пустого места).

Фразеологизмы обычно считаются приметой персонажной сферы художественного текста, так как их основной стилистической функцией является речевая характеристика героя. Однако в современной литературе (и не только массовой) самым распространенным типом текста по признаку «автор – персонаж» является своего рода современный «сказ»: автор усиливает позиции персонажа за счет замещения собственной позиции, передоверяя свою творческую функцию герою и идентифицируясь с ним как языковая личность. Фразеологизмы при этом оказываются не «чужим словом», а общей и характерной приметой современной речи: …а вот он им и без всякой гениальности покажет, *где раки зимуют*! …он почти сделал гениальное открытие! …Вот теперь посмотрим, *чья возьмет*, – покрутитесь-ка, поюлите, поуговаривайте меня! Мне от ваших пятидесяти тысяч хорошо если штуку отстегнут, а я и без вашей штуки нынче полный *кум королю и сват министру*! (Т. Устинова, Гений пустого места); Пусть руководство кафедры решает свои проблемы как хочет… *Дудеть в общую дудку* и пропускать явную халтуру он не намерен. Пожалуйста, пусть эти работы посылают на конкурс, … он возражать не будет, но и *делать вид*, что они хорошие, не будет тоже (А. Маринина, За все надо платить).

Фразеология вплетается в общую интертекстуальность современного романа, превращающую текст в нанизывание цитат, явных и скрытых, присловий и приговорок, дополненных перечислением примет современного быта: Я не могу тут… *антимонии разводить*, у меня *дел по горло*! Марков меня вчера как лягушку, препарировал, … и еще ты тут мне *нервы треплешь*! Говори быстро, ну! И царапина откуда?! *С самосвала упала? Тормозила головой*? (Т. Устинова, Саквояж со светлым будущим); К тому времени, когда он влился в армию *торговцев воздухом*, все *сливки* были уже *сняты*, поделены, частично проедены и вложены в *малиновые пиджаки* и пригнанные из Германии «*мерины*», вошедшие в моду (Т. Устинова, Гений пустого места).

Качественный состав фразеологизмов в женских детективах соотносится с материалами Современного фразеологического словаря и в то же время является отражением полифункциональности современной культуры. Фразеологическое пространство массовой литературы в этом отношении разнообразно и полифонично: в нем присутствуют единицы, связанные с книжной культурой (*ничтоже сумняшеся, не от мира сего, гомерическое веселье, расставить точки над і, дамоклов меч, возвращаться на круги своя, тайны мадридского двора, святая святых*), общеупотребительные обороты различной стилистической и эмоциональной окраски (*ни под каким видом, тянуть лямку, навострить лыжи, подводить под монастырь, не на жизнь, а на смерть, рот разевать* и др.), а также новые обороты с ярко выраженной принадлежностью современной речи, связанные с разными социальными кодами – жаргонами, арго, профессиональной речью: *пудрить мозги, держать удар, куда подальше, сто пудов, на счет раз, по полной программе, ясен пень, на понт брать, выше крыши, в клочки порвать, в одном флаконе* и др.

Таким образом, «современность» современной фразеологии обусловлена общими факторами, определившими функционирование русского языка

нашего времени: расширением сферы спонтанного общения, изменением важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации, а также ситуаций и жанров общения и в области публичной, и в области личной коммуникации, стремлением выработать новые средства выражения, новые формы образности (Русский язык …2000: 12-14). Состав фразеологии, отраженный в современном словаре и современных текстах отражает общие тенденции развития русского языка, в первую очередь, такие, как активная неологизация, повышенная экспрессивность и ориентация на «устность». В них же в свою очередь проявляется следование моде, языковому вкусу эпохи, в основе которого лежит общее стремление к свободе выражения, к обновлению культурно-речевых образцов.

1. *Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н.* Фразеология как явление живой русской речи // Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994.

2. *Жуков А.В.* Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник НовГУ. – 2009. – № 51.

3. *Жуков А.В.* Современный фразеологический словарь русского языка / А.В. Жуков, М.Е. Жукова. – М., 2009.

4. *Мокиенко В.М.* Фразеологические библеизмы в современном тексте / / Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб., 1995.

5.Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000.

6. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982-1984.

к. пед. н., доцент М. Е. Жукова (Великий Новгород)

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ)

Язык современных газет является ценным источником новых ФЕ и их авторских преобразований. Отличительной особенностью газетной речи сегодняшнего дня является её подверженность заметному влиянию просторечной и жаргонной среды. См., например: (Костомаров 1999); (Крысин 2000); (Чудинов 2001) и др. Именно разговорный язык стал главным ресурсом обновления лексико-фразеологического стиля газеты. Фразеологические единицы, появившиеся в русской речи постперестроечного времени – это своеобразные символы эпохи, отражающие сущность экономических, политических, социальных и культурных преобразований в современной России. Газетная периодика в первую очередь отражает любые новые тенденции в языке. Популярные фразеологизмы и крылатые выражения, ещё не так давно употреблявшиеся исключительно в устной речи, проникли в язык современной российской периодики и прочно утвердили в пространстве печатных СМИ свои позиции. В качестве примера приведём некоторые из них: *ниже плинтуса, от фонаря, на грани фола, не отходя от кассы, закатать в*

асфальт, в одном флаконе, выпадать в осадок, выпрыгивать из штанов, всё схвачено. При выборе данных ФЕ мы ограничились только теми фразеологическими новообразованиями, которые имеют все шансы на существование в будущем, понятны и известны носителям языка сегодня (Малински 1992).

В настоящей статье мы приводим иллюстрирующий их языковой материал, который был отобран методом сплошной выборки из периодических газетных изданий последних трёх лет.

ISBN 978-5-89896-359-0Начнём с фразеологизмов ***ниже плинтуса*** и ***опустить(ся) ниже (до) плинтуса***, получивших широкое употребление в нашей повседневной речи, но не нашедших пока отражения в современных фразеологических словарях. Этим оборотам можно дать следующие толкования: ***ниже плинтуса*** *– жарг., неодобр.* О чём-либо очень плохого качества или о ком-либо низкого уровня развития или ведущего себя непристойно (Ср.: ниже всякой критики). Даже в таких солидных изданиях как «Известия» и «Литературная газета» не составило большого труда отыскать публикации, авторы которых удачно, на наш взгляд, употребляют этот устойчивый оборот: *Как показало прошлогоднее исследование качественного состава абитуриентов столичных вузов, проведенное Ярославом Кузьминовым и Марией Добряковой, очень многие вузы набирали людей с уровнем знаний ниже плинтуса, лишь бы вписаться в контрольные цифры бюджетного приема.* Андрей Чернаков. Свидетели ЕГЭ. Известия, 28 июля 2010. *Ныне востребованы бойкие шоумены, снижающие уровень разговора до кухни, до лакейской, до плинтуса.* К. Лебядкин. Господи, усмири Радзинского! Литературная газета, 4 августа 2010 (№31).

Остро социальной маркированностью отмечен на современном этапе в узусе наших соотечественников уже не такой новый фразеологизм ***от фонаря.*** Но если до настоящего времени он функционировал в устной речи преимущественно в бытовом регистре, то на страницах газет стал употребляться для характеристики нашей социальной и политической действительности. *Тамошним так называемым специалистам приходится иной раз объяснять, почему оборот титульного листа издания заполняется не от фонаря, что все цифирки на нём важны библиотекарям…* Ольга Шатохина. Держать планку. Шесть вопросов издателю. Литературная газета, 3 февраля 2010 (№4). *Проблема в том, что реформирование ЖКХ осуществляется в России, как и многие другие реформы, непродуманно, «от фонаря», без просчитывания возможных вариантов его дальнейшего развития и жёсткого контроля над денежными потоками.* Фёдор Подольских. Слова в ступе «реформ». Советская Россия, 31 декабря 2009 (№145). Переключение регистров практически не изменило исходной семантики ФЕ ***от фонаря***, которая и в том и в другом контекстах употребляется в значении «как в голову придёт, наобум» (ср.: с бухты-барахты), хотя во втором контексте происходит приращение смысла за счёт переключения на социально-политический регистр. Исходное толкование требует расширения за счёт добавления слов «бездумно» и «безответственно».

Такое же переключение регистров произошло и с целым рядом других выражений, ранее уже распространённых в узусе, но в газетном дискурсе воспринимаемых как неологизмы. Из спортивной терминологии попал сна-

чала в нашу речь, а теперь уже и на газетную полосу фразеологизм ***на грани фола*** – «почти нарушая что-либо, на грани ошибки» (выражение связано со спортивным термином фол – «нарушение правил игры»). *И сам чествуемый, и все его друзья, коллеги, многочисленные родственники говорили интересно, небанально, стремясь – порой даже где-то «на грани фола» – нащупать нерв, болевую точку…*Даниил Чаплыгин. Беззаконная звезда. Литературная газета, 22 октября 2009. Целый ряд выражений, проникших сегодня из устной речи в пространство печатных СМИ являются, выражаясь в терминах когнитивной лингвистики, репрезентантами концепта «Обман». Среди них фразеологизм ***напускать (напустить) туман(у)***. Он имеет два значения: 1. Делать что-либо неясным, запутанным, намудрить. *Первое, о чём было сказано, – в стране нужен контроль за ценами на товары первой необходимости. И нечего напускать туман про некие рыночные регуляторы, говорили депутаты*. «Святой порыв» по указке. Советская Россия, 11 октября 2007 (№140). 2. *Неодобр*. Создавать ложное впечатление о себе, выдавать себя за кого-либо, прикидываться кем-либо (Ср. «пиариться», строить из себя кого). *Лишь на днях Павловский несколько рассеял напущенный им самим туман и заявил, что в повестку дня возвращается вопрос о власти.* Александр Фролов. Что на уме у «прорабов модернизации»? Советская Россия, 27 марта 2010 (№31). Фразеологическая единица ***брать (взять) на понт*,** как и предыдущая, вербализует концепт «Обман» и восходит к тюремно-лагерному жаргону. *Разумеется, в конкретных условиях шахтерского моногорода угрозы г-на Козового заменить всех китайцами есть не более чем попытка взять на понт.* Александр Фролов. Что такое трудовой народ? Советская Россия, 22 мая 2010 (№52). *Понт* – жаргонная единица, означающая получение пользы, выгоды, прибыли; хитрость, обман, маневр, следовательно, *взять на понт* следует понимать так: действуя обманным путём или запугиванием, добиваться от кого-либо чего-либо. Есть ещё другие ФЕ с этим словом. Например, *для понта*. Это также жаргонное выражение, используемое в значении «для видимости, ради апломба, с целью произвести впечатление на окружающих». Пример из газетного текста: *Если зарубежные богатеи покупают номера просто «для понта», то наши еще и извлекают из этого практическую пользу. Как говорят сами владельцы «блатных» наборов цифр, с ГИБДД проблем у них значительно меньше*. Максим Кузнецов. Счастливый номер. Труд, 22 июня 2007 (№108). Выражение *для понта* ассоциативно вызывает в памяти другой «модный» фразеологизм *для прикола*, хотя значения у этих устойчивых оборотов, будучи в некоторой степени сходными, всё же имеют существенные отличия. Ср.: *Молодежные флэшмобовские десанты, некогда придуманные «для прикола», кое-где трансформируются в мероприятия совсем нешуточного характера.* О. Джигиль. Блогосфера и мы. Советская Россия, 17 сентября 2009 // Отечественные записки (№16). Приведённые контексты вскрывают и различие ФЕ *для понта* и *для прикола*: *Для прикола* – это не только с целью произвести впечатление, ради апломба, но и часто в значении для забавы, развлечения, веселья. Последнее выражение своеобразный фразеологический маркер нашего времени. В нём нашло отражение стремление большой части нынешних россиян к получению по максимуму удовольствий и развлечений от жизни, весёлому времяпровождению и пе-

реоценке ценностей со знака плюс на знак минус. Сама жизнь у некоторых наших современников превращается в один «большой прикол».

Выражение ***не отходя от кассы*** в современных фразеологических словарях даётся с пометами «*прост» и «шутл.*» и употребляется в значении «тут же, на месте». Сегодня оно оказалось востребованным даже авторами серьёзных статей: *В самом деле, это довольно нелепо – громогласно заявлять о ликвидации таможенных границ, о создании единого экономического пространства трех стран, и тут же, как говорится, не отходя от кассы, изымать из этого пространства свой главный товар – нефть и газ.* Александр Фролов. Стратегия и «логика». Советская Россия, 12 января 2009 (№1). *ФСБ делает деньги, не отходя от кассы. Ведомство генерала Патрушева обложило данью весь российский бизнес*. Дина Давыдова. Новая газета в Санкт-Петербурге, 19–21 ноября 2007 (№88). *Не отходя от кассы выяснилось, что двадцать на четыре не делится, и шоуменам – Цекало и Светлакову – пришлось покинуть сцену. Места в зале одному из них тоже не хватило. «Весь вечер в вестибюле метро «Тургеневская» – Александр Цекало!» – посочувствовал коллеге Иван Ургант.* Божена Рынска. «Двадцатка евро, здравствуйте, мы тут!» Известия, 21 сентября 2009.

Неологизм ***закатать в асфальт*** имеет явный привкус «мафиозного» жаргона. Он некоторым образом перекрещивается с ФЕ *опустить ниже плинтуса* (Ср.: мокрого места не оставить; стереть в порошок и др.) Истолковать его можно следующим образом: угробить, похоронить заживо, убрать с концами, и следов не оставить. Среднее арифметическое – жестоко расправиться с кем-либо. Именно в таком смысле употреблён этот фразеологизм в приведённых ниже контекстах: *Недаром на прошедшей недавно пресс-конференции первый секретарь Новосибирского обкома КПРФ А.Локоть назвал эту избирательную кампанию в области «закатыванием в асфальт» оппозиции.* Владимир Вишняков. Нагадили – и в кусты. Технология клеветы. Правда, 6 декабря 2007 (№135). *ЗАКАТАЕМ КРИЗИС В АСФАЛЬТ. «Известия» выяснили, каким будет план модернизации российской экономики.* Владислав Иноземцев. Известия, 14 июля 2009. Реклама стала источником ещё одного «модного» фразеологизма, ставшего по частотности употребления своеобразным «чемпионом». Это ставшая необычайно популярной рекламная формула ***в одном флаконе.*** Приведём ряд примеров: *Существует некий глобальный индоевропейский миф о политическом управлении. Согласно ему, идеальное состояние власти – это власть царя и жреца в одном флаконе.* Сергей Лебедев. Возвращение Мерлина. Российская газета, 1 сентября 2007 (№ 193). *В ОДНОМ ФЛАКОНЕ.* Михаил Боде. В Пушкинском музее открылась экспозиция «Шанель. По законам искусства». Российская газета, 27 сентября 2007 (№214). *Околпачить массы электората – не в этом ли суть Барака Обамы как общественно-политическо-пиарного проекта? Обама – это не только «американский Горбачев»; он еще и американские Ельцин с Путиным в одном флаконе.* Бараки Обамы. Завтра, 3 декабря 2008 (№49). А вот пример авторского употребления ФЕ ***в одном флаконе***: *Первая постановка «энциклопедии русской жизни» на зальцбургской сцене оказалась противоречивой, взбалтывающей в одном флаконе и Чехова (!), и Чайковского, и советский застой, и – совсем в незначительном количестве – Пушкина, от которого осталась шикарная «канва» –*

любовь Татьяны к Онегину. Ирина Муравьева. Ни Пушкина, ни Чайковского. В Зальцбурге впервые показывают «Евгения Онегина». Российская газета, 28 августа 2007 (№188).

Фразеологизм ***выпадать в осадок*** довольно продолжительное время удерживает лидирующие позиции в рейтинге наиболее употребительных носителями русского языка разговорных фразеологизмов. Его используют как для описания сильнейшей степени удивления, граничащей с шоком, так и для характеристики процесса деградации, низведения «до уровня плинтуса». *Русская нация вынуждена с тоской наблюдать, как она «выпадает в осадок» под напором прежде всего выходцев из бывших кавказских республик.* Константин Григорьев. Отдыхающему В. Путину это место понравилось. Правда, 29 июня–2 июля 2007 (№68). К новым ФЕ, попавшим в печатные СМИ, относится достаточно грубое с эстетической точки зрения выражение ***выпрыгивать из штанов*** – стараться из всех сил делать (сделать) что-л, доказать кому-либо что-либо. Тем не менее и в устной и в газетной речи этот фразеологический оборот стал употребляться всё чаще: *Наши современные историки, новобранцы времён 90-х годов, буквально выпрыгивают из штанов, чтобы придумать свою правду о советском прошлом, подчёркиваю: не извлечь, а придумать, сочинить. И этой же страстью заражён целый сонм современных теледокументалистов*. Олег Попцов. Имиджевые муки. Литературная газета, 26 августа 2009 (№33-34). Фразеологизм ***всё схвачено*** стал своеобразным маркером нашего времени. «Широкий языковой узус порождает … символы, которые точно и объективно, хотя при этом весьма экспрессивно, маркируют наиболее болезненные явления своего времени» (Мокиенко 1996: 29). Весьма примечательно, что 15 лет назад в своей статье «Лапша (на ушах) как зеркало «новой русской» революции» В.М. Мокиенко называет доминантным символами советского времени слово *блат* и выражение *по блату*, «ярко отразившие злоупотребления, связанные с дефицитом» (Мокиенко 1996: 29).

Сегодня доминантным символом, выражающим, пожалуй, самое болезненное явление современной демократической России – коррупцию и связанное с нею сверхобогащение олигархической и властной верхушки – стало выражение ***всё схвачено***. Вкупе с такими устойчивыми оборотами как *на грани фола*, *опустить ниже плинтуса*, *выпасть (уйти) в осадок* и *закатать в асфальт* ФЕ *всё схвачено* отражает смысл происходящих процессов в современной России. Так же, как в советские времена выражение *по блату*, выражение *всё схвачено* – запоминающийся символ сегодняшнего дня: «*Свои убогие сочинения они тиражируют за собственный счет, умудряясь получать первые премии на всероссийских конкурсах, а потом выходят на книжную ярмарку в поисках рынка сбыта. У них это называется «всё схвачено»*. Лариса Ягункова. Послесловие к книжному форуму. Бестолковый юбилей. Правда, 18-19 сентября 2007 (№102). *Здесь, у нас, никакой конкуренции нет. Кажется, что к телу страны присосалась колония мохнатых страшных пауков, которые не дают бедной России перевести дыхание…»Всё схвачено» – причём не железными болтами и гайками, а липкой ядовитой слюной, обволакивающей рассудок и волю нации.* Андрей Фефелов. Химера. Завтра, 24 марта 2010 (№12). Интересно в этой связи привести найденную по поиску «Всё схвачено» информацию из Интернета:

«Нашёл интервью с Лорой Квинт, в котором она говорит, что песню для Николая Караченцова «Всё схвачено, за всё заплачено» она написала в 1985 году. Но я выражение точно услышал в 1975 году. Часто звучит в паре с «за всё заплачено», иногда – «схвачено» бывает «железно». Изредка: «схвочено» и «уплочено». Ощущение, что «у них всё схвачено, за всё заплачено» было в какой-то из «блатных» песен начала века — кажется, кто-то из «эмигрантов» (типа Льва Рубашкина) перепевал; но точно, к сожалению, не помню. Но, вероятно, и эта блатная песня — не первоисточник…свои люди, территория помечена, участки застолбили, т.е. идея собственности, ну и контроля тоже, естественно. Схватил, ухватил, держу, пользуюсь, имею» (forum.lingvo.ru actualthred. aspx).

В Новой газете 5-8 июля 2007 (№50) под заголовком с этим фразеологизмом была помещена публикация Нины Петляновой. *ВСЁ СХВАЧЕНО И ВСЁ ОПЛАЧЕНО.* Лид, помещённый под этим заголовком, вводит в курс дела: *Директор Михайловского театра миллиардер Владимир Кехман утверждает, что ведет сегодняшние ремонтные работы в здании на площади Искусств на свои личные деньги. А также имеет все необходимые предписания на корректировку интерьеров исторического памятника и соблюдает существующие нормы и правила в ходе этих работ.* Эти строки сразу проясняют заголовок. По крайней мере, становится понятно, у кого «всё схвачено» и «за всё заплачено». Удачно подобранный для заголовка фразеологизм, который у всех сегодня «на слуху», привлекает внимание читателя, а в совокупности с лидом пробуждает интерес к статье и желание прочесть её до конца. Кстати, фразеологизм *вешать лапшу (на уши)*, который В.М. Мокиенко называет языковым символом постперестроечного периода (Мокиенко 1996: 35), за прошедшие полтора десятка лет не утратил своей функциональной активности и в речевых практиках, и в Интернете и в периодике. Напротив, смысловой потенциал этого выражения проявился в ещё большей степени, так как все прошедшие со времени написания статьи годы популярность его не только не спадала, но удерживалась и удерживается до сих пор на прежнем высоком уровне. В современной газетной периодике достаточно примеров его использования. Вот один из них: *«Доступное жилье» – лапша на уши граждан, – утверждает депутат-коммунист из Красноярска Владислав Юрчик, избранный в Госдуму пятого созыва*. Галина Платова. За порогом «доступного жилья». Плоды «нацпроекта». Советская Россия, 19 января 2008 (№5).

К уже приведённым выше примерам авторских преобразований новых ФЕ добавим ещё один, в котором расширение фразеологизма происходит за счёт усложнения одного из компонентов. Так, «модный» сегодня фразеологизм *без прибамбасов* преобразован журналистом «Литературной газеты» в трансформ *без телеприбамбасов*: *В первом фильме без модных телеприбамбасов, но честно и с несвойственным нашему ТВ участием рассказывается о подвиге экипажа Ту-154, совершившего жёсткую посадку в неприспособленной для больших самолётов Ижме.* Александр Кондрашов. Подвижники и олигархи. Литературная газета, 20 октября 2010 (№41). Как видим, здесь расширение фразеологизма происходит за счёт усложнения одного из компонентов. Это весьма распространённый приём, используемый журналистами как в качественной, так и в массовой прессе (Бобунова 1992).

Новые фразеологизмы заимствуются журналистами не только из разговорной стихии. Обновление фразеологического актива «акул пера» происходит в ряде случаев за счёт других источников. Буквально в последние годы в пространстве СМИ набирает обороты фразеологизм ***говорящая голова***. В цитатном материале из газет недостатка нет. Вот лишь некоторые из них: *…Перемещение на канал «образа» Тиграна Кеосаяна, который почти 200 раз за год на РЕН ТВ натужно пытался развлечь уже постоянно отключавшихся от него зрителей, кажется весьма странным. Новизна семейного проекта «Ты и я» с его ведением будет размыта уже давно «замыленным» лицом и заболтана напрочь выдохшейся «говорящей головой»*. Константин Ковалёв-Случевский. Кризисный хруст. Новый ТВ-сезон: начало идентично концу. Литературная газета, 2 сентября 2009 (№35). *Ну а сегодня телевидение окончательно стало витриной и сутью общества потребления – сплошной гламур, наглая реклама – политическая и ширпотребская, навязывание низменных желаний. Чем заполнен эфир по преимуществу? «Говорящими головами» тех, кто обрыдл за много лет промывания мозгов, «мыльными» и милицейскими телесериалами, скандальными программами, низкопробным юмором.* Александр Бобров. Ноябрь с лаком и таком. Советская Россия, 28 ноября 2009. Всё чаще на газетной строке встречается фразеологическая единица ***на голубом глазу*****:** *По телевидению о Радзинском как историке, конечно, говорить не приходится. Вспомним хотя бы печальную историю с названием его книги «Господи, спаси и усмири Россию»: в дневниках Николая II значилось не «усмири», а «умири», что кардинально меняет дело. Автор на голубом глазу пытался уверить публику, что он всего лишь усилил императорскую сентенцию.* К. Лебядкин. Господи, усмири Радзинского! Литературная газета, 4 августа 2010 (№31). В Российской газете не так давно появилась публикация, посвящённая проблеме ценового сговора газовых компаний под заголовком, для которого автор употребил трансформ этого неологизма: *НА ГОЛУБОМ ГАЗУ.* Александр Скрипов. Российская газета, 20 октября 2010 (№237). В таком названии содержится высокий аллюзивный потенциал, а потому заголовок удачен.

Из новых иноязычных заимствований отметим фразеологизм ***выносить скелеты из своих чуланов (из шкафа***) в значении «разоблачить (раскрыть) чью-либо тайну, разоблачить секретные материалы, найти компромат против кого-либо». На сегодняшний день широкое употребление этой ФЕ в русской речи подтверждается обширным электронным, а так же газетным материалом: *Как пишет «Нью-Йорк Таймз», длинные разделы, подвергнутые цензуре, доказывают, что ЦРУ ещё не может вынести скелеты из своих чуланов, и многие действия, проводившиеся в ходе зарубежных операций, проверенные годы назад журналистами, членами комиссии конгресса по расследованию и президентской комиссией, подробно в документах не описываются.* Фидель Кастро Рус. Машина убийств. Советская Россия, 3 июля 2007 (№89-90). *Депутат Госдумы профессор МГИМО Владимир МЕДИНСКИЙ, автор нескольких книг о мифах, придуманных о России и русских (среди них лень, пьянство, неопрятность, глупость), развенчивает очередные сказки о нас в готовящейся к печати книге «Скелеты из шкафа русской истории».* Лариса Кафтан. Кто придумал, что русские – лодыри и пьянчуги? Комсомольская правда, 10 сентября 2010 (kp.ru/daily/24555/730859/).

Пример авторского использования этой ФЕ был найден в Интернете: *Журналисты печатных СМИ публикуют сведения из анонимных источников, что Кремль проводит кампанию по зачистке региональной элиты, дав отмашку на выемку пахнущих нафталином скелетов из бронированных шкафов, а аналитики строят гипотезы о том, что за всем этим стоит*. Наталья Виноградская. Политическая «перезагрузка». Кремль избавляется от губернаторов ельцинского набора. 19 апреля 2004 (www.wps.ru/ru/pp/tv-review/2004/04/19.html) Здесь использован часто используемый приём расширения словарного состава фразеологизма.

Так же к новым англоязычным заимствованиям следует отнести фразеологизм ***хромая утка***. Он впервые зафиксирован в нашем (совместно с А.В. Жуковым) Современном фразеологическом словаре, где приводится целый ряд цитат из разных газетных изданий. Приведём словарную статью о хромой утке целиком: **ХРОМАЯ УТКА**. *Нов. Полит. Неодобр.* Калька с англ. lame duck. 1. Государственный деятель, политик, утративший былой авторитет в глазах общественного мнения, электората. *Впрочем, бизнесу нужна еще одна гарантия – что Путин (или его преемник) сдержит своё обещание и после 2008 года. А для этого ВВП надо показать, что он – не хромая утка. И не станет ею даже после отставки.* Андрей Седов. Банный день. Комсомольская правда, 6 февраля 2007 (№17). *Буш действительно морально устал. Его с головой утопили в грязи иракской войны. Причем утопили не только СМИ всего мира, но, что куда хуже, в Капитолии. В этой ситуации рискнет ли «хромая утка», да просто хватит ли у нее моральных сил еще раз взмахнуть ракетными крыльями.* Леонид Радзиховский. Удар хромой утки. Российская газета, 3 апреля 2007 (№68). *И вот демократы в конгрессе сочли необходимым нанести ещё один удар по «хромой утке» (так в Америке называют президента, вскоре уходящего в отставку)*. Вячеслав Тетёкин. Старая дружба не ржавеет. Советская Россия, 9 августа 2007 (№109). *В.А. Зубков назначен премьером не на прощальные полгода президента («хромой утки», как на Западе в таких ситуациях традиционно называют глав государств), а в качестве главы правительства для следующего кремлевского обитателя (впрочем, комментаторы и наш герой допускают, что Зубков и сам может оказаться наследником)*. Виктор Маслинин. Царевна-лебедь или «хромая утка»? Предвыборные кадровые маневры президента. Правда, 20 сентября 2007 (№103).

* *УДАР ХРОМОЙ УТКИ*. Леонид Радзиховский. Российская газета, 3 апреля 2007 (№68). (Жуков А.В., Жукова М.Е. 2009: 414-415).

Сегодня к нашей картотеке добавилось более десятка цитат из прессы и Интернета, которые свидетельствуют о возросшей популярности этого фразеологизма преимущественно в политическом и спортивном дискурсах. Толкование фразеологизма может быть более развёрнутым и точным, чем в нашем словаре. Уточнить и конкретизировать смысл данной фразеологической единицы помогла статья профессора Василия Ванчугова, которая размещена в Интернете. Вот как он определяет значение этого заимствования. «**Хромая утка**» означает политика, утратившего былой авторитет в глазах общественного мнения и которому уже больше не суждено быть переизбранным на новый срок. «Хромая утка» / lame duck – политический термин, имеющий множество смыслов и подсмыслов. В узком смысле слова, «хро-

мая утка» – это неэффективный, слабый руководитель. В широком смысле, «хромыми утками» называют политиков, которые проиграли выборы (варианты: отказались участвовать или не имели права участвовать в выборах) и занимают свой пост лишь потому, что новая власть не успела вступить в свои права (Ванчугов 2005). Президент США, который отрабатывает свой второй срок в Белом Доме и по Конституции не имеет права баллотироваться на третий, автоматически не превращается в «хромую утку». Он приобретает этот малопочетный титул в последний год своего пребывания у власти, а также в случае, если по разным причинам лишается поддержки в Конгрессе, в рядах своей партии и у избирателей. Это значительно ограничивает возможности президента в сфере принятия важных решений и назначений чиновников на ключевые посты.(Ванчугов 2005). Кроме того, Василий Ванчугов подробно останавливается в своей публикации на этимологии и истории данного выражения. Поскольку учёный жил и работал в течение продолжительного периода в США, его информация является весьма ценной в аспекте разработки словарной статьи для фразеологического словаря.

В завершение статьи приведём уместное в связи с темой нашей статьи высказывание Б.М. Гаспарова: «В языке должны всё время появляться всё новые выражения, образная основа которых ощущается говорящими со всей яркостью и «свежестью», иначе языку грозит смысловое омертвление» (Гаспаров: 262).

Бобунова М. А. Не вырубишь топором (О заголовках в «Комсомольской правде») // Русская речь. – 1992. № 5. – С. 58-60.

*Ванчугов В. В.*Политическая орнитология: утиные истории... 2.12.2005 http://www.humanities.edu.ru/db/msg/78358

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/index.php С.262.

Жуков А. В., Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка. – М.: Астрель. АСТ, 2009. – 445 с.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999.

Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91.

Малински Т. Возникновение новых фразеологических единиц // Русистика. – Берлин, 1992. № 2. – С. 67-76.

Мокиенко В. М. Лапша (на ушах) как зеркало «новой русской» революции // Русистика. – Берлин, 1996. № 1-2. – С. 29-41.

Охота за цитатами [Actual Forum] forum.lingvo.ru actualthred. aspx.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991- 2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

асп. А.А. Зюзина (Санкт-Петербург)

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Библеизмы являются значимым фрагментом русской языковой картины мира и неотъемлемой частью русского литературного языка. Изучение слов и словосочетаний библейского происхождения имеет многолетнюю историю, тем не менее, разработка данного материала продолжается, издаются новые словари библеизмов. Существуют различные подходы к определению библеизмов: узкий, при котором в состав библеизмов включаются только фразеологизмы, и широкий, позволяющий включить в их состав крылатые слова и выражения, антропонимы, топонимы, паремии и другие единицы языка, обязанные своим происхождением Священному Писанию.

Объектом данного исследования являются фразеологизмы-библеизмы, употребляющиеся в текстах современной православной публицистики. Количество библеизмов в лексикографических источниках варьируется в зависимости от типа словаря и исследовательского подхода составителя. На сегодняшний день большинство исследований связано с идеографическим описанием библеизмов, при этом недостаточно изученной остается специфика их функционирования в разных типах текстов.

Внимание к православной публицистике как материалу исследования связано с тем, что данный вид текстов и исследуемые единицы языка обнаруживают общие этапы в развитии. Становление корпуса устойчивых библейских выражений исторически связано с генезисом православной публицистики – фразеологизмы-библеизмы исторически являются ее основным структурно и смыслообразующим элементом. А.В. Григорьев указывает на сочинения Отцов Церкви, как источник христианского мировоззрения, представленного в виде «переосмысленных библейских эпизодов, парафраз и слов Священного Писания» [Григорьев 2006: 17; см. также Жолудь 2002]. Другим важным фактором является то, что авторы текстов православной публицистики воспринимают текст Библии не так, как ученые-лингвисты, они «оживляют» образность идиом, актуализируют культурный пласт, восходящий в православном сознании к Библии, используя при этом приемы, не отмеченные в других типах текстов, написанных людьми, не имеющими отношения к церкви.

В современной православной публицистике можно выделить два основных разряда (Бакина 2001, 2003). К первому относится периодическая печать, представленная 1) официальными церковно-информационными изданиями, например, «Журнал Московской Патриархии», многочисленными изданиями отдельных приходов (приходская пресса), и 2) светско - церковными СМИ: газетами «Радонеж», «Русь Православная» и журналами «Фома», «Нескучный Сад», «Виноград», «Славянка», «Вода Живая» и другими изданиями. Второй разряд составляет авторская публицистика: 1) публицистические произведения, авторами которых являются Церковные Иерархи: Пат-

риарх Алексий II, Митрополит Иоанн (Снычев), Митрополит Кирилл; 2) публицистика, созданная «академическими» священниками, служителями церкви: Протоиерей Григорий (Митрофанов), Протодиакон Андрей (Кураев), Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и др.; 3) произведения, созданные воцерковленными светскими авторами (мирянами): С. Фудель, К.Ю. Душенов. На основе представленной классификации православной публицистики можно выделить три категории автора: светский автор, светский воцерковленный автор и автор-священнослужитель. Светские авторы используют библеизмы как элементы «наивной» русской языковой картины мира. Исследователь библейской фразеологии М.О. Туркова – Зарайская считает, что «для рядовых носителей языка религиозное, символическое содержание библеизма смещается на периферию интерпретативного поля» [Туркова – Зарайская 2002: 9]. Тем не менее, библейские образы входят в речь любого носителя языка, и незнание их происхождения не препятствует их правильному употреблению и пониманию. Светские воцерковленные авторы обладают более глубинным знанием Библии, чаще обращаются к библейской мудрости, тем не менее, продолжают оставаться «наивными» пользователями библеизмов, включающими данные выражения в свой дискурс как элементы образности. Обращение к библейским образам в произведениях священнослужителей может быть как явным, начиная с прямых библеизмов, так и имплицитным: пользуясь своим знанием, современные священники – публицисты вводят их в текст в скрытом виде.

Анализ семантики и функционирования библейских фразеологизмов в текстах современной православной публицистики позволил выявить ряд особенностей.

1) Для православной публицистики характерным и частотным является использование «прямых» библеизмов, когда устойчивое сочетание, восходящее к Священному Писанию, включается в текст в «цитатном» виде. Например: «*Может ли быть под этим небом такая цель, достижение которой находилось бы в безраздельной власти самого человека? … Она называется:* ***спасение души»*** (Захаров 2002: 22).

2) Частотной является актуализация исходного первичного значения библейского фразеологизма, используемого в языке повседневного общения в качестве переосмысленного выражения из Библии. Например, выражение *нищета духовная* современным носителем языка понимается как отсутствие у человека богатого внутреннего мира, нравственных категорий. Авторы-церковнослужители актуализируют исходный смысл этого словосочетания – "смиренномудрие, упование во всем на Бога": «*Мы не в силах переменить всех людей, привить всем «****нищету духовную***»» (Кураев 2009: 34).

4) В исследуемых текстах встречаются отфразеологические однословные образования разных частей речи. Например, от фразеологизма *Содом и Гоморра* образуется наречие *содомо-гоморрски*: «*Если «нынешняя земля» «поверит Богу» и «объявит пост» и станет умолять его «умилосердиться и отвратить от нас пылающий гнев Свой»? и если не только мы так покаемся, но и исправимся, и заживем дальше не* ***по содомо-гоморрски****, а по-Божьи, свято?*» (Захаров 2002: 76). Фразеологизм *не от мира сего* порождает существительное *неотмирность*: «*Но при встрече с ними душа –*

неведомо какими путями – тотчас прозревает их ***неотмирность****; они хоть и такие же – да не такие …*» (Захаров 2002: 31).

5) Наложение прямого и переносного значений, их синкретизм – одна из наиболее ярких языковых особенностей православного дискурса, подобный приём языкового использования характерен для автора-священнослужителя. Так, например, фразеологизм *нести свой крест* в обиходном языке имеет значение "терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу". Образ фразеологизма, восходящий к библейскому эпизоду о том, как Иисус нёс крест, на котором Его впоследствии распяли на Голгофу, «материализуется» в православном дискурсе благодаря сочетаемости со словами *бросить, понести вместо кого-либо*: «*В православии есть такое понятие –* ***жизненный крест****. Это те испытания, что ожидают любого человека, и армия – одно из них. Соответственно, вопрос: «бежать ли от армии?» можно сформулировать как «можно ли мне* ***бросить мой крест****?» … Никакой священник не* ***понесет твой крест*** *вместо тебя*» («Фома» 2007: 60).

6) В православной публицистике встречается особый прием построения текста на основе имплицитного использования известного библейского эпизода, существующего в современном языке в виде фразеологизма, например: «Часть того, что человек заработал, он в виде денег приносит в храм. Эти ***бумажки*** он меняет на то, что не сделал сам, но что нужно для службы в храме <…> К церковному порогу прихожанин может поднести свою жертву в виде ***монетки***, а уже внутри храма идти со свечой в руке. Налоговая инспекция видит здесь акт торговли. <…> Законодательство гласит, что если предприниматель часть своей прибыли жертвует на церковь, пожертвованная сумма исключается из его налогообложения. Так почему же это правило нередко забывается, когда речь идет о тех ***копеечках***, что живые и ***небогатые люди*** (а не юридические лица) приносят к храмовому порогу?» (Кураев 2009: 165). В данном фрагменте мы видим связь с библейским сюжетом, на базе которого возник известный фразеологизм *внести свою лепту*. Выделенные компоненты предложений – существительные *бумажки, монетки, копеечки*, относящиеся к лексико-семантической группе «наименования денег», сознательно используются автором в уменьшительной форме, что и вызывает ассоциации с вышеуказанным фразеологизмом – в древности *лепта* была самой мелкой монетой, а выделенное словосочетание *небогатые люди*, указывает на образ бедной вдовы из того же сюжета.

7) В православных публицистических текстах часто встречаются трансформации фразеологизмов-библеизмов различных видов. Это могут быть:

а) Расширение компонентного состава фразеологизма: ср. исходную единицу *волк в овечьей шкуре* и трансформ, используемый в тексте: «*Любовь не ищет своего – но блага любимому. Если это – любовь. А не* ***волк эгоизма в овечьей шкуре любви****»* (Захаров 2002: 143).

б) Трансформация, основанная на использовании ассоциативного ряда. Например, фразеологизм *бросать (кидать, швырять, пускать) камень в кого* - "осуждать, обвинять, чернить, порочить кого-либо" трансформируется в православном дискурсе благодаря ассоциациям: *камень – песчинка – камнепад*: «*Здесь я прекрасно понимаю, что* ***пусти*** *я только* ***песчинку в чей-то адрес****, - как на меня вполне обоснованно можно будет* ***обрушить целый камнепад»*** (Кураев 1998: 124). Пословица *в чужом глазу соломину ви-*

деть, в своём — бревна не замечать трансформируется благодаря ассоциациям *бревно – сучок – лесозаготовка*: «*Нельзя вести с протестантами честный диалог, отмечая в их доктринах отклонения от библейских истин, и при этом молчать по поводу искажения Писания в православном быту, а сегодня даже и в литературе. Нельзя* ***обнаруживать сучки в их глазах, при этом не обращая внимания на то, что в своих собственных впору устраивать лесозаготовки***» (Кураев 1998: 214).

в) Замена компонентов фразеологизма с одновременным расширением - трансформация, актуализирующая образ устойчивого сочетания и придающая экспрессию. Ср. *внести свою лепту* и *принести* (замена компонента) *последнюю* (расширение компонентного состава) *лепту*: «*Мы видим только стоп-кадр: вот стоит человек, и он готов пожертвовать на церковные нужды, на строительство храма и т.п. Может быть, и старушка,* ***принесшая последнюю лепту*** *на храм, вынула заначки остатки премии за успешную ликвидацию религиозного подполья*» (Кураев 2009: 128).

г) На основе известного библейского фразеологизма (обычно упоминаемого в тексте) вводится окказиональный вариант фразеологической единицы, использующий образ выражения, послужившего прототипом. Например: «… *возьмем знаменитый принцип* ***око за око, зуб за зуб*** *(Лев 24:20). На первый взгляд, он призывает бесчеловечно калечить преступников, но на самом деле ограничивает возмездие: ты не можешь причинить обидчику большее зло, чем он нанес тебе. … до сих пор* ***за одну угрозу выбить зуб обычно сразу сносят голову*** *– если сил хватит, разумеется»* («Фома» 2007: 42).

Рассмотренные в данной статье приемы использования фразеологизмов-библеизмов и составляют специфику их употребления в текстах православной публицистики. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что такие приемы, как наложение прямого и переносного значений фразеологизмов (их синкретизм) в рамках православного дискурса, аллюзия к фразеологизму путем использования слов одной лексико-семантической группы, трансформация фразеологизма, основанная на использовании ассоциативного ряда используются, главным образом, авторами-священнослужителями.

1. *Бакина О.В.* Современная православная журналистика России/ О.В. Бакина. – Киров: Кировски филиал МГЭИ, 2003. – 221с.

2. *Григорьев А.В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. – М.: «Индрик», 2006. – 360 с.

3. *Жолудь Р.В.* Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. - 191 с.

4. *Туркова–Зарайская М.О.* Особенности понимания библеизмов современными носителями языка. А/р дис. … к. филолог. н., Тверь, 2002. – 18с.

Словари и источники

1. *Бирих А.К. Мокиенко В.М., Степанова Л.И*. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

2. *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.

3. *Диакон Андрей Кураев.* Оккультизм в православии. – М.: Фонд «Благовест», 1998. – 382 с.
3. *Диакон Андрей Кураев.* Церковь в мире людей. – 4-е изд. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2009. – 544 с.
4. *Митрополит Иоанна (Снычев).* Русский узел. – СПб.: АНО «Издательство «Царское дело», 2008. – 403 с.
5. *Священник Александр (Захаров).* Куда нам идти. – Разань: Зерна, 2002. – 591 с.
6. Православный журнал «Фома». август, 2007.

к.ф.н., доцент Я.Я. Іваноў,
асп. І.С. Канавалава (Магілёў, Беларусь)

МАДЭЛІРАВАННЕ ПРЫКАЗКАВАГА ТЭКСТУ ЯК СПОСАБ ДЭРЫВАЦЫІ АНТЫПРЫКАЗАК

Мадэліраванасць адзінак парэміялагічнай сістэмы – гэта праяўленне агульнага прынцыпу мадэліраванасці моўных з'яў. Тое, што незлічоная колькасць парэміялагічных адзінак будуецца паводле пэўных мадэляў, забяспечвае разуменне прыказак, якія падпадаюць у маўленні рознага роду структурным і семантычным трансфармацыям. Адным з вынікаў такіх трансфармацый прыказак з'яўляецца ўтварэнне антыпрыказак.

Антыпрыказкі – гэта спецыфічная лінгвістычная з'ява, выказванні, якія маюць сінтаксічную структуру сказа (тэксту) з прамым ці пераносным агульным значэннем і ўтварыліся шляхам структурнай трансфармацыі прыказак ці іншых агульнавядомых клішэ з мэтай іх парадзіравання або проста дзеля жарту. Паняцце "антыпрыказка" можа разумецца ў вузкім і ў шырокім сэнсе ў залежнасці ад прыналежнасці / непрыналежнасці прататыпа антыпрыказкі да парэміялагічных адзінак (прыказак) або ўвогуле ад наяўнасці / адсутнасці прататыпа. Антыпрыказкі ў вузкім сэнсе ствараюцца з мэтай парадзіравання канкрэтнай парэміялагічнай адзінкі або высмейвання формы ці зместу жанру прыказак увогуле. Антыпрыказкі ў шырокім сэнсе могуць быць камічнымі трансформамі любых тэкстаў, у тым ліку і непрэцэдэнтных, або ўвогуле не мець прататыпаў. Антыпрыказкамі ва ўласна лінгвістычным (вузкім) сэнсе трэба лічыць толькі тыя з іх, якія ўтвораны ад прыказак.

Спосабы і прыёмы дэрывацыі антыпрыказак ізаморфныя спосабам і прыёмам трансфармацыі прыказак пры іх ужыванні ў маўленні, у выніку якой утвараюцца адзінкі, не сінанімічныя зыходным прыказкам. Адным з найбольш прадуктыўных спосабаў дэрывацыі антыпрыказак у беларускай мове з'яўляецца мадэліраванне пэўнага прыказкавага тэксту (без малага 20,0 % ад агульнай колькасці антыпрыказак).

Спосаб мадэліравання пэўнага прыказкавага тэксту пры ўтварэнні антыпрыказак ў сучаснай беларускай мове рэалізуецца наступным чынам.

1. Антыпрыказка ўтвараецца на аснове структурнай мадэлі пэўнай

(звычайна шырока вядомай) прыказкі, калі замяняюцца ўсе або амаль усе лексічныя кампаненты зыходнай адзінкі, але прыказка-прататып даволі лёгка пазнаецца носьбітамі мовы, дзякуючы нязменнасці яе сінтаксічнай формы (усяго 6,0 % адзінак ад агульнай колькасці антыпрыказак). Напр.: *Не такі страшны* ***закон****, як яго* ***тлумачаць*** *< Не такі (не так)* ***чорт*** *страшны, як яго* ***малююць***. Або: ***З*** *чужога твору* ***па*** *радку – плагіятару кніга <* ***З*** *міру* ***па*** *нітцы – голаму сарочка (кашуля)* і да т. г.

Пры ўтварэнні антыпрыказкі шляхам мадэліравання пэўнай прыказкі можа захоўвацца як структура, так і некаторыя лексічныя кампаненты зыходнай адзінкі. Напр.: ***Ад*** *вялікіх грошай малых* ***не шукаюць*** *<* ***Ад*** *дабра дабра* ***не шукаюць***; *У падараным канспекце на почырк* ***не глядзяць*** *< Дараванаму (дарованаму, дармоваму) каню ў зубы* ***не глядзяць***; *Мужчыны* ***пазнаюцца ў*** *грашах < Дружба (прыяцель)* ***пазнаецца ў*** *няшчасці*; ***Не*** *гарбатай* ***адзінай*** *ссыць* ***чалавек*** *<* ***Не*** *хлебам* ***адзіным*** *жыве* ***чалавек***; *Вялікая галава,* ***ды цяжка*** *насіць < Залатыя калёсы,* ***але цяжка*** *везці*; ***І на*** *Машку* ***бывае*** *Мішка <* ***І на*** *старуху* ***бывае*** *праруха*.

Часта паводле структурнай мадэлі адной шырока вядомай прыказкі ствараецца цэлы шэраг антыпрыказак. Так, на аснове прыказкі ***Скажы <мне>****, хто твае сябры (твой сябра, твой друг),* ***<і> я скажу****, хто ты* былі створаны антыпрыказкі: ***Скажы мне****, што ты думаеш,* ***і я скажу*** *табе, колькі дзён засталося да тваёй зарплаты*; ***Скажы мне****, што ты чытаеш,* ***і я скажу****, у якой кнігарні ў цябе знаёмая прадаўшчыца*; ***Скажы мне****, дзе поўнач,* ***і я скажу*** *табе, дзе поўдзень*.

Пры ўтварэнні антыпрыказкі шляхам мадэліравання пэўнай прыказкі не абавязкова захоўваецца пераносны сэнс зыходнай адзінкі, што часцей за ўсё абумоўлена адлюстраваннем нейкіх новых рэалій жыцця. Напр.: *Адзін* ***Kozel*** *добра, а* ***з воблай*** *лепш < Адна* ***галава*** *добра, а* ***дзве*** *<яшчэ> лепш (лепей)* (дзе *Kozel* – вядомае чэшскае піва, якое, лічыцца, як і любое іншае піва, заўсёды смачней ужываць з салёнай рыбай, у дадзеным выпадку – *з воблай*).

Нярэдка новыя лексічныя кампаненты, якія замяняюць “старыя” ў складзе зыходнай прыказкі, сэнсава суадносяцца на падставе сувязі тых рэалій, якія яны называюць. Напр.: *Па* ***лбе граблі*** *знаць < Па Сеньку (па Хомку) <і> шапка*; *Даў Бог* ***раток****, дасць і* ***карыес*** *< Даў Бог цяля, дасць і на цяля*.

У выніку мадэлявання структуры пэўнай прыказкі можа ўтварацца антыпрыказка, якая зместава з’яўляецца лагічным працягам зыходнай адзінкі. Напр.: *Які* ***прыход****, такія і прыхаджане < Які поп, такі і* ***прыход***.

2. Антыпрыказка ўтвараецца на аснове стандартнай парэміялагічнай мадэлі, на узор якой утвораны шэраг прыказак з аднатыпнай структурай (усяго 8,5 % ад агульнай колькасці адзінак). Найбольш распаўсюджанымі структурнымі мадэлямі прыказак, на аснове якіх ў сучаснай беларускай мове рэгулярна ўтвараюцца антыпрыказкі, з’яўляюцца наступныя: “**Было б (была б, быў бы)** штосьці, **а** штосьці **знойдзецца**” (напр.: *Абы выпіўка і закусь была, а госці знойдуцца*; *Была бы задніца. А непрыемнасьці знойдуцца…*; *Былі б грошы, а клявацъ іх куры знойдуцца*); “**Дзе** штосьці, **там** штосьці” (напр.: *Дзе мёд, там і цукар*); “**І на** чым-небудзь **ёсць (можа быць)** што-небудзь” (*напр.: І на пляжы нудыстаў ёсць заканадаўцы мод; І на дрэнным спектаклі можна ўбачыць добры сон*); **“Колькі ні (як ні)** рабі чаго-небудзь,

усё роўна адмоўны вынік” (напр.: *Колькі газэту да попы ні прыкладай – чытаць не навучыш*; *Колькі госця ні кармі – усё роўна нап’ецца*; *Колькі жанчыну ні кармі – яна ўсё адно бікіні купіць*; *Як імідж ні мяняй, менталітэт усё роўна вылезе*); “**Лепш** штосьці, **чым** штосьці” (напр.: *Лепш маленькі долар, чым вялікі дзякуй*; *Лепш мець дзве жонкі, чым адну цешчу*; *Лепш напіцца і ўссацца, чым нажрацца і ўсрацца!*); “**Не ўсё тое** штосьці, **што** мае пэўныя якасці” (напр.: *Не ўсё, што зялёнае, яшчэ і лес*; *Ня ўсё тое пЫва, што жоўтае і пеніцца*…); “**Нішто так не** робіць штосьці, **як** штосьці” (напр.: *Нішто так не псуе прагнозы, як надвор’е*; *Нішто так не скарачае жыццё, як доўгі язык*; *Нішто так не ўпрыгожвае жыццё жанчыны, як касметыка*); “**Хочаш** чаго-небудзь – рабі штосьці” (напр.: *Хочаш ехаць – бегай!*); “**Хто** робіць штосьці, **той** робіць штосьці” (напр.: *Хто шмат балбоча, той дзі-джэм працуе*); “**Чым больш (менш)** чаго-небудзь, **тым менш (больш)** чаго-небудзь” (напр.: *Чым большая інфляцыя, тым больш “мерседэсаў” на вуліцы*; *Чым больш пра жывёл клапоціся, тым яны смачнейшыя*; *Чым даўжэй ногі – тым карацей ночы*); “**Якое** штосьці, **такое і** штосьці” (напр.: *Які стол, такі й стул*).

3. Антыпрыказка ўтвараецца на аснове камбінацыі першага і другога відаў мадэліравання (усяго 0,5 % ад агульнай колькасці адзінак). У пэўнай прыказкі замяняюцца яе лексічныя кампаненты і атрыманае такім чынам выслоўе ўбудоўваецца ў пэўную стандартную парэміялагічную мадэль, на ўзор якой утвораны шэраг іншых прыказак з аднатыпнай структурай. Так, пры ўтварэнні антыпрыказкі *Кожны панядзелак марыць стаць суботай ці нядзеляй* выкарыстоўваюцца дзве прыказкавыя мадэлі: 1) мадэль прыказкі *Дрэнны той салдат, які не марыць стаць генералам*; 2) стандартная парэміялагічная мадэль “**Кожны** хтосьці **робіць** штосьці”.

4. Антыпрыказка ўтвараецца на ўзор народных прыкмет (усяго 1,0 % ад агульнай колькасці адзінак). У антыпрыказках-прыкметах у камічнай форме адлюстроўваюцца заканамернасці сувязей паміж падзеямі і рэаліямі сацыяльнага або духоўнага жыцця, паказваюцца адносіны паміж людзьмі (сямейныя, сваяцкія, працоўныя і інш.). Большасць антыпрыказак-прыкмет утворана па мадэлі ’яўляецца “**Калі**…, **то (значыць)**…”, напр.: *Калі трэці дзень запар ня хочацца працаваць, то – сёньня серада*; *Калі дзядуля на сваё васьмідзесяцігоддзе задзьмуў усе свечкі на торце значыць, кватэра вызваліцца яшчэ не хутка*; *Калі вас просяць гаварыць праўду і толькі праўду, значыць вы знаходзіцеся на лаве падсудных*.

Антыпрыказкі-прыкметы могуць быць па сінтаксічнай структуры большымі за адзін сказ і складацца з ланцужка сказаў, звязаных паміж сабой звышфразавымі адносінамі. Напр.: *Калі ў вас пачалі расці рогі – не спяшайцеся абвінавачваць жонку! Магчыма, вы проста казёл*. Або: *Калі ў жанчыны кальцо на правай руцэ, гэта значыць, што яна замужам. Калі на левай руцэ, гэта нічога не значыць. А калі на правай і на левай, гэта значыць, што яна замужам, але гэта нічога не значыць*.

5. Антыпрыказка ўтвараецца на ўзор жанру прыказак увогуле (усяго 3,0 % ад агульнай колькасці адзінак). Гэта так званыя “сучасныя прыказкі”, у якіх капіруецца лагічная структура традыцыйных прыказак. Прататыпамі такіх антыпрыказак выступаюць не нейкія канкрэтныя прыказкі, а ўсе без выключэння парэміялагічныя адзінкі. Большасць такіх антыпрыказак (каля 70 %) маюць канструкцыі дэантанічнага парадку (імператывы, фармулёўкі норм) і

зместава выступаюць як антыподы прыказак.

Прыказкі з'яўляюцца і ўспрымаюцца як "няпісаная канстытуцыя" народнага жыцця, правіл паводзін і адносін паміж людзьмі. У прыказках заўсёды асуджаецца здрада, гультайства, лянота, п'янства, балбатунства, махлярства, падхалімства і іншыя людскія заганы. Адначасова ў прыказках ухваляюцца працавітасць, гаспадарлівасць, сяброўства, павага да бацькоў, прага да вучэння і розуму і іншыя вартыя пераймання з'явы чалавечага жыцця. Уся гэта прыказкавая мудрасць адлюстроўваецца нібыта ў крывым люстэрку ў "сучасных прыказках" як разнавіднасці антыпрыказак. Усё тое, што ў народных прыказках сцвярджаецца як станоўчае, добрае, правільнае, у антыпрыказках паказваецца як дрэннае, няправільнае, такое, чаго нельга прытрымлівацца. І наадварот, усё тое, што ў традыцыйных прыказках асуджаецца, у антыпрыказках ухваляецца, набывае станоўчую ацэнку.

"Сучасныя прыказкі" адлюстроўваюць псеўдажыццёвыя назіранні, пастулююць як станоўчыя такія з'вы жыцця і якасці чалавека, што на самой справе з'яўляюцца адмоўнымі: "гультайства" (напр.: *Ты, работа, нас ня бойся: мы цябе чапаць ня будзем*); "п'янства" (напр.: *Позна выпітая другая – марна выпітая першая*; *У гарэлкі ёсць адзін недахоп – гэта яе недахоп!*); "падхалімства" (напр.: *Не хапае ізвілін – круці хвастом*); "хабарніцтва" (напр.: *Не бярыце хабару ніжэй сваёй годнасці*); "глупасць" (напр.: *Дурняў трэба берагчы. Калі яны знікнуць, як адрозніш разумных*) і інш. У антыпрыказках, што парадыруюць жанр прыказак увогуле, як цэласную з'яву, выказваюцца пагардлівыя адносіны да такіх рэалій, якія спрадвеку лічыліся асноўнымі чалавечымі каштоўнасцямі: "каханне" (напр.: *Распускае ня сэкс, а ягоная адсутнасьць*; *Ува што закахаўся, тое і цалуй!*); "прыгажосць" (напр.: *Прыгожая жанчына радуе мужчынскае вока, брыдкая – жаночае*); "гаспадарлівасць" (напр.: *Выносячы смецце з хаты, не вынось і венік*); "любоў да працы" (напр.: *Не бісяя галавой аб сцяну: працу будаўнікоў трэба паважаць*); "вучэнне" (напр.: *Вядзі канспект – лепшую шпаргалку*; *Не спі на лекцыях – званок праспіш*) і інш.

Дэрывацыя антыпрыказак – гэта праяўленне сістэмных адносін у парэміялогіі, бо, па-першае, прататыпы антыпрыказак уваходзяць у склад адзінак парэміялагічнага мінімуму мовы (павінны быць вядомыя ўсім носьбітам мовы, паколькі на гэтым грунтуецца адэкватнае разуменне антыпрыказкавага зместу), а па-другое, тыя антыпрыказкі, якія набываюць масавы характар ужывання, пераходзяць у разрад прыказак і з'яўляюцца адным са шляхоў папаўнення парэміялагічнага фонду беларускай мовы.

к. ф. н., доцент Т.И.Кошелева (Великий Новгород)

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В НАЗВАНИЯХ ПРАВОСЛАВНЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Мышление человека и его представление о мире находятся в тесной связи с языком. Сфера определённой общественной деятельности, связанная с ней форма сознания и особенности вербализации опыта мышления, несомненно, оказывают влияние на формирование так называемой языковой картины мира. С этой точки зрения интерес представляет сфера религиозного (православного) дискурса, где специфика ценностных ориентаций, мировоззрения и мировосприятия особым образом влияет на употребление и восприятие языковых единиц.

«В основе значений языковых единиц лежат определённые дискурсивные контексты – когнитивные структуры или блоки знаний, которые эти значения формируют, а затем обеспечивают их понимание» (Алефиренко 2007, 4). Формирование значений языковых единиц в православном дискурсе и обеспечение понимания их участниками дискурса обеспечивает контекст Священного Писания и корпуса богослужебных и проповеднических книг, по сути представляющих собой толкование тех или иных мест Священного Писания.

В настоящей статье мы попытаемся в самых общих чертах представить те дискурсивные контексты, которые создают многоуровневую смысловую структуру названий православных периодических изданий. Для анализа мы отобрали названия газет и журналов, представляющие собой сверхсловные единицы, которые с определённой долей условности можно назвать *устойчивыми сочетаниями:* «Виноградная лоза», «Вода живая», «Пастырь добрый», «Архангельский глас», «Благодатный огонь» и т.п.

С одной стороны, такие сочетания являются «прецедентными» для православного дискурса: они либо представляют собой цитаты из Библии или известных гимнографических текстов, либо закреплены в языковом сознании православных носителей языка как обозначения определённых религиозных явлений; с другой стороны, будучи названиями православных изданий, призваны актуализировать символические значения, связанные с содержанием и направленностью журнала или газеты.

Рассмотрим некоторые из них.

«**Виноградная лоза**» – православная газета Латвийской Православной Церкви, издаётся по благословению архиепископа Рижского и всея Латвии АЛЕКСАНДРА с 1997 года на русском языке.

Виноград и виноградная лоза с ветхозаветных времён являются символами, имеющими многоплановую структуру. «Виноградная лоза, прекраснейшее произведение природы, считалась у иудеев символом всего, что только было сильно, красиво, полезно. Поэтому в книгах пророческих Иудея и Иудейская Церковь уподобляются великой виног-

радной лозе, украшенной превосходнейшими плодами, насаждённой и хранимой Самим Богом» (Библейская энциклопедия 1990, 123). Как символ плодородия и изобилия (в том числе духовного) изображение виноградной лозы помещалось над входом в дома именитых людей.

В Новом Завете, как это обычно происходит с ветхозаветными символами, образ виноградной лозы наполняется новым смыслом. Он становится одним из символических наименований Самого Христа. Именование основано на евангельских словах: «*Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь*» (Ин. 15:1); «*как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы – ветви*» (Ин. 15:4-5). Евангельскими словами создаётся образ Новозаветной (христианской) Церкви: лоза – Христос (глава Церкви), ветви – христиане (члены Церкви).

Весь ассоциативный ряд образов, связанных с восприятием сочетания «виноградная лоза» в прямом значении, переосмысливается в соответствии с новым значением – создаётся развёрнутая метафора. Вот как, например, осмысливается этот символ автором «Толкования Евангелия»: «*Уход за виноградным кустом был, конечно, знаком апостолам. Они знали, что кисти винограда растут на годовалых побегах, ветвях, вырастающих на стволе или лозе виноградной. Весною от этой лозы отрастает много побегов, ветвей, но не все они бывают плодоносными; и вот, для того, чтобы неплодоносящие ветви не могли истощать корня, виноградарь отрезывает их, а плодоносящие ветви очищает от избытка боковых отростков, чтобы все соки направить в завязавшиеся кисти и тем увеличить объём и вес их, чтобы получить более плода. Сравнивая жизнь виноградного куста с жизнью апостолов и всех вообще членов Царства Божия, Иисус сказал, что как виноградная ветвь не может сама по себе приносить плод, если не будет питаться от лозы, так и последователи Его не могут ничего доброго сделать, не будучи в постоянном единении с Ним. И как виноградную ветвь для усиления плодородия очищают от всего, что препятствует этому, так и его ученикам, членам Царства Божия, ниспосылаются различные испытания, заставляющие их отбросить от себя всё, что мешает им приносить плоды…*» (Гладков 1991, 598).

Название газеты, включающей в содержание своих выпусков материалы, основанные на православном учении, призвано актуализировать все планы названного сочетания. Кроме того, в православной иконографии существует икона, называемая «Христос – виноградная лоза» (в другой редакции «Христос – лоза истинная»), изображающая Христа в образе Вседержителя, окружённого виноградной лозой, в ветвях которой изображены апостолы. Лоза представляет собой процветший Крест Христов. Это ещё один уровень осмысления образа лозы: искупительная жертва Христа является центральной частью христианского учения. Изображение этой иконы в одном из первых номеров газеты «Виноградная лоза» и статья о ней свидетельствуют о попытке создателей газеты актуализировать в сознании своих читателей и эту сторону многоуровнего образа-символа.

Похожие смысловые структуры имеют и сочетания *Пастырь добрый* и *Вода живая,* также являющиеся названиями православных периодических изданий.

«**Пастырь добрый**» – газета Миссионерского отдела Симферопольской епархии Украинской Православной Церкви, издаётся с 1998 г.на русском языке. Миссионерский отдел Православной Церкви имеет целью просветительскую и катехизаторскую деятельность, направленную на разъяснение основ православной веры. Газета миссионерской направленности не случайно названа «Пастырь добрый». С одной стороны, образ пастыря (пастуха) – с древнейших христианских времён известен как символ Христа: во времена гонений на христиан изображение пастуха с овцой на плечах на стенах катакомб служило «тайным» символом Христа и Его учения. «Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец своих» (Ин. 10:11) – евангельские слова являются основой создания метафоры. С другой стороны, пастырями в Православной Церкви принято называть священнослужителей; это традиция, берущая начало ещё в Ветхом Завете, где израильский народ также именовал своих первосвященников пастырями. В таком осмыслении образ священнослужителя – пастыря доброго – складывается из христианской установки подражания Христу: Христос «полагает душу (жизнь) свою за овец» Своего стада, и священнослужитель должен «пасти» своих овец, не жалея положить за них свою жизнь.

Примечательно, что в православном дискурсе в текстах житийного жанра, а также в любых повествованиях (древних и современных) о жизни и служении священников, до конца исполнивших свой христианский и священнический подвиг, неизменно называют *пастырями добрыми:* «Кроткий и смиренный в общении с людьми, но твёрдый и мужественный в православной вере, он был истинным *пастырем добрым* для нас, овец его неисчислимого стада» (Воспоминания…2002, 13).

Создателями миссионерской газеты «Патырь добрый» и авторами статей являются в основном священнослужители Симферопольской епархии, а содержание многих материалов газеты содержит рассказы о православных святых (в том числе священнослужителей). В этом контексте название газеты призвано актуализировать все названные коннотации смысловой структуры наименования. Думается, что не последнюю роль в создании такого комплексного образа играет инверсия: постпозиция определения в наименовании является дополнительным «знаком» прецедентности выражения, отсылкой к источнику (Евангельскому тексту), на котором держится образ.

То же самое наблюдаем в названии журнала Санкт-Петербургской епархии «**Вода живая**». Образ воды в христианстве также имеет символическое значение. Сочетание *вода живая* отсылает нас к Евангельскому сюжету беседы Иисуса с самарянкой у колодца. *«Иисус сказал ей….: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»* (Ин. 4:13-14). «Вода, текущая в жизнь вечную» – это учение Христа, это жизнь во Христе. *«Кто, уверовав в Иисуса Христа,*

Сына Божия, познает в Нем Истинного Бога, и через то познает цель своей кратковременной жизни, составляющей лишь ступень на пути к жизни вечной, тот удовлетворив свою жажду познания Бога и своего назначения, не будет уже никогда жаждать, а будет лишь стремиться к этой жизни вечной» (Гладков 1991, 144-145). В Евангельском тексте нет сочетания *вода живая,* но в богослужебных текстах оно встречается: *«Корень правоверия был еси, Владимире, напоен быв водою живою, возрастил еси нам ветви богонасажденнии»* (из службы святому равноапостольному князю Владимиру); *«Водою живою учения Христова жажду утолив, ко Христу пришла еси»* (из службы святой великомученице Варваре). Несомненно, использование сочетания *вода живая* в православном дискурсе, в том числе и как названия журнала, учитывает те смысловые оттенки, которые подразумевает православное языковое сознание.

Иногда к тем дискурсивным контекстам, которые создают многоплановый образ того или иного выражения, являющегося названием периодического издания, добавляется неожиданный смысл, не связанный напрямую с теми знаниями, на фоне которых этот образ создаётся. Такое использование известного выражения «с дополнительным эффектом» можно отнести к явлениям языковой игры. Таково, например, название газеты «**Архангельский глас».** Прежде всего, *архангельский глас* – это выражение, отсылающее православного читателя к тексту богослужения одного из главных православных праздников – Благовещению Пресвятой Богородице. С этих слов начинается один из структурных текстовых элементов службы – Величание праздника: *Архангельский глас вопием Ти, Чистая: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою* (из богослужения Благовещению). *Архангельский глас* – это голос Архангела Гавриила, который принёс Пресвятой Деве Марии благую весть о том, что Она станет Божией Матерью. Эта весть явилась началом дела спасения рода человеческого, поэтому выражение *архангельский глас* в общем контексте православной веры связано с возвещением благой вести о нашем спасении. Но в названии газеты актуализируется и еще один смысловой оттенок: газета является изданием Михаило-Архангельского храма города Новокузнецка. Поэтому *архангельский глас* – это голос православной общины, храм которой посвящен Архангелу Михаилу.

Таким образом, смысловую структуру названий православных газет и журналов, представляющих собой устойчивые сочетания религиозного дискурса, составляет сложное взаимодействие фрейм-структур, основу которых представляют интертекстуальные единицы, которые, активизируясь в языковом сознании читателей, призваны способствовать адекватному восприятию этих наименований.

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фреймовая основа фразеологической семантики // К 60-летию профессора А.В.Жукова. Юбилейный сборник научных трудов / Отв. ред. В.И.Макаров. – Великий Новгород, 2007. – 200 с.

2. Библейская энциклопедия. – Издание Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1990. – 902 с.

3. *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. Воспроизведение с издания 1907 года. – М., 1991. – 720 с.
4. Воспоминания о старце Серафиме Вырицком.– С.-Пб., 2002. – 34 с.

А.В. Лактюхина (Тула)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ)

Активное использование пословиц, поговорок, крылатых выражений и других устойчивых фраз (УФ), а также их трансформированных вариантов в современной русской речи – явление, отмечаемое многими исследователями (Благова Г.Ф., Вальтер Х., Мокиенко В.М., Бондаренко В.Т., Жуков К.А., Костомаров В.Г., Николаева Е.К.). Сегодняшний газетный текст довольно широко использует УФ в силу их яркости, краткости и одновременно семантической емкости, готовности к трансформации и, безусловно, экспрессивности (Покровская 2006, Батурина 2006).

В текстах СМИ наблюдается, с одной стороны, традиционное, использование их в неизменном, фиксированном составе, а с другой – их видоизменение и приобретение ими новых смысловых оттенков в условиях живого употребления, связанное с «подстраиванием под ситуацию». Ср., например, трансформации УФ в газетных заголовках: «*Готовь ткани летом!*» («Комсомольская правда» 2000 № 130) (о том, что для зимнего сезона лучшие кутюрье шьют платья летом), «*Ученье – свет, а неученых - тьма*» («Правда» 2000 №6) (о том, что без образования Россия превратится в колонию безграмотных), «*Пар гостей не ломит*» («Российская газета» 2001 №181) (о первом чемпионате Москвы по сауна-спорту), *«В тихом городе черти водятся»* («Российская газета» 2003 №261) (о музее суеверий и мифов русского народа в Угличе).

Заголовок, как известно, играет особую роль в тексте, выполняя две функции: «сигнальную (привлекает внимание читателя) и информативную (дает представление о предмете публикации)» [Захарова 2004: 104]. Заголовок также настраивает аудиторию на определенную эмоциональную тональность, т.е. «служит своего рода камертоном» [Солганик 1997: 43].

А.Н. Зеленов среди коммуникативных функций заголовка как текстообразующего средства выделяет следующие:

1) привлечение внимания читательской аудитории;
2) выполнение роли путеводителя;
3) активизация фоновых знаний адресата;
4) формирование адекватного отношения к предлагаемому материалу;
5) обслуживание равноправного диалога субъектов общения, который обусловлен особенностями языковой личности автора и потенциального читателя;
6) создание интриги, вовлечение читателя в языковую игру [Зеленов 2006: 164].

Отображая современную действительность, лексические трансформы УФ несут в себе культурологическую ценность. Они, как пишут авторы словаря антипословиц Х.Вальтер и В.М.Мокиенко, «выполняют особый «социальный заказ» и потому … действенно «осовременивают» шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремии и отражают актуальные для носителей речи реалии» [Вальтер, Мокиенко 2008, с.13].

Ср.: современный вариант всем известной русской пословицы *«Язык до киллера доведет»,* столь ярко отражающий криминогенную ситуацию в современной России, с инвариантом УФ *«Язык до Киева доведет»*.

Трансформация устойчивых выражений часто сопровождается смеховым эффектом, вызванным так называемой языковой игрой. См. следующие фразовые конструкции в заголовках: *«Не йоги горшки обжигают», «Птицу видно по помету», «Я милого узнаю по колготкам», «Что посмеешь, то и пожмешь».* Ср.: *«Не боги горшки обжигают», «Птицу видно по полету», «Я милого узнаю по походке», «Что посеешь, то и пожнешь»*. Языковая игра (а также вызванный ею смеховой эффект) в данном случае создается за счет паронимической мены компонентов в составе УФ, а также рифмы и ритма.

Такие переделки известных выражений воплощают в себе результат игровой деятельности адресанта, цель которой - доставить эстетическое удовольствие и авторупеределки УФ, и своему адресату. Подобная языковая игра представляет собой речетворческую деятельность адресанта, ограниченную во времени, имеющую определенный смысл, строящуюся на намеренном отклонении от нормы с целью вызвать улыбку, смех и ироническое отношение к публикуемому материалу (Дружин Г.В. 2001; Земская Е.А. 1983; Санников В.З. 1999). «Слушатель заманивается на ложный путь, а потом маска сбрасывается (фаза «озарения» и комической радости…» [Санников 1999: 21].

Л.И. Захарова среди особенностей языковой игры как важного средства воздействия на адресата отмечает спровоцированность этого явления социальными процессами: «парадоксы в жизни провоцируют игры в парадоксы в языке» [Захарова 2004: 105]. Так, во фразе «*Москвичей оставят со сносом*» («Коммерсант» 2003 № 215), как в ребусе, прячется фразеологизм *оставить с носом*, то есть обмануть. Из четырех слов становится ясно, что москвичи должны ждать от московского правительства подвоха по вопросу сноса домов. Или: «*Век живи, век судись*» («Труд» 2002 №61) (о том, что житель одного города всю жизнь посвятил судебным тяжбам с местными властями).

О том, что переделки устойчивых выражений рождаются не только как протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной народной мудрости, но и как веселая языковая игра, карнавальная речевая маска уставшего от «серьезностей» и трагедий повседневной жизни Человека, утверждают и авторы словаря антипословиц Х.Вальтер и В.М.Мокиенко. См. также высказывание С.Г.Шулежковой о том, что яркий оборот для носителей языка – «средство для словесной игры, которая позволяет им рассмешить собеседника или читателя, вызвать комический эффект, с юмором оценить что-либо или кого-либо» [Шулежкова 2002: 249]. Например: *«Где Тонга, там не рвется»* («Комсомольская правда» 2000 №211) (о выступлении женской команды по гребле в столице Тонга) или *«Не было бы*

счастья, да Бесчастных помог» («Правда» 2001 №47) (о выигрыше сборной России по футболу в чемпионате мира благодаря голу Бесчастных).

Языковая игра, раскрепощая ум и разрушая стереотипность мышления, оспаривает присущую УФ назидательность. Участником же этой игры может быть человек, имеющий определенный уровень образованности, человек начитанный и свободно ориентирующийся в пословично-поговорочном фонде русского языка. Однако, говоря о языке современных СМИ, нельзя не согласиться с Л.И. Захаровой в том, что он в определенной степени «формирует вкусы и взгляды читателя, «организуя» его сознание» [Захарова 2004: 106]. Поэтому журналистам нельзя забывать о том, что языковая игра, будучи необдуманной или неоправданной, может негативно воздействовать на аудиторию, в особенности на молодое поколение, в наибольшей степени восприимчивое ко всем новым веяниям, в том числе и в области языка.

Несомненно, на рубеже 20-21 веков языковая игра стала характерным признаком языка газет, и многие ученые отмечают все возрастающий интерес к этому феномену. Но если в начале 70-х годов В.Г.Костомаров отмечал как конструктивный принцип языка прессы одновременное существование двух тенденций - стремления к экспрессии и стремления к стандарту, то сейчас явно побеждает первая из них и язык многих современных газет освобождается от сковывавших его ранее стандартов.

1. *Батурина Л.А.* Имена собственные в газете // Русская речь. 2006. №6. С.63.

2. *Бондаренко В.Т.* Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 1995.

3. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 576 с.

4. *Дружин Г.В.* Современные заимствования в культурном пространстве языковой игры // Культурный компонент языка. Вып. 3. Т. 2. – Киев, 2001. – 220 с.

5. *Жуков К.А.* Употребление пословиц и поговорок в пространстве газетного текста // Славянские языки и культура. Материалы Международной научной конференции.)Тула, 17019 мая 2007 г.) / ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2007. – 216с.

6. *Захарова Л.И.* Феномен языковой игры в современной публицистике (на материале заголовков газет) // Проблемы фразеологической и лексической семантики: Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004 г.). – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 286 с.

7. *Зеленов А.Н.* Фразеологизм в роли газетного заголовка // К 60-летию профессора А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. – 287 с.

8. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. – С. 172-214.

9. *Покровская Е.А.* Человек в языке и культуре: новый аспект изучения // Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. Лингвистика. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – С. 11-18.

10. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
11. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста. – М., 1997. – С. 43.
12. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

к.ф.н., доцент О.С. Макарова (Великий Новгород)

НИЖНИЙ ЭТАЖ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕРМИН ИЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМ?

В настоящей статье мы проследим, насколько это возможно, «рождение» фразеологизма «нижний этаж», возникшего из устойчивого терминологического сочетания. Вопросы фразеологизации терминов и профессиональных устойчивых сочетаний достаточно хорошо изучены как в теоретическом, так и в практическом плане, и известно, что фразеологизация терминов и в современном языке обусловлена тенденцией к их употреблению в переносном образном значении.

Тем не менее, всегда знакомство с неизвестной фразеологической единицей можно сравнить с освоением новых земель. Мы не знаем, будет ли эта ФЕ настолько широко употребляться в текстах современной печати, чтобы быть замеченной лексикографами и «закрепиться» в словарях в качестве ФЕ. Надеемся, что анализ языковых фактов поможет не только представить базовое значение и его смысловые оттенки исследуемой ФЕ, сочетаемостные и вариативные возможности и пр., но и поставить вопрос о статусе подобных языковых единиц. Относятся ли они к терминам или к ФЕ, или к ним необходимо применить другое наименование, например, «термин-фразеологизм»? Диффузность свойств и отсутствие описания специфики этих единиц позволяет исследователям по-разному их классифицировать.

Наша гипотеза состоит в том, что, функционируя как терминологическое устойчивое сочетание в медицинском научном дискурсе, «нижний этаж» медленно проникает в дискурс современной периодической печати, что обусловлено взаимодействием и взаимовлиянием двух этих сфер. В процессе фразеологизации этого терминологического сочетания меняется не только их первичное значение, но и сфера употребления, которая становится значительно шире.

Знакомство с ФЕ «нижний этаж» начнем с поиска определения исходного атрибутивного сочетания *нижний/ верхний/ средний этаж брюшной полости,* которое находим в одном из учебников по хирургии в главе «Деление брюшной полости на этажи»: «Поперечнообочная кишка и ее брыжейка образуют перегородку, которая делит брюшную полость на два этажа – верхний и нижний. Деление это условное, т.к. полного разграничения между этажами в действительности нет, однако для практических целей такое деление удобно» (Островерхов 1996: 520). Итак, термин «этаж брюшной полости» в медицине введен для «практического удобства». Мы использовали

здесь слово «термин», т.к. по данным анализа корпуса медицинских текстов, «этаж брюшной полости» ведет себя совершенно как термин – обладает свойством системности (нижний, средний, верхний этаж брюшной полости), моносемичен в рамках своего терминологического поля, стилистически нейтрален, неэкспрессивен.

Где же проходит граница верхнего и нижнего этажей брюшной полости в медицинском понимании? Эта линия приблизительно соответствует поперечной линии, которая на передней брюшной стенке соединяет нижние точки десятых ребер. В верхнем этаже брюшной полости находятся печень, желудок, селезенка, поджелудочная железа, верхняя половина двенадцатиперстной кишки. В нижнем этаже брюшной полости находятся петли тонкой кишки и толстая кишка (Островерхов 1996: 520; Максименков, 1972: 106).

В (Большаков, 2004: 967) есть уточнение: нижний этаж брюшной полости снизу ограничен плоскостью входа в малый таз: «НЭ находится между брыжейкой поперечной ободочной и плоскостью входа в малый таз». Далее мы узнаем, что полость малого таза тоже разделена на этажи. Различают 1) брюшинный этаж (верхний); 2) подбрюшинный этаж (средний); 3) подкожный этаж (нижний) (Большаков, 2004: 832-834). В малом тазу расположены половые органы и органы мочевыделительной системы. Интересно, что лексемы «отдел» и «этаж» используются как синонимы в (Островерхов, 1996: 649): «Полость малого таза разделяется на три отдела, или этажа», в отношении брюшной полости **отдел брюшной полости* не употребляется. Кроме хирургии, «система этажей» используется в гинекологии в терминологических сочетаниях *нижний этаж генитального тракта/ гениталий/ полового аппарата*: *«Воспалительные заболевания нижнего этажа гениталий у детей»* (из программы медицинской конференции).

Понятие «этажности» переносится на другие органы и системы организма: шейный отдел позвоночника, мозг, нервную систему.

Рассмотрим пример деления на этажи (очевидно окказионального) шейного отдела позвоночника.

«*При обследовании область шеи делилась условно на 7 зон: 4 вертикальных (заднюю, или паравертебральную, две боковые и переднюю) и 3 горизонтальные, или верхний, средний и нижний этаж (соответственно верхнешейному, среднешейному и нижнешейному отделам позвоночника)*» (Климова и др. 2007: 3).

Здесь этаж приравнивается к «горизонтальной зоне», далее авторами приводится объяснение выбранного термина: «*Деление области шеи на этажи было обусловлено связью травматического поражения шейного отдела позвоночника и механизмом его повреждения с изменениями в прилегающих жизненно важных анатомических структурах*» (Климов а и др. 2007: 3). Понятие «этаж» транспонируется на отделы позвоночника. Как можно видеть из примеров, анализируемая единица то тяготеет к термину, то удаляется от него, выполняя роль развернутой метафоры.

В ряде случаев понятие этаж трактуется не просто как горизонтальная зона, а как объемное пространство. О различном восприятии этажа говорят и факты управления. *«Принципиальными моментами способа Ру – Никитина являются сохранение культи желудка в естественном анатомическом ложе без перевода ее в средний этаж брюшной полости, формирова-*

ние окна в брыжейке поперечно-ободочной кишки справа от верхних брыжеечных сосудов и анатомическая «дуоденизация» отводящей кишки» (Касаткин и др. 2007).

«После проведения лапаротомии баллончик помещался в нижний этаж брюшной полости экспериментального животного, трубочка выводилась наружу через контраппертуру» (Суковатых и др. 2010: 223).

«В результате транспозиции яичники перемещаются на питающей «ножке» в верхний этаж брюшной полости» (Тархов и др. 2010: 101).

«Проведенный однофакторный дисперсионный анализ показал, что вмешательства на верхнем этаже брюшной полости оказывают большее воздействие на стрессорный компонент гиперкоагуляции» (Иванов и др. 2007: 34).

В приведенных примерах преобладает нехарактерное для русского языка управление *в нижний/средний/верхний этаж; в нижнем/верхнем этаже*. В данном случае мы наблюдаем расширение сочетаемостных возможностей языковой единицы, предлог «в» выступает как предлог направления.

В научном медицинском дискурсе «этаж» находится не в горизонтальной плоскости, а воспринимается объемно. Это обусловлено научной медицинской картиной мира и специальными знаниями, которыми обладает медицинское сообщество.

В научно-популярном медицинском дискурсе «нижний этаж» воспринимается горизонтально, о чем свидетельствует соответствующее нормативное управление: *«Простудила придатки!» – под этими словами женщины нередко подразумевают все воспалительные процессы, происходящие на «нижнем этаже»* (Холод на нижнем этаже // Крестьянка. 2003, № 5). Употребление исследуемой языковой единицы выходит за рамки терминологического, т.е. медицинского, поля и употребляется в научно-популярном дискурсе, где приобретаются признаки ФЕ.

В приведенном выше примере мы видим, что ФЕ *нижний этаж* семантически не равен терминологическому сочетанию *нижний этаж брюшной полости* или *малого таза*. В наивном медицинском дискурсе пространственное деление тела человека «на этажи» осуществляется по упрощенной схеме: *«Удобнее всего условно разделить живот на 3 этажа: верхний, средний и нижний. Верхний этаж – от солнечного сплетения до линии на 2-3 см выше пупка. Средний этаж – зона вокруг пупка, а все, что под ней, – нижний этаж» (http://www.zdr.ru/exclusives/2010/08/09/esli-zabolel-zhivot/index.html).*

«Очень многие женщины, особенно в больших городах, страдают заболеваниями почек и мочевыводящей системы». (Нижний этаж // Мой ребенок. 2010, № 4).

«Послеродовые проблемы "нижнего этажа"» (http://sadkomed.ru/article/880).

Итак, в сознании наивного носителя медицинского знания этажи брюшной полости и малого таза объединяются, образуя «этажи живота» и даже «этажи кишечника»: *«О заболеваниях толстой и прямой кишки в обществе говорить не принято … Число людей, озабоченных проблемами «нижнего этажа» кишечника, особенно в развитых странах, стремительно нарастает» (Здоровье «пониже спины» http://www.altermed.ru/index.php?nomer=694).*

В заключение следует отметить, что в пополнении фразеологического фонда русского языка активно участвуют медицинский профессиональный сленг и терминологические устойчивые сочетания. Их фразеологизация в современном дискурсе представляет собой интересный с лингвистической точки зрения процесс.

1. *Большаков О.П., Семенов Г.М.* Оперативная хирургия и топографическая анатомия: Учебник. – СПб., 2004.*Климова И.Б., Минаев А.Б., Адамян Р.С. и др.* Ультразвуковая и компьютерно-томографическая семиотика сочетанных колото-резаных и тупых травм шеи // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2007. – № 4. – С. 3-5.

2. *Иванов В.В., Пучков К.В.* Система гемостаза при хирургическом стрессе: дискуссионные аспекты факторов тромбоопасности при лапароскопических вмешательствах // Тихоокеанский медицинский журнал. – 2007. – № 1. – С. 31-33.

3. *Касаткин Е.Н., Коршунова Т.П., Никитин Н.А., Шемуранова О.И.* Реконструктивные операции при ургентных осложнениях пептических язв // Вестник новых медицинских технологий. – 2007. – Т. 14, № 2. – С.65- 67.

4. *Максименков А.Н.* Хирургическая анатомия живота. – Л., 1972.

5. Островерхов Г.Е., Бомаш Ю.М., Лубоцкий Д.Н. Оперативная хирургия и топографическая анатомия. – Курск, 1996.

6. *Суковатых Б.С., Артюшкова Е.Б., Фролова О.Г., Еремин П.А. и др.* Влияние мексикора на течение синдрома интраабдоминальной гипертензии при экспериментальном распространенном перитоните // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. – 2010. – Т. 3, № 3. – С.223.

7. *Тархов А.В., Красильников С.Э., Герасимов А.В., Бабаянц Е.В. и др.* Транспозиция яичников у больных раком шейки матки молодого возраста // Сибирский онкологический журнал. – 2010. – Приложение № 1. – С.101-102.

к.ф.н., доцент Г.М. Мандрикова (Новосибирск)

КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ТАРОНИМИИ

От ваших слов у меня волосы стынут в жилах…

Как известно, фразеологические единицы являются языковыми средствами культурного самосознания народа, их «состояние», бытование, появление и исчезновение в определенном смысле маркируют состояние культуры современного общества. Наблюдая за процессами, происходящими в современном словоупотреблении, нельзя не обратить внимания на то, как носители языка используют в своей речи различные фразеологические единицы (ФЕ). Занимаясь уже достаточно давно проблемами агнонимии и, в частности, фразеологической агнонимии (неверное, «неправильное» понимание и, соответственно, употребление ФЕ), мы выяснили, что современные молодые носители языка имеют невысокий уровень фразеологической компетен-

ции, особенно в части знания фразеологического фонда (Жукова, Мандрикова 2005). Изучение фразеологизмов в аспекте агнонимии, т.е. с точки зрения наличия/отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании этих единиц, характера таких представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции, привело нас к рассмотрению такого явления как контаминация фразеологических единиц.

Контаминация фразеологизмов – явление, довольно широко представленное в неподготовленной речи среднего носителя языка, однако от него не застрахованы и люди, для которых язык является инструментом осуществления профессиональной деятельности, например:

Дунаевский оставил неизгладимый вклад (внес большой вклад + оставил след + произвел неизгладимое впечатление) *в нашу культуру и историю* (актриса, шоу «Достояние республики»); *Я не считаю Юлю моделью в чистом виде этого слова* (в чистом виде + в прямом смысле этого слова) (один из ведущих программы «Модный приговор»); *Язык не поднимется сейчас ни у кого осудить спортсменку* (спорт. комментатор) (язык не поворачивается + рука не поднимается); *Я выбивался из кожи* (выбивался из сил + лез из кожи), *но у меня так ничего и не получилось!* (разг.речь); *Не спешите купить что-либо по первому мановению души* (по первому порыву + по мановению души) (ведущий программы «Утро», 1-й канал).

Контаминированные фразеологических единицы настолько часто встречаются в устной публичной речи, теле- и радиоречи и даже в устной научной речи, а также в письменной речи, используемой в интернет-общении (форумы, гостевые книги, комментарии, блоги, «Живой журнал» и т.д.), что сегодня об этом можно говорить как о тенденции.

В данной статье контаминация ФЕ рассматривается в рамках разрабатываемой нами категории таронимии. Мы говорим о выделении такой антропоцентрической лексической категории как таронимия, исходя из реального существования в языке лексических единиц, обладающих определенными признаками, главным из которых, конституирующим, является признак устойчивого смешения (Мандрикова 2007).

Таронимы (от греч. *taratto* “путаю, привожу в замешательство” и onoma, onyma – “имя”) - это лексические и фразеологические единицы, которые непроизвольно смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности. Для того чтобы два слова могли быть квалифицированы как таронимы, необходимо, чтобы факт их ошибочного смешения в речи каким-то образом был зафиксирован. Таким образом, конституирующим признаком таронимов является их подтвержденная (или высоко потенциальная) способность смешиваться в процессе речи. Исследуя таронимию, мы определили состав таронимических единиц, к числу которых (помимо паронимов, синонимов, антонимов и нек.др. единиц) отнесли и фразеологизмы, постоянно смешивающиеся в речи носителей языка (Морковкин, Мандрикова 2010).

Бесспорно, далеко не все случаи смешения ФЕ можно считать таронимическим взаимодействием. В современном словоупотреблении преобладает нерегулярная, окказиональная контаминации ФЕ, например: *И что мне остается:* ***спать и видеть у моря погоду?*** (разг.речь) (**спать и видеть**

(страстно желать чего-л., хотеть осуществить что-л.) (Яранцев 1997: 588) и **ждать у моря погоды** (бездействовать, ничего не предпринимать в ожидании чего-л., напрасно на что-л. рассчитывать, надеяться) (Яранцев 1997: 586); *С появлением телевизора люди перестали заниматься искусством,* ***зарыли свои таланты глубоко в душе*** (абитуриент, сочинение ЕГЭ) (**зарыть талант в землю** (не проявлять, губить, попусту растрачивать свои способности) (Федоров 1995: 121) и **в глубине души (хоронить)** (о сокрытии самых сокровенных, тайных мыслей, желаний и т.п.) (МАС I: 316).

Рискнем предположить, что регулярность образования и функционирования фразеологических гибридов, возникших вследствие вступления исходных ФЕ в таронимические отношения, обусловлена несомненным нахождением канонических ФЕ, из которых контаминируются данные гибриды, в «зоне риска», образуемой общей коммуникативной ситуацией, идентичной формальной структурой и смысловой близостью фразеологизмов.

Таронимическое взаимодействие фразеологических единиц (включая и коллокации, т.е. слабые фразеологизмы) чаще всего происходит двумя путями: 1) текстовой подменой нужного фразеологизма другим, сходным с ним в части материальной оболочки, но существенно отличающимся по значению, например: *В подобной ситуации важно не потерять из виду* (вм. *не упустить из виду*) *интересы самого человека, ради которого проводится эта реформа* (ТВ); и 2) неправомерным совмещением, наложением друг на друга, контаминацией ФЕ. Результатом такого взаимодействия является появление так называемых фразеологических гибридов (их иногда даже называют фразеологическими кентаврами), составленных из частей вовлеченных в таронимическое столкновение фразеологизмов.

Для подтверждения этого обратимся к примеру: *Это предложение яйца ломаного не стоит* (разг. речь) и *На самом деле проблема гроша выеденного не стоит* (из **яйца выеденного не стоит -** пустяк, ничего не стоящее дело (Молотков 1978: 542) и **гроша ломаного не стоит –** *шутл. или ирон*. кто-что-л. не имеет никакой ценности, никуда и ни для чего не годится (ИЭС 1998:139). В данном случае мы имеем дело с фразеологическими синонимами, употребляющимися в одной и той же коммуникативной ситуации и имеющими идентичную формальную структуру.

Заметим, что появление в речи гибрида **яйца ломаного не стоит** носит вполне регулярный характер, в то время как выражение **гроша выеденного не стоит** встречается чаще со специальным «игровым» заданием, ср. *Вся эта статистика яйца ломаного не стоит, точность её не более 20–30%, а то и меньше, поскольку относится только к легальному, декларированному ввозу* (Форум сайта mastercity.ru). Сравним *яйцо ломаное* с *выеденным грошем*. Ломаное, т.е. разбитое яйцо - это образ, понятный русскому человеку еще с детства (вспомним сказку о курочке рябе и о пасхальной традиции), а ломаный грош – каноническая форма - образ непонятный. По данным Историко-этимологического словаря фразеологизмов, *ломать* означало не только «разделять», но и «гнуть, мять», поэтому ломаной называли гнутую монету (ИЭС 1998: 139). Согнуть современную монету очень трудно, поэтому данный образ вызывает сомнения, особенно у молодого носителя языка. Гибрид **гроша выеденного не стоит** гораздо чаще отмечается как нарушение нормы (хотя оба гибрида часто приводятся в каче-

стве «смешных афоризмов» на соответствующих сайтах). Здесь алогичность совершенно очевидна для носителя языка, ср. *И с какой-то точки все происходящее покажется ерундой не стоящей «выеденного гроша» как говаривал один мой знакомый. Кстати эта не шутка была. Просто он вечно все перевирал, не задумываясь о смысле слов. «Ага, и ломаного яйца тоже не стоит», добавляла я, но до него все равно не враз доходило* (Живой журнал, juli-from-b.livejournal.com); *Несмотря на то, что все друзья-знакомые в один голос твердили, что проблема не стоит ни выеденного гроша, ни тем более ломаного яйца, охватившее меня чувство ближе всего к тихому ужасу* (artefact.lib.ru/canada/pe).

Понятно, что носители языка «играют» с данными конструкциями, намеренно «ставя их в пару», что также свидетельствует о регулярной контаминации, т.е. таронимическом взаимодействии фразеологических единиц **Яйца выеденного не стоит** и **Гроша ломаного не стоит (**ср. **Язык не поднимается / Рука не поворачивается** – (Жукова, Мандрикова 2010)). Обращение к Интернет-ресурсам показывает, что регулярная контаминация ФЕ встречается во многих контекстах, что делает вполне правомерным постановку вопроса о возможности изучения фразеологических таронимов.

1. *Жукова А.Г., Мандрикова Г.М.* Фразеологическая агнонимия: зона «коммуникативного риска» // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. – Вып.2. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2005. – С.77-81.

2. *Жукова А.Г., Мандрикова Г.М.* Сведем шило с мылом, или еще раз о контаминации фразеологизмов / Языковые измерения: пространство, время, концепт: Мат-лы IV Междунар.науч.конф. (2 июля, Военный университет, Москва). Том 1. – М., 2010. – С. 535-545.

3. *Мандрикова Г.М. Т*аронимия как объект лингвистического описания // III Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и мат-лы. – М., МГУ, 2007. - С. 133-134.

4. *Морковкин В.В., Мандрикова Г.М.* Таронимия как антропоцентрическая категория // IV Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и мат-лы. – М., МГУ, 2010. - С. 311-312.

Словари:

5. ИЭС – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.

6. МАС – Словарь русского языка в 4-х тт.// Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1985.

7. Молотков – Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1978.

8. Федоров - Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. // Сост. А.И. Федоров. – Новосибирск, 1995. – Т.1.

9. Яранцев - *Яранцев Р.И.* Русская фразеология. Словарь-справочник. – М., 1997.

к.ф.н., доцент Ю.А. Маркитантов
(Каменец-Подольский, Украина)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *С (ОТ) ГОЛОВЫ ДО НОГ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

С момента зарождения и утверждения фразеологии в качестве лингвистической дисциплины вопросы как языковой, так и речевой вариантности фразеологических единиц (ФЕ) остаются в поле зрения ученых. И если языковая вариантность существует на уровне нормы, в системе, то речевая (окказиональная) не только (не столько) функциональная разновидность известного фразеологизма, но порой новая индивидуально-авторская единица, претендующая со временем занять свое место во фразеологической системе.

Часто новые ФЕ конструируются с использованием известных фразеологических моделей, представляющих собой универсальные механизмы образования ФЕ.

Процесс познания человеком окружающего мира происходит через осознания определенных закономерностей миростроения, через некие схемы, модели действительности, которые объективируются языковыми знаками, в том числе и фразеологическими. В свою очередь, ФЕ есть своеобразной языковой моделью, образно репрезентирующей модели объективного мира и способствующей осознанию человеком себя в этом мире. В. Г. Логачева по этому поводу сказала так: “Модели рассматриваются как особого рода построения, помогающие структурировать отношения реального мира и языка. Они позволяют интерпретировать любые предметы, события действительности посредством языкового знака” (Логачева 2007: .3).

В русском языке, как и в других славянских, существуют ФЕ, образованные по модели ***с (от) N_1 до N_2***, например: ***от аза до ижицы, от альфы до омеги, с утра до ночи, с ног до головы*** и под. Всех их объединяет сема ‘целиком, полностью’. Первые две ФЕ не имеют лексических вариантов и, собственно, не могут их иметь. И даже учитывая то, что, по утверждению А. М. Мелерович, “…значения компонентов ФЕ всегда должны рассматриваться в первую очередь в отношении к фразеологическому значению в целом, а не к их значениям в системе языка” (Мелерович 2010: 114), здесь все-таки системное значение оказывается весьма значимым даже не столько в семантическом плане, как в структурном.

Однако, несмотря на отсутствие у ФЕ ***от аза до ижицы*** и ***от альфы до омеги*** лексических вариантов, они все-таки не лишены способности быть базовыми при образовании речевых ФЕ. И поэтому нам кажется справедливым утверждение, что “каждая ФЕ обладает способностью ситуативного моделирования, продуцируя фразеологические окказионализмы, отражающие все разнообразие единичных ситуаций, обобщаемых инвариантной моделью” (Мелерович 2008: 32).

Собственно, приведенные ФЕ используют в своей структуре названия первой и последней буквы алфавита. Жесткая семантическая структура названных ФЕ, тем не менее, не остановила известного украинского поэта Бориса Олейника в поисках новых, тематически близких компонентов. И у него это получилось: *Затворник, / всохший з виду, мов ікона, / Жадав прийняти речення святе / На віру. – / **Від титли і до коми**, – /Усе мирське одмівши як пусте*.

Что касается других ФЕ этой модели, то их лексические компоненты более свободны для варьирования, для замены компонентов "в тематическом круге лексики, обеспечивающем относительную тождественность образного представления" (Мокиенко 1989: 32).

Украинский фразеологизм ***з (від) ранку (рання) до [самого] вечора (до смерку, до смеркання, до темна, до [пізньої] ночі)*** имеет четко выраженную временную семантику, которая во фразеологическом словаре подается таким образом: 'весь день, целыми днями, на протяжении длительного времени'. Эта временная семантика исходит не только из внутренней формы единицы, но активно поддерживается и компонентным составом. Казалось бы, использовать такую фразеологическую модель в качестве исходной для усиления образности поэтической строфы вряд ли возможно. Поскольку практически все, что можно было найти в качестве заменителей компонентов, заложено в узусе. Но настоящие мастера поэтического слова даже в такой, казалось бы, абсолютно проигрышной ситуации находят художественные средства, способствующие усилить образность как фразеологической единицы, так и контекста. Именно такой пример мы находим в стихотворении украинского поэта Ивана Драча: *Амплітуда людська – **від колиски до гробу. / Та не знати народу таких амплітуд, / Бо ошпарює реквієм мою душу окропом / І сподівану зрілість вишукує тут*.

Уместно будет напомнить слова А.М. Мелерович: "…каждое новое употребление ФЕ как категориальной единицы языка представляет собой ее особую речевую модель. ФЕ языка отличаются от своих речевых моделей тем, что являются по отношении к ним продуцирующими, порождающими структурами, а речевые модели, речевые варианты ФЕ репрезентируют процесс и результат становления новых знаков, принадлежащих определенному речевому дискурсу и несущих на себе печать своего оригинала" (Мелерович 2008: 32). Как видим, окказиональная ФЕ узнается и признается в качестве полноправной ФЕ благодаря узуальной модели. Скажем больше – этот окказионализм претендует на признание его полноправной самодостаточной ФЕ.

Высокая частотность использования в речи, в том числе и в поэтической, характерна ФЕ ***с (от) головы до ног (пят) –*** 'целиком, полностью'. Находим мы эту ФЕ в произведениях Дениса Давыдова: *Я вас люблю не оттого, что вы / Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит, / Уста роскошствуют и взор Востоком пышет, / Что вы - поэзия **от ног до головы**!* ("Я вас люблю так, как любить вас должно…"); у Александра Грибоедова в "Горе от ума": *Возьмите вы **от головы до пяток**, / На всех московских есть особый отпечаток* (узуальная вариантность: *ног – пяток*); у Александра Пушкина в "Евгении Онегине": *Никто б не мог ее прекрасной / Назвать; но **с головы до ног** / Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar.*

Продолжает эта ФЕ активно использоваться и поэтами XX века. Так, у Леонида Мартынова читаем: *Но посылали вы / Сюда лишь только тех, / Кто* ***с ног до головы*** */ Укутан в темный грех. / Ведь, правда, было так? / Труби, норд-ост, могуч, / Что райских птиц косяк / Летит меж снежных туч* (Эрцинский лес).

Однако мастеров художественного слова не всегда удовлетворяют возможности ФЕ, предопределенные узусом. И тогда они прибегают к различного рода трансформациям.

Евгений Евтушенко в поэме "Казанский университет" трансформирует ФЕ ***с (от) головы до ног (пят)***, заменяя лишь вторую часть единицы: *Вся* ***от головы и до хвоста*** *– / ты гниешь, империя чиновничья, / как слепое, жалкое чудовище.* Собственно, такое изменение ФЕ определенным образом актуализирует семантику известной ФЕ, не переводя ее в разряд фразеологических новообразований. А вот, например, Владимир Соколов на базе существующей создает окказиональную ФЕ. При этом семантика новообразования весьма близка к семантике базовой единицы (хотя и не идентичная). Однако следует заметить, что такая трансформация стилистически оправдана: *А уж дворник торопится к дому, / любопытен* ***от пят до седин***. Компонент ***седина*** в структуре ФЕ вносит элемент возвышенности (см.: Бакина 1982: 227) и одновременно в какой-то мере указывает на возраст персонажа.

А известный украинский поэт Лина Костенко в поэтическом романе "Маруся Чурай" прибегает к такому обновлению этой ФЕ: *Суддя здригнувся. Одсахнувся натовп. / Горбань охляв* ***од чуба до халяв.*** */ Козак спітнів. Козацька шабля навпіл. / А стіл стоїть. Так само, як стояв.* И тоже не безосновательно: ***чуб*** – атрибут внешности казаков, ***халяви*** – обуви (верхняя часть сапог). В силу этого ФЕ из национально-нейтральной переходит в разряд единиц с ярко выраженной этносемантикой.

Высокой степени обобщения смысла, его тесной связи с контекстом и композицией произведения достигает Леонид Мартынов, создавая на базе этой же ФЕ свою индивидуально-авторскую единицу: *А все не лопнуло б, не треснуло б, / Не рухнул бы в недобрый час / Весь этот газово-бензиновый, / Зыбучий* ***от вершин до недр****, / Мир геометрии резиновой…* (Топология).

Аналогичный пример фразеотворчества с использованием анализированной ФЕ наблюдаем и в поэме Егора Исаева "Даль памяти": *Давно ль, скажи, / Тут злобствовал Деникин, / А там, / С краев, / Четырнадцать держав / Давно ль, скажи, /* ***От маковки до корня*** */ Палили нас / И распинали нас?* Только компоненты-заменители автором взяты из лексики, обозначающей растительный мир.

Андрей Вознесенский интенсифицирует значение ФЕ путем ввода компонента-заменителя, который указывает на предельно крайнюю точку *ноги* – ***ступню***: *У нее молодые – как смоль. / У нее до колен – золотые. / Вся* ***до пяток*** *– презренье и боль. / Вся любовь –* ***от ступней до затылка*** (Хозяйки). Тем более в одном микроконтексте автор как бы нанизывает друг на друга два варианта трансформации одной и той же ФЕ: эллипсис и субституция.

Таким образом, поэтическое творчество талантливых мастеров слова –

это одновременно и фразеологическое творчество. И свидетельством этому есть функциональные потенции даже таких, казалось бы, малопродуктивных ФЕ, как ***с (от) головы до ног (пят).***

1. *Бакина М. А.* Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии / М. А. Бакина // Некрасова Е. А., Бакина М. А. Языковые процессы в современной русской поэзии. – М. : Наука, 1982. – С. 189-306.

2. *Логачева В. Г.* Англоязычная специфика моделирования действительности (лингвосемиотический аспект) : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / В.Г. Логачева. – Волгоград, 2007 – 27с.

3. *Мелерович А. М.* О функциях и структуре лексических компонентов фразеологических единиц / А. М. Мелерович // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах: Сборник научных статей. – Орел: ОГУ, 2010. – С.114-118.

4. *Мелерович А. М.* Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи / А. М. Мелерович // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) – М.: ООО "Издательство «Элпис»", 2008. – С.29-34.

5. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.

к.ф.н., доцент О.Ю. Машина (Великий Новгород)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ РЕЧИ

Основным признаком фразеологизма или пословицы и их значения является образность. Её принято понимать как представление, лежащее в основе обобщённого значения, некую картину, помогающую не только понять, но и почувствовать обозначаемое или изъясняемое. Например:

«Скажите, можно ли без злобы встречаться с человеком, которого *видишь насквозь*, со всем его нутром»! (Салтыков-Щедрин 1986: 16)

«- Предупреждаю, сказал Конторский, - если затеваете какую-нибудь свару… вам *головы не сносить»*. (Шукшин 1992: 11).

« Словом, мучаясь субъективно, я смотрел на весь ход такой драмы и объективно и отрезвлялся, с меня сходило всё *как с гуся вода»*. (Гончаров 1997: 158).

Часто образность называют внутренней формой фразеологизма, и с этим нельзя не согласиться, так как именно прямое значение слов, образующих ФЕ, и создаёт то зримое представление, которое лежит в основе образа.

Образное значение фразеологизма является устойчивым и воспроизводимым. В сознании носителей языка прочно обосновались эти малые образы речи, понимаемые чаще всего однозначно, и используемые для обозначения отдельных ситуаций, предметов окружающей жизни, а также их характеристики, оценки. Последнее свойство – оценочность, также задано образностью фразеологизма, так как образ обладает эмоциональным и экспрессивным содержанием.

Вместе с тем фразеологизм – это единица языка, активно функционирующая в речи, применяемая для выражения различных новых содержаний, а потому претерпевающая функциональные видоизменения. Их принято называть трансформацией оборота, вариативностью или стилистическим преобразованием. Так или иначе, всё это является изменением формы и содержания фразеологизма в речи с контекстной коммуникативной задачей.

Свои наблюдения мы посвятили одному из способов таких функциональных изменений ФЕ, а именно обыгрыванию фразеологического образа в речи. Мы рассмотрим примеры контекстных преобразований фразеологизмов, при которых автор текста берётся за фразеологизм как за материал для развития темы и перед читателем раскрывается не только уже известный в языке образ, но и новое содержание речи. Это столкновение делает высказывание эмоциональным и информативным одновременно, а значит и воздействующим на читателя или слушателя. Например, «Или вся моя вина в том, что ***Емеля*** *подарил мне свои семь драгоценных дней* ***молоть*** *языком*, сколько влезет»? (Ремизов 1990:318) – *Мели, Емеля, твоя неделя.*(СРПП 1993:169) В этом употреблении пословицы основной образ используется для выражения того же смысла о многоречивости, что и в народной пословице. Так же и в примере трансформации пословицы *знал бы, где упасть, соломки бы подостлал* (СРПП 1993:136): «Могла бы позаботиться о смягчении удара, ***о соломке для падающего***». (Солоухин 1986: 224).

В другом контексте образные средства применяются к выражению иного смысла, нежели в устойчивой пословице: *У другого соринку в глазу видит, а у себя бревна не замечает.* «…что и у него есть свои недоброхоты, что и он для кого-то, и Бог знает из-за чего, ***бревном в глазу*** сидит»! (Ремизов1990: 196). Это образное выражение соотносимо и с фразеологизмом *как бельмо в глазу* – как помеха, как нечто раздражающее своим присутствием. (ФСРЯ 1994:33). Контекстный вариант имеет значение несколько отличное от пословичного и фразеологического, а именно: для кого-то что-либо негативное, вредное, мешающее. Зримый характер внутренней формы, её конкретно предметное содержание нередко обыгрывается в тексте и также служит средством выразительности и эмоциональности речи. Например, «Итак, если мы ***положим руку на сердце***, то оно нам скажет, что мы действительно истинно здравых понятий о вещах в своём яснопостижении обладать не можем». (Салтыков-Щедрин 1986: 158). В этом предложении использован устойчивый фразеологический образ : «Скажу только, *положа руку на сердце*, что я бы от всей души желал, чтобы в нашем отечестве было бы побольше людей, в которых было бы столько же любви к России…» (Щёголев 1989: 129).

Положа руку на сердце – Совершенно чистосердечно, откровенно, искренне (говорить, сказать…) (ФСРЯ 1994: 334).

Фразеологический образ *нож в сердце* – Причиняет душевную боль, страдание. (ФСРЯ 1994: 281) приобретает в речи такие варианты:

«…и в тот же миг отточенный тонкий ***крючок*** вошёл мне ***в*** живое ***сердце*** и, зацепив за живое, чуть дёрнул – и уж грубо и слепо поволок меня…» (Ремизов 1990: 316) . Ты же ***в*** самое ***сердце*** райкома ***нож*** втыкаешь. (Марков 1986:16). ***Крючок в сердце*** – затрагивает, волнует, тяготит; *нож в сердце* райкома – потрясает основы, дезорганизует.

Фразеологизм *камень на душе [сердце]* - Кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство. (ФСРЯ 1994:189) видоизменяется таким образом: « И эта ошибка была ***камнем, пущенным*** в него – ему ***в сердце***, непреклонное и твёрдое, как сам камень, и горькое как желчь». (Ремизов 1990:428). *Камень в сердце* – удар, вызов.

« - …Нет, батя, ***каменное*** у тебя ***сердце***, а то, что от камня откололось, назад не приставишь. Батя, говорят, начал его стращать: «Возьму, мол, и отдам твой пай из хозяйства Терехе с Прошкой…» (Марков 1978: 304). *Каменное сердце* – твёрдый, непреклонный человек.

Отношения противоположности значения основного и речевого варианта возникают при функциональных изменениях фразеологизма в речи. Например, « ***Душа*** его ***присоединилась к телу***, и в результате этого объединения шофёр робко двинулся вперёд». (Ильф и Петров 1992: 197). *вынимать душу из тела* – Устар. Экспрес. Изводить, терзать кого-л., надоедать, досаждать чем-л. неприятным, нудным и т.п. (ФСРЛЯ 2003: 122)

Вынимать душу (вынуть душу) Устар. Экспрес. 1. Убивать, умервшлять кого-л. 2. Истязать нравственно, мучить (ФСРЛЯ 2003: 122). *Душа с телом расстаётся* – Устар. Прост. О наступлении смерти. (ФСРЛЯ 2003: 222).

В речи фразеологический образ может использоваться в варианте, создающем аналогичный образ основному языковому: «- ***В душу*** как вроде ***удобрения свалили***, грустно сказал он.- Вот же как тяжко! Достанется мне эта справка…» (Шукшин 1992: 36) – *плюнуть в душу* – Оскорблять самое дорогое для кого-либо, самое сокровенное в ком-либо. (ФСРЯ 1994: 319). Или же так: « …меня всегда считали своим, но предоставляли летать как хочу – ***гусь по журавлиному не может***… Теоретик – это ***гусь*** в журавлиной стае, летит вместе, но держится наособицу». (Тендряков 1982: 185). Здесь использован основной языковой образ – *гусь свинье не товарищ, рождённый ползать летать не может.* Существующее в языке категоричное противопоставление: *гусь-свинья; летать-ползать* находит в речи новое образное воплощение, смягчённого противопоставления: *гусь - журавль; летать- летать обособленно.*

Фразеологический образ в речи перерабатывается в обратном направлении и возникает противоположное оценочное значение. Например: «…надо было охранять Марью Васильевну, мать, которую ***и муха могла обидеть***». (Ремизов 1990: 387). Основной языковой оборот *мухи не обидит* - Кроткий, безобидный, добрый. (ФСРЯ 1994: 287). Контекстный вариант этого фразеологизма приобретает другое значение: Крайне незащищённый, безропотный, кроткий. В преобразованном фразеологизме значение языкового оборота имеет высокую степень выраженности, образ в речи гипертрофируется. Именно такой семантический процесс чаще всего происходит при преобразовании фразеологизма в речи. Это образное значение варьируется в речи многообразно: «Храбрый был, работящий был, справедливый. ***Курицы не обидит***, а медведь в лесу лучше ему на глаза не кажись…» (Яшин 1988: 9). «…всё ласково да обходительно, ни одной ***мухи*** за всю жизнь ***не раздавил***, а силушкой владел непомерной.» (Яшин 1986: 10). *Мухи не обидит – мухи не раздавил – курицы не обидит – и муха могла обидеть.* Вариантный ряд включает в себя всевозможные преобразования в речи фразеологического образа и значения.

Образное значение закрепляется за одной языковой формой, например, *палец в рот не клади – по локоть откусит*. В речи встречаются варьирования этого внутреннего образа, что закрепляется компонентным составом ФЕ. Например, «Ты ведь такой: ***палец протяни – руку откусишь***». (Тендряков 1982:258). Таким образом, возникает речевая вариантность, передающая высокую интенсивность действия, выраженного пословицей. Такого же характера варьирование оборота *нести крест* в примере: «Я с умилением смотрю на тех, сокрушённых духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, ***гнездясь*** по стенке в церквах… тихо и безропотно ***несут*** своё ***иго*** и видят в жизни и над жизнью высоко только крест и евангелие… (Гончаров 1997: 117). *Нести крест – нести иго.* Выделенные нами примеры не являются индивидуально авторскими предпочтениями, так как встречаются в различных текстах, и поэтому носят закономерный характер. Языковой фразеологизм в речи видоизменяется с целью передачи значения преувеличенного, ослабленного или противоположного в сравнении с основным языковым значением фразеологизма. Таким образом, вопрос о функционировании фразеологического образа в речи может быть изучен в плане лексико-фразеологической вариантности, трансформации фразеологизма, его стилистической разработки.

1. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок.- М., 1994.
2. Фразеологический словарь современного русского языка / Под ред. А. И. Молоткова.- С. Пб., 1994.
3. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка.- М., 2003.

Источники

1. Гончаров И.А. в кругу современников / Е.К. Демиховская, О.А. Демиховская.- Псков, 1997.
2. *Ильф И. и Петров Е.* Двенадцать стульев.- Челябинск, 1992.
3. *Марков Г.* Строговы.- М., 1978.
4. *Ремизов А.М.* Повести и рассказы.- М., 1990
5. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Дневник провинциала в Петербурге.- М., 1986.
6. *Солоухин В.* Каравай заварного хлеба.- М., 1986.
7. *Тендряков В.* Покушение на миражи.- М., 1982.
8. *Шукшин В.М.* До третьих петухов.- М., 1992.
9. *Щёголев П.* Алексеевский равелин.- М., 1989.
10. *Яшин А.* Сирота.- М., 1988.

к.ф.н, доцент Е.А. Невзорова-Кмеч (Лодзь, Польша)

ДОЛЯ НОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЛЬСКОМ МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ

Во многих языках, как отмечается в исследованиях лингвистов, представленных на международных конференциях в разных городах славистического мира за последнее десятилетие, проходят динамические процессы, затрагивающие разные его составляющие. Фразеология является одной из них. Проводя наблюдения на базе польского языка, можно отметить изменения в молодежном жаргоне. Периодичность возникновения новых единиц оценивается в два-три года в зависимости от популярности, активности их употребеления представителями определенных возрастных групп. Такая тенденция, меньшей интенсивности, характерна и для фразеологических оборотов.

Анализ мы проводили на базе сравнения изданных словарей жаргона (ученического (Zgółkowa 2004), студенческого (Kaczmarek, Skubalanka, Grabias 1994), молодежного (Chaciński 2003, 2005; Czeszewski 2001), разговорного языка (Anusiewicz, Kawiński 1996; Czeszewski 2006) с ресурсами Интернета – словарем Miejski słownik słangu i mowy potocznej (www.miejski.pl).

Жаргонные фразеологические обороты имеют свою специфику. Это фразеологические неологизмы, которые «созданы заново, или актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы путем трансформации известных паремий, крылатых слов или фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков». (Мокиенко 2002: 66) Образование идёт, как отмечал М.А. Алексеенко, из-за именования ранее наименованных номинантов аналитическими формами, «в результате чего возникают устойчивые описательные наименования, которые не увеличивают лексический фонд, но усложняют синтагматические отношения в языке» (Алексеенко 2002:25). Этому процессу способствует эвфемизация. Однако возникшие словосочетания, по замечанию ученых, относятся к маргинальной области «перефрастики, за которой следуют составные термины-неофразеологизмы» (Мокиенко 2002:67).

Польская фразеология со времен составления словаря С. Скокупки скорее склонна описывать и включать в лексикографические разработки широко понимаемые ФЕ. Польские лингвисты (Хлебда, Богуславский, Вавжиньчик, Даневичова) в новых своих исследованиях уделяют особое внимание новопоявившимся устойчивым выражениям в языке, а также тем, которые существовали в нем годами, по терминологии Хлебды «репродуктам» («отличающихся заданностью и репродуцируемостью в определенных ситуация в функции вербализатора данного семантического потенциала») (Хлебда 2002: 55). Результатом таких работ становятся «идиоматиконы» и «зонды». Однако перед их авторами не решенным остается вопрос, как собрать и обработать фразеографические объекты.

А. Жуков также задается вопросом фразеологичности словосочетаний. Не обладающие определенной степенью идиоматичности предложно-суб-

стантивные выражения исследователь называет «фразелогическими фантомами» (Жуков 2010: 356) Под такие, по его мнению, единицы попадают анализируемые нами, например, bez ory ‘свободно, без проблем’, od kopa ‘очень быстро’. Однако по признакам фразеологизмов, описанным в «Славянской фразеологии» В.М. Мокиенко (1989) причисляем эти предложно-падежные сочетания к ним.

В жаргоне вопрос, что считать фразеологизмами, является актуальным. Жаргон характеризуется вторичностью номинации. Слова литературного языка используются для обозначения иных элементов действительности. Зная, что оно обозначает в жаргоне, мы можем без труда вывести значение словосочетания из значений его компонентов, например, obalić pół litra (obalić ‘wypić - выпить’, nosić bryle (bryle ‘okulary - очки’, zakładać cichobiegi/cichochody/ cichoszmery (cichobiegi/cicho chody/ cichoszmery ‘trampki (pododne do kapci) - кеды’, odpalić Windę (odpalić ‘uruchomić, włączyć - включить’, Winda ‘program Windows – программа Windows’ и др.) Несмотря на их репродуцирование и экспрессивность, созданную за счет жаргонного компонента, они не обладают образностью. Иногда единственным критерием, по которому считают единицу фразеологическим оборотом, – это экспрессивность и устойчивость ее употребления, например, в русском языке – это выражения «албанского» языка. Устойчивость – явление относительное. Фразеологизмы постоянно актуализиуются. Преобразование жаргонных ФЕ спонтанно, обновление состава происходит под влиянием новых условий жизни и ситуаций общения. Как ухватить тот момент, когда оборот считается «новинкой», то есть, где находится грань между свободным словосочетанием литературного или разговорного языка – устойчивым идиоматичным оборотом жаргона и когда он становится известным и можно около него поставить помету жаргонно-разговорное или разговорное. Лишь историческая жаргонология и фразеология может дать ответ на этот вопрос.

Фактор новизны несомненен в тех случаях, когда возникновение спровоцировано событиями, случившимися в последнее время, например, idą broniж krzyїa. Оборот появился в середине 2010 года, когда после катастрофы в Смоленске у президентского дворца в Варшаве был установлен крест, который после окончания траура должны были снять, однако появились защитники креста, не позволяющие его убрать, дежуря и днем, и ночью на Краковском предместье. Это вызвало негодование и возмущение части населения, которая не участвовала в этой борьбе. Часть относилась с иронией к данному происшествию и считала действия, защитников мотивированы отсутствием иного занятия. Значение, которое приобрело выражение, - это «отстань, иди подальше (просьба оставить кого-либо в покое)». Структура этого фразеологизма опирается на модель «idź (čäč) + robić coś dziwnego (делать что-л. странное)»: idź gonić kury, idź banany prostować.

В 2004 (?) году был создан портал, ныне популярный среди молодежи, представляющий смешные высказывания, диалоги, короткие истории. Его название стало компонентом оборота: iньж na Basha ‘что-л. очень смешное’ (basha.ogr.pl).

Почти в это же время (в Ěiejski Słownik он занесен с датой 2006 г.) в обиход вошел также связанный с интернетом оборот dzieci Neostrady/ dzieci Neo ‘молодые люди в возрасте от 8 до 17 лет, активные участники форумов,

чатов, виртуальных компьютерных игр и т.д.' Неострада (1991 (год выхода на рынок)) – это программа польской фирмы «TP S.A.», предлагающей услуги в области интернет-соединений и телефонной связи. Благодаря рекламе она стала одной из самых популярных среди жителей Польши.

Другим источником, который становился не раз стал объектом исследований, является реклама. Лозунги, виднеющиеся на наружных щитах, звучащие в роликах по телевизору, атакуют ум человека и произвольно остаются в памяти. В середине 90-х годов вошел в употребеление фразеологизм dokarmić/ dotlenić raka 'выкурить сигарету', который этимологизируется надписью на пачках сигарет «Palenie powoduje raka». В настоящее время его трудно причислить к новинкам молодежного жаргона (его место занял, напр., bakać lolo, aplikować sztukę) – он утратил за счет широкого распространения и понятности большинством носителей экспрессивность и криптологичность, которой обладал в момент появления.

Реклама часто использует язык молодежи для того, чтобы привлечь покупателей, однако, как пишет Б. Хациньский, «устраивая облавы на молодые слова ... часто убивают спонтанность языка, немногое за счет этого получая» (Chaciński 2005: 115). Лучше, если реклама сама дает что-то от себя и дает это пережевать языку (там же), напр., A świstak siedzi i zawija w te sreberka 'ответ на чью-либо неправдивую (или кажущуюся таковой) историю' (из рекламы шоколада *Milka*). Язык впитывает свежие выражения и придает им иные значения, уже ничего не рекламирующие: A świstak siedzi, bo się naj…ał i nie może wstać (Chaciński 2005:116), A świstak siedzi i nawija kolejnego skręta, A świstak siedzi,bo sreberka były kradzione. Примерами рекламным лозунгов служат также: (Paula) Krowa na maksa odjazdowa '1. о девушке по имени Паула, 2. о полной девушке' (из рекламы молочного киселя *Paula*); Nawijaj aż zbaraniejesz (из рекламы услуг оператор сотовой связи *Heya*). Эти выражения приближаются к малым формам устного творчества: дразникли, кричалки, отговорки и т.д. Есть те, что уже закрепились в речи, другие относятся к окказионализмам. Образуют они следующие доминантные группы: 1. Ответ на чьи-либо просьбы (A może frytki do tego?; A może papućki i telewizorek?); 2. Выражение сомнения в высказанном (напр., A świnie latają; A potem tobie komputer się wyłączył; A potem przyleciało UFO; A potem się obudziłeś; A drugiej części były smoki); 3. ответ на сообщение очевидных вещей (A wiesz, że Michael Jackson żyje?). Ряды таких новообразований могут создаваться под влиянием эмоций, ассоциаций и творческих языковых способностей носителей. Они представляют часть исследований фразеологов. Ученые их рассматривают как в контексте антипословиц и контрвысказываний (В. Хлебда, Белянин, Бутенко). Запись и фиксация такого рода материала, как уже отмечал В. Хлебда, важна, поскольку мы наблюдаем, что «происходит во фразеологическом пространстве нашего повседневного общения» (Хлебда 1996: 23)

Возникает вопрос, кто фиксирует данный материал. Безусловно, в словарях молодежного жаргона отмечаем единицы неизвестные даже молодому поколению читателей. Пометы, например, «Запись 2001 г.» ничего, кроме факта занесения в картотеку не вносят ничего в проблему новизны той или иной единицы. Примером может послужить оборот białe szaleństwo в значении 'творог'. В Słownik gwary studenckiej (Kaczmarek, Skubalanka, Grabias),

который был издан спустя 20 лет после его составления в 1994 г., единица была занесена в 60-х гг. XX в. Появилась она в 2009 г. и в Miejski słownik. Может показаться, что это словосочетание вошло в активное употребление, сохраняя свой жаргонный статус. Однако, это далеко от истины, поскольку как в 90-е гг., так и позднее этот оборот при анкетировании носителей польского языка ассоциировался лишь со значением ‘развлечение на снегу (лыжи, катание на санках и т.д.)’. Оценка, которую пользователи упомянутого Интернет-словаря, этой единицы также отрицательная. При анализе одного источника мы можем дать ложное заключение о новизне, в действительности стоит, наверное, его рассматривать, как окказиональное образование, которое сохраняет свою ограниченную сферу употребления и стилистическую нишу на протяжении нескольких десятков лет. К таким оборотам, которые входят в словарь студенческого жаргона относится, напр., Bonie Dydy ‘jak Boga kocham – клянусь, точно’, но в отличие от białe szaleństwo они стали частью разговорного языка.

Новым может показаться все, что мы не слышали и не знали, но это не означает, что этого не было раньше. В молодежный жаргон переходят многие обороты из языков разных социальных групп и из литературного языка, однако они преобразуются, меняя свой компонентный состав или значение. Например, bić pałę ‘заниматься онанизмом’ (словарь молодежного сленга, словарь польского разговорного языка), изменило значение на ‘уходить; отстать от кого-л. (употребляется в пов. накл.)’. Вызвано это активизацией глагола bić (bij) в значении ‘уходить, отстать’: bij laciem, bij na fryty, bij na hel, bij na jajo, bij na peron, bij strzałę, bij w żyto. В разговорном языке функционирует odbić ‘повернуть, поехать в ином направлении’, который соотносится по значению с названным bić. С приставкой wy- он также означает движение: wybijam z domu, wybijam do budy и др. Может, оборот мог быть образован путем эвфемизации вульгаризма spierdalaj, pierdol się, spieprzaj, которые как большинство вульгаризмов имеют табуизированную сферу секса.

Определить количество новых оборотов в молодежном жаргоне представляет значительное затруднение. Фиксация словарями происходит со значительным опозданием, пометы могут быть опровержены и не несут до конца достоверной информации, думается, тем не менее, что любая датированная запись служит изучению фразеологии жаргона: размещении оборотов на временной шкале, отделению фразеологизмов от свободных словосочетаний, их этимологизированию.

1. *Anusiewicz J., Skawiński J.* Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa-Wrocław, 1998.

2. *Bąba St. Liberek J.* O sposobach pomnażania zasobu frazeologicznego współczesnej polszczyzny. // Słowo. Tekst. Czas – VI Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r.) Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2002. – S. 347 - 355.

3. *BogusławskiA. Wawrzyńczyk J.* Polszczyzna, jaką znany. Nowa sonda słownikowa. – Warszawa, 1993.

4. *Bogusławski A., Danielewiczowa M.* Verba polona abscondita. Sonda słownikowa III. – Warszawa, 2005.

5. *Chaciński B.* Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny. – Kraków, 2005.
6. *Chaciński B.* Wypasiony słownik najmłodszej polszczyzny. – Kraków, 2003.
7. *Czeszewski M.* Słownik polszczyzny potocznej. – Warszawa, 2006.
8. *Czeszewski M.* Słownik slangu młodzieżowego. – Piła, 2001.
9. *Dziamska-Lenart G.* Nowe typy słowników frazeologicznych języka polskiego.// Słowo. Tekst. Czas – X Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Pod red. M. Aleksiejenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – S. 469 - 478.
10. *Kaczmarek L., Skubalanka T., Grabias S.* Słownik gwary studenckiej. – Lublin, 1994.
11. *Kasperczak M., Rzeszutek M., Smól J. Zgółkowa H.* Nowy słownik gwary uczniowskiej. – Wrocław, 2004.
12. *Nevzorova-Kmech E.* Polsko-rosyjski słownik frazeologiczny gwary młodzieżowej. – Łódź, 2010.
13. *Алексеенко М.* Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии.// Słowo. Tekst. Czas – VI Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r.) Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2002. – S. 23 – 33.
14. *Мокиенко В.* Проблемы европейской фразеологической неологики // Słowo. Tekst. Czas – VI Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r.) Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2002. – S. 63 – 79.
15. *Хлебда В.* Об объектах фразеографического описания в переводном словаре // Słowo. Tekst. Czas – X Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Pod red. M. Aleksiejenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – S. 56 – 65.
16. *Степанова Л.* О новых фразеологизмах в современном русском языке // Słowo. Tekst. Czas – X Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Pod red. M. Aleksiejenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – S. 90 - 93.

д.ф.н., профессор Т.Г. Никитина (Псков)

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Концепция тематического словарного представления молодежных сленгизмов, и в том числе сленговых фразеологизмов, строится с учетом имеющихся тематических классификаций русского сленга – воровского, молодежного, спортивного (Балдаев 1997: 201-230; Никитина 2003: 680-706; Никитина, Рогалева 2010: 302-310). Первым этапом практической реализации данной концепции стала разработка тематического указателя к Толковому словарю молодежного сленга (Никитина 2009: 1036-1103). Структурная схема

указателя используется и в подготовленном к печати «Тематическом словаре молодежного сленга».

Темы (их более 800), под которыми располагается материал в словаре, задаются нормативными лексемами литературного языка и располагаются в алфавитном порядке: АБИТУРИЕНТ, АБОНЕНТ, АБОРТ, АВТОМОБИЛЬ, АПТЕКА, БАНК, БЕГУН, БИБЛИОТЕКА и т.п. Под темой-рубрикой, т.е. в одной макростатье, группируются (также в алфавитном порядке) сленговые эквиваленты заголовка – слова и фразеологические единицы (ФЕ), которые разрабатываются в отдельных микростатьях. Так, макростатья БЕГУН включает лексикографическое описание спортивных сленгизмов *брат знаменский, тормозила, швейная машинка*, макростатья БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ отражает общемолодежные сленгизмы *балдеть, болеть шлангитом, валять (катать) му-му, гонять (валять, пинать) балду, гонять вальта, гонять дуру, гаситься, делать дурочку, зависать, косить изюм, ловить гавов, пинать тазики, развесить вёсла, раздолбайничать, шланговать* и т.п. Таким образом, словарь приобретает характер «переводного» - с литературного русского языка на сленг.

Словарные статьи, размещенные в рамках темы, раскрывают оттенки значения жаргонизмов, содержат указания на их сленговую «специализацию», включают примеры употребления и в ряде случаев –этимологическую справку:

БАЛДЕТЬ, -ею, -еет, несов., неодобр. *Бездельничать.* Елистратов, 31. Балдеешь? Хорош валяться. Дел полно. (Запись 2008 г.)

ГОНЯТЬ (ВАЛЯТЬ, ПИНАТЬ) БАЛДУ, неодобр. *Бездельничать, отлынивать от работы.* До обеда балду гоняли. (Запись 2007 г.) Мужики, кончайте балду валять. Давайте проект корячить. (Запись 2008 г.) Кто будет балду пинать, ни хрена не получит. (Запись 2008 г.)

ДЕЛАТЬ ДУРОЧКУ, неодобр. *Бездельничать, дурачиться.* Кончай дурочку делать, давай немецкий переводить. Никитина, 1998, 120.

ЛОВИТЬ ГАВОВ, шутл. или неободр. *Бездельничать, ротозейничать* (*г. Одесса*). Кончай ловить гавов там, иди, помоги мне. НВ, 1997, № 38. < От укр. *гава* – 'ворона'.

ПИНАТЬ ТАЗИКИ, шутл. *Бездельничать, праздно проводить время.* Тоже мне практика – неделю тазики пинали, потом в парке какие-то бумажки подбирали. ТСМЖ, 685.

Разработка фразеологизмов в одной макростатье с синонимичными лексическими сленгизмами позволяет нагляднее представить особенности фразеологической семантики, как правило, более емкой, экспрессивно насыщенной. Особенности семантической нюансировки фразеологизмов отражают толкования, оценочность и стилистические оттенки передают пометы. Таким образом, макростатьи тематического словаря раскрывают проявление лексико-фразеологической системности молодежного сленга на уровне синонимических рядов.

Макростатья как нельзя лучше репрезентирует и системные отношения производности, объединяющие лексику и фразеологию. Так, упоминавшаяся выше макростатья БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ включает следующие «родственные» сленгизмы, относящиеся к одному «слово-фрамемообразовательному» гнезду:

ШЛАНГОВАТЬ, -гую, -гует, несов., неодобр. или шутл.-ирон. *Бездельничать, отлынивать от работы.* Елистратов, 571. Эй, военные, хватит шланговать, все бревна без вас перетаскали. Митрофанов, Никитина, 252. Все работают, а он шлангует. СМЖ, 84. < От *шланг* – бездельник, лодырь.

БОЛЕТЬ ШЛАНГИТОМ, шутл. *Бездельничать, отлынивать от работы.* Урал-98. < *Шлангит* – от *шланг* – бездельник, лодырь.

Другие парадигматические отношения внутри темы (родо-видовые, целого-части и т.п.) отражаются соответствующей детализированной (до трех уровней) рубрикацией, которая графически оформляется специальными значками. Фразеологизмы присутствуют на всех уровнях таких построений, приближающих тематическую классификацию сленгизмов к идеографической, а читателя – к осознанию роли фразеологизмов в языковой картине мира, отображаемой сленговым словарем:

ПЬЯНКА

…..

БУХЕНВАЛЬД, -а, м., шутл.-ирон. *Пьянка.* Не пойду к Широковой, у неё всегда крутой бухенвальд. WMN, 17. < По ассоц. с *бухать* – 'пить спиртное'.

ВЫНОС ТЕЛА, шутл.-ирон. Арм. *Прощальная выпивка перед убытием на новое место службы или увольнением из вооруженных сил*. Кор., 69; Лаз., 130.

ДЕНЬ ГРАНЁНОГО СТАКАНА, шутл. *Пьянка без повода; шутливый повод для выпивки.* Так говорят вприколку, когда сидят, пьют просто так: что отмечаете? – День гранёного стакана. Митрофанов, Никитина, 199.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БАБЫ-ЯГИ, шутл. *Пьянка без повода; шутливый повод для выпивки.* Мак., 107; Алкословарь, 2005, 50.

ДЕНЬ СМЕРТИ АННЫ КАРЕНИНОЙ, шутл. *Пьянка без повода; шутливый повод для выпивки.* Мак., 107; Алкословарь, 2005, 50.

ДРИНЧ, -а, м. *Выпивка, пьянка, распитие спиртных напитков.* БСРЖ, 167. < От *дринчать* – 'пить спиртное'.

……

· **Перед футбольным матчем:**

НУЛЕВОЙ ТАЙМ, шутл. *Распитие спиртного фанатами перед футбольным матчем*. Нулевой тайм как разогрев перед боем. НР, 2006-б, 233.

НУЛЁВКА, -и, ж., шутл. *Распитие спиртных напитков фанатами перед футбольным матчем.* У вас что, опять нулевка? НР, 2006-б, 156. < От *нулевой тайм*.

· **После футбольного матча:**

ТРЕНЕРСКИЙ СОВЕТ, шутл. *Распитие спиртного фанатами после футбольного матча.* С местными забились на девять, после тренерского совета. (Запись 2009 г.)

ТРЕТИЙ ТАЙМ, шутл. *Распитие спиртного фанатами после футбольного матча.* (Запись 2010 г.).

Ставшее аксиомой утверждение об избирательности фразеологии иллюстрируют рубрики словаря, отражающие черты характера и интеллектуальный уровень человека, его внешний облик, физиологические процессы, протекающие в организме. Помимо этих тем, традиционно наполняемых фразеологией и в сленге, и в общенародном языке, макростатьи словаря представляют тематические доминанты исключительно сленговой фразео-

логической номинации, например, в сфере ономастики: прозвища известных футболистов: *Маленький Мук из Великих Лук* (Д.Аленичев), *Весёлые Сестрички* (А. и В.Березуцкие), *Кудряшка Сью* (В.Бесчастных), *Маленькая Лошадка* (С.Семак) и др.; прозвища рок- и поп-звезд: *Гроб Бебенщиков* (Б.Гребенщиков), *Полип Фарфоров* (Ф.Киркоров), *Титан Байконур* (Б.Титомир) и т.п.; прозвища поэтов и писателей, исторических деятелей и ученых, известных носителям сленга из школьной программы: *Арап кудрявый, Вечно молодой, вечно пьяный, Чубчик кучерявый* (А.С.Пушкин), *Тот, у кого штаны во все стороны равны* (Пифагор), *Петруха – наш человек* (Петр-I), *Шнурок с Невки* (Александр Невский) и т.п.

Фразеологизмы разрабатываются и располагаются в макростатье по алфавиту первого слова. В случаях, когда сленгизм является образным стержнем фразеологизма, используется традиционная система описания ФЕ внутри статьи под звездочкой, что дает возможность делать выводы о фраземообразовательной активности тех или иных сленгизмов:

· Элементы брейк-данса:

БОЧКА, -и, ж. *Вращение на спине со скрещенными в щиколотках ногами.* (Запись 2007 г.).

ГВОЗДЬ, -я, м. *Вращение на голове.* * **Гвоздь без шляпки.** *Вращение на голове, выполняемое без головного убора.* ТСМЖ, 115. * **Гвоздь со шляпкой.** *Вращение на голове, выполняемое в шапке.* ТСМЖ, 115. * **Дать гвоздя.** *Выполнить вращение на голове.* Дать гвоздя – закрутить на балде без рук. H-Hi, 2000, № 3, 42.

КРЭК, -а, м. *Вращение в стойке на руке с подпрыгиванием.* Крэк явно смазал. (Запись 2008 г.)

Система репрезентации материала, предлагаемая в рамках нашей лексикографической концепции, позволит представить читателю еще один фраземообразовательный параметр, а именно - продуктивность структурно-семантических моделей ФЕ. Так, в макростатье БЕЗРАЗЛИЧНО наряду с однословными сленговыми наименованиями компактно располагаются фразеологизмы, образованные по моделям: *До банки, до зонтика, до лампады; по барабану, по сараю, по уху, по фиг (по фигу)[дым, мороз].*

Таким образом, тематический принцип расположения материала превращает словарь сленга в структурированный социокультурологически ценный текст, в деталях раскрывающий специфику концептосферы молодежных субкультур, и в то же время являющийся источником лингвистической информации о категориальных свойствах ФЕ на фоне лексических сленгизмов.

1. *Балдаев Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона. Т.2. – М.: Кампана, 1997.

2. *Никитина Т.Г.* Словарь молодежного сленга. – СПб.: Фолио-пресс, 2003.

3. *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. Ок. 20 000 слов и фразеологизмов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Астрель, 2009.

4. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Футбольный словарь болельщика. Оле-оле-оле-оле!!! - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

к.ф.н., доцент М.В. Орехова (Орёл)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОВЕСТИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»

Фразеология является мощным языковым средством, способным преобразить художественный текст, сделать его ярким, выразительным, экспрессивным, поэтому фразеологические единицы (далее – ФЕ) активно используются писателями и поэтами. Анализ отбора ФЕ и особенностей их использования в тексте художественного произведения позволяет получить представление о чертах индивидуально-авторской манеры конкретного писателя, средствах, формирующих его идиостиль. Особый интерес при этом представляют ФЕ, подвергшиеся индивидуально-авторскому преобразованию, несущие отпечаток языковой личности писателя и потому являющиеся уникальными.

Исследователями описано и проанализировано много способов трансформации узуальных ФЕ. Немаловажное место среди индивидуально-авторских преобразований занимают семантические, т.е. «семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ» (Мелерович Мокиенко 1997:17). В данной статье предпринята попытка анализа семантически трансформированных ФЕ, употреблённых в повести Б.К. Зайцева «Голубая звезда», поиска ответа на вопрос о причинах изменения узуального значения.

Борис Константинович Зайцев – ярчайший прозаик эпохи Серебряного века, творческой манере которого присущ неповторимый лиризм. Критик Т. Прокопов писал о прозе Б. Зайцева: «Не ищите у него занимательного сюжетца, сложной, таинственно разветвлённой интриги – ничего этого нет. А есть в его прозаических стихах и поэмах покой и философское созерцание, они полны раздумчивой тишины, обращённости к душе, к её вовсе не безучастным состояниям: она у поэта и страдает, и ликует, зовёт к размышлениям; она, именно она, душа, наполняет житие его героев бореньями страстей» (Прокопов 1999:9). Формированию столь уникальной лиричной манеры способствует и особое использование языковых средств, в том числе ФЕ, которые являются весомым элементом идиостиля Б. Зайцева. Писатель активно использует на страницах своих произведений узуальные ФЕ, обращается и к индивидуально-авторскому преобразованию.

Исходя из широкого подхода к пониманию объёма фразеологии, мы путём сплошной выборки выделили на страницах повести 464 употребления ФЕ. 53 ФЕ (11,4 % от общего количества фразеоупотреблений) являются результатом индивидуально-авторского преобразования. 3 ФЕ (5,7 % всех преобразований) были подвергнуты семантической трансформации. Как видим, Б. Зайцев относительно нечасто обращается к трансформации ФЕ вообще и к семантическому преобразованию в частности, однако каждая преобразованная единица заслуживает внимания, так как помогает глубже проникнуть в идеи автора, понять характеры его героев, особенности их вза-

имоотношений, почувствовать атмосферу, в которой они живут.

Возникновение окказионального значения у узуальной ФЕ может быть вызвано разными причинами. Одна из них – употребление ФЕ в необычном контекстном окружении, например: «*Фанни подняла вуаль и обнаружила лицо **не первой свежести**, подкрашенное, с чёрными, очень красивыми глазами*» (Зайцев 1989:174). ФЕ *не первой свежести* имеет значение «бывший в употреблении, истрёпанный, изношенный, нечистый» (ФСРЯ:382) и обычно служит для внешней характеристики какого-либо предмета, описания его состояния. В данном случае ФЕ выступает как определение, относящееся к существительному *лицо*. Используя необычное сочетание ФЕ с существительным, являющимся элементом контекста, Б. Зайцев привлекает внимание к образу героини, с помощью мелких штрихов и деталей дополняет портрет. ФЕ показывает, что героиня немолода, что время наложило отпечаток на её лицо. В то же время с помощью ФЕ автор указывает не только на внешние черты Фанни, но и на внутренние, более важные: богемный образ жизни, далёкий от праведного, развлечения, светские вечера не могут не отразиться на облике героини. Кроме того, употребление ФЕ в необычном контекстном окружении даёт читателю возможность почувствовать отношение автора к героине и к её образу жизни: в повести Б. Зайцева много немолодых героев, но только Фанни характеризуется с помощью подобных языковых средств. Таким образом, необычное сочетание ФЕ с контекстным окружением способствует значительному расширению её семантического объёма. Если узуальная ФЕ даёт только внешнюю характеристику предмета, то ФЕ, подвергшаяся семантической трансформации, характеризует внешний и внутренний облик героя, а также раскрывает отношение автора к нему.

Ещё одной причиной семантической трансформации ФЕ является её переосмысление, т.е. «коренное преобразование смыслового ядра, «семантического стержня» фразеологической единицы, полное изменение её смыслового содержания» (Мелерович Мокиенко 1997:17). Так, ФЕ *взять на себя* фиксируется словарями в 3х значениях: «1. Обязаться выполнить, осуществить и т.п. что-л. самому. 2. Проявить (смелость, заботу и т.п.). 3. *Устар.* Присвоить себе (звание, титул и т.п.)» (ФСРЯ:42). Все узуальные значения данной ФЕ служат для описания действий человека, связанных с его общественной жизнью, деятельностью, взаимоотношениями с другими людьми. Та же ФЕ приобретает иное значение у Б. Зайцева: «*Иногда мне кажется, что всё твоё… всю тоску, скверное, я могла бы **взять на себя***» (Зайцев 1989:207). В данном контексте ФЕ *взять на себя* приобретает значение «прочувствовать, пережить вместо кого-то», и это значение связано уже не с ролью в обществе, а с личными, интимными отношениями между любящими людьми, она показывает внутреннее состояние говорящего. Анна Дмитриевна, произнесшая эту фразу, готова пережить все страдания, которые выпали на долю её возлюбленного, пожертвовать собой ради его душевного покоя. Благодаря семантическому переосмыслению ФЕ, внимание читателя переключается с внешних действий и проявлений на внутренние переживания, скрытые от внешнего наблюдения, но являющиеся главными, определяющими весь жизненный путь человека. Б. Зайцев даёт читателю понять, что именно внутреннее состояние героя, его душевные переживания представляют для него наибольший интерес, но писатель слишком деликатен, чтобы

вторгаться в личное пространство своих героев и описывать подробно их чувства. Поэтому он использует языковые средства, которые позволяют ему привлечь внимание к внутреннему состоянию героя, не говоря открыто о его чувствах, и фразеология является одним из таких средств.

В повести «Голубая звезда» семантической трансформации подвергается и ФЕ ***войти в душу***, которая обычно употребляется в значении «глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т.п.» (ФСРЯ:81), а в результате «семантических преобразований, базирующихся на образности ФЕ» (Мелерович Мокиенко 1997:20), приобретает двойной семантический план, реализуя одновременно фразеологическое значение и прямое значение компонентов ФЕ. Б. Зайцев так говорит о Машуре, самой молодой героине: «*Вернее, мамины слова* ***входили в её душу****, и выходили так же легко, как выдыхается воздух*» (Зайцев 1989:221). С одной стороны, ФЕ показывает, что героиня слышит мамины слова, воспринимает их, они заставляют её о чём-то задуматься. С другой стороны, эти слова воспринимаются и тут же забываются, потому что чувства, которые юная героиня испытывает, её первые душевные переживания и любовные волнения не позволяют ей думать ни о чём другом. Поэтому в данном предложении происходит двойная актуализация значения ФЕ. Писатель говорит, что слова *входили в душу* героини, т.е. затрагивали её чувства, выделяет ФЕ интонационно и пунктуационно с помощью запятой, тем самым акцентируя фразеологическое значение. При этом глаголы *входили* и *выходили* выступают как однородные сказуемые, и глагол *входили* перестаёт восприниматься как компонент ФЕ и приобретает самостоятельное лексическое значение. Двойная актуализация ФЕ в данном случае призвана привлечь внимание к душевному состоянию Машуры, которая находится на перепутье, не может разобраться в своих чувствах и желаниях, стремится по-прежнему быть хорошей дочерью и не обижать мать и в то же время хочет любить и быть любимой. Весь спектр душевных переживаний героини передаётся с помощью ФЕ, которая выступает как лаконичное и в то же время семантически ёмкое средство, помогающее в краткую форму вложить глубокое содержание.

Таким образом, семантика узуальной ФЕ при употреблении её в художественном тексте может меняться. Используя разные способы семантической трансформации, Б. Зайцев преобразует семантику узуальных ФЕ, наделяет их окказиональными смысловыми оттенками, подчиняя тем самым идее произведения. Подобные преобразования ФЕ единичны, однако именно они дают возможность оценить истинный семантический потенциал ФЕ, художественные возможности, которыми она обладает. Благодаря семантической трансформации увеличивается смысловой объём ФЕ, общеизвестная ФЕ приобретает окказиональные оттенки и становится частью идиолекта писателя. Семантические преобразования ФЕ в наибольшей степени отражают мировоззрение автора, потому требуют тщательного анализа и изучения.

1. *Зайцев Б.К.* Голубая звезда // *Зайцев Б.К.* Голубая звезда: Роман, повесть, рассказы, главы из книги «Москва». – Тула: Приокское книжное издательство, 1989. – 365 с. – С. 129–234.

2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Введение // *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с. – С. 3–44.

3. *Прокопов Т.* Легкозвонный стебель. Лиризм Б.К. Зайцева как эстетический феномен // Зайцев Б.К. Собрание сочинений в 5 т. Т.3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга Странствия. – М.: Русская книга, 1999. – 576 с. – С. 3–11.

4. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. – 512 с.

к.ф.н., доцент А. А. Осипова (Магнитогорск)

ГЕЕННА ОГНЕННАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА

Художественная картина мира возникает в сознании читателя, когда он воспринимает литературное произведение. Картина мира формируется языковыми средствами, которые выступают вербализаторами определённых концептов – единиц, с помощью которых моделируется концептосфера. В творчестве В. П. Астафьева можно выделить ряд ключевых концептов («Жизнь», «Война», «Река», «Детство», «Рыбалка», «Охота» и др.), которые по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии друг с другом. Ключевым является и концепт «Смерть». У писателя нет произведения, где бы не было изображения смерти или хотя бы нескольких слов о ней. Смерть рано вошла в его жизненный опыт: ещё в детстве он потерял мать, которая утонула в Енисее. В 1942 г. В. П. Астафьев ушёл на фронт добровольцем, участвовал в боях на Курской дуге, освобождал от фашистских захватчиков Украину, Польшу, был тяжело ранен, контужен. Пришлось ему и хоронить своих детей. Всё это не могло не отразиться на творчестве писателя.

Концепт «Смерть» – неоднородное мыслительное образование, которое вербализуется множеством слов и фразеологизмов (далее ФЕ). Они структурируются в поле с ядерной и периферийной зонами. В русле христианской традиции человек после смерти попадает в ад или в рай. Представление о царстве сатаны, месте мучений грешников после их смерти репрезентирует в творчестве В. П. Астафьева ФЕ *геенна огненная*. Эта ФЕ занимает место в зоне ближней периферии поля вербализаторов концепта «Смерть». Ближняя периферия включает такие единицы, семантика которых связана с представлением о бытии души после смерти.

ФЕ *геенна огненная* возникла в старославянском языке, о чём свидетельствуют письменные памятники X – XI вв. (Мариинское, Зографское евангелия, Супрасльская рукопись и др.). В старославянском языке фразеологизм *геона огньна* использовался только в одном значении – ‘место вечных мук и страданий душ грешников, ад’ (ФССЯ 2011: 143). Оно было связано с происхождением слова *геона*. Ср. арам. *gehinnam* (букв. *долина Хинном*),

которое восходит к евр. *ge hinnom* (‘к долине Енномовой’). В Енномовой долине в эпоху правления иудейских царей Ахаза и Манассии совершались человеческие жертвоприношения. Позднее она превратилась в городскую свалку, куда выбрасывали городские нечистоты, человеческие кости, трупы казнённых преступников и павших животных. Чтобы свалка не стала рассадником заразы и не распространяла зловоние, в этой долине постоянно горел огонь (Православная энциклопедия, т. 10, 2005: 526-527). «Позднее эта местность получила название «*долина Ге-Хинном*» или «*огненная Ге-Хинном*» (в греческом произношении «геенна»). Она стала символом вечной муки осуждённых, вещественным знаком всепожирающего, карающего огня Господня» (Дубровина 2010: 151).

В современном русском языке исконное значение у ФЕ *геенна огненная* сохранилось, что отмечается различными фразеологическими словарями (Рус. фразеология 2005: 133; Тихонов, т. 1, 2004: 237; Дубровина 2010: 149). В связи с тем, что у данной единицы наблюдается связь с источником её происхождения, она одновременно является крылатой и зафиксирована в специальном словаре (БСКСиВ, т. 1, 2008: 256). С течением времени активное функционирование ФЕ *геенна огненная* в различных сферах речевой деятельности, её образность позволили развиться у данной единицы ещё одному (переносному) значению, ср.: «(перен.) – место адских мук» (Библейская мудрость 2004: 56); «2. Место больших страданий, невыносимых мучений» (Рус. фразеология 2005: 133); «2. *Перен.* О чём-л., являющемся источником мучений, страданий» (БСКСиВ, т. 1, 2008: 256).

В творчестве В. П. Астафьева ФЕ *геенна огненная* употребляется чрезвычайно часто. Христианское миропонимание свойственно как самому писателю, так и его героям и предполагает веру в существование «этого света» и «того света». Так, рассказчик в произведении «Слепой рыбак» вспоминает своё детство, праздник Пасхи, когда *сама природа и душа пронизаны им, взывают к милосердию и состраданию*, происходит *размягчение души* <…> *и желание* <…> *делать себе и всем тоже только радость, полниться счастьем и ощущением доброты*… (т. 9: 236)* . Возвращаясь во взрослое состояние, герой сокрушается: *Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в тёмную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в* ***геенну огненную****?* (Там же). В данном случае происходит противопоставление чистой, безгрешной души ребёнка, изначально данной ему свыше и предназначенной для будущей райской жизни, и души взрослого человека, совершающего тяжкие грехи в земной жизни и поэтому обрекающего свою душу на пребывание в аду.

Наибольшее количество употреблений ФЕ *геенна огненная* приходится на роман «Прокляты и убиты». Это произведение нарушило традиции отечественной литературы, посвящённой Великой Отечественной войне. Здесь был показан «… быт воюющего, убивающего друг друга ЧЕЛОВЕКА, озверевшего, потерявшего всякое подобие человека» [выделено автором] (т. 10,

* Здесь и далее цитируется по изданию (Астафьев 1997 – 1998). Следующие примеры даются с указанием тома и страницы.

Комментарии: 751). В романе В. П. Астафьев сосредоточил своё внимание только на негативных аспектах войны, за что неоднократно был ругаем читателями, критиками и высшими военными чинами. Между тем многие фронтовики поддержали писателя и восхищались достоверностью и психологической убедительностью изображённого в романе бытия солдат. В романе «Прокляты и убиты» ФЕ *геенна огненная* реализует оба своих значения. Например, в первом ('одно из названий ада') она используется одним из героев – старообрядцем Колей Рындиным. Он пытается здесь, в казарме, молиться и просить Бога о милости к служивым, но тот *не допускает его молитву до высоты небесной, карает его вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращённых в животных* (т. 10: 108). Коля понимает: *На этом Он, Милостивец, не остановится, как совершенно верно сказано в Божьем Писании, бросит ещё всех в* ***геенну огненную****, и комиссаров не забудет, их-то, главных смутителей-безбожников, пожалуй что, погонит в ад первой колонной…* (Там же). Одна из самых ужасных сцен первой книги романа «Прокляты и убиты» – сцена расстрела своими же командирами братьев Снегирёвых, самовольно ушедших на несколько дней к матери в деревню. Парни даже не поняли, что совершили преступление и искренне удивлялись, что их ищут. На расстрел отправили четыреста человек: такое количество считалось достаточным для «высокоидейного воспитательного мероприятия». После казни братьев Снегирёвых Коля Рындин *… рокотал между наплывами рвоты, шлепая грязным слюнявым ртом: – Бога!.. Бога!.. Он покарат! Покарат!.. В* ***геенну****!.. Прокляты и убиты… Прокляты и убиты! Все, все-э…* (Там же: 206). В данном случае функционирует ФЕ *в геенну огненну!* Этот фразеологизм регистрирует только один словарь под редакцией А. И. Фёдорова, ср.: «устар. прост. Вид проклятия» (Фёдоров 1995: 106). Автор, сокращая компонентный состав ФЕ, передаёт чувства задыхающегося от горя и гнева юноши-старообрядца.

Повествователь в романе, описывая убивающих друг друга людей, считает, что их место только в аду: *Вперёд, только вперёд, на жерла пулемётных огней, на харкающие миномёты, вперёд, в* ***геенну огненную****, в ад – нету им места на самой-то земле – обвальный, гибельный их путь только туда, вон, к рыжеющим бровкам свежевырытых окопов* (т. 10: 470). Более того, жизнь на войне оказывается страшнее самого ада: *Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерч, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская* ***геенна огненная*** *выглядит детской сказкой...* (Там же: 381).

В нескольких случаях анализируемая ФЕ актуализирует своё второе, переносное значение ('место больших страданий, невыносимых мучений'). В романе «Прокляты и убиты» происходит мена местами «того света» и «этого», и *геенной огненной* становится сама война, уничтожающая всё вокруг: *Что-то в тот небесный огонь выплёскивалось ярче самого огня, порская, рассыпалось горящими ошметьями –* ***геенна огненная*** *пожирала земные потроха* (т. 10: 368). В повести «Пастух и пастушка» Борис Костяев со своим взводом ведёт бой с немцами и в этом «адовом столпотворении» видит горящего человека, от ужаса и боли потерявшего уже человеческое обличье и крушащего всё на своём пути: *Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень*

его металась, то увеличиваясь, то исчезая, он сам, как выходец из преисподней, то разгорался, то темнел, проваливался в ***геенну огненную*** (т. 3: 13). В обоих примерах геенна огненная упоминается ещё и потому, что в описании отдельных эпизодов боя присутствует всепожирающий огонь – обязательный атрибут ада.

Христианство предполагает веру в загробную жизнь, в бессмертие души, порождает в сознании человека надежду на бытие после смерти. Эта надежда сквозит в словах повествователя и главного героя – мальчика Вити в автобиографической повести «Последний поклон»: *На исходе той памятной ночи я отправился домой, залез на сеновал и уснул, уверенный в том, что <…> никогда не гаснет свет будущего дня, а за высокой горою, в Царствии Небесном, есть Тот, Кто хранит не только лад и мир на земле, но и думает о будущем рабов Своих, оберегает их покой и, значит, мой покой, мою жизнь от зла, скверны,* ***геенны огненной****…* (т. 4: 317).

В художественном тексте отражается индивидуальная картина мира писателя. Она вторична, опосредована по отношению к когнитивной картине мира этноса, предстаёт перед читателем при восприятии им художественного произведения. Языковые знаки выступают средством доступа к единой информационной базе человека (А. А. Залевская) – его концептосфере.

ФЕ *геенна огненная* располагается в периферийной зоне поля вербализаторов концепта «Смерть», т. к. не имеет в своём значении указания на прямой переход из состояния бытия в состояние небытия, но она, тем не менее, является символичной у В. П. Астафьева и качественно обогащает концепт.

Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997 – 1998.

Библейская мудрость. Афоризмы и цитаты / авт.-сост. Л. А. Раков. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; Донецк : «Сталкер», 2004. – 286 с.

БСКСиВ 2008: *Берков, В. П.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / *В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова* ; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. А – М. – 658 с.

Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.

Православная энциклопедия. – М. : Православная энциклопедия, 2005. – Т. 10. – 752 с.

Рус. фразеология 2005: *Бирих, А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ ; межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина ; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

Тихонов 2004: Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова ; под ред. проф. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.

Фёдоров 1995: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. – М. : Топикал, 1995. – 608 с.

ФССЯ 2011: Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 единиц / науч.-исслед. слов. лаб. МаГУ ; отв. ред. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол. : М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.

к.ф.н., доцент А.С. Попович,
д.ф.н., профессор Л.Н. Марчук (Каменец-Подольский, Украина)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИТАЛИЯ НЕЧИТАЙЛА

Среди исследователей нет единодушия во взглядах на принципы экспрессивно-стилистической классификации фразеологизмов. Одни лингвисты разделяют фразеологизмы, как и лексические единицы, на три группы: межстилевые, разговорные и книжные (И. Федоров, А. Пономарив, М. Алексеенко, А. Грищенко и др.). М. Шанский также выделяет эти три группы фразеологических единиц (ФЕ), но еще добавляет фразеологические архаизмы и историзм (Шанский 1985: 147). И. Лепешев, учитывая то, что межстилевых фразеологизмов в языке ограниченное количество, предлагает разделять фразеологизмы на две группы: фразеологизмы, которые закреплены за определенными стилями, и фразеологизмы, которые не закреплены за определенными стилями (Лепешев 1984: 15). А. Молотков выделяет просторечные и грубовато-просторечные фразеологизмы, но не различает стилистически нейтральной и разговорной фразеологии (Молотков 1974: 223).

По происхождению и традиции использования М. Кожина выделяет книжные и разговорные фразеологические единицы, а по сфере использования — фразеологию функционально-окрашенную (ФЕ научного, официально-делового и публицистического стилей). Отдельную группу составляют поэтические ФЕ. В экспрессивно-эмоциональном аспекте выделены фразеологизмы высокие, возвышенные; неодобрительные; иронические; шуточные; грубые (Кожина 1983: 133-134).

Мы придерживаемся традиционных взглядов на функционально-стилистические пласты фразеологии.

Межстилевые фразеологизмы (16 единиц) используются во всех стилях языка. В большинстве случаев они не имеют ярко выраженной экспрессивно-оценочной окраски. Фразеологизмы этой группы являются простыми наименованиями явлений объективной действительности.

Межстилевых фразеологических оборотов много, и их количество постоянно растет. Но — в отличие от межстилевых слов, которые являются основой лексики, — их все же меньше, чем фразеологизмов, ограниченных в своем употреблении определенной сферой общения. Это обстоятельство объясняется тем, что большинство фразеологизмов, эквивалентных слову, функционируют в языке как образные синонимы и имеют экспрессивно-стилистическую окраску (Шанский 1985: 145).

Лексико-семантическим признаком нейтральных ФЕ есть нейтральные слова, которые употребляются в составе этих фразеологизмов (*день при дні* — ежедневно; *у руку* — просто; *один крок* — близко; *сюди-туди* — то в одну, то в другую сторону; *окинути оком* — разглядывать вокруг; *гра словами* — каламбур).

А як перепеличка? Конопата
Від сонечка, клопочеться раденько.
Сюди-туди — і вже перепелята
Відкрили свої ротики жовтенькі (Нечитайло 2002: 31);

Видно, криза не мине
й спікера комору.
Від капусти — **один крок**
До голодомору (Нечитайло 1997: 17).

Нейтральные фразеологические единицы (118 единиц) выступают как нейтральные в функционально-стилевом плане, но не обязательно являются таковыми в эмоционально-экспрессивном отношении (Стилистика 1982: 99). Определенной части нейтральных фразеологизмов характерны образность и эмоционально-экспрессивная окраска. Например, экспрессию неодобрения имеют такие ФЕ, как *заглядати в очі*, *при ділі*, *марнувати вік*:

А ти **при ділі** й досі:
то перцю додаси у самий раз,
то хрону — щоб крутило в носі (Нечитайло 1997: 47).

В отличие от нейтральных слов, нейтральных фразеологизмов намного меньше, чем стилистически окрашенных. Этот тезис подтверждают и ФЕ, которые зафиксированы в исследуемых произведениях.

Книжные фразеологизмы — это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно используемые в письменном речи. Они характеризуются «повышенной» эмоционально-экспрессивной окраской (торжества, поэтичности, патетичности, риторичности и т.д.).

Стилистическим признаком книжных фразеологизмов являются прежде всего слова с книжной стилистической окраской, которые употребляются в составе этих единиц, а также устаревшие и заимствованные из европейских языков.

Значительные группы образуют книжные ФЕ терминологического, публицистического и поэтического характера (Шанский 1985: 147).

Несмотря на стилевую принадлежность художественных произведений Виталия Нечитайла, ФЕ этого типа есть небольшое количество (12 единиц) (*закласти фундамент*, *поставити крапку*):

Оцей — варив чавун у домні,
цей брав руду з підземних лав,
а цей — у роки вікопомні
фундамент** труднощів **заклав (Нечитайло 1997: 77).

В отдельных ФЕ этого типа ощутимым является религиозная и античная струя (*пекельні муки*, *зло множить зло*, *нести свій хрест*, *приймати кару*, *розносити благу вість*, *блажен, хто вірує*):

Читачу мій, ти віриш в чудеса?
***Блажен, хто вірує**. А я поставлю крапку* (Нечитайло 1994: 32).

Чаще эти ФЕ имеют сатирическую окраску:

Жирує Чиж на колективнім просі.
Залітний гість не тільки їсть —
охоче на покосі,
благу розносить вість (Нечитайло 2002: 55);
Куди прямує цей німий потік,
ця сіра тінь повзуча, ця примара?
За що ці муравлі **приймають кару**,
в ім'я чого собі коротять вік? (Нечитайло 2002: 20).

Разговорно-бытовые фразеологизмы — это наиболее богатый и экспрессивный пласт фразеологии украинского языка. В основном они характеризуются специфической «пониженной» эмоционально-экспрессивной окраской (иронии, брани, фамильярности, пренебрежения, и т.д.). Для части этих фразеологизмов свойственна снижено-просторечная окраска.

ФЕ этой группы используются преимущественно для придания устной речи образного характера, вносят оттенок искренности, простоты и непосредственности, даже некоторой «вольности». Специфические свойства разговорно-бытовых фразеологизмов обусловливают их широкое применение в художественных произведениях, помогают писателю добиваться «яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения» (Ефимов 1961: 146). Именно этим и объясняется широкое применение украинской народной фразеологии в произведениях Виталия Нечитайла. Оттенки разговорных фразеологических единиц многообразны:

1) шутливые (*стерти на макуху*, *заграла кров*):
Оце баба! Попадешся —
зітре на макуху (Нечитайло 2002: 21);

2) иронические (*дати маху*, *обвести круг пальця*, *виставляти на посміх*):
Кіт в'юном вертким
пірнув за Мишею. Та зопалу **дав маху**:
товстеньке черевце халява не пуска,
широка угорі, а знизу завузька (Нечитайло 2002: 54);

3) с оттенком неодобрения (*точити баляндраси*, *точити кров*, *стелитися бісером*, *запускати хобот у колективне*, *урвати любить зайвого шматка*):
До того ж — аферист і бюрократ.
у ***колективне хобот запуска —***
урвати любить зайвого шматка (Нечитайло 1997: 61);

4) пренебрежительные (*од пуза*, *збаблений мужчина*, *в голові пусто*, *ходити козирем*, *скиртувати дим*):
Втім, у кого **в голові**
непристойно **пусто**,
влада вішає на ніс
квашену капусту (Нечитайло 1997: 18);

5) с оттенком одобрения (*мати тяму*, *кров із молоком*):
Я бачу, ти судити **маєш тяму**.
Нехай закон і далі верх бере —
Сороку напоумив сам Орел (Нечитайло 2002: 32).

Яркая экспрессивность разговорных фразеологизмов создается и отдельными их компонентами, и тем образно-метафорическим значением, которое

возникает в результате сочетания этих компонентов.

Стилистическим признаком разговорных фразеологизмов являются разговорные и просторечные слова, которые составляют эти единицы: *вишкірити зуби*, *розвісити вуха*, *дерти вгору кирпу*, *сунути носа*:

— Нема гірше, — п'ятірнею
в пазусі пошкрябав, —
коли **суне** свого **носа**
в політику баба! (Нечитайло 2002: 45).

К другим признакам разговорных фразеологизмов можно отнести: 1) употребление в их составе слов с конкретным значением, которые обозначают, например, предметы обихода: *вбитись віником*!, 2) широкое использование соматических слов, которые обычно приобретают в составе разговорных фразеологизмов переносное значение: *од пуза*, *жити на повну губу*, *в'януть вуха*, *хоч вийми очі*, *під носом*, *догори ногами*, *до кісток*, *і пальцем не торкнути*, *замкнути уста*, *коліна вгідливо ламати*, *в голові пусто*, *встати на ліву ногу*, *серце тисне*, *мастити п'яти смальцем*.

От разговорной фразеологии следует отличать более сниженную в стилистическом плане просторечную фразеологию. Просторечным фразеологизмам присущ фамильярный тон, бесцеремонность, резкость. Эти фразеологизмы отличаются специфической эмоционально-экспрессивной окраской: грубовато-фамильярной, пренебрежительной, резко-ироничной, грубой — и выражают негативное отношение к тому, что описывается (*винести ногами вперед*, *врізати дуба, гребти під себе*, *дати тягу*):

Якби я укладав цеглу
так, як він програми,
вас би **винесли** узавтра
уперед ногами (Нечитайло 2002: 39).

В языке художественных произведений просторечные фразеологизмы чаще используются для речевой характеристики персонажей; в авторской речи разговорные ФЕ выступают как средство стилизации под сниженную, простую речь или используются для выражения отношения автора к тому, что изображается.

Разговорная фразеология является неисчерпаемым источником создания юмористического, а часто и сатирического эффекта. Этот эффект достигается в том числе посредством введения в текст литературного произведения просторечной, неодобрительной фразеологии или устоявшихся соединений разговорного характера с ярко выраженной юмористической семантикой (Сучасна 1973: 167). Некоторые из этих фразеологизмов создались в результате редукции народного анекдота. Очень широко пользуются разговорной фразеологией как неисчерпаемым источником народного юмора украинские писатели. Разговорная лексика и фразеология является основой произведений мастера юмора и сатиры Виталия Нечитайла, а также органическим компонентом языковой палитры писателя и одним из важных факторов юмористической силы произведений этого мастера слова.

1. *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 448 с.

2. *Кожина М.Н.* Фразеология русского языка / М.Н. Кожина. — М.: Просвещение, 1983. — 223 с.
3. *Лепешаў І.Я.* Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І.Я. Лепешаў. — Мінськ: Навука і техніка, 1984. — 264 с.
4. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. — Л.: Наука, 1974. — 284 с.
5. *Нечитайло В.В.* Суниця в кропиві: Байки, притчі, гуморески / В.В. Нечитайло. — К.: Український письменник, 1994. — 61 с.
6. *Нечитайло В.В.* Любасні фокуси / В.В. Нечитайло. — Сімферополь: Доля, 1997. — 91 с.
7. *Нечитайло В.* Золота карета: гумор і сатира / В.В. Нечитайло. — Кам'янець-Подільський: Медобори, 2002. — 76 с.
8. Стилистика русского языка / [Бондалетов В.Д., Вартапетова С.С., Кушлина Э.Н., Леонова Н.А.]; под. ред. Н.М. Шанского. — Л.: Просвещение, 1982. — 286 с.
9. Сучасна українська літературна мова: Стилістика / за заг. ред. І.К. Білодіда. — К.: Наук. думка, 1973. — 588 с.
10. *Шанский Н.М.* Фразеология современного руского язика / Н.М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.

асп. Т.И. Прудникова (Симферополь, Украина)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДУША* В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ НИКОЛАЯ ЛУКАША: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Структурно-семантическому анализу фразеологического массива, объединенного общим компонентом ***душа,*** и определению места фразеологических единиц (ФЕ) в формировании образа мира посвящены работы И.А. Голубовской [Голубовська 2002], О.М. Каракуци [Каракуця 2002] , М.В. Скаб [Скаб 2008] , М.В. Пименовой [Пименова 2004], А.Д. Шмелева [Шмелев 2005], Е.В. Урысон [Урысон 2003] и др. ученых. Отдельные фразеологизмы с компонентом ***душа*** как илюстративный материал использовались в работах Н.Ф. Алефиренка, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Золотых, В.М. Мокиенка, Л.Г. Скрипник и др. ученых. Очень распространенным является «определение психологии как науки о душе» [Основи психології 1999: 9]. Но сам термин и понятие «душа» прошли определенный исторический путь еще до того, как философия, теология, психология сделали его предметом своего исследования.

Впервые в истории украинской лексикографии А.И. Скопненко и Т.В. Цимбалюк описали индивидуально-авторские употребления фразеологических единиц в переводах Николая Лукаша [Фразеологія перекладів Миколи Лукаша 2002].

Цель статьи – выделить с переводов известного украинского переводчика, литературоведа, лексикографа второй половины XX века Николая Лукаша и словаря-справочника [Фразеологія перекладів Миколи Лукаша 2002]

фразеологические единицы с компонентом ***душа***, определить доминирующие типы их структурно-грамматических моделей.

На основании анализа структурно-грамматических классификаций и исследуемого материала выделяем две группы ФЕ с компонентом ***душа***: 1) ФЕ, сопоставимы по своей структуре с словосочетаниями; 2) ФЕ, структурно организованные по моделям предложения. В фразеологическом массиве первой группы выявлено большое количество ФЕ. Самыми многочисленными представлены модели: **V+N(x); V+prep+N(x).** Стержневым в ФЕ этих моделей выступает глагольный компонент. Как свидетельствует материал, модель **V+N(x)** представлена такими конструкциями: а) модель **V+Nacc:** ***рвати душу, краяти душу, витрясти душу, розпаляти душу, розважати душу, загубити душу, погубити душу, терзати душу, укладати душу, потрясти душу, збурити душу, хвилювати душу, шарпати душу, прихилити душу*** и др. ; б) модель **V+Ninstr**: ***кривити душею, загорітися душею, сміятися душею, заснути душею, боліти душею, прихилитися душею, наложити душею, відпочити душею*** и др.

Существительные-компоненты в ФЕ общей модели **V+prep+N(x)** стоят в винительном, родительном, творительном и предложном падежах. По количеству различных в генетическом и структурном отношениях предлогов анализируемая модель несомненно является наиболее насыщенной. Приведем примеры отдельных моделей:

а) модель **V+prep+Nqen:** ***полегшало на душі, проймати до душі, припасти до душі, наболіло на душі, замарудило на душі, сумно на душі, відлягло від душі*** и др.;

б) модель **V+prep+Ninstr:** ***вийти з душею, стояти над душею, одпустити з душею*** и др.;

в) модель **V+ prep+Nacc:** ***урізатися в душу, увібгатися в душу, залазити в душу, запасти в душу*** и др.

Анализированный материал свидетельствует, что в переводах Николая Лукаша с компонентом ***душа*** встречаются также двухкомпонентные, трехкомпонентные, многокомпонентные модели ФЕ: ***гадова душа, камінна душа, до повноти душ, з відкритою душею, жах душу обійняв, віддати Богу душу, за милу душу, немає живої душі, вовча твоя душа, ані сантима за душею, тримати душу в тілі, брати гріх на душу, положити гріх на душу, визівнути душу в пекло, не мати й су за душею, як Бог на душу положив, заронити в душу лиху іскру*** и др. С компонентом ***душа*** в переводах Николая Лукаша встречаются и минимальные фразеологические единицы: ***у душі, з душі, до душі, над душею, для душі, як душу, без душі*** и др.

Непродуктивными оказались модели ФЕ, которые представляют собой конструкции с сочинительными и подчинительными союзами. Нами зафиксировано несколько ФЕ этой модели: ***тілом і душею, душею і серцем ; що душа забажає, як свою душу*** и др.

Фразеологический массив второй группы представлен фразеологическими единицами: ***наболіло на душі, відлягло від душі, на душі похолонуло, душа гнітиться, душа бринить, душа болить, душа чує, душа мліє, душа рветься, душа чує, душа відлітає з тіла, душа злетіла на небо, душа втекла в п'ятки, душа схолола*** и др.

Многочисленной в переводах Николая Лукаша представлена глагольная фразеология. Исследуемый материал дает основания утверждать, что глагольный фразеологизм, как и глагол, может иметь формы лица, вида, наклонения, в прошедшем времени – рода, образовывать причастия и деепричастия. Рассмотрим некоторые формы. Так, материал убеждает, что ФЕ в переводах Николая Лукаша модели «глагол + имя существительное» во всех косвенных падежах (с предлогом и без него) имеют все три грамматических значения времени:

а) настоящего: *Тут любов моя* [Танкреда] *батьківська, що, може, ніколи в світі ніде такої не було, жалю серце завдає, а тут досада справедлива на твою* [Гізмонди] *безсоромність* ***пече*** *мені* ***душу***…(Боккаччо, перев. Лукаша) [Боккаччо 2000: 242]; *Якась нова, незнана ще одрада Мені* ***бентежить душу****, Ллючи бальзам на давню в серці рану* (Боккаччо, перев. Лукаша) [Боккаччо 2000: 421];

б) прошедшего: *Він* [Філіппо] *упізнав її голос і одгукнувся; вона* [жінка] *ж, користаючи з нагоди,* ***одкрила*** *йому небагатьма словами свою* ***душу*** (Боккаччо, перев. Лукаша) [Боккаччо 2000:390]; *А той холод, що я* [Елена] *на нього нагнала, – хіба не погасить вогню ревності, що* ***запав*** *тобі* ***в душу*** *од моїх жартів* (Боккаччо, перев. Лукаша) [Боккаччо 2000: 450];

в) будущего: *А чим се велика ласка, так ось чим: він* [архангел Гавриїл] ***вийме*** *мою* [отця Альберта] ***душу*** *з тіла і пошле її в рай, а сам утіліться в мене, тож поки він з вами буде, поти* ***душа*** *моя в раю* ***витатиме*** (Боккаччо, перев. Лукаша) [Боккаччо 2000: 250].

Примеры убеждают, что в переводах Николая Лукаша фразеологические единицы с компонентом ***душа*** имеют полную видовую парадигму или выступают только в одной видовой парадигме. Полную видовую парадигму имеют ФЕ: ***краяти/розкраяти душу, продавати/продати душу, вивертати/вивернути душу, розпікати/розпекти душу, розважати / розважити душу, утішати / утішити душу, виймати / вийняти душу*** и др. Нами зафиксированы ФЕ, выступающие всегда в форме несовершенного вида: ***мучити душу, розпирати душу, вручати душу, торкати душу*** или в форме совершенного вида: ***витрясти душу, розв'язати душу, пойняти душу*** и др. М.Т. Демский утверждает, что употребление некоторых глагольных ФЕ только в форме несовершенного вида обусловлено системными особенностями глагольной фразеологии [Демський 1984: 26-27]. В таких ФЕ формы с глагольными компонентами в другом видовом корреляте имели б другое значение или привели б такую ФЕ к разряду синтаксических словосочетаний. Попытка создать видовой коррелят из ФЕ приводит к созданию нового значения ФЕ или к деградации фразеологической целостности, что переводит такую ФЕ в разряд синтаксических словосочетаний, или лишает ФЕ какого-либо смысла. Это подтверждает мысль Н.Ф. Алефиренка, что «втрата компонентами фраземи видової опозиції – це один із граматичних факторів фразеологізації дієслівних словосполучень, формування дієслівної фраземіки з відмінними від дієслівних лексем морфологічними парадигмами» [Алефіренко 1987: 55].

Таким образом, анализированный материал раскрыл разнообразие структурно-грамматических моделей фразеологических единиц с компонентом ***душа*** в переводах Николая Лукаша. Многочисленными представлены моде-

ли: **V+N(x), V+prep+N(x)**; среди поликомпонентных – трехкомпонентные, четырехкомпонентные модели. Самым многочисленным корпусом в исследуемом материале представлена глагольная фразеология.

1. *Алефіренко М.Ф.* Теоретичні питання фразеології. – Харків: Вища школа, 1987. – 134 с.
2. *Боккаччо Д.* Декамерон: Новели / Перекл. з італ. М.О. Лукаша. – Дніпропетровськ: Січ, 2000. – 622 с.
3. *Голубовська І.О.* ДУША І СЕРЦЕ в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) // Мовознавство. – 2002. – №4-5. – С. 40-47.
4. *Демський М.Т.* Граматичні особливості української дієслівної фразеології // Мовознавство. – 1984. – № 2. – С. 24-32.
5. *Каракуця О.М.* Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» – Харків, 2002. – 19 с.
6. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – 2-е изд., исправл. и допол. – М.: Высшая школа, 1989-2. – 287 с.
7. Основи психології: Підручник / За заг. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця. – 4-те вид., стереотип. – К.: Либідь, 1999. – 632 с.
8. *Пименова М.В. Душа* и *дух:* особенности концептуализации. – Кемерово: ИПК 2Графика», 2004. – 386 с.
9. *Скаб М.В.* Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери / М.В. Скаб. – Чернівці: Рута, 2008. – 560 с.
10. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
11. Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / Уклали О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк. – К.: Довіра, 2002. – 735 с.
12. *Шмелев А.Д. Дух, душа* и *тело* в свете данных русского языка / А.Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 133-152.

асп. О.А. Романова (Великий Новгород)

О ВАРИАНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ)

Под фразеологизмом вслед за В. П. Жуковым, мы понимаем «устойчивую и воспроизводимую раздельнооформленную единицу языка, состоящую из компонентов, наделённую целостным (или реже частично целостным) значением и сочетающуюся с другими словами. Фразеологизм начинается там, где заканчивается семантическая реализация компонентов» (Жуков 1978: 6). См. также (Жуков В. П., Жуков А. В. 2006: 6).

Устойчивость фразеологической единицы подразумевает наличие определенного постоянства, как в структурном, так и в семантическом плане. Однако, как известно, в речи существуют нормативные видоизмененные формы одной и той же фразеологической единицы. По мнению Рубинчика В. А., такое явление «носит строго узуальный характер и поэтому не нарушает фразеологичности этих сочетаний» (Рубинчик 1981).

Фразеологизму, как и слову, присуще явление вариантности. В свою очередь вариантность является «объективным следствием языковой эволюции и непременным атрибутом живого литературного языка» (Горбачевич 1978: 3).

Узуальная вариантность не вступает в противоречие с нормой и является существенным показателем фразеологичности. Но наряду с узуальной существует и вариантность, выходящая за пределы нормативного употребления. Предпосылкой этого во многом служит раздельнооформленность фразеологических единиц.

Предметом настоящей статьи является варьирование фразеологических единиц, не выходящее за пределы нормативного употребления. Различные стороны данного вопроса рассматриваются в работах многих исследователей.

«Варианты фразеологических единиц – это такие изменения фразеологизмов на семантическом и грамматическом уровнях, которые носят закономерный характер, не нарушают тождества единицы, т. е. единица продолжает быть целостной, не превращается в синоним» (Диброва 1979).

По мнению А. И. Молоткова, «каждый компонент фразеологизма может варьироваться, т. е. допускать те или иные замены» (Молотков 1977: 69). Большинство лингвистов определяют вариантность фразеологизмов как различного рода изменения, касающиеся формы фразеологических единиц, плана их выражения. «Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различия вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота как такового» (Шанский 1963: 33).

В современной прессе вариантность фразеологических единиц распространена довольно широко. Достаточно часто встречаются фразеологизмы с лексической заменой компонентов: «*Ведущий «Огоньков» Игорь Кириллов рассказал: «Я видел как Лапин (председатель госкомитета по телевидению) просматривал новогодний огонёк и тут же выкидывал из него целые куски, так у меня* ***волосы поднимались дыбом***». Д. Смирнов. «Голубой огонёк» от начала и конца. Комсомольская правда, 10 декабря 2009 (№ 186). В данном случае происходит лексическая замена компонента *становиться* на синонимичный ему *подниматься.* «Вариантность лексического состава фразем – яркое проявление динамики единиц лексического и фразеологического уровней в синхронии, их функционально-семантического взаимовлияния, вследствие чего происходит коммуникативно обусловленное усовершенствование фразеологической системы и ее развитие» (Алефиренко 1993: 41).

Случаи лексической замены компонентов учёные оценивают по-разному. Так А. М. Бабкин, А. И. Федоров, Н. М. Шанский, И. И. Чернышева и некоторые другие исследователи полагают, что такая трансформация фразеологического оборота меняет его образное представление, оценочную и

стилистическую окраску, поэтому в результате всех видов лексических подстановок возникают синонимы, а не варианты. Противоположная точка зрения представлена в работах В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова, Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензона и др. Так, В. М. Мокиенко полагает, что «лексическая замена компонентов далеко не всегда меняет образ, характер фразеологизма. Нередко могут заменяться слова-синонимы, обеспечивающие стабильность образного представления, причем круг этих слов, особенно в живой речи, весьма широк» (Мокиенко 1989: 31). Мы придерживаемся второй точки зрения.

Компонент фразеологизма может употребляться не в одной форме, а в двух или более, которые могут взаимозаменяться. Так возникают формальные варианты, которые очень часто встречаются на страницах газет: «*Скоро России будут все* ***моря по колено****, она избавится от слепого восторга перед либеральной системой США, введёт в действие такие механизмы государственного контроля, которые вполне совместимы со свободным рынком*». В. Костиков. А был ли деммальчик? Аргументы и факты, 22 октября 2008 (№ 43). В данном случае перед нами употребление морфологического варианта – субстантивного фразеологизма *море по колено* в форме мн. ч.

«Алкоголизм – болезнь, как и злоупотребление спиртным, когда человек напивается до такой степени, что его здоровью угрожает опасность. Тут врачам и ***картишки в руки****».* Е. Черных. В пылу милицейской реформы нужно сохранить профессионалов. Комсомольская правда, 25 февраля 2010 (№ 7). Данный пример иллюстрирует употребление словообразовательного варианта фразеологизма *карты в руки.* Подобное применение является оправданным, поскольку журналист обращает свою речь не только к интеллекту читателя, но и к его чувствам, эмоциям.

Вариантность – семантическое явление. Варьируется не только форма фразеологизма, но и его значение, что относится к разряду семантических изменений фразеологической единицы.

Как известно, новые семантические варианты языковой единицы появляются в языке вследствие асимметрии языкового знака. Причиной их появления можно признать нарушение языкового автоматизма (один знак –одно значение).

Часто мы сталкиваемся с фразеологизмами, которые употребляются в одном и том же вещественном значении, но в разных синтаксических условиях. Такие фразеологизмы авторы некоторых фразеологических словарей неоправданно относят к многозначным. См., например (Молотков 1978: 77).

Из рук вон. 1. «*В Ульяновске скандал – голодовка преподавателей, и лишь только на седьмой день власти Ульяновской области соизволили обратить внимание на голодовку, что из рук вон плохо*» Л. Шахов. У Вас не продаётся славянский шкаф? Жизнь, 6 июля 2010 (№ 27).

2. «*В одном из Московских клубов охрана беспечно наблюдала за причудами богатых и знаменитых, которым было совсем не стыдно совершать из рук вон плохие поступки*. В. Иванов. Грязные танца Натальи Водяновой. Жизнь, 29 июня, 2010, (№26).

Содержательные границы фразеологизма по сравнению со словом менее чётко структурированы, а переходы от значения к употреблению, оттен-

ку и к новому значению нередко обладает свойством неопределённости, размытости и текучести (Жуков А. В., Жуков К. А. 2003). При этом значение фразеологизма, на что обращали внимание многие ученые, нередко обогащается за счёт семантических ассоциаций с различными фоновыми значениями.

Фразеологическая вариантность проявляется в случае, когда оттенки фразеологического значения, как отмечает Жуков А. В. (см. его статью в настоящем сборнике), в случае наращивания предметно-понятийной «массы» и постепенного обособления от основного значения способны развиваться в самостоятельные значения: *«Карьера Урганта **пошла в гору**, когда он приехал в Москву и встретил Татьяну Геворкян, работавшую на канале MTV*» . Г. Губарёв. Личная жизнь. Комсомольская правда, 11 ноября 2010 (№ 45).

Идти [лезть, переть] в гору [вверх]. Пойти [полезть] в гору [вверх]. 1. Приобретать вес, значение; делать карьеру (Молотков 1978:181).

Самостоятельный интерес представляет и вопрос широкозначности фразеологизмов. Обычно широкозначность рассматривается как некая неопределённая многозначность. Н. Н. Амосова впервые обратила внимание на различие широкозначности и многозначности. Она определяет широкое значение как «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» (Амосова 1963:114).

М. В. Никитин наряду с термином широкозначность использует термин эврисемия, и отмечает, что явление эврисемии характерно для слов с ненормативно большим числом значений. Под широкозначностью понимается «более широкое качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова), обеспечивающее нестеснённую широту семантического варьирования» (Никитин 2005: 102-103).

Широкозначным является, например, фразеологизм **играть роль**:

Играть роль. 1. Какую. Иметь то или иное значение (Молотков 1978: 180). *Этим летом я променял любимую рыбалку на поиск сокровищ. Первый выезд принёс разочарование и сыграл незначительную роль в моей кладоискательской деятельности*». Е. Черных. Молитва и Гугл до клада доведут. Комсомольская правда, 22 июля 2010 (№ 29).

2. Иметь огромное значение; сильно, заметно влиять, воздействовать на что-либо. «*Брак Анастасии Волочковой с Игорем Вдовиным был заключен в особый день 07.07.07. Может, не всё ещё потеряно и счастливые цифры сыграют свою роль, повлияв на их судьбу?».* Р. Рамазанов. Всё ещё можно вернуть? Экспресс-газета, 29 июля 2010 (№ 29).

3. кого, чего. Быть, являться кем – либо или чем-либо, выступать в качестве кого-либо или чего-либо. «*За короткое время Сильвестор Сталлоне покрылся татуировками буквально с ног до головы, что помогает ему играть роли в боевиках*». С. Титов. Сталлоне превратился в картину. Комсомольска правда, 15 июля 2010 (№ 28).

4. Притворяться, прикидываться кем-либо или чем-либо, изображать из себя кого-либо или что-либо. «*Небывалый взлёт Петра Налича объясняется просто: обаятельный исполнитель с балканскими корнями прекрасно играет свою роль*». М. Самохин. Делу время – потехе час. Жизнь, 6 июля 2010 (№ 27).

Мы рассмотрели отдельные примеры фразеологического варьирования, не выходящего за пределы узуального употребления при сохранении тождества единицы. Наряду с формальным варьированием, встречается также и семантическое варьирование, затрагивающее фразеологическое значение, несомненно, этот вопрос является наиболее сложным и требует существенной разработки.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993.

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978.

Жуков В. П. Жуков А. В. Русская фразеология. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006.

Жуков А. В., Жуков К. А. Семантика неопределённости (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского государственного университета, серия «Гуманитарные науки», 2003, № 25.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. Изд-е 2-е испр. и доп. М., Высшая школа, 1989.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1970.

Никитин М. В. Полисемия на пределе (широкозначность) // Язык. Человек. Общество. Международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора В. Т. Малыгина). СПб.-Владимир: РГПУ им. А. И. Герцена, ВГПУ, 2005.

Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М.: Наука, 1981.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963.

Словари:

Жуков А. В., Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2009.

Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд. М.: Русский язык, 1978.

Т.С. Рябова (Псков)

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СРАВНЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (В СВЯЗИ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКОЙ)

Сравнение — один из способов познания и осмысления действительности, одна из форм художественного мышления. Без сравнений не может обойтись ни один язык, и особенно ярко, выразительно и эмоционально они проявляются в художественном тексте.

Художественные сравнения рассматриваются учёными с самых разных позиций. Однако почти все исследователи подчёркивают, что одним из важнейших признаков удачного сравнения является элемент неожиданности, новизны, оригинальности. Только в этом случае сравнения придают произведению стилистическое своеобразие, в образной форме выражают сущность предмета, усиливают экспрессивность и выразительность речи.

При установлении степени устойчивости сравнения в поэтическом тексте, необходимо учитывать, что любое стихотворение допускает различные интерпретации. Как текст на определенном естественном языке оно представляет собой последовательность отдельных знаков (слов), соединенных по правилам синтагматики данного языка, а как поэтический текст — оно может рассматриваться в качестве единого знака — представителя единого интегрированного значения.

Поэтический текст подчиняется всем правилам данного языка. Однако на него накладываются новые, дополнительные по отношению к языку, ограничения на фонологическом, рифмо-ритмическом, лексическом и идейно-композиционном уровнях. Все это делает поэтический текст значительно более «несвободным», чем обычная разговорная речь. Казалось бы, это должно привести к росту избыточности в поэтическом тексте, а информационность его должна при этом резко снижаться. Однако Ю.М. Лотман утверждает, что, переходя к поэзии, мы обнаруживаем следующие особенности:

1. Любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых.

2. Любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения.

А это значит, что стоит нам отнести данный текст к поэтическим, как количество значимых элементов в нем получает способность расти (Лотман 1972: 35 – 36).

Исходя из сказанного выше, мы считаем целесообразным отражать в словаре языка писателя не только языковые единицы – устойчивые сравнения типа *белый как снег, красный как мак*, но и индивидуально-авторские сравнительные обороты, а также пограничные явления – узуальные речевые сравнения, редко фиксируемые или не фиксируемые фразеологическими словарями. В этом случае перед лексикографом встает проблема определения устойчивости оборота для последующей ее лексикографической интерпретации. Продемонстрируем возможности решения данной проблемы на материале поэтических произведений А.А.Ахматовой.

Методом сплошной выборки из 635 текстов стихотворений А.А.Ахматовой нами было отобрано 312 примеров употребления сравнительных конструкций. Это обороты, образованные с помощью сравнительных союзов *как, словно, точно, будто, как будто, чем, как бы, нежели, что* и др., а также конструкции, в которых сравнение выражено формой творительного падежа.

Наиболее продуктивным оказался сравнительный союз *как* (с его помощью образовано 275 оборотов). Этот союз указывает на равенство сравниваемых предметов. Сравнения с союзом *как* в русском языке мыслятся как достоверные и реальные:

Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику (Ахматова 2004: 341)

Союзы *как будто*, *словно*, *будто*, *как бы* обозначают приблизительное сходство предметов, и потому сравнения, присоединяемые этими союзами, мыслятся в языке как предположительные, условные, а эта условность подчеркивает их выразительность:

И листья летят, словно клочья тетрадок,

И запах дымка так ладанно-сладок (Ахматова 2004: 235)

Самыми многочисленными в поэзии А.А. Ахматовой являются минимальные синтаксические структуры — именные сравнения-словосочетания (присловные и присхемные) в различной синтаксической позиции, регулируемой актуальным членением предложения. В структуре текста они могут выступать как средства межфразовой связи, создающие лексический повтор, анафору. Сравнения используются А.А.Ахматовой в пейзажных зарисовках, при описании личности героя, его внутреннего состояния и различных действий, при характеристике абстрактных понятий и конкретных предметов, а также для передачи собственных чувств и эмоций. Среди коммуникативно-стилистических функций таких сравнений отметим функцию создания контраста, эффекта неожиданности.

Результаты анализа степени устойчивости сравнений в текстах А.А.Ахматовой проиллюстрируем оборотами с образным стержнем, представленным зоо- или фитолексемами. Таких сравнений нами обнаружено более 30.

В качестве предмета зооморфного сравнения здесь выступают дикие животные (*зверь,*), птицы (*птица, орел, ворон, голубь, щегол)* насекомые (стрекоза, овод). Имеются и «псевдозооморфные» сравнения с образными стержнями *розовый друг какаду* (игрушка)**,** *кукушка в часах, крыловская стрекоза, беличья расстеленная шкурка*.

Среди реалий растительного мира, ставших эталонами сравнений, отметим одуванчик, лопухи, лебеду, почки, корень ядовитый, цветы, ветку, клевер, лист.

Ряд сравнений зафиксирован нами в текстах А.А.Ахматовой в той же форме, что и в словарях литературных и народных сравнений:

Лететь как птица:

Лучше б нас не было на земле,

Лучше б мы были в небесном кремле,

Летели, как птицы, цвели, как цветы,

Но всё равно были – я и ты (Ахматова 2004: 328). Ср.: *лететь/полететь как птица* (БСНС 2008: 546).

Кроме того, в произведениях А.А.Ахматовой нами выявлены следующие общеязыковые устойчивые сравнения: *кружиться как вороны, цвести как цветы, жить как кукушка.* Такие сравнения в словаре языка А.А.Ахматовой могут быть представлены в составе статей *ПТИЦА, ВОРОНА. ЦВЕТОК* и др. под специальным знаком как фразеологизмы.

Следующая группа сравнений представляет авторские варианты общеязыковых оборотов. А.А.Ахматова расширяет их компонентный состав за счет компонентов, дающих дополнительную характеристику предмета сравнения. Так, в Большом словаре народных сравнений мы находим обороты: *петь как птицы, выть/ завыть как зверь (зверем), как стрекоза.* В произведениях А.А.Ахматовой мы встречаем их в следующих авторских вариантах: *– петь как вечерние грустные птицы, выть как раненый зверь, как стрекоза кры-*

ловская. Компоненты, которые А.А.Ахматова вводит в состав оборотов, могут вносить новые оттенки в значение оборота: ср. общеязыковое *петь как птицы* **-** ‘о красиво, мелодично поющей женщине’ и у Ахматовой: *петь как вечерние грустные птицы* – ‘петь грустно, петь грустные песни’. В других случаях они не меняют значения оборота, но усиливают его экспрессию: ср. *выть как зверь – выть как раненый зверь.* Такие семантические и стилистические нюансы должны отражаться в пометах и толкованиях словаря языка А.А.Ахматовой. Случаи типа *как стрекоза крыловская* требуют еще и лингвокультурологического комментария. В словаре он может быть представлен с разной степенью полноты, например, для иноязычного адресата можно предложить следующий его вариант: ** Имеется в виду Стрекоза – персонаж басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», где Стрекоза показана как легкомысленная, беспечная, ветреная, непрактичная особа. Эхо крыловского текста нужно Ахматовой, чтобы более ярко показать, что человеческая жизнь скоротечна, что жалко покидать мир, в котором так много всего еще не открыто.*

Третья группа сравнений по шкале узуальности/окказиональности, - это обороты, построенные на ассоциациях, близких к общеязыковым:

Жужжать как овод:

Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод

Чёрной ревности твоей… (Ахматова 2004:162). Ср. в Большом словаре народных сравнений: *шуметь как оводы* – ‘о шумно и суетливо ведущих себя детях’ (БСНС 2008: 451).

На ассоциативной связи: *птица – трепет* построено народное сравнение *сердце трепещет как птичка* (БСНС 2008: 547), ср.: у Ахматовой – *голос трепещет как дивная птица*. Близки по образности общеязыковое и Ахматовское сравнения: *летать как голуби – виться как голуби.* Определенная общность ассоциаций обнаруживается и в следующей паре оборотов: *как орел* - ‘о молодцеватом, сильном, чрезвычайно бодро выглядящем человеке’ (БСНС 2008: 466) и поэтическом *как юный орёл темноглазый* (Ахматова 2004: 140)

Сравнение тонкой, худой руки с веткой находим в народной фразеологии: *ручки как ветки* (БСНС 2008: 93). Эта ассоциация присутствует и в Ахматовском *махать рукою как веткою* (Ахматова 2008: 263).

Мотив увядания листьев объединяет сравнения *как лист увядший (слава)* у А.Ахматовой и *уши вянут как лист на дереве* в молодежном жаргоне, мотив содранной беличьей шкурки – общеязыковое *драть как с белки шкурку* и Ахматовское *как беличья расстеленная шкурка*.

И, наконец, окказиональные индивидуально-авторские сравнения, которые отличаются оригинальностью образа, развиваются на индивидуальных ассоциативных связях: *игрушечный как розовый какаду*, *откинуть как ядовитый корень, петь будто все цветы заговорили.* Такие сравнения в словаре требуют указания денотативной соотнесенности: *как раздавленная хризантема (о теме поэмы): Но была для меня та тема, Как раздавленная хризантема* (Ахматова 2004: 371-372); *как топот конницы (о бессоннице): Но это как топот конницы под вой одичалой трубы* (Ахматова 2004: 213);

набухать как почка (о теме): Как почка, набухает тема. (Ахматова 2004: 226); *расти как одуванчик у забора (о стихах): Растут стихи, не ведая стыда, Как жёлтый одуванчик у забора* (Ахматова 2004: 199) и др.

Таким образом, определение статуса окказиональности/узуальности является обязательным условием адекватной разработки сравнений в авторской лексикографии.

1. *Ахматова А.А.* Стихотворения; Поэмы; Проза / Вступит. Статья, сост. и прим. Н.Г. Гончаровой. – М.: Рипол Классик, 2004.
2. БСНС: *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. – М.: Олма-Медиа-Групп, 2009.
3. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение,1972.

студ. Н.А. Савина (Великий Новгород)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФУТБОЛЬНОМ РЕПОРТАЖЕ

В последнее время телевизионный спортивный репортаж (далее: ТСР), будучи явлением, отражающим живые языковые процессы, все чаще становится объектом исследования: изучаются коммуникативно-прагматические характеристики [Снятков 2008], фонетика [Эйхгольц 2008], лексика [Елистратов 2005], фразеология [Казеннова 2009] спортивного репортажа. Футбольный репортаж (далее: ФР) как разновидность ТСР заслуживает особого внимания в силу того, что на футбольные трансляции приходится большая часть всего спортивного прямого эфира.

Функции СМИ – информационная и воздействующая – в ФР имеет свою специфику. В реализации информационной функции основную нагрузку несет видеоряд. Функция воздействия реализуется в речи спортивного комментатора благодаря использованию различных выразительных средств: экспрессивной лексики, тропов, фигур и пр. Экспрессивность и эмоциональность ФР также усиливают устойчивые выражения.

В ФР используются все виды устойчивых выражений: фразеологизмы, цитаты, крылатые выражения, пословицы и поговорки, например: *Самое то, что надо. В дальний угол. Ну что? Ура! Мы ломим, гнутся шведы! Надо еще только забить, еще!* (Р – Ш), *Вайсс. И вперед, Вайсс младший. Давай! Путь себе прорубая отцовским мечом. МЯ-чом в данном случае* (Г – С) (словацкий футболист Владимир Вайсс – сын Владимира Вайсса, главного тренера сборной Словакии на ЧМ-2010) (цитируется «Баллада о борьбе» В. Высоцкого («Если, путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал…»).

Среди устойчивых выражений, используемых в спортивных репортажах, наиболее частотными являются фразеологизмы (далее: ФЕ). Рассмотрим особенности употребления ФЕ в ФР на материале репортажей о матчах Зенит – Локомотив (ЧР-2008), Зенит – Локомотив (ЧР-2009), Греция – Россия (ЧЕ-2008), Аргентина – Мексика (ЧМ-2010), Голландия – Словакия (ЧМ-2010). В 5 репортажах (суммарная длительность более 7, 5 часов), было выделено около 100 ФЕ, из них много повторяющихся (как в пределах одного репорта-

жа, так и нескольких). Наиболее частотным в исследуемом материале является фразеологизм *тут как тут* (6 раз). Интересно, что в одном из репортажей этот фразеологизм употребляется 4 раза и всегда по отношению к одному и тому же игроку: *Отскок, и Вагнер был тут как тут; Вагнер был тут как тут на завершении; немножко зазевался Роман, и тут как тут Вагнер; Еще раз повтор. И тут как тут новобранец железнодорожников бразилец Вагнер* (З – Л 2009). Частотность данного фразеологизма объясняется тем, что он используется для описания типичной для футбола ситуации, когда футболист неожиданно, мгновенно появляется у мяча.

В исследуемом материале 4 раза встречается фразеологизм *на все сто (процентов)* в значении «целиком, в полной мере» [Жуков 2003: 228]: *Я ждал, что восстановится Вальтер Самуэль, но, видимо, не совсем, не готов на все сто процентов* (А – М); *если ты не можешь играть на все сто процентов, лучше с поля уйти* (З – Л 2008). Употребление данного фразеологизма типично в рассуждении о физической форме, степени готовности футболистов.

Исследуя фразеологию спортивных репортажей, О. А. Казеннова приходит к выводу, что большая часть ФЕ относится к семантическим областям «Успех, победа» и «Неудача, отсутствие успеха, поражение» [Казеннова 2009: 10]. Рассматриваемые нами репортажи не дают достаточного количества материала для подтверждения данного вывода, но среди выделенных нами ФЕ к названным семантическим областям можно отнести следующие: *подсластить пилюлю*, *с высоко поднятой головой*, *поднять голову*, *побеждать на классе* («выиграть у менее сильной команды» [Никитина, Рогалева 2007: 110]) и т. д.

О. А. Казеннова отмечает, что «фразеологизмы употребляются преимущественно в спокойные моменты репортажа» [Казеннова 2009: 21]. В исследуемых нами ФР лишь незначительное количество ФЕ используется в напряженные моменты матча, когда комментатор описывает действия спортсменов одновременно с их совершением. К ним относятся ФЕ, которые описывают типичные игровые ситуации, например: *тут как тут*, *один в один* («о единоборстве на поле один на один (чаще – о нападающем и вратаре)» [Никитина, Рогалева 2007: 162]). Большинство ФЕ в ФР употребляется в не насыщенные борьбой эпизоды матча, когда комментатор дает оценку произошедшему игровому эпизоду, рассказывает об игроках и тренерах, рассуждает об игре, перспективах команд и т. д.

Все ФЕ, используемые в ФР, можно разграничить на четыре группы:

1. Общеязыковые ФЕ, характерные не только для речи футбольных комментаторов, но и для других видов устной и письменной речи, употребляющиеся в обычной языковой форме с присущим им значением: *Виттек забивает свой четвертый мяч на этом чемпионате, подсластив пилюлю для своей команды* (Г – С); *И почему-то вот у нас все время принято сталкивать лбами игроков и тренеров* (Гр – Р); *Я думаю, железнодорожников за живое задели вот эти вот разговоры о том, что слишком уж безвольная, слабая команда* (З – Л 2008).

2. Общеязыковые трансформированные ФЕ, то есть ФЕ с измененной формой и/или значением.

Существуют различные способы трансформации ФЕ. Комментатор, используя устойчивое выражение, может возвращать ему необразное, перво-

начальное значение. В этом случае фразеологизм воспринимается двупланово, в прямом и переносном смысле: *Подбирать, подбирать мяч и не давать спокойно поднимать голову грекам* (Гр – Р). В данном контексте значения фразеологизма и свободного словосочетания оказываются связанными, синонимичными: с одной стороны, поднять голову – «почувствовав уверенность, начинать активно действовать» [Жуков 2003: 370], с другой стороны, поднять голову – переходить к атакующим действиям, так как, обороняясь, футболисты вынуждены смотреть вниз, на мяч и ноги соперника.

Из-за внешней омонимии фразеологизма и свободного сочетания слов в речи комментаторов иногда возникают невольные каламбуры: *И посмотрите, Зырянов, а? Мяч, казалось бы, выигрышный для Фининьо, а Зырянов спокойно забрал его в свои руки, и казалось, что других вариантов-то просто нет* (З – Л 2008). Воспринимая фразеологизм *забрать в свои руки* как свободное сочетание слов, можно подумать, что Зырянов нарушил правила, так как игра руками в футболе запрещена.

Другой прием трансформации заключается в преобразовании состава ФЕ: заменяются компоненты, сокращается или увеличивается их количество, изменяется грамматическая форма. Но искажение привычной языковой формы ФЕ нередко происходит без стилистического задания. Такова трансформация фразеологизма *задним умом крепок*: *Мы не будем уже сейчас пытаться быть задним умом там умными. Сделал, как мог, Динияр* (Гр – Р). В следующем примере спутаны фразеологизмы *ходить по острию ножа* и *на грани*: *Я уже отмечал по первому тайму, что ходят по тоненькой грани оба тренера, выпустив на матч по шесть легионеров* (З – Л 2009).

3. Общеязыковые ФЕ, приобретающие в футбольном контексте новое значение.

Например, перифраза *желтая болезнь* (желтуха) в футбольной речи переосмысляется и становится основой для создания футбольного фразеологизма: *хороший футболист, один из лучших как раз вот в работе с мячом, но болеет желтой болезнью, то есть получает много карточек* (Гр – Р).

Новое значение в футбольной речи получил фразеологизм *в струнку вытянуться*, общеязыковое значение которого – ‘стать прямо, опустив руки по швам’ [Ожегов, Шведова 1999: 775]. В ФР данный фразеологизм со значением ‘прыгнуть за мячом, вытянувшись в полный рост’ используется для описания действий вратаря: *В струнку вытянулся Ромеро. На какую-то долю секунды показалось, что не хватает ему роста. Нет, хватило. Сто девяносто один* (А – М).

4. Специфические ФЕ, характерные для спортивных, в частности футбольных репортажей. Выделение специфических футбольных ФЕ осложнено тем, что речи спортивных комментаторов свойственна высокая степень метафоричности. Приведем несколько примеров ФЕ, входящих в эту группу:

висеть на карточках (горчичниках) – находиться на грани дисквалификации в результате перебора желтых карточек: *Кстати, у голландцев целая группа висит на горчичниках, что называется* (Г – С); *Ну есть группа футболистов, которая, которые висят на желтых карточках, что называется* (З – Л 2009). О. А. Казеннова дает ошибочное толкование данного фразеологизма: «употребляется исключительно в футбольных репортажах – в ситуации, когда игрок, получивший в предыдущем матче предупреждение (жел-

тую карточку), в случае получения второго предупреждения будет удален с поля» [Казеннова 2009: 11]. Во-первых, фразеологизм толкуется слишком узко: игрок пропускает следующий матч, если он набирает определенное количество желтых карточек в разных матчах (например, на чемпионате мира, чемпионате Европы – 2 карточки, в чемпионате России – 4 карточки) или 2 карточки в одном матче (при этом футболист удаляется с поля). Во-вторых, в определении О. А. Казенновой допущена фактическая ошибка: в описанной ситуации игрок не удаляется с поля, а доигрывает матч до конца и пропускает следующий матч;

напроситься на (желтую) карточку – получить карточку за пререкания с арбитром: *И вот видите, сейчас Шкртел. Тогда он не напросился на желтую карточку, напросился сейчас, но уже после пропущенного мяча* (Г – С). Данный оборот является синонимом фразеологизма *за язык*, включенного в «Футбольный словарь сленга» и толкующегося как «за пререкания с арбитром (получить предупреждение, наказание)» [Никитина, Рогалева 2007: 275];

на тоненького – «опасная игра, игра на грани риска» [Казеннова 2009: 15]: *Замечательно-то замечательно, но желательно понадежней. Уже два момента, когда мы так на тоненького проходим после этого* (Гр – Р); *Кстати, не было, действительно, положения вне игры. Так все было очень на тоненького* (А – М);

стоять в воротах – защищать ворота, быть вратарем: *В воротах Малафеев, например, стоял, играл, который сегодня пока в запасе* (Гр – Р). Особого внимания заслуживает поправка комментатора (ср.: *Но Игорь Акинфеев первый тайм сегодня отстоял очень здорово, отыграл очень здорово* (Р – Ш)), так как сами вратари негативно относятся к данному обороту и настаивают на том, что они не стоят, а играют;

войти в игру – начать удачно действовать, вписаться в игру команды (обычно о запасных игроках): *Торбинский мяч теряет. Ну, видно, видно, что Дмитрий еще, еще не вошел, еще не вошел в игру* (З – Л 2009). Антоним данного фразеологизма – *выпадать из игры*: *Сегодня выпадает пока немножко из игры «Зенита» Денисов* (З – Л 2008);

жаться к своим воротам – обороняться, не предпринимать атакующих действий: *Как-то ван дер Вил стал выглядеть скромнее и больше жмется к своим воротам* (Г – С); *Сейчас самое главное не садиться, не прижиматься к своим воротам* (Гр – Р). Следовательно, *прижимать к воротам / штрафной площадке* – постоянно атаковать, вынуждать соперника обороняться: «*Зенит» выдавливает, выдавливает, прижимает к своей штрафной площадке соперника* (З – Л 2008).

Среди специфических футбольных ФЕ можно выделить ряд узкоспециальных, вошедших в речь комментаторов из речи самих футболистов: *Свалился мяч с ноги, как говорят футболисты, не лег на переднюю часть подъема* (Гр – Р); *Если я не ошибаюсь, он пробил с носка, то есть без замаха, левой ногой, посмотрите еще раз* (З – Л 2008). Кроме того, футбольные комментаторы используют устойчивые выражения, характерные для других видов спорта: *финишный рывок* – (из циклических видов спорта) ускорение, предпринимаемое спортсменом (бегуном, велосипедистом, пловцом и т. д.) на финише: *Питерским болельщикам очень понравился вот этот, такой финишный рывок. Он показался таким финишным рывком своей ко-*

манды, когда они бросились вперед, пытаясь все-таки вырвать победу в сегодняшнем матче (З – Л 2009); *на пятачке* **–** (преимущественно в хоккее) у ворот: *Вообще греческие любители и профессионалы футбола Рехагелю очень настаивали и рекомендовали взять этого футболиста и говорили о том, что когда будут трудные минуты, когда нужно будет на пятачке создать момент, ему пригодится этот молодой талант* (Гр – Р).

Приведенные примеры свидетельствуют о богатстве фразеологии ФР. Проведенный анализ позволяет заключить, что устойчивые выражения являются одним из наиболее распространенных способов оживления речи футбольных комментаторов. Однако такой эффект достигается только при уместном использовании устойчивых выражений и их умелой трансформации. Исследование показало, что в речи комментаторов довольно часто встречается ошибочное употребление фразеологизмов и стилистически не мотивированное искажение их формы.

Елистратов 2005 – Елистратов А. А. Военная лексика в языке спорта // Русская речь. – 2005. – №2. – с. 64 – 69.

Жуков 2003 – Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.

Казеннова 2009 – Казеннова О. А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / О. А. Казеннова. – Москва, 2009.

Ожегов, Шведова 1999 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.

Снятков 2008 – Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / К. В. Снятков. – Вологда, 2008.

Никитина, Рогалева 2007 – Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Футбольный словарь сленга. – М.: АСТ: Астрель, 2007.

Эйхгольц 2008 – Эйхгольц И. А. Восприятие признаков эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи (на материале речи спортивных комментаторов): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / И. А. Эйхгольц. – Воронеж, 2008.

Источники:

З – Л 2008 - Казаков И., Градиленко Д. Зенит – Локомотив. Чемпионат России 2008. 9-й тур. // Спорт. – 23.07.2008.

З – Л 2009 - Гусев В. Зенит – Локомотив. Чемпионат России 2009. 19-й тур. // Первый канал. – 23.08.2009.

Г – С - Гусев В. Голландия – Словакия. Чемпионат мира 2010. 1/8 финала. // Первый канал. – 28.06.2010.

Гр – Р - Стогниенко В., Талалаев А. Греция – Россия. Чемпионат Европы. Групповой этап // Россия. – 14.06.2008.

Р – Ш - Стогниенко В., Талалаев А. Россия – Швеция. Чемпионат Европы. Групповой этап // Спорт. – 18.06.2008.

А – М - Стогниенко В., Градиленко Д. Аргентина – Мексика. Чемпионат мира 2010. 1/8 финала. // Россия 1. – 27.06.2010.

д.ф.н., профессор К. П. Сидоренко (Санкт-Петербург)

ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЯ ПИСАТЕЛЯ

Классическая типология словарей, предложенная Л.В. Щербой (1940) (Щерба 1974), позволяет рассмотреть классификационные позиции, применимые к особому направлению в современной фразеографии – интертекстовой писательской лексикографии. Единица, описываемая в таком словаре, традиционно называется крылатым выражением (крылатым словом), или интертекстовой единицей, и соотносится практически с любым сегментом содержательной структуры исходного текста. Однако в лексикографической практике объектом описания становится цитатный материал, а сверхсловный характер таких выражений позволяет считать авторское слово одним из источников фразеологии в самом широком понимании последней.

Типология Л.В. Щербы построена на шести оппозициях (словарь академического типа – словарь справочник, энциклопедический словарь – общий словарь, тезаурус – «обычный», толковый или переводной, «обычный» – идеологический, т.е. идеографический, тематический, толковый – переводной, неисторический – исторический). Особо оговаривается словарь языка писателя, статус которого является промежуточным. Если продолжить развитие классификационной методики Л.В. Щербы, то можно предложить следующие лексикографические оппозиции, основанные на обработке интертекстовых единиц (цитат, фразеологизмов).

1. Интертекстовая единица как средство иллюстрирующее и иллюстрируемое. Речь идет о вспомогательном характере словарной иллюстрации (стоит вспомнить рекомендацию Л.В. Щербы: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше иллюстративных примеров»). Соответственно первому типу словарей противопоставлены словари, где интертекстовая единица является объектом обработки, являясь входом в словарную статью (словари крылатых слов, цитат, отчасти – фразеологические словари).

2. Комплексный словарь как собрание крылатых слов (прецедентных текстов, логоэпистем), лингвокультурных феноменов – словарь цитат одного писателя. В обоих случаях описывается то, что так или иначе вошло в широкое употребление и воспринимается как «свое», более или менее знакомое, понятное, хотя бы приблизительно. В качестве примеров упомянем словари крылатых слов Н.С. и М.Г. Ашукиных (1955), словарь В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой (2000), а также словарь В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, посвященный «Горю от ума» (2001).

3. Словарь одного писателя в целом, ориентированный на сводный корпус текстов (например, Мокиенко, Сидоренко 1999), можно противопоставить словарю интертекстовых единиц, соотносимому лишь с одним произведением писателя (см. например «Большой словарь крылатых выражений Грибоедова. «Горе от ума», подготовленный В.М. Мокиенко, О.П. Семенец и К.П. Сидоренко, 2009). Промежуточный характер имеют словари библеиз-

мов, см. например вышедшее недавно издание по библейской крылатике (Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010).

4. В рамках словаря, посвященного одному произведению, выделяются три жанра: 1) словарь краткий (см. упомянутый выше словарь В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, минимизирующий наиболее активную и известную часть цитатных выражений), 2) словарь среднего типа (Сидоренко 1998), а также В.М. Мокиенко, О.П. Семенец, К.П. Сидоренко 2009 («Горе от ума» – учебный словарь-справочник), 3) словарь расширенного типа, см. «Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова». В словаре полного типа ориентация на интертекст как лингвокультурологический феномен расширена максимально, но не беспредельно. Так, объектом описания и средством иллюстрирования может быть даже цитатный материал из словарей и учебных пособий, т.к. его использование имеет довольно строгую системность и формирует цитатный интертекстовый корпус, начиная с появления самого произведения в круге словесной культуры. В этом случае с известной долей условности можно говорить об интертекстовом словаре тезаурусного типа.

В словарях типа тезаурус (thesaurus), по мнению Л.В. Щербы, «приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз» (Щерба 1974: 281). Уточненное понимание тезауруса (впрочем, не противоречащее концепции Л.В. Щербы), предполагает осмысление понятия тезауруса как особой информационно-поисковой системы, гипертекстового универсального лексикографического описания материала. «Задача тезауруса – дать представление о смысловой организации некоторого среза языкового материала <…>. Тезаурус является наглядной демонстрацией системного характера языка, позволяя увидеть множество типов отношений, связывающих отдельные языковые единицы и группы единиц» (Словарь-тезаурус современной русской идиоматики 2007: 5). Здесь уместно вспомнить словарь М.И. Михельсона (Михельсон 1902-1903), в котором материал как раз и организован в значительной степени по принципам такой информационно-поисковой системы, позволяющей системно объединить собственно идиоматический материал (ср. Аничков 1997: 88 и далее). Специфика словаря определяется сочетанием идиоматики внутренней (описанием ресурсов русского языка) с идиоматикой внешней (привлечением большого количества иноязычного материал), «многовходовостью» в словарь, комплексом приемов координации (отсылочности). К словарю дается огромное приложение (указатели) по немецкому, французскому, английскому, итальянскому, латинскому и русскому материалу. Источники словаря – живая речь, русская классическая и популярная литература, фольклор, пословицы и поговорки, обилие иноязычных параллелей.

Идиоматика как явление, определяющее уникальность каждого языка и лишь пересекающееся с фразеологией как наукой о сверхсловных единствах, приближается к устоявшемуся учению о фразеологии в современном ее понимании. Отсюда материал словаря Михельсона может показаться противоречивым и теоретически недостаточно обоснованным. Этим, возможно, объясняется тот факт, что в период фразеологического бума 60-70 годов XX в. это выдающееся лексикографическое предприятие было востребовано недостаточно, был очевиден и некоторый снобизм по отношению к изданию, стремление использовать его лишь как справочник по крылатым словам и

иноязычным выражениям. Это было вызвано и идеологическими причинами, подбором материала, обилием библеизмов, неприемлемой трактовкой идеологем.

6. Тематическое расположение цитатного материала также получило развитие в лексикографической практике. Здесь можно упомянуть справочники типа «симфоний» в сфере библеистики, например известную «Практическую симфонию» Г. Дьяченко (1903). Такого рода издания являются, по сути, и указателями в корпусе соответствующих текстов.

7. Словарь толковый – словарь переводной. Это противопоставление в сфере интертекстовой лексикографии может быть проиллюстрировано «Русско-английским словарем крылатых слов» И.А. Уолш и В.П. Беркова (1984).

8. Словарь статический – словарь динамический. Это противопоставление основано на учете двух противоположных тенденций. Первая (интертекстовая статика) предполагает, что словарь создается как индекс канонических единиц, ориентированный на строго нормативное сохранение «чужого слова» и, как правило, лишен иллюстративного материала. Второй принцип (интертекстовая динамика) основан на том, что интертекстовая единица рассматривается функционально, прежде всего с учетом ее изменяемости, вариантности, дробления, ассоциативной подвижности, многообразия и разнородности иллюстративных контекстов.

Показательно, что Л.В. Щерба разграничивает индивидуальные черты писателя и «упаковочный материал». При этом повторяется по сути мысль, высказанная еще в Предисловии к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г., о том, что создание академического словаря не возможно без исчерпывающего описания языка конкретного писателя. Однако вспомогательный характер писательской лексикографии всегда был очевиден, и в русистике никогда не было абсолютизации идиостиля. Описание языка шло на основе разработки совокупного авторского материала, т.е. формирования сводной картотеки. Словарь создается при опоре на индивидуальное употребление и следующее за этим обобщение. Тем не менее наиболее перспективной представляется дальнейшая разработка двух типов интертекстового тезауруса – писательского (авторского) и общего, гиперинтертекстового.

1. *Аничков И. Е.* Идиоматика и семантика // Аничков И.Е. Труды по языкознанию. – СПб.: Наука, 1997. С. 88-100.

2. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худож. лит., 1955. – 667 с.; То же. – 2-е изд., доп. – М., 1960. – 752 с.; То же. – 3-е изд., испр. и доп . – М., 1966. – 824 с.; То же. – 4-е изд., доп. – М., 1987. – 528 с.

3. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. –М.: Изд-во «Рус. словари»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

4. *Дьяченко Г.* Практическая симфония для проповедников Слова Божия, содержащая в алфавитном порядке своды библейских текстов на разные догматические, нравственные и церковно-практические истины. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1903. 496 с.

5. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Читая и почитая Грибоедова: Крылатые слова и выражения. – М.: Рус. яз., 1998. – 79 с.

6. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образ. слов и иносказаний: Т. 1–2. – СПб., 1902–1903.

7. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

8. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* «Горе от ума» А.С. Грибоедова: Цитаты литературные образы, крылатые выражения: Учебный словарь-справочник. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 463 с.

9. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума»). – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.

10. *Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И.* Толковый словарь библейских выражений и слов. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

11. *Сидоренко К.П.* Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. – СПб: Образование, 1998. – 318 с.

12. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный 2-м Отд. Императорской АН: В 4 т. – СПб.: В тип. Имп. АН, 1847.

13. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. Яз. Им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]. –М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

14. *Уолш И.А., Берков В.П.* Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1984. – 281 с.

15. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.

к.ф.н., доцент А.Н. Сперанская (Красноярск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *ТОЧКА*: РАЗВИТИЕ КОРПУСА ТЕКСТОВ

Точка является не только необходимой частью синтаксиса и графики, но и самым частотным из всех пунктуационных знаков, упоминающихся в русской идиоматике. Анализ хотя и небольшого корпуса фразеологических текстов с *точкой* в качестве опорного компонента [Жуков, 1978. С.91-92.], может дать интересные результаты.

Фразеологические единицы, смысловым центром которых является слово *точка*, разнородны по составу, но не чистота терминов являлась критерием отбора материала. Главное – включённость выражения во фразеологический словарь. Таким образом определился состав фразеологизмов о точке, современное состояние которых будет рассмотрено далее. Среди значительного количества идиом (свыше 10.000 в совокупности) в русском фразеологическом употреблении с опорным словом *точка* находится более 16 единиц (и варианты к ним).

Пожалуй, самым культурно значимым и частотным можно считать фразеологизм РАССТАВИТЬ / СТАВИТЬ / ПОСТАВИТЬ ТОЧКИ (ТОЧКУ) НАД «И» («I»), который во всех словарях обозначен как калька с французского mettre les points sur les «i». Общее значение сочетания – **уточнить, давать пояснения, уточнить все подробности, внести полную ясность, окончательно выяснить; довести до логического конца**.

С полным основанием можно считать этот текст прецедентным для современной популярной фразы РАССТАВИТЬ ТОЧКИ НАД Ё. В основе создания новой идиомы находится легко узнаваемая синтаксическая конструкция. Однако изначальное значение данного сочетания «буквализировалось»: использование новообразования *расставить точки над ё* относится к вопросу постановки в печатном тексте двух точек (умляута) над ё. Началом для возникновения этого сочетания послужил документ «О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку», содержащий рекомендации по употреблению при написании имён собственных буквы ё. После этого Интернет стал пестрить подобными заголовками. В новейший фонд фразеологизмов сочетание *расставить точки над ё* вошло и как языковая игра, суть которой в аллюзии на изначальное значение **сделать ясным**: *Ещё недавно всё это казалось преувеличением. Но «дело Ульмана» окончательно расставило все точки над «ё». Всем наглядно продемонстрировали: у нас нет правосудия, когда дело касается наших чёрных господ и их победы* (www.apn.ru› События›), с приращением значения – **в русском языке**. Например, книга Льва Боброва названа «Расставим точки над Ё: о русском языке». Из аннотации ясно, что это «познавательна и поучительна книга Льва Боброва, которая заставляет знать и любить русскую речь, бережно и вдумчиво пользоваться каждым словом» (www.Labirint.ru).

Пик распространения этой новой идиомы пришёлся на 2007 год, однако, как показывают данные Интернета, сочетание весьма популярно и по сей день. Отметим, что *точка* в этом сочетании тоже присутствует, она выступает как диакритический знак, написание которого вносит в текст не только полную ясность, но и завершённость.

В пояснении к фразеологизму *расставить точки над «и»* авторы приводят следующее замечание: «На становление фразеологизма, по-видимому, повлияли другие устойчивые сочетания со словом точка: *ставить точку, до последней точки*» [Шанский и др., 1987. С. 94]. Трудно полностью согласиться с этим. Возможно, синтаксически приведённые сочетания похожи на рассматриваемый фразеологизм, однако значение приведённых сочетаний не совпадает. Выражение (ПО)СТАВИТЬ ТОЧКУ можно признать синонимом рассматриваемого фразеологизма (у сочетания есть значение **заканчивать что-либо, останавливаться на чём-либо**). А вот оборот (ДОЙТИ) ДО (ПОСЛЕДНЕЙ / КРАЙНЕЙ) ТОЧКИ имеет своё особое значение: **достичь предела, границы перехода в другое качество** [Бирих и др., 2005]; **доходить / доводить до безвыходного, отчаянного положения** (ср. ДО РУЧКИ) [Войнова и др., 1986]**.** Именно в таком смысле используется он в современных медийных текстах: *«Точка вкуса» дошла до точки: розничный проект выходцев из «Мосмарта» закрылся через полгода* (http://www.rbcdaily.ru/2008/07/10/market/) и мн.др.

При этом данная идиома тоже служит основой для языковых игр. Территорией столкновения смыслов в таких каламбурах является смысловой центр *точка* – читатель по инерции продолжает идиому, тогда как пишущий использует прямое значение слова: *Дойти до точки… безубыточности* (профессиональный термин «точка безубыточности», она же – точка равновесия, является переводом английской идиомы break-even point); *Дойти до точки: новые сферы применения азбуки Брайля* (азбука для слепых с рельефно-точечным шрифтом) и мн.др.

Следующие обороты объединены значением **точности** с различными уточнениями: ПОПАДАТЬ / ПОПАСТЬ В (САМУЮ) ТОЧКУ (**говорить или делать именно то, что нужно**); ТОЧКА В ТОЧКУ (**абсолютная точность**); ТОЧЬ-В-ТОЧЬ (**совершенно точно, идентично, без каких-либо отклонений**). В [Фёдоров, 1997] приведено максимально сокращённое сочетание ДО ТОЧКИ с толкованием **в мельчайших подробностях, в совершенстве**. Только первое выражение, по мысли авторов [Бирих и др., 2005], вероятно, является собственно русским и берёт своё образное начало от стрельбы по мишени, центром которой является точка. Не подвергая особому сомнению данную этимологию, отметим, что значение точки в данной идиоме не графическое. Тогда как точка в двух других оборотах – знак графической системы языка: «Образ, лежащий в основе выражения, связан с предельно точным попаданием в одну и ту же метку, мельчайшую круглую крапинку, оставленную уколом колющего или пишущего инструмента» [Там же]. При этом наречие *точь-в-точь* представляет собой полный повтор вошедшей в русский лексикон французской кальки *точка в точку* (de point en point). Как видим, один галлицизм пополнил русский язык двумя фразеологическими средствами.

Существует также известное сочетание ТОЧКА / ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ, указанное в [Тихонов, 2003]. В обороте *точка* обозначает общую территорию, зону пересечения интересов: *Сирия и Израиль ищут общие точки соприкосновения в попытке возобновить мирные переговоры* (news.yandex.ru); *Отношения с потребителями необходимо интенсифицировать, выявив и оптимизировав точки соприкосновения* (www.management.com.ua) и мн. др. В последнем контексте находится образец перехода фразеологического сочетания в профессиональное понятие, термин: так называется один из методов разработки и анализа процесса обслуживания в маркетинге услуг: *Пример применения метода точек соприкосновения в индустрии развлекательного бизнеса* (www.cfin.ru).

Контексты показывают, что пользователей привлекает метафорический потенциал этого сочетания: *Криптология: точки соприкосновения математики и языкознания* (revolution.allbest.ru). *Джеф Безос выяснил, что его штат имеет несколько* ***точек соприкосновения*** *с покупателями (или «моментов истины»), которые являются критическими для качественного сервиса* (www.inventech.ru) и мн. др.

Столь же красноречивы контексты, в которых используется одна и та же синтаксическая схема: *Тема заседания «Бизнес и власть: точки соприкосновения»* (www.apn-nn.ru/diskurs_s); *Буддизм и наука –* ***точки соприкосновения****: пустота, единство и природа реальности* (savetibet.ru/2009/11/01/);

Административный кодекс и СМИ: точки соприкосновения (www.medialaw.ru/publications) и др.

Заключительным замечанием о современном функционировании фразеологизмов о *точке* будет упоминание о появлении в публицистическом лексиконе относительно нового оборота БОЛЕВАЯ ТОЧКА (**о какой-либо назревшей, но не решённой проблеме; насущный вопрос, острая проблема**). Медицинская образность выражения прозрачна и эмоциональна, именно поэтому в соответствии с тенденциями развития языка сочетание вошло в активный современный фразеологический запас: *Таиланд – ещё одна **болевая точка** на исламской карте* (www.islam.ru/pressclub); *Мастер ответил: «Для этого особых знаний не нужно. Для украинцев, типа тебя, у НКВД была **болевая точка** – желудок. Украинцев они голодом морили. Больше чем на войне погибло»* (kinozal.tv/details.php) и др. Показательно, что сочетание становится названием исследования В. Бабанина «Наска. Сахара – **болевая точка** Атлантиды» (www.shaping.ru/mku/babanin31.asp).

Хотя при использовании этой фразеологической единицы возможны некоторые неточности, например, как в отрывке *Назинский остров – **болевая точка** на карте Томской области. По данным областного отделения Международного общества «Мемориал» Томский Каштак, Колпашевский Яр и Назинский остров – **болевые точки** на карте нашей области, места массовой гибели людей, ставших жертвами государственного террора. 2008 г.* (www.als.tomskinvest.ru/publication-160.html). Автор использовал сочетание *болевая точка* не в значении «проблемная», а в ином – «вызывающая боль».

Семантика данного фразеологического сочетания синонимична по эмоциональному компоненту следующему публицистическому обороту – ГОРЯЧАЯ ТОЧКА (**место вооружённых конфликтов**), в котором значение *точки* скорее пространственное – географическое, точнее топографическое: точка называет пункт, местность, где происходит событие.

В итоге можно прийти к следующим утверждениям. *Точка* входит в состав современных фразеологических единиц. Наибольшее количество фразеологических текстов отражают ведущее для этого корпуса текстов значение – “точность” и “ясность”, с детализацией: “в мельчайших подробностях”, “в совершенстве”. *Точка* входит в состав оборотов книжных, разговорных, устаревших, профессиональных, а также продолжает порождать новые устойчивые сочетания. Самой продуктивной и открытой для пополнения группой стали профессиональные термины, созданные по модели «точка + сущ. в род.п.»: *точка опоры, точка замерзания, точка обстрела, точка обзора*, *точка старта* и много под. Начало такого употребления находится в научной сфере. Становится очевидным, что точка заменяет собой некое место. При этом его легко себе представить как в пространстве, так и графически – на карте, схеме, плане и пр., т.е. точка из геометрического знака через метонимический перенос становится пространственным ориентиром. Можно сказать, что это один из самых продуктивных контекстов употребления точки в современной речи.

Основное пополнение корпуса современных фразеологических текстов произошло за счёт оборотов со значениями “назревшая, но не решённая проблема” и “насущный вопрос, острая проблема”.

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
2. *Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986.
3. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978. – С.91-92.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / Сост. А.И. Фёдоров. – М, 1997.
5. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М., 2003.
6. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М., 1987.

асп. О.В. Устинова (Тула)

О СИНТАКСИСЕ КОМИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

История изучения смеха как особого языкового и культурного феномена насчитывает более двух тысяч лет. Традиционно ее началом считают труды античных философов Аристотеля и Платона. Однако, интерес к смеху обнаруживают не только философы, но и психологи, лингвисты, литераторы и литературоведы, культурологи. Особенно активно стали изучать феномен комического с начала прошлого века. М.Т.Рюмина отмечает: «Смех в XX веке стал основной эстетической доминантой, можно сказать, экзистенциальной характеристикой бытия человека и его умонастроения» (Рюмина 2003: 299). И с ней трудно не согласиться.

Общим моментом в большинстве теорий является указание на некое противопоставление, контраст двух планов. В работе «О комическом» Б.Дземидок разделил все существовавшие на тот момент теории комического на шесть групп: теории отрицательного свойства объекта осмеяния; теории деградации; теории контраста; теории противоречия; теории отклонения от нормы; теория пересекающихся мотивов (Дземидок 1974: 185-187). Однако, исходя из его характеристики каждой группы теорий, мы можем указать на то, что основой каждой следует считать именно контраст (в широком смысле), несоответствие планов содержания друг другу. Известный психолог Д.Б.Эльконин считал, что «основой смеха выступает именно расхождение планов реального и воображаемого» (цит. по Рюмина 2003: 105).

В лингвистике существует обширный пласт научных исследований, так или иначе связанных с изучением комического. Стоит отметить наиболее интересные для нас работы Т.Г.Бочиной «Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц», В.З.Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры», А.Н.Лука «О чувстве юмора и остроумии».

В данной статье речь пойдет о синтаксической «оболочке» шуточных пословиц и поговорок. Все использованные пословицы и поговорки цитиру-

ются согласно «Пословицам русского народа» В.И.Даля (Даль 2007).

Прослеживается ли в русских пословицах и поговорках какая-либо система, некий «синтаксис» языкового смеха? Можно ли выделить типовые структуры, устоявшиеся модели построения комических пословиц и поговорок?

Несомненно, определенная система здесь есть. В какую же синтаксическую форму облекаются комические пословицы?

1. Простое предложение. Контраст в таких пословицах часто реализуется за счет смыслового противоречия предиката и прямого дополнения, которые в лексическом плане зачастую не сочетаются: «Он с каждой копейкою прощается», «У приказного на рубль правды не купишь». Антитеза может подкрепляться и наличием антонимов: «Суд правый кривое дело не выпрямит», «Злые люди доброго человека в чужой клети поймали».

2. Сложносочиненное предложение с противительным союзом «а» (или «да» в аналогичном значении). Комический эффект большинства пословиц построен на смысловом контрасте частей сложного предложения. Логически дополняют этот контраст противительные союзы «а», «да»: «Денег-то много, да не во что класть», «Денег много, да кошеля нет», «Подал бы гуся, да противня нет», «Правда свята, а мы люди грешные». Вторая часть сложного предложения зачастую опровергает то, о чем говорилось в первой части. Однако, встречаются и пословицы с ложным противопоставлением: «Всю ночь просижу, а ночевать не стану», «По бороде быть бы тебе в воде, да усы не пускают». Здесь возникает противоречие между смыслом и привычной структурой подобных текстов. На обыгрывание привычного значения противительных союзов указывает В.З.Санников в работе «Русский язык в зеркале языковой игры» (Санников 2002: 131-136). Обыгрывание базируется на эффекте обманутого ожидания. Например, «Дома бесится, а на людях с ума сходит». Союз «а», привычно употребляющийся при противопоставлении, необычен в предложении, где смыслового противопоставления, контраста как такового нет. В данной пословице «бесится» и «сходит с ума» являются синонимами с общим компонентом «неподобающее поведение». Антонимы «дома» (в кругу близких) - «на людях» (вне круга близких) в структуре параллельной конструкции предполагают по устоявшемся стереотипам и различное поведение, на что и ложно указывает союз «а», однако ожидание читателя обмануто. Потому пословица вызывает смех. Сходен механизм возникновения комического эффекта при ложном противопоставлении явлений одного порядка (с точки зрения народа): «- Сватушко, вот тебе шапка и рукавицы: ночуй, родимый! – Нет сватушко, всю ночь пропью, а не ночую» («пить всю ночь» и «ночевать» в гостях не мыслятся как действия раздельные), «Турки падают, как чурки, а наши, слава богу, стоят безголовы».

3. Самой распространенной синтаксической структурой в шутливых пословицах является бессоюзное сложное предложение с объяснительным значением (Бочина 2002: 153): «Не бойся собаки: хозяин на привязи», «Тюрьма не дурна: без жильцов не стоит», «Давай мириться: удавимся оба!». Подобные конструкции носят на себе отпечаток алогичности. Кстати, А.Н.Лук справедливо считал, что «отыскание и внезапное осознание логической ошибки, особенно чужой, и есть, вероятно, та пружина, которая включает положительную эмоцию и сопутствующую ей реакцию смеха» (Лук 1967: 255).

4. Сложноподчиненные предложения с временными или причинно-следственными связями между частями либо синонимичные им простые предложения с деепричастным оборотом: «Не выругавшись, дела не сделаешь», «Не помрешь, так не похоронят», «Где баба, там рынок; где две, там базар». Здесь также отношения между частями, в основном, формальные и алогичные.

В качестве особого (функционального) типа языковых шуток можно выделить многочисленные ответные фразеореплики (см. подробнее Бондаренко 2004), употребляющиеся в речи только в структуре диалогического единства, где происходит резкое столкновение смыслов реплики-стимула и реплики-реакции: «(Кто?) – Дед Пихто», «(Когда?) Когда песок на камне взойдет. Когда черт помрет, а он еще и не хворал».

Синтаксические средства и приемы комического в русских пословицах отдельно не изучались. Проанализировав состав комических пословиц в соответствующем сборнике В.И.Даля, мы пришли к выводу, что наиболее часто встречающимися синтаксическими приемами художественной изобразительности являются синтаксический параллелизм и сравнение.

Синтаксический параллелизм в данной статье понимается как прием одинакового или сходного построения смежных частей предложения. Зачастую он сопровождается использованием синонимом или антонимов, предполагая сходство или различие называемых явлений, а также ритмом, внутренней рифмой или созвучием.

Собственно синтаксический параллелизм в сложном предложении, построенном «по всем канонам» русского языка, смех вызвать не может. Следовательно, здесь должен присутствовать некий элемент языковой игры, базирующийся на принципе обманутого ожидания или контраста содержания. Синтаксический параллелизм выполняет усилительную функцию, еще резче высвечивая противоречие, лежащее в основе пословицы. Так в пословице «Пыль столбом, дым коромыслом; а изба не топлена, не метена» параллелизм подчеркивает неожиданную буквализацию общеизвестных метафор «пыль столбом» - «не метена», «дым коромыслом» - «изба не топлена», которая и рождает у читателя улыбку.

Примечательно, что синтаксический параллелизм при ложном противопоставлении (то есть при обманутом ожидании читателя) рождает смех добродушный, при истинном противопоставлении – иронию, часто с оттенком презрения или осуждения. Ср.: «Не то беда, что рано родила, а то беда, что поздно обвенчалась», «По бороде Авраам, а по делам - Хам». Среди таких пословиц можно выделить обширную группу, построенную по модели «должно быть X, а получено Y», где противопоставляется желаемая (положительно оцениваемая) ситуация ситуации наличествующей (осуждаемой): «Ехал к Фоме, а заехал к куме», «Пошел к куме, да засел в тюрьме», «Шел в церковь, а попал в кабак», «Послан для порядку, а воротился пьян». Причина ироничности таких пословиц кроется в том, что внимание полностью концентрируется не на «необычном» или «неправильном» построении пословицы, а на ее семантике, и иронический, осуждающий смех выступает на передний план. Прием обманутого ожидания отсутствует – читатель получил искомое противопоставление и понимает, что смех здесь если и возможен, то только грустный, горький.

Особое значение имеет синтаксический параллелизм в комических пословицах при обыгрывании формальных отношений ее частей. В таких паремиях он сопровождает явление алогизма (нарушения связи между явлениями) и выполняет роль его «маски», «камуфляжа»: «Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли». Читатель не сразу понимает отсутствие отношений условия, опираясь на привычную конструкцию типа «если - то» («кабы – (то) и»), «подкрепленную» и сходным построением частей. Причина смеха – психологическая: сходство внешнее рождает ожидание соответствия внутреннего. Но опять ожидание читателя обмануто. По признанию ученых, синтаксический параллелизм относится к средствам соединения синтагм (Якобсон 1987: 101), потому, в итоге, он комично выглядит в предложении, где как таковое это соединение отсутствует.

Наряду с синтаксическим параллелизмом комичность пословиц обусловлена и использованием сравнений. Сравнение в пословицах встречается двух видов: ироническое и юмористическое. Первое, с точки зрения теории сравнения, построено верно и несет в себе неодобрительную оценку, второе же так или иначе нарушает привычную структуру сравнения, тем самым вызывая смех. В иронических сравнениях, как отмечает В.З.Санников, «сравнительная конструкция используется как экспрессивный заменитель отрицательной конструкции» (Санников 2002: 124): «Полюбил его, как собака палку», «Люблю, что собака редьку», «Ударил, как муха крылом задела», «Правит, как черт болотом», «Правит, как медведь в лесу дуги гнет», «Дождешься, как от вербы яблоков», «Прям, как дуга». Сравнения юмористические вызывают добрый смех потому, что нарушена привычная читателю структура:

- в семантическом плане (без специальной подготовки затруднительно или невозможно однозначно установить причину сходства сравниваемых предметов, потому такое сравнение кажется алогизмом): «Без рубля, как без шпаги», «Как стелька пьян», «Сидит, как нагорелая свеча», «Будто аист на притучне»;

- в стилистическом плане (Санников указывает на антропоцентричную природу сравнений и «аномальность» сравнения человека с животным): «Прячется, как пава с яйцом», Хоронится, как собака от мух», «Врет, как сивый мерин». Таким образом, сравнение приобретает сниженную стилистическую окраску.

Юмористические сравнения могут использоваться и для создания необычного, экспрессивного образа: «Гляди весело, как солдат по уставу во фрунте», «Мы с тобою, как рыба с водою: ты ко дну, а я на берег», «Всюду вхож, как медный грош».

Нередко в пословицах и обыгрывание синтаксической сочетаемости слов: «Ему дай волю, а он две возьмет», «Не делай своего хорошего, делай мое худое» и пр. Эффект усиливается еще и синтаксическим параллелизмом.

Итак, мы может утверждать, что комичные пословицы часто воплощаются во вполне определенные синтаксические модели. Подобные структуры серийны, и этим обусловливается легкость их воспроизведения носителем языка. Помимо «привычной» синтаксической структуры в таких пословицах и поговорках часто присутствует синтаксический параллелизм, иронические сравнения, внутренняя рифма и ритм. Чем «обыденней», «привычней» струк-

тура пословицы, тем сильнее эффект обманутого ожидания, а зачастую и контраст.

Следует сделать вывод, что дальнейшее изучение данной темы достаточно продуктивно и необходимо для более глубоко понимания не только феномена комического, но и для раскрытия «загадочной русской души», так многогранно отразившейся в русских пословицах и поговорках.

1. *Бондаренко, В.Т.* Ответные фразеореплики в русской диалогической речи/ В.Т.Бондаренко // Русский язык в школе. – 2004. - №6.

2. *Бочина, Т.Г.* Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц / Т.Г.Бочина. – Казань: Изд. Казанского университета, 2002.

3. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа / В.И.Даль. – М.: Азбука, 2007.

4. *Дземидок, Б. О* комическом: Пер. с польского/ Б.Дземидок. – М.: Прогресс, 1974.

5. *Лук, А.Н.* О чувстве юмора и остроумии/ А.Н.Лук. – М.: Искусство, 1967.

6. *Рюмина, М.Т.* Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М.Т.Рюмина. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

7. *Санников, В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры / В.З.Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

8. *Якобсон, Р.О.* Работы по поэтике/ Р.О. Якобсон. - М.: Прогресс, 1987.

д.ф.н., профессор Н.В. Юдина (Владимир)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *МОЛОДОЙ*: ВЧЕРА – СЕГОДНЯ – ЗАВТРА

Согласно мнению специалистов в области философии, культурологии, социологии, лингвистики и ряда других наук, одной из ключевых позиций, релевантных для различных цивилизаций, эпох, обществ, групп является изучение категорий и концептов возраста (*детство, отрочество, молодость, зрелость, старость*), имеющих широкие функциональные возможности и принадлежащих к числу базовых единиц в картинах мира многих лингвокультурных пространств. Одним из наиболее актуальных ключевых слов, первичных для любого этноса и играющих важную роль в концептуализации мира, является *молодость*, которая во все времена была связана с неким культивированием стереотипных представлений о молодости как о красоте, здоровье, энергичности и перспективности (ср. англ. *youth obsession*), противопоставленной старости, находящейся на противоположном полюсе данной оценочной шкалы.

Как кажется, XXI век пока не смог внести коррективы в позитивно сформированный столетиями концепт *молодость*. Так, например, согласно исследованию Н.В. Крючковой, современные русскоязычные средства массовой информации характеризуются активным включением концепта *молодость*, функционирование которого в настоящее время может быть сведено к двум основным тенденциям. Первая состоит в стремлении акцентировать внимание на элементах, кажущихся наиболее ценными для нашей эпохи.

Сюда относятся энергичность, динамизм, перспективность, таланты и способности, которые будут реализованы в будущем. Вторая тенденция, которая является, по сути, продолжением первой, есть не что иное, как использование названных аспектов концепта *молодость* и связанных с ними положительных коннотаций в целях рекламы политического или государственного деятеля или политической группы. Налицо новая волна мифологизации молодости. Как советская пресса оперировала клише типа «передовая молодежь», так же и российская пресса конца XX – начала XXI веков распространяет образ «молодого и энергичного» государственного деятеля нового поколения (Крючкова 2006: 86).

В этой связи нам показалось интересным обратиться к фразеологическим единицам с компонентом *молодой*, которые, наряду с фразеологическими единицами с компонентом *молодость*, не были предметом пристального внимания лингвистов, несмотря на то, что анализу концепта *молодость* посвящена обширная лингвистическая литература (см., к примеру, работы последних лет: Авдеева 2008; Бахмет 2006; Крючкова 2003, 2006; Литвиненко 2006; Озеров 2006; Пинтова 2009; Рудакова 2007 и др.).

Фразеологические единицы с компонентом *молодой* достаточно скупо представлены в лексикографической литературе XXI века. Так, например, «Современный фразеологический словарь русского языка» А.В. Жукова и М.Е. Жуковой фиксирует одну фразеологическую единицу с субстантивированным прилагательным *молодой – из молодых да ранний*. «Чаще в знач. сказ. Разг. Чаще неодобр. Употр. при подлеж. со значением лица. Не по возрасту опытен, хитер, изворотлив, предприимчив». Ср. пример: *Михаил Булгаков – мэр нынешнего разлива – это мэр 26-тысячного городка Красноармейска. Между прочим, в свои 32 года – самый молодой из глав молодых администраций Московской области. По этой примете можно сразу определить его партийную принадлежность. Как известно, больше всего поддерживает идеологически близкую молодежь (то есть о ком обычно говорят «из молодых да ранних») «Единая Россия»* (П. Свиридов. Печаль от радости. Советская Россия, 31 марта 2007 (№ 44)) (Жуков 2009: 147-148). Кстати, вариант этого фразеологизма *молодой, да ранний* зафиксирован в качестве единственного устойчивого выражения с прилагательным *молодой* и в интернет-энциклопедии «Википедия» (см.: http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9).

«Большой фразеологический словарь русского языка» (отв. ред. В.Н. Телия) также включает в себя один (но другой!) фразеологизм с компонентом *молодой*: *с <от> младых <молодых> ногтей делать что-л.; происходить*. По мысли автора статьи И.В. Захаренко, данный фразеологизм, восходя к греческому обороту *с нежных (мягких) ногтей*, имеет более глубокие корни, основан на древнейших формах осознания мира и древнейшей (архетипической) оппозиции «старый – молодой», в которой реализуется противопоставление зрелости и неопытности. Ср. древнейшее значение корня *–молод-* – ‘только что родившийся, возникший; младенчески свежий, мягкий, как тесто’ (со ссылкой на: (Колесов 2000: 84)), т.е. ‘еще не имеющий знаний и опыта и в то же время легко поддающийся воздействию со стороны’ (ср. *лепить как тесто*), ‘готовый принимать и впитывать какие-л. идеи, взгляды, нравственные установки’ и под. В целом данный фразеологизм вы-

ступает в роли символа раннего (молодого) возраста человека, связанного с началом формирования характера, с выбором пристрастий, предпочтений, определенного образа жизни и под. (БФСРЯ 2006: 605-606).

Вместе с тем, интересным представляется тот факт, что В.П. Жуков в известном учебном пособии «Русская фразеология» достаточно часто обращается к фразеологическим единицам с компонентами *молодость* (ср. *вторая молодость)*, *молодежь* (ср. *золотая молодежь*) и *молодой* (ср. *от молодых ногтей*) не только для иллюстрации заявленных тезисов, но и при освещении глубинных вопросов, связанных с представленной концепцией.

Так, например, фразеологизм *вторая молодость* интересен В.П. Жукову как единица, иллюстрирующая повышенную познавательную ценность фразеологизмов (ср.: *вторая молодость* ‘прилив новых сил в пожилом возрасте’ (Жуков 1986: 30)) или являющаяся примером именного фразеологизма (ср.: «именные фразеологизмы: *вторая молодость* (1) ‘новый прилив физических сил’ и 2) ‘новый успех’») (Жуков 1986: 197).

Единица *золотая молодежь* включена В.П. Жуковым в ряд фразеологических сочетаний, в которые входят слова, имеющие метафорический характер: *волчий аппетит, девичья память, телячий восторг, золотая молодежь, шапочное знакомство* и др. (Жуков 1986: 107).

Фразеологическая единица *от молодых ногтей* используется В.П. Жуковым для иллюстрации позиций, связанных с целостным значением фразеологизмов, не выводимым из значений компонентов, а мотивированным ими; ср.: «в фразеологизме *от молодых ногтей* ‘с молодых лет, смолоду’ значение отчасти определяется семантически доминирующим компонентом *молодых*. Не случайно в развернутое толкование включен этот смыслообразующий компонент» (Жуков 1986: 12-13). Этот же фразеологизм интересен В.П. Жукову для описания фразеологических единиц с архаичными и реликтовыми компонентами, которые «в той или степени уступают по своим идиоматизирующим способностям оборотам, включающим в свой состав стандартные лексемы. Очевидно, однако, что степень архаической и реликтовой маркированности бывает различной: от едва заметного снижения конкурирующей способности компонента в сравнении с его вариантом (*от **младых** ногтей – от **молодых** ногтей*) до полной изоляции компонента на фоне живой лексико-грамматической системы языка (*гол как **сокол**, у черта на **куличках**, **с кондачка***)» (Жуков 1986: 122). Фразеологизм *от **младых** ногтей* необходим В.П. Жукову и для описания так называемых слов-сопроводителей. Как указывает В.П. Жуков, «слова-сопроводители по своим лексическим и грамматическим свойствам в принципе мало чем отличаются от обычных слов. Показательно в этой связи сопоставление слов-сопроводителей и лексически маркированных компонентов (типа *от **младых** ногтей*): последние почти полностью атрофированы в грамматическом отношении» (Жуков 1986: 124-125).

Исходя из наблюдений В.П. Жукова и анализа современной экстра- и интралингвистической ситуации, мы считаем возможным сделать вывод о том, что прилагательное *молодой* и в целом лексемы с корнем *–молод-* обладают широкими потенциальными синтагматическими возможностями для появления на их базе новых фразеологических единиц. Ср. в этой связи показателен спектр примеров, взятых из «Словаря сочетаемости слов русско-

го языка» (под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина): *молодой, молодая, молодое, молодые – человек, мужчина, женщина, парень (разг.), девушка, люди, родители, мать, отец, муж, жена, рабочий, избиратели, строители, учёный, поколение, годы, животное, клён, липа; лицо, глаза, взгляд, голос, сердце, душа, кровь; задор, отвага, энергия, чувство; город, посёлок, район, парк, отрасль чего-л. (науки); специалист, инженер, руководитель, директор* и мн. др. (СССРЯ 2002: 340).

Следует заметить, что в настоящее время прилагательное *молодой* активно используется в различных единицах номинации. Ср.: Всероссийская общественная организация «*Молодая гвардия Единой России*», молодежное движение «*Россия молодая*», государственная программа «*Молодая семья*», объединение православной молодежи «*Молодая Русь*», международное молодежное движение «*Молодой фронт*», конкурсы «*Молодые лидеры*», «*Молодое лицо России*», газеты и журналы «*Мы – молодые*», «*Владимир молодой*», «*Молодой Алтай*» и мн. др.

Полисемантичное прилагательное *молодой*, имеющее согласно современным толковым словарям русского языка следующие значения: 1. Не достигший зрелого возраста; еще не старый. *Молодое поколение. Молодые ученые. Молодой человек* (о юноше, обычно в обращении). *Молод еще стариков учить* (разг. неодобр.). *Из молодых* (сущ.) *да ранний* (о молодом выскочке, а также вообще о молодом человеке, рано обнаруживающем какие-нибудь способности, возможности; разг.). 2. Недавно начавший расти, существовать. *Молодое дерево. Молодой картофель. Молодое учреждение.* 3. полн. ф. Недавнего приготовления (без достаточной крепости, остроты; о напитках, продуктах, приготовление которых связано с брожением). *Молодой сыр. Молодой квас.* 4. полн. ф. Свойственный, присущий молодости. *Молодой задор. Молодая отвага.* 5. *Молодой.* Человек, только что вступивший в брак (Ожегов, Шведова 1992: 372), во все времена является востребованной лексемой.

Думается, что фразеологические единицы с компонентом *молодой*, достаточно активно функционировавшие ранее и часто отмечающиеся в настоящее время, будут и впредь использоваться в речи носителей русского языка как фундаментальные единицы, имеющие отношение не только к возрастным характеристикам человека, но и к нравственным установкам языковой личности XXI века.

1. *Авдеева О.А.* Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2008.

2. *Бахмет О.В.* Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности (на материале английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2006.

3. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

4. *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц. – М.: АСТ: Астрель, 2009.

5. *Жуков В.П.* Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. Школа, 1986.

6. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.

7. *Крючкова Н.В.* Концепты возраста (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Саратов, 2003.

8. *Крючкова Н.В.* Концепт «молодость» в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С. 86-88.

9. *Литвиненко Ю.Ю.* Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Омск, 2006.

10. *Ожегов С.И.и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ Ltd, 1992.

11. *Озеров А.Н.* Фразеосемантическое поле рождения, жизни и смерти человека: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2006.

12. Пинтова А.А. Концепты OLD/YOUNG и СТАРЫЙ/МОЛОДОЙ в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2009.

13. *Рудакова О.И.* Концепты «молодость» и «старость» как динамические явления (на материале словообразования) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 51. – С. 247-252.

14. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. ст. / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002.

д.ф.н., профессор А.А. Романов, асп. Е.В. Малышева (Тверь)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИЕЙ ПРИКОСНОВЕНИЯ

В научной литературе давно известно, что фразеология как лингвистическая дисциплина является неотъемлемой и органической частью языковой системы. Её становлению в значительной мере способствовали исследования А.В. Кунина, В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, И.И. Чернышевой, Н.Н. Амосовой, в которых были определены основные понятия фразеологии и намечены пути её дальнейшего развития и становления как науки. Благодаря чему в настоящее время собран достаточно богатый исследовательский материал, на основе которого создано огромное количество фразеологических словарей, таких как школьных, синонимичных, историко-этимологических и пословичных (см.: Жуков, 1980; 1987; 2000; Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998; 2005 и др.). Отметим, однако, что в поле зрения исследователей чаще всего попадали грамматические структуры фразеологических оборотов и способ их соединения. Исследователи чаще всего занимались классификацией и идентификацией устойчивых словесных комплексов (см.: Чернышева, 1970; Жуков, 1986; Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998; 2005; Степанова, Чернышева, 2005; Скнарев, 2006 и др.), в то время как эмоционально-экпрессивные эквиваленты отдельно взятых тех

или иных элементов структуры фразеологического оборота и шире фразеологического комплекса при всех нормативных изменениях чаще всего оставались в стороне. Очевидно, что такой подход к изучению данной лингвистической дисциплины делает её одной из интереснейших проблем в свете развития нового постиндустриального общества, а вместе с ним и современной культуры.

Подвергаясь процессу фразеологизации, многие устойчивые выражения обретают новое фразеологическое значение и поэтому, органически вплетаясь в структуру речевых актов и шире языковых ситуаций, служат не только для названия субъективно-значимых и социальных ситуаций речевого общения, но и выполняют экспрессивно-оценочную функцию. Они выступают в качестве отражения психических состояний человека как партнера по диалогическому общению и их следует изучать в комплексе номинативной и экпрессивно-оценочной функций.

Такое соотношение различных функций в одном фразеологическом обороте позволяет также рассматривать его как особую единицу, представляющую собой комплексное объединение вербально-тактильных действий, так как именно глаголы прикосновения в сочетании с вербальными единицами придают специфический оттенок сказанному и в значительной мере усиливают необычное сочетание компонентов и смысловых структур фразеологизмов, например*: принять на грудь с утра пораньше, лезть на рожон, баки забивать, бить баклуши, брать на абордаж, вынашивать честолюбивые планы, втирать очки, брать за душу* и др. Примечательно, что именно такие сочетания (отчасти, в которых действие направлено на неодушевленный предмет) чаще всего невозможно найти в свободных словосочетаниях и предложениях, в то время как в устойчивых сочетаниях (в которых тактильное действие направлено на одушевленный объект действительности или вовсе данный объект синтаксически опускается) интересны тем, что их практически всегда можно встретить в обычной речи или в социальной интеракции, например: *выворачивать кому-либо руки, кусать локти, сидеть на шее, стукнуть кулаком, связать по рукам и ногам, удар ниже пояса, вцепиться в глотку, опускать руки, биться как рыба об лед* и др. Поэтому такие выражения представляют наибольший интерес как объект исследования так как вновь образованная фразема начинает жить новой жизнью в результате её переосмысления (новой интерпретации в процессе речеактовой коммуникации).

Таким образом, исследование коммуникации представляет интереснейших процесс, основа которого желание и стремление исследователя понять и правильно интерпретировать то или иное действие, совершенное коммуникантами в процессе последовательного обмена репликам, результатом которого стало начало употребления какого-либо определенного устойчивого выражения, соединяющего в себе вербально-невербальные средства с оценочно-экспрессивной функцией. Именно данное вербально-невербальное взаимодействие и призвано усилить или ослабить реплику, сказанную (произнесенную) участником диалогической интеракции, а необычность ее звучания лишний раз особым образом подчеркивает ее функционально-оценочные функции и экспрессивность выражения.

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. - СПб.: Фолио-пресс, 1998. - 701 с.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
3. *Жуков В.П.* Русская фразеология. - М.: Высшая школа, 1986. -158 с.
4. *Жуков В.П* Словарь русских пословиц и поговорок. - 7-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2000. – 537 с.
5. *Жуков В.П.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.; Под ред. Жукова В.П. - М.: Рус. яз., 1987. - 441 с.
6. *Жуков В.П.* Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. - М.: Просвещение, 1980. - 447 с.
7. *Скнарев Д.С.* Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: Проблемы семантики и прагматики: Автореферат дис... канд. филол. наук. - Челябинск, 2006. - 23 с.
8. *Степанова М.Д., Чернышева И.И.* Лексикология современного немецкого языка. – М.: Академия, 2005. – 251 с.
9. *Чернышева И.И.* Фразеология немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.

к.ф.н., доцент Л.Н. Мишина (Магнитогорск)

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ) И ИХ СУДЬБА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение фразеологического состава языка требует внимания не только к современному состоянию корпуса устойчивых воспроизводимых единиц, но и к истории их формирования. По словам М. Ф. Палевской, изучение формирования и развития фразеологического фонда языка возможно на основе анализа его состояния «в относительно ограниченные и более или менее чётко определённые периоды жизни языка», после чего станет возможным «выведение общих тенденций и закономерностей его функционирования и развития» (Палевская 1980: 4). Однако, как отмечает В. М. Мокиенко, диахронические исследования часто демонстрируют отсутствие «переклички» между фразеологией древних славянских памятников и современной русской идиоматикой: «Фразеология памятников письменности и фразеология современной речи – два разных кода, более отличных между собой, чем фразеологические фонды разных современных языков» (Мокиенко 2010: 109-110). По мнению учёного, это явление может быть объяснено, в частности, различием функций письменных языков в разные исторические периоды: «Сакральные и актовые тексты древних памятников обычно не допускали <…> раскованных экспрессивно-эмоциональных языковых единиц <…> А именно они, как известно, и составляют львиную долю фразеологии со-

временных славянских языков» (Мокиенко 2010: 110). Тем не менее, как показывает изучение старославянских текстов, довольно значительное количество фразеологических единиц, зафиксированных в них, известно и в современном русском языке. Естественно (это обусловлено принадлежностью первых славянских памятников к церковной литературе), что большая их часть является библеизмами: **бѣлии исцѣли сѧ самъ; голгофино мѣсто; имѣи оуши слъышати да слъышитъ** и т. п. (ФССЯ 2010). Однако и в «Проспекте» к «Фразеологическому словарю старославянского языка», и в самом словаре зафиксированы не только евангельские по своему происхождению устойчивые единицы, известные и в современном русском языке: **дати плодъ; отъ моріа и до моріа; сьребро и злато; шоуждъиихъ въведение** и др. (Проспект 2006; ФССЯ 2010). Данные единицы встречаются прежде всего не в текстах псалтыри и евангелий, а в произведениях т. н. «нижнего яруса» письменности (проповедническом и житийном жанрах), который отличается менее чёткой нормированностью и большим разнообразием языковых средств (Верещагин 1997: 305–306). К числу старославянских памятников «нижнего яруса» относится Супрасльская рукопись, в состав которой входят жития святых и проповеди отцов церкви. В данной статье рассматриваются устойчивые сравнения (УС), обнаруженные нами в тексте рукописи.

Всего в тексте Супрасльской рукописи было выявлено 19 сравнений, которые могут быть отнесены к числу устойчивых либо в силу повторяемости в памятниках старославянской письменности, либо по данным косвенных источников (фиксации сравнения в произведениях древнерусской письменности или наличия его в современном русском языке). В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» содержатся аналогичные УС для шести из них: **акъı агньць, ıако кони, акъı львъ, акъı огньмь, акъı отьць, акъı слъньце**. По классификации В. М. Огольцева, они относятся к трём тематическим группам УС в зависимости от субъекта сравнения: называющие животных, явления природы и человека.

Наиболее представленной в исследуемом памятнике является группа УС, в которых субъектом сравнения является животное – дикое или домашнее. Дважды в Супрасльской рукописи используется УС **акъı львъ· досаждаıетъ ти и оукараıетъ тѧ цроу . и разгнѣвавъ сѧ льстивъıи . и въжегъ сѧ гнѣвомъ и акъı левъ рикаѫ на праведнааго . мечемъ повелѣ честьнѫѭ іего главѫ отъсѣшти** (СР: 61, 22-26); **слъıшавъ же се воıевода въздроу акъı левъ . и повелѣ съвѧзати ѧ . и влачѫште вести ѧ вь темницѫ** (СР: 71, 25-28). Объектом сравнения в данном случае выступает громкость звуков, издаваем человеком и львом: **рикати** ‘реветь, рычать, выть’ (Цейтлин 1994: 582), **въздроути** ‘закричать, взреветь’ (Цейтлин 1994: 136). В значении ‘зло, сердито говорить, выражать недовольство’ данное УС известно и в современном русском языке (Огольцев 2001: 314). Однако в настоящее время это УС имеет также значения ‘храбрый’, ‘храбро, отважно, мужественно’, ‘храбро, самоотверженно, по благородному побуждению’ (Там же: 313–314). В старославянском языке эти значения рассматриваемого УС не зафиксированы, – видимо, они появились позднее. Лев, таким образом, представал в сознании средневековых славян как животное, обладающее громким голосом, рёв которого способен испугать окружающих, и не являлся символом царственности, благородства или мужественности.

УС акъı агньць выражает традиционное для христианства представление о невинности, непорочности ягнёнка: възъпиша отъвръгъшии сѧ . съ слъзами великомъ гласомъ . и рѣша оубоіахомъ сѧ господи мжкъ . и съвъсхъштени бъıхомъ ıако бесловесьни и животи . и акъı агньци посрѣдоу влъкъ расхъштени бъıхомъ . съключиша бо насъ грѣси свои (СР: 108, 6-11). Данное значение подчёркивается усиливающим сравнение оборотом посрѣдоу влъкъ. В этом же значении ('невинный, чистый, непорочный') УС *как агнец* известно и в современном русском языке (Огольцев 2001: 28).

Наиболее интересным, с нашей точки зрения, является употребление УС ıако кони. Основанием сравнения, как и для УС акъı львъ, является громкость звуков, издаваемых людьми и животными: ръжати – 'ржать' (Цейтлин 1994: 586), 'ржать, кричать' (Срезневский, т. 3: 204): ıоулианиѫ повеле поставити на блаждилиштı . рекше на цѧтоимьстве . и мнози отъ стоѫштааго тоу народа . бѣахѫ текжште . и рьвъıжште кѹпьно . кто прьвоıе вънидеть къ неи . бѣахѫ бо ıако кони ръжжште о добротѣ ıеѧ (СР: 2, 27 – 3, 1). На наш взгляд, рассматриваемое УС характеризует не только громкость голоса, но и отношение язычников к невинности поставленной на место разврата христианской мученицы. Конь, лошадь выступали в славянских преданиях и обычаях как символ плодородия, при этом производительная сила коня и человека считались взаимосвязанными: жеребцов и кобылиц привязывали у сенника, где молодые проводили первую брачную ночь, кобылу перед случкой должна была покормить беременная женщина и т. д. (Славянские древности, т. 2: 590; 592). В данном предложении, возможно, сопоставляются и противопоставляются не только кротость христианки и вызывающее поведение язычников, но и невинность первой и похотливость вторых. Таким образом, грубо-просторечное значение современного УС *ржать, гоготать как лошадь* 'грубо смеяться, хохотать' (Огольцев 2001: 329) начало формироваться уже в старославянском языке.

Субъектами сравнения, называющими природные явления, в тексте Супрасльской рукописи выступают огнь и слньце. *Огонь* в исследуемом памятнике выступает как обжигающая, причиняющая неприятности и не позволяющая оставаться на одном месте сила: отъпоуштеномъ же имъ бъıвьшемъ . так текжште бѣгаахѫ акъı огнемъ пакъı гонимı . доидеже доидоша мѣста идеже бѣ копиі старѣишина имъ (СР: 39, 19-23). Значение данного УС аналогично семантике сравнения *как огнём* 'о резко отрицательном эмоциональном воздействии на человека слов, речи, мысли' (Огольцев 2001: 421) в современном русском языке.

Солнце в УС акъı слъньце является олицетворением радости, счастья; солнечное сияние противопоставляется бледности, символизирующей несчастье: бѣаше бо ти лице блѣдо видимо . мъıна же пакъı свѣтъло акъı слньце (СР: 159, 20–22). Это же значение фиксируют словари и современного УС *как солнце сиять, просиять, засиять, светиться* – 'обнаруживать выражением лица полную, нескрываемую радость' (Огольцев 2001: 628)

Последним УС, отмеченным нами в Супрасльской рукописи и известным в современном русском языке, является сравнение акъı отьць. Как и в современном русском языке, оно имело значение 'с заботой, вниманием, искренней благожелательностью и сердечным участием' (Огольцев 2001: 439). В тексте старославянского памятника оно использовано для характеристики

отношения святого к его последователям: мьнѣ оубо желание иестъ възвратити сѧ отънѫдже иесмъ пришелъ . нъ иелма іако раба христова любьве имата покоити моѭ хоудость . то иеже ва рекѫ акы отьць . то послоушаита (СР: 203, 24–29). Причём, как и в современном русском языке, где семантика заботы, участливости может усиливаться включением в состав УС компонента *родной*, в старославянском языке она интенсифицируется при помощи прилагательного чадолюбивъ ‘чадолюбивый, любящий детей’ (Цейтлин 1994: 788), введённого в структура сравнения: и въшъдъ къ прѣподобьноуоумоу вь клѣть . покланіаше сѧ іемоу молѧ и . да бъı и то мѣсто съзъданое о имени іего прѣѧлъ . прѣподобънъıи же мѫжь акъı отьцъ чадолюбивъ . прѣпираше и глаголѧ (СР: 205, 1–7).

Таким образом, некоторые современные русские УС были известны в тех же значениях, в которых они употребляются в настоящее время, уже в старославянском языке, причём среди них есть как библейские по происхождению (акъı агньць), употребляемые в книжной речи, так и находящиеся за пределами литературной нормы (іако кони ръжати) языковые единицы. Дальнейшее исследование текстов «нижних жанров» старославянской письменности, вероятно, позволит выявить корни и других не библейских по своему происхождению фразеологических единиц современного русского языка, хотя их количество, конечно, не может быть значительным.

1. *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е. М. Верещагин. – М.: Мартис, 1997.

2. *Мокиенко В. М.* Историческая фразеология славянских языков / В. М. Мокиенко. – Београд: Српска академија наука и уметности, 2010.

3. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Мокиенко. – М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2001.

4. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1978.

5. *Палевская М. Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII в. / М. Ф. Палевская. – Кишинёв: Штиинца, 1980.

6. Славянские древности, т. 1 – 4, 1995 – 2009: Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995 – 2009.

7. СР: Северьяновъ, С. Супрасльская рукопись. Т. 1 / С. Северьяновъ; Изд. отд. рус. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ. – Ксерокоп. – СПб., 1904. – (Памятн. старослав. яз. Т. 2, Вып. 1). – Супрасльская рукопись.

8. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка: в 3-х т. / И. И. Срезневский. – М.: Книга, 1989.

9. Фразеологический словарь старославянского языка : проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М.: Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006.

10. Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин и др. – М.: Рус. яз., 1994.

11. Проспект 2006: Фразеологический словарь старославянского языка : более 4 000 единиц. Проспект / под ред. проф. С. Г. Шулежковой. – М.; Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006.

12. ФССЯ 2010: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 единиц / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 415 с.

к.ф.н., доцент В.И. Макаров (Великий Новгород)

О РЕАКТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В данной публикации речь пойдет об аспекте функционирования фразеологических единиц, связанном с современной речевой практикой. Массовая фиксация подобных явлений стала возможна только в последние 10-15 лет, с развитием общения в Интернете.

Речь идет об использовании фразеологизмов в качестве реакции на какой-либо изначальный текст, неважно при этом, с какой целью этот текст был создан, рассчитан ли был на какую-то внешнюю реакцию или нет.

Отметим сразу, что мы оставляем в стороне вопрос о так называемых фразеологизмах - ответных репликах. Они функционируют именно в качестве ответных реплик, и набор текстов и ситуаций, в которых они реализуются, очевиден и ограничен.

Речь пойдет о самых обычных, рядовых фразеологизмах, которые обладают независимостью по сравнению с фразеорепликами и могут быть использованы в активном (в противоположность реактивному) употреблении.

Однако в ситуации, когда есть некий текст, на который реагирует носитель языка (при помощи реплик, комментариев и т.д.), свойства фразеологизма (семантические, стилистические) могут оказаться пригодными для того, чтобы использовать его в качестве этой реакции.

Вопрос в том, каковы эти свойства? И каковы свойства изначального текста, провоцирующие говорящего на использование фразеологизма? И, естественно, какие лингвистические явления мы можем в этом случае наблюдать?

Материалом для исследования послужили статьи на сайте «ИноСМИ.ру». На этом сайте публикуются переводы материалов зарубежных журналистов о России. Чаще всего статьи носят спорный, а иногда и тенденциозно негативный характер. На сайте предусмотрена возможность для читателей комментировать тексты. Столкновение мнений, эмоциональная реакция на прочитанное позволяют ученому-фразеологу, как нам кажется, сделать очень интересные наблюдения.

Характер сайта позволяет отметить один аспект, который нами в дальнейшем больше не будет оговариваться. Даже в переводе статьи на сайте сохраняют стиль мышления западного журналиста, приверженность его определенным ценностям и стереотипам. Поэтому использование в комментариях образов и высказываний, свойственных именно русскому дискурсу, вносит оттенок дополнительной полемичности, демонстративного дистанцирования от точки зрения авторов статей. Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

По нашим наблюдениям, поводом для использования в качестве реакции тех или иных фразеологизмов в изученных нами текстах в основном являются:

1) Содержание мысли, идеи автора изначальной статьи;
2) Общее словесное оформление этой мысли;
3) Отдельное слово, входящее в состав фразеологизма, который используется в реакции;
4) Идиоматика автора текста.

Отдельно стоит сказать о тех случаях, когда реакция комментаторов связана с неудачным переводом той или иной части статьи. Например, заголовок «Democrasy *for dummies*» был переведен на сайте как «Демократия для болванов», тогда как очевидно, что он содержит расхожую идиому, которая обычно переводится «для чайников» (например, в названии серии популярных руководств по различным вопросам жизни и быта). Немудрено, что заголовок вызвал следующую реакцию: «У них действительно демократия для *китайских* или, вернее, английских болванчиков, которые со всем соглашаются». Излишне говорить, что если бы заголовок был переведен корректно, реакция читателя была бы оформлена иначе.

Проиллюстрируем наши наблюдения. В статье «Убейте в себе Путина!» («Basler Zeitung», Швейцария) пишется, что «критическое отношение к Кремлю и особенно к премьер-министру Путину все больше становится признаком хорошего тона в московской гламурной тусовке». В частности, называются имена Волочковой, Буйнова и других представителей поп-культуры. Незначительность персонажей и описываемого социума («гламурная тусовка» для среднего читателя синоним легковесности, несерьезности, скандальности, бессодержательности) при глобальности поднимаемой темы не ушла от внимания комментаторов:

«Раньше когда нужны были бабки, готовы были сколько угодно под власть стелиться, подлизываться. А как модно стало от Путина дистанцироваться, тут же начали его *грязью поливать*».

«Этим безмозглым артистам *промыть мозги* проще простого. Тупые как пробки и от реальности оторванные».

Фразеологизмы *промыть мозги* и *поливать грязью*, которые в целом обладают абстрактным значением, требуют конкретизации, служат комментаторам статьи средством обобщения их впечатления от прочитанного. Также отметим, что их контекстуальный смысл станет недостаточно понятным, если воспринимать комментарии в отрыве от породившего их текста, содержащего примеры того, что характеризуется при помощи идиомы «поливать грязью».

Перевод статьи «Москва играет мускулами близ Курил» («Le Figaro», Франция) начинается такими словами: «Грозовые *тучи сгущаются* над маленькой островной грядой» (в оригинале использована идиома с другой внутренней формой). Это служит поводом для иронических переосмыслений: «Грозовые тучи сгущаются над маленькой островной грядой - короче, дело к ночи..»; «Тьма сгущается, и злобный Мордор готовится пожрать свободные народы Средиземья».

Оформление мысли автором читателями воспринимается как содержащее неуместный пафос, не отражающее реального значения события, что и

служит основой для словесной игры. Кроме того, используется образ толкиеновского Мордора, под которым, как считается, писатель имел в виду Советский Союз.

В статье «Сикорский: «С Россией всегда будет нелегко»» («Fakt», Польша) используется следующий пассаж: «Не меняя своего расположения на рубежах отсталой Восточной Европы, она стала принадлежать ответственной Северной Европе». Читательская реакция выражается в переводе «с дипломатического на разговорный русский»: **«**В переводе на русский означает: Оставаясь нищебродом, поляки решили, что они *большая шишка* и могут вякать как (на кого) им укажут».

В статье «Россия **-** США: счет 2:0» «The Heritage Foundation», США) внимание читателя привлекает оформление автором статьи своих мыслей: «Вдобавок к этим угрозам русские также...» «Все эти крайне агрессивные по форме заявления...» **-** Как все эти пиндосы уже заездили. Пиндосам необходимо знать пословицу: «*Не суй свой нос в чужой вопрос*!»

Кстати, один из читателей подхватывает метафору, использованную в заголовке. Это становится для него поводом употребить во фразеологическом значении словосочетание «постучать по воротам», придавая ему смысл «участвовать в политической игре»: «2:0... Ага... Ждите как же... Вот щас на льду появицо китайская пятёрка и будем посмотреть... Причём я так думаю, что ещё и южноамериканские товарищи не прочь по*воротам постукать*».

В статье «Аресты оппозиции в России и Белоруссии» («The Washington Post», США) используется следующий пассаж: «Тюремное заключение нескольких ведущих представителей оппозиции, включая бывшего вице-премьера Бориса Немцова, забило еще один большой гвоздь в гроб свободы выражения в России». Это вызвало следующий читательский комментарий: «А еще лучше «в гроб свободы» *воткнуть* один большой *осиновый кол*».

В упомянутой уже статье «Москва играет мускулами близ Курил» автор, рассуждая о перспективах военного конфликта между Японией и Россией, говорит: «Если *отбросить в сторону* ядерные подлодки, по которым у России есть преимущество перед Японией, Япония лучше готова к войне». Неуклюжий прием автора комментирует читатель: «Не стоит отбрасывать лодки, их одних хватит, чтобы японцы *отбросили коньки*».

В упомянутых примерах отдельный компонент идиомы становится опорным для автора комментария для реализации собственной мысли.

К этой же статье мы находим такие комментарии: «Москва играет мускулами около Курил, а японцы показывают фигу в кармане»; «Москва играет мускулами, Япония утирает нос, а США потирают руки». Телесная образность исходной идиомы сохраняется читателем, чтобы дать свое видение ситуации.

Автор статьи **«**Дэвид Кэмерон должен исключить репрессивную Россию из своего маршрута» («The Guardian», Великобритания) призывает «признать г-на Немцова *узником совести*», на что комментатор, используя его же образ, отвечает: «Не узником, а мучеником, ему это больше подойдет. Или же узником *без зазрения совести*».

С точки зрения семантики эти употребления фразеологизмов выражают сразу несколько тенденций:

1) Актуализация значения отдельных компонентов. Слова исходного тек-

ста, которые являются также и компонентами каких-либо идиом (даже если в указанных текстах эти слова употребляются сами по себе, без связи с этими идиомами) становятся для читателя-комментатора отправной точкой формирования словесного выражения его мыслей, своеобразной «печкой», от которой он «пляшет». Это словесное выражение может включать в себя и идиомы.

2) Употребление того или иного фразеологизма может быть связано с идиоматикой исходного текста. Автор комментария использует фразеологизм со схожим образом, значением, грамматическим составом. Иногда фразеологизм исходного текста повторяется, при этом подвергается игровым изменениям, связанным с расширением, сужением, заменой компонентного состава.

3) Идиоматика комментариев может быть связана с общей семантикой исходного текста. Используемые фразеологизмы выражают оценку текста, его идей, акцентов.

Важно подчеркнуть, что все эти употребления затруднительно, а то и попросту невозможно полноценно понять без ознакомления с исходным текстом, частью которого они формально не являются. Таким образом, фразеологизмы играют роль своеобразных смысловых скреп между разными текстами.

С точки зрения стилистики эти употребления представляют собой воплощение сознательной авторской тактики снижения стилистического регистра по сравнению с исходным текстом. Многие фразеологизмы использованы в ироническом, пародийном ключе. Публицистическая серьезность, пафос авторов исходных текстов, концентрированное выражение осуждения существующих порядков в России не принимаются читателями, воспринимаются как излишние, а подчас и ложные, вызванные априорной установкой журналистов на поиск и отбор негативных фактов, подтверждающих их концепции. Снижение стилистического регистра в данном случае для читателя – это способ показать ложность, односторонность пафоса осуждения, характерного для автора исходного текста.

1. *Баранов А.Н. Добровольский Д.О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. №6. С 21-34.

2. *Бондаренко В.Т.* Ответные фразеореплики в русской разговорной речи // Русский язык в школе. 2004. №6. С. 75-77.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

д.ф.н., профессор А. В.Жуков (Великий Новгород). АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ 4

д. ф. н., профессор Н.Ф. Алефиренко (Белгород). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ.....12

д. ф. н., профессор Л.Я. Костючук (Псков, Россия). УСЛОВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (В АСПЕКТЕ ДИСКУРСНОЙ СИТУАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ).....18

д. ф. н., профессор В.Т. Малыгин (Владимир). НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬУРОЛОГИИ.....23

д. ф. н., профессор Н.Б. Мечковская (Минск, Беларусь). СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ: ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ НЕИДИОМАТИЧНОСТЬ И ГРАДУАЛЬНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ИХ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ 28

д.ф.н., профессор В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург). ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: ОТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА К УНИФИКАЦИИ.....33

д. ф.н., профессор Т.Н. Федуленкова, асп. И.В. Бечина (Северодвинск). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА: ИНВАРИАНТ, ВАРИАНТ, ТОЖДЕСТВО.....42

РАЗДЕЛ 1: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ

к.ф.н., доцент О.Б.Абакумова (Орел). СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕОНТИЧЕСКИХ НОРМ В СЕМАНТИКЕ ПОСЛОВИЦ.....47

к. ф.н., доцент О.И. Авдеева (Майкоп). К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАГМАТИКИ РУССКИХ ФРАЗЕМ.....52

к.ф.н., доцент А.В. Батулина (Великий Новгород). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ *ПРЕДПРИНЯТЬ ШАГИ* В АСПЕКТЕ НОРМЫ.....56

д.ф.н., профессор В. Т. Бондаренко (Тула). О ВЫРАЖЕНИИ В ПОСЛОВИЦАХ МОДАЛЬНОСТИ ПОБУЖДЕНИЯ.....61

к.ф.н., доцент М.П. Варламова (Псков). МОТИВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ДЕТСКОМ ОСОЗНАНИИ ИДИОМАТИКИ.....64

к.ф.н., доцент Е.В. Ганапольская (Санкт-Петербург). ОБ ОДНОМ ВСТРЕЧНОМ ПРОЦЕССЕ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (ОБРАЗОВАНИЕ УТВЕРДИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМ).....68

д.ф.н., профессор С.Я. Гехтляр, А.Л. Шепетовская (Брянск). ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА *«СТРАННИЧЕСТВО»* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....68

Л.С. Головина (Псков). ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ОНИМАМИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ.....73

к.ф.н., доцент Н.Ф. Грозян (Симферополь, Украина). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА *«ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»* В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....76

асп. М.М. Демидова (Брянск). УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА «*ПРАВЕДНИК*» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....81

к.ф.н., доцент С.Ф. Іванова, асп. А.Д. Цеплякова (Магілёў, Беларусь). ДА ТЫПАЛОГІІ ФУНКЦЫЙ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ.....85

д.ф.н., профессор М.Л. Ковшова (Москва). ИДИОМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА.....89

Т.А. Лапаева (Великий Новгород, Россия). УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ.....91

к.ф.н., доцент О.Г. Лапшина (Омск). ОМОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА.....96

Я.В. Моисеева (Санкт-Петербург). РОЛЬ ЖЕСТОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....102

к.ф.н., доцент Л.А. Огородникова (Ишим). СИСТЕМА ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.).....106

к.ф.н., доцент Л. С. Панина (Оренбург). «МОЛВУШКИ» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЛЕКС В СИСТЕМЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА.....110

к.ф.н., доцент Е.Е. Петренко (Омск). КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЕ КОНЦЕПТЫ ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....114

к.ф.н., доцент Л.А. Петрова (Великий Новгород). ТИПЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ.....120

асп. К.Е. Полупан (Санкт-Петербург). РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ»* ПОСЛОВИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА.....124

д.ф.н., профессор Е.В. Радченко (Челябинск). СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА В ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ).....129

к.п.н., доцент Е.И. Рогалёва (Псков). ГРАНИЦЫ ЗАГОЛОВОЧНОЙ ФРАЗЕМЫ И ПРОБЛЕМА СЛОВ-СОПРОВОДИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКЕ УЧЕБНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ.....132

асп. О.В. Золотоверхая, д.ф.н., профессор Л.Б.Савенкова (Ростов-на-Дону). АКТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНОЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ГЛАЗАМИ РУССКИХ (на примере паремий).....136

к.ф.н., доцент С.И.Суровцева (Челябинск). СУБКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ С УКАЗАНИЕМ НА ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....141

к.ф.н., доцент Н.Б. Усачева (Курган). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ.....144

к.ф.н., доцент М.Л. Хохлина (Астрахань). РОЛЬ ИНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....149

к.ф.н., доцент Н.В. Щербакова (Харків, Україна). ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З АНТРОПОНІМІЧНИМ КОМПОНЕНТОМ У ЛЕКСИЧНОМУ НАПОВНЕННІ: ДО ПИТАННЯ ПРО ВНУТРІШНЮ ФОРМУ.....152

к.ф.н., доцент Л.Ф. Щербачук (Киев, Украина). РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *«ТРУД» («ПРАЦЯ»)* В УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....156

РАЗДЕЛ 2: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

к.ф.н., доцент О.П. Альдингер (Смоленск). АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН ЛИЧНЫХ ИМЕН В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ.....161

к.ф.н., доцент А.И. Васильев (Елец). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА.....165

к.ф.н., доцент С.С. Волков (Санкт-Петербург). КУДА ПРИВОДЯТ НАС *«ВРАТА УЧЕНОСТИ»*?.....169

Ю.А. Карчина (Санкт-Петербург). ПРОБЛЕМНЫЕ ОБЛАСТИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ.....173

к.ф.н., доцент И.В. Кузнецова (Чебоксары). УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ: ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ.....175

д.ф.н., профессор В.В. Михайленко (Черновцы, Украина). HISTORICAL SEMANTICS OF MONETARY IDIOM.....179

к.ф.н., доцент Е.К. Николаева (Санкт-Петербург). ПОЛЬСКИЙ СЛЕД В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ.....184

к.ф.н., доцент И. Л. Старикова (Москва). ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «*ПРЕСТУПЛЕНИЕ*» ВО ФРАЗЕМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....188

д.ф.н., профессор Т.Г.Трофимович (Минск, Беларусь). О ВОЗМОЖНОСТЯХ КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....191

к.ф.н. Е.А. Хомутникова (Коршкова) (Курган). ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *РОЗА САРОНА*.....196

д.ф.н., профессор С.Г. Шулежкова (Магнитогорск). БИБЛЕЙСКИЕ ОБОРОТЫ С КОМПОНЕНТОМ ВЕТХИЙ И ИХ ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ 200

РАЗДЕЛ 3: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТЕ РУССКИХ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

асп. М.П. Андреева (Санкт-Петербург). ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «*MAISON*» СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА.....207

к.ф.н. О.Н. Бабушкина (Челябинск). ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ.....211

к.ф.н., доцент А.Н. Баситова (Курванбакиева) (Алматы, Казахстан). СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЕЛ *ТРИ, СЕМЬ, ДЕВЯТЬ, СОРОК* ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И УЙГУРСКОГО ЯЗЫКОВ.....214

Ю.М. Булаш (Минск, Беларусь). МОТИВИРОВАННОСТЬ НЕОДНОСЛОВНЫХ НОМИНАЦИЙ КРИМИНАЛЬНОГО АРГО.....218

Л.Ф. Велиева (Челябинск). ИСТОРИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «*НАУКА*».....221

к.ф.н., доцент Л.Б. Воробьева (Псков). ФРАЗЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОМАТИЗМА РУКА В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ.....224

к.ф.н., доцент Зденька Выходилова (Оломоуц, Чехия). ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ЧЕШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛЕКСЕМОЙ *ТО* (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК).....227

асп. В.А. Деткова (Челябинск). ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ).....232

к.ф.н., доцент К. А. Жуков (Великий Новгород). ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «*ДРУЖБА*» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ.....236

д.ф.н., профессор В.Д. Ившин (Москва). ПЕРЕВОД КАК ИСТОЧНИК СРАВНИТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО).....241

д.ф.н, профессор В.В.Катермина (Краснодар). ЗООМОРФИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НОМИНАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА 244

асп. Е.Е. Кидярова, д.ф.н., профессор А.М. Мелерович (Кострома). РОЛЬ АВТОПЕРЕВОДОВ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОЗДАНИИ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОЭЗИИ И. И.А.БРОДСКОГО И ЕЕ КОРРЕЛЯТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОПЕРЕВОДАХ).....248

Е.С. Коган (Екатеринбург). СОМАТИЗМЫ В РУССКОЙ И ЯКУТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ, НАЗЫВАЮЩЕЙ ГОЛОВУ И ЕЕ ЧАСТИ).....252

к.ф.н., доцент М.В. Корягина, д.ф.н., профессор В.И. Зимин (Москва). СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ.....257

к.ф.н., доцент И.О. Наумова (Харьков, Украина). РУССКИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ИХ ОМОНИМИЧНЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....260

к.ф.н., доцент О.Я. Остапович (Ивано-Франковск, Украина). ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ КАК КРИТЕРИЙ ИХ СТАТУСНОЙ ВЕРИФИКАЦИИ.....264

А.С. Полищук (Ривне, Украина). КОНЦЕПТ *«УМ»* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....270

к.ф.н., доцент Н.Н. Прокопьева (Нижний Новгород). КОНЦЕПТЫ «*МОЛОДОСТЬ*» И «*СТАРОСТЬ*» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМАХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....274

к.ф.н., доцент Л.М. Рязановский (Санкт-Петербург). КОНЦЕПТ *«LUEGE» - «ЛОЖЬ»* В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ.....278

к.ф.н., доцент А.А. Ставцева, студ. А.В. Усольцева (Иркутск). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ.....282

к.ф.н., доцент Л.И. Степанова (Оломоуц, Чехия). ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «*ОБМАН*» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ.....287

к.ф.н., доцент Л.В.Столбовая (Санкт-Петербург). ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЭТНОЭЙДЕМ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ.....291

д.ф.н., профессор Желька Финк (Загреб, Хорватия). ХОРВАТСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ŽIVJETI KAO BIK NA GMAJNI* И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ...294

асп. Петра Фойту (Оломоуц, Чехия).НЕГАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....298

д.ф.н., профессор М.А. Фокина (Кострома). ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ В.Я.ШИШКОВА «УГРЮМ-РЕКА».....302

асп. Чэнь Янь (Москва). ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....306

к.ф.н., доцент В.М. Шетэля (Москва). РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С «ОБЩИМ» ДЛЯ ЭТИХ ЯЗЫКОВ ЗНАЧЕНИЕМ *«ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»* (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ).....310

РАЗДЕЛ 4: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

д.ф.н., профессор А.М. Архангельская (Оломоуц, Чехия).МОТИВАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АНТРОПНОЙ СФЕРЫ *«УМ»- «ГЛУПОСТЬ»* (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ).....312

к.ф.н., доцент Ю. В. Архангельская (Тула). КАМЕРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ.....316

к.ф.н., доцент Н.А. Баланчик (Новокузнецк). СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ В ГОВОРАХ СПОСОБЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....320

к.ф.н., доцент Н.Н. Вихрова (Великий Новгород). ИСТОРИЧЕСКОЕ НОВГОРОДСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ИДИОМАТИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА.....324

Т.С.Воробьева (Могилев, Республика Беларусь). ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПОСЛЕСВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В МОГИЛЕВСКИХ ГОВОРАХ.....329

к.ф.н., доцент Е. А. Григорьева (Чебоксары). ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВИР* В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ.....332

к.ф.н., доцент И.А. Кобелева (Сыктывкар).РУССКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ В СВЕТЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....335

асп. Л.Ю. Кодынева (Великий Новгород). НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ.....338

асп. Е.А. Лукьянова (Владимир). К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В СФЕРЕ СОСТАВНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)...343

асп. Е.Н. Руженцева (Смоленск). ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ «СМОЛЕНСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА» В. Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО).346

к.ф.н., доцент Л.В. Савченко (Сімферополь, Україна). КЛЯТВИ ЯК САКРАЛЬНІ МІКРОТЕКСТИ В СЕМАНТИЦІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ.....350

к.ф.н., доцент Т.П. Свердан (Черновцы, Украина; Прага, Чехия). ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ ВОЛОСЯНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА.....355

д.ф.н., профессор Г.Н. Смагулова (Алматы, Республика Казахстан). ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА.....360

асп. А.В. Тихомирова (Екатеринбург). О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ *«ПИЩА»* И *«ОДЕЖДА»*).....363

к.ф.н, доцент Л.И. Шаповалова, к.ф.н., доцент В.Б. Сузанович (Могилев, Республика Беларусь). ПРОЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ.....367

РАЗДЕЛ 5: АКТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ 80-Х – 2000-Х ГГ.

к.ф.н., доцент В. К. Андреев (Псков). СПОСОБЫ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ.....372

д.ф.н., профессор А.Г. Балакай (Новокузнецк). О ТОЛКОВАНИИ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ....375

к.ф.н., доцент Н.В. Баско (Москва). ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....378

Т.С. Борщевская (Санкт-Петербург). ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В НОМИНАЦИЯХ КОММЕРЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА.....381

к.ф.н., доцент Г. Н. Гиржева, д.ф.н., доцент В. И. Заика (Великий Новгород). УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ.....385

Н.В. Гончарова (Курган). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАНТОВ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА.....390

асп. М.С. Горбунова (Великий Новгород). ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ КОНСТРУКЦИЕЙ С ПРЕДЛОГОМ *ДО*..... 394

д.ф.н., профессор В.Г. Дидковская (Великий Новгород). СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: СЛОВАРЬ И ТЕКСТ.....399

к. пед. н., доцент М. Е. Жукова (Великий Новгород). НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ).....403

асп. А.А. Зюзина (Санкт-Петербург). БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.....412

к.ф.н., доцент Я.Я. Іваноў, асп. І.С. Канавалава (Магілёў, Беларусь). МАДЭЛІРАВАННЕ ПРЫКАЗКАВАГА ТЭКСТУ ЯК СПОСАБ ДЭРЫВАЦЫІ АНТЫПРЫКАЗАК....416

к. ф. н., доцент Т.И.Кошелева (Великий Новгород). ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В НАЗВАНИЯХ ПРАВОСЛАВНЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....420

А.В. Лактюхина (Тула). ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ).....424

к.ф.н., доцент О.С. Макарова (Великий Новгород). *НИЖНИЙ ЭТАЖ* В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕРМИН ИЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМ?.....427

к.ф.н., доцент Г.М. Мандрикова (Новосибирск). КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ТАРОНИМИИ.....430

к.ф.н., доцент Ю.А. Маркитантов (Каменец-Подольский, Украина). ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *С (ОТ) ГОЛОВЫ ДО НОГ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ.....434

к.ф.н., доцент О.Ю. Машина (Великий Новгород). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ РЕЧИ.....437

к.ф.н, доцент Е.А. Невзорова-Кмеч (Лодзь, Польша). ДОЛЯ НОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЛЬСКОМ МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ.....441

д.ф.н., профессор Т.Г. Никитина (Псков). ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА.....445

к.ф.н., доцент М.В. Орехова (Орёл). СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОВЕСТИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»...449

к.ф.н., доцент А. А. Осипова (Магнитогорск). *ГЕЕННА ОГНЕННАЯ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА.....452

к.ф.н., доцент А.С. Попович, д.ф.н., профессор Л.Н. Марчук (Каменец-Подольский, Украина). СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИТАЛИЯ НЕЧИТАЙЛА.....456

асп. Т.И. Прудникова (Симферополь, Украина). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДУША* В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ НИКОЛАЯ ЛУКАША: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....460

асп. О.А. Романова (Великий Новгород). О ВАРИАНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ).....463

Т.С. Рябова (Псков). ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СРАВНЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (В СВЯЗИ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКОЙ).....467

студ. Н.А. Савина (Великий Новгород). ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФУТБОЛЬНОМ РЕПОРТАЖЕ.....471

д.ф.н., профессор К. П. Сидоренко (Санкт-Петербург). ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЯ ПИСАТЕЛЯ.....476

к.ф.н., доцент А.Н. Сперанская (Красноярск). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *ТОЧКА*: РАЗВИТИЕ КОРПУСА ТЕКСТОВ.....479

асп. О.В. Устинова (Тула). О СИНТАКСИСЕ КОМИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК.....483

д.ф.н., профессор Н.В. Юдина (Владимир). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *МОЛОДОЙ:* ВЧЕРА – СЕГОДНЯ – ЗАВТРА 487

д.ф.н., профессор А.А. Романов, асп. Е.В. Малышева (Тверь). ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИЕЙ ПРИКОСНОВЕНИЯ.....491

к.ф.н., доцент Л.Н. Мишина (Магнитогорск). УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ) И ИХ СУДЬБА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....493

к.ф.н., доцент В.И. Макаров (Великий Новгород). О РЕАКТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....497

Научное издание

Литературная и диалектная фразеология:
история и развитие (Пятые Жуковские чтения)

Материалы Международного научного симпозиума
к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова

Том 1

4- 6 мая 2011 года

Оригинал-макет подготовлен кафедрой русского языка
Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого

Подписано в печать 31.03.2011. Бумага офсетная.
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 31,5; уч.-изд. л. 40,95.
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28.

ДЛЯ ЗАМЕТОК